

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОСТОВСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ АРМЯНСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ «НОР-НАХИЧЕВАН»
РОСТОВСКАЯ-НА-ДОНУ АРМЯНСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ «АПАГА»

**АРМЯНЕ ЮГА РОССИИ:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ**

Материалы Всероссийской научной конференции
30 мая – 2 июня 2012 г.
Ростов-на-Дону

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2012

УДК 323.1:94:008(=19)

A839

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона
в условиях роста напряженности»

Редакционная коллегия:

академик **Г.Г. Матишов** (отв. редактор),
к.г.н. **Н.И. Голубева**, к.ю.н. **А.В. Батиев**,
д.и.н. **Т.П. Хлынина** (зам. отв. редактора),
к.п.н. **К.А. Казарян**, к.и.н. **С.М. Саядов**,
к.г.н. **Е.Э. Кириллова**, **Т.Е. Гревцова**

Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы
A839 Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г, Ростов-
на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ
РАН, 2012. – 416 с. – ISBN 978-5-4358-0030-2

Материалы сборника посвящены различным аспектам истории, культуры, экономической и политической деятельности армян южного макрорегиона. Рассматриваются вопросы формирования и современного состояния армянской общины, ее роли в освоении и развитии юга страны, государственной политики России в отношении армянского населения, его этнокультурного взаимодействия с другими народами, этнического самосознания и социальной адаптации армян юга России.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем заинтересованным читателям.

Конференция проведена при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-01-14011 «Всероссийская научная конференция “Армяне юга России: история, культура, общее будущее”».

УДК 323.1:94:008(=19)

ISBN 978-5-4358-0030-2

© ЮНЦ РАН, 2012

© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2012

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF SOCIAL-ECONOMIC RESEARCH
AND HUMANITIES
ROSTOV REGIONAL NATIONAL-CULTURAL
ARMENIAN AUTONOMY «NOR NAKHICHEVAN»
ROSTOV-ON-DON ARMENIAN NATIONAL CULTURAL
AUTONOMY «APAGA»

**ARMENIANS OF THE SOUTH OF RUSSIA:
HISTORY, CULTURE, COMMON FUTURE**

Proceedings of the All-Russian Scientific Conference
30 May – 2 June 2012
Rostov-on-Don, Russia

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2012

Basic Research Programme of the Presidium RAS
«Basic Modernization Problems of Poly-ethnic Macro-region under the Condi-
tions of Increasing Tension»

Editorial Board:

Academician RAS **G.G. Matishov** (Managing Editor),
PhD **N.I. Golubeva**, PhD **L.V. Batiev**,
Dr (History) **T.P. Khlynina** (Deputy Managing Editor),
PhD **K.A. Kazaryan**, PhD **S.M. Sayadov**,
PhD **E.E. Kirillova**, **T.E. Grevtsova**

Matishov, G.G. (Ed.) (2012) Armenians of the South of Russia: history, culture, common future. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (30 May – 2 June 2012, Rostov-on-Don). – Rostov-on-Don. SSC RAS Publishers. 416 p. (in Russian) – ISBN 978-5-4358-0030-2

Proceedings cover various aspects of history, culture, economic and political activity of the Armenians of the southern macro-region. Considered are the issues of formation and current state of the Armenian community, its role in the exploration and development of the south of the country, state policy of Russia toward the Armenian population, its ethno-cultural interactions with other peoples, ethnic consciousness and social adaptation of the Armenians of the South of Russia.

The proceedings are intended for researchers, teachers, undergraduate, graduate and postgraduate students, as well as readers interested in the issues.

Conference is under sponsorship by a grant from RSFH 12-01-14011
«The All-Russian Scientific Conference “Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future”»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея конференции, посвященной истории и культуре армянского населения южного макрорегиона, появилась задолго до ее проведения. Необходимость создания масштабного проекта по изучению народов юга России оказалась неизбежным следствием той кропотливой и многогранной работы, которая на протяжении последних лет ведется научным коллективом Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Анализ ситуации, складывающейся в регионе, еще раз подтверждает, что залогом успешности и стабильности существования любого государства являются не только грамотные и обоснованные действия его руководства, но и понимание и поддержка, оказываемые ему населением.

Исторически сложилось так, что на юге нашей страны издавна проживают представители разных народов, этнических групп и конфессиональных сообществ. Включению их в единый государственный организм был посвящен не один проект и долгосрочная стратегия национальной политики российской власти в прошлом и настоящем. Противоречивые результаты этой политики до сих пор сказываются на состоянии межэтнических отношений в макрорегионе. По-разному воспринимают имперское и советское наследие и сами народы. Однако несмотря на всю неоднозначность исторического опыта, он свидетельствует о сложившемся у российских народов осознании себя прежде всего гражданами единой страны.

Отчего так происходит? Почему вопреки застарелым обидам и множющимся претензиям к прошлому народы продолжают считать своей большой родиной именно Россию? Каковы современные механизмы удовлетворения национальных потребностей населения полиэтничного макрорегиона? Ответы на эти и многие другие вопросы должны дать в том числе и всероссийские научные форумы, где совместными усилиями ученых, актива национально-культурных и общественных организаций обсуждались бы волнующие их вопросы, велся заинтересованный диалог и выработывались взаимоприемлемые решения сложных и на первый взгляд неразрешимых проблем.

Таким опытом стала организация и проведение Всероссийской научной конференции, посвященной армянскому населению юга России. Выбор его в качестве объекта всестороннего научного анализа связан прежде всего с тем, что в макрорегионе традиционно проживает большая армянская община, сумевшая выработать, по мнению специалистов, один из наиболее успешных механизмов адаптации к условиям полиэтничного окружения. Наглядным тому примером является история донских армян, насчитывающая на сегодняшний день более двух столетий. С момента их переселения из Крыма и основания г. Нор-Нахичиван, ставшего впоследствии г. Нахичевань-на-Дону и оставив-

шего яркий след в архитектурном облике и общественно-политической жизни края, армяне стали неотъемлемой частью истории и культуры южного макрорегиона. Свое происхождение от крымских армян-переселенцев ведут общественный деятель и публицист Микаэл Лазаревич Налбандян; классик армянской литературы Рафаэль Габриэлович Патканян; народный художник СССР Мартирос Сергеевич Сарьян; государственный деятель Армянской ССР Александр Федорович Мясников (Мясникян); член-корреспондент Академии наук Армянской ССР Алексей Карпович Дживелегов; писательницы Мариэтта Сергеевна Шагинян и Нина Николаевна Берберова; актер Георгий Баронович Тусузов; театровед, профессор ГИТИСА Григорий Нерсесович Бояджиев; академик архитектуры Ованес Хачатурович Халпахчян; литературовед, профессор ЛГУ Борис Георгиевич Реизов; премьер-министр независимой Армянской республики Симон Врацян. С историей донских армян была связана деятельность архиепископа Иосифа Аргутинского, филолога-просветителя Ерванда Шах-Азиза, лингвиста Рачья Ачаряна.

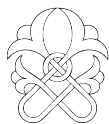
Судьба донских армян тесно переплелась с судьбами Российского государства, без которого они уже не мыслят своего будущего. Вместе с тем, живя в многонациональном регионе, вбирая в себя культуры других народов, донские армяне несмотря ни на что сохранили свои традиции, веру и обычаи. Этому способствует не только духовная связь с исторической родиной, но и деятельность общественных организаций, направленная на возрождение традиционной культуры армянского населения и адаптацию ее к условиям современного российского общества.

Благодаря инициативе и помощи руководства Ростовской региональной армянской национально-культурной автономии «Нор-Нахичеван» и Ростовской-на-Дону городской армянской национально-культурной автономии «АПАГА», в частности к.э.н. А.А. Сурмаляна, к.и.н. С.М. Саядова, к.п.н. К.А. Казарян, конференция вышла за рамки изначально планируемого статуса и превратилась в международный форум. Его участниками стали свыше 100 представителей Армении, Украины, Италии, США, Франции, Москвы, Краснодара, Саратова, Ростова-на-Дону, Пятигорска, Ставрополя, Новочеркасска, Армавира, Владикавказа, Махачкалы, Элисты и Таганрога.

В центре заинтересованного обсуждения участников конференции – вопросы формирования армянской общины и ее современного состояния; государственная политика Российской империи по привлечению христианского населения и расселению армян на юге России; исторический опыт хозяйственного освоения переселенцами степных, предгорных и горных территорий; вклад армянского населения в культуру, науку и образование макрорегиона; этносоциальная характеристика миграционных потоков из республик бывшего СССР, проблемы межкультурного взаимодействия и социальной и этнокультурной адаптации мигрантов разных «волн»; этнографические

группы армян и вопросы сохранения их историко-культурной самобытности. Проявленный в ходе обсуждения живой интерес и профессиональная обстоятельность рассмотрения обозначенных направлений свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы в этом направлении. Полагаю, что найденная нами форма обсуждения насущных научных и общественных вопросов продолжится уже в самое ближайшее время. В планах ЮНЦ РАН и Института социально-экономических и гуманитарных исследований – проведение аналогичных форумов, посвященных истории и культуре других народов, проживающих на юге России. Ждем предложений и приглашаем к сотрудничеству всех, кому не безразличны прошлое, настоящее и будущее нашего макрорегиона.

Академик Г.Г. Матишов

РАЗДЕЛ I. АРМЯНЕ И АРМЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА ЮГЕ СТРАНЫ

А.Д. Гомцян

АРМЯНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Настоящая дружба – между людьми, нациями или государствами – должна быть основана на доверии, искренности и терпении. Таким примером является дружба между русским и армянским народом. Прежде чем говорить об общем будущем Армении и России, нужно начать с исторических фактов. Многовековая армяно-русская дружба сформирована на духовной, культурной, экономической и политической основе, о чем свидетельствует история. Еще до образования Киевского государства армяне имели связи со славянами Руси. В период образования и расцвета Киевской Руси между ними установились экономические и культурные связи. Большое значение для их активизации имело принятие христианства на Руси. На территории современной Армении свободно проживают этнические русские, сохраняя свою культуру, веру и традиции. К примеру, по соседству с 102-й военной базой находится квартал «8-й городок», где живут семьи русских военнослужащих – около 2 500–3000 чел.

Еще одним примером армяно-русской дружбы являются отношения с казачеством. Сегодня в Армении казачья община насчитывает порядка 5000 чел., 850 из них имеют армяно-русские и армяно-украинские корни. К казакам отношение в Армении очень доброжелательное. Казаки проживают в селах Привольное, Михайловка, Николаевка, Ташир (Воронцовка), Ванадзор и Степанаван. В Ереване 9 октября 2005 г. торжественно открылся Мемориал памяти казаков, погибших во время Русско-турецкой и Русско-иранской войн в начале XIX века. Строительство мемориала осуществлялось при поддержке Генерального консульства Республики Армения в ЮФО и армянской общины Ростова-на-Дону. Делегации из России очень часто посещают мемориал, он является одним из почитаемых мест в Армении. 17 декабря 2009 г. в Ереване прошел «Первый Большой объединительный круг армянского казачества», на котором присутствовали представители Министерства обороны России и Армении, пограничных войск, Армянской апостольской церкви, а также руководители многих общественных организаций. 28 мая 2011 г. в с. Ванк Мартакертского района был открыт памятник-хачкар 14 кубанским казакам, погибшим в боях за освобождение Арцаха.

Также с гордостью можно отметить, что во время визита Президента РФ Д.А. Медведева в Армению в 2010 г. договор о функционировании 102-й российской военной базы, заключенный сроком на 25 лет, был продлен еще на 49 лет. Министр иностранных дел РФ С. Лавров пояснил, что любая внешняя угроза Армении будет рассматриваться как внешняя угроза России.

Достаточно продуктивно в плане развития армяно-российских отношений, и в частности связей между регионами Юга России и Армении, прошел 2006-й год. Большая делегация во главе с полномочным представителем Президента РФ в ЮФО Д. Козаком, губернатором Ростовской области, командующим Северо-Кавказским военным округом посетила Республику Армению. В ходе этой поездки прошли многочисленные встречи членов делегации с президентом Армении, премьер-министром, членами правительства, были подписаны серьезные соглашения в сфере экономики, культуры. Следует отметить также визит в Ростов-на-Дону делегации из Армении во главе с вице-премьер-министром, приуроченный к проведению Дней Армении в Ростовской области.

Подводя итоги работы консульства за последние 5 лет, хотелось бы отметить в качестве главных событий два визита в Ростов-на-Дону президента Армении С. Саргсяна в 2009 и 2010 гг. Из всех армянских диаспор на территории СНГ наш президент выбрал для встречи именно ростовскую. О том, насколько большое внимание Армения уделяет контактам с Ростовской областью, говорит тот факт, что в ближайшее время ожидается подписание 10-летнего договора о сотрудничестве между нашей республикой и Донским краем. Договор предусматривает сотрудничество в области экономики, культуры, науки и образования, а также в социальной сфере. Если обратиться к цифрам, можно сказать, что товарооборот между нашими странами по итогам 2011 г. составил более 1 млрд долл., и 42 % от общей суммы приходится на ЮФО. Для сравнения напомним, что еще в 2004 г. этот показатель находился на уровне 7 %.

Особо хотелось бы отметить сотрудничество в области образования и науки. Налажены тесные связи между ЮФУ, РИНХом и государственными университетами Еревана. Сотрудничество охватывает почти 150 тыс. студентов. Главным я считаю то, что инициатива развития и расширения сотрудничества исходит от самих студентов. С 2004 г. в рамках «Соглашения о сотрудничестве между Южным научным центром Российской академии наук и Национальной академией наук Армении в области науки и технологий» осуществляется проведение совместных исследований и прикладных работ в области изучения экосистем, природы астрофизических объектов; ведутся работы по созданию инфраструктуры высокопроизводительных вычислений, базовых средств для интегрированной среды проектирования и верификации глобальных автоматизированных систем управления реального времени.

28 мая 2011 г. Верховный патриарх Армянской апостольской церкви и Католикос всех армян Гарегин II приезжал в Ростов-на-Дону к открытию армянской церкви Сурб Арутюн. В Армении идет восстановление русских церквей и храмов. В Ереване находится собор Николая Чудотворца, Покровский собор, храм Покрова Пресвятой Богородицы, часовня. Во второй столице Армении, в Гюмри, находится храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, сербский храм во имя святителя архиепископа Арсения, храм-часовня Николая Чудотворца, храм во имя Святой мученицы царицы Александры.

С 7 по 9 июля 2011 г. премьер-министр Армении Т. Саркисян посетил с рабочим визитом Ростов-на-Дону, где состоялось 13-е по счету заседание Армяно-российской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Кроме того, премьер-министр Армении провел отдельную встречу с министром транспорта РФ Игорем Левитиным. Глава правительства Армении побывал на заводе по производству комбайнов «Ростсельмаш», посетив лазерный и сборочный цеха, а также в армянской церкви Сурб Арутюн. Затем Т. Саркисян посетил новое здание генерального консульства Республики Армения.

Армяно-российская дружба крепка за счет армянской диаспоры в России и российской диаспоры в Армении. Можно сказать, что нынешняя армянская диаспора России – понятие новое, так как еще 22 года назад армяне и россияне жили в одной стране – СССР, и армяне в любом уголке этой страны не воспринимались как иностранцы. Таким образом, с распадом СССР на постсоветском пространстве образовалась армянская диаспора, качественно отличающаяся от прежней. По ряду объективных причин она не имела опыта и традиций в организации общинной жизни и формировании национальных общественных институтов. Армянская диаспора времен СССР была хорошо адаптирована и приспособлена в этнокультурном и правовом смысле к жизни в разных российских городах, областях. Новая армянская диаспора была крайне разобщена и разрознена. Как я уже говорил, на Международной общественной конференции «Армянская диаспора России: вызовы времени» неоднородность армянской диаспоры России и отсутствие системы финансирования являлись основными причинами медленного становления ее организационной структуры.

Несмотря на высокий экономический потенциал армян России, финансирование армянских общественных союзов и объединений осуществляется нерегулярно, нерешительно, в отличие от механизмов финансирования армянской диаспоры США, Франции, Ирана, Аргентины и других стран. После распада СССР консолидация армян в России приобретает корпоративный характер, а деятельность армянской диаспоры в основном направляется в русло групповых, коллективных, профессиональных, экономических интересов. В укреплении роли армянской диаспоры в России, консолидации армян, со-

хранения языка, культуры, связей между армянскими общественными организациями и конкретными людьми можно выделить несколько задач:

1. Сохранение армянства – великая цель, за которую диаспора боролась много лет, создав тысячи общественных организаций для того, чтобы армянин на чужбине оставался армянином, сохранив свою национальную идентичность. Эти организации работают и развиваются для сохранения и усиления армянской общины России, основа которой – христианская вера, любовь к Армении, армянский язык, сохранение национальной культуры, почитание армянской семьи, стремление к образованию.

2. Выявление и развитие потенциала армянского сообщества и направление его внимания к состоянию Родины, поддержка тесного взаимодействия с ней на всех уровнях общественной и культурной жизни. Этому во многом способствуют двусторонние регулярные связи. Это и проведение разных всеармянских конференций, форумов в культурной, исторической, финансово-экономической и других областях.

3. Разработка программ по организации и содействию репатриации – возвращения армян на Родину. И это несмотря на оценки некоторых аналитиков и экспертов, согласно которым Армения пока экономически не развита и остается в зоне риска.

Отношения регионов Юга России и Армении углубляются: достаточно сказать, что в неделю осуществляется 36–37 авиарейсов, связывающих города Юга России и Армении. Более того, уже 3–4 года количество рейсов из Армении на Юг России соответствует количеству рейсов в обратном направлении, т.е. направление движения пассажиров не одностороннее. В этой связи хочу отметить, что за последнее время 350–440 семей граждан Армении, временно проживавших на территории Южного федерального округа России, вернулись на Родину. Эти семьи в разные времена приехали и проживали на Юге России от 3 до 7 и более лет. Есть обращения и от российских граждан, желающих переехать в Армению на постоянное место жительства.

Такими образом, дружеские отношения между Россией, в частности ЮФО, и Арменией в сфере культуры, религии, экономики, политики становятся все глубже, крепче и шире. Это очень важно как для России, так и для Армении.

В.З. Акопян

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕЛЬСОВЕТЫ НА ЮГЕ РОССИИ В 20–30-е гг. XX в.

Находившаяся на стыке различных цивилизаций, где сходились интересы сильнейших держав древности и Средневековья, Армения стала ареной беспрерывных войн и нашествий, которые в конечном итоге привели к потере

государственности, гибели населения, разорению городов и селений, насильственным переселениям и миграциям. Трагическая судьба народа привела к возникновению многочисленной диаспоры в южнороссийском регионе России. Уже в I тыс. н.э. устанавливаются тесные связи армян с народами Южного Дагестана: аланами, адыгами и вайнахами. В XVIII в. переселению армян в Россию способствовали российские императоры. После основания в 1736 г. крепости Кизляр здесь поселилось 450 армянских семей из Дербента и Карабаха, преимущественно семьи воинов Армянского эскадрона, принимавшего участие в персидском походе Петра I. Большинство населения Кизляра вплоть до середины XIX в. составляли армяне. Немало кизлярцев переселилось в Моздок сразу же после его основания в 1762 г.

Наиболее массовым стало переселение крымских армян, происходившее по инициативе правительства Екатерины II с целью подрыва экономики Крымского ханства и освоения малонаселенных южных районов империи. В августе 1778 г. на берега Дона прибыло более 12 тыс. армян, основавших несколько селений и город Нор-Нахичеван (Новая Нахичевань). До середины XIX в. Нахичевань по своей экономической роли и численности населения превосходила соседний Ростов. В 1796 г. русское войско предприняло поход на Дербент, находившийся в то время под контролем Персии. Местные армяне оказывали всестороннее содействие русским, после ухода которых возникла реальная угроза расправы над ними. Правительственные круги России, понимая выгоды для хозяйственного освоения края, приняли решение переселить армян в окрестности Кизляра. Одна группа армян основала селения Дербентское, Малахолинское и Караджалил (Карабаглы). Недалеко от Моздока другой группой было основано село Эдиссия. В Указе императора Павла I Сенату от 15 апреля 1799 г. и его же Жалованной грамоте от 28 октября 1799 г. говорилось, что армянам позволялось основать город Святой Крест (нынешний Буденновск).

К 60–70 гг. XIX в. относится начало переселения армян из исторической области Амшен. В 1864 г. амшенцы основали селение Армянское Шапсухо (совр. Тенгинка). Уже в 1890-е гг. армянское население Черноморской губернии составляло более 10 % от всех жителей. Крупнейшими их поселениями стали Вардане, Лоо, Хобза, Ходжиепс, Армянская, Подхребетовая, Уч-Дере, Полковничье, Терзиян и другие. Часть армянского населения Западной Армении, спасаясь от геноцида, учиненного турецким правительством в 1915–1923 гг., также нашла пристанище на Северном Кавказе, преимущественно в крупных городах. Беженцами этой волны были основаны десятки селений, в основном на Кубани.

Многие армяне-старожилы Северного Кавказа ассимилировались, хотя их «место» занимали новые группы переселенцев из Закавказья и Западной Армении. К началу 20-х годов XX в., если не считать казаков украинского про-

исхождения, армяне являлись самым многочисленным дисперсным этносом на юге России и третьей национальной группой после русских и чеченцев. Такое соотношение было зафиксировано и по данным Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. Национальный состав образованного в 1924 г. Северо-Кавказского края (СКК) по указанной переписи населения выглядел следующим образом: русские – 3,8 млн, украинцы – 3,1 млн (многие казаки свое «сословное самосознание» выявили через украинскую этничность), чеченцы – 296 282, армяне – 162 186, осетины – 155 400, кабардинцы – 139 689, немцы – 93 915, ингуши – 72 043, черкесы – 64 031, карачаевцы – 55 068, белорусы – 51 317, евреи – 42 476, балкарцы – 33 280, греки – 32 176, татары – 19 053, поляки – 18 425, грузины – 15 011, калмыки – 11 712, ногайцы – 9948 [1]. Дагестан в тот период в СКК не входил.

В 20-х – начале 30-х гг. XX в. имела место политика удовлетворения национальных запросов этнических групп, проживавших за пределами своей исторической родины. Она в известной мере носила формальный характер и преследовала тактические, а не стратегические интересы. В СКК выборы в советы 1924–1925 гг. впервые выявили большую активность национальных меньшинств, однако их представительство в местных органах власти совершенно не соответствовало их численности и активности. На это обстоятельство обратили внимание пленум крайисполкома (весна 1925 г.), а еще раньше Совещание секретарей национальных секций, созданных при партийных и советских органах для работы с национальными меньшинствами [2].

Краевое руководство организовало в разных регионах СКК обследование участия национальных меньшинств в органах власти. Их результаты были проанализированы на краевом совещании по советскому строительству, состоявшемуся в ноябре 1925 г. в Ростове-на-Дону. В принятой резолюции «О работе среди нацменьшинств края» констатировалось, что игнорирование национальных и языковых особенностей населения «дискредитирует авторитетные директивы партии и советской власти в отношении нацменьшинств» [3]. Кроме прочих мер предлагалось в местах их компактного проживания ускорить создание «малых форм» автономии – национальных районов, округов и сельсоветов. При этом последние, то есть национальные сельсоветы, о которых идет речь в данной статье, становились самой «низовой» формой автономии.

Национальный сельсовет, как правило, включал *несколько близкорасположенных населенных пунктов*, где проживали представители одной национальности. Кроме них были и «смешанные» сельсоветы, объединявшие две или несколько национальностей. До середины 1920-х гг. национальные сельсоветы создавались на основании циркуляра Административной комиссии ВЦИКа от 21 ноября 1923 г. и инструкции ВЦИКа и СНК от 8 октября 1923 г. И только после оформления СКК упорядочился и ускорился процесс

их образования. Национальные сельсоветы, как правило, выделялись в процессе разукрупнения обычных сельсоветов. Наиболее интенсивно эта работа проводилась накануне перевыборной кампании в местные Советы.

Проект выделения национальных сельсоветов составлялся областным (окружным) исполкомом на основании руководящих документов государства. 29 апреля 1926 г. было опубликовано письмо ВЦИКа «О выделении национальных сельских Советов», ставшее основным документом, на основании которого образовывались национальные сельсоветы. В нем предписывалось в районах со «смешанным национальным населением, при разукрупнении выделять селения с однородным составом для организации самостоятельных сельсоветов» [4]. В тех случаях, когда количество населения в таком селении не достигало нормы, необходимой для образования сельсовета, они могли быть образованы постановлением краевых, областных, губернских и окружных исполнительных комитетов.

Как обычные, так и национальные сельсоветы в соответствии с VII главой Положения о Северо-Кавказском крае имели единую структуру власти. Отличие состояло в их национальном характере и нормах представительства в Совете. На «каждые 50 человек жителей избирался один делегат с тем, чтобы общее число депутатов в Совет не превышало 100 человек и 1/3 кандидатов к ним» [5]. Важнейшей особенностью таких сельсоветов являлось широкое применение родного языка в делопроизводстве, судопроизводстве, культурно-просветительной сфере, особенно в образовании. На краевом совещании работников, занимающихся национальными меньшинствами (1927 г.), была принята резолюция «О советской работе среди нацменьшинств», в которой обращалось внимание на перевод делопроизводства в национальных сельсоветах на родной язык [6].

Благодаря принятым мерам в ходе перевыборной кампании в местные Советы 1925/26 гг. значительно ускорился процесс выделения национальных сельсоветов. Так, например, на заседании Президиума Северо-Кавказского крайисполкома 30 декабря 1925 г. принято решение по организации 13 национальных сельсоветов [7]. Во время избирательной кампании 1926–1927 гг. их численность возросла еще больше. В 1928 г. на Северном Кавказе уже было 158 национальных сельсоветов, в том числе 22 армянских [8]. По семь армянских сельсоветов имелось в Донском и Майкопском, пять – в Черноморском, два – в Ставропольском и один – в Терском округах. В указанное число не вошли «смешанные» сельсоветы. В дальнейшем количество армянских сельсоветов возросло. В пределах близко расположенных друг к другу национальных и смешанных сельсоветов в разное время образовалось десять национальных районов, включая два армянских. Из 63 горных армянских селений Майкопского и Кубанского округов в 1925–1926 гг. был образован Армянский район. Его административным центром стала ст. Елизаветпольская (п. Шаумян).

Второй армянский район был организован на Дону. 50-тысячное армянское население было фактически «расчленено» на две части. Новая Нахичевань все больше интегрировалась в Ростов. Близлежащие к городу армянские селения были включены в состав Аксайского района. В октябре 1925 г. I Донское окружное совещание по советскому строительству приняло резолюцию «О работе среди национальных меньшинств», в которой подчеркивалась целесообразность организации национального района в составе шести сельских советов. Совещание признавало необходимым вынести этот вопрос на обсуждение населения, проживающего на данной территории. Обсуждение этого вопроса среди русского населения не выявило каких-либо признаков сомнения. Съезд советов Мясниковского района, состоявшийся 10 мая 1926 г., утвердил все принятые решения по национальному району. Административным центром района до 1929 г. была Нахичевань (впоследствии – Чалтырь).

Некоторые крупные армянские селения сами по себе составляли отдельную автономную единицу. В их числе была и Эдиссия, в 1920-е гг. входившая в состав Терского округа. Эдиссию в конце XVIII в. основали бывшие жители мушкурских сел Кильвар и Хачмас. В свое время кильварцам был насильно навязан тюркский язык, но они сохранили стойкое национальное самосознание и христианскую веру. Кильварцы вначале образовали с. Азмань и Манучаров, но затем им приглянулось место на высоком левом берегу речки Куры (севернее Моздока), известное по тем временам как Касаева Яма. Это было лесное урочище, принадлежавшее семейству отставного майора-армянина Ростованова. Последний уступил часть своего надела 50 семьям, прибывшим в 1797 г. Таким образом, появилось армянское селение Касаева Яма, позже по просьбе жителей переименованное в Едессию (Эдиссию) в память о древнем армянском городе, где в I в. царь Абгар принял от апостолов христианство. По числу жителей Эдиссия являлась самым крупным армянским селением на Северном Кавказе. В 1833 г. здесь проживало 1015, а в 1906 г. – 3748 чел. [9].

В результате Гражданской войны хозяйство Эдиссии было подорвано и разорено. На место старых царских бюрократов пришли новые, советские. В одном из документов оргколлегии Терского окружкома ВКП(б) за 1926 г. говорилось: «С 1920 г. в селе существовала коммунистическая ячейка из 60–70 чел., которая занималась исключительно выкачиванием продразверстки. Население было терроризировано действиями бывшего предсельсовета Назарова, наводившего наган на “непослушных” граждан и на “контрреволюцию”» [10]. По официальным данным, в начале 1920-х г. большинство населения состояло из бедняков и батраков.

Благодаря нэпу крестьянам были сделаны экономические уступки. Особое воодушевление у едесийцев вызвало предоставление их сельскому совету статуса национального, что позволяло обеспечить национальное представитель-

ство в органах власти, использовать в качестве официального родной язык. Однако возникла проблема, на каком языке осуществлять делопроизводство в органах власти сельсовета, вести обучение в школе, где находилось тогда около 200 мальчиков и девочек. Наблюдалась большая тяга к армянскому языку, на котором говорили далекие предки. Но им в достаточной степени владело около трети мужчин, ранее обучавшихся в местном приходском училище при церкви Сурб Аствацацин. Такая проблема существовала повсеместно.

Горячие дискуссии относительно языка делопроизводства и обучения велись в то время в армянских национальных районах и сельсоветах Северного Кавказа. В них население говорило на различных диалектах армянского языка. Но в Эдиссии положение было особое. В основном в обиходе использовали «смешанный» язык, большинство слов которого состояло из тюркских слов. Так же, как и в других местах, эдиссийцы свой выбор остановили на литературном восточноармянском языке. Вместе с детьми в школу потянулись их родители.

С конца 1920-х гг. начался «великий перелом», укрепивший тоталитарные основы общества. В условиях жесткого централизма малые и низовые формы автономии – национальные районы и национальные сельсоветы – с каждым годом все больше и больше теряли свой статус, а потом и вовсе были упразднены. В результате ассимиляции происходило сокращение численности дисперсных и малочисленных этнических групп. В этом факте было много объективного и закономерного, но в то же время проявилось желание административными мерами форсировать преодоление каких-либо этнических различий.

Все прелести «Великого перелома» 1930-х гг. и последующих лет, как и весь народ, испытали на себе эдиссийцы. Были репрессированы зажиточные крестьяне, а остальные загнаны в организованные три колхоза; закрыта величественная церковь, превращенная в зерновой склад, арестован священник. Затем – страдания и жертвы периода гитлеровской оккупации, гибель на фронтах войны 349 сельчан. И своеобразная благодарность – закрытие армянской школы и репрессии в отношении тех, кто пытался воспрепятствовать этому. В настоящее время 7-тысячное армянское селение стоит перед проблемой сохранения своей идентичности и приобщения к родному языку.

В современных условиях опыт организации и функционирования национальных сельсоветов, использования родного языка в делопроизводстве, системы взаимодействия местной власти с вышестоящими органами применим в тех регионах компактного проживания этнических групп, где потенциал экстерриториальной культурно-национальной автономии не удовлетворяет национальные запросы. В отличие от требований областной автономии и перекройки границ, содержащихся в программах ряда национальных движений, существование национального самоуправления в пределах мононациональных селений не может вызывать вполне понятные опасения о возможном усилении центробежных тенденций. Данные предложения в полной мере ка-

саются и русских селений ряда северокавказских субъектов, население которых оказалось без «механизма защиты», каким могло бы стать национальное самоуправление.

Примечания

1. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Предварительные итоги. Вып. 3. М., 1927.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 165. Л. 8; Д. 139. Л. 23.
3. Известия Северо-Кавказского крайисполкома. 1925. № 19. С. 40; 1926, № 4–5. С. 27.
4. Систематический сборник действующих актов. М.; Л., 1928. С. 32.
5. Государственный архив Ростовской области. Ф.Р. – 1485. Оп. 1. Д. 172. Л. 182.
6. Известия Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б). № 10–11. 1927. С. 10.
7. ЦДНИ РО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 173. Л. 245–246.
8. Центральный государственный архив Чечни. Ф.Р. – 264. Оп. 1. Д. 1.
9. Акопян В.З. и др. Едессия. Страницы истории. М., 1993.
10. Центр документации новейшей истории Ставропольского края. Ф. 5938. Оп. 1. Л. 105.

Г.М. Арутюнян

РОЛЬ АРМЯН В ДЕЛЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Начиная со времен передвижения наций и народностей, Армения оказалась эпицентром столкновений интересов и осуществления военно-политических программ могучих сил. Через территорию Армении совершали набеги на север ассирийцы, с севера на юг – скифы, на запад – персы, а с запада на восток – греки и римляне. Через Армению прошли также сельджуки и татаро-монголы. Последние осуществили немало нападений на Россию. На территории Армении имело место также несколько войн между Персией и Турцией. В итоге страна была разрушена и экономически подорвана. Оказавшись в водороте интересов могучих держав, Армения потеряла надежду сохранения страны собственными силами, что привело к ее расчленению.

В начале XVI в. Армения была разделена между Турцией и Персией. Условия проживания армян на собственной земле стали невыносимыми, и они были вынуждены эмигрировать в разные страны. Страницы истории прошлого свидетельствуют, что самым надежным и безопасным местом для мигрантов-армян стала Россия. Они обосновывались в основном на Северном Кавказе, что было выгодно и для самой России. В исторических источниках об этом написано: «Великие князья России, добиваясь упрочения влияния России на

нижних течениях Волги, стремились опираться на доброжелательные народы – христиан, сблизиться с ними, в т.ч. и на армян этих районов» [1].

Путевые заметки иностранных путешественников и торговцев становились источниками истории. Достоен оценки труд путешественника Арсения Суханова под названием «Поклонник», на страницах которого автор представляет увиденное собственными глазами во время путешествия в 1651 г. Второй раз, при возвращении из Иерусалима, он обрисовал географическую позицию Армении, мучения армян под игом турок. Если в указанный выше период путевые заметки в России распространялись переписыванием, то в XVIII в. начались издания конкретных исследований, посвященных Армении и армянам в России.

Если обратить пристальное внимание на исследования русских дипломатов и военных, то увидим, что они, по сути, являются продолжением путевых заметок русских путешественников XIV–XVIII вв. Например, в опубликованной в 1760 г. книге «Бюллетень о землях и народах, проживающих между Астраханью и р. Кура Каспийского моря, и об их состоянии в 1728 году» служивший в царской армии офицер артиллерийских войск Иван Гербер писал об армянах Персии и Турции: «Армяне, проживающие в деревнях, занимаются земледелием и скотоводством: они обязаны ежегодно выплачивать дань. Деревни опустошались... поскольку увезли с собою их жен и детей, продавая их как рабов. Прятавшиеся в горах приграничных районов России, выходят и восстанавливают разрушенные турками населенные пункты» [2].

Общеизвестно, что армяне всегда были окружены мусульманскими государствами. В условиях разобщенности Армении оставалось принять русскую ориентацию, установить и укрепить дружеские отношения с Россией. Как было отмечено выше, армяне, чувствуя себя безопаснее в России, продолжали передвигаться на Северный Кавказ, получая статус подданных России, начиная с периода царствования Петра Великого, что продолжалось и во времена Екатерины Второй. Синонимом названий «Мать Аракс, мать Евфрат» для армян стала «Матушка Волга».

Между двумя христианскими народами было и по сей день остается большое доверие. Если бы не это, то среди множества других народов и наций Россия, возможно, не обратилась бы в опасные периоды к армянству и его правительству, как к собственному народу [3]. К примеру, в каждой войне с Турцией русские цари призывали армян восстать против турок: «Пользуйтесь полезной для вас войной для низвержения турецкого ига и восстановления прежней независимости» [4].

На Северном Кавказе было немало армян, готовых к защите интересов России. Помимо мирных граждан, было большое количество военных, которые параллельно с защитой интересов России на Северном Кавказе воевали и достигли больших успехов на русско-турецкой, русско-персидской, русско-

японской войнах. Об их заслугах имеются свидетельства как в государственных, так и в семейных архивах, передаваемых из поколения в поколение, а также в эпиграфических надписях, собранных автором с надгробий 8 христианских кладбищ г. Шуша.

Представляем сведения, выбранные из послужных списков и протоколов надгробных плит о тех знаменитых карабахцах, которые, поступив на службу в дислоцированный в 1805 г. в г. Шуше в 6-й пограничный полк, продолжали службу вне Карабаха, преимущественно на Северном Кавказе. Первым военным переселенцем на Северном Кавказе при содействии Ивана Карапета стал шушинец Аван Юзбаши (сотник Аван), один из сторонников референдума по мирному объединению Арцаха с Россией в 1720–1723 гг. Его примеру последовали другие [5]. Согласно сохранившимся по сей день надписям шушинских кладбищ, это потомки знатных династий Шахназарянов, Авшарянов, Долуханянов, Зурабянов. Совершенно очевидно, что для потомков первых двух династий военная служба была основной специальностью, и сохраняется она потомками и в наши дни. Только из династий Шахназарянов в царской армии служили свыше 60 военнослужащих, из коих 2 генерал-лейтенанта, 3 генерал-майора, 5 полковников [6]. Такой путь выбрали и потомки Авшарянов.

Широка география службы воинов-карабахцев. Не отклоняясь от темы настоящей статьи, приведем сведения о тех воинах, которые, стоя грудью за Русь в разные периоды, защищали интересы России и на Северном Кавказе. Из истории известно, что горцы Северного Кавказа осуществляли набеги на юг, в том числе и в Карабах. Как свидетельствовал армянский историк Мовсес Хоренаци, «аланы совместно с другими горцами распространились по всей территории нашей страны» [7]. И это тоже было причиной того, что карабахцы стояли за Русь, а командир из Шуши со своим войском воевал с аланами. Об этом, в частности, свидетельствует надпись из семи строк о том, что сын погибшего на поле боя командира Давида Костандяна, Асцатур, привез на повозке тело отца и предал земле в г. Шуше в 1844 г. В последней строке от имени покойного говорится: «Оставил любимого сына и войска без главы, а вдову в горести» [8].

Если набеги аланов считать началом, то продолжением должно считаться движение кавказских горцев против царской России под предводительством имама Шамиля. Об этом написано: «Освободительную войну кавказских горцев, проходившую под флагом ГАЗАВАТА, в 1834–1859 гг. возглавлял Шамиль, создавший мусульмано-теократическое государство – имамат» [9]. Вполне понятно, что цель этого движения – добиться установления власти мусульманского духовенства в регионе и создание государства, которым руководили бы духовные лидеры. Что касается освобождения от царского гнета, то это опровергается тем, что Северный Кавказ в XVIII в. бурно развивался.

О последнем этапе данного движения читаем: «Под ударами Российских войск пал последний оплот Шамиля – Гуниб. Барятинский послал к Шамилю уважаемого противником полковника Лазарева. Последний, идя один, без сопровождения, узнал предводителя горцев Чечни и Дагестана. Полковник обратился к нему с уважением: «Шамиль, всему миру известны твои подвиги... Покоряйся судьбе и сдавайся к снисхождению Великого царя. Шамиль, доверившись его словам, сдается» [10]. Согласно автору, Лазарев пошел к Шамилю без оружия и без сопровождения, причем в то время, когда были убиты его жена и сыновья, в том числе его старший сын, бывший кавалерист царской армии Джамалетдин, что маловероятно, так же как и то, чтобы предложение было бы принято, а Лазарев вернулся бы живым. Имеются сведения о том, что в 1877–1878 гг., после русско-турецкой войны, шушинец Лазарев Иван Давидович был командиром 2-го Кавказского корпуса [11].

Обнаруженные в ходе исследования надписи на старом армянском кладбище на северной стороне Шуши свидетельствуют, что находившихся в качестве заложников у Шамиля двух грузинских князей – Орбелиани и Чавчавадзе (отец жены Александра Сергеевича Грибоедова – Нины Чавчавадзе, посол царской России в Персии), освободил Гарамянц Исаак Оганесович, подполковник, родом из Шуши, отдав Шамилю взамен его старшего сына Джамалетдина. Об этом написано: «Отважный армянский воин-подполковник Исаак Оганесович Гарамянц родился в 1821 г., умер 12 марта 1886 г. Храбрый воин, одолел Имама Шамиля, освободил из плена грузинских князей Чавчавадзе и Орбелиани, 1854 г.». На лицевой стороне надгробия крестообразно высечены меч и ножны, правительственные награды: 4 креста и 6 медалей [12].

Из домашнего архива автору статьи представлены копии послужных списков живших, служивших и умерших вне пределов Карабаха представителей семейства Шахназарянов – со стороны проживающего в Москве потомка Арсена Мелик-Шахназарова (сын покойного посла Армении на Кубе и в Мексике – Ашота Мелик-Шахназарова).

Павел Дмитриевич Мелик-Шахназаров – генерал-лейтенант, родился в г. Шуше 2 октября 1854 г. Окончил 6 классов Тбилисской высшей гимназии, юнкерское училище казаков Ставрополя, получив вторую категорию. Служил кавалером, был командиром 17–20-го Ново-Миргородского полка и участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1910 г. ушел на пенсию. В начале Первой мировой войны вновь был призван. По окончании войны вновь ушел на пенсию в звании генерал-лейтенанта.

Андрей (Андреас) Павлович Мелик-Шахназаров – командир дивизии, родился в г. Кавказске Ставропольского края. По служебной необходимости, будучи офицером, был переведен из Шуши, в последующем – генерал-лейтенант. Окончил Суворовский кадетский корпус в Варшаве, Николаевское кавалерийское училище, получив категорию первой степени. От корнета вы-

рос до полковника, в годы Первой мировой войны был удостоен 8 наград, в т. ч. Георгиевского ордена 4-й степени. Как орденосицу царь Николай II присвоил ему звание бурмистра (кавалерийское звание, равнозначное званию капитана пехоты).

Николай (Мкртич) Григорьевич Мелик-Шахназаров – генерал-лейтенант родился 7 сентября 1836 г. Окончил Первый кадетский корпус (закрытое учреждение, готовившее детей для офицерской службы). В 1855–1856 гг. участвовал в Крымской войне и многочисленных боях на Северном Кавказе. Был командиром 1-й бригады 25-й пехотной дивизии. Уволен в запас в 1899 г.

Николай Межлумович Мелик-Шахназаров – генерал-лейтенант, родился 3 апреля 1851 г. в Шуше. Окончил Бакинскую гимназию, 2-е Константиновское артиллерийское училище и офицерскую школу. Участвовал в военных мероприятиях в Дагестане в 1877–1878 гг. по завоеванию Каспийского побережья, в штурме Гей-тапы под руководством генерала Соболева. В 1904–1905 гг. участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. В декабре 1917 г. уволен в запас [13].

Авшаров Александр Александрович (Авшарян Агаси Александрович) родился в семействе коренных шушинцев Авшарянов. Окончил 2-й кадетский корпус, затем Елизаветградское офицерское кавалерийское училище. Приступил к воинской службе в 1849 г. В 1853 г. получил чин корнета и вырос до звания генерал-лейтенанта, присвоенного ему 14 мая 1896 г. В 1903 г. удостоился звания генерала – кавалериста. Служебные обязанности исполнял в различных местах России, однако, отметим, что на Северном Кавказе он был командиром 1-й бригады 8-й Кавказской дивизии. С мая 1897 г. по февраль 1902 г. был начальником офицерской школы. За 53-летний срок службы был награжден тремя орденами Св. Анны, тремя орденами Св. Владимира, двумя орденами Св. Станислава, орденом Белого орла и другими наградами. Умер 29 января 1907 г. в Санкт-Петербурге, тело предано земле на Смоленском армянском кладбище.

Статью хочу завершить словами друга России, великого армянского писателя-публициста Ованеса Туманяна: «...Наше будущее, и мы об этом говорили всегда, связано с Россией, а насколько свободна Россия, настолько лучше как для нас, так и для всего мира».

Примечания

1. Арзуманян А.М. Дружба. Ереван, 1958. С. 6.
2. Там же. С. 10.
3. Там же.
4. Погосян С. Научно-исторические исследования. Ереван, 2008. С. 26.
5. Бекназарян А. Секрет Карабаха. Санкт-Петербург, 1886. С. 142.
6. Арсен Мелик-Шахназаров. Владетели Варанды на службе Империи. М., 2011. С. 83, 86.

7. Арутюнян Г.М. Шуши: нововыявленные исторические надписи. Степанакерт, 2008. С. 184.
8. Хоренаци М. История Армении. Книга первая. Ереван, 1968. С. 183.
9. Прохоров М.А. Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 15–21, 285.
10. Петросян Д. Во славу Родины // Ежедельник. 14.10.2002. С. 15.
11. Армянская Советская энциклопедия. Т. 4. Ереван, 1978. С. 469.
12. Арутюнян Г.М. Указ. соч. С. 184.
13. Арсен Мелик-Шахназаров. Указ. соч. С. 89.

Ю.В. Арутюнян

АРМЯНЕ-РОССИЯНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Рассеянный по всему миру армянский народ, не менее половины которого живет за пределами Армении – в странах Европы, Азии и Америки, – открывает широкие возможности для осмысления современных многообразных процессов этносоциальной трансформации. Армяне в специфических условиях России представляют особый интерес, хотя бы потому, что здесь их проживает намного больше, чем в любой другой стране за пределами Армении. За период между переписями 1989 г. 2002 г. армянское население в РФ более чем удвоилось, составив в 2002 г. 1 млн 130 тыс. чел. Если добавить к ним армян, проживающих в России временно, то общее их количество уже в начале 2000-х гг. превышало 2 млн чел., что составляло практически 2/3 населения самой Армении [1].

При всей значимости этих количественных показателей большую важность имеют индикаторы качественные, «глубинные», связанные с органической многопоколенной общностью армян «у себя» в Армении и в России. Можно считать, что границы расселения армян между этими государствами, отражая наследуемую общность, обозначены не сплошной линией, а несколько условной, пунктирной. Ведь исторические судьбы армян в Армении и в России наиболее тесным образом сопряжены и во времени и в пространстве. На протяжении многих поколений армяне здесь жили в одном государстве, в значительной мере общей жизнью. Опыт социально-культурной адаптации армян в постсоветской России дает возможность оценить потенциал живучести этноса в иноэтническом окружении и в какой-то мере определить характер происходящих в нем модернизационных изменений.

Судьбы армян-россиян, их мобильность связаны с рядом обстоятельств. Не последнюю роль играет тот факт, что в Россию устремилась достаточно конкурентоспособная часть армян, нередко опережающая по уровню обра-

зования русских в России. Здесь, по данным переписи 2002 г., 22,6 % армян в возрасте 20 лет и старше имели высшее образование, среди русских этот показатель составил 22,1 % [2]. Соответственно распределялись и социальные позиции. В Москве до половины армян принадлежали к числу специалистов, руководителей, предпринимателей, почти столько же (больше 40 %) имели высшее образование, что опережало пропорции этих групп среди русских. В других городах России, например в Краснодаре, образованных и мобильных групп – специалистов, руководителей, предпринимателей, было намного меньше, чем в столице. Но и здесь армяне, по сравнению с доминирующим русским населением, в группах квалифицированного труда были представлены в достаточно весомых пропорциях¹ (см. таблицу № 1).

Таблица 1

Социально-профессиональные группы физического и умственного труда русских и армян в Москве и Краснодаре (2000-е гг.) в % к каждой этногруппе

Национальности	Население, занятое	
	физ. трудом	квалиф. умственным трудом
Москва		
русские	32	41
армяне ²	15	69
Краснодар		
русские	32	14
армяне	32	27

Корреляция общесоциального и собственно этнического среди армян-москвичей, заметная в культуре, достаточно четко выражена, например, в языковой сфере. Языковая компетенция армян находится в самой тесной зависимости от времени их пребывания в зоне естественного культурно-языкового русского доминирования. Если среди российских армян-новоселов (проживающих в России менее 10 лет) многие свободно владеют армянским языком,

¹ Ситуация с армянами, временно проживающими в РФ, в отличие от армян-москвичей, которые находятся в поле нашего внимания в данной статье, совершенно иная. В столице, например, более половины их занимается физическим трудом, делом, куда менее привычным и характерным для армян, имеющих российское гражданство (см. подробнее: Арутюнян Ю.В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социологические исследования. 2001. № 4).

² Здесь и далее использованы материалы социологических исследований в Москве и в Краснодаре (2005, 2007 гг.). Общее число опрошенных армян 1200 чел., выделенных по представленным городам примерно в равных пропорциях. Подробнее о выборках и методике исследований: Арутюнян Ю.В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007. Методология и инструментарий отвечали ранее разработанной программе: Арутюнян Ю.В. Россияне: столичное население. М., 1994. С.13–20; Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Кондратьев В.С., Суколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты. М., 1984. С. 186, 165.

то старожилы, поселившиеся здесь более 20 лет назад, а тем более уроженцы, не говоря об их детях, «своего» языка в больших пропорциях не знают или почти не знают [3].

Анализ связей этнических параметров показывает, что наиболее устойчиво и значимо в их системе, оказывается то, что принято именовать национальным или этническим самосознанием, а на обыденном языке – ощущением принадлежности к своей национальности. Это преимущественно – *чувство*, но оно может иметь разные опосредования. В здоровом обществе при нормальной жизни люди мало фиксируют внимание на своей национальности, не особенно вдаваясь в ее глубинный смысл. Некое сыновье-дочернее чувство собственной национальной принадлежности, присущее от природы почти каждому, при отсутствии испытаний как бы остается «в себе». Было бы даже правильно оценивать и именовать такое первичное, скорее неосознанное проявление самосознания *самоидентификацией*, как посылку действительно выраженного самосознания. Формируемое в этой связи и на этой основе действительное «полнометражное» самосознание – уже в известном смысле атрибутика социальных интересов и культуры – может иметь множественные «выходы». В отличие от заранее заданного первичного самосознания – самоидентификации – оно во многом зависит от места, времени и конкретной ситуации. В инонациональной среде у армян так же, как и у людей других национальностей, проявления этнического самосознания в неблагоприятной ситуации могут обостряться, а в благоприятной, напротив, ослабевать.

Исследование, например, столичных армян, начатое нами еще в 1990-е гг., четко зафиксировало эти два проявления этнического самосознания – первичное, естественное (самоидентификация) и как бы производное от него в конкретных проявлениях в разных ситуациях и сферах жизни. Обусловленный во многом социальными факторами второй тип самосознания не имеет всеобщего характера. Его далеко не безусловная выраженность зависит от включенности (приобщенности) армян к российской среде. Поэтому особенно среди армян-россиян старожилы, и тем более уроженцев, органически включенных в российскую жизнь, «полнометражное» этническое самосознание не так активно (см. таблицу 2).

По приведенным материалам видно, что свою этничность («самоидентификацию») ощущают почти все столичные армяне (91 %), т.е. независимо от меры приобщенности к этнической культуре, они чувствуют общность со своим народом. Иногда, «чем меньше золото, тем больше дорожат им». Известны имена многих армян западной культуры с выраженным национальным самосознанием, к примеру, Шарля Азнавура, Уильяма Сарояна, Майкла Орлена. «Любой армянин в мире, – считает Майкл Орлен, – пишет как армянин, на каком бы языке он ни записывал свои мысли. Вы ведь говорите – семья армянских писателей, а не семья пишущих на армянском. Языковые барьеры

обусловлены судьбой каждого из нас, а семейные узы уже – кровные» [4]. Этот пример впечатляющий, но он далеко не абсолютен. По нашим, достаточно массовым данным, почти все, для кого родной язык армянский, им все же владеют.

Таблица 2

Самосознание армян-москвичей
(в % ко всему взрослому населению и к каждой выделенной группе)

Интенсивность самосознания	Взрослое население (18 лет и более)	В том числе:		
		Новоселы	Старожилы	Уроженцы
Самоидентификация ¹	91	97	90	88
Самосознание в конкретных проявлениях				
Ратуют за фиксацию национальности в документах	58	66	57	39
Признают родным языком армянский	49	80	52	13
Считают Армению родиной	30	67	20	30
Разделяют представление о преимуществах своего народа	30	63	25	н/д
Результирующий индикатор самосознания (приоритет выбора):				
Этническая принадлежность	28	40	31	26
Российское гражданство ²	40	34	47	45

Можно считать, что выраженность национального самосознания при всех опосредованиях и условиях органически связана с включенностью в ниву своей этносреды. Чем «плотнее» своя среда, глубже и однороднее этнические связи, тем, естественно, органичнее не только сохранность этнической культуры, но и выраженность национального самосознания. Эта зависимость очевидна среди мигрантов, причем во всех сферах жизни, включая, естественно, и межнациональные отношения. К примеру, армяне из Армении гораздо сдержаннее оценивают возможность улучшения отношений с Турцией и Азербайджаном, чем выходцы из других мест и, особенно, уроженцы России [5].

¹ Самоидентификация определяется по проценту положительно ответивших на вопрос «Роднит ли Вас что-либо со своим народом (национальностью)», без учета «затруднившихся ответить». Методика выборки: Советская этнография. 1991. № 2. С. 15–16.

² Приоритет определялся ответом на вопрос: «Кем Вы себя больше чувствуете (армянином, россиянином, европейцем, гражданином мира)». В данной таблице приводится процент выбравших как приоритетную «этническую принадлежность» или «российское гражданство». Приведенные данные об индикаторах самосознания: Арутюнян Ю.В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. С. 150.

Причем чем крупнее и разбросаннее среда расселения армян, тем слабее их внутренние контакты и активнее потребность и возможность вовлеченности в межэтнические интегративные процессы. Это заметно даже при сравнении таких крупных центров, как Москва и Краснодар. У армян-краснодарцев выраженнее сохранность этнической атрибутики, чем у москвичей. Они чаще считают армянский язык родным, больше ориентированы на обучение детей в армянских школах, реже вступают в этнически смешанные браки (см. таблицу 3).

Таблица 3

Плотность этнических связей армян-москвичей и армян-краснодарцев¹ (в %)

Этнические связи	Москва	Краснодар
Супруги армянской национальности	44	74
Родной язык – армянский	32	62
Дети свободно говорят по-армянски	29	48
Контактируют с армянскими общественными организациями	15	25

Таким образом, армянская диаспора в инонациональной, в данном случае российской, среде далеко не одинакова (не однозначна). Вообще, безусловность ее этничности в устойчивом первично заданном состоянии в иноэтнической среде мало вероятна. Какая-то часть диаспоры, особенно группы, находящиеся в национально смешанных браках, могут в поколениях потомков этнически вообще теряться, другие самовоспроизводятся или трансформируются в новые полиэтнические, надэтнические образования. На направленность перемен и их динамику влияет общая среда, этническая ситуация, а она в России, в условиях острых этносоциальных перемен и нахлынувшего мирового кризиса, далеко не простая. Ведь люди не избавлены от чувства социальной ревности, в той или иной мере способной приобретать этнический колорит. Не случайно в России к мигрантам «своей» и «иной» национальности относятся не просто по-разному, а весьма контрастно [6]. Здесь есть, конечно, объективные основания – «свой» действительно ближе к собственной, российской среде. Но в этих выборах весьма ощутимо, что отрицательная ориентация на миграцию в Россию «чужих» диктуется в первую очередь этнонациональными отношениями. Обострение национальных отношений ощущается армянами из разных мест весьма не одинаково. Судя по материалам в Краснодаре, для армян-россиян, мигрантов из других мест России, такие отношения реально почти исключены (только 6 % среди них считают их напряженными), тогда как среди выходцев из Армении гораздо больше тех (21 %), кто их так воспринимает.

¹ Арутюнян Ю.В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. С. 151, 153, 162, 163, 164; по Краснодару – данные по исследованию 2007 г.

Но, несмотря на неизбежные сложности в этнонациональных процессах, очевидно, что на определенном этапе цивилизационного развития, если оно реально, неизбежно преобладание исторически заданных интегративных тенденций. В перспективе это предполагает формирование новых межэтнических, а точнее «надэтнических» общностей со сходными и даже единообразными чертами в культуре, образе жизни, в конечном счете в самосознании. Армянский этнос в России во взаимодействии с другими, особенно русскими, воссоздает в известном смысле производную интегративную межэтническую общность, оптимальную для своего поступательного развития. Это соответствует логике перспективной трансформации этноса в современном мире. Практически теперь уже почти никто, включая горячих сторонников «обеспечения самобытного этнонационального развития каждого народа», не отрицает как неизбежность «мегауровневый... этап формирования суперэтничности или многонационального народа» [7].

Симптомы качественных результатов таких интегративных процессов характерны для некоторых стран, в которых уже может идти речь о формировании собирательных надэтнических образований типа американского. Это внешне сходно с принятым у нас в прошлом надэтническим образом «советского человека», не выдержавшего, однако, испытания во времени. Чтобы эта интегративные тенденции были действенны, они должны выходить за границы просто настроений, иметь жизненные проявления и безусловную устойчивость.

Важной посылкой такой адаптации армянского этноса в российской среде может служить осмысление пройденного пути и сложившейся этнокультурной ситуации. Именно этому могут служить этносоциологические исследования. Разнообразие этнических сред, народов, с которыми связаны судьбы этносов разных континентов, говорят о широком поле и больших перспективах исследований такой направленности. Острая нужда в них очевидна и в нашей стране и за ее пределами.

Примечания

1. Тавадьян Т. Арарат Гомция: Армяне России начали получать гражданство Армении // Еркрамас. 2008. 10 октября. Данные могут быть уточнены после публикации новой переписи 2010 г.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 2. М., 2004. С. 1052, 1058.
3. Арутюнян Ю.В. О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе // Социс. 2007. № 7. С. 21.
4. Возрожденная Армения. 1989. № 4. С. 2–4.
5. По материалам Краснодар армяне из Грузии и Азербайджана в большинстве своем (63 %) считают, что «с Турцией Армении надо строить отношения, как с любым другим государством», по сравнению с ними среди мигрантов – выходцев из Армении,

многие считают, что «забыть о прошлом невозможно и поэтому на такие отношения рассчитывать трудно».

6. Арутюнян Ю.В. О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе. С. 21.

7. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология и этнополитика Кавказа: методика и практика // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы, Махачкала, 2005. С. 11.

М.А. Аствацатурова

САМООРГАНИЗАЦИЯ АРМЯНСКИХ ДИАСПОР НА ФОНЕ УПРОЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СКФО¹

Модернизационный общественно-политический тренд России, провозглашенный высшим руководством страны, в полной мере касается сферы межэтнических отношений и ставит перед социальными, в том числе и этническими сообществами новые задачи [1]. Сегодня в масштабах страны обозначены новые возможности в связи с дальнейшей демократизацией общественных отношений, а также понимания национального вопроса, который поднял Президент РФ **В.В. Путин** в своей предвыборной статье «**Россия: национальный вопрос**» [2].

Среди задач и возможностей решения национального вопроса выделяются не только традиционное сохранение этнокультурной самобытности, но и эффективное встраивание её в общероссийский гражданский идентификационный комплекс [3]. Модернизация общественных отношений актуализирует проблему этнических идентичностей внутри общероссийской гражданской идентичности, в том числе и проблему этнической идентичности армян, проживающих в России и являющихся гражданами России. Относясь к наиболее крупным этническим группам РФ, армяне по демографическим показателям, по социально-профессиональной активности, по историко-культурному вкладу в развитие российской государственности находятся в одном ряду с крупнейшими народами России – татарами, башкирами, чеченцами, а также в одном ряду с крупными этническими группами нероссийского происхождения – украинцами, белорусами. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., армяне (по самоназваниям – армяне, гай, донские армя-

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Упрочение российской идентичности в полиэтничном Северо-Кавказском регионе в контексте модернизации этнополитических и этнокультурных процессов». Проект 2012–2013 гг.

не, крымские армяне, франк, хай, черкесо-гаи) составили 1 130 491 чел. из 145 166 731 чел. населения РФ. На юге России во многих субъектах, во многих городах и районах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краёв армяне являются второй или третьей после русских этнической группой. Так, например, армяне Ставропольского края (далее – СК) составляют 161 324 чел. из 2 786 084 чел. населения края. Для сравнения отметим, что в 1989 г. армяне составляли в крае 70 171 чел., а в 2002 г. – 149 249 чел.

Армяне по численности обгоняют такие крупные этнические группы СК, как украинцев, даргинцев, греков, ногайцев, цыган, туркмен, карачаевцев, татар и др. Армяне организовали в крае множество дееспособных национально-культурных объединений и национально-культурных автономий (далее – НКО, НКА). Своими эффективными начинаниями известны организации Ставрополя, Пятигорска, Кисловодска, Георгиевска, Буденовска, Зеленокумска, с. Эдиссия, ст. Суворовская и др. Примечательно, что армяне успешно сочетают многогранную общественную работу с достижением главной цели – сохранением культуры, языка, национальных традиций, национального характера, который отличался и отличается стойкостью, целеустремлённостью и самоуважением. Во многом это основано на высокой духовности, которая обеспечивается приверженностью армян Армянской апостольской церкви – наставнице и защитнице народа. Армянские храмы выстроены во многих городах Ставрополя как центры веры, национального единства, этнического энтузиазма. Армяне заметны во всех сферах экономической, культурной и политической жизни СК, многие из них пополнили ряды известных и успешных бизнесменов, предпринимателей, управленцев, врачей, учителей, деятелей науки, культуры, искусства и известны не только в СК, но и на Северном Кавказе, в России, за рубежом и в Армении [4].

Для армянской общины СК 2011–2012 гг. стали сезоном общественной активности, принятия новых решений. Демократические выборы на пост председателя Ставропольского регионального отделения Союза армян России (далее – САР), обновление состава общественных активистов регионального отделения САР соответствует общим тенденциям в общественно-политической жизни России. В 2012 г. перед Ставропольским региональным отделением САР стоят такие задачи: во-первых, продолжить славные традиции национально-культурной самоорганизации, которые накоплены армянской общиной; во-вторых, расширить направления и обновить методы работы. Эти проблемы неоднократно обсуждались во всех 17 местных армянских общественных организациях и отделениях САР. Важнейшим направлением самоорганизации армян является упрочение взаимодействия между армянскими общественными организациями не только Ставрополя, но и всего СКФО. В субъектах РФ СКФО исторически сложились большие армянские диаспоры (Северная

Осетия – Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Дагестан). В этой связи важно наладить систематическое общение с руководителями армянских общественных организаций и отделений САР в субъектах РФ СКФО и, может быть, создать *Ассамблею* или *Форум армянских общественных объединений СКФО* для решения общих проблем и организации совместных культурно-просветительских, информационных мероприятий.

Необходимо наладить диалог с такими институтами гражданского общества, как *Общественный совет при полномочном Представителе Президента РФ в СКФО*, *Экспертный совет при полномочном Представителе Президента РФ в СКФО*, в которые входят руководители НКО, религиозных организаций, казачества, известные люди разных национальностей. Также необходимо усилить позиции армянских НКО, НКА в *составе Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений*, который является не только площадкой общения всех крупных этнических групп края, но и площадкой взаимодействия с исполнительной властью самого высокого уровня – губернатором СК *В.В. Гаевским* и Правительством СК. Также возможно расширить сотрудничество с *комитетом Ставропольского края по делам национальностей и казачества*. Это важно как для решения текущих вопросов, так и для включения армянских общественных организаций в разработку и реализацию целевых программ упрочения национальных отношений, например, программы «*Гармонизация межнациональных отношений в Ставропольском крае на 2012–2015 годы*». Также Ставропольское региональное отделение САР и Армянская национально-культурная автономия СК должны более активно использовать возможности, которые обозначены в распоряжении Правительства СК «*Об утверждении Основных направлений реализации государственной национальной политики в Ставропольском крае на 2011–2015 годы*».

На современном этапе задачи самоорганизации армянских диаспор СКФО расширяются и выходят за горизонты национально-культурных фестивалей, конкурсов, дней национальной кухни, организаций национального подворья. На это нацеливают и уставные документы НКО и НКА, которые предполагают формирование общественного мнения, поиск взаимоприемлемых решений национально-культурных проблем, а также конструктивное взаимодействие с заинтересованными государственными, общественными и предпринимательскими структурами России, Армении [5].

Важнейшим направлением самоорганизации армянских диаспор СКФО выступает содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных и религиозных конфликтов. Армяне всегда имели дружеские связи с окружающими народами, прежде всего с русским народом, который составляет, в частности, в СК более 80 % и с которым российских армян объединяет история, культура, религия, государственность.

В этом плане целесообразно взаимодействие с **Союзом славян Ставрополя**, с казачьими общинами и русскими общественными организациями края. Также важно наладить сотрудничество с другими общественными организациями, которые так или иначе имеют отношение к разрешению межэтнических противоречий – **Советы мира и дружбы, Общественно-консультативный совет при Управлении ФМС по Ставропольскому краю и др.**

Особое внимание Ставропольское региональное отделение САР, как и местные организации армян, уделяет работе с молодёжью. Армянские юноши и девушки составляют большую долю ставропольской молодёжи, студенчества вузов края. В этом плане важны новые формы работы с молодёжью на местах, с одной стороны, и новые пути позиционирования армянской молодёжи в **Молодёжном этническом совете Ставропольского края**, образованном в 2007. г., в **Ставропольской региональной организации «Союз молодёжи Ставрополя»**, в **Молодежной палате Ставропольского края**, во **Всекавказском молодёжном альянсе** [6]. Отрадно отметить, что армяне достойно представлены в Думе и Общественном совете города-курорта Пятигорска, который с января 2010 г. приобрёл новый статус – административного центра СКФО. Предполагается дальнейшее упрочение участия армянских НКО, НКА на муниципальном уровне, тесное сотрудничество с Думой города-курорта Пятигорска, поддержка управленческого курса главы города – **Л. Травнева**. В этом направлении знаменательны те мероприятия Пятигорского Дома национальных культур, в которых принимают активное участие армянские НКО, НКА.

Армяне России, в том числе и СКФО, в течение нескольких веков разделяют с русскими и другими народами РФ историческую судьбу, политические тренды, социальные перипетии. В то же время армяне демонстрируют устойчивость к ассимиляции, приверженность этническому комплексу, а также особую идентичность как идентичность диаспорного народа. Эта идентичность является сложносоставной, так как включает несколько принадлежностей, требующих равного уровня групповой и индивидуальной лояльности. Это: принадлежность к собственной этнической группе, принадлежность к российскому миру, принадлежность к армянскому миру, принадлежность к диаспоре (спюрку) [7].

Однако сегодня самоорганизация армянских общин не может оставаться в рамках традиционных форм и методов. Армяне России вместе с иными этническими группами страны пережили после распада СССР существенные трансформации и, прежде всего, существенное пополнение. Это пополнение привело диаспору на первые ступени иерархической этнодемографической лестницы народов и этнических групп России. Однако это же пополнение создало множество проблем этносоциального и этнополитического свойства как в отношениях диаспоры с другими этническими группами, так и внутри

диаспоры с диаспорным субгруппами. В течение 20 лет транзитивного состояния России эти проблемы в той или иной степени были преодолены, многие конфликтогенные факторы нейтрализованы.

Однако сегодня перед российскими армянами стоит не менее сложный вопрос – вопрос готовности к широкой социальной и политической модернизации, которая затронет все сферы общественной жизни. Этнические группы армян, которые ведут общинный, диаспорный образ жизни, призваны найти новые ресурсы для современной самоорганизации, самоуправления и самопрезентации. В условиях широкого общественного диалога армянские НКО и НКА, в том числе и СКФО, должны определить и применить новые формы позиционирования в широком социальном и политическом взаимодействии с другими институтами гражданского общества, с органами местного самоуправления, с органами власти, со СМИ, с международными организациями. Идеологической основой такого позиционирования помимо этнокультурной самобытности, историко-культурной реликтовости должно быть зрелое гражданское самосознание общероссийской природы.

Примечания

1. Путин В.В. Россия сосредотачивается: вызовы, на которые нам предстоит ответить // Путин В. Россия сосредотачивается. Ориентиры. М., 2012.
2. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Путин В. Россия сосредотачивается. Ориентиры. С.19.
3. Тишков В.А. Российский народ. Книга для учителя. М., 2010.
4. Армяне Ставрополя и Терека. Пятигорск, 2007.
5. Армяне Юга России: опыт социологического исследования Ростов н/Д; М., 2011.
6. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. М., 2011.
7. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Ростов н/Д; Пятигорск, 2002.

В.И. Афанасенко

РУБЕЖ БЕССМЕРТНОГО ПОДВИГА (ОБОРОНА АРМЯНСКИХ ОСЕНЬЮ 1941 г.)

Осенью 1941 г. война пришла на земли Мясниковского района. Ударный кулак немецкой группы армий «Юг» – 1-я танковая армия генерал-полковника Эвальда фон Клейста, прорвав оборону войск Южного фронта на р. Днепр, совершила стремительный бросок вдоль побережья Азовского моря и, после десятидневных боев на рубеже реки Миус, 17 октября овладела городом Таганрог и по кратчайшему пути устремилась к Ростову-на-Дону – «воротам Кавказа». Скорость танка Т-3, основного типа танков вермахта, составляла

35 км/час, т.е. всего два часа хода от Таганрога до Ростова. Но врагу потребовалось тридцать суток, чтобы преодолеть пятнадцать километров от балки Донской Чулек до окраины Ростова-на-Дону. На пути бронированных колонн танкового барона встали воины 56-й отдельной армии, созданной директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 003017 от 15 октября [1].

Полевое управление армии было сформировано из работников штаба Северо-Кавказского военного округа в разгар боев за Таганрог. Формировавшиеся на территории округа дивизии, выделенные Ставкой ВГК в состав 56-й Отдельной армии, спешно перебрасывались в Ростов-на-Дону, на ходу получая штатное вооружение и снаряжение. Десятки тысяч ростовчан, тысячи жителей Мясниковского района спешно копали противотанковый ров, окопы и эскарпы вдоль восточного склона балки Чалтырской и балки Донской Чулек, создавая оборонительный рубеж на западных подступах к Ростову-на-Дону. Старинные, основанные армянскими переселенцами еще во второй половине 18-го века села Хапры, Чалтырь, Крым, Султан-Салы, Большие Салы в одночасье оказались на линии фронта.

Со станции Батайск в Ростов и Хапры 16-го и 17-го октября перебрасываются части 343-й Ставропольской и 353-й Новороссийской стрелковых дивизий для занятия рубежа обороны по восточному берегу балки Донской Чулек. 353-я стрелковая дивизия силами прибывших 1145-го и 1147-го стрелковых полков получила приказ: занять оборону в полосе: высоты 113,1, Колхозный. 1149-й стрелковый полк этой дивизии пятью эшелонами еще следовал на станцию Батайск. 343-я стрелковая дивизия силами четырех батальонов 1153-го и 1151-го стрелковых полков готовила рубеж: (иск.) Колхозный, р. Мертвый Донец, имея центром обороны село Чалтырь. Правый фланг 353-й стрелковой дивизии прикрывала 68-я Донская кавалерийская дивизия, спешно занявшая оборону в полосе: хутор Несветай, высота 113,1. 7-й отдельный дивизион бронепоездов подполковника В.П. Жмакина в составе бронепоездов № 22 и № 29 получил приказ: курсируя на участке Ростов – ст. Хапры – Приморка, не допустить прорыва противника по шоссе Таганрог – Ростов-на-Дону, прикрыть артиллерийским огнем развертывание и занятие рубежей обороны частями 343-й и 353-й стрелковых дивизий [2].

20 октября 1941 года, в 12:30 противник силами 13-й танковой дивизии начал наступление на Ростов. Левее наступала мотопехотная бригада СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер»», усиленная 44-м танковым батальоном РКК и батареей 75-мм самоходных артиллерийских установок «Штурмгешюц». Три боевыми группами, по 40–50 танков и свыше полка мотопехоты в каждой, немцы атаковали в направлениях: от х. Веселый на х. Колхозный, на стыке 353-й и 343-й стрелковых дивизий; от с. Баба Армянская на высоту с пятью курганами; вдоль шоссе Таганрог – Ростов на Чалтырь. По всему фронту этих дивизий шел непрерывный многочасовой

бой. Для усиления противотанковой обороны вся уцелевшая артиллерия 31-й стрелковой дивизии была переподчинена командирам 343-й и 353-й дивизий – полковникам П.П. Чувашеву и Г.Ф. Панченко. На прямую наводку у станции Хапры выставлены 12 зенитных орудий 34-го полка ПВО. С учетом всей артиллерии ее плотность не превышала 3–4 орудий на километр фронта. Этого было мало для отражения массированных танковых атак противника, имевшего до 150 бронированных машин. В 16:30 в районе высоты 110,5 противник прорвал фронт 1153-го стрелкового полка 60 танками и двумя батальонами мотопехоты. Четыре стрелковых батальона ставропольцев не успели даже окопаться, когда их атаковали полсотни вражеских танков, десятки мотоциклистов с пулеметами в колясках и на бронетранспортерах. Удержать в таких условиях фронт обороны в 14 км было невозможно. К исходу дня 343-я дивизия, ведя непрерывный бой, отошла на 3–4 км восточнее, на рубеж ручья Балка Каменная. Во время боя противник потерял от огня артиллерии, бутылок и гранат 17 танков, батальон пехоты [3].

1145-й и 1147-й стрелковые полки 353-й дивизии, оборонявшие восточный берег р. Балка Донской Чулек, отбили три атаки противника и удержали свою полосу обороны. Третьи полки 343-й и 353-й стрелковых дивизий, прибывшие с последними эшелонами, в свои дивизии не прибыли. Приказом командования 56-й Отдельной армии 1149-й полк 353-й дивизии получил задачу прикрыть переправу через р. Дон у ст. Аксайская, а 1155-й полк 343-й дивизии - переправу в центре Ростова, у станции Заречная. Во вторник, 21 октября 1941 года, противник силами 13-й танковой дивизии и мотопехотной бригады СС «Адольф Гитлер» возобновил штурм Ростова-на-Дону. В течение всего дня на фронте 353-й и 343-й стрелковых дивизий шел непрерывный бой с переменным успехом. Стоило на каком-либо участке немцам ворваться в первую линию обороны, как следовала контратака советской пехоты, стремившейся к рукопашной схватке, и враг был вынужден отступить на исходный рубеж. Во второй половине дня противник ввел в бой тактические резервы и к 19:00 прорвал фронт обороны. К 22:00 до 40 танков и свыше батальона мотопехоты продвинулись на 4–5 км на восток и вышли к западной окраине села Крым. К участку прорыва были переброшены все имевшиеся резервы пехоты и артиллерии, дивизионы 8-го гвардейского минометного полка «катюш», сюда же нацелена базировавшаяся под Ростовом бомбардировочная и штурмовая авиация. Общими усилиями продвижение ударной группировки 13-й танковой дивизии было остановлено.

Командующий 56-й Отдельной армией генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов в 20:00 21 октября приказал ликвидировать опасное вклинение противника на стыке 353-й и 343-й дивизий силами свежих частей. Для этого в ночь с 21 на 22 октября из Ростова в село Крым перебрасывался 1155-й стрелковый полк 343-й дивизии, туда же с Аксайской переправы снимался батальон 1149-го

стрелкового полка 353-й дивизии, а также прибывший 81-й отдельный танковый батальон с танками Т-26. Атака была намечена Ремезовым на 7:00 21 октября 1941 года. Командир 3-го моторизованного корпуса генерал танковых войск Эберхард-Август фон Макензен из районов Веселый и Синявка направил к месту прорыва два резервных батальона мотопехоты, усиленных 15:20 танками и самоходками «Штурмгецюц». С утра 22 октября, после короткой, но мощной артподготовки, противник перешел в наступление на фронте 353-й стрелковой дивизии и пытался развить успех в направлении села Крым. Мужество проявил лейтенант Букрий, который бутылкой с горючей смесью уничтожил танк. Еще два танка подбили расчеты 45-мм ПТО. Третий батальон 1151-го полка под командованием старшего лейтенанта Андреева Николая Моисеевича трижды отбрасывал противника со своего рубежа обороны [4].

На остальных участках враг действовал небольшими группами мотопехоты и танков. Все атаки 13-й танковой дивизии и мотопехотной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер»» были отражены. До наступления темноты противник вел сильный артиллерийско-минометный огонь по боевым порядкам наших войск. Части, выдвинутые из резерва для контратаки, сумели занять исходное положение для наступления лишь во второй половине дня. В 15:00 наши пехота и танки перешли в контратаку и к 18:00 отбросили противника на рубеж: высота с пятью курганами, высота с отм. 78,8 и высота 102,4. Сильный огонь врага и наступившая темнота остановили дальнейшее продвижение. Ликвидировать вклинение на стыке 343-й и 353-й стрелковых дивизий не удалось.

В результате боев 20–23.10.41 г. противник потерял на поле боя до 50 танков и понес значительные потери в живой силе и вооружении. Кроме того, существенные потери противнику были нанесены действиями нашей авиации в глубине его расположения. Встретив упорное сопротивление частей и соединений 56-й Отдельной армии, противник прекратил наступление и временно перешел к обороне перед фронтом армии.

343-я стрелковая дивизия потеряла 3292 человека (30 % от штатного состава), а потери 353-й Новороссийской стрелковой дивизии – 1131 (10 % от штата). 68-я Донская кавалерийская дивизия потеряла 7 командиров и 48 бойцов, 7-й дивизион бронепоездов – 4 командиров и 34 человека рядового состава. Общие потери только трех дивизий и экипажей бронепоездов превысили четыре с половиной тысячи человек [5]. С 24.10 по 16.11 боевые действия носили ограниченный характер и сводились к огневым налетам артиллерии и минометов по скоплениям живой силы и техники, как с нашей, так и с немецкой стороны. Проводились тактические атаки силою до роты-батальона с целью улучшения позиций. Так 25 октября 1-й батальон 1151-го стрелкового полка перешел в атаку и занял выгодный рубеж. В этом бою ефрейтор И.А. Попов под селом Чалтырь уничтожил из 76-мм пушки шесть немецких танков [6].

Из Ростова и Батайска поступали маршевые роты для пополнения подразделений 31-й, 353-й, 343-й стрелковых дивизий. В состав 56-й Отдельной армии прибывали эшелоны с личным составом и боевой техникой 6-й отдельной танковой бригады (командир – полковник В.М. Алексеев). В составе бригады 106 танков и 11 пушечных броневедомостей [7].

Из Махачкалы прибыли эшелоны 317-й Бакинской стрелковой дивизии (командир – полковник Середкин Иван Владимирович), а из Татищевского лагеря под Саратовом – 515-й и 526-й гаубичные полки РКК.

17 ноября 1941 года в полосе обороны 317-й Бакинской стрелковой дивизии противник прорвал фронт и занял село Большие Салы. Из-за потери связи штаб 317-й стрелковой дивизии не мог влиять на ход боевых действий и сообщать об обстановке в штаб 56-й Отдельной армии. Командование армии только к исходу дня узнало о прорыве танков и мотопехоты противника в село Большие Салы. В течение вечера и ночи противник подтянул в Большие Салы основные силы 14-й танковой дивизии – до ста танков и бронемашин и до двухсот автомашин с пехотой, артиллерией ПТО и минометами. В район хутора Каменный Брод подтянулась 60-я мотодивизия для обеспечения левого фланга 3-го моторизованного корпуса от возможного контрудара советских войск со стороны Новочеркасска.

Командующий Ростовской оперативной группой генерал-майор П.М.Козлов только к восьми часам утра сумел выдвинуть на исходные рубежи для атаки в направлении села Большие Салы четыре стрелковых батальона 343-й и 353-й стрелковых дивизий. В 200–300 метрах от села наша пехота была встречена шквальным огнем танковых пушек и пулеметов, понесла большие потери и залегла, ведя огневой бой. После полудня мотопехота противника, поддержанная 25–30 танками, стала теснить наши батальоны и охватывать их с флангов. Контратака 3-го батальона 1145-го стрелкового полка 353-й дивизии совместно с ротой РПУ на высоту 127,1 захлебнулась на первых двухстах метрах продвижения под пулеметным и минометно-артиллерийским огнем противника. К 15.00 враг окружил четыре батальона 353-й дивизии и стал продвигаться в направлении Султан-Салы и Красный Крым. На пути 50 танков и двух батальонов мотопехоты «Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер»» у перекрестка дорог, что 3 км юго-западнее села Большие Салы, встала батарея 606-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии под командованием лейтенанта С.М.Оганова. Почти четыре часа артиллеристы вели неравный бой, отразили три массированных танковых атаки, подбили и сожгли несколько танков и бронемашин. Только уничтожив все четыре пушки и 27 героев-артиллеристов, эсесовцы мотопехотной бригады СС «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер»» сумели продвинуться еще на 6 км и захватить село Красный Крым [8].

В ожесточенных боях на подступах к Ростову бойцы и командиры 353-й дивизии проявили мужество и отвагу. Комсомолец, лейтенант Конопляный

Александр Павлович, оставшись один, в окружении танков и пехоты противника, продолжал наносить врагу урон. Еще перед уходом в бой он заявил: «Лучше смерть, чем германский плен!» В этом неравном бою он сражался у пулемета до последнего дыхания, оставив на поле боя десятки убитых и раненых немцев [9].

Упорное сопротивление врагу оказал 3-й батальон 1147-го стрелкового полка, отбивший пять атак батальона автоматчиков, поддержанного 22 танками, артиллерией и минометами [10].

19 ноября, с утра противник стал наращивать силу своих ударов на Аксайском и Ростовском направлениях. Мотопехотная бригада СС «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер»» при поддержке 4-го танкового полка 13-й танковой дивизии нанесла поражение 353-й стрелковой дивизии и овладела селом Султан-Салы. В ночь на 20 ноября остатки 353-й стрелковой дивизии, в которой сохранил боеспособность только 1145-й стрелковый полк, отошли на северо-западную окраину Ростова-на-Дону, к поселку Каменоломни. 343-я Ставропольская стрелковая дивизия в течение дня отражала атаки мотопехоты 13-й танковой дивизии. В связи с отходом соседа – 353-й стрелковой дивизии, полковник Чувашев был вынужден 1155-й стрелковый полк развернуть фронтом на север, в полосе Крым – балка Чалтырская. В ночь на 20:11 части 353 СД вышли из полуокружения на северную окраину Ростова: 1145 СП – в полном составе; 1147 СП – 3-й СБ с 3 ротой 1-го СБ и управлением полка; 1149 СП – 2-й СБ, 3-й СБ – в составе 173 человек и 1-й СБ – 22 человека и управление полка [11].

20 ноября 1941 года, в течение дня по всему фронту обороны частей и соединений 56-й Отдельной армии шли ожесточенные бои с большими потерями с обеих сторон. При бомбежке танковой колонны противника у села Султан-Салы военком 366-го ближне-бомбардировочного авиаполка батальонный комиссар А.Г. Соболев погиб смертью героя, направив горящую машину в скопление живой силы и техники противника [12]. Утратившую боеспособность 353-ю стрелковую дивизию по приказу штаба армии вывели через Ростов и Батайск в станицу Ольгинскую, где ее остатки и сосредоточились к исходу 21 ноября. 343-я стрелковая дивизия, отрезанная от переправ в центре города, вела бой в районе: поселок Западный, Семерниково, Красный Город-Сад, находясь в полуокружении, а затем по тонкому льду перешла на левый берег Дона, в район Койсуг. На этом завершились тридцатисуточные бои на рубеже армянских сел Хапры, Чалтырь, Крым, Султан-Салы, на западных подступах к Ростову-на-Дону. Через неделю, 29 ноября, Ростов был освобожден в ходе первого успешного контрнаступления советских войск. 30 ноября, преследуя разбитые дивизии 1-й танковой армии Клейста, войска 56-й армии освободили армянские села, которые они с такой отвагой и мужеством защищали в октябре – ноябре кровавого сорок первого года.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 96. Л. 73.
2. Там же. Оп. 10282. Д. 2. Л. 12–13.
3. Там же. Оп. 10295. Д. 19. Л. 5.
4. Там же. Л. 6.
5. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 5. Л. 95–96.
6. Там же. Оп. 10295. Д. 19. Л. 8.
7. Там же. Оп. 10282. Д. 10. Л. 23.
8. Там же. Оп. 10295. Д. 12. Л. 147.
9. Там же. Д. 4. Л. 96.
10. Там же. Л. 103.
11. Там же. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 46. Л. 12–13.
12. Над огненным Доном. Ростов н/Д, 1976. С. 37.

Н.Э. Багдасарян

ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ХАНСКОМУ РЕЖИМУ В КАРАБАХЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Начало XIX в. ознаменовано в политической жизни Карабаха коренными изменениями. В течение Русско-иранской войны 1804–1813 гг. в политической жизни Карабаха произошло чрезвычайно крупное событие. 14 мая 1805 г. на берегу реки Курак (Кюрракчай) был подписан договор, по которому Карабах присоединялся к России. По подписанному договору хан Карабаха Ибрагим отказывается от персидского владычества и принимает российское подданство [1]. Персия не признает Кюрракчайского договора, и борьба за Карабах и закавказские территории продолжается. Территория Карабаха становится ареной военных действий. Многие карабахские мелики со своими военными отрядами воюют на стороне русских войск [2].

Начавшаяся в 1804 г. Русско-иранская война завершилась 12 октября 1813 г. подписанием мирного договора в крепости Гюлистан. По договору Персия признавала присоединение к России Дагестана и Восточной Грузии, а также Карабахского, Шекинского, Ширванского, Дербендского, Бакинского, Тальшинского ханств [3]. Исторический период, последовавший после Гюлистанского договора, для Карабаха был ознаменован относительно длительным миром. Вследствие возникшего после Русско-иранской войны 1804–1813 гг. голода, эмиграции, падения экономической жизни, в Карабахе начинается период становления. В значительной мере являясь защищенной русскими войсками, территория стала спокойным уголком, что в свою очередь способствовало масштабам миграции.

Несмотря на положительное последствие, Гюлистанский договор не оправдал ожидания арцахских армян, в том числе и на ликвидацию ханского режима. Более того, царизм в этом режиме видел начальный этап своей колониальной политики. Положение изменилось, когда в 1816 г. главнокомандующим кавказской армии и главноуправляющим гражданскими делами был назначен генерал А.П. Ермолов [4]. С момента прибытия А.П. Ермолов, увидев своеволие ханского режима, понял, что необходимо положить конец беззаконию. В этом он убеждается, когда в 1816 г. отбывает к персидской границе Карабаха [5]. Об этом говорится в письме от 18 декабря 1816 г., направленном Саркису-ага Григоряну Нерсес Аштаракеци, что наместник вернулся из Карабаха и оповестил его: «Издав приказ ханам, о том, что отныне никто не мог провозглашаться приставом или дарыгой из не армянских, а лишь один из армянских на всех местах...» [6].

4 января 1817 г. А.П. Ермолов назначает начальником военных округов Карабаха, Шеки, Ширвана В. Мадатова. Он должен был находиться в Карабахе для контроля деятельности Мехти Кули, так как подозревал последнего в тайной связи с персидской стороной. С момента назначения В. Мадатов приложил большие усилия для прекращения мошенничества в трех ханствах. Историк об утвержденном в те годы мире в Карабахе писал: «Во времена Мадатова в Карабахе женщина могла гулять одна, поднос, полный золотом на голове» [7].

По подсчетам А.П. Ермолова, от карабахских ханств ожидалось получить 1 млн руб. серебром дохода, который можно было получить лишь после ликвидации ханского режима [8]. По этому поводу он писал: «Карабахское ханство опустошено нападениями персиян: уменьшилось население, изобиловавшее богатством. Почва земли чудесна плодородием. Народ воинственный и всегда с нашей стороны. Из сей земли со временем можно извлечь величайшие выгоды, не иначе, однако же, как введя наше управление» [9].

На пути достижения своей цели А.П. Ермолов утвердил два насущных направления: свергнуть режим ханского правления и разоблачить хана в предательстве [10]. Для придания законного вида своим действиям в деле разложения ханств, утверждения русского административного порядка, предлагалось взять с ханов письменное обязательство, по которому последние отказываются от наследственного права после себя, а ханство передается российскому императору [11]. В письме, направленном графу Воронцову от 24 февраля 1817 г. А.П. Ермолов писал: «...Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования обществ... образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество» [12].

Своеобразно то, что вопрос свержения ханского режима встал остро из-за причины поведения Мехти Кули хана. Рассматривая Карабах как свою непри-

косновенную собственность, Мехти Кули хан болезненно воспринял проводимые русскими переписи и, вообще, любые вмешательства. Упомянутое подтверждается сохранившимися в Матенадаране рядом документов. С целью проведения переписи в феврале 1812 г. Аштаракеци направил в Карабах вардапета Хачатура [13], отсутствующие факты о его деятельности дают основание предполагать, что он встретил препятствия со стороны Мехти Кули хана. 9 июня 1822 г. Нерсес Аштаракеци обращается к карабахскому управляющему Реуту, отмечая, что А.П. Ермолов приказал представить демографическую картину армян в Карабахе, Шамахе и Нухе и с этой целью отправляет Габриела Апогавряна. Аштаракеци извещает, что просит помощи у Мехти Кули хана [14] и Петроса Тарумяна [15].

Мехти Кули опасается, что русское правительство проводит эту перепись для того, чтобы впоследствии отослать его из Карабаха, и не только не помог, а наоборот создал многочисленные препятствия для того, чтобы перепись не смогла состояться. В одном из архивных документов от 23 июня 1822 г. Нерсес Аштаракеци обращается к одному из заместителей А.П. Ермолова И. Вельяминову, что Мехти Кули хан и управляющий Карабахом Реут проявляют неприемлемое отношение к организации переписи армянского населения и просто просит принять нужные меры [16]. В свою очередь И. Вельяминов 8 июля 1822 г., ответив Нерсесу Аштаракеци, попросил отложить подсчеты переписи до зимнего периода [17].

Еще одно письмо от 8 июля 1822 г. было отправлено Мехти Кули хану Вельяминовым. В письме хану разъяснялось о необходимости переписи, что она имеет цель уточнить число христиан на территории российской империи и под конец, это необходимо для землеописания и истории Российского государства. В конце он добавил, что перепись никак не скажется на правах хана [18]. В одном из отчетов от 9 июля 1822 г., представленных генералом И. Вельяминовым, отмечено продление времени подсчета численности армянского населения по причине крайнего беспокойства Мехти Кули хана [19].

В своем письме Мехти Кули хан проявил удивление и беспокойство: он подозревал, что для того, чтобы знать прибыль церкви, не обязательно посылать особых переписчиков, это можно уточнить с помощью местного епископа. В конце он добавил, что каждый год проводимая со стороны посторонних перепись противоречит правам и порядкам Карабаха [20]. Извещающие источники подтверждают, что переписью населения Карабаха вынужден был заняться 29 июля 1822 г. прибывший к католикосу Ефрему Нерсес Аштаракеци [21].

Эти случаи, связанные с переписью, показали, что Мехти Кули настолько чувствовал себя самоутвержденным в Карабахе, что даже пробовал противостоять распоряжениям царского правительства. Соответственно, не то что

царскому правительству было не выгодно, а вообще была неприемлема сущность Мехти Кули хана. К этому прибавился и внутренний фактор – стремление получения новых земель князьями, пристрастный к вину хан имел плохую память и мог забыть даже о выданном вчера документе, его отставка просто стала неизбежной [22].

Воспользовавшись тем, то Мехти Кули хан был очень боязливым человеком, со всех сторон его начали запугивать, что русские запланировали его убить, сослать в Сибирь [23]. Самая серьезная попытка запугать Мехти Кули хана была организована в конце 1822 г. в Шуше, когда сын брата и соперник хана Джафар Кули-ага организовал заговор против самого себя. Этим Джафар Кули-ага имел цель направить подозрения против Мехти Кули хана и, выслав его из Карабахского ханства, стать ханом [24]. Этого хватало, чтобы боязливый хан бежал в Персию. О произошедшем 21 ноября 1822 г. В. Мадатов сразу же оповестил И. Вельяминова [25]. Он разъяснил побег как шаг мщения за все пытки, причиненные армянскому народу [26].

После побега Мехти Кули хана А.П. Ермолов обратился к народу Карабаха с объявлением об окончательном свержении ханского режима. В своем обращении он также разъяснил, что собственность беков и всего населения Карабаха остается неприкосновенной: «Но вся строгость и жестокое преследование постигнет тех, кои участвовали в измене беглеца-хана и кои дерзнут иметь с ним тайное сношения» [27].

25 ноября 1822 г. А.П. Ермолов отослал приказ В. Мадатову, связанный с мерами, которые необходимо предпринять после побега хана. Ермолов приказал Мадатову до назначения коменданта на это место назначить подполковника И. Реута, а в новое руководство выбрать служащих при хане должностных лиц. Он писал: «Уверен я, что жители Карабага, обеспеченные в сохранении их собственности и тех прав, коими оно пользовались прежде, будут стараться усердно и верною службою доказать преданность их императору» [28].

Осенью 1822 г. А.П. Ермолов посетил Карабах. Во время его визита в Шуше был открыт «диван» (провинциальный суд), было объявлено о вступлении русского режима правления, народ дал клятву верности русскому императору. В память об этом событии население Шуши подарило А.П. Ермолову стальную саблю с надписью об объединении провинции [29].

Уже 14 декабря 1822 г. А.П. Ермолов в отчете, направленном Александру I, писал о смене «блудного» вида правления русской формой правления и о причинах побега хана: «Главнейшая боязнь его, как легко догадываться возможно, состояла в том, что жители ханства, получив от щедрот в. и. в. прощение за несколько лет знатного числа недоимок, милостью сею не воспользовались, ибо расточительный хан не представлял дани в казну, но с жителей собирал подать». В отчете А.П. Ермолов отмечает, что, согласно прежним порядкам, наследником должен стать Джафар Кули-ага, но последний во

время русско-персидской войны 1803–1813 гг. был противником русских и в этом он видит основную причину его отстранения от наследства и провозглашение Карабаха русской провинцией. Он предлагает с целью подсчета дохода карабахской провинции направить сюда своего секретаря канцелярии П. Могилевского и командующего грузинским полком П. Ермолова [30]. 5 марта 1823 г. А.П. Ермолов представил Александру I отчет о затишье [31], за что со стороны царя удостоивается похвалы [32].

Весть о побеге хана была радостно воспринята в передовых кругах армян. Об этом Нерсес Аштаракеци в своем письме от 8 января 1823 г. писал Овакиму Лазаряну: «Мехти Кули хан побежал в Ереван, и жена и семья последовали за ним, и мы довольны, потому что наши освободились от его притеснения» [33]. После побега Мехти Кули хана персидская сторона возобновила нападения на приграничные районы. Об этом 20 июня 1823 г. А.П. Ермолов упомянет, что один из захваченных пленников признался, что все эти вылазки подстрекает персидское правительство. Затем А.П. Ермолов продолжил: «Сестрам Мехти я не позволяю уезжать в Персию, так как на одной из них давно хотел жениться ереванский сардар, и кто не уверен, что 70-летний сумасшедший старик приобретает женщину как жену, лишь для того, чтобы распространить волнение и завоевать расположение у населения связями с Карабахом» [34].

Так, в 1822 г. в Карабахе был положен конец возникшему еще в середине прошлого века и чуждому для армянской действительности ханскому режиму. Основной задачей смены ханского режима русским правлением была колонизация Карабаха.

Примечания

1. Сейранян П. Карабах и Россия: страницы истории. М., 1997. С. 104; Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. Тифлис, 1901. С. 192.
2. Магалян А. Арцахские меликства и меликские дома в XVII–XIX вв. Ереван, 2007. С. 51.
3. Балаян В. История Арцаха. Ереван, 2002. С. 204; Документальные материалы из истории армянской церкви. Кн. 9. Арцахская епархия армянской апостольской церкви (1813–1933 гг.). Ереван, 2000. С. 34–35.
4. Лео. Собрание сочинений. Т. 4. Ереван, 1984. С. 394.
5. Тунян В. Политика самодержавия России в Закавказье XIX – нач. XX вв. Часть первая, 1800–1826 гг. Ереван, 2006. С. 83.
6. Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракеци. П. 164 а. Док. 285. Л. 21.
7. Лео. Собрание сочинений. Т. 4. С. 396.
8. Тунян В. Указ. соч. С. 116.
9. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 290.
10. Тунян В. Указ. соч. С. 91.
11. Там же. С. 92.
12. Кавтарадзе А. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977. С. 75.

13. Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракеци. П. 165. Док. 579, 580.
14. Там же. Док. 559.
15. Там же. Док. 560.
16. Там же. Док. 561.
17. Присоединение Восточной Армении к России. Сб. документов. Т. II. Ереван, 1978. С. 105.
18. Матенадаран, архив Ал. Ерицяна. П. 159. Док. 182. Л.1–3.
19. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (далее – АКАК). Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1874. Док. 609. С. 452.
20. АКАК. Т. VI. Ч. I. Док. 1288. С. 846.
21. Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракеци. П. 165. Док. 607.
22. Раффи. Собрание сочинений. Т. 9. Ереван, 1987. С. 582.
23. Там же.
24. АКАК. Т. VI. Ч. I. Док. 1306. С. 855.
25. Лео. Собрание сочинений. Т. 4. С. 398; Покровский М. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сб. статей. М., 1923. С. 186–187.
26. Присоединение Восточной Армении к России. Т. II. С. 108.
27. Записки Алексея Петровича Ермолова с приложением. Ч. II. 1816–1827 гг. М., 1868. С. 167–168.
28. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике: документы и комментарий. Т. I. М., 2008. С. 181–182.
29. Присоединение Кавказа к России XIX век. СПб., 2005. С. 116.
30. АКАК. Т. VI. Ч. I. Док. 1301. С. 850.
31. АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. Док. 1306. С. 855.
32. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике: документы и комментарий. С. 183.
33. Матенадаран, Архив Лазарянов. П.105. Д.13. Док.198. Л. 1.
34. АКАК. Т. VI. Ч. II. Док. 520. С. 280.

Н.Н. Гарунова

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ НА ДИНАМИКУ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КИЗЛЯРА В XVIII–XIX ВВ.

Освоение юга страны стало делом, поставленным на государственный уровень. Российское правительство стремилось заселить приграничные районы казенными крестьянами и другими не закрепощенными сословиями. Однако правительство учитывало, что при естественном движении русского населения к югу процесс колонизации существенно затянулся бы. Следовало учитывать и тот факт, что в крепостнической России число вольного населения было невелико, поэтому для быстрейшего заселения южных районов следовало изыскать дополнительные людские ресурсы. Выход правительство видело

в иностранной колонизации юга. 22 июля 1763 г. русское правительство обнародовало законодательные акты, в частности «Манифест о даруемых иностранным переселенцам правах и имуществах», которым было положено начало систематическому освоению новоприобретенных земель [1].

Первые массовые переселения армянского населения в Низовья Терека произошли в начале XVIII в., а когда была основана русская крепость, то произошло переселение народов десятками и сотнями семейств и целыми слободами под ее защиту. К рассматриваемому периоду Кизляр стал объектом вынужденной колонизации армян, грузин и других народов. Этнический состав вновь построенного города четко прослеживается по названию слобод и кварталов его составлявших: Армянский квартал, который русские называют «Армянскою слободою», а татары «Арментир», Грузинский квартал, Черкесский квартал, Квартал Тезик-аул. Устройству армянских переселенцев в Кизляре уделялось особое внимание [2].

По мере увеличения населения в Кизляре росло и число армян-переселенцев из районов Ирана и Турции. Л. Христофоров обращался к гилянским армянам с предложением о переселении их в Кизляр. В результате его деятельности население Кизяра пополнилось еще 500 семьями из Гиляна [8]. Их решение о переселении в Кизляр было продиктовано и тем, что после ухода русских войск из прикаспийских районов иранские власти стали преследовать армян за их приверженность России. Поэтому не редки такие документы, как, например: «В августе 1736 г. Правительствующий Сенат издал указ о предоставлении уроженцу города Джульфы армянину А. Коросову и его компаньону участка земли для организации суконной фабрики между реками Кизяра и Тюмлара» [3].

По оставлении русскими войсками районов Прикаспия надобность в существовании армянского и грузинского эскадронов отпала и они были распущены. Но по прошествии некоторого времени, по ходатайству императорской канцелярии и Государственной коллегии иностранных дел, после указа Сената от 5 августа 1736 г. они были восстановлены, а служившие в них армяне сообщили о формировании военных подразделений-эскадронов и даче им при Кизляре «в пристойных местах под дворы, огороды и под пашню надлежащего места» [4]. В 1736 г. Лазарь Христофоров, бывший руководитель одного из эскадронов, отправился в Петербург с 18 армянами-военнослужащими с целью получения разрешения на строительство армянской церкви в Кизляре. По причине того, что в городе были серьезные проблемы с древесиной, он «просил дать соответствующее распоряжение астраханскому губернатору о предоставлении древесины и средств для ее транспортировки». Правительствующий Сенат распорядился к сентябрю 1736 г. обязать астраханского губернатора Ф. Соймонова предоставить армянам необходимое количество древесины и ремесленников [5].

В многочисленных рапортах, представленных коменданту Кизляра от имени командиров Каргинского, Червленного, Новоградковского форпостов, говорится о сотнях бежавших из горского плена армян, которые изъявляли желание частью остаться на жительство в Кизляре, частью вернуться на Родину [6]. В Кизляр стали переселяться и армяне, которые проживали в деревнях Большой и Малой Кабарды, в Аксае, Костеке, Эндирее, Казанище и в других населенных пунктах, поэтому армянское население в Кизляре увеличивалось. Из официальной ведомости, составленной в Кизлярской комендантской канцелярии в 1762 г., следует, что в городе насчитывалось 486 армян обоих полов, а грузин – 319 душ [7]. По ведомости 1764 г. в городе проживало еще 49 служащих армянского и армяно-грузинского эскадронов, многие из которых были армяне. По ведомости 1765 г. в Кизляре зафиксировано 200 домов, принадлежащих армянам, но у некоторых армян не было собственных домовладений, поэтому возможное количество армянского населения трудно подсчитать [8].

Исследователь «Терской Армении» Д.В. Аганесова считает, что проследить подробно динамику роста армянского населения Терского бассейна не представляется возможным, поскольку сохранившиеся статистические данные не представляют полной демографической картины, а ведь именно они могли бы стать источником анализа состава населения России в исследуемый период [10]. Она приводит следующие данные: согласно «Табели Астраханской губернии» за 1775 г. численность армян, обложенных налогом в Кизляре, составляла 1222 чел. Если учесть, что некоторая часть армян не подлежала обложению налогами, то какая-то группа общинников в «Табель» не попала. Возможно, в середине 70-х гг. XVIII в. в Кизляре проживало около 2000–2500 армян. Если признать такую численность, то получается, что почти 50 % армян не платили налоги [11]. С момента основания, как указывает П.Г. Бутков, в городе поселились 450 семей армян и грузин [12]. Из официальной ведомости Кизлярской комендантской канцелярии за 1762 г. следует, что в Кизляре насчитывалось 486 армян обоего пола, а по ведомости 1764 г. в городе проживало еще 49 служащих армянского и армяно-грузинского эскадрона [13]. В «Топографическом описании Астраханской губернии» за 1785 г., составленном по результатам переписи 1781–1782 гг., численность армянского населения Кизляра достигала 3031 чел. обоего пола [14]. В 1817 г. из Персии переселилось еще 219 семей и в 1820-е гг. общее число армянских жителей было 5092 чел. (2656 мужчин и 2436 женщин). В середине XIX в. армянское население в Кизляре составляло 8460 чел. Общее число жителей города, по данным Д.С. Васильева, было около 15 тыс. (максимально возможная цифра по другим источникам – около 12 тыс.). К концу века общее население города значительно уменьшается, хотя переселенцы прибывают и в последующий период. Разные авторы приводят различные цифры, отражающие данные

о численности армянского населения города. Так, И. Аргутинский указывает 4256 чел. обоего пола, что явно преувеличено с целью получения для них привилегий [15].

Активизация переселенческой политики Российского государства была связана и с обострением международной обстановки в Закавказье в конце XVIII в. Русско-турецкая война 1787–1791 гг. убедила русское руководство в необходимости укрепления Кавказского тыла. А.В. Суворов и Г.А. Потемкин приняли меры по укреплению Кавказской военной линии, на которой располагались 10 крепостей при казачьих станицах. В лице армян Россия видела своих союзников против Турции, поэтому армянская колонизация затронула и населенные пункты и крепости, расположенные на Кавказской линии. Летом 1795 г. иранский шах напал на Закавказье. В 1796 г. В. Зубов побывал в Кизляре, где встречался с предводителем российских армян Иосифом Аргутинским, обещавшим помощь со стороны армянского народа и желавшим привлечь к участию в походе В. Зубова закавказских армян [16]. Во время пребывания В. Зубова в Дербенте к нему обратились армяне, проживавшие в Дербенте и Мушкуре, а также в окрестных деревнях с просьбой о принятии в российское подданство. В. Зубову были представлены списки 9 армянских деревень в Дербентской (Молахалил и Ньюджи) и в Мушкурской областях (Большой Хачмас, Малый Хачмас, Караджалу, Большой Баракум, Малый Баракум, Килявар, Кара-гутлу), жители которых просили о содействии в переселении [19]. Некоторая часть вышедших из областей Дербента и Мушкура армян, в особенности торговцы и ремесленники, поселилась в Кизляре, а земледельцы обосновались в районе реки Терек, поселившись в трех деревнях: Дербентской, Караджалиле и Молахалиле. Согласно императорскому указу от 28 октября 1799 г., армянские переселенцы на 10 лет освобождались от государственных налогов и повинностей, а каждый мужчина имел право на владение 30 десятинами земли. Жалованная грамота даровала армянам право создать армянский суд и вести собственное судопроизводство согласно армянским обычаям [20]. Значительная часть армян, осевших на юге России в конце XVIII в., была выходцами из Карабаха. Карабахские армяне поселились не только в Кизляре и его окрестностях, но и в деревне Караджалил. Караджалил в некоторых источниках иногда называют Карабагли, поскольку в ней преобладали выходцы из Карабаха. Известно, что г. Сурб Хач (Святой Крест) иногда называли тоже Карабагли по той же причине [24]. По мнению И. Ровинского, в 1804 г. в Кизляре проживало 1622 армянина мужского пола [25]. Если исходить из учета приблизительной пропорции, то количество душ женского пола может составлять приблизительно 1500 чел., а общая численность будет равна 3122 чел. Наиболее вероятной представляется цифра 3500 чел., которая подтверждается данными последующих периодов.

Начало XIX в. ознаменовано пополнением армянской диаспоры Кизляра переселенцами из числа российских армян и иранских переселенцев. При Александре I после Русско-турецкой войны по Гюлистанскому договору 1813 г. часть исконно армянских земель была присоединена к России. После Русско-турецкой войны по Адрианопольскому миру 1829 г. в Россию хлынула волна армянских переселенцев из турецких областей, всего до 90 тыс. чел. [26]. В 1822 г. армянская община города насчитывала 5215 чел. Существует ли определенная закономерность в динамике роста численности населения кизлярских армян? Стабильный рост армянского населения в крае был обусловлен как покровительственной политикой российских властей, так и развитием экономической жизни в регионе. В 30-е гг. XIX в. прирост армянского населения Кизляра абиллизировался. Это объясняется тем, что община стремилась сохранить свое привилегированное положение путем сохранения определенной замкнутости проживания, не допускающей притока новых переселенцев. Другой причиной может быть некоторая стабилизация положения в Закавказье. С этого времени начинается и постепенный отток армянского населения Кизляра в другие населенные пункты Северного Кавказа, где они надеялись на более благоприятные условия для осуществления торгово-экономической деятельности. В 1832 г. армянское население Кизляра составляло 5428 чел. [27].

События Кавказской войны сказались на положении армян, обосновавшихся в бассейне р. Терек. 2 июня 1831 г. российское руководство приняло решение об уравнивании в правах армян с другими российскими подданными в вопросах налогообложения. В 1832 г. по предложению командующего отдельного Кавказского корпуса барона Розена правительство решило укрепить Кавказскую военную линию припиской жителей трех армянских деревень к казачеству [28], которые в числе 28 деревень округа переходили из гражданского ведомства в военное. Представители этих населенных пунктов обращались к российским властям, убеждая, что припиской к казачеству они лишаются возможности заниматься торгово-хозяйственной деятельностью, что неизбежно отрицательно отразится как на их собственном положении, так и на состоянии экономики края. Армяне заверяли власти в том, что при нападении горцев они обещают вооружиться и оказать сопротивление, но просили оставить их в прежних правах.

Терские армяне прилагали серьезные усилия для того, чтобы край, в котором они обрели свою вторую родину, процветал. Жизнь армянской диаспоры бассейна Терека нельзя было назвать спокойной из-за частых наводнений, наносящих огромный урон садам, виноградникам, пашням, поэтому кизлярские армяне участвовали в работах по укреплению берегов Терека, строили дамбы и плотины. Нападения горцев тоже омрачали жизнь горожан, наносили им материальный ущерб. На обширных пустынных простран-

ствах, расположенных севернее Кизляра, армяне строили дома, разбивали сады и виноградники, но при этом они испытывали трудности, связанные с отсутствием строительных материалов. Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что стремясь укрепить свои позиции на Северо-Восточном Кавказе, расширить свою экономическую базу путем привлечения туда армянских, грузинских, чеченских, кабардинских и других переселенцев, занимавшихся торговлей, сельским хозяйством, шелководством и различными ремеслами, российские власти предоставляли многочисленные льготы для переселенцев.

Следует отметить, что с первых же лет заселения армянская диаспора Кизляра постоянно пополнялась новыми переселенцами. В чем кроется причина стабильного роста численности армянской диаспоры? Во-первых, в стремлении российских правящих кругов в своих политических и экономических интересах привлечь в этот регион как можно больше единомышленников, способных своей деятельностью содействовать экономическому развитию края. Во-вторых, в наличии земельных пространств в районе Терека и льгот, обещанных российскими властями, которые давали армянским переселенцам надежду на улучшение их положения в российских пределах. В-третьих, в нестабильности военно-политической обстановки в Закавказье, районах Ирана и Турции, где проживало армянское население, которая заставляла армян переселяться в районы русского влияния, в том числе в район бассейна р. Терек. В конце XIX в., прежде всего по социально-экономическим причинам, начинается отток армянского населения из Кизляра и вскоре это становится необратимым процессом.

Примечания

1. Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД) Ф. 379. Оп. 1. Д. 574. Л. 95.
2. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. СПб. Глав. архив. 11/25. 1763. Д. 1. Л. 8.
3. Российский Государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Т. 7. кн. 402. Д. 51. Л. 902–903.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 161–164.
5. ЦГА РД, Ф. 379. Оп. 1. Д. 578. Л. 82 об.–83.
6. Там же. Д. 485. Л. 49. Оп. 2. Д. 49. Л. 60.
7. АВПРИ. Ф. Сношения России с Арменией. Оп. 100/1. Д. 1. Л. 1–2об.
8. ЦГА РД, Ф. 379. Оп. 1. Д. 451. Л. 8, 10, 23, 53, 72, 78, 83, 85.
10. Там же. Л. 26. Д. 629. Л. 22–24.
11. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 44, 51. Аганесова Д.В. Армянская диаспора Нижнего Терека (XVIII–XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

12. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в политике России на Северо-Восточном Кавказе в 18 – первой половине 19 вв.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С. 86.
13. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 200.
14. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 527. Л. 11–18; Д. 626. Л. 22–24.
15. Ананян Ж. Армянская колония Григориополь. Ереван, 1969. С. 3–4.
16. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1887. С. 92.
19. Титанян Р.Т. Армянские источники о Закавказских походах Ага-Магомед-Хана. Ереван, 1981. С.27.
20. ПСЗРИ. Т. XXV. 1799. № 1893. С. 619; ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 220. Л. 98–100 об.
24. АВПР. Сношения России с Арменией. Оп. 100/111. Д. 462. 1764–1800. Л. 264
25. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис. 1888. С. 241.
26. Брук СИ., Кабузан В.М. Миграция населения России в XVIII в. – нач. XIX в. (численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4. С. 32.
27. Гукасянц Я. Селение Карабагли (истор. справка). Владикавказ, 1914. С. 10.
28. Списки населенных мест Кавказского края. Ставропольская губерния. Вып. 11. Тифлис, 1879. С. 39.

Е.М. Горюшина

**ЮЖНЫЙ МАКРОРЕГИОН РОССИИ И АРМЕНИЯ:
НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО ИНСТРУМЕНТА ДОБРОСОСЕДСТВА
И ПАРТНЕРСТВА (ЕИДП)**

Невзирая на необходимость взаимодействия Российской Федерации с ее ближайшими соседями и поддержания мира и стабильности в южном макрорегионе, Россия не участвует в проекте «Европейского инструмента добрососедства и партнерства» (далее – ЕИДП) и межрегиональной программе «Восточное партнерство» (далее – ВП). Поэтому объектом анализа выступают взаимоотношения российского юга и Армении в трансграничном сотрудничестве в геополитической матрице ВП. Цель исследования заключается в выявлении качественного (на основе фактологического анализа) и количественного показателя эффективности данного сотрудничества между двумя государствами как в рамках ЕИДП (ВП), так и за его пределами.

Средством выявления показателя эффективности трансграничного сотрудничества является модифицированная методика подсчета Индекса трансграничного развития (Trans-border Development Index/TDI), использованная конгломератом исследователей границы США и Мексики (El Colegio de la

Frontera Norte (Мексика), Центр Вудро Вильсона (США), Государственный Университет штата Аризона (США)).

ЕИДП. «Европейского инструмент добрососедства и партнерства» (ЕИДП/ENPI) представляет собой основной финансовый механизм оказания содействия партнерам, входящим в состав Европейской политики соседства (ЕПС/ENP). С 1 января 2007 г. ЕИДП заменяет бывшие программы MEDA (страны Средиземноморского региона) и TACIS (восточные страны, включая Россию). На период 2007–2013 гг. для новых соседних стран ЕС в Восточной Европе и южной части Средиземноморского региона будет выделено около 12 млрд евро из бюджета Европейского союза. Цель ЕИДП состоит в содействии устойчивому развитию и сближению с политикой и стандартами ЕС.

Россия не была включена в ЕИДП, однако вошла в Стратегическое партнерство, базирующееся на 4 «общих пространствах кооперации» (4CS) [1]: экономическое пространство; пространство свободы, безопасности и правосудия; пространство внешней безопасности; пространство исследований, образования и культуры. Главная цель 4CS – укрепление стратегического партнерства между Евросоюзом и Россией. Все двусторонние проекты реализуются на территории РФ согласно целям, установленным в «дорожных картах» [2].

«Восточное партнерство». На сегодняшний день ЕС делает ставку на развитие программы «Восточное партнерство» (Eastern Partnership/EaP/ВП), реализуемую около границ России, но не включая ее саму (с мая 2009 г. также на базе ЕСП). Согласно официальным документам ЕС, участие в ВП не предусматривает возможности членства в ЕС, но предполагает преимущественно политическое и экономическое сближение. В качестве дополнительной финансовой помощи в обмен на демократические преобразования шести странам до 2013 г. предполагается выделить 350 млн евро. По существу, произошло полное исключение России из процессов трансграничного и межрегионального сотрудничества с соседними государствами в рамках ЕИДП.

Южный макрорегион. Однако ЕС все же осуществляет кооперацию с определенными макрорегионами России: а) Калининград, б) Северный Кавказ, в) Северное измерение, г) Черное море, д) Балтийское море, е) Арктика. Из перечисленных регионов безусловными по приоритетности ЕС являются Калининград, Северный Кавказ и Черное море.

Армения. Безусловно, южный макрорегион так или иначе задействован в трансрегиональном сотрудничестве с закавказскими республиками – Арменией, Грузией и Азербайджаном, важным геополитическим макрорегионом и для России, и для ЕС, США, Турции и Китая. Следует привести цитату Х. Соланы, верховного представителя по вопросам общей внешней политики и политике безопасности ЕС: «Россия должна понять, в какой степени малые

страны чувствуют себя уязвимыми рядом с соседом-гигантом. И в сегодняшнем мире не очень хороший признак, когда у государства сложные отношения со многими соседями» [3]. Лишь Армения, являющаяся давним партнером России, способна замкнуть на себе ВП.

Трансграничное сотрудничество в рамках ЕИДП. ЕИДП включает в себя четыре приоритетных направления, одно из которых – трансграничное сотрудничество (Cross-Border-Cooperation/CBC), направленное на экономическое и социальное развитие в пограничных районах в различных сферах кооперации. Фактически для ЕС это базовая программа сотрудничества с Российской Федерацией [4]. В рамках этого направления Россия и ЕС взаимодействуют в семи трансграничных проектах, а с Арменией лишь в одном – «Причерноморском сотрудничестве» (Black Sea Basin, сроком на 6 лет с 2007 по 2013 г.). Важным замечанием является то, что только три административных субъекта РФ участвуют в данной программе: Ростовская область, Краснодарский край и Республика Адыгея [5]. Бюджет программы «Причерноморское сотрудничество» на шесть лет составляет (по последним данным) 21 296 515 евро.

Рассмотрим главную (и на данный момент единственную в рамках ЕИДП) сферу кооперации Армении и южного макрорегиона России – энергетическую/экологическую. Обращаясь к официальным документам ЕС в рамках ЕИДП [6], становится понятно, что Евросоюз крайне негативно относится к российской энергетической политике, распространяющейся не сколько на ближайших соседей РФ, сколько на сам Евросоюз. «Недавние события, имеющие отношение к спорам между Россией и бывшими советскими республиками (по поводу цен на газ), продемонстрировали высокую уязвимость Армении в этом вопросе. Однако Армения продолжает прилагать всяческие усилия по диверсификации источников энергоснабжения и просит помощи ЕС в этом вопросе» [7]. Такова официальная точка зрения ЕС в отношении энергетического преимущества России, поэтому ЕС сможет использовать ЕИДП в качестве основного механизма влияния в энергосфере, который в итоге обещает стать едва ли не главным в стратегии программы ВП. Также важно учитывать, что по территории Армении проходит 140-километровый газопровод, соединяющий Тебриз и газораспределительную станцию в Мегри. В обмен на поставки газа Армения снабжает Иран электроэнергией. Несмотря на неэффективность проекта Тебриз-Мегри, проблема Ирана, его нарастающего влияния сразу в нескольких геополитических макросегментах (также в связке с Арменией и Южным Кавказом в целом), его относительно дружественные отношения с Россией – настоящая головная боль для ЕС.

В противовес официальной точке зрения Евросоюза высказываются эксперты европейского «мозгового центра» FRIDE, которые в своей критике сводят на «нет» все действия ЕС в области энергетики Армении [8].

Специалисты FRIDE говорят о том, что ЕС в большей степени нацелен на ядерную безопасность всего южнокавказского макрорегиона и на деле не предпринимает никаких действий по улучшению изжившей себя энергетической инфраструктуры Армении. Они также отмечают, что развитие армянской энергетики зависит исключительно от России, а не от ЕС, который может помочь лишь в негосударственном секторе (местные общины и локальные культурные организации). Из этого следует, что единственная сфера взаимодействия России и Армении в рамках программы «Восточное партнерство» ЕИДП является неэффективной, оставляя без внимания массивные сферы межкультурного взаимодействия, социально-экономической кооперации и программу «Черноморская синергия» того же ЕС. Механизм взаимодействия между Россией и Арменией именно в рамках ЕИДП недостаточно развит и сфокусирован на решении экологических проблем без учета многочисленных сфер сотрудничества в различных областях.

Индекс трансграничного развития (сотрудничества) Армении и России. Для выявления показательности трансграничного сотрудничества между Россией (южным макрорегионом) и Арменией используем индекс TDI (Trans-border Development Index (TDI)/Индекс трансграничного развития (ИТР)).

ИТР является инструментом отслеживания и оценки реализации среднесрочных и долгосрочных целей, задач и стратегически важных региональных инициатив, влияющих на развитие двух соседних государств (согласно видению и стратегии ЕС, Россия входит в программу «Соседние государства»/ Neighboring countries). Для этого уточним, что ИТР может быть применен к расчетам при условии отсутствия непосредственной границы между Россией и Арменией.

ИТР представляет собой совокупность четырех групп субиндексов: 1) конкурентоспособности, 2) безопасности, 3) качества жизни и 4) устойчивого развития (экология и энергетика). В зависимости от наличия информации каждая группа индексов будет формироваться на основе целого ряда показателей, исходя из *реальных сфер* кооперации России и Армении вне рамок ЕИДП и ВП.

Модифицирование методики основывалось на включении в выборку расширенного ряда показателей каждой из группы индексов. Несколько групп индексов заимствовались из статистики всемирно известных исследовательских центров (Мировой экономический форум, Йельский университет и пр.). Например, на первом этапе мы предварительно осуществили расчеты с включенным сегментом индексов образования (среднего и высшего) из восьми дополнительных индексов (всего 37 индексов) по России и Армении. Суммарные показатели среднего значения с учетом этого фактора продемонстрировали перевес в пользу Армении (22,6 против 16,8), что свидетельствует о ее большей привлекательности в рамках двустороннего трансграничного

сотрудничества и, как следствие, ее эффективности. С учетом того, что ЕС активно инвестирует в развитие сфер именно среднего и высшего образования в Армении, мы изъяли данный сектор и провели расчеты уже по 29 индексам. В этом случае незначительный перевес произошел в пользу России: 20,9 против 21,4.

Таблица 1

Индекс трансграничного развития (ИТР/TDI)

Индекс	Армения	Россия
Конкурентоспособность	3,89	4,21
Инновации	3,09	3,24
Человеческое развитие	0,716	0,755
Кооперация в области развития исследований между промышленной сферой и структурами высшего образования	29,45	44,48
Состояние развития кластеров экономики	30,45	35,76
Совместные предприятия / сделки стратегических альянсов	0,00	18,92
Расходы на образование	18,24	35,89
Государственные расходы на образование одного ученика	19	28,03
Исследователи	10,09	20,11
Валовой расход на развитие исследований	3,82	20,84
Качество научно-исследовательских учреждений	33,3	49,93
Государственные учреждения	3,64	2,94
Частные учреждения	3,69	3,49
Экономическая свобода	2,35	1,3
Глобальный индекс мира	2,26	106
Безопасность	5,23	3,88
Расходы на борьбу с терроризмом	6,35	4,71
Борьба с организованной преступностью	5,41	4,01
Благонадежность полицейских служб	3,46	2,63
Индекс качества жизни	5,422	4,796
Здоровье	0,856	0,77
Реально действующие тарифы	88,82	71,22
Доступ к рынку и торговые ограничения	90,81	91,47
Импорт товаров и услуг	20,11	7,23
Экспорт товаров и услуг	3,3	20,7
Интенсивность конкуренции на местном уровне	41,91	52,32
Индекс экологической деятельности	47,5	45,4
Состояние окружающей среды	63,8	60,9
Жизнеспособность экосистемы	40,5	38,8
Итоговый показатель	586,748	620,896
Среднее	20,9	21,4

Из таблицы следует, что полученные близкие показатели свидетельствуют о равной степени (эффективности) трансграничного сотрудничества и его привлекательности для обеих сторон согласно ИТС. Особо отметим кооперацию в области безопасности в связке с глобальным индексом мира России, где решающими факторами выступают территория (протяженность в % соотношении), наличие на ней различных типов конфликтов (центр-периферия, религиозный/политический экстремизм и пр.).

В связи с тем, что в рамках ВП ЕИДП Россия и Армения ограниченно взаимодействуют лишь в сфере энергетики и не способны развивать сотрудничество в полной мере по многофакторным причинам невключенности России в саму программу, то соответственно и индекс их кооперации в ее рамках будет несущественен: 3,9 (Армения) и 3,8 (Россия).

У южного макрорегиона России и Армении существует необходимый потенциал для более эффективного трансграничного сотрудничества. В свою очередь, подобный вид кооперации будет зависеть от совместных среднесрочных и долгосрочных программ развития без участия внешних акторов.

Примечания

1. Common Spaces Progress Report. 2009. P. 34 f. URL: <http://www.library.by/portalus/modules/psychology> (дата обращения: 11.03.2012).

2. Delegation of the European Union to Russia, Political Framework. URL: http://ec.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/political_relations/political_framework/index_en.htm (дата обращения: 11.03.2012).

3. Address by Javier Solana, EU High Representative For the Common Foreign and Security Policy, To the Munich Security Conference 7 February 2009. Document S028/0. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/discours/105986.pdf (дата обращения: 15.02.2012).

4. Regulation (EC) No 1638/2006 of the European Parliament and of the Council of 24 October 2006 laying down general provisions establishing a European Neighbourhood and Partnership Instrument. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/regional-cooperation/enpi-cross-border/documents/enpi_regulation_en.pdf (дата обращения: 13.03.2012).

5. Role of Cross-Border Cooperation between the European Union and the Russian Federation in Bilateral and Regional Economic Development Programmes. 2010. Šarūnas Radvilavičius and Nikolay Mezhevich within the project “Cross-border cooperation in the context of EU-Russia Regional Dialogue” (119860/C/CV/multi LOT №7). P.3.

6. European Neighborhood and Partnership Instrument. Armenia. Country Strategy Paper. 2007 – 2013. P.33. URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/enpi_csp_armenia_en.pdf (дата обращения: 13.03.2012).

7. Там же.

8. Nelli Babayan, Natalia Shapovalova. Armenia: the Eastern Partnership's unrequited suitor // Policy Brief. № 94 September 2011. FRIDE. P. 4.

И.Г. Иванцов

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО РАЙОНА В 1920–1930-е гг.

На Северном Кавказе в разное время, помимо целого ряда автономных республик, областей и округов, большинство из которых существует и поныне, были образованы национальные районы. На Кубани одним из первых 10 марта 1925 г. был создан Армянский район. Он был образован путем выделения территорий из Горячеключевского и Хадыженского районов, т.е. включал в себя населенные пункты Кубанского и Майкопского округов. Центром его стала ст. Елизаветпольская (в документах советского периода она чаще всего именуется селом). Армянский район был расположен в лесогорной полосе, на подступах к Главному Кавказскому хребту, и занимал территорию в 1653 кв. км. Заселение района греками и армянами началось в 1868 г. Первыми поселенцами были греки, за ними, спустя некоторое время, пришли армяне.

Греки-табаководы принесли с собой навыки табаководства, армяне эти навыки у них переняли и, попутно занимаясь посевом кукурузы, а также незначительно животноводством, обжились на новых местах. С течением времени греки в поисках лучших земель стали переселяться на Черноморское побережье и на Кубань. Армяне остались, заметно увеличив количество поселков за счет нового притока эмигрантов, главным образом из Самсунгского и Трапезундского вилаетов Турции. Являясь турецкоподданными и, будучи лишены по некоторым причинам возможности получения русского подданства, они не имели права на получение земельных наделов, арендуя их сначала у государства, а после передачи земель казакам – у казачьих станиц.

Приток эмигрантов не прекращался и дал к 1917 г. 27 армянских сел и хуторов с общим количеством населения более 3 тыс. чел. Переселенцы армяне, будучи изолированы (из-за особенностей местности) от окружающего русского населения, оставались все теми же турецкими армянами, с прежним укладом и строем жизни.

Географическая обособленность и малочисленность населения привели к тому, что результаты Октябрьской революции докатились сюда позже, чем до других мест Северного Кавказа и в основном вылились в оформление правового положения и землепользования. Раздробленность и разбросанность населенных пунктов, географическое разделение горными хребтами на две части, оторванность от органов власти привела к тому, что как до, так и после районирования в экономике и росте культурного уровня не было никаких сдвигов. По существу все населенные пункты района оставались такими же, как и до 1917 г.

Последовательное осуществление ленинской национальной политики завершилось в ноябре 1925 г. образованием самостоятельной районной административной единицы, вошедшей в состав Майкопского округа. К тому времени в районе было 54 населенных пункта с количеством населения более 6 тыс. чел. Однако руководство районом, осуществляемое округом, было очень слабое, носило характер случайных и редких наездов отдельных работников и обилия никем не читаемых циркуляров. В области социально-культурного строительства почти ничего не делалось, поскольку округ отпускал на эти цели весьма ограниченные средства. К ноябрю 1929 г. было коллективизировано 98 % крестьянских хозяйств, организовано 9 крупных колхозов. В этот период в районе насчитывалось 1668 крестьянских хозяйств. «Это были колхозы-гиганты, которые затем быстро развалились. В 1931 г. вновь был организован 41 колхоз. В 1932 г. в результате укрупнений их осталось 16, в 1934 – 13. Основную тягловую силу района представляли волы и лошади. Всего по состоянию на 1934 г. в районе насчитывалось лошадей – 399, волов – 639, крупного рогатого скота – 3206, свиней – 2735, овец и коз – 382. Для сравнения, в 1929 г. в районе насчитывалось лошадей – 904, волов – 1578, крупного рогатого скота – 2399» [1].

В 1934 г. население района (по данным налогового учета) составляло 9900 чел., сосредоточенных в 52 населенных пунктах, обслуживаемых 8 сельсоветами. Типичными населенными пунктами являлись мелкие поселения численностью от 25 до 250 жителей. Главную массу сельскохозяйственного населения района (1932 г.) составляли армяне (85 %). После районирования краевые власти, которым теперь непосредственно подчинялся район, стали не жалеть денежных средств на развитие района. Так, на 1932 г. было запланировано расширение посевных площадей до 4253 га, т.е. на 20 % больше, чем их было в 1931 г. В целях развития овцеводства предполагалась закупка 1000 племенных овец. Общие капиталовложения в сельское хозяйство должно было составить 576 тыс. руб. Планировалось закладка 80 га садов. В лесное хозяйство предполагалось вложить 957 тыс. руб., из которых 756 тыс. выделялось на освоение лесных площадей (в 1931 г. – 21 тыс. руб.). В коммунальное хозяйство – 450 тыс. руб. На ремонт и строительство сельских дорог выделялось 500 тыс. руб. Планировалось строительство 13 км гравийно-шоссейной дороги от с. Елизаветпольского до с. Гойтх и ремонт 30 км уже имеющих дорог.

В систему народного образования вкладывалось 360 тыс. руб., было запланировано строительство новых ШКМ (школы молодежи) и 4-комплектной школы. На здравоохранение выделялось 174 тыс. руб. (в 1931 г. – 92 тыс.) Планировалось строительство единого диспансера (в Елизаветпольском) и двух зданий врачебных участков. Кроме того, планировался полный охват телефонной связью всех сельсоветов района, а также переоборудование уже

действующей сети [2]. Достижением района в 1931 г. было осуществление 100 % охвата детей школьного возраста школами первой ступени.

С целью повышения образовательного уровня в 1931 г. подготовку на курсах секретарей партийно-комсомольских ячеек и колхозного актива прошли 355 чел. (большинство из которых были армяне). В 1931 г. началась армянизация (коренизация) аппаратов районных и сельских организаций и перевод делопроизводства во всех сельских и большинстве районных (имеющих непосредственную связь с населением и низами) – на армянский язык [3].

Однако реальной коренизации не произошло. На состоявшемся 11.09.1931 г. (в селе Елизаветпольском) заседании Президиума Армянской районной контрольной комиссии в постановлении о «коренизации» отмечалось противодействие ей ряда районных организаций. Дело в том, что районные государственные организации обязывались вести официальную и деловую переписку на армянском языке. Для этого предлагалось организовать кружок по изучению армянского языка для руководящих и низовых работников, открыть постоянно действующие курсы для сельских секретарей, счетоводов и делопроизводителей сельсоветов с 1 октября 1931 г. Кроме того, предполагалось укомплектовать аппарат райисполкома так, чтобы ответственный секретарь и заведующий общим отделом владели как русским, так и армянским языками [4]. С комплектацией были проблемы, поскольку местные армяне плохо владели армянским письменным языком. Хорошо владевшие армянским языком специалисты приглашались из других мест и из Армении, но они зачастую не очень хорошо владели русским (а иногда и армянским) техническим языком.

По решению Армянского райисполкома все делопроизводство районных организаций и учреждений в обязательном порядке переводилось на армянский язык с 1 декабря 1931 г. Райисполком, принимая постановление, не задавался вопросом, а есть ли вообще возможность перехода с русского на армянский? На тот момент «из 311 чел., являвшихся работниками районной и сельских организаций, приезжих армян было 80 чел., местных армян 13 чел.» [5]. Их силами и планировался переход, но он так и не состоялся, в первую очередь из-за нехватки исполнителей. Некоторые руководящие работники района поплатились за слушание. Заведующий райфинорганом при райисполкоме А.М. Симонян сначала получил выговор «за не перевод делопроизводства в районе на армянский язык», затем был вовсе исключен из партии. Ответственный секретарь райисполкома Х.А. Адвандов получил выговор за то же, но исключен из партии не был. Он оправдался тем, что в аппарате райисполкома не было ни одного «технически грамотного армянина, способного к переводам с русского на армянский язык» [6].

Через год на заседании бюро армянского райкома от 8.08.1932 г. говорилось следующее: «Районная комиссия по коренизации была распущена и ее функции были переданы райисполкому. С тех пор большинство районных ор-

ганизаций (РКС, Союзтабаксырье, Райфо, Банк, РИК и др.) явно не желают переводить делопроизводство на родной язык, несмотря на систематический рост в аппаратах удельного веса работников-армян. Было решено довести до сведения крайкома партии, что ряд краевых ведомств (Крайколхозсоюз, Райуправление милиции, Крайконттора госбанка и др.) отзывают из района работников-националов и присылают на их место русских и людей других национальностей, тем самым препятствуя окончанию коренизации» [7]. Однако и сам райком переходить на армянский язык не торопился. В документах крайкома партии, районной контрольной комиссии документов на армянском языке просто нет. Единственным реальным воплощением проводимой политики, судя по архивным документам, стали бланки документов, печати, где надписи были вырезаны на двух языках – армянском и русском [8], а также районная газета «Берки-Амар», организованная в 1931 г., где материалы печатались частично на армянском языке [9].

На расширенном пленуме Армянского районного комитета ВКП(б), 27.11.1934 г., посвященном итогам чистки ВКП(б) в 1934 г., также говорилось, что коренизация в районе так и не завершена [10]. В 1932 г. наблюдался отток из района армян и приток русских, особенно в леспромхозы, где они составляли абсолютное большинство работников. Армянское население в основном выезжало (бежало) в Абхазию, Туапсинский или Сочинский район [11]. В целях борьбы с дальнейшим притоком беглого элемента и утечки из района колхозников, полного выявления пришлых кулаков, единоличников и колхозников, бюро райкома постановило: «1. Обязать сельпартколлективы и сельсоветы систематически проводить работу по выявлению пришлого элемента, о каждом факте немедленно доносить райаппарату ОГПУ. 2. Категорически запретить сельсоветам и др. выдачу каких либо справок или удостоверений на выезд колхозников и единоличников за пределы края и в национальные области. 3. Предложить всем партколлективам и сельсоветам вести массово-разъяснительную работу среди населения по этим вопросам. 4. Предложить начальнику РУ ОГПУ Парамонову: а) помимо имеющихся трех организовать еще пять заслонов по направлениям: Аф-Постик – Горячий ключ; Черниговский – Апшеронская; Нефтегорск – Бакинская; Гойтх (Островская щель) – Туапсе; б) вместе с Садовским и Тубинским партколлективами дополнительно произвести изъятие пришлого элемента из хутора Сосновая щель и Тубинских лесоразработок, недостаточно в прошлом проверенного; в) срочно установить физиономию, с точки зрения социального происхождения, пришлых граждан, осевших в районе еще в 1929–1930 гг. (в период сплошной коллективизации); г) в ближайшие дни установить точный учет (в социальном разрезе) ушедших из района хозяйств. 5. Предупредить коммунистов-руководителей организаций и учреждений, особенно лесоразрабатывающих, что дальнейший неорганизованный прием на работу рабсилы

без предварительного установления личности и без справок от колхозов и сельсоветов повлечет за собой привлечение к партийной и уголовной ответственности» [12].

Район не особо затронул голод 1932–1933 гг., поскольку он не являлся зерновым, не облагался непосильным продналогом. Там выращивали кукурузу, занимались животноводством, но масштабы производства были незначительны. Тем не менее общая беда район не обошла. Тому есть довольно редкое свидетельство. Из доклада на заседании бюро Армянского райкома партии. 28.07.1932 г.: «С 1 июля (1932 г.) в районе совершенно отсутствуют всякие продовольственные запасы. Нет муки и кукурузы как в потребкооперации, так и на частном рынке. Начиная с 20 июля, совершенно прекращен отпуск хлеба ввиду отсутствия какой либо перспективы дальнейших внутрирайонных заготовок. Создавшееся положение грозит уходом из района всех сельских специалистов: учителей, агрономов, медработников, рабочих лесоразработок, отходников и других категорий работников» [13].

Осенью положение стало еще хуже, лесозаготовки были сорваны, прекратилось снабжение мукой и хлебом работников лесозавода и лесоразработок. На первое сентября 1932 г. 140 чел. самовольно покинули работу. Уже в октябре месяце местное население стало добывать средства доступными всеми способами. Основной культурой, приносящей доход, был табак. Участились случаи хищения табака, спекуляция и контрабанда им. У населения изымались крошилные машины и станки, даже ручные. Райком запретил районному отделу связи принимать любые посылки без их осмотра с целью обнаружения в них (и изъятия) табака. Милиция и прокуратура обязывались райкомом оформлять уголовные дела на спекулянтов и расхитителей «безбандерольного» табака не позже трех дней и проводить над ними судебно-показательные процессы [14].

Ликвидация национальных автономий на уровне районов и сельсоветов на Кубани началось еще в 1930-е гг. Однако армянский район это коснулось в послевоенный период. Указом от 22.08.1953 г. в Краснодарском крае было упразднено 24 района из 72 существовавших. В их числе был упразднен и последний на Кубани Армянский национальный район [15]. Так закончились на Кубани проходившие более двух десятилетий подряд различного рода национально-политические эксперименты.

Конечно, создание национальных районов, во всяком случае на Кубани, было экономически совершенно неоправданно. Однако административно независимые национальные районы являли собою некий символ интернационального благополучия первой в мире страны победившего социализма.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф.Р. – 1415. Оп. 1. Д. 23. Л. 63–70.

2. Там же. Л. 19–21.
3. Там же. Л. 5.
4. Там же. Ф.Р. – 11381. Оп. 1. Д. 1. Л. 26, 29.
5. Там же. Ф.Р. – 8003. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.; Д. 19. Л. 56–57.
6. Там же. Ф.Р. – 11381. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 4 об, 30–31.
7. Там же. Ф.Р. – 1415. Оп. 1. Д. 27. Л. 14.
8. Там же. Д. 33. Л. 10.
9. Там же. Д. 23. Л. 29.
10. Там же. Д. 40. Л. 24.
11. Там же. Д. 36. Л. 29.; Д. 38. Л. 28–30.
12. Там же. Д. 34. Л. 38–40.
13. Там же. Д. 27. Л. 9.
14. Там же. Д. 28. Л. 26.
15. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 116, 133.

Ю.Ю. Клычников

**«ПРИУЧИВШИ ГОРЦЕВ С ДАВНИХ ВРЕМЕН ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЗЕМЛИ СБЫВАТЬ ПОСРЕДСТВОМ ИХ ...»: РОЛЬ АРМЯНСКОГО
КУПЕЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

По мере обретения и обустройства Северного Кавказа Российское государство должно было выстраивать отношения с местными народами с целью их приобщения к общеимперским порядкам. Это было не простой задачей, т.к. регион населяли этносы в большинстве своем далекие от понимания особенностей жизни в условиях государства, воспитанные на традиционных, потестарных ценностях. Поэтому важно было найти в регионе естественных союзников, которые могли бы стать проводником идей российской власти, но одновременно были понятны и близки местным жителям. И таким народам стали армяне, в значительной степени соответствовавшие выдвигаемым требованиям и в силу своего этнопрофессионализма быстрее остальных встраивавшиеся в державную систему России [1].

Армянские торговцы если и не монополизировали обмен между северокавказскими племенами, то, безусловно, заняли в нем лидирующие позиции. Они имели широкие знакомства даже среди т.н. немирных горцев, пользовались покровительством и защитой авторитетных фамилий, без чего заниматься торговыми операциями в местных условиях было невыносимо. Армянские купцы были объективно заинтересованы в умиротворении Кавказа, т.к. специфика их деятельности нуждалась в предсказуемости и стабильности ситуации [2]. Не удивительно, что российское правительство постаралось

использовать их потенциал в политике по умиротворению региона. Уделяя пристальное внимание торговле как важному и эффективному инструменту по преобразованию края, имперская администрация поощряла тех, кто готов был в ней участвовать.

Впрочем, на практике ситуация выглядела далеко не однозначно. Кавказская администрация выступала за то, чтобы горцы занимались торговлей непосредственно, а не через посредников. В этом случае можно было ожидать изменения их воинственных нравов. Но конкурировать с армянами, многие из которых «с молоком матери» впитали искусство получения барыша, они не могли. Отсюда проистекала и разница в оценках мер, которые предполагалось применить в отношении армянских купцов. Например, в 1833 г. кавказская администрация в лице генерал-лейтенанта Вельяминова выступила с инициативой о принятии комплекса мер, направленных на улучшение торговли с горцами. Предлагалось увеличить ввоз к горцам товаров русской промышленности, расширить круг лиц, допущенных к торговым операциям при меновых дворах. Помимо купеческого сословия право торговать получили и мещане. Армянских же купцов предполагалось отстранить от торговых операций совсем. Данные предложения были частично одобрены Николаем I в 1836 г. Однако он не согласился на запрещение армянским купцам торговать наравне со всеми [3].

В свое время против подобной идеи выступал А.П. Ермолов. Тогда он оспаривал доводы Р.А. Скарси, будто бы армяне являются причиной горских набегов и утверждал, что: «Горцы быв вообще недоверчивы, ленивы и без всякого образования, надолго еще останутся в невежестве и сами собою без участия Армян не приступят ни к каким торговым сношениям с Русскими; Армяне-же, напротив, как умный и предприимчивый народ, приучивши горцев с давних времен все произведения земли сбывать посредством их, не оставили и ныне употребить всех средств к удержанию за собой сей единственной их, можно сказать, промышленности. Успех их в том не подвержен никакому сомнению, ибо нет почти ни одного в горах селения, в котором не находились бы несколько Армянских семей, занимающихся торговлею, и чтобы владельцы тех мест не участвовали во всех с ними оборотах» [4]. К аналогичному выводу пришел и дореволюционный историк Ф.А. Щербина [5]. Но к этой проблеме возвращались еще не раз. 24 сентября 1827 г. генерал Г.А. Емануэль издал приказ, согласно которому армянские купцы могли продавать свои товары оптом только жителям Черномории, но не горцам. На меновых же дворах им позволялось вести лишь розничную торговлю [6]. В 1833 г. генерал Малиновский утверждал, что причину враждебности ряда горских племен к России следует искать в происках армянских купцов. Они, по словам генерала, «подстрекают к непокорности натухайцев, шапсугов, абадзехов, стремясь пользоваться несогласием их с русскими с целью обогащения от торговли» [7]. С предло-

жением запретить армянским купцам торговать с горцами выступил в 1838 г. Г.Х. Засс, утверждавший, что они монополизировали эту деятельность, чем вызывают недовольство казаков и горцев [8]. Он указывал на то, что они «по природе своей корыстолюбивые и способны на все ради обмана» [9]. Однако эта его инициатива поддержки не нашла. Подобные предубеждения против армянских купцов со стороны ряда представителей царского командования вполне объяснимы, т.к., по словам того же Ф.А. Щербины, «главный источник торговли доходов армянина представлял торг людьми. Этот вид торговли создали не горские армяне; он существовал в Кавказских горах с древнейших времен, но развили его в значительной степени армяне» [10]. В противоположность им генерал Граббе в 1840 г., напротив, выступил за свободный допуск армянских купцов к торговле, что, по его мнению, способствовало сближению горских народов с Россией, и даже добился в 1841 г. их освобождения от рекрутской повинности [11]. Любопытно, что сам Г.Х. Засс использовал одного из прочноокопских купцов для освобождения русских пленников, «закрыв глаза» на то, что тот фактически занимается пленопродавством [12].

Это был не единичный случай, когда российские власти привлекали армянских торговцев для освобождения невольников и даже награждали их за это орденами. Так, 19 января 1821 г. на имя Командующего Отдельным Кавказским корпусом А.П. Ермолова обратился нахичеванский мещанин Семен Сарибашев (Шарабашев) с просьбой отметить его службу. В частности, он писал, что «прошлого 1818 года марта месяца подавал я прошение бригадному командиру г. генерал-майору Дебу с приложением во оригиналах аттестатов данных мне от бывшего командира Вологодского пехотного полка полковника Петерикова № 952, а последний Войска Черноморского Войскового атамана подполковника Матвеева № 1882-го и свидетельства Усть-Лабинского карантина № 109-го препровожденных к Вашему Высокопревосходительству, относительно выкупа из плена от горских народов из собственности моей, того же года июня в 18-й день, унтер-цейхофицера 10 класса Зивьелова, в 1810-м году без возврату издержанных мною денег, Кубанского казачьего полка Воровсколесской станицы казак Котляров, в 1811-м Войска Донского Краснова полка казак Моисей Молдованов, мною лично покойному генерал-майору Кирееву доставленный, а в 1816-м году Черноморского войска казак Андрей Болдырев. За каковое самопроизвольное пожертвование, по предписанию Вашего Высокопревосходительства, от 20 января прошлого 1819 года № 60-й имел счастье получить посредством бывшего командира 19-й пехотной дивизии генерал-майора Дельпоццо благоволение Вашего Превосходительства с объявлением, что за неоднократное мною оказываемое в пользу службы усердие, не останусь я без награждения».

Эти заслуги не остались без вознаграждения, судя по той расписке, которая сохранилась в деле. Датированная 30 октября 1822 г. она была «дана сия от меня

нижеподписавшегося господину генерал-майору и кавалеру Власову 3-му квитанция в том, что присланную при повелении Его Высочайшего Превосходительства корпусного командира господина генерала от инфантерии и кавалера Алексея Петровича Ермолова от 19-го прошедшего сентября № 172-м Всемилоостивейшее пожалованную мне золотую медаль с надписью “За усердие” на Анненской ленте я от него господина генерал-майора Власова получил и следуемые в пользу инвалидов сто рублей ассигнациями деньги теперь взносил. В чем подпишусь. На армянском языке значит: Семен Шарабашев, нахичеванский армянин своеручно» [13].

И это был не единичный случай. В 1843–1845 гг. шла переписка «о представлении нахичеванских и закубанских армян 8 человек к золотым медалям и к ордену Св. Станислава 3-й степени, за человеколюбивые подвиги, именно за выкуп на их собственность из-за Кубани 66 человек русских пленных». Попавшие в плен «при разорении укреплений» на Восточном побережье Черного моря, они были выкуплены «3-й гильдии купцом Егором Минаевым Черкесовым... 3-й гильдии купцом Емельяном Борисовым Хазезовым... армянином Карпом Черчановым... армянином Якимом Алексеевым Красильниковым... нахичеванским дворянином Иваном Мануиловым Шагановым... нахичеванским купеческим сыном Вартиресом Панасовым Чекмановым... Карабетом (по-русски Карп) Афанасьевич Чекмаковым 3-й гильдии купцом нахичеванским. Этот самый усердствовал выкупать от горцев наших пленных». Далее следовал еще один список выкупленных невольников. Кроме того, Капрел Хачадуров выкупил у горцев «церковный на престольный крест».

Факты передачи пленных документально фиксировались. 31 ноября 1838 г. была выдана квитанция «жительствующему за Кубанью армянину Капрелу Хачадурову в том, что он Хачадуров добровольно и без всякого возмездия отпустил от себя жителя города Екатеринодара из малолетков казака Петра Бутковского, выкупленного им на собственность свою у закубанских народов, коими захвачен он в плен в апреле месяце сего года, в дистанции Великолагерного поста, которым доставлен ко мне 7-го числа сего ноября при донесении Екатеринодарского частного карантинного за № 872-м. В удостоверении чего выдать сие от меня за подписью и Войсковою печатью. Наказной атаман Войска черноморского генерал-майор Завадовский».

Ему же выдали свидетельство «в том, что в 1838 г., он, от одного христианского соревнования купил у горцев церковный на престольный крест, заграбленный ими с прочими вещами с судна, подвергшегося крушению в том году при берегах Черного моря, каковой крест он Хачадуров и доставил к нам. Таковой похвальный поступок армянина Хачадурова подписью моей и печатью удостоверяю. Екатеринодар, мая 17 дня 1840 года. Командующий Черноморскою Линиею, генерал-майор Завадовский».

В уведомлении, датированном 11 октября 1844 г., сообщалось, что «господин дежурный генерал Главного штаба Его Императорского Величества от 28 июня № 5567, уведомил г. Корпусного командира, что государь император по всеподданнейшему докладу отношения его высокопревосходительства № 13, всемилостивейшее соизволил пожаловать нахичеванским четырьмя купцам 3-й гильдии и одному мещанину в прилагаемом списке поименованным за человеколюбивые их поступки серебряные медали с надписью “За усердие”, для ношения на шее на Владимирской ленте». Как следует из дальнейшего пояснения, «купцам 3-й гильдии 1. Керопу Черчопову, 2. Емельяну Хозезову, 3. Владимиру Чехмахову, 4. Акиму Красильникову медали лично возложены и свидетельства вручены 2-го ноября 1844 г. Мещанину Егору Черкесову медаль лично возложена и свидетельство вручено 2-го ноября».

И в дальнейшем, генерал-майору Рашпилю 10 апреля 1845 г. было представлено следующий рапорт: «В последствии приказа по Корпусу от 31 декабря 1844 года № 178, представляя при сем вашему превосходительству три золотые медали с надписью “За усердие”, для ношения на шее, на Владимирской ленте, всемилостивейшее пожалованные нахичеванским жителям 3 гильдии купцам: Ованесу Миасерову, Карпу Чехмахову, и закубанскому армянину Егору Миасерову, имею честь покорнейше просить приказать выдать оные по принадлежности вместе с прилагаемыми. Ованесу Миасерову и Егору Миасерову медали со свидетельствами вручены лично 19-го и 20-го апреля. Карпу Чехмахову отослали в Нахичеванский армянский магистрат для вручения» [14].

Такого рода свидетельства наглядно демонстрируют не только тяготы и испытания кавказского порубежья, но и достойные похвалы человеческие качества российских подданных, независимо от их национальности. Ощущая себя частью единого Отечества и готовые оказать помощь страждущим, они находили в этом поддержку и одобрение со стороны властей, всячески поощрявших подобные инициативы.

Возвращаясь к отношениям барона Г.Х. Засса к армянам, необходимо отметить, что он отнюдь не являлся их недоброжелателем. Достаточно вспомнить тот факт, что именно благодаря инициативе этого генерала 21 апреля (3 мая) 1839 г. черкесо-гаи (горские армяне) были переселены к крепости Прочный Окоп, где под защитой русского оружия основали собственный аул Ермэльхабль – будущий Армавир [15]. В новое селение стекались армяне-темиргоевцы, махашевцы, егерукаевцы, беслеевцы, шапсуги, бжедуги. Это был ненасильственный процесс, т. к. они сами стремились расположиться на контролируемой российской властью территории с целью сохранения христианской религии, национальной идентичности и исходя из собственной экономической выгоды [16]. Подталкивало их к этому распространение среди адыгов ислама и, как следствие, ухудшение отношений с ними [17]. И до

этого события черкесо-гаи проживали в самых различных местах российских пределов. Например, возле ст. Пашковской в 30-е годы XIX в. находился их небольшой поселок. В 1830 г. рядом со ст. Казанской располагалось поселение черкесо-гаев, к которым в 1835 г. присоединились армяне из аула хатукаевского князя Петисова. У устья Лабы в 1836 г. поселились гяурхаблыцы во главе с князем Джембулатом Болотоковым. В 1838 г. они перешли в урочище Домбай-тук рядом со ст. Темижбекской, где к ним присоединились егурукаевские армяне. Их и переселил Засс в новый аул [18].

Таким образом, царская администрация демонстрировала заинтересованность в привлечении на свою сторону армянского населения, чья конфессиональная и ментальная близость делали его неотъемлемой и органичной частью формирующегося российского Кавказа.

Примечания

1. Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. Пятигорск, 2009. С. 61–62.
2. Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М., 2010. С. 90–92.
3. Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений с Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. 1902. Т. VIII. С. 389.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 451.
5. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916. С. 28.
6. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II. Репринтное издание. Краснодар, 1992. С. 589.
7. Цит. по: Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. 1940. № 9. С. 168.
8. Шамрай В.С. Указ. соч. С. 510.
9. Цит. по: Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик, 1962. С. 56.
10. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. С. 29.
11. Писарев В.И. Указ. соч. С. 169.
12. Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторический очерки) / Под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011. С. 229–239.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 802. Л.1–24.
14. Там же. Д. 1731. Л. 1–46.
15. Генерал Засс (воспоминания) // Иллюстрированная газета. 1873. № 5. С. 122; Ктитор С.Н. Датировка основания Армавира в российских документальных источниках // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2001. № 3–4. С.19–21.
16. Виноградов В.Б., Ктитор С.Н. Новое прочтение некоторых страниц истории Армавира и его ближайших окрестностей. Армавир, 1992. С. 19–21.

17. Ктиторов С.Н. История Армавира в контексте социально-экономического и культурного развития Степного Предкавказья в XIX – нач. XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2000. С. 13.

18. Симонян М.С. Переход черкесо-гаев во владения Российской империи // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы IX краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Армавир – Краснодар, 2001. С. 37–38.

В.А. Кумпан, Е.Н. Кумпан

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ АРМЯН НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО- ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Взаимовлияние внутренней и внешней политики для большинства государств представляет неоднозначную проблему. Сложность государственного аппарата «разводит» решение внутренних задач социально-экономической политики и участие в международных процессах по разным ведомствам. Мы рассмотрим особенности этноконфессиональной политики в пограничном регионе на Северо-Западном Кавказе и попытаемся найти корреляции с внешнеполитическими взаимоотношениями Российской империи и Османской империи во второй половине XIX в.

Характерно, что даже при исследовании османской политики на Северном Кавказе речь идет только о мусульманской миграции в XIX – начале XX в., в то время как христианская, в том числе армянская, эмиграция в пределы Российской империи не рассматривается [1].

Причины переселения христианского населения, прежде всего армян, объясняются социально-политическим гнетом в Османской империи, а также регулярными погромами армянского населения. Постоянный встречный поток христианского населения в Россию и мусульман в Османскую империю позволяет вести речь если не о прямой дипломатической договоренности, то о четкой закономерности [2].

Основы этноконфессиональной политики в Российской империи закладываются еще в период правления Петра I: «право иметь в своем ведении духовные дела русских армян» было даровано Эчмиадзинскому патриарху – главе Армянской апостольской церкви (ААЦ). Это право впоследствии подтвердили и другие правители России [3].

В апреле 1827 г. русские войска вошли на территорию Эчмиадзина, а в 1828 г. по Туркменчайскому договору Восточная Армения официально вошла в состав Российской империи [4]. Вскоре после заключения договора император Николай I, отмечая необходимость приведения в порядок дел

Эчмиадзинского патриархата, повелев изготовить проект положения об ААЦ, «по возможности сохраняя ее древние правила и обряды» [5].

11 марта 1836 г. было утверждено Положение об армяно-григорианской церкви в Российской империи, на основе которого осуществлялось управление ААЦ во второй половине XIX в. – начале XX в. ААЦ предоставлялось автономное устройство. Высшее управление ААЦ принадлежало патриарху, пребывавшему в Эчмиадзинском монастыре в пределах России. При этом Эчмиадзинский патриарх считался духовным главой всех последователей армяно-григорианского вероисповедания и носил титул католикоса всех армян [6]. Отметим четкую линию, поддержанную Россией, на представительство религиозных интересов всех армян.

По Положению 1836 г. армяно-григорианская Церковь в пределах Российской империи имела шесть епархий: Ереванскую, Карабахскую, Грузинскую, Шемахинскую, Нахичевано-Бессарабскую и Астраханскую [7]. Армяно-григориане Кубанской области в духовном отношении находились в ведении Астраханской епархии [8]. Епархиальные начальники назначались и увольнялись императором из духовных сановников армяно-григорианского исповедания [9]. При вступлении в должность они должны были дать присягу «на верность подданства и службы». Епархии управлялись при содействии викариев и консисторий [10]. Духовные консистории существовали в каждой епархии; они функционировали под председательством епархиального владыки и включали архимандрита и трех членов из белого духовенства. В круг деятельности консисторий входило: непосредственный надзор за духовенством, попечение о благоустройстве всех духовных и духовно-учебных заведений, часть хозяйственная, некоторые судебные дела, административные и проч. В некоторых епархиях в ведомстве консисторий состоят «духовные правления» из архимандрита или протоиерея и двух священников [11]. Епархии разделяются на приходы, во главе которых стоят священники. Права и обязанности духовных лиц ААЦ были такими же, как и в РПЦ [12]. На основе Положения 1836 г. светские власти могли осуществлять административный и политический контроль за деятельностью ААЦ.

По данным Первой всеобщей переписи, в Кубанской области проживало более 14,4 тыс. последователей Армянской апостольской церкви, большинство из которых составляли армяне.

Конфессиональная политика в отношении ААЦ в Российской империи и на Северо-Западном Кавказе развивалась следующим образом: в 1863 г. турецкое правительство издало статут об автономном управлении армянами их духовными и гражданскими делами. В 60–70 гг. XIX в. МВД при поддержке МИД постоянно отстаивало армянские привилегии и «приписывали эчмиадзинскому патриаршему престолу и его пастве неоспоримо важное значение в деле политического влияния... на Востоке» [13].

В 1876 г. армяно-григорианскому духовенству было разрешено, «не испрашивая разрешения учебного начальства, открывать и общеобразовательные училища повышенного типа, лишь уведомляя об их открытии».

С отменой наместничества в 1881 г. произошло общее изменение курса политики на Кавказе: «обрусение туземцев было признано первой задачей новой кавказской администрации, а школа – лучшим к тому орудием» [14]. Также в 1882 г., с отставкой Н.И. Игнатьева и назначением на пост министра внутренних дел графа Д.А. Толстого, меняется политика в отношении образовательных учреждений ААЦ. Особым совещанием под председательством МВД Толстого при участии министра народного просвещения и главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова были разработаны и высочайше утверждены 16 февраля 1884 г. Правила об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе [15].

В докладе канцелярии наместника (18 июля 1905 г.) по этому поводу указывалось, что «каких-либо доказательств противогосударственной деятельности армянской церкви Голицын не приводил». Остается также невыясненным, что собственно понимала тогдашняя кавказская администрация под «противоправительственными целями» и «революционными стремлениями» армян, главным очагом которых являлось якобы духовенство; и не считало ли оно таковыми стремление армян сохранить свой язык, свою литературу, свою церковь и, следовательно, не сливаться с господствующим племенем. Кроме того, администрация Голицына преувеличивала богатства армянской церкви и надеялась за счет церковных земель увеличить фонд для русской колонизации [16]. Следует подчеркнуть, что при обсуждении предложения в Комитете министров в 1903 г. за проект Г.С. Голицына проголосовало кроме него 4 чел., против – 12 чел. Однако Николай II согласился с меньшинством и 12 июня 1903 г. проект был утвержден. В докладе канцелярии указывается, что закон «произвел на армян ошеломляющее впечатление. Закрытие армянских школ было ударом главным образом по интеллигенции, народ лишь начинал чувствовать их отсутствие; а отобрание церковных имуществ остро почувствовал прежде всего сам народ. Он стал обвинять духовенство в измене, считая, что без согласия духовенства такой закон не приняли бы. Духовенство поняло, что если не примкнет к народному движению, его популярности грозит тяжелый удар». В записке критиковалась деятельность прежней кавказской администрации и проводимая политика денационализации. Был сделан вывод о необходимости возвращения ААЦ ее имущества [17].

С опубликованием Закона 12 июня 1903 г. резко усилилась активность революционных организаций армян: если ранее их деятельность была направлена против Турции, то теперь ими было заявлено, что они «переносят деятельность в Россию и вступают в борьбу с самодержавной бюрократией» [18]. Представители армянской интеллигенции образовывали «комитеты само-

обороны», заявлявшие целью своей деятельности «показать правительству, что с армянами оно не может делать все, что ему угодно». Общественность требовала от духовенства не передавать имущества [19].

В документах, исходивших Департамента духовных дел, также говорилось о негативной и потенциально опасной реакции духовенства ААЦ, о распространявшемся в среде армяно-григориан мнения о предстоящем насильственном обращении в православие и о возможной передаче армянских церквей РПЦ. Сопротивление армян усиливалось, перерастая в мятежи, подавляемые вооруженной силой (в Тифлисе, Баку, Елисаветполе и др.) [20]. Также протест заявило турецкое духовенство, указывавшее на то, что имущество принадлежит не русско-подданным армянам, а всей ААЦ.

Сложившаяся ситуация и изменения состава Кавказской администрации повлекли пересмотр политики в отношении армяно-григорианской церкви, и 1 августа 1905 г. указом императора был отменен закон 12 июня 1903 г. Армянской церкви возвращались недвижимые имущества и капиталы. Наместнику поручалась разработка нового положения об армянских церковных школах, до издания нового положения ему предоставлялось разрешать в пределах наместничества при церквях и монастырях церковно-приходские школы по уставу 19 июля 1874 г. [21].

Миграционная политика с окончанием Кавказской войны привела к заселению Черноморского побережья греческими и армянскими выходцами из Турции, немцами, русскими, болгарями, чехами [22]. Переселение иностранных колонистов, в том числе на Северо-Западный Кавказ, преследовало своей целью прежде всего укрепление здесь российской власти [23].

В целом этническая картина меняется с середины XIX к началу XX в. значительно: возрастает доля русского населения, немцев, евреев, армян [24].

С одной стороны, в интересах России целесообразно было бы принимать колонистов, с другой – во избежание недовольства правительств стран, из которых могли идти миграционные потоки, было решено не ставить этот вопрос на международном уровне, оставив переселение частным делом желающих. Для экономического освоения Северо-Западного Кавказа решено было привлекать сюда иностранных колонистов. Льготы при поселении привлекли в Черноморскую губернию турецких армян и греков, чехов, немцев, эстонцев и молдаван. Всего к 1888 г. удалось создать 56 поселений с 10 000 жителей [25].

По мнению наместника на Кавказе И.И. Воронцова-Дашкова, «одной из главных мер прочного государственного устройства отдаленных окраин империи справедливо признается прочная колонизация их русскими людьми...». Но в Закавказье, в том числе и Черноморской губернии, «было допущено поселение армян...» [26]. Заселение Черноморской губернии происходило преимущественно с 1880 г. [27].

Положительно русское правительство относилось к переселению на Кавказ христиан – армян из Турции, особенно «в том случае, если на это не потребуется государственных денежных средств, за исключением беднейших из них». Колонистам предоставлялись определенные льготы: освобождение на 6 лет от воинского постоя, отсрочка на 8 лет от всех видов повинностей и сборов, за исключением общественных и поддержания дорог к местам их проживания; освобождение от воинской повинности, наделение землей по 15 дес. на мужскую душу. Согласно этим условиям, в Кубанской области поселились армяне из Турции. В целом же это движение не приняло массового характера ввиду отсутствия единого мнения в царской администрации по этому вопросу [28].

В начале XX в. растет обеспокоенность результатами национальной переселенческой политики в Черноморской губернии. «На побережье, как и в остальном Закавказье, началось водворение иностранных выходцев самых разнообразных национальностей: греков, турок, малоазиатских армян, чехов, немцев. Наплыв этих иноземцев, особенно турецкоподданных армян и греков, оседающих богатыми и деятельными арендаторскими поселками на частновладельческих землях Черноморья, за последнее время, несмотря на прямое запрещение, настолько усилилось, что уже в 1907 г. в Сочинском округе на каждого из коренных насчитывалось 3–4 турецкоподданных арендаторов. Помимо недопустимости заселения русских окраин иностранными подданными, создавшееся в Черномории положение опасно в прямом смысле этого слова, так как при первом осложнении с Турцией Черноморское побережье окажется в безвыходном положении: на нем нет русских, кроме поселков... единственной мерой, которая могла бы помешать торжеству армяно-турецкой колонизации является русская колонизация края...». Главное – «сделать окраины “нашими” в действительном значении этого слова» [29].

При определенных колебаниях во внутренней политике в отношении армян в Российской империи и на Северо-Западном Кавказе в частности мы наблюдаем существенную эволюцию в конфессиональной политике от прочного покровительства к закрытию армянских школ. В миграционной политике – от приглашения армян для экономического освоения региона до высказываемых, но не ставших реальными мерами, опасений в благонадежности турецкоподданных армян.

Примечания

1. Сотниченко И.А. Северный Кавказ в сфере политического влияния османской империи в XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

2. Ори И. История Армении. URL: <http://armenik.ru/a/istoricheskie>. (Дата обращения 25.03.2012)

3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 96. Л. 80.
4. Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви. М., 2002. С. 195.
5. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 779.
6. Там же. С. 752–753.
7. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. С. 113.
8. Государственный архив Краснодарского края. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 2004. Л. 140.
9. Дякин В.С. Указ. соч. С. 700.
10. Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 203.
11. Ивановский В. Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/> (Дата обращения 08.03.2005).
12. Законы о вере и веротерпимости. СПб., 1899.
13. Дякин В.С. Указ. соч. С. 710.
14. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 42.
15. Там же. Ф. 821. Оп. 7. Д. 222. Л. 45.
16. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 44.
17. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 48, 62–66.
18. Там же. Л. 66.
19. Там же. Ф. 821. Оп. 7. Д. 286. Л. 78–80.
20. Там же. Л. 41.
21. Там же. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 88–89.
22. Волкова Н. Греки Кавказа // Бюллетень: центр содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 2000. № 2. С. 19.
23. Рудянов Г.С. Греческая диаспора на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1998. С. 3.
24. Там же. С. 105.
25. Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Пг., 1916. С. 20.
26. РГИА Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87.
27. Кузнецов И.В. Чехи. Материалы к изучению западноевропейских колонистов на Кавказе // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 389.
28. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992. С. 165.
29. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 562. Л. 12–13.

С.С. Лазарян

Князь М.С. Воронцов и армяне

Выполняя волю императора Николая I, поручившего в конце 1854 г. сколько возможно скорее кардинально изменить ситуацию в Кавказском крае, М.С. Воронцов считал, что одновременно с покорением края нужно вести его активное хозяйственное освоение, которое со временем потребует все большего перераспределения усилий в свою пользу. М.С. Воронцов поставил

перед собой задачу превратить Кавказский край в мирную и процветающую провинцию империи, в которой бы хорошо жилось всем без исключения.

Из мировых примеров и своего опыта М.С. Воронцов извлек универсальный инструмент, при помощи которого можно было воздействовать на ситуацию в необходимом ключе, особенно на первоначальных этапах реализации назначенного ему поприща. Этим инструментом была торговля. Наместник намеревался дать почувствовать, в том числе и «немирным» на то время горцам все выгоды товарообмена с Россией, чтобы материальными стимулами и выгодами изменить их мироощущение и направить их энергию в созидательное русло. Для реализации задуманного нужны были не только военно-административные, организационные и иные усилия, но и люди, способные отвечать условиям поставленной задачи, те, кто обладал недюжинным коммерческим даром, энергией и умением наладить торговлю повсюду и вопреки существовавшим объективным или субъективным препятствиям. К таким людям в середине 40-х гг. XIX в. на Кавказе можно было отнести армян, скоро ставших естественными помощниками наместника во всех его коммерческих начинаниях.

Армяне как никто другой подходил для проведения невоенных, не силовых акций, способных показать стремление России к миролюбию. Армяне не только не боялись горных урочищ, не только не опасались проникать в самые отдаленные, в самые труднодоступные уголки высокогорий Кавказа, но, казалось, сама труднодоступность местности рождала в них соревновательную энергию и задор по преодолению всех препятствий.

Их умение проникать и быть повсюду, было сродни удалству и храбрости кавказских горцев, проявлявшихся в их среде во время набегов. Бог награждал армян не только выдающимся талантом в коммерческой деятельности, что часто раздражало и раздражает поныне их менее способных и менее талантливых конкурентов, но и способностью глубоко понимать потребности и психологию других людей, совершенно непохожих на них ни традициями, ни обычаями, ни законами своего быта и своей веры. Армянские предприниматели часто находили верный тон, верные слова и верный способ общения с самыми суровыми горскими народами Кавказа, добивались своей выгоды, не задевая ни национальных, ни религиозных, ни бытовых чувств и правил народов, с которыми имели дело. Они прекрасно знали местный рынок и его нужды, владели всеми приёмами сложных меновых операций, имели в горах давних и надежных торговых партнеров, множество родственников, друзей и кунаков, говорили на языках горцев [1].

Постепенно, проникаясь пониманием уникальности роли армян в развитии общекавказской торговли, М.С. Воронцов хотел не только получать необходимую ему информацию из первых рук, но использовать армян в качестве агентов Российской империи в горской среде. С другой стороны, наместник

предполагал иметь возможность влияния и обретения поддержки в среде армянской диаспоры по всему Кавказскому краю. В части Кавказского края – в Закубанье – одной из наиболее проблемной для дела России на Кавказе, проживала одна из групп местного населения, имевшая наиболее стойкую про-российскую ориентацию – черкесо-гаи, или горские армяне, ещё в X–XV вв. поселившиеся среди горцев Северо-Западного Кавказа [2]. За многие столетия черкесо-гаи заняли в Закубанье весьма привилегированное положение, близкое к статусу адыгских дворян. Многие горские армяне были аталыками детей горской знати, многие из армян были женаты на дочерях адыгских князей и уорков [3].

Положение горских армян стало меняться к худшему с XVIII в. С проникновением в горскую среду ислама и деятельностью турецких эмиссаров прежние дружеские отношения между горцами и черкесо-гаями резко ухудшились. Поэтому горские армяне были вынуждены прибегнуть к защите христианской России, надеясь сохранить свою веру с помощью России и свою социально-экономическую роль на Кавказе. Армянские купцы составляли наиболее сильную сплоченную группу предпринимательского сословия во всех крепостях и городах Северного Кавказа и Закавказья.

Вопреки утверждениям недоброжелателей [4], армяне часто выступали в роли посредников между народами Кавказа и Российской империей, близкие к России по вере, а Кавказу по происхождению. Армянские купцы безопасно проникали в самую глубь враждебного российской стороне населения Кавказа, где встречали радушие и гостеприимство, потому что доставляли вещи, необходимые для домашнего обихода, которых горцы ни от кого, кроме армян, получить тогда не могли. Привлекать армян на русскую сторону было выгодно, так как, спасая горских армян от религиозных притеснений, Россия приобрела в их лице верных союзников. Многие армяне во время пребывания в горах служили российской стороне в качестве лазутчиков, доставляя пограничному начальству важные сведения о враждебных мероприятиях, готовящихся со стороны горцев.

М.С. Воронцов, сделавшись Кавказским наместником, скоро убедился «в несомненной к нам верности и даже привязанности всех армян, из которых даже некоторые сословия воинственные, всегда готовые служить против наших неприятелей» [5]. Поняв и поверив в коммерческий талант армян, он устранил существовавшие для их деятельности препятствия, что принесло ощутимую пользу экономике края. Трудолюбие и деловитость армян содействовали в том числе быстрому развитию сельского хозяйства, скотоводству среди местного населения, что вело к более быстрому экономическому освоению вновь присоединяемых земель [6].

В инструкции генералу Н.А. Реаду князь М.С. Воронцов писал в 1854 г., знакомя его с ситуацией в Кавказском крае, что «армяне нам по всему краю

совершенно преданы. Между ними есть некоторые знатные фамилии, несколько веков уже равнявшихся как титулами, так и значениям с первыми грузинскими князьями, которые по воспитанию и по службе сделались русскими и отличными подвигами не только при нас, но еще при грузинских царях приобрели славу и общую доверенность. Вообще же армянские фамилии менее знатных и средний класс занимается торговлей и имеет оную почти всю в руках, ибо грузины, по старинному воинственному духу и по общему их расположению, к ней не способны» [7].

Наместник сообщал генералу Н.А. Реаду, что среди армян-торговцев были лица, которые заслуживали особого внимания. Это, прежде всего, «почетные граждане Аршакуни и Мириманов, содержащие с выгодой для себя и для правительства огромный рыбный откуп в Сольянах...», а также «здешний голова Свешников (Момджян.– С.Л.) и, в особенности, губернский секретарь Иван Мирзоев, человек опытный, усердный и всегда готовый, как можно с меньшею для себя выгодой, быть полезным правительству. Он нам оказал весьма большие услуги, как принятием на себя многих дел, для которых не было охотников» [8]. Кроме того, необходимость этого человека обеспечивались тем, что «Иван Мирзоев не только человек верный и полезный во всех отношениях, он из всех жителей Тифлиса более всех имеет знакомство и кредит в Москве» [9].

Таким образом, М.С. Воронцов подчеркнул одну особенность армян всех сословий и званий – они берутся (в отличие от других) за любое дело, надеясь в нем преуспеть, не страшась трудностей и не останавливаясь перед ними. В этом состояло преимущество армян, не разделявших занятия на почетные и выгодные или не являющиеся таковыми. Армяне любое дело, даже первоначально кажущееся неблагодарным, могли обратить таким образом, что оно делалось, в конце концов, почетным и плодоносящим.

Исключительное положение армяне занимали на Кавказе и в продвижении товаров российского производства в горскую среду. Их способности и целеустремленность помогали им сделаться не только агентами военного командования, но и агентами российских компаний, посредством чего товары российских фабрик приобретали новые рынки сбыта. Благодаря армянским купцам торговля между Россией и Кавказом значительно усилилась в наместничество князя М.С. Воронцова. Он же повсеместно стал их поддерживать, открывая широкий простор и возбуждая в них предприимчивость. Он давал им подряды, места под магазины и караван-сарай, иногда почти насильно привлекал их к выгодной самостоятельности. При содействии князя М.С. Воронцова на средства и по ходатайству Тифлисского армянского общества в 1846 г. было открыто Коммерческое училище, в котором дети благодарных армянских предпринимателей постигали премудрости разнообразных знаний и готовились быть успешными торговцами и промышленниками, надежными слугами Российского государства.

Забываясь об укреплении позиции христианства и всячески содействуя христианскому миссионерству на Кавказе, М.С. Воронцов много способствовал укреплению положения Армянской Апостольской церкви. По его ходатайству перед императором Николаем I в свод законов Российской империи (ст. 455) были внесены изменения: «Армяно-Григорианские церкви и монастыри, состоящие при оных и им принадлежащие строения и имущества, хотя бы они отдавались внаймы и приносили доход, а также здания и имущества, принадлежащие богоугодным заведениям этого исповедания, хотя бы они тоже отдавались внаймы и приносили доход, повсюду освобождаются от постоя, поземельного сбора и всяких вообще полицейских и городских повинностей, кроме починки мостовой, наблюдения за чистотою и содержанием фонарей» [10].

Всячески содействуя армянам, наместник не был безоговорочным армянофилом. Он был прагматиком. Поскольку армяне сделали ему помощниками в его поприще и способствовали «русскому делу» на Кавказе, поскольку их деятельность и характер отвечали нуждам этого дела, постольку на них распространялось благоволение наместника Кавказа, а через него и государя Российской империи. М.С. Воронцов писал, проявляя свою позицию в отношениях с армянским населением: «Мое постоянное правило было, сколько этот порыв ободрять всеми способами, но, уклоняясь только от привилегии и монополии, которые только вредят общему делу» [11].

Наместник Кавказа был русским чиновником, ставившим дело России превыше всего, его благоволение к армянам не столько опиралось на его личные симпатии, сколько на те заслуги, которые были выказаны армянами перед Россией.

Примечания

1. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). Армавир, 2002. С. 41.
2. Там же. С. 37.
3. Там же. С. 38.
4. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 239–240.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (в дальнейшем АКАК). Тифлис, 1885. Т. X. С. 96.
6. Ктиторов С.Н. Указ. соч. С. 41.
7. АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 97.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. С. 240.
11. Там же. С. 97.

О.В. Матвеев

АРМЯНЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Социальное структурирование исторического пространства войны связано с выделением таких объективных и субъективных характеристик, как «своё / чужое», соединение / разделение. Важны и такие социальные измерения, как ценности военного пространства, соотнесение социального и личного, пространственный опыт участников войны [1]. В докладе принята попытка обозначить социальные роли представителей армянского народа в пространстве одного из «фронтов» Кавказской войны – Северо-Западного Кавказа.

Постоянно сталкиваясь на дорогах своей истории с воинственными иноверцами, армяне выработали уникальный опыт приспособления к окружающему социальному и этническому пространству, обзавелись переходящими из поколения в поколение навыками торговли, превратились во влиятельную и сплочённую прослойку негоциантов. Поэтому посредничество между нередко враждебными мирами на Кавказе было их естественным состоянием. В пушкинистике накопилась обширная литература по поводу интерпретации брошенного в поэме «Тазит» из уст горца обращения «Ты трус, ты раб, ты армянин!» Однако многие исследователи сходятся на том, что этот отражённый в неоконченном художественном произведении стереотип лишь зафиксировал исторически сложившееся компромиссное состояние армянского народа на границах цивилизаций. Элементы такого пограничного состояния сохранялись даже тогда, когда масштабные геополитические столкновения всё же заставляли научившихся за столетия приноравливаться к этносоциальному окружению армян, в конце концов, сделать свой исторический выбор.

Прежде всего, такой выбор сделали армяне Закавказья, вошедшего в первой трети XIX в. в состав Российской империи. В их картине мира Россия воспринималась освободительницей и охранительницей «гайканского народа». Поэтому значительная часть армянского дворянства оказалась в среде офицерского корпоративного сообщества и даже генералитета Отдельного Кавказского корпуса [2], а армянские сёла поставляли кадры для иррегулярных пеших и кавалерийских сотен милиции [3]. В наследии официальных идеологов самодержавия утвердился впоследствии образ «армянина, сделавшегося русским». «Армянин, пробивший себе дорогу и стяжавший себе имя в Кавказской армии, сделался русским, пока приобрёл в рядах такой высоко и художественно-доблестной армии, как Кавказская, честное имя и славу», – отмечал князь В.П. Мещерский [4]. М.Т. Лорис-Меликов, по мнению публициста, – не армянский генерал, а русский генерал из армян.

Однако имперская идентичность в условиях Кавказской войны не исключала пограничного состояния идентичности национальной. Особенно хорошо это прослеживается на примере начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л.М. Серебрякова. «Он был родом из Карасубазара, где у него были торговая баня, дом, жена, ходившая по-армянски в шароварах, и куча детей, – писал о Лазаре Марковиче в своих воспоминаниях генерал Г.И. Филипсон. – Во флоте Серебряков играл очень скромную роль и не имел славы хорошего морского офицера [...]. Узнав, что Серебряков хорошо знает турецкий язык, князь Меншиков взял его с собою под Анапу [...]. Серебряков успел войти в милость у князя Меншикова, который, как говорят, давал ему иногда довольно грязные поручения. Серебряков имел бойкие умственные способности, много азиатской хитрости, расположение к военному делу и торговле и эластическую совесть» [5]. Личное, не совсем беспристрастное отношение генерала к выдающемуся военно-административному деятелю российского Черноморья, одному из основателей Новороссийска и руководителю целого ряда масштабных военных операций на Северо-Западном Кавказе для нас важно в другом. Отмеченные Филипсоном «азиатская хитрость», «эластическая совесть», знание турецкого – языка международного общения в годы войны с горцами, лишний раз подчёркивают естественное, традиционное для армянской идентичности состояние посредничества, пограничности мироощущения адмирала, посвятившего себя служению российской государственности. Эти качества не раз позволяли Л.М. Серебрякову находить компромиссные решения в, казалось бы, бескомпромиссной Кавказской войне. Генерал Н.Н. Раевский докладывал военному министру 15 ноября 1841 г., что следствием одного из походов войск Л.М. Серебрякова мимо враждебных шапсугских аулов было то, что шапсуги «стали приходить в Новороссийск для торговли и с уверениями в своих мирных расположениях» [6]. О другом переходе войск Серебрякова из Новороссийска в форт Раевский сообщалось, что отряд «шёл подле самых аулов в светлую ночь, но это не произвело никакой тревоги, кое-где выбегали полусонные жители, но тотчас успокаивались и возвращались в свои дома, говоря, что боятся появления наших войск не они, а их жёны». На обратном пути отряд Серебрякова сопровождал тяжело нагруженный обоз. «Горцы выходили толпами из жилищ своих, – сообщал Н.Н. Раевский, – но большею частью безоружные, они все имели совершенно спокойный вид и говорили, что уверены в нашем миролюбии. Подъём обоза на хребет задержал отряд часа на три, в продолжение коих не переставали прибывать со всех сторон соседние горцы; более почётные явились к контр-адм. Серебрякову с пирогами, пастою, сыром и бузою; простолюдины, с одним топором, метались в толпе солдат, помогая им около обоза. Число горцев было так велико, что тут было почти всё окрестное народонаселение; даже дети прибежали вместе с

взрослыми, не оказывая никакой робости. Порядок и строгая дисциплина, которая контр-адм. Серебряков всегда содержит в войсках при этих движениях, вселяет особую уверенность к нему горцев и вполне заслуживает одобрения» [7].

О хорошем знании мира своих противников свидетельствует обстоятельная многостраничная записка вице-адмирала Л.М. Серебрякова от 11 декабря 1852 г., посвящённая анализу религиозных верований горцев [8]. Изрядным владением информацией о набеговых традициях адыгов можно объяснить и случаи, когда Л.М. Серебряков занимал непримиримо жёсткую позицию в отношении неприятеля [9].

Пограничное состояние армян в войне на Западном Кавказе хорошо характеризует в рамках категории «свои / чужие» так называемых черкесо-гаев. О «чужих» для России черкесо-гаях писал Теофил Лапинский, командир отряда польских авантюристов, действовавшего на стороне горцев. Живущие «в своих коммунах в стране адыгов» армяне, – отмечал он, – принимают участие во всех больших сражениях абазов с русскими» [10]. Кроме того, в Закубанье черкесо-гаи занимались тем, с чем так отчаянно боролось русское командование – работоторговлей. «Главная торговля их была с Турками, – сообщал в 1840 г. один из авторитетных источников, – у которых, выменивали большую часть товаров на русских пленных обоего пола и на молодых азиатов, которых получали у горцев» [11].

Переселение генералом Г.Х. Зассом черкесо-гаев на левый берег Кубани позволило не только сохранить последним свою идентичность и память о легендарном родоначальнике армян по имени Гайк, но и заполучить верных союзников. «Когда горцы, живущие на Белой речке, узнали силу нашего оружия, – писал Г.Х. Засс в «Журнале военных действий Лабинского отряда за 1840 год», – я заставил их выдать армян и поселил на Кубани. Теперь под щитом нашего правительства промышленность их свободно развивается, они составляют одно сообщество» [12]. Командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Е.А. Головин в рапорте военному министру от 30 января 1838 г. отмечал: горские армяне, «претерпевая от владельцев своих разорение и будучи христианами, имели право на защиту нашего правительства. Больших трудов, однако же, стоило склонить хозяев аулов выпустить из под власти Армянские семейства, бывшие жертвою их корыстолюбия [...]. На предназначенном месте жительства Армяне найдут с избытком средства для земледелия и скотоводства; при предприимчивости своей в торговых оборотах и промышленности они скоро могут упрочить своё благосостояние и принести пользу даже в отношении распространения промышленности между Закубанцами. При навыках обороны, приобретённых ими между горцами, они, как полагает ген. Засс, с помощью небольшого гарнизона, легко могут защитить свои семейства от нападений хищников» [13].

Переселив черкесо-гаев под прикрытие крепости Прочный Окоп, русское командование на Западном Кавказе получило превосходную иррегулярную милицию, которая успешно охраняла участок границы между станицами Убеженской и Григориполисской, а также участвовала вместе с казаками и верными России горцами в походах против немирных аулов. Генерал-майор Н.И. Евдокимов сообщил 13 июля 1853 г., что, узнав от лазутчиков намерение Мухаммед-Амина напасть на станицы Лабинской линии, он сосредоточил между станицами Михайловской и Константиновской сотни казаков 3-й и 4-й линейных бригад, «милицию приставства Бесленевских народов и Закубанских Армян» [14]. За черкесо-гаями прочно закрепился статус «своих». В мае 1852 г. Н.И. Евдокимов сообщал, что в борьбе с баракаевцами участвовала «партия из 80-чел. *наших* (выделено нами. – О.М.) Прикубанских Черкес, Ногайцев и Армян» [15]. «В это время, – констатировал Ф.А. Щербина, – совершенно определились позиции обеих сторон. Армяне стали для черкесов такими же гяурами, как и русские, если только не хуже их, так как это были свои отщепенцы. Черкесы обратились в глазах армян в злейших противников, в чуждую народность, по отношению к которой не должно существовать пощады ни к жизни, ни к имуществу» [16].

Представляется, что маститый историк здесь несколько категоричен. Черкесо-гаи даже в условиях русской службы сумели сохранить своё пограничное состояние, вековые традиции посредничества. «Горские армяне, – отмечает современный исследователь С.Н. Ктиторов, – прекрасно знали закубанский край, с торговыми целями они регулярно посещали различные черкесские племена, и поэтому армавирцы очень ценились в качестве разведчиков и переводчиков» [17].

Армяне, продолжавшие жить среди «немирных» горцев, а также турецко-подданные армяне, занимающиеся контрабандной торговлей и поставлявшие оружие и боеприпасы черкесам и убыхам, в глазах русского командования принадлежали к неприятельскому лагерю. Армянские купцы доставляли в главную резиденцию наиба Шамиля на Западном Кавказе Мухаммед-Амина на реке Белой железо для подготовки артиллерийского парка [18]. Генерал-лейтенант Н.Н. Раевский писал в апреле 1839 г.: «Армяне, живущие среди черкес, имели к ним свободный допуск, завладели всею торговлею, чтобы сохранить сию монополию, они всячески стараются удалить русских от соучастия в этом торге. Они имеют торговые отношения с контрабандистами, которые охотнее торгуют с ними, чем с горцами, потому что они имеют большие капиталы, не нарушат условий и не притесняют их, как то делают иногда горцы. Армяне сии, хотя и не враги наши, но не желают примирения горцев, потому что это ослабит их влияние. Кроме того, армяне или по болтливости, или для поддержания доверенности в горцах, сообщают сим последним и предполагаемые нами военные действия. Например, цель вверенной мне экспедиции не может быть тайной,

потому что всем шкиперам известно, куда будет подвозиться продовольствие» [19]. Раевский считал необходимым отстранить от торговли с горцами как армян, «подданных Турции, так и армян, живущих в горах».

Однако и «чужие» армяне, выполняя во многом необходимую при всех военных конфликтах посредническую миссию, занимали буферное положение между пытающимися покорить горцев русскими войсками и отчаянно сопротивляющимися черкесами и их заморскими союзниками. Офицер Генерального штаба И.Ф. Бларамберг отмечал: «Эти армяне находятся в близких отношениях со многими черкесами вследствие своих торговых отношений; зачастую они выступают в качестве шпионов, будучи в курсе всего того, что происходит на Кавказской линии; поскольку у них есть лавки как в различных местах вдоль границ, так и в горах, они имеют возможность предупредить черкесов о намерениях русских. Они занимаются тем, что выкупают русских пленных, платят за них своими товарами, а затем за определённую плату передают их русскому правительству, кстати говоря, с большой для себя выгодой, утверждая при этом, что поступают из соображений чистой гуманности и платят за пленных ту же цену, что требуют от правительства. В своё время они перепродавали выкупаемых таким образом пленников туркам в Анапе» [20].

Таким образом, ход исторического развития обусловил занятие представителями армянского народа в пространстве Кавказской войны особой ниши, которая способствовала превращению линии «фронта» на Северо-Западном Кавказе в контактную зону-фронт. Традиционное пограничное состояние армянских сообществ предоставляло возможности для более глубокого «узнавания» друг друга враждующими сторонами, неофициального общения сквозь пути непримиримых идеологий и полярные картины мира.

Примечания

1. Сенявская Е.С. Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 157–159.
2. Асадов Ю. Генералы русской армии армянского происхождения на Северном Кавказе в XIX в. // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2002. С. 101–107.
3. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX в. СПб., 2008. С. 345.
4. Мещерский В.П. Кавказский путевой дневник. СПб., 1876. С. 107.
5. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 116.
6. Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией (далее – АКАК): В 12 тт. Т. IX. Тифлис, 1884. № 440. С. 519–520.
7. Там же. № 441. С. 523–524.
8. АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. № 240. С. 233–237.

9. См.: Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 81; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С.678; Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 246–247.

10. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 75.

11. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

12. Там же.

13. АКАК. Т. IX. № 385. С. 445.

14. АКАК. Т. X. № 571. С. 623.

15. Там же. № 566. С. 619.

16. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Краснодар, 2010. С. 128.

17. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир, 2002. С. 58.

18. Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007. С. 159.

19. ГАКК. Ф.260. Оп. 1. Д. 62. Л. 22–22 об.

20. Культура адыгов (по свидетельствам европейских авторов). Нальчик, 1993. С. 193.

К.Э. Месропян

УЧАСТИЕ АРМЕНИИ И РОССИИ В ПРОГРАММАХ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕС И СНГ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время вовлеченность в программы международного сотрудничества Армении и России демонстрирует наличие перспектив дальнейшего роста экономических связей между двумя постсоветскими государствами. Россия является членом Евразийского экономического сотрудничества (ЕврАзЭС), в котором Армения имеет статус наблюдателя. Включение Армении в Единое экономическое пространство в рамках ЕврАзЭС не является актуальным вопросом, поскольку это объединение связывает Россию в рамках Таможенного Союза с другими странами-участниками Содружества независимых государств (СНГ), а именно с непосредственными соседями – Беларусью и Казахстаном.

Армения и Россия входят в Организацию черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), или Black Sea Economic Cooperation (BSEC), которая включает 12 государств (Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, Россия, Сербия, Турция, Украина). Для наиболее близких к Черному морю регионов России это объединение играет значимую роль. Так, внешнеторговый оборот юга России с Арменией в 2008 г. составил 100,7 млн долл. (экспорт) и 17,9 млн долл. (импорт) [1]. Направляемые из Армении инвестиции в южнороссийские регионы в докризисный период

(2007–2008 гг.) показали десятикратный рост за счет увеличения объемов в Ростовской области и появления значительных сумм в Волгоградской области. На 2010 г. произошло падение этого показателя в два раза (с 1,8 млн долл. до 0,9 млн долл.) [2].

Инвестиционную привлекательность юга России для Армении можно проиллюстрировать стабильным вниманием Армении к трем регионам (рис.1).

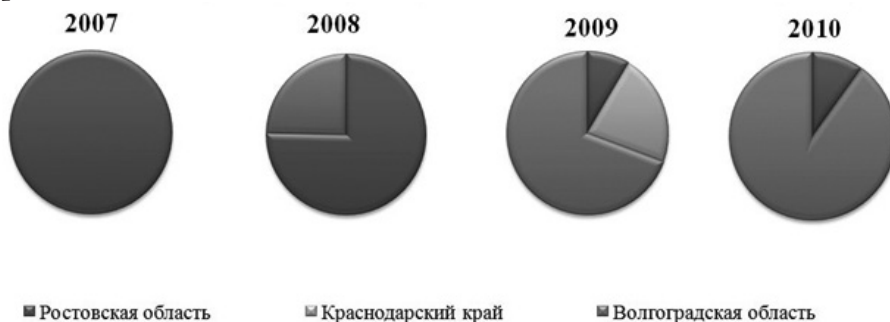

Рис. 1. Структура направленных из Армении инвестиций в регионы юга России

Армения и Россия – экономически развивающиеся страны, занимающие различные уровни международной инвестиционной позиции (табл. 1) [3].

Таблица 1

Сравнение Армении и России по показателям, включенным в индикатор «Международная инвестиционная позиция», 2009 г.

Показатель	Армения	Россия
Активы, млн долл.		
Всего	4222	1109
Прямые инвестиции за границу	77	319
Портфельные инвестиции за границу, в том числе	14	38
а) участие в капитале	4	3
б) долговые ценные бумаги	10	36
Производные финансовые инструменты	-	2
Прочие инвестиции за границу	2128	311
Резервные активы	2004	439
Обязательства, млн долл.		
Всего	8302	991
Прямые инвестиции в страну	3628	383
Портфельные инвестиции в страну, в том числе	21	217
а) участие в капитале	8	173
б) долговые ценные бумаги	13	44
Производные финансовые инструменты	-	7
Прочие инвестиции в страну	4652	385

Согласно оценкам экспертов, объединенных в Индекс трансформации фонда Бертельсмана-2010, Армения и Россия относятся к числу стран с функциональными недостатками (по уровню субиндекса экономической трансформации) [4]. При этом Армения признается как умеренно успешная страна (по уровню субиндекса качества управления трансформацией). Инвестиционные процессы в этих двух странах также демонстрируют разницу в динамике трансформаций. Трансграничные приобретения российских транснациональных корпораций (ТНК) за 2005–2008 гг. в Армении составили 922 млн долл., что составляет 1,2 % от общего объема сделок слияния и поглощения России (для сравнения – 3084 млн долл. в Украине) [5].

Сравнительный анализ структурных и институциональных изменений, оцененных Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРД) для Армении и России за 2004–2010 гг., продемонстрировал наличие в двух странах схожих черт [6]. Так, по развитию предпринимательства страны не отличаются значительно, при этом частный сектор Армении составляет 75 % от валового внутреннего продукта (ВВП), а России – 65 %. Доля торговли в ВВП обеих стран составляет 41 %.

В финансовом секторе отличия более существенны: в Армении доля активов иностранных банков составляет 64 %, в России – 18 %; при этом 24 % ВВП Армении составляют кредиты национальных банков частному сектору, в то время как в России этот показатель равен 44 % (по данным за 2009 г.). Капитализация рынка ценных бумаг Армении в 33 раза меньше, чем в России. Значение индекса реформирования банковского сектора, как и индекса реформирования инфраструктуры, в обеих странах одинаковое.

Страны Европейского союза (ЕС) являются торговыми партнерами Армении и России, при этом потенциал Армении оценивается как очень высокий и неиспользованный [7]. Армения входит в число стран-получателей помощи в целях развития. По программам развития Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), или Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), поступления официальной помощи в целях развития (ODA) Армении в 2009 г. составили 528 млн долл. [8].

В рамках программы ЕС «Европейский инструмент добрососедства и партнерства» (ЕИДП), или European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI), Армения включена в Восточное партнерство ЕИДП, или Eastern Partnership ENPI. По программе ЕИДП Армения за период 2007–2010 гг. получила финансовую помощь в размере 98,4 млн евро, Россия – 120 млн евро, что составляет 11 % и 15 % от общего объема финансирования региональных программ ЕИДП [9].

Существующие возможности развития отношений между Арменией и Россией, а также межрегиональная интеграция этих стран в ряд крупных

форм сотрудничества демонстрируют наличие перспектив дальнейшего роста экономических связей между Арменией и Россией.

Примечания

1. Атлас социально-экономического развития Юга России / Под ред. А.Г. Дружинина. М., 2011. С.127.
2. Центральная база статистических данных России. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 24.02.2012).
3. Инвестиции в России. 2011: Стат.сб. М., 2011. С. 292–293.
4. Доннер С., Кузмиц Б. Содружество Независимых Государств и Монголия // Свободная мысль. 2010. № 7. С.145 – 160.
5. Статистические данные Конференции Объединенных наций по торговле и развитию. URL: <http://unctad.org> (дата обращения: 24.02.2012).
6. Индикаторы структурных и институциональных изменений ЕБРР. URL: <http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/sci.xls> (дата обращения: 14.02.2012).
7. Naupetyan G., Naupetyan V. Regional and international trade of Armenia: perspectives and potentials // EERC Policy brief No11/14E. URL: <http://www.eerc.kiev.ua> (дата обращения: 10.03.2012).
8. Поступления официальной помощи в целях развития. URL: <http://oecd.org/> (дата обращения: 15.02.2012).
9. ENPI 2007–2013. URL: <http://www.enpi-info.eu> (дата обращения: 01.03.2012).

Э.М. Мхитарян

ТУРКМАНЧАЙСКИЙ ДОГОВОР В ОЦЕНКАХ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Туркманчайский договор – не только важный международно-правовой акт в летописи межгосударственных отношений России и Ирана, но и судьбоносное событие в истории армяно-русских политических сношений. В ретроспективном историческом, политическом, дипломатическом взгляде и международно-правовом ключе возможно всестороннее, объективно оценить Туркманчайский договор, его место, научно-познавательное, актуально-прикладное значение в политической летописи Армении в контексте русско-армянских отношений.

В истории дипломатии и международных отношений двусторонние и многосторонние соглашения и мирные договора (Вестфальский, Франкфуртский, Версальско-Вашингтонская система и др.) [1] со временем по разным причинам, в различных политических ситуациях официально аннулировались и соответственно теряли юридическую силу, тем усложняли межгосударственные отношения и международную обстановку, изменяли расстановку сил в целом.

В этом смысле Туркманчайский мир выгодно отличается стабильностью и долгосрочностью. После подписания этого исторического акта минуло приблизительно два столетия, и хотя в это время в России и Иране не разменялись государственные системы, ни одна из сторон в течении всей эпохи, по существу, не ставила под сомнение установленную Туркманчайский миром существующую государственную границу, не предъявляла никаких территориальных притязаний. И закономерно, что Русско-иранская война 1826–1828 гг. была практически последней войной, а военно-политическое противоборство по существу – окончательным. Туркманчайский мир объективно в целом совпадал с интересами армянского народа [2], поскольку Северо-Восточная Армения испокон веков вместе с Западной Арменией являлась исторической родиной армянской нации. Это весьма актуально с точки зрения современных армяно-иранских, армяно-русских межгосударственных отношений.

Туркманчайский договор, безусловно, полностью соответствовал экономическим, политическим, военно-стратегическим интересам Российской империи, ибо с присоединением Северо-Восточной Армении она окончательно утвердилась в Закавказье. Поэтому русская историческая и политическая мысль, военная историография, периодическая печать называют Туркманчайский мир «доблестным и почетным», что вполне закономерно, так как Россия в целом решила поставленные перед собой основные военно-политические и дипломатические задачи. Учитывая важное историческое значение Туркманчайского договора, заключенного 10 февраля 1828 г., они рассмотрели весь ход мирных переговоров [3]. Такой интерес весьма закономерен и правомерен, так как территориально-политические завоевания любой победоносной войны необходимо закрепить официальным мирным договором, ибо именно только после этого прекращается состояние войны между воюющими странами, а побежденная сторона юридически признает новые, установленные этим трактатом границы. Переговорный процесс и подписание мирного договора происходило на нескольких этапах.

До подписания мирного договора генерал Паскевич для переговоров направил в Каразиадинский лагерь начальника дипломатической канцелярии на Кавказе А.С. Грибоедова. Записки, письма А.С. Грибоедова – первоисточники в исследовании Туркманчайского мирного договора. Встреча Грибоедова с Аббас-Мирзой в селении Каразиадин на р. Аракс была первой дипломатической попыткой заключить мир и прекратить войну. С этой целью русский дипломат представил составленные им условия договора. В своем рапорте Паскевичу он писал, что требования уступить Эриванскую и Нахичеванскую области, уплатить контрибуцию вызвали недовольство Аббас-Мирзы [4]. Несколько дней переговоров ни к чему не привели, и Грибоедов, убедившись, что наследник престола не намерен принять предложение русских, возвратил-

ся к Паскевичу. Переговоры между Россией и Персией, в которых со стороны России приняли участие Паскевич, Грибоедов, Обрезков, Амбургер, возобновились в Дей-Кархане [5].

Известный русский литератор и историк С.Н. Глинка совершенно справедливо результаты переговоров связывал с большой надеждой армянского народа. Глинка не ошибался, ибо действительно армяне с большой надеждой, волнением следили за ходом переговоров. «Казалось, – писал он, – что в Дей-Кархан стекались все души, все мысли, все желания армян... отвращая взоры от Льва Персидского, они брали в путеводители Орла Российского» [6]. Однако переговоры в Дей-Кархане не дали никаких результатов. Персидские дипломаты затягивали переговоры с целью выиграть время и переломить ход войны. Но новые решающие победы русской армии убедили даже самого шаха и наследника престола в необходимости прекращения войны и подписании мира. Россия в такой для себя благоприятной военно-политической обстановке также была готова заключить выгодный мир, тем более, что в Петербурге больше никто не сомневался в неизбежности русско-турецкой войны. Все это в конечном счете привело к окончанию войны и заключению мира между Россией и Персией.

Поэтому почти вся периодическая печать и отдельные исторические произведения опубликовали мирный договор. Так, авторы трехтомного «Сборника актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», учитывая политическую значимость заключения мира в исторических судьбах армянского народа, опубликовали его полностью на русском и армянском языках. Одновременно тоже на двух языках был опубликован императорский указ от 21 марта 1828 г. «О создании Армянской области» [7]. Такой подход объясним, поскольку сборник был полностью посвящен истории армянского народа, армяно-русским отношениям, а отдельные пункты Туркманчайского договора и обозрение Армянской области тесно переплетались с дальнейшей судьбой армянского народа, определяя перспективу его исторического развития [8]. Подписанный от имени Российской империи Главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом генералом от инфантерии Иваном Паскевичем и действительным государственным советником Александром Обрезковым, а от имени Персии – наследником Аббас-Мирзой 10 февраля 1828 г. состоит из 16 статей и «Специального акта об торговле» [9]. Известный военный историк, видный кавказовед В. Потто, высоко оценив подписанный мир, не только подробно описывает официальную церемонию подписания договора. XXXIV главу своей книги он назвал «Туркманчайский договор». «В сорока трех верстах от Миане на пути Тавриза, – писал военный историк, – расположена небольшая деревня Туркманчай... Здесь и решилась судьба Персии, а в лавровый венок России вплелась новая ветвь славы» [10]. Между обеими странами восстанавливались дипломатические и торговые отношения:

«Отныне на вечные времена, пребудет мир, – говорилось в первой статье договора, – дружба и совершенное согласие между Его Величеством, императором Всероссийским и Его Величеством шахом Персидским, их наследниками и преемниками Престола, их Державами и обоюдными подданными» [11]. Персия признала, что кроме России никакая другая держава не может иметь на Каспийском море военных судов. Персия должна была выплатить 70 млн руб. контрибуцию. Хотя и в Туркманчайском договоре армянский народ не упоминается, тем не менее отдельные статьи непосредственно относятся к армянам и Армении. В третьей статье отмечалось, что Персия уступает Российской империи «ханство Эриванское по сию сторону Аракса, и ханство Нахичеванское» [12]. Именно эта статья сыграла исключительно важную роль в исторических судьбах армянского народа, ибо Северо-Восточная Армения присоединилась к России. Четвертая статья трактата устанавливала новые границы между Россией и Персией [13]. В пятнадцатой статье договора армяне также не упоминаются, однако как в России, так и в Персии были уверены, что данная статья главным образом относится к армянам [14]. Паскевич возложил организацию переселения армян на полковника Лазарева. Ему дали инструкцию по организации переселения, «наставление в девятнадцати статьях» [15]. Большую пользу репатриации армян оказал и А.С. Грибоедов, назначенный 28 апреля 1828 г. Николаем I полномочным министром в Персии. В своих письмах Паскевичу А.С. Грибоедов неоднократно говорил о целесообразности репатриации армян [16].

Представители русской историографии и общественно-политической мысли в оценке Туркманчайского договора и, соответственно, вхождения Северо-Восточной Армении в состав России до октябрьского переворота и после, руководствовались двумя противоположными концепциями – «абсолютного блага» и «абсолютного зла». Последнюю концепцию в основном разработал известный русский историк, марксист М.Н. Покровский [17], под влиянием которого находился многонациональный отряд советских историков. Они рассматривали присоединение Восточной Армении, как и Восточной Грузии, только с точки зрения колониальной политики самодержавия, и поэтому в своих оценках «абсолютного зла», «наибольшего зла» неизбежно попадали в другую крайность. Но эта концепция полностью не раскрывала политическую значимость Туркманчайского договора, исчерпывающим образом не выявляла историческую суть этого акта в жизни армянского народа. Отсюда существенно новый вывод, качественно новая научно-политическая концепция, согласно которой Туркманчайский договор следует рассматривать как явление прогрессивное, ибо переход Северо-Восточной Армении под покровительство России в конкретных исторических условиях в целом соответствовал чаяниям армянского народа. В отличие от историков XIX в., русская (а также армянская) советская историография, общественно-политическая мысль, отмечая

прогрессивное значение этого исторического и правового акта, вместе с тем не отрицала великодержавную политику Российской империи.

Новая научно-историческая точка зрения и после распада Советского Союза осталась исходной в оценке всего спектра армяно-русских политических и межгосударственных отношений, но бытуют и мнения относительно правильности этой ныне признанной концепции. Мы должны отметить, что в основном представители русской (и даже армянской) историографии упустили один важнейший фактор: они воспринимали и трактовали этот исторический акт как высшее и окончательное устремление армянского народа. Но ведь конечная цель армянского народа заключалась в восстановлении государственности под эгидой России, о чем свидетельствует вся история армяно-русских политических отношений, начиная с XVIII в. [18].

После Туркманчайского мира Армения не получила независимость даже под протекторатом Российской империи, более того, с начала XIX в. внешняя политика России в Закавказье и конкретно к Армении потерпела существенные изменения, приобрела характер территориальных приобретений. Такая новая линия внешней политики вообще сняла с повестки дня вопрос восстановления Армении, несмотря на то что сама идея продолжала воодушевлять армянский народ на борьбу за государственность.

Стараясь быть предельно объективным, просто констатируем факт, что именно на небольшой части той армянской земли (часть перешедших России армянских земель сейчас в пределах Грузии и Азербайджана), которая перешла к России по Туркманчайскому договору, сложилась Республика Армения. Поэтому исторические корни и политические истоки восстановления и дальнейшего развития армянской государственности следует искать именно в важнейшем международно-правовом акте Туркманчайского договора.

Примечания

1. Армения в международных и советских внешнеполитических документах (1828–1923). Ереван, 1972.
2. Саруханян Н.Б. Проблема присоединения Восточной Армении к России в дореволюционной армянской историографии. Ереван, 1971. С. 58–59.
3. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869. С. 214–221.
4. Грибоедов А.С. Сочинения. СПб, 1946. С. 15–17.
5. Парсамян В.А. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, 1947. С. 78.
6. Глинка С.Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. Ростов н/Д, 2003. С. 43.
7. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. 1. М., 1983. С. 278.
8. Галоян Г. Армения в завоевательных схватках великих держав (с XVI века по 1917 г.). Ереван, 2004.
9. Присоединение Восточной Армении к России. Т. 2. Ереван, 1978. С. 446–452.

10. Потто В. Кавказская война. Т. III. Персидская война 1826–1828. СПб., 1888. С. 265–271.
11. Армения в международных и советских внешнеполитических документах (1828–1923). С. 65–66.
12. Лео. Собрание сочинений в десяти томах. Т. IV (первая половина XIX века). Ереван, 1984. С. 426.
13. Военный журнал. СПб., 1828. № 3. С. 159–162.
14. Глинка С.Н. Обзор истории армянского народа от начала бытия его до возрождения Области Армянской в Российской империи. Ч. 1. М., 1832. С. 257.
15. Глинка С.Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. С. 46.
16. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. 7. Тбилиси, 1878. С. 642 – 649.
17. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.
18. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сб. документов. Т. II. Ч. I. Ереван, 1964.

Ю.А. Пирумян

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 153-ГО ПЕХОТНОГО БАКИНСКОГО ПОЛКА НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ РОССИИ И НА АРМЯНСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Датой рождения 153-го пехотного Бакинского полка можно считать 6 ноября 1863 г., когда в одну часть были объединены 6-й резервный батальон Крымского пехотного полка и резервный Кавказский батальон № 1. Основу полка составили армянские ополченцы. Через четыре месяца, 25 марта 1864 г., новообразованную объединенную часть стали именовать 153-м пехотным Бакинским полком. В апреле 1867 г. полк прибыл в Закавказье, в село Дилижан Елисаветпольской губернии для разработки дороги через город Эривань в Персию. В марте 1869 г. полк переместили в Тифлис. Окончательное полное название «153-й пехотный Бакинский Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича полк» формирование получило 25 сентября 1869 г. В 1877 г. полк переместили в город Ахалкалаки, где его и застала очередная русско-турецкая война. 153-му Бакинскому полку в составе четырёх батальонов пришлось принять непосредственное участие в боевых действиях на Кавказском театре. Уже 5 мая 1877 г. 153-й пехотный Бакинский полк штурмом захватил находившиеся близ Ардагана Гюлавердинские высоты, а на следующий день взял укрепление Ахали.

В последующем полку пришлось принять участие в боевых действиях при занятии Аббас-Гельского перевала, а уже 8 сентября он отличился в бою за селение Чарухчи. Четыре батальона полка, казалось, не знали отдыха, проведя

сентябрь 1877 г. в почти непрерывных боях, а 2 и 3 октября они отличились при взятии Авлиара и Визинкейских высот. Вот какими словами описаны боевые действия 153-го пехотного Бакинского полка в октябре 1877 г.: «Другим громким делом Бакинцев было взятие форта Азизие в ночь на 28 октября 1877 г. Овладение этим фортом должно было находиться в связи с одновременным взятием трех остальных фортов, защищавших подступы к Эрзеруму. Однако задача была выполнена только одним Бакинским полком, взобравшимся на вал по штурмовым лестницам и овладевшим укреплением после ночного штыкового боя. На следующее утро 29 октября, вследствие отсутствия поддержки, полку пришлось отступить. Несмотря на это, полку удалось привести с собой около 600 человек пленных, взятых ночью и 23 октября 1877 г. – при атаке укрепленной позиции Деве-Бойну» [1].

Русско-турецкая война закончилась 19 февраля 1878 г. и для 153-го пехотного Бакинского полка началась мирная жизнь. О некоторых послевоенных событиях этого периода рассказал в «Бакинской памятке» – краткой истории, или хронике, составленной «на память нижним чинам», рядовой Петр Ягодин. «26 сентября 1878 года... полк прибывает в Александрополь, где квартирует и поныне... 21 октября 1878 года полк зачислен в состав действующего Корпуса на Кавказско-турецкой границе, в Ахалкалакский отряд начальника 39-й дивизии генерал-лейтенанта Девеля. Состав отряда: 9 с четвертью батальонов, 10 сотен, 24 орудия... После Девеля до самого начала Первой мировой войны 39-я пехотная дивизия сменила восемь начальников. Не обошла командирская чехарда и 153-й пехотный Бакинский полк. В «Бакинской памятке» упомянуты имена трёх офицеров: ... Запороженко (11.09.1889 – 27.11.1889), Высоцкого (27.11.1889 – 08.05.1891) и Вознесенского (с 05.05.1891 года)» [2].

Уже в XX в. с 1 июля 1903 г. командиром 153-го пехотного Бакинского полка стал полковник Гурьев, с 16 декабря 1912 г. и в период после 1 апреля 1914 г. – полковник Васильев. Кто сменил полковника Васильева на посту командира 153-го пехотного Бакинского полка к началу Первой мировой войны и действий на Кавказском фронте, выяснить не удалось. Отчасти отсутствие сведений о составе и командирах и не только этой боевой части можно объяснить усложнённой структурой войск, дислоцированных в регионе. «Учитывая особенности театра военных действий, командование Кавказского военного округа еще задолго до начала войны продумало своеобразную группировку войск, резко отличающуюся от группировок Западного фронта. Войска были распределены на 5 групп, а каждая группа состояла из отдельных отрядов. Во главе групп или отрядов стояли соответствующие начальники.

Главная группировка – Сарыкамьшская, состояла из трех отрядов. На нее по существу была возложена главная задача по предотвращению проникновения турок в Закавказье. В группировку входил 1-й Кавказский армейский

корпус, в составе которого находилось главное ядро – 39-я пехотная дивизия, состоящая из 153-го, 154-го, 155-го и 156-го пехотных полков...» [3]. Символично, что 153-му пехотному Бакинскому полку пришлось сражаться на тех же исконных армянских землях, где он в 1877–1878 гг. отстаивал южные рубежи России от её традиционного врага.

Уже на следующий день после объявления войны, а именно 20 октября 1914 г., русские войска перешли государственную границу, вступили на территорию Турции и, опрокинув немногочисленные турецкие заслоны, устремились вглубь враждующей страны. Основная группировка – Сарыкамышский отряд, не обеспечив взаимодействия с другими отрядами, вклинился в оборону противника. И сначала казалось, что успех клонился на сторону русских, которые, как пишет А.О. Арутюнян, передовыми частями «6 ноября заняли главные позиции у Кеприкея и начали тремя колоннами продвигаться к Гасан-кале, угрожая Эрзеруму. Но 8 ноября турки контратаковали за обладание Кеприкейской позицией, особенно к северу от Кеприкея, введя после полудня свежую дивизию» [4]. Остаток ноября прошел под знаком встречных сражений, причем инициатива теперь в основном принадлежала туркам. В.Е. Шамбаров сообщает: «24 ноября 1914 возобновились турецкие атаки и на центральном участке, у Кеприкея» [5]. Кеприкейская операция закончилась оттеснением русских к государственной границе. Чтобы спасти положение основной группировки – Сарыкамышского отряда, против которого турки сосредоточили шесть перволинейных дивизий, был израсходован весь армейский резерв в виде 2-го Туркестанского армейского корпуса. «При такой малоблагоприятной для русских обстановке, – отмечает Н.Г. Корсун, – турки начали Сарыкамышскую операцию» [6]. Удар турок приняли 153-й пехотный Бакинский полк и полтора батальона с пулемётной командой 14-го Туркестанского стрелкового полка. Русские встретили удары превосходящих сил турок контратаками. В одной из таких контратак 10-я рота 153-го пехотного Бакинского полка опрокинула две роты турок, овладела турецкой батареей, особенно беспокоившей русских, и захватила много пленных. В результате к концу Сарыкамышской операции русские не только остановили врага, но и практически нацело уничтожили 3-ю турецкую армию. В ближайшие дни русские войска продолжали довершать разгром противника, в ходе которого 153-й пехотный Бакинский полк захватил с 20 по 23 декабря десять турецких орудий.

В первой половине 1915 г. Кавказская армия в целом не предпринимала активных действий, хотя локальные стычки между противниками имели место, и 153-му пехотному Бакинскому полку приходилось все время быть готовым отражать атаки противника то в районе с. Кечисор, то в районе гор Гек-Даг и Кавах-Тапа. Летом 1915 г. бои велись за обладание Мергимирским перевалом. 24 июля генерал Баратов, начальник маневренной группы, беспокоясь за тыл, направил из своего резерва 153-й пехотный Бакинский полк с задачей – овла-

деть высотой к востоку от перевала и выбить оттуда турок. В свою очередь командир 153-го пехотного Бакинского полка перед рассветом 25 июля выделил в авангард 2-й батальон под командой Пирумьяна (Пирумова) Даниэлябека. После стремительной атаки Мергимирский перевал 27 июля 1915 г. был взят. Русские продолжали удерживать инициативу даже тогда, когда во второй половине 1915 г. после ликвидации англо-французского десанта на Галлиполийском полуострове турки смогли перебросить на восток освободившиеся войска.

Но Кавказское командование давно вынашивало план овладения главной цитаделью Западной Армении – древним армянским г. Карином (в тюркской интерпретации – Эрзерумом). К нему сходились важнейшие узлы снабжения турецкой армии. «По плану наступательной операции, намеченной на вторую половину января 1916 года, одновременный удар намечалось нанести с трех направлений – Эрзерумского, Ольгинского и Битлисского. К наступлению предназначались все три армейских корпуса: 1-й и 4-й Кавказские и 2-й Туркестанский. Последнему предстояло двинуться вперед на два дня раньше других. Решающим для операции должен был стать взлом вражеской обороны в направлении села Кеприкей...» [7]. И события начали развиваться по намеченному плану: 28 декабря 1915 г. вперед двинулся 2-й Туркестанский корпус, а 30 декабря – 1-й Кавказский корпус. Взлом вражеской обороны, названный в истории Кеприкейским сражением, длился несколько дней, причём части 1-го Кавказского корпуса и особенно 39-й пехотной дивизии понесли большие потери.

7 января 1916 г. части 1-го Кавказского корпуса подошли к поясу фортов Эрзерума. Эту твердыню предстояло брать штурмом в условиях жесточайших морозов, по грудь в снегу и без осадной артиллерии. Явный отход от традиционной схемы. Но командующий, генерал Н.Н. Юденич, отходит от традиционной схемы не только в этом. Он решает начать штурм не утром, а поздним вечером в 20 часов, в уже наступившей темноте. 39-й дивизии предстояло атаковать турок в лоб, то есть выполнить задачу по их сковыванию (сходную с задачей, выполненной 39-й дивизией в первый этап операции – при наступлении на село Кепри-Кей). И героический штурм начался.

Вот как описывал Н.Г. Корсун эту операцию: «... На фронте Деве-бойну (один из горных хребтов возле Эрзерума. – Ю.П.) части 1-го Кавказского корпуса также перешли в наступление в назначенное время, соблюдая полную тишину. Правая колонна 153-го пехотного Бакинского полка, в составе 3-го батальона и двух рот 4-го батальона под командой решительного командира Пирумова наступала для штурма Далан-гез (один из фортов Эрзерума) с севера. Сторожевые части турок, обнаружив наступление полка, встретили его огнем, но русские, смяв турок, безостановочно шли вперед и, приблизившись к форту, обошли его с севера и с криком “ура” бросились на боковой северный

фас... Вслед за 10-й ротой в форт ворвались и остальные роты правой колонны во главе с Пирумовым. После жестокой штыковой схватки с отчаянно сопротивлявшимся гарнизоном форта, последний был к рассвету 30 января взят.

При штурме 153-й полк понес значительные потери, в особенности в командном составе, но выполнил чрезвычайно важную задачу, так как позволил 1-му Кавказскому корпусу зацепиться за позицию Деве-Бойну, тем более что форт Далан-гез прикрывал лучшие подступы к форту Чобан-деде и в ущелье Туй-су. Пирумов немедленно привел в порядок части своей колонны, занял форт и к рассвету, насколько это было возможно, приспособил горжу форта для обороны» [9].

В тяжелом положении оказался овладевший фортом Далан-гез 153-й пехотный полк, которому было указано удерживать его во что бы то ни стало. Турки, учитывая потерю этого форта, нарушавшую дальнейшую оборону позиции Деве-Бойну, решили приложить все усилия к обратному овладению им. С наступлением рассвета 30 января турки сосредоточили по форту Далан-гез, по прилегающему к нему району и по подступам к форту со стороны русских огонь более сотни орудий, которые громили названные объекты и отрезали форт от остальных частей 39-й пехотной дивизии. В течение этого дня 153-му пехотному Бакинскому полку предстояло выдержать ряд яростных турецких атак, которые были отбиты с большими потерями для обороняющихся. Кроме того, у них кончались боеприпасы. Н.Г. Корсун пишет: «Турки повели седьмую атаку, в строй встали все раненые защитники, кто мог еще двигаться на ногах. Подпустив турок вплотную к форту, русские, по знаку Пирумова и одновременно с ним, произвели из форта контратаку и с криками “ура” бросились в штыки на турок. Последние не приняли внезапного штыкового удара и отхлынули. С наступлением темноты атаки турок прекратились. Русские имели возможность привести себя в порядок и подсчитать потери. Оказалось, что из 1400 бойцов 1 1/2 батальонов 153-го пехотного полка, занявших форт перед началом турецких атак, осталось в строю около 300 человек, и то большей частью раненых. Но задача полком была выполнена» [10].

На пути к Эрзинджану Кавказской армии предстояло овладеть городом Мамахатуном, в районе которого образовался «выступ», направленный в сторону русских. В боях за этот город 153-й пехотный Бакинский полк опять проявил свои лучшие качества. Его бойцы 21, 22 и 23 мая 1916 г. «остановили атакующий натиск двух (!) турецких пехотных дивизий – 17-й и 28-й, и отразили две кавалерийские атаки. Но полк понес тяжелые потери, лишившись 21 офицера и 900 нижних чинов» [11].

Наконец, настала очередь Эрзинджана. На подступах к нему 30 июня 1916 г. разгорелись упорные бои. Ночью колонна из трёх батальонов 153-го пехотного Бакинского полка и 155-го пехотного Кубинского полка под командованием полковника Пирумова повела наступления с целью овладе-

ния горой Губак-даг. Вот что написано по этому поводу в наградном листе: «Кубинские два батальона повели наступление со стороны сел. Сарикал. В 23 часа 30 минут 30 июня полковник Пирумов лично повел в атаку свою колонну и, несмотря на тяжелые местные условия, точно вывел колонну к окопам турок, открывшим в 3 часа ночи сильный огонь. Он личным примером воодушевлял подчиненных и увлекал их за собой и, подведя батальоны к окопам, с криком “ура” бросился в штыки. Результатом этой атаки гора Губак-даг была быстро занята, а выбитые штыком турки бежали. К этому времени рассвело, полковник Пирумов, видя, что турки еще держатся на остальной позиции на гребне, идущем от горы Губак-даг на юг, и в селе Ховакин, быстро направил роты по гребню во фланг, заставив турок обратиться в беспорядочное бегство. Захвачено в плен 16 офицеров и несколько десятков аскеров» [12].

После захвата Эрзинджана 153-й пехотный Бакинский полк расположился на позициях на левом берегу Евфрата у селения Кемах приблизительно в 40 километрах юго-западнее Эрзинджана. Это была крайняя точка продвижения Кавказской армии в Западной Армении. Там полк и простоял до крушения Кавказского фронта в конце 1917 г., а весной 1918 г. был расформирован.

Примечания

1. Военная энциклопедия. Т.4. Петербург, 1911. С. 247.
2. Ягодин П. Бакинская памятка. Александрополь, 1895. С. 14.
3. Там же.
4. Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914–1918 годов. Ереван, 1971. С. 136.
5. Шамбаров В.Е. За веру, царя и отечество. М., 2003. С. 303.
6. Корсун Н.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004. С. 21.
7. Шишов А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. М., 2004. С. 224.
8. Корсун Н.Г. Указ соч. С. 574–575.
9. Там же. С. 575.
10. Там же. С. 576.
11. Шишов А.В. Указ. соч. С. 257.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2767. Оп. 2. Д. 276. Л. 1.

А.П. Скорик, И.М. Федина

МИГРАЦИОННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ АРМЯН В КУБАНСКИЕ СТАНИЦЫ В 1920-Е ГГ.: ОПЫТ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА

Отдельным сюжетом региональной истории предстают 1920-е гг., когда правящая партия большевиков и органы советской власти на Кубани целенаправленно в рамках новой национальной политики формируют специальную административно-территориальную единицу – Армянский национальный

район, являющуюся отчасти результатом миграции армянского населения. Исторические вехи и факты социального управления миграцией комплиментарного национального меньшинства в лице армянских переселенцев Кубани и являются предметом настоящей публикации. Прежде всего, отметим, что в 1920 г. численность армянского населения Кубани составляла 76 257 чел., или же 47 % от общего количества армян, зафиксированных переписью на территории Северного Кавказа [1]. При этом исторически сложившаяся территориально-административная размещённость выглядела весьма неравномерно. Основная масса армян проживала в Черноморском (27 729 чел.) и Кубанском (21 023 чел.) округах. Армянское население Армавирского округа, согласно статистическому отчету от 17 декабря 1926 г., составляло 19 228 чел., из них в самом Армавире насчитывалось 13 768 чел. В Краснодаре к этому периоду проживало 12 848 чел., причём их основным занятием являлись торговля и ремесленничество [2].

В начале 1920-х гг. в условиях становления советской власти на Кубани властные усилия большевиков сосредотачивались на привлечении национальных меньшинств на свою сторону, на создании социальной опоры власти из представителей этнических групп. Отсюда непосредственный политико-практический интерес к этносоциальной консолидации армянской и иных общностей. В качестве консолидирующих факторов рассматривались владение национальным языком, ликвидацию неграмотности и получение образования. В апреле 1920 г. вышло постановление Кубано-Черноморского областного ревкома, согласно которому все национальности, населяющие область, получили право организации обучения на родном языке. Школы открывали там, где набиралось не менее 25 учащихся одной возрастной группы данной национальности. При областном отделе народного образования в 1920 г. сформировали подотдел просвещения национальных меньшинств (Нацмен), призванный организовать борьбу с неграмотностью. В структурном отношении Кубано-Черноморский Нацмен первоначально включал в себя: украинскую, немецко-латышско-эстонскую, армянскую, польскую, греческую, еврейскую, литовскую, чешскую, грузинскую, азербайджанскую секции. Повседневной работой национальных секций руководили организованные в 1921 г. бюро. Они информировали своих подопечных обо всех текущих событиях, проводили комплекс мероприятий среди представителей национальных меньшинств.

Секции и бюро стали центрами национально-культурной самоорганизации, политического просвещения, экономического восстановления и организации быта для национальных меньшинств Кубани. Организационной формой для работы с населением были избраны клубы «Нацмен», которые функционировали в Армавире, Краснодаре, Майкопе, Новороссийске, Туапсе и Сочи и занимались довольно разноплановой деятельностью. На общих собраниях читали лекции по национальной проблематике, готовили доклады на

общественно-политическую тематику, проводили беседы, ставили спектакли, организовывали концерты, показывали кинофильмы. Примечательно, что мероприятия «Нацмена» распространялись и на сельские местности Кубани, где в качестве стимулятора социальной активности этнических групп рассматривались библиотеки-передвижки. В целях оживления экономической жизни оказывалось всяческое содействие организации кооперативов из числа представителей национальных меньшинств, для чего проводились специальные юридические консультации. Не забывали и о систематических мероприятиях по улучшению быта этнических групп [3].

Так постепенно происходила привязка этнических сообществ к властной колеснице, работа с национальными меньшинствами приобретала строгую организованность, административно-территориальную структурированность и во многом основывалась на внутренней потребности этнического сплочения в сложных социально-экономических условиях 1920-х гг. Особенно активно функционировало общество «Нацмен» в Армавире, где насчитывалось 13 768 чел. армянского населения [4]. Здесь вся культурно-массовая, просветительская работа проводилась через клуб «Нацмен». Тем самым, властям удалось добиться определенной этнической консолидации. Это позволило перейти к новому этапу национальной политики большевиков, составной частью которой являлось целенаправленное социальное управление миграцией национальных меньшинств.

Новый этап знаменовался провозглашением на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. политики коренизации. На практике она означала привлечение к государственному строительству и партийной работе представителей нерусских народов, проживавших в том числе на казачьих территориях Кубани. Сопровождалась коренизация обеспечением представителям этих народов изначального преимущества при занятии должностей в партийных и государственных учреждениях, установлением существенных льгот при получении образования, в налогообложении, при трудоустройстве и пр. Эти меры способствовали усилению национального движения на юге России и заложили основы для создания национальных районов для представителей национальных меньшинств, в том числе армян.

В качестве социального резерва национального строительства рассматривалось вовлечение в общественную жизнь женщин из числа представительниц национальных меньшинств. Власти стремились приобщить армянских женщин к идеологической и производственной деятельности. Для них создавались специальные курсы, был даже организован делегатский аппарат из женщин-армянок. Делегатками в 1920-е гг. называли участниц делегатских собраний беспартийных женщин, которых вовлекали большевистские партийные ячейки в общественную жизнь, чтобы они становились последовательными пропагандистками новой жизни. Рекомендовалось обратить серьезное

внимание на повышение культурного уровня женщин-армянок, вовлекая их в ликбезы и уголки при избах-читальнях [5].

Выполнение социальной роли делегатки способствовало формированию женщины-нацмена советского типа. Однако традиционные патриархальные отношения и нормы мешали вовлечению армянской девушки в социалистическое строительство. Ввиду небольшого числа девушек-армянок в рядах ВЛКСМ рекомендовалось заинтересовать девушек в общественной и идеологической работе, вначале привлекая в кружки, затем в ударные бригады, а через них – уже в организацию ВЛКСМ [6].

Важным направлением возвращения прозелитистских настроений в среде армян Кубани стала советизация повседневности. Власти приобщали армян к новым советским праздникам, пытались приспособить национальные традиции к новым реалиям общественной жизни. Так, на общем собрании армян г. Армавира рекомендовалось «в день праздника 1 мая собраться со школами к клубу нацмен. Во время демонстрации шествие должны сопровождать армянские революционные песни, лозунги, желательны национальные костюмы, армянская музыка и “живые картины”: а) эксплуататор в клетке, б) свободная женщина востока» [7]. Так формировались новые, советские образцы отношения к окружающему миру и создавались инновационные алгоритмы национального самосознания армянской общности.

Но, пожалуй, самым масштабным направлением национальной политики стало целенаправленное создание мест компактного проживания армянского населения на Кубани. В рамках этого направления национальной политики 10 марта 1925 г. в Майкопском округе Северо-Кавказского края был основан Армянский национальный район в составе Гойтхского, Гунайского, Елисаветпольского, Кубано-Армянского, Режетского и Черниговского сельских советов Хадьженского района Майкопского округа, а также сюда вошёл Садовый сельский совет Горячеключевского района Кубанского округа [8]. Армянский национальный район создали на территории, населённой преимущественно армянами, с центром в селе Елисаветпольское. До революции здесь оседали выходцы из Турции: армяне и греки, которые арендовали землю у ейского казачества. В 1917 г. 27 населенных пунктов в административном порядке объединили в один район, дополнительно переселив сюда армянбеженцев. В хозяйственном отношении район был сельскохозяйственный, причём основной сферой аграрного производства являлось табаководство. Кроме того, район располагал большими лесными богатствами, поэтому армяне активно занимались лесоразработками.

В 1920-е гг. к управлению Армянским национальным районом активно привлеклись представители коренной национальности. Весьма показательный случай с руководителем райкома ВЛКСМ Хлиджаном. Его уволили с должности исключительно по причине слабого владения армянским языком [9], по-

скольку власти стимулировали использование армянского языка в различных сферах общественной жизни. Успешно работали национальные школы и театры, издавалась литература на армянском языке, регулярно выходила газета «Мурч – Мангах». По сводкам ОГПУ, Армянский национальный район долгое время оставался прибежищем сепаратистов-дашнаков, и в нем вплоть до 1930 г. действовала дашнакская группа Айрапетяна «Дашнак-Цютой», ставившая своей целью «добиться Сочинско-армянской независимости» [10]. В период коллективизации район являлся очагом бандитизма. Ввиду низкой плотности населения, составлявшей 9 000 жителей на 111 км², т.е. 5 человек на 1 км², и территориальной разбросанности с большим количеством небольших населенных пунктов (54), вовлечение населения в советское строительство оказалось затруднительным [11].

Тем не менее Армянский национальный район был вовлечен в социально-экономическую модернизацию конца 1920–1930-х гг. Несмотря на то что в 1930 г. окружное деление упразднили, район сохранился как административно-территориальная единица. Однако с конца 1930-х гг. термин «национальный район» перестаёт употребляться, и район называется просто Армянским. В 1943–1946 гг. центром района являлось село Черниговское. В 1953 г. район окончательно упразднили, а территорию разделили между соседними районами.

Кроме специально созданного Армянского национального района на территории Кубани целенаправленно формировались и иные места компактного проживания армянского населения, которые по существу становились небольшими национальными районами, хотя официально такого административно-правового статуса они не получали. Не случайно в постановлении Кубанской окружной коллегии агитационно-пропагандистского отдела 6 апреля 1927 г. говорилось: «В работе арм. секций обратить внимание на оформление организации уполномоченных в районах, где имеется армянская часть населения и усиление живого руководства этой работой». Особое значение уделялось управленческим кадрам. На бюро Армавирского райкома ВКП(б) отмечалось: «Соответствуют ли потребности имеющиеся кадры просвещенцев? Наша восточная привычка: мстить друг другу и говорить о недочетах. Окружные организации, не считаясь с подготовкой работника, гонят в Армавирский район – лишь был бы армянин» [12].

Важной задачей национальной политики в отношении армянского населения являлось упорядочивание миграционных потоков, что было невозможно без разрешения земельного вопроса. За неимением земли подавляющее большинство беженцев батрачили либо влачили жалкое голодное существование. К примеру, по Горячеключевскому району 75 % армянского населения арендовали землю. В Усть-Лабинском районе 525 армян, большую часть из которых составляли беженцы из Карса, Муша и других городов Турции, работали

батраками и грузчиками [13]. Неоднократные обращения о выделении земель на Кубани для армян-беженцев отложились в коллекциях архивных документов: «Вопрос о наделении землей ряда крестьянских масс армян, которые эмигрировали из Турции и Закавказья, оставшись без земли, деклассируются, прибегая к торговле и др. промыслам» [14]. Причём сами армяне вполне осознавали пагубность своего отрыва от земли. В этой связи любопытен протокол собрания армян города Кропоткина: «С глубоким чувством удовлетворения бывшие хлеборобы-армяне в твердой надежде, что настанет недалекое будущее, когда они опять вернутся за плуга и соху, отбросив теперешние занятия странствующего характера» [15].

В регулировании миграционного перемещения армянского населения в кубанские станицы заметную роль сыграла начавшая в конце 1920-х гг. коллективизация. Ее особой страницей стала организация национальных колхозов. К примеру, в Каневском районе был организован одним из первых армянский колхоз «Трудовая Армения», в который преднамеренно переселили армян со всего края [16]. Региональным руководством давались особые указания местным управленцам по вопросу обслуживания переселенческих хозяйств, укрупнения национальных колхозов за счет армян-беженцев, разрабатывались практические мероприятия по переселению. Переселенцам выделялись бывшие казачьи земельные наделы, передавались дома и строения, «живой и мертвый» инвентарь, иное имущество.

Таким образом, миграционное перемещение армян в кубанские станицы было продиктовано социально-экономической ситуацией в регионе и последствиями этнического выдавливания армянского населения из Турции, что получило название «геноцида армянского народа». Далеко не все из армянских беженцев смогли занять профессиональную нишу в торговле и ремесленном производстве, хотя значительная часть армян осела в городах. Армянские этнические группы активно шли на контакты с органами советской власти. С другой стороны сама власть рассматривала организацию «Нацмен» как общество, способное приобщить армянское национальное меньшинство к советскому образу жизни. Определенную роль в жизни армянской этнической общности сыграла и политика большевиков по коренизации. Целенаправленное создание Армянского национального района и мест компактного проживания армянского населения способствовало оседанию части армянских беженцев в кубанских станицах, поскольку немало армян проживало и/или мигрировало в иные районы. Также свою лепту внесла организация национальных колхозов в условиях начавшейся коллективизации, которая закрепляла армянских переселенцев во многих районах Кубани. Власти стремились путем поднятия культурного, экономического и политического уровня добиться сближения всех национальностей и вовлечь их в социалистическое строительство, а также сформировать из числа

представителей национальных меньшинств новых прозелитов советского строя.

Примечания

1. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2005. Т. 1. 1900–1920 гг. С. 143.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 172. Л. 11.
3. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 54. Л. 9.
4. Там же. Д. 111. Л. 2.
5. Там же. Д. 54. Л. 34–35.
6. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.
7. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 54. Л. 17–20.
8. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. (1793 – 1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 93.
9. ЦДНИ КК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
10. Краткие политико-экономические характеристики городов и районов Краснодарского края. Краснодар, 1940. С. 5–6.
11. ЦДНИ КК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.
12. Там же. Д. 8. Л. 33.
13. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 171. Л. 9–12.
14. Там же. Л. 5.
15. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 53. Л. 23.
16. Государственный архив Краснодарского края. Ф.Р – 1035. Оп. 1. Д. 107. Л. 5.

К. Хамада

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВЯМИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Данная работа представляет собой анализ отношений между Армянской апостольской (ААЦ) и Русской православной (РПЦ) церквями. Известно, что эти две церкви поддерживают дружескую связь друг с другом. К тому же, скоро в Москве завершится строительство храмового комплекса – нового центра ААЦ в России – и предполагается, что взаимосвязь между двумя церквями вступит в новую фазу. Однако несмотря на актуальность темы, истории отношений между ААЦ и РПЦ посвящено мало научных работ. Кроме книги К.В. Айвазяна [1] можно указать небольшую статью С.А. Цатуряна [2] и несколько строк статьи Православной энциклопедии [3]. Работы Айвазяна и Цатуряна, несмотря на их название, исследуют скорее отношения русских правителей с ААЦ. Цатурян делает вывод, что «эти взаимоотношения устанавливались и трансформировались в зависимости

от той или иной политической установки правительственной власти, верной защитницей которой на протяжении всей своей истории была Русская православная церковь» [4]. Такой вывод является совершенно справедливым. Так как в Российской империи РПЦ находилась в подчинении светской власти, в политике по отношению к ААЦ инициатива всегда была в руках правительства, а РПЦ играла только второстепенную роль. Однако среди документов как армянских, так и русских церковных деятелей можно найти свидетельства межцерковных связей, хотя они до сих пор практически не привлекали внимание исследователей. Главная цель автора – рассмотреть историю отношений между ААЦ и РПЦ с точки зрения связей церковных лиц. В этой связи особенно выдающейся фигурой является Иосиф Аргутинский (Овсеп Аргутян), один из важнейших персонажей в истории армян в России.

Прежде всего, рассмотрим историю отношений между двумя церквями во время Иосифа Аргутинского. Средневековая литература показывает, что такие древнерусские церковные деятели, как Феодосий Печерский, митрополит Киприан и богослов Максим Грек очень враждебно относились к армянам, считая их еретиками. В XVII в. царь Алексей Михайлович не разрешал армянам проводить свои церковные службы [5]. Однако уже его сын Петр I заметил важность армян в расширении торгового и промышленного дела, а также в дипломатической стратегии на Востоке. По этой причине он разрешил армянам иметь свою церковь и свободно отправлять церковные обряды в Астраханской колонии, и в 1717 г. была основана первая епархия ААЦ в России – Астраханская. Однако правовое положение Армянской апостольской церкви в Российской империи оставалось нестабильным. А.С. Лебедев отмечает, что между светским правительством и Синодом существовало разногласие о религиозных правах армян. Когда Петр I разрешил армянам отправление богослужения не только в Астрахани, но и в Москве, московские армяне просили царского разрешения на постройку армянской церкви в Китай-городе, но эта просьба осталась без удовлетворения [6]. По мнению Лебедева, Петр не принял челобитную, потому что он «этим разрешением поставить *особую* армянскую церковь в Москве боялся оскорбить православное чувство народа и вызвать возражение со стороны св. Синода, который [...] постоянно был противником строения армянских церквей в России» [7]. После этого армяне неоднократно ходатайствовали о строительстве церквей в Москве и Петербурге, и Коллегия иностранных дел пыталась исполнить их желание, основываясь на указе Петра I о веротерпимости и примерах других неправославных церквей в империи, но каждый раз встречалась с резким возражением Синода.

На основе вышеуказанных свидетельств можно полагать, что в первой половине XVIII в. РПЦ еще отрицательно относилась к ААЦ. При прав-

лении Екатерины II Иосиф Арутинский прилагал усилия для улучшения положения ААЦ в Российской Империи. 9 июня 1763 г. императрица провозгласила указ «О позволении всем иностранцам, входящим в Россию, строить и содержать по их законам церкви в тех местах, где они селиться пожелают» [8]. С этого момента Армянская церковь получает право на существование в любом месте Российской империи. Кроме того, надо отметить, что Екатерина II первой из русских правителей обратила внимание на отношения с Эчмиадзинским католикосатом как с духовным центром, связывающим армян, расселяющихся на территории разных государств. Г.А. Эзов пишет, что Эчмиадзинский католикос Симеон (на престоле 1763–1780) начал «обращение к русскому правительству» [9] и заложил «почин в установлении с Петербургским двором официальных сношений» [10]. Так как Астраханская епархия сначала входила в юрисдикцию Гандзасарского католикоса, а не Эчмиадзинского, католикос Симеон отправил послание императрице и получил ее разрешение на подчинение Армянской апостольской церкви в России Эчмиадзинскому католикосу. В 1773 г. он назначил архиепископом армянина, проживающего в России, Иосифа Арутинского, который продолжил политику сближения с русским правительством. Многочисленные исторические документы свидетельствуют об активной дипломатической и социально-политической деятельности Иосифа Арутинского при правлении Екатерины II и Николая I. В качестве примеров можно назвать: ускорение переселения армян из Крыма в Донскую область, основание новой крупной армянской общины Нахичевани-на-Дону, активную помощь российским войскам в походе на Закавказье, мобилизацию армян на военную службу, участие армян в развитии экономики и промышленности империи и т. п.

Князь Г.А. Потемкин и его родственник П.С. Потемкин, генерал-губернатор кавказского наместничества, высоко ценили Иосифа Арутинского как посредника и переводчика для сношения с местными меликами Закавказья, а также признавали его авторитет среди армян [11].

Личные заслуги Иосифа Арутинского в политической сфере и его близость к русскому двору обусловили улучшение статуса армян, проживающих в России. С другой стороны, в сфере церковных дел ему удалось установить дружеские отношения с русскими высшими иерархами. Одна статья из Журнала Министерства внутренних дел 1843 г. включает весьма интересные материалы – послание католикоса Симеона от 14 мая 1778 г. Платону, тогда бывшему архиепископом, впоследствии митрополиту Московскому, и ответ Платона на данное послание. В данном послании католикос Симеон просит архиепископа Платона «содержать в отеческой милости и покровительности» [12], «продолжить усердие и любовь к армянскому престолу» и «изъявить Архиепископу Иосифу руку помощи, как

сыну» [13]. В ответе Платон, выражая братскую любовь и уважение к католику, высказывает большое доверие Иосифу Аргутинскому: «Сию мою к Особе Вашей добросердечную склонность утвердит и Почтеннейший Господин Архиепископ Иосиф, которого я по неоднократно с ним свиданию и беседе, нашел соответствующим Вашей о нем надежде, что он порученное ему от Вашей Святыни служение исполнит к похвале и чести всего Вашего Общества» [14].

Данные послания сообщают удивительный факт: между армянским и русским иерархами существовали дружественные отношения в то время, и Иосиф Аргутинский неоднократно встречался с архиепископом (впоследствии митрополитом Московским) Платоном и добился его благорасположения. Однако, основываясь только на вышеуказанном источнике, нельзя делать вывод о том, что Иосиф Аргутинский преодолел предубеждение против армянского исповедания, глубоко укоренившееся среди русского духовенства. Неизвестно, была ли в то время критика армянского исповедания со стороны русских по поводу догматического разногласия между двумя церквями, но в предисловии к своей книге Иосиф Аргутинский намекает на существование подобной критики. Он написал книгу «Исповедание христианской веры Армянской Церкви», которая была издана в Санкт-Петербурге в 1799 г. и посвящена императору Павлу I. Иосиф объясняет цели этой книги: первая – религиозное воспитание своего народа, проживающего в Российской империи и поступившего на государственную, военную и гражданскую службы. Вторая, и самая важная цель – защита армянского вероисповедания от тех, кто осуждает его в качестве ереси: *«В неподобающем же порицании, многообразные налагают ей (Армянской церкви. – прим. Авт.) вины, и помрачают тем свою чистую совесть. Для сей причины, потрудился я издать в свет на Российском языке, сию и прочие означенные книжицы, дабы чтением оных внушены быть могли, Исповедание и Священнодействий церкви нашей; познав же правоту нашей веры, очистили совесть и мысли от несправедливости, избавляя себя тем от прегрешения напрасные клеветы»* [15]. Такое описание показывает, что Иосиф Аргутинский часто встречался с «неподобающим порицанием», направленным против армянского вероисповедания. К тому же, в 1841 г., когда тогдашний архиепископ Бессарабской и Нахичеванской епархии ААЦ Нерсес Аштаракецки перед Министерством внутренних дел ходатайствовал о переиздании книги Иосифа Аргутинского, церковная цензура Синода не разрешила ее переиздать [16]. Решение мотивировалось тем, что в 1799 г. книга была издана «без ведома и разрешения Св. Синода» [17] и «Синод, по силе коренных церковных правил, не может разрешить к печатанию догматических и богослужебных книг иноверных исповеданий» [18].

Рассмотрев источники, касающиеся Иосифа Аргутинского, можно сделать вывод, что он хотя и не полностью разрешил проблему отрицательного отно-

шения РПЦ к ААЦ, но сделал шаг к установлению дружбы между двумя церквями. Поскольку данный доклад является лишь началом изучения этой темы, необходим более подробный анализ первоисточников. Также автор ожидает критики со стороны других исследователей.

Примечания

1. Айвазян К.В. История отношений Русской и Армянской Церквей в средние века. Ереван, 1989.
2. Цатурян С.А. Трансформация отношения русского православия к Армяно-григорианской церкви в XIX веке. Ереван, 1988.
3. Православная Энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Москва, 2004. Т. 3. С. 354.
4. Цатурян С.А. Указ. соч. С. 22.
5. Лебедев А.С. Вероисповедное положение армян в России до времени Ектерины II. Приложение № 1. Москва, 1909.
6. Там же. С. 7.
7. Там же.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 16. С. 287. № 11853.
9. Эзов Г.А. Начало сношений эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством // Кавказский вестник. 1901. № 10. Кн. XXII. Тифлис, 1901. С. 4.
10. Там же.
11. Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб, 1898. С.С – СІ.
12. Избрание Верхнего Патриарха Католикоса Армяно-Григорианской Церкви // Журнал МВД. СПб., 1843. С. 9.
13. Там же.
14. Там же. С. 12
15. Аргутинско-Долгоруский, Иосиф, Архиепископ. Исповедание христианской веры Армянской Церкви. СПб., 1799.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 11. Д. 28250
17. Там же.
18. Там же.

Н.Н. Юрченко, М.А. Гукасян

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ

Трансформации экономических, политических и социокультурных основ российского общества, мировой экономической кризис, процесс изменения полярности в мире, необходимость пересмотра ценностно-идейного содержания политическо-экономического процесса, возникновение новых угроз и

рисков безопасности общества требуют создания новых эффективных моделей межэтнической коммуникации как фундаментального основания модернизационных преобразований.

В настоящее время для активизации процесса политическо-экономической модернизации необходимо выявить и реализовать инновационный потенциал интеллектуальной среды общества, от возможности использования которого зависит эффективность преобразований. В мире складывается глобальная социальная система, порождающая ряд политических, социально-экономических и социокультурных противоречий, что требует особого внимания к тем трансформациям внутри страны и её регионов, которые обеспечивают реализацию национальных проектов и повышают их конкурентоспособность на мировой арене. Современные переходные процессы имеют целый ряд характеристик, существенно отличающих их от аналогичных социальных сдвигов в прошлые века истории человечества. Во-первых, необходимо подчеркнуть их глобальный характер, ибо мы являемся свидетелями не просто изменения социального порядка отдельных стран и регионов, а перехода всего мирового сообщества на новую ступень научно-технического и социального прогресса. Сформировавшееся общество – постиндустриальное, информационное, техногенное и т.д. – предполагает новые способы и технологии участия человека в общественной жизни, новые типы политических, экономических и социальных отношений, новое качество человеческой жизни, новые способы и методы консолидации общества для решения значимых проблем. При этом угрозы, которые подстерегают человечество в переломную эпоху, создают объективные предпосылки как для интеграционных процессов в политической, экономической, экологической и других общественных сферах, так и для выработки новых национальных, нравственных, конфессиональных, социокультурных, информационных норм и традиций [1]. Поиск путей обеспечения межнационального согласия в России на современном этапе является приоритетным государственным интересом и важнейшим условием реализации программы развития и предполагает выбор определённой стратегии и идеологической канвы как объединительной модели преобразования [2].

В современных обществах принято различать системы с относительно низким и относительно высоким уровнем социального доверия, что во многом обусловлено ценностной и морально-психологической средой, которая может способствовать усилению духа сотрудничества и солидарности или, наоборот, приводить к личностному и групповому отчуждению депривационного характера. Наличие в обществе социального и политического доверия имеет сугубо идеологическую природу и приводит к формированию морального сообщества, а само доверие превращается в политический и моральный капитал, который не может быть одинаково распространённым в различных регионах и социальных слоях [3]. Идеологическое обоснование и выявление

духовно-нравственной мотивации социальных изменений может стать эффективным средством анализа специфики инновационных процессов в рамках различных субкультур регионов с относительно низкими стандартами организации производства и культуры потребления [4]. Одним из вариантов анализа исследуемой проблемы являются многоуровневые оценки характера распространения потребительских стандартов, материализующих обыденность и повседневность и унифицирующих культурные образцы. Вычленение основных элементов и моделей потребления, производства и коммуникации, присущих различным субкультурам, позволяет определить наличие общих этических принципов и ценностных ориентиров с одной стороны, и социально-культурной дифференциации и размежеваний – с другой. Особое геополитическое значение юга России обуславливает повышенную потребность в обеспечении национальных интересов в регионе. Логично полагать, что если уж ментальные структуры играют важную роль на государственном уровне, то не меньшее значение они имеют в мотивации деятельности на уровне северокавказских субъектов, где сильна инерция традиционализма. Поэтому события и процессы на Кавказе невозможно проанализировать и понять без учета роли идеологических и психологических моментов, этнического сознания местных народов, что можно, на наш взгляд, показательно представить на примере армянской диаспоры. Обновлённая региональная система национального хозяйства призвана обеспечить благоприятные условия и механизмы инновационного развития российской экономики для повышения комфорта и защищённости граждан страны, раскрытия свобод в их экономической и культурной самореализации [5] на федеральном, региональном и местном уровнях. В настоящее время армянская диаспора остается одной из самых значимых на юге России. По уровню занятости в производственных сферах армяне среди других национальных диаспор России занимают самое высокое место. Особое значение они придают, как и прежде, участию в строительстве и архитектуре, в различных отраслях промышленности, в финансовой сфере, науке, образовании, медицине и культуре, государственной и военной службе. Армяне активно участвуют в российской общественно-политической жизни. Многие из них объединены в национально-культурные общественные организации, например Союз армян России [6], которые занимаются в частности пропагандой русского языка и российской культуры среди соотечественников в Армении и историко-культурного и духовного наследия своего народа в России с целью укрепления тысячелетних уз дружбы и развития сотрудничества и стратегического партнерства наших стран. Коэффициент интеллектуальной интеграции армян юга России также достаточно высок. Среди них есть множество известных ученых, деятелей культуры, которые играли и играют важную роль в жизни армянских общин ЮФО, России и всего армянского народа. Так, можно особо отметить рабо-

ты в области истории и востоковедения профессора, уроженца Нахичевана Керовбе Патканяна, заместителя заведующего кафедрой политологии и этнополитики Северокавказской академии госслужбы, кандидата политических наук Григория Акопова; в области психологии – профессора Николая Корганова, занимавшего должность ректора РГМУ, и доктора психологических наук, профессора Ивана Кукосяна, удостоенного почетного звания заслуженного деятеля науки Кубани; в области юриспруденции – Серафима Арутюняна, который был спикером Ростовской городской думы и редактировал газету «Приазовский край», доктора юридических наук, профессора Жанны Овсепян, заведующей кафедрой конституционного права ЮФУ, заместителя председателя экспертного совета федерального управления ЮФО; в сфере журналистики – Мартына Мерджанова, Аркадия Айрумова, который был директором Ростовского музея «Святой Крест» и Александра Акопова, профессора кафедры средств массовой коммуникации факультета филологии и журналистики ЮФУ, члена Союза журналистов России [7].

Таким образом, представители армянской диаспоры на юге России вносят значительный вклад в развитие различных областей науки, что способствует укреплению горизонтальных и вертикальных связей, усилению интегративного и уменьшению конфликтного потенциала внутрирегиональной и межгосударственной коммуникации. За последние несколько лет, пожалуй, самым значимым событием в деле развития межгосударственных связей между Республикой Армения и Российской Федерацией явилось открытие в 2002 году Генерального консульства Армении в Южном федеральном округе. Учитывая многочисленность армянского населения на юге России, местом для его открытия была избрана южная столица России – г. Ростов-на-Дону. Решение об открытии Генконсульства именно на территории ЮФО отнюдь не было случайным – это продиктовано сложившимися вековыми дружественными отношениями и древними историческими традициями. Ведь здесь издавна жили и мирно трудились крупнейшие армянские общины: Ново-Нахичеванская, Мясниковская, Ростовская, Армавирская, Новороссийская, Адлерская, Туапсинская, Краснодарская, Владикавказская, Ставропольская, Кавминводская и многие другие. Культурные и экономические связи налаживались на протяжении столетий [8].

В структуре администрации Ростовской области действует Консультативный совет представителей общественных организаций национальных групп. В его состав входят руководители 19 национально-культурных общественных организаций. Деятельность Совета направлена на рассмотрение любых вопросов, интересующих или беспокоящих национальные диаспоры и администрацию области. Издается двуязычная газета «Нахичевань-на-Дону». С 2002 г. в Интернете размещен независимый информационно-аналитический портал «Нахичевань-на-Дону», который

является крупнейшим этническим интернет-проектом на юге России. Одним из примеров эффективной интеграции армян в общественно-политическую и социально-культурную жизнь области и показателем тесного сотрудничества региональных властей и местных армянских общин стала передача в пользование Армянской Апостольской Церкви со стороны администрации Ростовской области здания церкви бывшего монастырского комплекса «Сурб Хач» (20 марта 2007 г.). До последнего времени в стенах церкви располагался Ростовский музей русско-армянской дружбы, действовавший с 1972 г. и насчитывающий более 10 тысяч экспонатов. Мясниковский район Ростовской области можно считать «армянским анклавом» на территории самого северного субъекта Северного Кавказа. Большинство населения района (около 60 %) составляют армяне. Заселение ими земель этого района относится к концу XVIII в. В 1780 г. тысячи армян прибыли на новое место жительства, основав город Нахичевань (с 1928 г. объединившийся в один город с Ростовом-на-Дону) и пять сел: Чалтырь, Крым, Большие Салы, Султан-Салы и Несветай. Сегодня Мясниковский район – один из наиболее экономически состоятельных в Ростовской области [9].

Русский язык в науке Армении играет ведущую роль. Научное партнерство с Россией сегодня – наиболее рентабельный путь восстановления армянского научного потенциала, и этот факт существенно влияет на выбор языка научных работ. Научные статьи и монографии, как правило, написаны на русском языке, и этот выбор является неслучайным. Это обусловлено тем, что сегодняшнее поколение ученых среднего и пожилого возраста в достаточной степени владеет русским языком. Кроме того, среди них много выпускников русских школ и вузов, владеющих русским в совершенстве и пользующиеся им в быту и семье. Ученые во всем мире являются также лидерами общественного мнения и способны повлиять на политико-экономические предпочтения населения и, в конечном итоге, его внешнеполитическую ориентацию. Армянские ученые тяготеют к России, и происходит это не только в силу сложившихся за последние два века традиций или корпоративных связей. Значительную роль во взаимном комплементаризме играет близость цивилизационных воззрений. В этой связи в Армении при госбюджетном финансировании, проводятся научные исследования в НИИ совместно с российскими научными центрами, прежде всего с московскими и новосибирскими, которые занимаются разработкой проблем ядерной физики, приборов ночного видения, ракетной техники и космического наблюдения [10].

Таким образом, рассмотрение взаимодействия различных субкультур в процессе модернизации с точки зрения сравнительного анализа ценностных форм организации бытия показывает востребованность определения возможностей и перспектив духовно-нравственного наполнения инновационного процесса, оптимизации межэтнической коммуникационной среды и

административно-политического управления в контексте решения проблемы защиты государственных интересов, не противоречащих индивидуальным и групповым интересам граждан, а способствующих их реализации. В предметной области изучаемой темы центральное место занимает идейное содержание процесса модернизации как важнейшего государственного приоритета, осуществляющегося в мультикультурном конфликтном пространстве разнонаправленных групп интересов. В этих условиях оптимизация административных практик предполагает обеспечение неконфликтного управленческого действия, а также выработку рациональных стилей поведения в ситуациях конфликтного взаимодействия с целью конструктивного урегулирования противоречивых взаимоисключающих интересов сторон и перевода деструктивных тенденций в консенсусное русло.

Примечания

1. Мощелков Е.Н. Переходные процессы в России: опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996. С. 3–5.
2. Идеологическое обеспечение модернизации государственного управления как способ реализации национально-государственных интересов современной России (на материалах южнороссийского региона): монография. Краснодар, 2011. С. 13.
3. Fukuyama F. Trust. The social virtues and the creation of prosperity. N.Y., 1995. P. 153–156.
4. Юрченко М.В. Политико-идеологические процессы в информационном пространстве современной России. Краснодар, 2011. С. 163.
5. Попов Р.А. Экономика региона: теория, методология, методика. М., 2012. С. 35.
6. Армяно-российские отношения. URL: <http://arm.rs.gov.ru> (дата обращения 14.03.2012).
7. Интеллектуальный потенциал армянства Юга России. URL: <http://www.noravank.am> (дата обращения 14.03.2012).
8. Арарат Гомцян. URL: <http://noev-kovcheg.lgb.ru> (дата обращения 14.03.2012).
9. Муниципальное образование Мясниковского района. URL: <http://miascum.ru> (дата обращения 14.03.2012).
10. Русский язык в науке Армении. URL: <http://voskanapat.info> (дата обращения 14.03.2012).

РАЗДЕЛ II. ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ ЮГА РОССИИ

А.П. Абрамян

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АРМЯН СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

В экономическом и хозяйственном развитии Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX вв. немалую роль играли переселившиеся в свое время в эти пределы армяне. При всех военно-политических осложнениях в Закавказье они искали покровительства России, и местные власти при поддержке правительства Санкт-Петербурга относились к ним «весьма благо-склонно» [1]. Появление армянских переселенцев в Степном Предкавказье было обусловлено предоставленными им многочисленными льготами, которые нашли свое отражение в правительственных указах. Согласно принятым установлениям армянские переселенцы получали в России права на торгово-промышленную деятельность и собственность на землю, им даровалась свобода вероисповедания, в связи с чем в 1717 г. была учреждена армянская епархия с центром в Астрахани [2].

Особым образом регулировалась внутренняя жизнь армянского сообщества. В 1746 г. указом Сената астраханские армяне получили свой суд, ставший юридическим и административным органом. Вскоре был составлен и «Судебник астраханских армян» на основе «Судебника Мхитара Гоша» (конец XII – начало XIII в.), кодекса византийского императора Юстиниана, российского законодательства и норм обычного права. Он включал 32 главы и 1135 статей [3]. В конце XVIII в. этот кодекс был принят и армянскими судами Кизляра и Моздока. Исполняя Высочайшую волю, Правительствующий Сенат в 1798 г. предписал Астраханскому губернскому правлению наделить армян, имеющих склонность к ремеслу и торговле, соответствующим количеством земли от казенных дач. Так возник город Святой Крест, основанный выходцами из Карабаха, его второе название – Карабаглы [4]. По свидетельству Г.Н. Прозрителева, «долгое время город находился в исключительном обладании армян: они вели жизнь патриархальную, не допускали в состав жителей русских, боясь разращения их семейной жизни, основанной на старинных обрядах и обычаях. Хорошие условия местности и многоземелье во-

круг, а главное – большой земельный надел жителей, привлекали сюда русских переселенцев, но карабаглинцы держали их в стороне, не принимая в состав общества, оставляя в качестве «иногородних» [5]. В данной связи краевед И.В. Бентковский писал: «Армяне, поселившись в Ставрополе, составили из своих жилищ почти отдельный квартал, который долгое время был известен под именем Армянской улицы. Каждый армянин имел при своем доме лавку, через что из улиц образовался гостиный ряд». Это свидетельствовало о том, что главным видом экономической деятельности армян была торговля.

Известным торговым центром не только на Северном Кавказе, но и в России, стал к концу XVIII в. г. Моздок. В нем насчитывалось более 100 торговых лавок, где продавались привозные товары и скупались добротные изделия местного производства [6]. На основании Жалованной грамоты Павла I от 22 октября 1799 г. армяне-переселенцы наделялись удобной землей, по 30 десятин на каждого. Кроме того, подтверждалось право свободной торговли, разрешалось строительство фабрик, церквей и монастырей, отправление религиозных обрядов и т.д. [7]. Подобные меры правительства были вызваны тем, что армяне, будучи близкими по вероисповеданию православному российскому народу, являясь трудолюбивыми и предприимчивыми верноподданными, составляли надежный оплот России на Северном Кавказе.

Однако эти меры вызывали неоднозначную реакцию у местных властей и жителей [8]. В начале XIX в. правительство встало на путь ограничения привилегий армян. Во второй половине 1802 г. Кавказская Казенная палата начала регистрировать мигрантов-армян, расселившихся на основании указанной грамоты вдоль Терека от Моздока до Кизляра. В 1807 г. Александр I издал манифест, согласно которому льготы распространялись только на первопереселенцев, но не на их потомство [9].

15 апреля 1809 г. сроки льготы, дарованной армянам Жалованной грамотой, закончились. В Высочайшем Указе от 2 февраля 1810 г. сообщается о мерах по взысканию податей: «... живущих в России Греков и Армян повелено вместо прежде платимых ими 2-х руб. подати обложить по 5-ти руб. со двора или семейства» [10]. Кавказская Казенная Палата на основании сведений, полученных от Губернского правления в ходе проведенных ревизий, назначила в 1820 г. с дербентских и мискурских армян ежегодные подати.

В 1827 г. Николай I повелел: «Дело об армянах передать в Государственный Совет, с тем, чтобы решен был вопрос: справедливо ли дать пришельцам вечные преимущества перед коренными русскими» [11]. Государственный Совет признал, что никакие привилегии бессрочными быть не могут. В 1831 г. последовало решение оставить льготы, не распространяя их на потомство, для тех кизлярских, моздокских и астраханских армян, которые во время составления Жалованной грамоты находились в указанных городах. Все остальные должны были вступать в вечное россий-

ское подданство, в противном случае их предписывалось рассматривать как не торгующих иностранцев.

В 1832 г. была предпринята неудачная попытка причислить армян-селян к казачьему сословию. Это вызвало многочисленные жалобы армян, рассматривавшиеся на самом высоком уровне (Сенатом, Государственным Советом, императором). Свое нежелание менять статус они объясняли в том числе и тем, что с переводом в казаки семьям нечем будет жить, так как «женщины не работают и дальше двора не выходят» [12]. Правительство быстро осознало невозможность подобного мероприятия и отменило свое решение (что в российской истории тех лет встречалось нечасто). Однако армянам было объявлено, что все исключенные из казачьего сословия, теряют былые привилегии.

Армяне Кизляра все вопросы внутренней жизни решали под руководством выборного старшины (старосты), но под контролем коменданта города, а затем городской думы во главе с городничим [13]. Подобный порядок был распространен и на армян Моздока. Армянские суды в крае выполняли административные и судебно-полицейские функции. Здесь в устной или письменной форме решались все спорные вопросы, касающиеся взыскания долгов, раздела имений, наследства, регулировались многие стороны хозяйственной и общественной жизни [14]. Однако спорные дела, касающиеся взаимоотношений армян с соседними народами, не могли рассматриваться в армянских судах. Они решались в Моздокском и Кизлярском земских (окружных) судах по российским законам [15]. Указы 30-х гг. XIX в. постепенно уравнили армян в правах с другими горожанами Кизляра и Моздока, а указ Николая I от 1836 г. фактически отменил Жалованную грамоту. Большая часть армян была причислена к мещанам, купцам, казенным крестьянам, они были уравнены с последними в податях и платежах. В 1840 г. были упразднены и особые Армянские суды в Кизляре и Моздоке [16].

Несмотря на ограничения 30–40-х гг. в отношении армян, примечателен тот факт, что правительство продолжало идти на уступки, удовлетворяя их некоторые просьбы. Так, жителям Касаевой Ямы – одного из крупных армянских селений Степного Предкавказья (в 1833 г. здесь проживало 1015 семей), удалось добиться переименования своего поселения. Правление гражданской части Ставропольской губернии удовлетворило ходатайство поверенного от армянского сельского общества Асатура Кулюбекова и 31 января 1852 г. губернская газета «Ведомости» сообщила о факте переименования села Касаева Яма в Едессию (Эдессию. – Л.А.) [17].

Активная торгово-экономическая деятельность армян позволяла им сохранять определенную автономию, иметь структуры самоуправления в городах, открывать свои школы, строить храмы, поддерживать связи с другими группами армян. Армянские купцы вели оживленную торговлю, проникая вглубь горских территорий и снабжая местное население различными необходимыми

ми вещами [18]. Кизлярские и моздокские армяне открывали в казачьих станицах свои лавки, в которых торговали различными изделиями: тканями, железом, сахаром, чаем. Ведение активной посреднической деятельности армян в меновой торговле способствовало развитию торгово-экономических связей между казаками, кочевыми и горскими народами. Армяне Кизляра и Моздока составляли значительную часть городских владельцев и работников ремесленных мастерских и предприятий, в том числе кирпичных, кожевенных, воскобойных, мыловаренных, шелковичных и винодельческих [19]. Таким образом, хозяйственно-экономическая деятельность армян Степного Предкавказья способствовала развитию нового капиталистического уклада.

Добровольно вступив в состав Российской империи, армяне охотно соглашались на российскую государственную службу. Они составляли «главную часть служащих на Кавказе чиновников, начальников железнодорожных станций, конторщиков, писцов, вообще мелких интеллигентов; к ним принадлежат значительное число кавказских адвокатов и докторов. ...Офицеры, полковники и генералы из армян не редкость. Они участвовали во всех русских войнах на Кавказе и отличались храбростью» [20]. Оставаясь армянами по культуре, в политике они были русскими. «М.Т. Лорис-Меликов не армянский генерал, – замечает публицист-современник, – а русский генерал из армян». Неслучайно все попытки обвинить армян в сепаратизме разбивались об их непоколебимую верность Российской империи.

Таким образом, армянские переселенцы, попав под воздействие административной системы царского правительства, заняли свое достойное место в рядах российского дворянства, купечества, мещанства и прочих сословий. Армяне относительно легко мирились со своим положением народа, живущего в чужих империях, более того, они активно участвовали не только в экономической, но и в государственной жизни этих империй и тому много примеров. Свою фактическую независимость они отстаивали экономическими средствами как народ, обладающий явными способностями к предпринимательской деятельности и мирно уживающийся со своими соседями. Несмотря на активную интеграцию армян Степного Предкавказья в российское политическое и социально-экономическое пространство, армянская община в конце XVIII – первой половине XIX в. продолжала сохранять свою относительную автономию и жизнеспособность, что наглядно проявлялось в устойчивости и сохранности ее этнической самоидентификации.

Примечания

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 463.
2. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001. С. 48.

3. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998. С. 164.
4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 374.
5. Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII – начало XXI века). Ставрополь, 2006. С.74.
6. Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ, 1995. С. 48.
7. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 593.
8. Аганесова Д.В. Армянская диаспора Нижнего Терека (XVIII – XIX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. С.12.
9. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 444. Оп. 1. Д. 621. Л. 78 об.
10. АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 594
11. Великая Н.Н. Указ. соч. С. 50.
12. Там же. С. 89.
13. Волкова Н.Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал. 1966. № 3. С. 11.
14. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 920. Л. 2, 11 об.
15. Там же. Д. 921. Л. 1–93.
16. Великая Н.Н. Указ. соч. С. 51.
17. Акопян В. и др. Едессия. Страницы истории. [Б.м.], 1993. С. 20.
18. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962. С.32–33.
19. Великая Н.Н. Указ соч. С. 89.
20. Приемский М. Армяне и события на Кавказе. М., 1907. С. 7.

Р.М. Абрамян

МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕНЕАЛОГИИ АРМЯН ЮГА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ МОСКВЫ

Как известно, в силу ряда объективных причин документы по истории армянских общин юга России хранятся в настоящее время в многочисленных областных и центральных архивах России, а также в Национальном архиве Армении. Данное обстоятельство создает значительные трудности при проведении генеалогических изысканий, поскольку для максимально полного раскрытия темы исследователю требуется обращаться в архивы как интересующего субъекта Российской Федерации, так и Москвы, Санкт-Петербурга и Еревана.

Значительную часть московских армян XVIII – начала XX вв. составляли выходцы из Астрахани, Нового Нахичевана, Кизляра, Моздока и других южнороссийских городов. Одни из них окончательно переселились в столицу, основывая московские ветви соответствующих фамилий, другие могли жить

здесь более или менее длительный период (учеба, служба, семейные обстоятельства и т.д.). Находясь в городе, они становились прихожанами московских армянских церквей, и сведения о них попадали в документы, хранящиеся в настоящее время в Центральном историческом архиве Москвы (далее – ЦИАМ). В этой связи хотелось бы привлечь внимание исследователей генеалогии армянских общин юга России к документам фонда Московского армянского духовного правления (Ф. 2050) в ЦИАМ. В фонде 297 единиц хранения, содержащих документы за 1731–1930 гг. Основу фонда составили документы, отложившиеся от деятельности духовного правления, частично Лазаревского института восточных языков (далее – ЛИВЯ), Касперовского приюта для бедных армян и других армянских организаций города.

Начать обзор генеалогических материалов фонда следует с метрических книг московской церкви Сурб Хач (Церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста, Крестовоздвиженская). Выявлены метрические книги за 1775–1804 гг. (Д. 15. Л. 1–13 об.), 1831–1850 гг. (Д. 15. Л. 14–39), 1879 г. (Д. 16. Л. 117–129) и 1880–1919 (Д. 297, исследователям не выдается). Метрические книги, как и большинство дел фонда, написаны на армянском языке. По своей структуре и содержащейся информации армянские метрические книги не отличаются от аналогичных русских документов. Исключение составляет наиболее ранняя метрическая книга конца XVIII в. Записи в ней приводятся в хронологическом порядке без разделения на три части. Большая часть упомянутых в метрике лиц называется по имени и отчеству, что затрудняет их идентификацию.

Приведем примеры стандартных записей из Метрической книги церкви Сурб Хач за 1879 г.:

Родился 1 и крещен 2 января Карапет, сын ново-нахичеванского меццинина Геворга Мкртычевича Короткянца и жены его Нуне дочери Карапета Когпетянца. Восприемник: ново-нахичеванский меццинин Серовбе Габриэлович Шаповалян.

Родился 26 октября, крещен 11 ноября Левон сын дворянина, коллежского секретаря Мовсеса Егиевича Кананянца и жены его Рипсимэ, дочери кизлярского 1 гильдии купца, потомственного почетного гражданина Гаспара Мамаджанянца. Восприемник: действительный статский советник Геворг Егиевич Кананянц.

Значительный интерес представляют списки исповедовавшихся и причащавшихся прихожан московских армянских церквей. Сохранились списки за 1844–1846, 1849–1851, 1855, 1860–1864, 1869–1901, 1916 гг. (все на армянском языке). Единого формуляра для списков не существовало, поэтому они различаются по объему полезной для генеалогов информации. В одних приводится лишь имя и фамилия прихожанина, в других также отчество, приблизительный возраст, указание на сословную принадлежность, профессию, место происхождения, родственные связи и т.п.

Ценную генеалогическую информацию содержат посемейные списки. В рассматриваемом фонде их два. Во-первых, это посемейный список армян Москвы 1840 г. (Д. 202) Список охватывают практически всю армянскую общину того времени. Кроме имени и фамилии в нем приводятся сведения о возрасте всех членов семьи и их сословной принадлежности. Например:

Вдова генерал-майора Давида Артемьевича Делянова Мариам Делянова 52 года. У нее дети Йохан 24 года; Егинэ 20 лет. Брат покойного Делянова Петр Артемьевич Делянов 52 года.

Нахичеванский Мартирос Кистов 68 лет. Жена его Анна 55 лет. Их дети Карапет 38 лет. Рафаэл 32 года.

В посемейном списке армян-бедняков Астрахани (Д. 72) перечислены семьи малоимущих армян, получавших материальную помощь от Лазаревых в 1832–1833 гг. Документ составлен на армянском языке и включает в себя около 800 чел. В нем также приводятся возраст членов семьи, профессия и размер получаемого пособия. К сожалению, многие лица упоминаются в списке без указания фамилий, что существенно затрудняет их идентификацию.

На двухстах листах «Книги церковных сборов» (Д. 293) приводятся имена и фамилии армян, совершавших денежные пожертвования армянской церкви с 1802 по 1917 гг.

Для изучения генеалогии большое значение имеют данные некрополистики. К сожалению, армянский некрополь Москвы сильно пострадал. По оценкам исследователей, сохранилось не более 10–15 % надгробий XIX в. Восполнить этот пробел в некоторой степени позволяют перечни могил Армянского Ваганьковского кладбища, составленные его смотрителем Л.А. Люксом в 1933 и 1934 гг. (Д. 288) (на русском языке).

К традиционным генеалогическим источникам относят формулярные и послужные списки. В рассматриваемом архивном фонде можно обнаружить послужные списки многих священно- и церковнослужителей московских армянских церквей. В целом в описываемом фонде сохранилось достаточно много дел, содержащих генеалогическую информацию о служителях церкви. Кроме послужных списков это документы о причислении к клиру, переводах в Москву, повышениях по службе, награждении, подорожные и другие документы, выданные клирикам армянских церквей, выходу из духовного звания, назначении пособия семьям священников и т.п.

Одной из обязанностей Духовного правления являлось составление и выдача метрических свидетельств о рождении, крещении, бракосочетании и смерти. Эти свидетельства, основанные на выписках из метрических книг, представляют собой один из важных генеалогических источников. Сохранилось достаточно много копий или черновиков этих свидетельств, объединенных в отдельные архивные дела по хронологическому принципу (Д. 16, 19, 31, 101, 105, 172, 183, 203, 209, 212, 217, 224, 233, 243, 245, 253 и др.). Большинство

справок составлено на русском языке. Интерес представляют также прошения о выдаче метрических и иных свидетельств, свидетельства о бедности, данные для поступления в учебные заведения, подорожные и другие документы, выдаваемые прихожанам. Метрические свидетельства содержат большое количество ценной генеалогической информации. Их значение для генеалога особенно возрастает в случае отсутствия метрической книги за интересующий год.

Метрическое свидетельство.

Священнический сын Иосиф Иоакимович Орбелли (sic!), сын моздокского армянского протоиерея родился 15 мая 1812 в Моздоке, крещен 23 мая в моздокской армянской церкви Святого Стефана, приемник из армян Фома Варцелов.

Свидетельство выдано 2 августа 1835 [1].

Много важной информации содержит переписка Духовного правления с различными государственными учреждениями, Эчмиадзинским Синодом, частными лицами и т.д. Иногда документы, касающиеся какого-либо вопроса, объединены в отдельное дело. Для генеалога представляют интерес дела о браках, разводах, смерти, выдаче метрических свидетельств, завещаниях и т.п.

Москва. 1813 года ноября 12 числа.

В Московское Армянское духовное Правление.

Покорнейшее прошение

Мы нижеподписавшиеся Титулярный Советник Валентин Яковлев сын Герман и сожительница моя Катерина Семенова урожденная Бернад обьявляем подписью, что мы согласны, чтобы дочь наша Надежда вышла за такого мужа, за которого она сама пожелает, и благословение наше родительское сим ей и дали и тем покорно просим венчать ее.

А я нижеподписавшаяся Надежда Валентинова дочь Германова согласно воле моих родителей соглашаюсь идти замуж за Астраханского Армянина Ивана Степанова Измайлова, и венчаться в Армянской Церкви.

Что Титулярный Советник Герман с женою и дочерью сие своеручно подписали, в том подписуя свидетельствую Московской 1-й гильдии купец Иван Буркарт и я в том же свидетельствую Иностранец Егор Винкельман [2].

Из других фондов ЦИАМ, содержащих материалы по генеалогии армян юга России, можно выделить фонды Лазаревского института восточных языков (Ф. 213) и Московского Императорского университета (Ф.418). В хранящихся в указанных фондах многочисленных личных делах студентов-армян содержатся метрические свидетельства о рождении и крещении, сведения о первоначальном образовании, прошения о зачислении, информация об успеваемости, переписка с родителями, копии аттестатов о завершении обучения, фотографии студентов.

В архиве Московского губернского дворянского собрания (Ф. 4) хранятся дела о дворянстве ряда армянских семей. Некоторые из них происходят из армянских общин Юга России – Алабовы, Аскархановы, Калантаровы, Калустовы и т.д.

В заключении приведем родословные росписи нескольких армянских семей, составленные на основе материалов фонда Московского армянского духовного правления.

Эзовы

Аветис Эзов

Ованес (Иван) Аветович (?–1840). Астраханский житель, московский 3-й гильдии купец. Жена Егисабет (Елизавета) Ивановна Черкезова (ок. 1808–?).

Аветис (Авет) Иванович (8.01.1831–?). Астраханский мещанин.

Ованес (Иван) Иванович (8.02.1832–?).

Мариам Ивановна

Григор (Григорий) Иванович (5.08.1835–?).

Саркис (Сергей) Иванович (10.06.1837–?).

Арутюн (Артемий) Аветович (ок. 1795 – до 1855). Астраханский житель, московский 3-й гильдии купец. Жена Егисабет (Елизавета) Мартиросовна (Мартыновна) Кистова (ок. 1811–?).

Мариам Артемьевна (26.12.1830–?). Муж 10.06.1859 Багдасар (Богдан) Барагамович (Варламович) Богданов (ок. 1813–?). Из астраханских армян состоящих в привилегии, московский купец 1-й гильдии.

Карапет (Герасим, Карп) Артемьевич (5.09.1833–?). Студент ЛИВЯ.

Анна Артемьевна (15.02.1836–?).

Шушан (Сусана) Артемьевна (4.07.1838–?).

Ованес (Иван) Артемьевич (3.01.1842–?).

Степан Аветович (?–?). Астраханский житель, московский 2-й гильдии купец, биржевой маклер. Жена 26.02.1836 Егисабет (Елизавета) Ивановна Эдильханова (?–?).

Маргарита Степановна (?–?).

Мариам Степановна (?–?).

Николай Аветович (?–27.08.1867). Астраханский житель, московский 2-й гильдии купец, биржевой маклер. Жена 6.09.1844 Сусанна (Софья) Ивановна Тер-Вартанова (ок. 1825–?).

Мария Николаевна (9.12.1845–19.04.1847).

Елизавета Николаевна (23.02.1847–?). Муж Егор Иванович Паписов. Тифлисский купец.

Иван Николаевич (10.10.1849–?).

Елена Николаевна (4.07.1850–?).

Степан Николаевич (22.11.1851–?).

Серебряковы

Архип (Араке) Серебряков. Моздокский житель.

Петр Архипович (ок. 1795–?). Московский купец. Жена Софя (Анна, Осанна) Егоровна (Геворковна) Тергилова (ок.1815–?), из кизлярских дворян.

Макар Петрович (13.12.1835–?).

Иван (Ованес) Петрович (19.01.1837–?).

Егор (Геворк) Петрович (30.10.1839–?).

Сергей (Саркис) Петрович (11.11.1842–?).

Давид Петрович (13.01.1846–?).

Софья Петровна (4.03.1848–?).

Мария Петровна (13.03.1850–?).

Елизавета Петровна (ок. 1850–?). Муж 16.11.1879 Андреас Наджарянц. Шушинский житель.

Давид Архипович (ок.1799 – после 1844). Московский купец. Жена Екатерина Габриэловна Хатисова (ок. 1810 - ?), из тифлисских граждан.

Архип Давидович (ок. 1829–?).

Мария (16.01.1833–?).

Елизавета Давидовна (15.08.1834–?).

Маргарита Давидовна (2.07.1835–?).

Сергей (Саркис) Давидович (15.02.1836–?).

Ефрем Давидович (16.01.1838–?).

Геворк Давидович (6.02.1839–?).

Кистовы

Карапет Кистов

Мартирос (Мартын) Карапетович (ок.1772–?). Нор-нахичеванский купец. Жена Анна Михайловна (ок.1785–?).

Карапет Мартиросович (ок.1802–?). Нор-нахичеванский купец.

Рафаэл Мартиросович (ок.1808–?). Коллежский секретарь. Дворянин.

Магдалина Рафаэловна.

Мариам Мартиросовна (ок.1807–?). Муж Федосей (Теодос) Карапетович (Карасимович, Герасимович) Казачков (?–1855). Астраханский купец

Егисабет (Елизавета) Мартиросовна (Мартыновна) Кистова (ок.1811–?). Муж Арутюн (Артемий) Аветович (ок. 1795 – до 1855). Астраханский житель, московский 3-й гильдии купец.

Примечания

1. Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 2050. Оп. 1. Д. 281. Л. 46 об.

2. ЦИАМ. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 50. Л. 2

П.А. Аваков**АРМЯНЕ НА ДОНУ В XVII–XVIII ВВ. (ДО 1779 Г.)**

Традиционно история армян в Донском крае ведется с 1779 г., когда было осуществлено их массовое переселение из Крыма. Между тем, многие представители армянского народа бывали и даже проживали на Нижнем Дону задолго до этого, на что уже обращал внимание В.Б. Бархударян [1]. Однако до сих пор этот вопрос практически не разработан в историографии, несмотря на его очевидную значимость. Не претендуя на исчерпывающее освещение данного вопроса, попытаемся наметить основные направления его дальнейшего изучения и обобщить имеющиеся эмпирические данные.

Проникновение армян в регион было связано, главным образом, с их коммерческими интересами. Вероятно, первые армяне появились на Нижнем Дону в последней трети XIII в., вскоре после основания Азака – одного из крупнейших городов Золотой Орды, важнейшего центра транзитной и региональной торговли, известного в Европе как Тана. Один из гишатакаранов свидетельствует о переселении в Азак армянской общины Сарая в 1299 г. Основную массу переселенцев, вероятно, составляли купцы и ремесленники. Из нотариальных актов XIV в. известно, что в венецианской фактории, расположенной на территории Азака, также имелась армянская купеческая община, многие члены которой активно занимались работоторговлей. По мнению И.В. Волкова, армянская община просуществовала в городе по крайней мере до погрома 1395 г., устроенного Тимуром [2]. После гибели ордынского Азака и завоевания итальянской Таны Османской империей в значение этого рынка несколько снизилось, но приток туда коммерсантов не прекратился.

Материалы переписей населения Кафинского санджака, проведенных в 1488–1489, 1497–1510, 1529 и 1545 гг., свидетельствуют об отсутствии армян среди постоянных жителей османского Азака (в отличие от греков, русских и черкесов) [3]. Однако, учитывая важное торговое значение этого города-крепости в конце XV–XVI в. и принимая во внимание факт наличия многочисленного армянского населения в Кафе и в других причерноморских городах, сомневаться в том, что армянские купцы посещали Азак в этот период, не приходится.

О пребывании армян в Азаке в XVII в. имеются лишь отрывочные данные. Скорее всего, эти армяне находились в городе временно. Так, в июле 1671 г. вместе с посылавшимся к азовскому санджакбею Сулейману-паше жильцом Петром Быковым в Москву из Азака приехали «6 человек армян с рускими полоняники» [4]. Вполне очевидно, что целью приезда армян было совершение сделок по получению выкупа за пленников.

В результате захвата Азака донскими казаками в 1637 г. в низовьях Дона скопилось более 10 тысяч человек, что создало условия для образования емкого рынка. Потребность населения в подвозе продовольствия, возможность покупки казачьей добычи и налаживания торговых связей непосредственно с Россией привлекли в город немало иностранных купцов, среди которых были и армяне [5]. Весной 1640 г. внимание обосновавшихся в Азове казаков обратил на себя армянин Мануил, выдававший себя за бывшего «полоняника» и имевший золотую монету, что давало ему возможность «на кабаках пить и зернью играть». Оказалось, что склонный к праздной жизни и азартным играм армянин был агентом польского короля [6].

Можно с уверенностью утверждать, что после взятия Азова Петром I в 1696 г. армян среди постоянных жителей города не было. В материалах текущего делопроизводства российских правительственных учреждений, управлявших Северо-Восточным Приазовьем в 1696 – 1711 гг., как и в документах местной администрации, присутствие армянского населения в крае не зафиксировано. Тем не менее армянские купцы из сопредельных областей Крымского ханства и Османской империи были частыми гостями в Азове после заключения в 1699 г. Карловицкого перемирия. В переписке азовской приказной палаты с Пушкарским приказом зафиксированы первые визиты армянских коммерсантов в российское Приазовье. Сначала в июле 1699 г. в Азов с Кубани приехала группа торговцев во главе с армянином Минасом Симоновым (Семеновым), а затем в сентябре того же года на трех судах из Керчи прибыли 55 купцов, в том числе трое армян [7]. В сентябре М. Симонов доставил азовскому воеводе С.И. Салтыкову письмо от находящегося на Кубани крымского калги-султана Шахбаз-Гирея, и привез четырех донских казаков, ранее взятых в плен ногайцами [8]. Но большинство приезжих купцов стремились попасть из Азова в Черкасск, так как его население отличалось большей покупательной способностью. В 1708 г. некий армянин из Кафы «с товарищи своими розных городов с армяны и с татары на шти арбах приехали в Черкасской с тавары» [9]. Иностранная торговля в Подонье-Приазовье прекратилась вскоре после того, как в ноябре 1710 г. Османская империя объявила войну России. В соответствии с царским указом от 31 января 1711 г. в апреле власти Азова задержали в городе 18 торговцев из Турции. Девять греков и восемь армян были интернированы в Изюм, а единственного турка посадили в тюрьму в Троицком (на Таган роге) [10].

Приток армян в Азов и Черкасск возобновился со второго десятилетия XVIII в. Вероятно, это следует связывать со стабилизацией ситуации в Подонье-Приазовье по окончанию русско-турецкой войны 1710–1713 гг., а также с началом военной колонизации завоеванных Россией в 1722 г. прикаспийских провинций.

В переписке Войска Донского с Военной коллегией 1734 г. упоминается об армянах и греках, которые «живут в Черкасском лет по 10 и по 20 безсходно», помогают казакам «в караулах и во всяких станичных тягостях», а также «в обрубке кругом крепости льда», причем некоторые из них, «оженившись на казачьих дочерях и женах, приняли действительную казачью службу» [11]. По свидетельству посетившего Черкасск в 1737–1738 гг. датского пастора Педера фон Хавена, в городе «было много армян, чьих женщин считают красивейшими во всем мире». «Поэтому, – пишет Хавен, – не было недостатка в историях, где рассказывалось о [случаях] несчастных и часто смертельных амуров, в которые русские вступали с этими нимфами, прекрасными произведениями иной природы, образа жизни, климата и нации» [12]. Черкасские армяне держали дома ясырь, совершали длительные торговые поездки в Москву и Царицын, а среди их «челядников» встречались даже казаки [13].

Женитьба армянина на донской казачке и его вступление в ряды Войска Донского было невозможно без перехода в православие. В источниках сохранилось немало свидетельств о подобных случаях. Так, в декабре 1717 г. в составе группы из шести казаков и армян, приехавших из Черкаска в Москву «для торгового промыслу», находился «донской казак новокрещеной армянин Федор Аксенов», крестный сын старшины Аксена Фролова (Волошина). А. Фролов и другие донцы сообщили в Посольском приказе, что Ф. Аксенов, «которой был напред сего армянин», крещен «в православную веру греческого закона», живет в Черкасске и «служит з донскими казаками в равенстве» [14]. Проведенная в ноябре 1720 г. в Войске Донском перепись «жалованных казаков» зафиксировала, в частности, проживавшего в Черкасске «крещенного» армянина Андрея Иванова [15]. Один из армянских купцов, выходец из «персицкого города Нахчевина», с детства проживавший в Азове, после взятия города российскими войсками в 1736 г. переехал торговать в Черкасск, где в 1748 г. «по крещении и женился на казачей дочери Агафье Антиповой» и получил имя Григория Еремеевича Аветика [16].

Живший в Черкасске персидский армянин Артемий Романов, оказал услугу командованию российской армии во время осады Азова в мае – июне 1736 г. Он был отправлен войсковым наказным атаманом под Азов в качестве информатора, где «по крайнему его разумению, что до атаки того города касалось, самонужнейшие места и все азовское состояние достоверно объявил» фельдмаршалу П.П. Ласси. Однако в связи со скорым отбытием П.П. Ласси в поход на Крым, А. Романов остался без вознаграждения. При этом доброт даже понес убытки, поскольку вместе со всем населением Азов покинули и те турки, которые были должны ему крупные деньги. Кроме того, армянин лишился возможности торговать на территории Турции, так как турки,

узнав об услуге, оказанной им России, чуть не убили его брата, жившего в Кафе. Мало того: бывший азовский санджакбей добился запрета, чтобы брату А. Романова «долга его никто не платил, а кому они должны, те от них требуют заплаты неотступно». Поскольку Артемий и шесть его родственников, проживавших в России, теперь все «остались во всеконечном разорении и торгов своих лишились», он просил П.П. Ласси за свою верную службу «свободное... с братьями в России житие и милостивое награждение учинить». Сын и двоюродный брат А. Романова тоже проживали в Черкасске, один родной брат – в Астрахани, другой родной брат и двое двоюродных братьев – в Царицыне [17].

Далеко не все армяне, жившие в Османской империи, стремились стать российскими поданными. В 1736 г., накануне взятия Азова фельдмаршалом П.П. Ласси, численность проживавших в городе армянских и греческих купцов достигала 121 чел. После включения Азова в состав России в нем пожелали остаться лишь 63 армянина и грека – остальные покинули город вместе с турецким населением [18]. После разрушения Азова по условиям Белградского мирного договора 1739 г. Черкасск остался единственным «центром притяжения» иностранных купцов в крае. В 40-е гг. XVIII в. туда регулярно приезжали торговать армяне из Кафы и с Кубани, при этом многие крымские армяне имели в городе своих приказчиков [19].

На территории современного города Ростова-на-Дону армяне впервые появились еще в середине XVIII в., задолго до основания города Нахичевана. В 1758 г. в Темерницкой портовой таможене за контрабанду были задержаны кафинские армяне Минас Афанасьев и Аспадур Христофоров [20]. В конце 1750-х гг. дом близ Темерницкого порта имел выходец из астраханской армянской диаспоры Василий Макарович Хастатов – «московский мещанин первой гильдии, шелковой мануфактуры и завода содержатель», обер-директор и соучредитель «Российской в Константинополь торгующей компании» [21]. Постройка в 1761 г. крепости Святого Дмитрия Ростовского и постепенный переход к ней статуса регионального центра международной торговли создали предпосылки для оттока туда армянского населения из Черкаска. Так, в 1764 г. переселиться в крепость из Черкаска пожелал уже упоминавшийся купец Г.И. Аветик [22].

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

1. В XVII–XVIII вв. местами компактного проживания армян на Дону и в Северо-Восточном Приазовье являлись крупные центры международной и региональной торговли: турецкий и российский Азак/Азов, казачий Черкасский городок, позже – крепость Святого Дмитрия Ростовского. При этом существовавшие в данных населенных пунктах армянские общины не были столь крупными, как, например, в Астрахани и Кизляре.

2. Армяне, проживавшие в турецком Азове и посещавшие его в XVII–XVIII вв., являлись поданными Османской империи и занимались преимущественно торговлей.

3. Несмотря на то что эти армяне были достаточно прочно интегрированы в османское общество, некоторые из них оставались жить в Азове после его повторного включения в состав России в 1736 г., а также переселялись в Черкасск – как в период реставрации Азакского санджака (1712–1736 гг.), так и после его окончательной ликвидации (1736 г.).

4. Армянские подданные Крымского ханства и Османской империи, проживавшие на территории Крыма и Кубани, продолжали поддерживать устойчивые торговые связи с российским Азовом в 1696–1711 гг.

5. Многие из армян, переехавших в XVIII в. на жительство в Черкасск, крестились по православному обряду и вступали в ряды Войска Донского. Став донскими казаками, «новокрещенные» армяне, несомненно, во многом утрачивали свою национальную идентичность, так как в реалиях того времени она отходила на второй план по сравнению с принадлежностью к войсковому братству.

Примечания

1. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван, 1996. С. 32–33.

2. ՄԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ. Երևան, 1950. է. 329–330; Pubblici L. Venezia e il Mar d'Azov: alcune considerazioni sulla Tana nel XIV secolo // Archivio Storico Italiano. Vol. 163. 2005. № 3. P. 451, 468–469; Волков И.В. Хачкар из Темрюкского музея (наблюдения о влиянии армянской диаспоры на городскую культуру Золотой Орды) // Армяне Северного Кавказа / Studia Pontocausica. [Вып.] 2. Краснодар, 1995. С.48–52; Khvalkov I.A. Tana, a Venetian and Genoese Black Sea Trading Station in the 1430s: A Sosial and Economic History. Thesis submitted... of the Master of Arts degree in Medieval Studies. Budapest, 2011. P. 80–81.

3. Veinstein G. La population du sud de la Crimée au début de la domination Ottomane // Mémorial Ömer Lütfi Barkan / Bibliothèque de l'Institut français d'études anatoliennes d'Istanbul. Fis. 28. Paris, 1980. Tab.V, VI, VII, VIII, IX; Бурака В.О. Азов – северный порт Османской империи. Конец XV – XVI вв. // Очерки истории Азова. Вып.5. Азов, 2000. С.53, 55; Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian studies. 1981. Vol. 5. № 2. P. 144–167, 169–170.

4. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 3. М., 1962. № 113. С. 124.

5. Новосельский А.А. Из истории донской торговли XVII веке // Исторические записки. Т. 26. М.; Л., 1948. С. 204.

6. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 369.

7. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф.И-5. Оп.2. Д. 168. Л. 3 об.–4; Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 53 об.

8. ГАВО. Ф.И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4 об.

9. Там же. Л.4–4 об.; Новое о восстании К. Булавина / Публ. Е.П. Подъяпольской // Исторический архив. 1960. № 6. № 2. С. 128.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. М., 1962. № 4232. С. 48; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 36.
11. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. № 98. С. 102.
12. Хавен П., фон. Путешествие в Россию. СПб., 2007. С. 125.
13. Акты о татарских набегах на землю войска Донского // Труды Областного войска Донского статистического комитета. Вып.2. Новочеркасск, 1874. Отд. 2. № 26. С. 33; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: Сб. документов. Т. 2. Ч. 1. Ереван, 1964. № 57. С. 170–171.
14. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 1473. Л. 45–47, 49–50.
15. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф.238. Оп. 2. Картон 224. Д.61. Л.2 об.
16. ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 5. Л. 43 об.
17. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 7 // Сб. Императорского Русского исторического общества. Т. 120. Юрьев, 1905. № 33. С. 140–142.
18. Журнал фельдмаршала Ласси о воинских операциях с 1733 по 1737 год // Сб. военно-исторических материалов. Вып. 3. СПб., 1893. С.283.
19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13. Оп. 1. Св.76. Д.6. Л. 324 об., 377 об., 380, 390 об., 393 об., 403 об.; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 2. Ч. 1. № 345. С. 312; Сенатский архив. Т. 6. СПб., 1893. С. 49, 75, 89–90.
20. ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
21. Реляция от 24-го сентября 1761 года, о заложении по всевысочайшему Ее Императорского Величества соизволению новой крепости святого Дмитрия Ростовского // Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1848. С. 836.
22. ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 5. Л. 43–44.

М.А. Арутюнян

ВЛИЯНИЕ АГРЕССИИ АЗЕРБАЙДЖАНА ПРОТИВ НАГОРНОГО КАРАБАХА НА МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ АРМЯН-БЕЖЕНЦЕВ НА ЮГ РОССИИ

Актуальность темы обусловлена необходимостью объективного изучения последствий этнических чисток в Аз.ССР, имевших место в 1980-х и в начале 1990-х гг., в дальнейшем переросших в агрессию против Нагорно-Карабахской Республики (НКР). В результате этих событий резко увеличился поток армянских беженцев в страны СНГ, в том числе и в Россию, где проживали родственники и близкие пострадавших, которые надеялись найти при-

станции в тех местах, где уже существовали армянские общины. В последнее время распространяются провокационные материалы, явно искажающие реалии в армянских общинах, особенно на юге России. Происходящие на местах этнические, социокультурные и прочие процессы проще будет понять с изучением причин и исторических этапов миграционных потоков. Наша цель – рассмотреть одну из основных причин миграционных потоков армян на юг России, а именно агрессию Азербайджана против Нагорного Карабаха, выразившуюся в этнических чистках и государственно-организованном терроре 1988–1991 гг. Это подчеркивалось во многих публикациях о миграционных процессах и конфликте Азербайджанской Р – НКР [1].

Большинство авторов констатирует, что армяно-азербайджанский конфликт был основной причиной миграции армян. Приводим характерные выдержки из некоторых публикаций. Вот как отреагировал на эти процессы известный политолог С.М. Маркедонов: «Армяно-азербайджанское противоборство в Нагорном Карабахе привело к значительному перемещению беженцев на Юг России» [2]. Поток армян в Краснодарский край особенно увеличился в 1990-х гг. Причиной этой вынужденной эмиграции стали организованные в Сумгаите (1988 г.) и Баку (1990 г.) массовые погромы армянского населения [3]. «Церковь [Сурб Саргис] стала местом встреч людей, потерявших близких и родной очаг в Сумгаите, Баку, Гандзаке... в результате разрушительного землетрясения, массовых “зачисток” в Нагорном Карабахе, который тщетно пытались поставить на колени» [4].

В пестроте многочисленных изданий и интернет-ресурсов, посвященных армянской диаспоре России, помимо описания миграционных процессов, в том числе динамики переселения по разным причинам армянских групп, достойны внимания и скудные упоминания о вынужденных переселениях на юг России армянских жителей, бежавших и/или депортированных из АзССР и Нагорного Карабаха вследствие азербайджанской агрессии в 1988–1994 гг. Общая черта этих сведений – абстрактность и разбросанность, порой и отсутствие необходимых данных. Это можно объяснить стихийностью миграционных потоков и общим неопределенным положением, создавшимся в результате распада СССР.

Проблемам миграционных потоков, устройства беженцев, армянских общин в России посвящены труды как отдельных авторов, так и целых коллективов [5]. Проблемы армянских мигрантов на юг России стали предметом исследования известного ученого Аллы Тер-Саркисянц [6]. Наша цель – показать некоторые особенности миграции наших соотечественников, определяя этапы и количественные параметры миграционных потоков армян-беженцев на юг России.

Миграционные процессы в АзССР, усилившиеся в конце 1980-х гг. в результате попыток азербайджанских властей решить карабахскую проблему

силовыми методами, происходили и раньше, при этом нередко принудительными способами. Так, только за 1970–1979 гг. оттуда выехало 82 тыс. армян и 75 тыс. русских [7], в следующее десятилетие Азербайджан покинуло еще 142 тыс. русских [8]. В советский период на Северный Кавказ прибыли новые группы вынужденных переселенцев-армян «в основном из населенных армянами районов Азербайджана». Этот процесс усиливался в 1970-х гг., когда политика «выдавливания» других коренных народов в Азербайджане обрела государственно-организованный характер [9].

Первый поток беженцев возник после организованного в Сумгаите 27–29 февраля 1988 г. погрома армянского населения, составлявшего тогда около 18 тыс. чел. Практически все армянское население стало беженцами. Волна этнических чисток достигла и других районов Азербайджана. Только после сумгаитских погромов в 1988 г. и этнических чисток в АзССР из Сумгаита и Северного Арцаха были изгнаны 83,4 тыс. армянских жителей, в 1989 г. из Шаумяновского района и Баку – 141,2 тыс. мирных жителей [10]. По нашим сведениям, большинство армянских беженцев из Азербайджана переселилось на юг России, где до этого в основном у родственников и знакомых нашли пристанище вытесненные из Азербайджана армянские жители.

После майских и сентябрьских этнических чисток 1988 г. в городе Шуши почти 2000 армян были выселены в окрестные населенные пункты и в столицу Нагорного Карабаха – Степанакерт. Вследствие дальнейшей эскалации вооруженного конфликта, массовых ракетно-артиллерийских обстрелов и воздушных налетов ВВС Аз.Р на мирные населенные пункты Нагорно-Карабахской Республики значительная часть этих беженцев вынуждена была поселиться в России, в том числе и на юге, так как в Армении в результате блокады, землетрясения и тяжелой социально-экономической ситуации не было возможности обустроиться. Однако назвать точное число армянских беженцев и семей, переселившихся именно на юг России, пока не представляется возможным, так как соответствующими статистическими данными мы не располагаем. Как пишет в своей статье «Северный Кавказ – конгломерат национальностей: армяне» пятигорский ученый Г.Н. Едигарова, достаточно трудно проследить динамику миграционных процессов из-за отсутствия полных статистических данных [11].

По некоторым данным, в половине 1992 г. в Краснодарском крае число армян-беженцев из Азербайджана и эмигрантов из Армении достигло 30 тыс. [12]. Согласно сведениям «Армянской энциклопедии», в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. значительно усилился поток армян в Ставропольский край. Уже в 1993 г. армянское население составило 3 % всего населения края [13]. Однако какую часть проживающего ныне в Ставропольском крае 400 тыс. армян [14] составляют пострадавшие от агрессии Азербайджана, выяснить пока нам не удалось.

Из факторов, повлиявших на миграционные процессы в интересующий нас период, Г.Н. Едигарова выделяет известные события в начале 90-х гг. прошлого столетия: «Прежде всего, необходимо отметить, что разрушительное землетрясение в Армении, трагические события в Баку и Сумгаите, открытые военные действия против Нагорного Карабаха, экономическая блокада Армении в начале 90-х гг. XX в. существенным образом изменили направление миграции армян на Северный Кавказ. Так, только за период 1990–1992 гг. сальдо миграционного обмена России с Азербайджаном и Арменией составило 115 тыс. чел. (соответственно 103 тыс. и 12 тыс. чел.)» [15]. Примечательно, что «большую часть миграционного оттока населения из указанных государств составили армяне».

Отсутствие статистических материалов не позволяет четко охарактеризовать динамику миграционных процессов, касающихся последствий агрессии Азербайджана против НКР. В социологическом исследовании, проведенном Южнороссийским филиалом Института социологии РАН, армяне юга России подразделены на несколько групп, из коих армяне Баку именуется «бакинские армяне». Они характеризуются так: «Это группа переселенцев-армян, прибывших в Россию из Азербайджана, в основном из Баку, но к этой группе причисляют себя и выходцы из Нагорного Карабаха... Они, как правило, пережили большой, по сравнению с остальными стресс, связанный с насильственными действиями, при которых оказалось, что ожидание взаимопомощи друг другу армян сильно преувеличено. Если, конечно, они не состоят в родственных отношениях» [16].

Как указано в вышеупомянутом исследовании, мнение экспертов не сходится в определении размера армянской диаспоры Краснодарского края. Согласно одному из мнений, из 274 566 чел., проживающих в крае и определивших себя в качестве армян, владели армянским языком 211 397 чел. (по данным переписи России 2002 г.), гражданство Республики Армения имели 6948 чел. Согласно публикации в газете краевого отделения Союза армян России, всего на Кубани (как на законном, так и на нелегальном основании) проживает порядка 500 тыс. представителей армянской национальности. Около 70 тыс. армян живет в Краснодаре [17].

По мнению некоторых экспертов, примерно 30–40 тыс. армян находятся на территории Краснодарского края с нарушениями российского миграционного законодательства. Отношения «нелегалов» с традиционной диаспорой определяются не проправым статусом этих людей, а длительностью их пребывания в крае. Среди «нелегалов» есть лица без гражданства, живущие на Кубани с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века. Как считают исследователи, «... доля приезжих армян, т.е. армян, мигрировавших в Ростовскую область из Армении начиная с 90-х, может составлять половину» [18]. Из этого можно полагать, что и на других участках юга России по-

хожая картина численности армянских мигрантов. Если из общего числа армянского населения вычесть коренных жителей и мигрантов из Армении, то останется примерное количество беженцев из Аз.Р и Нагорного Карабаха. При этом следует учитывать тот факт, что многие из последних приехали в Россию из Армении.

Как констатировал социолог Г.Р. Трунян в своей статье «Адаптация и интеграция мигрантов в России», «Карабахская война оставила большой социально-политический след не только на Армению и вновь образованную НКР, но и на Россию. Последствием конфликта стали огромные потоки беженцев из Арцаха в нашу страну, ищущие защиты и крова. В основном данная миграция была направлена на южную и центральную часть РФ...» [19].

Таким образом, армянские беженцы из Азербайджана составляют значительную часть армянского населения юга России. Исследование данной проблематики, результаты которого могли бы иметь практическое значение, должны носить последовательный характер.

Примечания

1. Чобанян С.С. Государственно-организованный терроризм. Ереван, 1992; Мелик-Шахназарян Л. Военные преступления Азербайджана против мирного населения Нагорно-Карабахской Республики. Ереван, 1997.
2. Маркедонов С.М. Осетия взорвет Юг России. URL: <http://www.ipma.ru/publikazii/geopolitika/405.php> (дата обращения: 23.02.2012).
3. Армянская диаспора: Карабахская освободительная война: 1988–1994 // Энциклопедия. Ереван, 2003. С.470.
4. Акопян В.З. Возрождение церковной жизни армян Пятигорска // Армяне Ставрополя и Терека. Пятигорск, 2007. С. 199–200.
5. Витковская Г.С. Вынужденная миграция: проблемы и перспективы. М., 1993; Червяков В., Шапиро В., Шереги Ф. Межнациональные конфликты и проблемы беженцев. Ч. 1. М., 1991; Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993; Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление. Северокавказский регион. Ростов н/Д; Пятигорск, 2002.
6. Тер-Саркисянц А.Е., Худавердян В.Ц. Армянская диаспора Юга России. Положение и перспективы. М., 1993; Тер-Саркисянц А.Е. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 55. М., 1994; Она же. Вынужденные миграции армян: причины и проблемы адаптации. URL: <http://www.hayastan.ru/Vestnik/vestnik.phtml?var=Arkhiv/2001/12/statya19&number=№ 1–2 2001 г., diaspora-world.info>index.php...> (дата обращения: 23.02.2012).
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973. С. 263, 309. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 126, 134.
8. Авакян Г.Е., Миграция или вытеснение? // Коммунист. 1990. 9 февраля.
9. Акопян В.З. Город Святой Крест. Между прошлым и настоящим. 1799–2009. Исторический очерк. Монография. Пятигорск, 2009. С. 242.
10. Карабахская освободительная война: 1988–1994 // Энциклопедия. С. 656–657.

11. Едигарова Г.Н. Северный Кавказ – конгломерат национальностей: армяне // Армяне Ставрополя и Терека. С.195.
12. Армянская диаспора: Карабахская освободительная война: 1988–1994 // Энциклопедия. С. 470.
13. Там же. С. 471, 474.
14. Там же.
15. Едигарова Г.Н. Указ. соч. С. 195.
16. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов н/Д; М., 2011. С. 18–19.
17. Там же. С. 27–28.
18. Там же. С. 31.
19. Там же. С. 153.

Н.А. Архипенко

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ОРИГИНАЛЬНОЕ В ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ДОНСКИХ АРМЯН:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹**

Похоронный обряд, наряду с такими комплексами семейных обрядов, как родильный и свадебный, является важнейшей составляющей картины мира любого этноса. Типологически похоронный обряд относится к обрядам «перехода», т.е. регламентирует принятый в данной традиции переход человека на «тот» свет [1]. Однако наряду с типологической общностью пристальный научный интерес вызывают специфические характеристики этого обрядового комплекса, связанные с этническим, социальным, конфессиональным и т.п. своеобразием. Надо сказать, что этот вопрос достаточно хорошо изучен как на материале славянских этнических групп, что дало возможность исследователям сделать целый ряд обобщений [2, 3, 4, 5], так и на материале южнорусских субэтнических групп: казаков донских [6], кубанских [7]. Однако все эти работы посвящены изучению похоронного обряда в культурах, не существовавших в иноэтничном окружении. (Особый случай – казаки-некрасовцы, однако говорить об изученности их похоронного обряда пока еще рано). В нашем же случае речь идет о неславянской этнической культуре, развивавшейся в славянском окружении, – о культуре донских армян.

Предметом нашего исследования являются несколько фрагментов картины мира донских армян, связанные с представлениями о смерти: похоронно-поминальная обрядность, кладбище как материальный объект, место

¹ Статья выполнена в рамках проекта 8.5 «Природно-хозяйственные доминанты формирования культурно-языкового своеобразия населения дельты Дона (XVIII–XXI вв.)» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического региона в условиях роста напряженности».

погребения усопших, часть мифологизированного пространства, противопоставленная миру живых, элементы языковой картины мира. Материалом для исследования послужили этнографические описания похоронного обряда донских армян; пословицы и поговорки донских армян; беседы с информаторами в г. Ростове-на-Дону (район Нахичевань) и с. Чалтырь; фотографии кладбищ (Нахичеванского в Ростове-на-Дону и кладбища с. Чалтырь Мясниковского р-на Ростовской области). Анализ литературы показал, что при большом количестве трудов разного уровня по истории, языку и фольклору, работ, относящихся к изучению похоронной обрядности донских армян, немного [8, 9]. Обе эти работы являются описательными, их несомненным достоинством является то, что они выполнены на основе полевых материалов, собранных авторами, в первом случае в г. Нахичевани, во втором – в с. Чалтыре.

Структура и содержание похоронного обряда во многом зависит как от характера картины мира в целом, так и от особенностей такой важной ее части, как представления о смерти. Культурная семантика лексемы *смерть* может быть исследована на материале устойчивых сочетаний, обрядовых терминов, фольклорных текстов разных жанров, в том числе пословиц. Мы обратились к сборнику пословиц армян Дона [10] и сравнили пословицы, содержащие представления о смерти, с русскими текстами подобного жанра [11]. Выбранные из двух сборников пословицы мы разбили на смысловые группы, отражающие то или иное представление о смерти.

В количественном отношении русские пословицы и поговорки преобладают, однако причиной этого часто является синонимия, так как В.И. Даль приводит большое количество вариантов. Армянские же пословицы, приводимые в переводе, тем не менее дают достаточно репрезентативную картину.

Обращает на себя внимание наличие среди русских пословиц большой группы, в которой отношение к смерти выражается при помощи слов типа: *бояться, страшиться, страшна, страшно* и т.п.: *всякий живой боится смерти; видимая смерть страшна; умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь ничего; живой смерти не ищет; живой в могилу не ляжет; умереть – не в помирушки играть*. Из образного ряда этих пословиц следует, что смерть – состояние, абсолютно противоположное жизни, ее боятся, она вызывает состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения. В этом случае в русском сознании смерть воспринимается как беда, опасность.

В армянских пословицах слова с семантикой 'бояться, страшиться' используются в иных по смыслу поговорках, осуждающих страх смерти: *кто смерти боится, тот покойник среди живых; смерти страшиться, а страх смерти приносит* (можно сравнить с русской пословицей *смерти бояться – на свете не жить*). К семантически общим группам можно отнести пословицы, утверждающие неизбежность смерти: русские (*час от часу, а к смерти ближе; от смерти не посторонишься; не ты смерти ищешь, она сторожит; смерть ни на*

что не глядит; бойся, не бойся, а смерть у порога), армянские (доля человека – три аришина земли; если смерть должна прийти, и не позовешь, а придет; сегодня мы есть, а завтра нас нет; сегодня я, завтра – ты; мир что лестница: один поднимается, другой опускается; мир что гостиница: один приходит, другой уходит; на свете есть смерть; из земли вышел, в землю уходит).

И в русской картине мира, и в картине мира донских армян смерть мыслится находящейся сзади, причем в непосредственной близости от человека: *смерть не за горами, а за плечами* (русская пословица), *смерть человека за его ушами* (армянская пословица). Такое представление о будущем, мыслимом как находящееся сзади, является для русской культуры, по мнению Д.С. Лихачева, архаичным, согласно которому прошлое находится впереди, потому что оно открывает собой цепь событий, а будущее и настоящее – сзади, так как они эту цепь замыкают [12]. При этом представления о настоящем еще вообще не выкристаллизовались. Интересно, что в отличие от христианских представлений о смерти, и в русских, и в армянских пословицах звучит мотив о конечности жизни и об отсутствии продолжения жизни после смерти: *помрешишь, так прощай белый свет – и наша деревня* (русская), *из глаз покойника слеза не течет; мы смертны, смерть – наша; после смерти человеку ничего не нужно* (армянские).

С другой стороны, характер смерти и в той, и в другой традиции часто осмысливается напрямую связанным с образом жизни. В русских пословицах, однако, достойная смерть представляется возможностью хорошо закончить даже недостойную жизнь: *умел пожить – умей и помереть; не умел жить, так хоть сумей помереть*. Из армянских пословиц реконструируется представление о том, что смерть соответствует прожитой жизни, у каждого своя смерть: *каждый умерший свою могилу занимает*. К оригинальной семантике армянских пословиц можно отнести следующее: после смерти в памяти сохраняется репутация конкретного человека: *имя есть, самого нет*. В русских же пословицах звучит мысль о том, что перед смертью все равны: *смерть всех поравняет; царь и народ – все в землю пойдет*.

Таким образом, сопоставительный семантический анализ русских и армянских пословиц о смерти показывает, что при наличии универсальных представлений о смерти в этнической традиции донских армян выявляется ряд специфических: отношение к смерти у донских армян кажется более спокойным, менее эмоциональным, философским, смерть не воспринимается как беда, опасность; смерть неизбежна, ее не надо бояться, так как страх мешает полноценной жизни; смерть – это не просто переход в иную жизнь, т.е. ее начало, а еще итог земной жизни любого человека; память о нем зависит не от того, как он умер, а от того, как жил и что после себя оставил. Представления о неизбежности смерти проявляются и в наличии такого обрядового поведения, как избегание умирающего, запрет на чрезмерное выражение скорби в момент «отхода души», иначе такие действия близких могут вызвать гоку-

тарц – ‘возврат души’, что заставляет умирающего испытывать еще большие мучения [13].

К универсальным характеристикам погребальной обрядности донских армян можно отнести следующие представления: покойника нужно одевать во все новое [14], на дно гроба класть старые и любимые вещи покойного с целью обеспечить его пребывание на «том свете», незамужнюю девушку хоронить в свадебной одежде или со свадебными атрибутами [15], нести гроб на полотенцах, выносить покойного ногами вперед, при выносе ударять гроб о двери или порог [16], повязывать платками участников похоронного обряда [17], делать остановку на перекрестках [18], бросать по три горсти земли в могилу, сыпать землю с могильного холма за шиворот того, кто боится покойников, чтобы спасти от *мерлкоха* – ‘мертвого сна’ [19]. К этой группе явлений относятся еще и новообразования, касающиеся использования венков, музыки во время похорон, гражданские панихиды и т.п.

Оригинальными, т.е. не имеющими соответствия в славянской похоронной обрядности, можно считать представления о том, что молодые женщины из семьи покойного должны плеснуть на него немного воды во время обмывания, хотя само обмывание проводят женщины, не являющиеся родственниками [20], что к гробу нужно подходить с левой стороны: это действие носит название *хач арнел* – ‘взять крест’ [21], что при приближении похоронной процессии к дому нужно разбудить спящих, а за головой ребенка поставить веник [22], что поминки проводятся на 8-й день, что нужно на поминки накрывать богатый стол [23].

Источником для изучения универсального и оригинального в похоронно-погребальной обрядности армян Дона может служить внешний вид кладбищ – Нахичеванского в Ростове-на-Дону и кладбища в с. Чалтырь. Ориентация могил на этих кладбищах является традиционной как для славян, так и для донских армян (с востока на запад). На кладбище с. Чалтырь она последовательно выдерживается. Однако на Нахичеванском кладбище этот вид ориентации достаточно часто нарушается, что может быть связано с нехваткой мест для захоронений и с разной этнической принадлежностью похороненных на нем.

На кладбище в с. Чалтырь ярко представлен тип семейного погребения: это так называемые *ерамы*, т.е. семейные захоронения, которые отделены от остальных высокой оградой (около 1,5 м), достаточно часто неправильной формы, как правило, с запасом для остальных членов семьи. На Нахичеванском кладбище также встречается такой тип захоронений, но гораздо реже.

На нахичеванском кладбище имеется 3 надгробия в виде беседки, на кладбище с. Чалтырь их около 10: они имеют форму параллелепипеда, полностью закрыты стеклом или пластиком, иногда на фронтальной части вырезаны или нарисованы окошки. Это универсальная черта, связанная с восприятием мо-

гилы как дома. Подобное оформление могил встречается и у славян, например, прямоугольные деревянные сооружения с окошками, покрывающие могильный холм в Белоруссии; часовенки-кресты с двухскатным покрытием и иконкой, голубцы на Русском Севере [24].

Наиболее ранние погребения характеризуются двумя разновидностями памятников: горизонтальные каменные плиты с вырезанными на них крестами либо вертикальные, также с крестами. Они представлены на обоих кладбищах. Такой тип памятников объясняет отсутствие могильного холма. Еще одним ярким отличием кладбищ является наличие или отсутствие крестов. Крест, который устанавливается на могиле в день похорон, обязательно должен быть заменен на могильную плиту в день годовщин. На кладбище в Чалтыре это ярко выражено, на Нахичеванском – нет, к тому же кресты тут попадаются не строгой, канонической формы, а с декоративными элементами (солярной символикой, розочками и т.п.).

Более современные погребения обладают большей вариативностью видов надгробных памятников. При сохранении общей тенденции горизонтальных и вертикальных памятников без могильного холма, в последнее время появляются могилы с характерным для славянской традиции «садом» из искусственных или живых цветов. Оформление могил в целом отличается аскетизмом и простотой: кроме упомянутых садов почти отсутствуют деревья, посаженные на могилах. По мнению Е. Шахазиза «нахичеванцы, как и другие армяне, любят сооружать роскошные могилы для своих покойников... Погребение совершается со свойственным армянским похоронам великолепием и пышностью, в зависимости от общественного положения и материальной возможности покойного» [25]. Но следует отметить, что, по данным бесед с информаторами, традиция ставить дорогие и вычурные надгробия появилась только в последнее время [26]. Очевидно, что автор имел в виду обычай устанавливать каменные плиты с обязательными надписями на армянском и русском языках, которые на фоне традиционного оформления могил русским населением действительно выглядели пышно и богато.

Анализ лишь некоторых элементов представлений о смерти и похоронно-погребальной обрядности донских армян на фоне общеславянских показывает, что похоронная обрядность донских армян имеет ряд универсальных черт при наличии специфических особенностей. Задачами дальнейшего исследования является привлечение более объемного пласта фактического материала. Для этого необходимо провести изучение армянских кладбищ на Дону, в частности в селах большие Салы, Несветай, Ленинаван, Ленинакан и др. Кроме того, необходимо проведение полевых экспедиций для сбора материала по похоронной обрядности донских армян как на территории Ростова-на-Дону, так и на территории Ростовской области. Для определения природы универсальных и специфических черт, описания процессов трансформации форм

культуры донских армян необходимо привлечение широкого сравнительно-сопоставительного материала.

Примечания

1. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 383.
2. Плотникова А.А. Кладбище // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 тт. Т. 3. М., 2004. С.503–507.
3. Плотникова А.А. Могила // Славянские древности. Т. 2. М., 1999. С. 266–272.
4. Толстая С.М. Покойник // Славянские древности. Т. 4. М., 2009. С. 112–118.
5. Левкиевская Е.Е. Покойник «заложенный» // Славянские древности. Т. 4. М., 2009. С. 118–124.
6. Власкина Т.Ю. Похоронно-поминальные обычаи и обряды донских казаков // Традиционная культура. 2004. № 4 (16). С. 35–47.
7. Кузнецова И.А. Кубанское казачество. Похоронно-поминальный комплекс // Очерки традиционной культуры казачеств России. Краснодар, 2005. С. 299–310.
8. Шахазиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Тифлис, 1903.
9. Попова Н. Похоронные обычаи и обряды армянского сельского населения Дона. Дипломная работа. Ростов-на-Дону, 1991.
10. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2004.
11. Шагинян Ш.М. Арзу и Хамбер (Браслет): из устного народного творчества армян Дона. Ростов-на-Дону, 1995.
12. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 257.
13. Попова Н. Указ. соч. С. 14.
14. Там же. С. 16.
15. Там же. С. 17.
16. Там же. С. 20.
17. Там же. С. 22.
18. Там же. С. 23.
19. Там же. С. 25.
20. Там же. С. 14.
21. Там же. С. 18.
22. Там же. С. 23.
23. Там же. С. 28.
24. Плотникова А.А. Могила. С. 268.
25. Шахазиз Е. Указ. соч. С. 116.
26. Полевые материалы автора. Информатор А-ва Е.Ю., 1958 г.р. записана в Ростове-на-Дону в 2009 г.

С.С. Белоусов

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ КАЛМЫКИИ

В Калмыкии армяне являются одной из старейших этнических групп населения, проживающей на её территории более трехсот лет. Армянское население проникало на территорию Калмыкии из г. Астрахани и Кизляра, где в

XVIII в. сложились армянские колонии, основанные выходцами из Персии и Закавказья. Часть армян, в основном жители г. Астрахани, занималась торговлей в калмыцких улусах, другие, преимущественно кизлярские армяне, арендовали земли под выпас скота в южной части степи.

Среди кизлярских скотопромышленников в первой половине XIX в. наиболее известными и состоятельными являлись семьи Гамбуровых и Черкезовых. Наибольшую хозяйственную активность на калмыцких землях проявляли братья Гамбуровы, чей отец Пётр Гамбуров прибыл в калмыцкие кочевья из Грузии после 1771 г. Начав с традиционной для армян торговли, он постепенно переключился на приносящее большие прибыли разведение скота. К концу 1820-х гг. стада Гамбуровых насчитывали 10 тыс. овец, до 1 тыс. лошадей, 400 голов КРС и до 200 верблюдов [1]. Гамбуровы сумели наладить хорошие отношения с калмыцкой знатью, благодаря чему им долгое время удавалось за ничтожную плату или бесплатно выпасать свой скот на калмыцких землях. Вместе со своим скотом представители семейства Гамбуровых, подобно калмыкам, кочевали на их землях, перенимая у кочевников быт и методы ведения скотоводства. Некоторые из них провели в калмыцких кочевьях многие годы. В честь одного из представителей данного рода – купца С.П. Гамбурова – армяне соорудили на урочище «Чолун-Хамур» – христианскую часовню из белого ракушечника [2].

Относительно вольготное пользование калмыцкими землями для кизлярских армян закончилось в конце 1820-х гг., когда были определены в натуре границы калмыцких земель. 3 апреля 1828 г. император Александр I утвердил положение Комитета министров «О воспрещении армянам и прочим людям пользоваться пастбищами на калмыцких землях, и о дозволении им прикармливать стада свои на пустопорожных казённых землях в Астраханской губернии и Кавказской области». Гамбуровых и других скотопромышленников обязали в течение двух лет удалить весь свой скот с калмыцких земель, а всех остальных лиц некалмыцкого происхождения выселиться немедленно [3].

Со второй половины 1830-х гг. жители сопредельных с калмыцкими землями поселений получили возможность брать в аренду учреждённые из числа калмыцких земель оброчные статьи на условиях уплаты за них денег в фонд общественного калмыцкого капитала. Этим не преминули воспользоваться кизлярские армяне во главе с купцом С.П. Гамбаровым, которые заключили контракты на ряд оброчных статей в отдельной части Малодербетовского улуса. На них они выпасали 2356 голов КРС, лошадей, верблюдов и 10 587 овец.

Иногда армяне попадали в довольно неприятные ситуации, связанные с незаконной арендой калмыцких земель. Один из таких фактов имел место в отдельной части Малодербетовского улуса. Его управляющие – зайсанг Наинтаев и помощник попечителя Яковлев самовольно сдали армянину

Калантарову и другим его соплеменникам под посевы хлеба участки калмыцкой земли вдоль р. Сухая Буйвола.

В отличие от кизлярских, астраханские армяне занимались в Калмыкии в основном торговлей. Они разъезжали по калмыцким улусам и продавали там бакалейные и мануфактурные товары. Численность армянских торговцев была крайне невелика, например, в 1870-е гг. она колебалась по годам от 15 до 25 чел. К концу XIX в. численность армянского населения возросла вдвое: Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. зафиксировала на территории Калмыцкой степи Астраханской губернии 59 лиц армянской национальности (38 муж., 21 жен.). Большинство из них были заняты в сфере торговли (28 чел.), рыболовства и охоты (19 чел.) [4]. Все армяне Калмыкии своим родным языком назвали армянский и принадлежали к Армянской апостольской церкви.

В начале XX в. численность армянского населения почти не изменилась. На 1 января 1912 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 57 душ армянского населения, из них 32 муж. и 25 жен. [5]. Подавляющее большинство из них проживало в восточных улусах Калмыкии: в Эркетеневском, Яндыко-Мочажном, Харахусовском и в п. Калмыцкий Базар. Ни в одном из улусов армянское население не составляло компактных поселений, оно было рассеяно по калмыцким хотонам и улусным ставкам.

В Калмыцкой степи Астраханской губернии было поселение, где армяне постоянно проживали с начала XIX в. Это п. Калмыцкий Базар, созданный в 1802 г. в целях развития торговли и регулирования найма рабочей силы калмыков. Посёлок располагался всего в 6 в. от г. Астрахани и поэтому с самого своего возникновения привлек внимание астраханских торговцев. Несмотря на запреты селиться там лицам, не принадлежащим к калмыцкому народу, в него сразу же потянулись предприимчивые люди разных национальностей (туркмены, татары, казахи, армяне, русские), которые надеялись посредством торговых операций сколотить там себе состояния. Среди калмбазаринского населения армяне составляли незначительную долю, однако их присутствие в посёлке было постоянным.

Первое документальное упоминание об армянах п. Калмыцкий Базар относится к 1820 г. 18 ноября этого года исполняющий должность пристава Калмыцкого Базара Г. Давыдов доносил астраханскому губернатору Кузнецову о том, что в посёлке армяне и представители некоторых мусульманских народов занимаются перепродажей калмыцкого скота «и тем живут». В 1822 г. по архивным документам в п. Калмыцкий Базар проживали 3 армянские семьи, а в 1826 г. – уже 11 семей. В 1822 г. армяне не имели в посёлке стационарных торговых точек, в 1826 г. за ними числилось 11 действующих торговых лавок и 1 хлебопекарня. В 6 лавках продавали мелочный товар, 2 специализировались на реализации изделий из серебра, остальные продавали мануфактуру, пушнину, продукты и разные товары [6]. Таким об-

разом, можно констатировать, что армяне Калмыцкого Базара, сколотив свой первоначальный капитал на посреднических операциях по перепродаже скота, вскоре перешли на стационарную торговлю промышленными изделиями.

В последующие годы динамика численности армянского населения носила прерывистый характер, что заметно отражалось его на численности. Так, в 1834 г. число армян в п. Калмыцкий Базар составляло 7 человек [7], в 1875 г. – 11 чел. [8], в 1881 г. – 20 чел. [9], в 1884 г. – 17 чел. [10], в 1902 г. – 12 чел. [11], в 1910 г. – 2 чел. [12], в 1913 г. – 7 чел. [13]. Значительному притоку и устойчивому росту армянской диаспоры в посёлке и вообще в Калмыкии препятствовали законы, запрещающие поселение на калмыцких землях лиц, не принадлежащих к калмыцкому народу.

Отдельной и в тоже время почти неизвестной страницей в истории армянского населения в Калмыкии является служба его представителей в органах управления калмыцким народом. Среди чиновников армянского происхождения, служивших в 1780-е – 1840-е гг. в калмыцкой администрации, встречаются фамилии Аваковых, Черкезовых, Ахвердовых. Представители указанных фамилий обычно работали на руководящих должностях в калмыцком управлении. Например, в конце XVIII – начале XIX вв. приставом одного из калмыцких улусов был коллежский советник, дворянин А. Аваков, в 1840–1844 гг. Эркетеновский улус возглавлял коллежский секретарь Черкезов, а Малодербетовский улус в 1846 г. – титулярный советник, дворянин А.Е. Черкезов. Успешную карьеру в калмыцком управлении сделал А.А. Аваков. В 1843 г. он в звании титулярного советника совмещал должности казначея, экзекутора и смотрителя дома Совета калмыцкого астраханского управления в г. Астрахани. Другой представитель армянского народа – А.А. Ахвердов в 1806–1809 гг. в должности Главного пристава руководил калмыками, кумыками, мирными чеченцами и туркменами. Он происходил из старинного армянского рода Грузии Ахвердянов, которые поступили на российскую службу в царствование Анны Иоанновны. А.И. Ахвердов был комендантом Кизляра и участвовал в Кавказских походах, затем был назначен Главным приставом. Он сыграл большую роль в формировании в 1807 г. двух пятисотенных калмыцких полков для участия в наполеоновских войнах. За успех в данном деле генерал кавалерии И.Д. Савельев в 1807 г. ходатайствовал перед Главнокомандующим на Кавказской линии графом И.В. Гудовичем о награждении А.И. Ахвердова. Главный пристав Ахвердов проявил себя не только как талантливый военный и администратор, но и как исследователь. Он составил интереснейшее историко-этнографическое описание народов Дагестана, которое продолжает использоваться в исследованиях современных учёных.

После Гражданской войны численность армянской диаспоры сократилась, по официальным данным, к 1926 г. до 15 чел., затем она начала возрастать, достигнув в 1939 г. 141 чел. В первые годы советской власти значительная часть

армянского населения Калмыкии, лишившись возможности заниматься своим привычным делом (торговлей), вынуждена была зарабатывать на жизнь работой в государственных учреждениях Калмыцкой автономной области. В Национальном архиве Республики Калмыкия, например, сохранился список служащих по национальному составу 22 государственных учреждений за 1926 г., свидетельствующий о достаточно высоком удельном весе армян среди их работников. Армяне, после русских и калмыков, занимали по численности третье место среди служащих этих 22 учреждений. Они встречались как среди управленцев, так и среди технического персонала.

Вторая половина XX в. была успешной для роста армянской диаспоры. В 1959 г. она насчитывала 177 чел., в 1970 г. – 365 чел., в 1979 г. – 468 чел. [14], в 1989 г. – 494 чел. [15], в 2002 г. – 887 чел. [16]. Таким образом, наибольший рост численности армян произошёл в период между переписями населения 1989 и 2002 гг. Увеличение диаспоры было достигнуто за счёт положительных показателей миграционного и естественного прироста населения. Особенно заметным приток армянского населения в Калмыкию был замечен в период с 1993 по 2002 гг., когда миграционный прирост составил 434 чел. С 2003 г. миграционная активность армянского населения резко снизилась, при этом количество уехавших стабильно превышает количество прибывших.

Увеличению армянского населения в 1990-е гг. способствовал также небольшой положительный естественный прирост, однако в начале нового столетия смертность сравнялась с рождаемостью и затем стала превалировать над рождаемостью. Немногочисленное армянское население, проживая в многонациональной республике, активно контактирует с представителями других народов, доказательством чего являются показатели рождённых детей у армянских женщин от отцов других национальностей. За период с 1986 по 2005 гг. 42,2 % рождённых армянскими матерями детей имели отцов другой национальности. Чтобы сохранить свою национальную культуру, в 2002 г. в г. Элисте усилиями армянской диаспоры был учреждён культурно-национальный центр «Эребуни» (руководитель А.Т. Ахелян), который занимается пропагандой армянской культуры, при его содействии была открыта армянская воскресная школа для изучения языка и истории армянского народа. Представителям армянской диаспоры удалось также решить с городскими властями вопрос о выделении в северной части г. Элисты участка земли под строительство армянской часовни. Армянам Калмыкии пока удаётся сохранять свой язык. В ходе переписи населения 1989 г. 70,6 % армян Калмыкии в качестве родного признали свой национальный язык, остальные – русский [17]. В 2002 г. армянским языком владели 733 жителя республики, что составляло 87,1 % от численности армянского населения.

Армянское население проживает в различных районах республики, однако наибольшая численность армян отмечается в г. Элисте (354 чел.),

Городовиковском (148 чел.) и Яшалтинском (189 чел.) районах республики. Примечательно, что в последнем, в отличие от других районов, армяне проживают в основном в сельской местности. Здесь армяне компактно расселены в Солёновском (64 чел.), Эсто-Алтайском (43 чел.), Березовском (33 чел.) СМО.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ) II издание. Т. III. № 1912. СПб., 1830. С. 343
2. Борисенко И.В. Вре́мен минувших отраженье. Элиста, 1990. С. 58–59.
3. ПСЗ РИ. С. 343
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т.I. Тетр. 1. СПб., 1899. С. 136–137.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф.И. – 9. Оп. 1. Д. 357. Л. 68–76.
6. Там же. Ф.И. – 3. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.
7. Там же. Л. 15 об.
8. Там же. Ф.И. – 9. Оп. 4. Д. 285. Л. 75.
9. Там же. Оп. 1. Д. 44. Л. 3 об.
10. Там же. Д. 74. Л. 311.
11. Там же. Д. 203. Л. 299.
12. Там же. Д. 115. Л. 34.
13. Там же. Оп. 4. Д. 1794. Л. 45 об.
14. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 15.01.2012).
15. Национальный состав и языки народов Калмыцкой ССР. Демографическая, культурная и социально-экономическая характеристика отдельных национальностей. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. II. Элиста, 1991. С. 18.
16. Численность и размещение населения Республики Калмыкия, национальный и возрастно-половой состав, состояние в браке, распределение населения по уровню образования, источникам средств к существованию и по положению в занятии. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Калмыкия. Ч. 1. Элиста, 2004. С. 49.
17. Подсчитано по таблице 5 «Распределение населения КССР по национальности и родному языку» // Национальный состав и языки народов Калмыцкой ССР. Ч. II. Элиста, 1991. С. 18.

В.А. Бондарев, А.П. Скорик

ДОНСКИЕ АРМЯНЕ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ 1920-х гг.

После того как в начале 1780-х гг. армяне-переселенцы из Крыма прибыли на Дон, основав здесь город Нахичевань и селения Крым, Несветай, Чалтырь, Большие Салы, Султан-Салы, их жизнь и судьба оказались накрепко связаны с

историей России. Подобно жившим с ними бок о бок казакам, русским, украинцам, грекам и представителям многих других национальностей на Нижнем Дону, армяне занимались земледелием, ремеслом, торговлей, обустроивали свой быт, растили детей. Но вне зависимости от воли и желания армянского сообщества Дона происходившие в Российской империи важные события оказывали более или менее существенное влияние на его жизнь и деятельность. Армянская община оказалась вовлечена в такие грандиозные, переломные события в истории нашей страны, как революционные потрясения 1917 г., последовавшую за ними Гражданскую войну, отличавшуюся на Дону особым ожесточением, и сменившее ее поступательное развитие в эпоху реализации новой экономической политики 1920-х гг. Отдельные сюжеты из такого этапа истории донских армян, как период нэпа, и стали предметом исследования в рамках настоящей публикации.

Начало 1920-х гг. донские армяне встретили, компактно проживая в перенаселенных выше селениях и занимаясь вышеотмеченными видами деятельности. Хотя разрушительные бои Гражданской войны ушли в прошлое, жизнь армян в данное время сложно было бы назвать спокойной, поскольку сильнейшим раздражителем для них являлись радикальные социально-экономические эксперименты большевиков, совокупность которых получила в историографии ёмкое наименование политики «военного коммунизма». Продразверстка, постоянные реквизиции, запрет товарно-рыночных отношений, мелочная регламентация хозяйственной деятельности неимоверно расплодившейся советской бюрократией – все это, осложнённое самодурством местного начальства, крайне негативно сказывалось на состоянии армянской общины, порождало у подавляющего большинства её членов резко негативное отношение к большевикам (в чем с армянами было вполне солидарно крестьянско-казачье население) и провоцировало протестные выступления.

Протесты армян против политики «военного коммунизма» носили как индивидуальный, так и массовый характер. Весной 1920 г. Чалтырский исполком, действуя в русле «военно-коммунистических» методик, запретил местным жителям вывозить продукты на рынки Ростова-на-Дону без специального на то разрешения. Разумеется, насильственная натурализация хозяйства вызвала протесты населения, которое не могло без товарообмена с городом обеспечить себя предметами ширпотреба. Несмотря на запреты исполкома, один из жителей Чалтыря по имени Хичехпар Пудеев повёз в город на продажу «теленка месячного возраста», а «когда стоявший на посту милиционер хотел вернуть его назад, он выхватил имевшуюся у него винтовку и, направив на милиционера дуло, объявил, что не вернется». По возвращении из Ростова Пудеев был арестован Чалтырским исполкомом и при допросе объявил, что он «признает Советскую власть, но коммунистов, стоящих у власти не признает». Любопытно, что, когда ужаснувшийся таким заявлением исполком

направил Пудеева в ЧК, то сотрудники последней отпустили его «без всякого наказания на все четыре стороны, да вдобавок, по его словам, прозвали членов Исполкома дураками» [1]. Как оказалось, у чекистов было больше здравого смысла, чем у чалтырских радикал-большевиков.

Примерно в то же время члены Чалтырской большевистской ячейки спровоцировали массовые волнения, только на сей раз не у себя дома, а в селе Крым. В марте 1920 г. большевики разогнали Крымский исполком, очевидно, по причине недостаточной лояльности и коррупции. Новый исполнительный комитет был набран из чалтырских коммунистов: судя по всему, те неоднократно успели доказать вышестоящему начальству свою готовность идти до конца в осуществлении военно-коммунистических экспериментов. Однако население Крыма не питало добрых чувств к большевикам из Чалтыря и, когда те приехали в селение с целью объявить крымчанам о перестановках во власти, созванный митинг плавно перерос в бунт. Как утверждал один из членов Чалтырской комячейки Е. Гадзиев, «местные кулаки и подстрекатели первыми бросились на наших товарищей с криками “Долой коммунистов!” и начали избивать некоторых из них и некоторых из крымских милиционеров. В то же время часть их сломала замок арсенала и захватила имевшиеся там годные винтовки 90 шт., и выпустила на волю одного арестованного. Единственная причина всего этого кроется в том, что наши крестьяне – не трудовые, в большинстве своем, а спекулирующие хлебом и мясом, и ни в коем случае не хотят примириться с прекращением спекуляции» [2]. Тот факт, что продажа земледельцами ими же произведенных продуктов не являлась спекуляцией и что без подобной продажи крестьяне не могли обеспечить себя промтоварами, Гадзиевым, видимо, просто не осознавался.

Очевидно, подобные Гадзиеву субъекты мыслили исключительно в рамках марксистских схем и никак не могли признать той истины, что иллюзорные большевистские проекты ускоренного и насильственного «построения коммунизма» лишь ухудшали ситуацию в разоренной Гражданской войной Советской России и, в частности, в селениях донских армян. Но, как известно, повсеместное возмущение и массовые протесты (в том числе и в среде донских армян), в конце концов, заставили большевистских лидеров отказаться от безумных военно-коммунистических экспериментов и перейти к новой экономической политике. Период нэпа принёс армянской общине Дона не только долгожданную стабилизацию социально-экономических отношений, но и возможность национально-культурного развития.

Реализуя заложенный в программных документах курс на национальную автономию, партийное руководство СССР озаботилось созданием на Дону армянского национального района. Члены Донского окружного комитета ВКП(б), отчитываясь о проделанной за ноябрь 1925 г. – январь 1927 г. работе, отмечали, что «ввиду наличия значительного количества армянского

населения, даны были директивы об образовании национального армянского Мясниковского района, что и было проведено в жизнь с весны 1926 г.» [3]. Действительно, в краевой газете Северо-Кавказского края «Молот», в номере за 10 марта 1926 г. было помещено сообщение о том, что «Большой президиум Донисполкома принял решение о выделении из нынешнего Аксайского района, Донского округа самостоятельного армянского района в составе 6 сельских советов. Армянский район создается в целях содействия хозяйственному и культурному росту армянского населения, в целях большего вовлечения этого населения в советское строительство и приспособления работы советского аппарата к условиям быта и языка нацмен. В состав района включаются Больше-Сальский, Несветаевский, Султан-Сальский, Крымский, Чалтырский и Крестовоздвиженский советы. Центр района – город Нахичевань» [4].

Заметные сдвиги произошли в 1920-х гг. в сфере культуры и образования донских армян. В рамках развития национальной культуры был, например, создан армянский клуб в Нахичевани в 1926 г. [5]. В соответствии с доктринальными установками большевиков в области ликвидации неграмотности основной упор был сделан на обучении армян чтению и письму на родном языке, хотя в прессе отмечалось, что «армянки и дети-армяне совершенно не понимают по-русски» [6]. С этой целью на Дону создавались армянские школы и пункты ликвидации неграмотности. В частности, в начале 1928 г. в Ростове-на-Дону открылась одна армянская школа ликбеза и, как ни странно, одновременно с ней, целых две китайских школы [7]. Поскольку же советские дети должны были обладать не только общей, но и политической грамотностью, в армянских селениях и, особенно, в Нахичевани формировались пионерские отряды. Так, в 1926 г. в Донском округе Северо-Кавказского края возникли 4 пионерских отряда из детей донских армян, что было сделано в рамках инициированного правительственными органами СССР курса на повсеместное формирование таких отрядов среди детей национальных меньшинств [8].

Характерной чертой 1920-х гг. (как и последующего десятилетия) стала милитаризация повседневной жизни населения Советского Союза, в том числе и донских армян. Поскольку СССР подавался советской пропагандой как «осажденная крепость», окруженная враждебным капиталистическим миром, его граждане призывались обучаться военному мастерству, чтобы в любой момент быть готовыми к отпору вражеской агрессии. Функционировали стрелковые кружки, городские жители обучались противодействовать химическим атакам, приобретали разного рода военные специальности. Милитаризация советской повседневности соседствовала с феминизацией военного дела, выражавшейся в активном обучении женщин боевым навыкам и вовлечении их в оборонное движение. В частности, в 1927 г. в дни празднования десятилетнего юбилея Рабоче-крестьянской Красной армии в

Нахичеванском районе открылись курсы «по подготовке телефонистов, телеграфистов и работников военно-хозяйственных управлений (счетоводов, бухгалтеров, каптенармусов и пр.)». В качестве слушателей на эти курсы набирались исключительно женщины; предполагалось, что курсантки «будут использованы в военное время для работы в тылу для замены мужчин» [9].

Одним из интереснейших явлений эпохи нэпа стало движение добровольных корреспондентов – рабочих (рабкоров), крестьянских или сельских (кресткоров, селькоров), военных (военкоров), юных (юнкоров). Они работали под кураторством различных газет и журналов, причем ставили перед собой цель не просто информировать редакции о положении на местах, но и разоблачать злоупотребления или бездеятельность начальства, клеймить несправедливые действия «кулаков», выводить на чистую воду замаскировавшихся врагов (обычно в данное время в качестве таковых выступали провокаторы, работавшие в дореволюционные времена на царскую охранку, белогвардейские офицеры и т. п.) и тем самым по мере сил приближать момент торжества социализма. Только в Донском округе Северо-Кавказского края к началу 1927 г. насчитывалось, «по не вполне точным данным», 3 684 рабочих и сельских корреспондентов. Из них рабочих было 2 215 чел., крестьян – 505 чел., прочих – 964 чел. [10].

Деятельность этих борцов «за правду» нередко вызывала озлобление и месть со стороны объектов их разоблачительных публикаций, будь то завовавшиеся администраторы, несправедливо богатевшие «кулаки» или просто бандиты и хулиганы. Рабкоровы и селькоровы нередко подвергались гонениям, оскорблениям, избиениям; не столь уж редки были и случаи убийств добровольных корреспондентов.

Не миновала чаша сия и корреспондентов из числа донских армян. В начале октября 1925 г. был убит проживавший в селе Крым селькор газеты «Советский пахарь» комсомолец Крикор Асватурович Богоджян (Баев). Взбешенные его разоблачительными публикациями местные кулаки покушались на селькора еще в 1922 г.: поздно ночью в селькора стреляли через окно, когда он сидел за столом. Корреспонденты газеты «Молот», описывая бедное жилище Баева уже после его убийства, отмечали: «До сих пор на двери след от пули. И до сих пор в углу окна – маленькая, стеклянная заплатка» [11]. В 1924 г. в результате нового покушения Баев был тяжело ранен, однако это не остановило его, и он продолжил свою борьбу за справедливость. Но когда он вышел на след банды братьев Гадзиевых и поведал о них чекистам, бандиты застрелили его на дороге между Ростовом и Чалтырем [12].

В конце 1920-х гг. большевистское руководство с возросшей активностью стало осуществлять мероприятия по развитию индустриальной базы Советского Союза. Для достижения этой грандиозной цели нужны были немалые средства, изыскать которые в разоренной смутами и войнами стране

было непросто. Власть приступила к мобилизации сбережений населения, для чего выпускались так называемые добровольные займы, на деле зачастую превращавшиеся в принудительные кампании. Все же немало советских граждан на волне охватившего их энтузиазма добровольно жертвовали своему государству последние деньги ради укрепления могущества родной страны. Среди них были и донские армяне.

Корреспонденты газеты «Молот» с восторгом описывали, как «крестьянки-армянки Мясниковского района живо откликнулись на заём укрепления крестьянского хозяйства. И не только активная часть крестьянок, но и широкие массы женщин». В той же публикации по фамилиям перечислялись армянки, добровольно пожертвовавшие на нужды индустриализации не столь уж маленькие для простых крестьян тех лет суммы. Так, крестьянка Пешиванова подписалась на покупку облигаций займа на 30 рублей, Ева Тренялаева, Шушаник Моссова – на 20 руб. Те же 20 руб. отдала государству и «Добахова, беднячка, одна из первых, вышедших на арену общественности, на первый взгляд очень тихая и отсталая, но в действительности горячо преданная и хорошая общественная работница. Отсталые нацменки по своим бытовым условиям тем не менее горячо откликнулись на обращения рабочекрестьянского правительства и доказали свою готовность в нужный момент помочь государству» [13].

Добавим, что даже в непростых условиях эпохи нэпа, когда основная масса советского общества, и в том числе донские армяне, была озабочена поиском средств к существованию, продолжали свою работу по изучению прошлого немногочисленные энтузиасты, деятельность которых в те годы была сродни научному подвигу. В частности, в газете «Молот» неоднократно встречаются резко выбивающиеся из общего ряда социально-экономической и политической информации сообщения о находках вблизи Нахичевани костей мамонта или ископаемых останков других доисторических животных. Так, 1 сентября 1924 г. на городских песчаных карьерах вблизи Нахичевани рабочие обнаружили 2 осколка нижней челюсти мамонта с зубами и часть верхнего основания хобота [14].

Итак, производственная деятельность и повседневная жизнь представителей армянского сообщества Дона в 1920-х гг. несли на себе четкий отпечаток реалий эпохи нэпа. Прекращение военно-коммунистических экспериментов благотворно отразилось на хозяйстве армянских селений и снизило социальную напряженность. Заметные результаты были достигнуты в деле развития образования и культуры донских армян. Борьба с неграмотностью способствовала их вовлечению в советское строительство. Советская власть и партия большевиков проявляли особую заинтересованность в формировании своих прозелитов из числа донских армян, что, на наш взгляд, предопределило принятие административно-правового решения о создании армянского нацио-

нального района из 6 сельских советов в составе Донского округа. Тенденции прозелитизма прослеживаются в формировании специальных пионерских отрядов из детей донских армян, чтобы подготовить новые поколения к позитивному восприятию советской власти. Тот же алгоритм властных действий наблюдается и в отношении женщин-армянок. Советская действительность постепенно и прочно втягивала донских армян в свою орбиту.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 41. Л. 171–171об.
2. Там же. Л. 5.
3. Материалы к отчету Донского окружного комитета В.К.П. (больш.) на XII окружной партконференции (ноябрь 1925 – январь 1927 г.). Ростов н/Д, 1927. С. 42.
4. Молот. 1926. 10 марта.
5. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 93. Л. 54.
6. Молот. 1925. 10 сентября.
7. Молот. 1928. 22 февраля.
8. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 93. Л. 54.
9. Молот. 1928. 18 февраля.
10. Материалы к отчету Донского окружного комитета В.К.П. (больш.) на XII окружной партконференции (ноябрь 1925 – январь 1927 г.). С. 100.
11. Молот. 1925. 13 октября.
12. Там же.
13. Молот. 1928. 19 февраля.
14. Молот. 1924. 5 сентября.

А.А. Вартумян

АРМЯНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: УТРАЧЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИЛИ ПРИОБРЕТЕННОЕ ГРАЖДАНСТВО?

В настоящее время наблюдается повышение социально-политической, культурной и экономической роли этнических групп и этнонациональных диаспор в жизни современных обществ. Диаспоры становятся живым, активно функционирующим органом, гораздо глубже включенным в социальные структуры локального, регионального и транснационального уровней, чем можно было ожидать. По мнению Г. Шеффера, способность диаспор оказывать влияние на ход событий в культурной, экономической, социальной и политической жизни постоянно возрастает и будет возрастать впредь [1]. В ранних публикациях автор излагал свою точку зрения в отношении функционирования армянской диаспоры на юге России и в Краснодарском крае в частности, отмечая, что в условиях «нового мирового порядка ар-

мянская диаспора расширяет масштабы своей деятельности и быстро «набирает в весе»» [2].

Политические события конца 1980-х – начала 1990-х гг., а также другие причины привели к новому всплеску миграции армян в пределы Краснодарского края. По мнению М. Симоняна, численность армянского населения Кубано-Черноморского региона постоянно увеличивалась, главным образом за счет постоянных «исторических» и «экономических» процессов в сопредельных территориях и государствах [3]. Так, если в 1871 г. в Кубанской области проживало немногим более 3 тыс. армян, в 1920 г. – 58,3 тыс., то уже на период с 1959 по 1997 гг. их численность возросла более чем в 3 раза и составила 234,4 тыс. чел., или примерно 5 % населения всего Краснодарского края. По результатам последней переписи населения 2010 г., армяне устойчиво занимают вторую позицию в крае, демонстрируя тенденцию к постоянному увеличению.

В регионе сложились зоны компактного проживания армянского населения: Черноморское побережье (Анапский, Туапсинский районы и районы Сочи и Новороссийска), предгорные области (Абинский, Апшеронский, Белореченский, Горяче-Ключевской, Крымский районы), Кавказский, Курганинский, Новокубанский, Отраденский, Темрюкский районы, города Армавир, Краснодар, Кропоткин. Следовательно, армянская диаспора Кубани является многочисленной, имеет места компактного проживания, это способствует сохранению традиционных этнокультурных особенностей народа. М. Симонян полагает, что по своей внутриэтнической структуре армянское население региона не является однородной массой, а представляет собой довольно пеструю, многоликую общность со специфическими, порой нехарактерными особенностями [4].

Политический аспект функционирования армянской диаспоры, в частности создаваемые ею трансгосударственные сети и системы коммуникаций, которые пересекают границы отпускающих и принимающих обществ, изучены явно недостаточно. При этом, оперируя в рамках созданных трансграничных сетей связи и поддержки, представители армянской диаспоры прибегают как к традиционным, так и новейшим средствам коммуникаций: обычной и электронной почте, телефону, газетам, радио, телевидению, интернету и т.д. Через эти каналы происходит обмен культурными, политическими и экономическими ресурсами. Используя опыт сюрка, пользуясь своей организованностью и решительностью, представители армянской диаспоры могут стать заметными игроками как в региональной, так и во внутренней политике России – эта точка зрения автора уже была представлена [5].

Но наблюдая за процессом внутрироссийских политических преобразований, включая выборы в Государственную думу 2011 г. и президентскую кампанию 2012 г., автор приходит к выводу о неспособности российского армянства

выполнять вышеизложенные диаспориальные функции по причине отсутствия развитой политико-правовой демократической традиции в принимающей стороне. В РФ в настоящее время практически отсутствует армянская диаспора в классическом толковании и понимании этого термина. Фактически завершается первоначальный период обустройства на новом месте (для армян «последней волны»), произошла адаптация (частичная) к непривычным культурным, социально-экономическим и политическим условиям. В Краснодарском крае, в местах «плотного» компактного проживания армян, происходит процесс «накопления» ресурсов и подготовка членов диаспорных групп к политическому действию (органы местного самоуправления, муниципальные и федеральные структуры, силовые ведомства, научная и творческая деятельность, а также традиционные предпринимательства). Армянскому населению Краснодарского края для удовлетворения культурных, языковых и образовательных потребностей вполне достаточно этнического объединения на уровне землячеств и общинных ценностных ориентаций. По определению Г.В. Мирзояна, принимая новые модели поведения, осваивая чужой язык, постепенно приобщаясь к другой культуре, человек неизбежно трансформирует прежнюю, исконную идентичность [6]. Под идентичностью он понимает систему культурно-исторических координат, которые изобретаются обществом с опорой на объективные признаки, меняющиеся или подвергающиеся коррекции в зависимости от политики и других факторов [7].

Формула идентичности, заявленная президентом Армении С. Саркисяном на встрече с армянами США 24 октября 2008 г., гласит, что «идентичность армянина не должна быть сложной и таинственной, она должна отказаться от языковых, религиозных, культурных, партийных или идейных разъединений». В центре армянской идентичности должны быть человек, свобода и право [8]. По всей видимости, настоящая цитата является государственной точкой зрения, отвергающей этническое начало в пользу государственного. Диаспорная идентичность, как отмечает М. Аствацатурова, является более динамичной, ситуативной и масштабной по сравнению с идентичностью коренных (автохонных) меньшинств [9]. Представители армянских этнических сообществ (землячеств, общин, диаспор) различаются по своей этнокультурной принадлежности, институциональной структуре, уровню внутренней сплоченности, интенсивности связей с родиной.

Следует признать, что российские армяне не включены в политическом аспекте в каркас российской государственности. Основные усилия направлены на достижение экономической свободы и преуспевания. Опыт формирования и функционирования диаспор (в институциональном измерении) показывает, что армяне Краснодарского края в настоящее время организационно оформились в относительно устойчивые общинные группы, миновав стадию становления земляческих отношений.

Для эволюции общинных групп в диаспориальные необходим фактор полиэтнический. Весьма преуспевая в экономической сфере, армяне Кубани чрезвычайно слабо представлены в полиэтнической сфере общества. Наиболее успешный в настоящее время в Краснодарском крае бизнесмен, создатель и генеральный директор компании крупнейшей розничной сети «Магнит», владелец ФК «Краснодар» С.Н. Галицкий, будучи этническим армянином (Арутюнян), вынужден взять фамилию жены, чтобы свободнее вступать в конкурентную среду. В РФ отсутствует правовая основа для легализации лоббистской деятельности, законодательно запрещено создавать национальные или религиозные партии, введение «теневого» и «серого» бизнеса предпочтительнее его легализации. При подобном раскладе политическая идентичность армянства оказывается «размытой», а степень политической консолидации неопределенной. Гражданская идентичность выступает в качестве первичного фактора, а этническая – вторичного.

Возможно, для более активного политического воздействия для отстаивания своих прав необходим универсальный набор фактов, способных изменить характер корреляции зависимых и независимых переменных. Он касается характеристики самой диаспоры:

– продолжительность пребывания в стране приема (для российских армян, испытавших несколько «волн» переселения, с учетом последней, самой массовой – этот фактор незначительный);

– организационная «зрелость» на страновом уровне (в реальном сопоставлении консолидация происходит на общинном, а не диаспориальном уровне);

– характер имеющихся материальных ресурсов (происходит процесс накопления капитала, представителей крупного бизнеса практически нет, так как в российских специфических условиях только административный и силовой ресурс позволял «сколотить» первоначальный капитал);

– юридический статус (он пока определяется, создавая общественные армянские организации, отстаивающие права армянства в диалоге с властью);

– степень аккультурации в принимающем обществе (процессы ассимиляции и аккультурации происходят постоянно и грозят лишить армян их национального самосознания и специфического менталитета);

– уровень компактности проживания (учитывает, в основном, городскую ориентацию армян, нарушается принцип «компактности» в больших городах с их «большими» городскими проблемами).

Анализ перечисленных переменных поможет нам лучше понять, насколько армянская диаспора (при всей сомнительности термина применительно к российским армянам) включена в полнокровный и полноценный политический процесс в сегодняшней России. Следует учитывать тот факт, что диаспора является систематичным образованием, в основе ее – взаимосвязь

образующих элементов. Речь идет не только о системе отношений, но и о складывающейся в ее рамках системе культур. Генезис диаспоры включает не только развитие этнокультурной общности как носительницы культуры, традиций, но и развитие институциональных образований (партий, движений, общественных, культурных образовательных объединений). К функциям, выполняемым диаспорой, можно отнести, следовательно, не только задачи этнокультурного характера, но и регулирование взаимоотношений диаспоры и ее институтов с государственными институтами. В контексте нашей публикации важно отметить, что обращение к функционированию армянской диаспоры в Краснодарском крае связано с конфликтными ситуациями либо с факторами дискриминации. К сожалению, государственная, федеральная и региональная национальная политика пока не оперирует понятием диаспора, не рассматривает диаспоры в качестве реального и действительного инструмента осуществления рационального взаимодействия армян с автономными жителями края.

Таким образом, армянская диаспора Краснодарского края являет собою сложное и многомерное явление, представленное пестрым разнообразием этнических групп и землячеств, с разрушенной традиционной, религиозной монотонностью (монофизиты, католики, православные, баптисты, протестанты, мусульмане (хемшилы)). Кубанская общность сама представляет многонациональный и поликонфессиональный конгломерат переселившихся в середине IX в. народов. Армяне, начиная с середины IX в., становятся неотъемлемой частью населения Кубани. На протяжении всего периода диаспорного проживания кубанские армяне испытали процессы, ведущие к трансформации культуры, языковой и религиозной адаптации. В отдельных случаях это привело к потере этнической идентичности в обмен на приобретенное гражданство. Немалая часть в этнокультурном смысле идентифицирует себя с Россией (Кубанью) и русским народом. Армяне Краснодарского края весьма неоднородны как в социальном, так и в этнокультурном смысле. В Краснодарском крае (как и в России в целом) отсутствует политическая среда для деятельности армянских политических партий (Дашнакцутюн, Рамкавар, Гнгах), конкурирующих за влияние на диаспору. Политические партии, не имеющие сетевой структуры (в отличие от западных стран), не в состоянии создать мощные политико-финансовые лобби.

В настоящее время мы наблюдаем и пытаемся осмыслить процесс формирования и консолидации новой локальной субкультуры, но перерастание настоящего явления в организованную диаспору маловероятно.

Примечания

1. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С.163.
2. Вартумян А.А. Этническая толерантность в России в условиях глобальных изменений (на примере южнороссийских регионов) // Мат.-лы II Межд. конгресса «Россия в

системе глобальных социальных координат». М., 2002. С. 46–54; Вартумян А.А. Влияние национальных движений на политический процесс в России на рубеже XX–XXI веков // Мат.-лы Всерос. науч. конф. «Российская государственность: история и современность». СПб., 2002. С. 141–149; Вартумян А.А. Политическая активность армянской диаспоры: научно-методическое осмысление // Мат.-лы рег. науч. конф. «Армения и армяне в контексте мировой культуры». Краснодар, 2006. С. 25–31; Вартумян А.А. Диаспорные группы Юга России: эволюция социально-политических предпочтений // Мат.-лы II Верос. соц. конгресса «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» М., 2003. Т. 3. С. 329–394; Вартумян А.А. Этнический фактор и проблемы столкновения диаспор в Краснодарском крае // Межнациональные отношения в Краснодаре на современном этапе: перспективы устойчивого развития. Краснодар, 2005. С. 26–29; Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов н/Д; М., 2011.

3. Симонян М. История армянской диаспоры Кубани // Армяне Краснодарского края. Краснодар, 2011. С. 26.

4. Там же. С. 36.

5. Вартумян А.А. Политическая активность армянской диаспоры: научно-методическое осмысление // Армения и армяне в контексте мировой культуры. Краснодар, 2008. С. 25–31.

6. Мирзоян Г. В. Предисловие // Армяне Юга России: опыт социологического исследования. С. 4–5.

7. Мирзоян Г. В. Предисловие // Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография. Ростов-на-Дону, 2011. С. 5.

8. Там же. С. 6.

9. Аствацатурова М. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели» // Диаспора. 2003. № 2. С. 185.

Т.Ю. Власкина

ОБРАЗ АРМЯНИНА В ТРАДИЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОНСКИХ КАЗАКОВ¹

Тема этнокультурных стереотипов обеспечена богатой библиографией, но полиморфизм этнических сообществ и типологическое разнообразие над- и внутриэтнических конструкций продолжают ставить перед исследователями новые вопросы [1]. В работах, посвященных истории казачества, наличие устойчивого комплекса представлений о собственной самобытности неизменно рассматривалось как важнейший признак зрелости самосознания, в то

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Народная традиция донского казачества в меняющемся мире: опыт этнолингвистического словаря» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического региона в условиях роста напряженности».

время как вопрос об этническом статусе по-прежнему оставался открытым. Выход на новый исследовательский уровень стал возможен с установлением зависимости содержания оппозиции «свой» – «чужой» от того, в каких категориях общество себя воспринимает – социальных или этнических [2]. Осмысление своеобразия стереотипного образа армянина в народной культуре Дона способно осветить некоторые закономерности развития межэтнических отношений в регионе и уточнить ряд принципиальных характеристик традиционной картины мира донских казаков.

Соседство казаков и армян на Дону принято обобщенно характеризовать как взаимно полезное, давнее и устойчивое. Укорененность армянской диаспоры подчеркивается бытующим среди жителей Ростовской области выражением *наши армяне*, отличающим уроженцев Нахичевани и Мясниковского района от других представителей армянского этноса. Казалось бы, естественным выражением подобной гармонии должно быть сложение целостного и комплиментарного образа армянина в этнокультурной традиции региона. Однако народно-бытовое осмысление следует собственным законам.

В публикациях, оперирующих значительными корпусами текстов традиционной культуры донских казаков (песенного фольклора, диалектной лексики и фразеологии), упоминания об армянах единичны или вовсе отсутствуют [3]. В полевых записях, полученных методом сплошного обследования, сюжеты, непосредственно связанные с армянами, также нельзя назвать многочисленными. Они ограничены тематически, а кроме того, обнаруживают тенденцию к вариативному замещению и / или объединению армян в одну группу с представителями других этносов.

В результате вычленение корпуса мотивов, составляющих специфику образа армянина, затруднительно. Однако в контексте истории контактов можно заметить ряд закономерностей оценочного объединения / дифференциации носителями казачьей традиции групп этнических «чужих». В связи с этим возможна реконструкция ключевых позиций, с помощью которых образ армянина встраивается в картину мира донских казаков.

В ранний период истории Донского войска одни армяне – купцы и ремесленники, жители Северного Причерноморья – завязывали с казаками деловые отношения, а другие становились членами полиэтничного воинского братства. Представители первой группы оставались в категории «полезных чужих», соединяющих враждующие стороны, благодаря чему образ армянина приобрел приметы корыстного и лукавого восточного торговца, сближаясь в этом со стереотипными представлениями о греках, цыганах и евреях. Отношение к торговле как к низменному промыслу определялось заложенными в системе ценностей раннего казачества идеалами нестяжательства [4]. Устойчивость подобных представлений подтверждается наличием в донских говорах группы лексем, объединяющих значения торговец и лжец [5]. Это

оставило свой след в восприятии этнических общностей, для представителей которых торговля была приоритетным занятием.

Ставшие казаками переставали быть армянами, занимая свое место в разнплеменном сонме казачьих предков. Исследователи не раз отмечали в устной традиции и письменных источниках практику объединения малочисленных групп под обобщенным этнонимом. Даже при проведении переписи в конце XIX в. этот принцип не был до конца изжит [6]. Армяне приписывались к болгарам и грекам по критерию христианской общности, а к туркам и кавказцам — в силу знания языков и восточного происхождения. Их истинная этничность с трудом угадывается в семейных преданиях, в переименованных на русский лад именах, добавляя экзотические краски в мифопоэтические представления казачества о собственном происхождении. Важным элементом саморепрезентации донцов стал сюжет, вошедший в устную традицию как «истории о бабках-турчанках». Обосновывая идеологему автохтонного и одновременно экзотического статуса «настоящих» казачьих родов, сюжет дополняет в картине мира корпус этиологических мифов. Закономерности конструирования мифа о происхождении таковы, что народы, давшие «особенных» – экзотических предков, именно в силу этого не могут восприниматься как «свои», напротив – традиция бережно сохраняет и порой гиперболизирует признаки инородчества.

Более двухсот лет назад многочисленная армянская диаспора стала такой же привычной частью донского этнокультурного ландшафта, как казаки и малороссийские крестьяне. Получив по высочайшему указу 86 тысяч десятин земли рядом с крепостью Святого Дмитрия Ростовского, бывшие крымские армяне основали город Нахичеван, пять сел: Чалтырь, Крым, Большие Салы, Султан-Салы и Несветай, и превратились в донских армян. Сохранив культурно-языковую самобытность – на армянском языке до 20-х годов XX в. говорили, писали, выпускали газеты, – они сделали сферой своих экономических приоритетов торговлю и предпринимательство. Таким образом, переселенцы не только нашли свою хозяйственную нишу в жизни низовой Дона, но и вступили с иноэтничными соседями в многообразные отношения сотрудничества и соперничества. О том, что эти отношения порой становились достаточно острыми, свидетельствует спор между донскими публицистами рубежа XIX–XX вв. – А. Грековым и Р. Патканяном [7]. И все же до самого конца XIX в. армянская диаспора была отделена от казачьих поселений административной границей и перечнем «дозволенного», в котором речь шла преимущественно об экономических отношениях. Но и в этой сфере интеграцию армян в войсковую жизнь сдерживало существование в казачьей среде собственного купечества – категории торговых казаков. С. Номикосов, приводя данные переписи 1882 г., сообщает, что армяне имеются в Войске Донском в количестве 417 душ обоего пола, это состав-

ляет вкупе с другими народностями, помимо русских, калмыков и немцев, менее 0,05 % [8]. О многотысячных армянских поселениях Номикосов не упоминает, из чего можно сделать вывод о малом влиянии этого соседства на внутривойсковую жизнь. Самодостаточность и отчужденность казачьего и армянского миров находят подтверждение в мемуарной литературе, материалах периодической печати. Складывается впечатление, что еще долго после присоединения к Области войска Донского армянских сел и Нахичевани в большинстве казачьих станиц армянин оставался фигурой загадочной. Показательный случай произошел с нахичеванскими художниками А. Арцатбанияном и М. Сарьяном, когда они выехали на этюды в станицу Каменскую. Местные казаки приняли их за цыган, а рисование станичных мальчишек — за особый способ наведения порчи. От побоев живописцев спасло только вмешательство полиции. Было это между 1894 и 1900 гг. [9]. Другими словами, не столько этническая, сколько сословно-административная дистанция долго способствовала сохранности чуждых черт в образе армянина.

Таким образом, физическое присутствие армян рядом с казаками было противоречивым, но достаточно долгим, массовым и деятельным, чтобы стать для носителя казачьей традиционной культуры элементом универсума. О.В. Белова подчеркивает, что в этом случае об этническом соседе «можно сказать обезличенно – “они” – и сконцентрировать вокруг... “чужих” суеверия и предрассудки» [10].

Наибольшую рефлексия у носителей донских говоров вызывают антропологические особенности армян – внешность и запах. При этом во внешности экспрессивно комментируется весьма ограниченный набор признаков: размер глаз и природная смуглость кожи. Например, диалектное значение слова *глазюки* – большие глаза, поясняется следующим образом: *У ниво глазюки, как у армян* [11]. Вместе с тем малочисленность сравнительных позиций не препятствует императивному отделению «своих» от «чужих». Так, более темный, чем у казаки, цвет кожи соседа-армянина, не только исключает возможность брачных отношений между ними, но и кажется пугающим: *Ни дай Бох! Я бы, вот, например, да себе никаво ни дапустила – армяни вот эти, чичены, щас вот эти другиш... ну, привыкать, канешна, привыкашь: у мене в Багаифки саседи был Мишка-армян, мы привыкли и ни замичали, што он какой-та, а вот (если) када с ним спать... вот (к примеру) я сплю, разую глаза, а пирит табой будить чёрный чирныш – страшна!* [12]. Важными маркирующими элементами становятся пот и запах: *Эта вот само – пот: от чё там от эти, армяни или там... И фсё равно дух, дух другой! (С.: А у казаков пот не воняет?) – Да можыть и у казаков, какиш не моюца... (С.: Так это от того, что не моются?) – Не-ет, нет! Само все от природы!.. Это зависит от нации, вот я в Багаифки была, там стока*

турак панаехала! Ни знаю... (информант втягивает носом воздух и выразительно морщится) [13].

Мифологизация телесных особенностей – реальных и воображаемых – одна из древних, широко распространенных и весьма продуктивных семиотических универсалий, которая неоднократно изучалась исследователями. Вывод о том, что за многими сюжетами фольклорной антропологии скрывается утверждение «нечеловеческой», «демонической» природы «чужого», не вызывает сомнений. Очевидно и то, что с осколками именно этих представлений мы сталкиваемся в донской традиции. Своеобразие же ее проявляется в том, что к «чужим», которым приписываются отвращающие антропологические особенности, могут принадлежать не только инородцы – евреи, чеченцы, турки, *хохлы*, не только представители иной социальной группы – *русаки*, *москалы*, *мужики*, но и казаки другого войска [14].

Редуцированные «доказательства иномирности» армян – темный цвет кожи (*чёрный чирныш*) и характерный запах — убедительно встраиваются в систему координат более сохранных развернутых текстов казаков-некрасовцев и славянского юго-запада [15]. Согласно этой системе, связь с потусторонним миром предполагает и полезные сверхъестественные способности, таким образом, мотив компетентности армян в данной сфере, отмеченный в донской традиции, логически завершает и уравнивает образ «чужого».

Бэла была, армянка. С сибе страхулюдная, а угадывала хараишо, щиста фсе так и... Мы да ней хадили... (С.: А на чем она, на кофейной гуще угадывала?) – Не, мы тада и ни знали што... эта щас фсе – кофэ! Па картям ана глидела и как-та щиста фсе угадывала [16].

Во второй половине XIX – начале XX вв. донские казаки стали свидетелями трагедии Турецкой Армении, по всей Донобласти развернулась деятельность Нахичеванского комитета помощи беженцам [17].

Устноисторические тексты и письменные свидетельства, связанные с русско-турецкими войнами существенно корректируют образ армянина. Этот период выделен в картине мира донских казаков своеобразным хрононимом: *када армян резали турки* [18]. В конструировании этностереотипа усиливаются черты «своего» через актуализацию религиозной (христианской) общности, разработку мотивов мученичества и жертвенности. Армяне объединяются по этим признакам с болгарами и сербами, сближаются с казаками как товарищи по оружию. В формировании данного стереотипа в начале XX в. заметна общественная заинтересованность, показателен и встречный процесс – появление и популяризация в армянской среде сюжетов, комплиментарных по отношению к донцам [19].

Потрясения XX в. по-своему перекроили карту групповых идентичностей жителей Дона, создав почву для новых направлений динамики стереотипных представлений об армянах и усиления многослойности региональной

традиции в целом. Представления об армянах в традиционной картине мира донских казаков не оформились в целостный образ, они раздробились на несколько взаимоисключающих стереотипов, различных по степени выражения в этнокультурном пространстве региона. Исследование подтверждает, что одной из особенностей донской традиции является вариативность социально/сословно-территориальных и этнических критериев выделения тех, кому могут быть приписаны признаки «чужого».

Примечания

1. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005; Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005 и др.
2. Проценко Б.Н. Оппозиция «свой – чужой» и менталитет донских казаков // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Сб. научных статей. Ростов н/Д, 1999. С. 211–223 и др.
3. Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д, 2004; Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003; Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
4. Рудиченко Т.С. Указ. соч. С. 50.
5. Большой толковый словарь донского казачества. С. 25.
6. Номикосов С. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 280–298.
7. Нигохосов М.Г. Предпринимательская деятельность донских армян на Юге России: конец XVIII – начало XX вв. Автореф. канд. дис. Ростов н/Д, 2007. С. 7.
8. Номикосов С. Указ. соч. С. 280.
9. Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. В 6 т. Т. 1. Ростов н/Д, 1994. С. 80.
10. Белова О.В. Указ. соч. С. 11.
11. Большой толковый словарь донского казачества. С. 107.
12. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета. Информатор Черкесова П.Т. 1928 г., записана в поселке Чирском Советского района Ростовской области в 2002 г., собиратель Власкина Т.Ю. (далее – с сокращениями).
13. ПМДЭЭ РГУ. Инф. Черкесова П.Т.
14. ПМДЭЭ РГУ. Инф. Стариков А.Ф. 1916 г., Старикова Е.С. 1926 г., зап. в ст. Кривянской Октябрьского р-на РО в 2004 г., соб. Власкина Т.Ю.
15. ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Инф. Гулина Е.К. 1950 г., зап. в пос. Новокумском Левкумского р-на Ставропольского кр. в 2010 г., соб. Власкина Т.Ю.; Белова О.В. Указ. соч. С. 48–66.
16. ПМДЭЭ РГУ. Инф. Ананьева М.Т., 1911 г., зап. в х. Потапов Волгодонского р-на РО в 1997 г., соб. Власкина Т.Ю.
17. Сидоров В. Указ. соч. С. 67–72.
18. ПМДЭЭ РГУ. Инф. Переходкин Л.С., 1926 г., зап. в ст. Обливской РО в 1998 г., соб. Проценко Б.Н.
19. Даштенц Х. Зов пахарей. Электронный ресурс. URL: <http://www.fedayi.ru/vtoqaya.php> (дата обращения: 21.03.2012).

А.С. Давтян, Д.А. Давтян

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ АРМЯН-БЕЖЕНЦЕВ –
ЖЕРТВ ГЕНОЦИДА НА ЮГЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Проблема армянских беженцев на территории Российской империи в годы геноцида армян в Османской Турции практически не изучена и остается вне поля зрения отечественной историографии. В данной работе обсуждается положение армян-беженцев на юге Российской империи на примере двух городов – Одессы и Нахичевани-на-Дону. Оба города являлись местами пребывания большого количества армян-беженцев из Османской империи, более того, в этих городах компактно проживало армянское население. К сожалению, до настоящего времени данной проблеме не уделялось должного научного внимания, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо фундаментальных работ, посвященных именно этой тематике. В существующих немногочисленных работах, относящихся к этому периоду, проблема армянских беженцев рассматривается лишь в общем контексте истории армянских колоний. Встречающиеся же эпизодические упоминания о беженцах носят исключительно статистический характер и являются неполноценными.

С самого первого дня в 1914 г., когда стало известно о массовой гибели армян в Османской империи, в Нахичевани-на-Дону начался сбор средств для помощи армянам в Османской империи. Благодаря усилиям Г.Х. Чалхушьяна был образован Комитет кружечного сбора в пользу армян-беженцев, позже переименованный в Армянский комитет. Немаловажную роль в Армянском комитете играл председатель этого Комитета – Григорий Христофорович (Крикор Хачадурович) Чалхушьян (1861–1939). Родился он в Нахичевани, дворянин, юрист по образованию, автор работ по краеведению, в частности, по истории Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону. Когда началась резня армян в Турции, он с первого дня начал писать статьи в газетах на эту тему и всеми возможными силами пытался помочь армянам-беженцам. Так, будучи председателем Армянского комитета, он писал письма о помощи в Московскую городскую думу и в Петроградский совет [1]. В 1919 г. Чалхушьян издал «Красную книгу», где описывает все зверства турок и анализирует события, обдумывает, почему это произошло. 31 декабря 1914 г. по всему Ростову и Нахичевани проходил кружечный сбор в пользу армян-беженцев. В итоге за этот день удалось собрать 15 тыс. руб., из них 500 р. дал ростовский купец Супрунов, тысячу – фабрикант, известный ростовский благотворитель Асмолов, три тысячи – ростовские купцы казачьего происхождения, хлеботорговцы, владельцы шахт и пароходства братья Петр и Николай Парамоновы. Также 19 января 1915 г. в Новочеркасске был устроен национальный вечер в пользу армян-беженцев, фойе декорировали в «армянском

стиле». На этом вечере выступали с докладами Г.Х. Чалхушьян «Армяне и Россия» и Г. Чубаров «Армяне и Турция». В этот же день была организована «Братская трапеза» М.С. Хазизовой для армян-беженцев (на 60 человек); нахичеванские купцы Кистовы трудоустроили у себя 40 чел. [3].

Первое обращение Национального бюро в Одессу датируется 21 октября 1914 г., в нем указывалось о необходимости формирования добровольческих отрядов, а также сбора «пожертвования» от общества в размере 50 тыс. руб. [4]. Для небольшой одесской колонии предъявленная сумма была крайне завышенной, о чем в своем письме от 3 ноября Национальному бюро указывает настоятель одесской церкви отец Ованнес Чубарьян: «Для Одессы это слишком много, местные армяне в основном турецкоподанные – портовые рабочие, служащие и несколько богатых» [4]. Согласно имеющимся данным, в этот период численность колонии составляла от 2000 до 3000 чел. Поставленная задача представлялась непомерной, если учитывать тот факт, что турецкоподанные армяне вследствие закрытия порта, вызванного войной, оказались практически без средств к существованию и на попечении колонии (общины). Вопрос же численности турецкоподанных армян, находящихся в Одессе в 1914 г., довольно проблематичен, поскольку специальных ведомостей не существовало. Однако из материалов прессы известно, что по состоянию на 1 ноября 1914 г. от турецкоподанных армян было получено около 1000 заявлений о вступлении в русское подданство [4]. 29 ноября 1914 г. в Одессе был образован Армянский комитет, который занимался исключительно помощью армянам-беженцам. Соответственно, возникает закономерный вопрос, когда же в эти города начали пребывать беженцы и каким маршрутом? Наиболее ранние обнаруженные сведения о беженцах относятся к середине 1915 г. (в Одессе) и начало 1915 г. (в Нахичевани-на-Дону) и не носят массового характера, а скорее представляются единичными случаями. Тезис о начале прибытия беженцев в августе-сентябре 1915 г. в Одессу находит свое подтверждение на страницах прессы. Поскольку именно в конце сентября армяне впервые обращаются к общественности города с просьбой оказать помощь [5].

Это воззвание в первую очередь объясняется увеличившейся финансовой нагрузкой на местных армян. Если ранее община в состоянии была организовывать бесплатные обеды и столовую для безработных (портовых рабочих турецкоподанных), то с увеличением потребностей, стало затруднительно самостоятельно оказывать помощь соотечественникам на месте и направлять гуманитарные грузы в Армению. В данной ситуации весьма показательны действия царской власти, которая, по сути, откестилась от проблем армянских беженцев и не предпринимала каких-либо действенных мер по оказанию помощи. Более того, одесские армяне вынуждены были постоянно истребовать разрешения у губернских властей на право пребывания в городе турецкопод-

данных беженцев. Вследствие этой неординарной ситуации и постоянно увеличивающегося потока беженцев, армяне в декабре вторично обращаются к городской общественности с просьбой о помощи и открывают собственную «штаб-квартиру» для приема вещей первой необходимости [6].

В середине 1916 г. численность прибывающих беженцев существенно увеличивается. Согласно сведениям октябрьского выпуска, издававшегося в Одессе журнала «Армяне и война», в город через Болгарию и Румынию прибыло более 500 беженцев, которые долго задерживались на границе властями этих государств [7]. Конечно, к материалам журнала «Армяне и война» необходимо относиться с определенной критикой, поскольку печатавшиеся там материалы зачастую размещались в хронологическом беспорядке. Однако существующие многочисленные беженские карточки турецкоподданных армян, с пометкой «беженец из Румынии, Константы» [8], датируемые 1916 г., они однозначно подтверждают сведения журнала. Единственной проблемой остается установление точного периода пребывания этой группы беженцев в города Нахичевань-на-Дону и Одессу. Принимая во внимание, что морской путь практически был заблокированный, беженцы, прибывшие в Одессу морским путем, составляли весьма немногочисленную группу. Основной же поток беженцев прибывал через Болгарию и Румынию. Именно по этому маршруту в конце 1916 – начале 1917 гг. в Одессу прибывают еще 3000 беженцев [9]. О беженцах из Яссы (Румыния) говорится и в Нахичеванских газетах и документах, так, известно, что около 800 беженцев прибыли из Яссы в Нахичевань-на-Дону (но неизвестно, каким путем) и были расселены в городе и по селам. Однако доподлинно неизвестно какое количество беженцев и каким маршрутом прибыло в Нахичевань-на-Дону, однако говоря о беженцах из Одессы, мы можем сказать, что их число составил около 9–10 тыс., из которых 5 – 6 тыс. являлись жертвами геноцида, остальные же 3–4 тыс. – военнопленными и демобилизованными.

До сих пор неизвестно точное количество армян-беженцев, расселившихся в Одессе и Нахичевани-на-Дону. В деле помощи армянам-беженцам армянские общины двух разных городов Российской империи проводили одинаковую политику (создание Армянского комитета, сбор денег и т. д.), что показывает сплоченность армянского народа.

Примечания

1. Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. Ростов н/Д, 1994. С. 67–69.
2. Бархударьян В.Б. История Армянской колонии Нахичевань-на-Дону. Ростов н/Д, 1996.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 806. Оп. 1. Д. 9. Л. 73.
4. Южная мысль. 1914, 1 ноября.

5. Одесский листок. 1915. 27 сентября.
6. Геноцид армян в Османской империи 1915–1917 гг. и реакция одесской общности (по материалам местных периодических изданий) // *Інтелігенція і влада*. 2006. № 8. С. 106.
7. Армяне и война. 1916. № 8. С. 123.
8. ГАРО. Ф.Р. – 62. Оп. 1. Д. 73. Л. 222 об; Ф.Р. – 62. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.
9. Армяне и война. 1916. № 12. С. 177.

С.С. Казаров

НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ В БОРЬБЕ ЗА СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАЧАЛЕ XX В.

Со времени своего поселения на Дону во второй пол XVIII в. крымские армяне, основавшие г. Нахичевань-на-Дону и ряд сел с армянским населением, имели целый ряд привилегий и льгот, дарованных правительством Екатерины II. Сам город Нахичевань представлял собой моноэтнический город, население которого, первоначально вообще не зная русского, говорило исключительно на родном армянском языке. Понятно, что такое положение не могло продолжаться вечно и сохранение чисто армянского анклава в пределах Российской империи представлялось сложной и трудно разрешимой проблемой.

Местная армянская общественность всегда была озабочена тем, чтобы в чужой им среде сохранить своё «армянство»: свой язык, обычаи, уклад, одним словом всё то, что составляло сущностные черты того или иного народа. Не случайно в одной из своих статей в 1879 г. классик армянской литературы Р. Патканян, анализируя столетние итоги пребывания армян на Донской земле, задавался вопросом: «Останется ли и через сто лет наш город, как сегодня, населённый только и только армянами?» [1]. А уже на рубеже XIX–XX вв. известный нахичеванский просветитель Е. Шах-Азиз с тревогой предсказывал, что «... недалеко то время, когда город (Нахичевань-на-Дону. – С.К.) лишится своего армянского элемента» [2].

Важным фактором сохранения национальной идентичности (под которой мы понимаем выражение принадлежности к определённым национальным сообществам), армянской диаспоры Дона было отстаивание самостоятельного существования г.Нахичевани-на-Дону, борцом за сохранение которой в этих непростых условиях выступала городская дума. Именно она твёрдо и последовательно отстаивала интересы армянского населения и была по своему составу в течение длительного времени представлена исключительно местными армянами. Так, на выборах гласных в думу на 1880–1884 гг. оказались избранными 72 чел. и все они были армянами [3]. И такое положение сохра-

нялось вплоть до выборов 1917 г., когда депутатский корпус почти полностью поменялся. Но на протяжении ряда десятилетий такой практически моноэтнический состав городской думы обеспечивал консолидированное единство в отстаивании своих национальных интересов.

Главным условием, важной гарантией сохранения национальной идентичности донских армян, как уже было сказано, являлось независимое и самостоятельное существование г. Нахичевани-на-Дону. Ввиду постоянного расширения соседнего Ростова к концу XIX в., граница последнего вплотную приблизилась к владениям Нахичевани и фактически два некогда отдельных города уже разделяла лишь узкая полоса земли, пролежавшая по территории современной Театральной площади.

Наступление на Нахичевань с целью ликвидации его привилегий и с последующим присоединением к Ростову впервые было предпринято с середины 1860-х гг. городским головой Ростова А.М. Байковым. Однако как предпринимаемые им действия, так и противодействия нахичеванцев уже нашли отражение в научной литературе [4], поэтому в центре нашего внимания окажутся аналогичные события, развернувшиеся уже в начале XX в. Именно в этот период власти Ростова взяли на вооружение новую тактику: путём создания общих с соседями межгородских структур постепенно втянуть Нахичевань в интеграционные процессы, которые неизбежно привели бы к слиянию двух городов.

Нельзя не учесть то обстоятельство, что к этому времени растущий вширь Ростов остро нуждался в новых земельных площадях, которые в избытке имелись у Нахичевани. Позицию ростовской верхушки в этом вопросе чётко выразил донской публицист А.М. Греков: «Сосед Ростова, Нахичевань, недурно устроившийся на территориальной тесноте своего соседа сам, как видно, отлично знает цену земли (которой вдобавок, у него слишком много) ... Ростовцы последнее время не на шутку разлокошились и вот-вот проглотят Нахичевань! И они правы». Правоту ростовчан автор видит в том, что Нахичевань численно росла не за счёт армянского, а русского населения, и к 1912 г. на 6 тыс. армян там приходилось 35 тыс. русских [5]. Всё это приводило к тому, что, как мы уже видели выше, нахичеванская городская дума с подозрением стала относиться к любым исходившим от соседнего Ростова интеграционным инициативам, могущим в перспективе так или иначе накрепко связать Нахичевань с могущественным соседом.

26 января 1900 г. под председательством городского головы П.Е. Хатранова на заседание Нахичеванской городской думы рассматривалось предложения городского головы г. Ростова Хмельницкого о присоединении к инициативе Ростовской-на-Дону городской управы об открытии в Ростове новой судебной палаты и окружного суда и о принятии на средства Нахичевани части ежегодного расхода в сумме 15 тыс. руб. на содержание окружного суда, ис-

числяемого в 45 тыс. руб. в год. Городской голова П.Е. Хатранов дополнил доклад заключением финансовой комиссии, по которому было предложено ввиду стеснённого материального положения городского бюджета данное предложение отклонить. Но с заключением финансовой комиссии не согласился гласный Г.Х. Чалхушьян, который заявил, что «нам не должно быть всё равно, где будет находиться окружной суд, в Новочеркасске, Таганроге или Ростове». Он указал на тесные экономические связи Нахичевани и Ростова и роль нахичеванцев в деле развития Ростова-на-Дону: «Потери Ростова – это наши потери. Если мы не можем дать 15 тыс. руб., дадим 5–6 тыс. руб., но выгоды от этого себя оправдают» [6]. Идя на компромисс, городской голова П.Е. Хатранов предложил отвести бесплатно место, если будет открыта палата, а если только один суд – ассигновать 5 тыс. руб. в год. Однако большинство гласных высказалось против. Комментируя подобное решение, автор заметки пишет, что «начиная с байковских времён, когда Ростовская Дума выступила с проектом присоединения Нахичевани к Ростову-на-Дону... Нахичевань всегда был настроен недружественно к своему старому соседу. Очевидно, нахичеванцы помнят политику своих соседей и вот причина уклонения их от участия в расходах по содержанию окружного суда в Ростове» [7]. Ещё один характерный пример в этом смысле – отказ Нахичеванской думы от принятия на себя части расходов по строительству в Ростове-на-Дону военной гауптвахты. Гласные думы единодушно отметил, что возбуждённый комендантом Новочеркасска вопрос «не отвечает непосредственно потребностям городского населения... что при наличии у города массы неудовлетворённых насущных нужд и при стеснённых материальных средствах участие города в значительной единовременной затрате... поставило бы городскую кассу в крайне затруднительное положение», на основании чего было принято решение в финансировании постройки и содержания гауптвахты в г. Ростове отказать [8]. Хотя здесь, скорее всего, первостепенными были факторы экономические, но и взваливать на себя бремя забот соседнего Ростова нахичеванцы вполне резонно не захотели.

Подобного рода трения между городскими управлениями Ростова и Нахичевани-на-Дону возникли в связи с обращением первого к нахичеванцам по вопросу о разрешении переустройства телефонной сети в Нахичевани. Едва ли подобное обращение было продиктовано альтруистскими мотивами – ростовчане руководствовались своим интересами, к тому же, тем самым, они ставили соседнюю Нахичевань в зависимое положение. В ответ нахичеванская управа выставила ростовскому городскому управлению ряд условий (вводить в Нахичевани те же технические усовершенствования, которые будут вводиться в Ростове, установить в указанных местах шесть бесплатных телефонов, предоставлять нахичеванцам те же льготы, которые будут предоставляться ростовским абонентам), которые ростов-

ская дума нашла «некорректными». После этого на очередном заседании нахичеванской думы выступил гласный Г.Х. Чалхушьян, который заявил, что есть немало городов по населению меньше Нахичевани, но тем не менее которые установили свои телефоны, поэтому нахичеванцам также нужно позаботиться о своём собственном телефоне и предложил передать рассмотрение данного вопроса в особую комиссию. На том же собрании была образована комиссия, в состав которой вошли Г.Х. Чалхушьян, Г.И. Чубаров, А.И. Салтыков, Д.И. Жученков и Н.Е. Сергеев. Дума также постановила отпустить в распоряжение данной комиссии кредит в 500 руб. на приглашение компетентных в этом вопросе лиц [9]. Подобное неприятие нахичеванской городской думы вызвало и требование Присутствия по городским при ростовском градоначальнике делам финансирования найма, отопления и освещения 5-го и 6-го ростовского полицейского участков, размещённых в Нахичевани-на-Дону, по которому нахичеванцы были вынуждено обращаться даже в Сенат [10].

Важным фактором, который вёл к объединению двух соседних городов, был рост русского населения некогда моноэтнической Нахичевани. Главный идеолог присоединения Нахичевани к Ростову донской публицист А.М. Греков писал, что Нахичевань численно растёт не за счёт армянского, а за счёт русского населения. По его мнению, несмотря на количественное соотношение, русские представляют в Нахичевани «париев», не имеющих голоса и никаких прав в решении городских дел. Причина этого заключалась в том, что армяне составлявшие домовладельческий и торгово-промышленный класс, наследственно захватили в свои руки городское самоуправление и всеми мерами не допускают русских в числе избирателей, а оценку имущества или повышают, или понижают, смотря потому, желательно или нежелательно допущение его владельца в число избирателей и гласных городской думы [11].

Понимая, что добиться выгодного для себя решения будет невозможно до тех пор, пока в думе армяне обладают подавляющим большинством, русские избиратели создали своё объединение (т.н. ротонду) и накануне выборов в думу в 1913 г. развернули кампанию против «притеснений русских армянами». Было создан т.н. комитет русских избирателей во главе с В.Н. Костричиным. На одном из заседаний комитета 8 октября 1913 г. В.Н. Костричин заявил, что комитет избирателей командировал в Санкт-Петербург гг. Кунакова и Змиева с ходатайством об оставлении в силе распоряжения Особого по городским делам присутствия о внесении в списки избирателей 213 русских домовладельцев и якобы от Змиева была получена телеграмма, что это ходатайство было уважено. На том же собрании было решено командировать в Киев гг. Кошкина и Сухоцкого для ходатайства перед министрами и членами Государственной думы об «оказании поддержки для улучшения русского дела в Нахичевани», после чего на собрании был одо-

брен список кандидатов в гласные, в который были внесены 72 чел. русских и ни одного армянина и который был единодушно одобрен [12]. В стремление армян к сохранению национальной идентичности некоторые недоброжелатели видели склонность к «армянскому сепаратизму», к созданию мифической «автономной армянской республики», и наоборот, стремление русско-го населения Нахичевани к слиянию с Ростовом называлось «отстаиванием национальных интересов» [13].

Подобные публикации вызвали резкую отповедь гласного нахичеванской думы Г.Х. Чалхушьяна, который со страниц ряда газет обратился с «Открытым письмом нахичеванским русским избирателям»: «Во имя интересов города Нахичевани, его роста, процветания, благосостояния, я обращаюсь от имени группы избирателей к русским избирателям, – к избирателям не из ротонды... я обращаюсь ко всем нахичеванским честным русским людям и прошу их, прежде чем опустить шар в урны, отбросить все личности, подумать об одном – о благе города. Самостоятельное существование нашего города необходимо. Иначе он станет окраиной. Все окраины так всегда жалуются, что об их нуждах не пекутся, неужели же избиратели пожелают обратить весь наш город в окраину Ростова?», – писал он. Конфликт между В.Н. Костричиным и Г.Х. Чалхушьяном достиг такой остроты, что последний привлёк первого к суду за клевету [14].

Накануне выборов, не очень-то веря в свою победу, представителя русского населения Нахичевани обратились к правительству с ходатайством о слиянии городов Нахичевани и Ростова. Реакция нахичеванской управы была бурной: отзыв на содержание упомянутого ходатайства был дан в таких «по отношению к русским выражениям, что он был возвращен и.о. градоначальника контр-адмиралом Дриженко с пометкой: “Возвращая Городской Управе её заключение, не могу не только представить его министру, но и принять его на рассмотрение как неприличное ругательное сочинение”» [15].

Обе попытки присоединения Нахичевани к Ростову: первый раз А.М. Байковым, второй раз – «русскими гражданами» Нахичевани, были отклонены благодаря грамотно поданным докладным запискам, несомненная заслуга в составлении которых принадлежала гласному нахичеванской думы, издателю газеты «Донская пчела», юристу С.Х. Арутюнову [16].

Но и царская власть, не забывая о дарованных ранее армянам привилегиях, так до конца и не решилась на слияние двух городов. Позицию властей в этом вопросе озвучил наказной атаман Войска Донского генерал от кавалерии В.И. Покотило, который прибыл в Ростов 19 апреля 1913 г. и выступил с речью в городской думе. Лейтмотивом этой речи было то что, «... Ростов и Нахичевань являются обособленными единицами, управляемыми отдельным начальником, многоуважаемым И.Н. Зворыкиным...» [17]. Судя по всему, на данном этапе такое положение самодержавие вполне устраивало: любые,

с точки зрения властей, «сепаратистские» решения Нахичевани не пропускались ростовским градоначальником.

Присоединения Нахичевани-на-Дону к Ростову (точнее – поглощение первого последним) не произошло вплоть до самого установления советской власти. На него так и не решилось самодержавие, что означало бы потерю национальной идентичности. Существовая отдельно от Ростова и сохраняя свою армянскую по составу городскую думу, свою систему образования, свои культурные и бытовые традиции, город тем самым сохранял свой национальный облик.

Примечания

1. Патканян Р. История основания Нахичевани-на-Дону // Патканян Р. Собр. соч. Т. 5. Ереван, 1968. С. 253.
2. Шах-Азиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Ростов н/Д, 2005. С. 161.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 251. Л. 175.
4. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. 1779–1917. Ереван, 1996. С. 333–340.
5. Греков А.М. Приазовье и Дон, СПб., 1912. С. 120–121.
6. Приазовский край. 1900. № 27.
7. Приазовский край. 1900. № 28.
8. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской думы. 1907. № 3. С. 26–27.
9. Там же. С. 13–14.
10. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской думы. 1907. № 2. С. 37–38.
11. Греков А.М. Указ. соч. С. 119
12. Утро Юга. 1913. № 225.
13. Греков А.М. Указ. соч. С. 120.
14. Приазовский край. 1913. № 104.
15. Греков А.М. Указ. соч. С. 119–120.
16. Приазовский край. 1911. № 67.
17. Приазовский край. 1913. № 101.

Л.А. Карапетян

ПАРТИЯ ДАШНАКЦУТЮН КАК ФАКТОР ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ КУБАНИ В НАЧАЛЕ XX в.

Современный Краснодарский край в начале XX в. в административно-территориальном отношении состоял из Кубанской области и Черноморской губернии (Новороссийский, Туапсинский и Сочинский округа). В многонациональном регионе значительную долю в составе населения занимали армяне, представлявшие разные этнографические группы. В 1907 г. в Кубанской

области проживало 19 298 армян (0,7 % населения), а в Черноморской губернии – 7862 (7 %) [1].

В регионе в местах компактного проживания армян в начале XX в. функционировало несколько армянских политических партий. Самой крупной и влиятельной была Дашнакцутюн (Армянская революционная федерация), возникшая в 1890 г. в Тифлисе. Сам факт появления такой партии в условиях авторитарного режима, функционировавшей в основном нелегально (лишь временами полуполюгально), свидетельствовал о признаках иной политической культуры. Ведь официальная власть относилась к нелегальным партиям к преступным сообществам.

Политическая культура, будучи составной частью общей культуры, – явление сложное и многогранное, имеющее много особенностей как в историческом, так и национально-культурном и идейно-политическом измерениях. В отечественной и зарубежной политико-правовой науке имелись и существуют различные подходы к трактовке, как самой категории, так и ее структурных элементов. Имеется широкий спектр определений и формулировок.

В самом сжатом виде наша дефиниция сводится к тому, что это комплекс идей, ценностей и образцов поведения как отдельных индивидов, так и политических институтов и организаций в рамках конкретного типа политической системы. Нами ставится задача проанализировать организационные, идейные и тактические аспекты деятельности конкретной партии и выявить ее место в политико-правовой социализации населения диаспоры в контексте осознанных ею национальных и социальных задач. Для их решения партия стремилась к участию в государственной власти либо ее завоеванию. Государство является наиболее эффективным социальным институтом, где партийные идеалы могут выступать как общественные интересы, закрепленные в нормативно-правовых актах, обеспечиваться властной поддержкой, сопровождаться механизмом их реализации. Поэтому государство и выступает важнейшим и ценным объектом политической борьбы.

Партийные организации на Кубани начали создаваться с начала 1904 г., а 1906–1907 гг. были временем расширения организационного и идейного влияния партии. В регионе действовали комитет, два подкомитета и несколько самостоятельных групп. 1909–1912 гг. были временем затухания и распада партийных организаций. Их возрождение начинается в 1913–1914 гг. и к лету 1917 г. достигает уровня 1906 г. Основой организационной структуры партии являлся принцип децентрализации, отсутствие кооптации, свидетельствующие о демократизме в организационном строении. Минимальное число активных членов партии в 1907 г. составляло 350–400 чел., а членоплательщиков (материально поддерживающих) – около 2 тыс. чел., достаточно широкой была социальная база партии, что объяснялось синтезом в идеологии национального и социального вопросов. В целом партии удалось выявить

общие интересы различных групп, сформулировать их, преобразовать в правовые требования и добиваться осуществления.

Программа-минимум социально-экономических требований партии была идентична эсеровской программе социализации земли и улучшения условий труда и отдыха рабочих [2]. Основное место в идеологии партии занимали политико-правовые вопросы и главным образом проблема армянской государственности. Именно место нации в системе межнациональных отношений как внутри России, так и на международной арене явилось главным фактором возникновения Дашнакцутюн. Армянский народ, некогда имевший свою государственность, был расчленен. Подъем национально-освободительного движения вызвал стремление к созданию собственного государства. Для данной цели партия призывала к сплочению все классы и слои армянского народа. Причем она решалась по-разному применительно к Турецкой Армении и России. До кануна первой российской революции Дашнакцутюн выступал как чисто национальная партия, отрицая идею классовой борьбы, считая своей задачей решение вопроса Западной Армении. Выдвигалось требование предоставления Турецкой Армении широкой автономии в пределах конституционной и демократической Турции. Все центральные и областные законодательные и исполнительные органы должны были избираться на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального права без различия национальности, религии, пола [3].

В период углубления в России революционного кризиса партия, стремясь удержать свои позиции, не только признала наличие «вопроса российских армян», поставив его в общий контекст национально-освободительной борьбы народов России, став тем самым общеармянской организацией, но и объявила себя социалистической. Провозгласив «новый политический курс», третий съезд Дашнакцутюн в начале 1904 г. признал необходимым участие в революционной борьбе на Кавказе на почве самозащиты. Совет же партии, состоявшийся в 1905 г. в связи с разрастанием революции, решил выйти за пределы самозащиты.

В новой программе, принятой в феврале 1907 г. четвертым съездом партии, в разделе «минимум» декларировалось, что Дашнакцутюн как партия революционная и социалистическая ставит своей целью защиту классовых и национально-культурных интересов армянских трудящихся. В преамбуле программы проводилась мысль о тесной взаимосвязи национального освобождения и социальной свободы. Будущее Армении Дашнакцутюн связывал с Российской Федеративной республикой, куда бы она входила в составе Закавказской демократической федеративной республики, состоявшей из кантонов с широкой местной автономией. Законодательная, исполнительная, судебная власть формируется путем избрания на основе упомянутой выше выборной системы [4]. Это подтвердил и проведенный в 1913 г. партией опрос своих членов и общественных деятелей. Таким образом, в этот период

право наций на самоопределение партией не доводится до создания единого независимого государства. Это требование станет программной нормой с девятого съезда партии, состоявшегося в 1919 г.

Для достижения поставленных задач партия использовала различные формы и способы деятельности: нелегальные и легальные, мирные и насильственные. Выбор тактических средств в отношении власти определялся характером государственного режима и конкретной обстановкой. Из данных жандармского управления за 1905–1907 гг. наиболее влиятельными являлись организации Армавира и Екатеринодара, тесно связанные между собой [5]. При них были боевые группы (зинворы) [6]. Помощь в организации и обучении этих групп оказывали выпускники армянской военной школы, основанной Дашнакцутюном осенью 1906 г. в Болгарии. Из зинворов, окончивших курс 15 июля 1907 г., 53 чел. были направлены в Россию [7].

В агитационно-пропагандистской работе преобладали распространение листовок, литературы, проведение сходок и собраний. Литературу и листовки на армянском языке по программным и тактическим вопросам получали, главным образом, из Тифлиса, Баку, Батума. Широкое распространение получила брошюра «Проект деятельности на Кавказе». В политических донесениях не раз говорилось о распространении листовок. Восточное бюро партии в Тифлисе в 1907 г. решило не сокращать ежегодный выпуск литературы в объеме 3200 страниц. Кроме того, планировалось издание, помимо ежедневной, еще и еженесячной и одной русской газеты [8].

Население знакомили с армянской проблемой в Турции и России, революционным движением, в частности с событиями в Эриванской губернии. Одной из главных задач революционного движения в губернии было требование автономной государственности. Эта работа не проходила бесследно. Так, в с. Афанасьевском в Безымянной волости в течение года (с августа 1905 г.) действовало национальное самоуправление. Сотником (правитель деревни) и председателем суда был назначен Кеворк Тахмазян. Сборщиками налогов стали Акоп Папасян, Мандрос Кекит, Д. Антонян, а казначеем – Петрос Демерджи. Армяне ни разу не обратились в волостной суд. Работа местного суда строилась на основе инструкций партии. Из источников известно о предполагаемых мерах наказания за кражу. Первую кражу суд прощал. За вторую и третью следовало возрастающее наказание. В случае же четвертой кражи дело передавалось в революционный комитет [9]. В Сочи и в округе, где проживало много армян, выходцев из Турции, первостепенное значение всегда придавалось проблеме поддержки своих соотечественников. Основное внимание им обращалось на оказание помощи турецким армянам деньгами, вооружением в их борьбе за автономию.

Активную работу вели члены партии в Армави́рском и Екатеринодарском отделениях (созданы в апреле и мае 1908 г.) «Армянского благотворитель-

ного общества на Кавказе». Более того, в Армавире в правление общества были избраны руководители партии С.И. Сеферов, А.П. Унанов, Д. Балугян, а в Екатеринодаре – Н. Сагунян. Большое внимание Дашнакцутюн уделял работе среди учащихся армянских училищ [10].

Определенное место в тактике дашнаков занимали экспроприации и террор. Архивы содержат ряд свидетельств о вымогательстве значительных сумм. Ряды экспроприаторов пополнялись провокаторами и шантажистами. Это дискредитировало партию. Поэтому в 1907 г. на собраниях обсуждался вопрос об экспроприациях. Решили продолжать, но под строжайшим контролем партийных организаций. В противном случае за вымогательство предполагалось исключение из партии, предание партийному террору. Такие факты имели место в Армавире в 1907 г. [11].

Касаясь культуры межпартийных взаимоотношений Дашнакцутюн, следует сказать, что в отношениях с другими революционными партиями она придерживалась формулы «врозь идти, вместе бить». Известны факты совместных действий с эсерами, социал-демократами, в том числе и в периоды избирательных кампаний в Государственную думу. Например, тактика «левого блока» оправдывала себя в Армавире, где выборщиками избирались в первую и вторую Думы социалисты, в том числе дашнак С. Сеферов [12]. Но в Сочинском округе партия в целом держалась особняком. Связано это, конечно, с приоритетом национальной проблемы. Так, в Сочи 27 ноября 1905 г. члены партии, приглашенные на совместное собрание социал-демократов и эсеров, обсуждавших программу единых действий против властей, заявили, что они ничего против них не имеют, и ушли [13]. В армянских селах Лоо и Вардане, в отличие от многих других деревень Сочинского округа, в ноябре – декабре 1905 г. не были созданы органы революционного самоуправления. Именно в Сочинском округе, где проживала масса переселенцев из Турции, были сильны позиции стародашнаков. Они предлагали прекратить борьбу против царского правительства и сосредоточиться на борьбе в Турецкой Армении за полную национальную самостоятельность, что являлось более радикальным требованием по сравнению с общепартийной программой. В решении вопросов общенационального значения более тесными были контакты между дашнаками и армянской социал-демократической партией «Гнчак». Они проводили совместный сбор пожертвований, покупали оружие, формировали отряды добровольцев.

С весны 1908 г., в связи с начавшимися арестами, деятельность Дашнакцутюн ослабевает, что констатировал 15 декабря 1908 г. начальник областного жандармского управления [14]. Аресты прошли по всему Кавказу. Самодержавие готовило процесс над партией, который состоялся в конце 1911 – начале 1912 г. в Петербурге.

Оживление деятельности дашнаков начинается в годы Первой мировой войны и усиливается после Февральской революции 1917 г. В годы войны

проблема национально-освободительной борьбы, право армянского народа на самоопределение и создание своей государственности вновь стали приоритетными, подчеркивался ее общенациональный характер. Задачи партии в начавшейся войне обсудила конференция кавказских дашнаков в Тифлисе 15–19 февраля 1915 г. В ее работе приняло участие 94 делегата, представлявшие все организации. Кубанских членов партии представлял учитель А.Т. Кеосапянц. Было принято решение о временном сотрудничестве с правительством. Выполняя решения конференции, кубанские дашнаки сформировали в 1915 г. четыре добровольческих отряда численностью не менее 250 чел., истратив на них 54 тыс. руб. [15]. После Февральской революции центр тяжести деятельности партии переместился в Россию, на Кавказ.

Таким образом, деятельность партии была показателем определенной политической культуры. Внутрипартийные отношения в целом строились на демократических принципах и характеризовались децентрализацией, выборностью, гласностью. Основой межпартийных взаимоотношений являлись политические соглашения для борьбы с общим противником. В отношениях с властью можно выделить следующие периоды: 1) до революции 1905 г. – этап самозащиты, 2) 1905–1912 гг. – время антиправительственной деятельности, внедрение «контркультуры» в сравнении с существующей политической системой, 3) годы Первой мировой войны – временное сотрудничество с царским правительством с целью решения вопроса Турецкой Армении, 4) период после Февральской революции 1917 г. – поддержка Временного правительства. Идеология партии воспитывала ряд важных и актуальных политико-правовых идей: право наций на свободное самоопределение, автономия и федерация как формы государственного устройства, республиканская форма правления, выборности всех ветвей власти на основе демократического избирательного права, демократические свободы, соотношение национального и социального в ходе национально-освободительного движения. При оценке средств достижения цели следует исходить из характера конкретного политического режима. Социальный состав и численность членов партии, составлявших около 12 % (с учетом вспомогательных членов) армянского населения, свидетельствуют о степени влияния партии, а значит и воспитании соответствующей политико-правовой культуры.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 2950. Л. 403–404; Новороссийский филиал ГАКК. Ф.74. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; Д. 13. Л. 3.

2. Программы политических партий России. Конец 19 – начало 20 вв. М., 1995. С. 134–135.

3. Там же. С. 132–133.

4. Там же. С. 133.

5. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 660. Л. 515–516.

6. Там же. Ф.Р. – 411. Оп. 2. Д. 169а. Л. 367–368.
7. Там же. Ф.583. Оп.1. Д. 660. Л.73–74.
8. Там же. Д. 616. Л. 14; Д. 660. Л. 40, 516; Д. 594. Л. 13; Д. 732. Л. 152.
9. Там же. Д. 534. Л. 9, 10, 13.
10. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 2950. Л. 234, 271, 273, 306, 331; Д. 5188. Л. 2, 21; Ф.Р. – 411. Оп. 2. Д. 169а. Л. 362, 372.
11. Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1335. Л. 29; Ф.Р. – 411. Оп. 2. Д. 169а. Л. 368.
12. Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Краснодар, 2001. С. 322, 331.
13. Центральный государственный архив Грузии. Ф. 1215. Оп.2. Д. 212. Л. 265, 266.
14. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 735. Л. 130; Д. 759. Л. 692; Ф. 454. Оп. 1. Д. 5188. Л. 27.
15. Карапетян Л.А. Указ. соч. С. 256, 257.

Е.Ф. Кринко

История армян юга России: мемориальная версия¹

Память о прошлом может играть как консолидирующую, так и дезинтегрирующую функции в развитии общества. С одной стороны, представления о совместно пережитых страданиях, славных достижениях и горьких потерях, проявлениях небывалой доблести и героизма способствуют осознанию общности исторической судьбы, выступая основой для формирования национальной/этнической идентичности. С другой стороны, муссирование прежних исторических обид, подчеркивание несправедливости решений в отношении отдельных народов нередко служат идеологическим обоснованием политических и экономических претензий организаций и лидеров, выступающих в качестве их представителей. В последние годы практически на всем постсоветском пространстве идет затяжная полоса «боев за историю», сопровождающаяся установлением и сносом памятников как важнейших мемориальных объектов, призванных закрепить в массовом сознании ту или иную версию прошлого. Один из главных «фронтов» этой идеологической борьбы пролегает через юг России, считающийся одним из самых конфликтных, полиэтничных и поликонфессиональных макрорегионов страны, история которого наполнена трагическими событиями. В данной связи несомненный интерес представляют практики мемориализации истории армян юга России как одной из самых крупных этнических общностей, внесших немалый вклад в развитие данного макрорегиона.

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

Прежде всего, необходимо отметить, что сам мир армян юга России чрезвычайно разнообразен. Существенные отличия между отдельными субэтническими группами отражают разнообразные способы формирования армянской диаспоры. Каждая группа переселенцев прибывала со своим историческим опытом, и мемориальное пространство юга России играло роль своеобразного плавильного тигля, формируя у них общие представления о прошлом, составной частью которых становилась память о собственной истории.

Первые армяне на Северном Кавказе появились уже в IX–X вв., но мемориальных объектов, сохраняющих память об их пребывании на территории данного региона в эпоху Средних веков, сохранилось немного (в основном, это фрагменты хачкаров). Активное формирование здесь армянской диаспоры началось с конца XVIII в., что было связано с расширением на юг границ Российской империи. Значительную часть населения Кизляра, Моздока, Святого Креста, Владикавказа, Майкопа и других городов-крепостей, призванных закрепить Северный Кавказ за Россией, составили армяне из Османской империи и Персии. Второй поток переселенцев-армян пришел из Крыма на Дон в 1778–1779 гг.

Топонимия региона отразила стремление мигрантов, селившихся целыми общинами, как и жили прежде, сохранить память о своей истории: названия новым населенным пунктам давали в честь мест происхождения и прежнего проживания. На Дону появились город Нор-Нахичеван (Новая Нахичевань), в 1838 г., переименованный в Нахичевань-на-Дону, чтобы отличаться от Нахичевани на Араксе, села Крым, Большие и Малые Салы. Армянский аул – поселение черкесо-гаев на Урупе – в 1848 г. был переименован в Армавирский аул (с 1914 г. – город Армавир) в честь древней столицы Армении.

Главными местами памяти переселенцев выступали храмы, в которых хранились бережно привезенные с родины церковные книги, утварь, хачкары. Не все армяне являлись приверженцами Армянской апостольской церкви, но в условиях широкой рассеянности диаспоры именно она играла в ее жизни ведущую духовную и объединяющую роль. Только в Нахичевани были построены 7 армянских церквей, а в 1783 г. в 7 км от города основан мужской монастырь Сурб Хач (Святой Крест), стены которого украшали 13 вывезенных из Крыма хачкаров XV–XVIII вв. В ограде монастыря были похоронены общественный деятель М. Налбандян, поэт Р. Патканян, педагог А. Аламдарян, епископ К. Срапьянц, другие религиозные и общественные деятели, что придало ему значение своеобразного пантеона донских армян. В 1802 г. появилась первая армянская часовня в Екатеринодаре, в 1834 г. преобразованная в церковь Пресвятой Богородицы, а в 1869 г. встал вопрос о создании второй церкви [1]. В 1868 г. церковь Григория Просветителя появилась во Владикавказе, в 1901 г. – в Майкопе. В 1872 г. открылась церковь Всеспасителя в Дербенте. К началу XX в. церкви имелись во всех армянских

селах юга России. Культурный характер традиционно приобретали родники, самым известным из которых является Мец-Чорвах (Большой родник), считающийся местом основания с. Чалтырь в 1779 г.

Российское правительство положительно относилось к переселению армян вследствие их близости в религиозном отношении большинству населения страны и предприимчивости в экономической сфере. Переселенцы наделялись различными привилегиями, так как ожидалось, что они сыграют положительную роль в освоении и колонизации новых земель. В свою очередь, армяне, не раз испытывавшие национально-религиозные притеснения и подвергавшиеся гонениям, демонстрировали лояльность Российскому государству. Хотя в ходе миграций погибло до трети (из 12,6 тыс. чел.) переселенцев из Крыма, а первые годы жизни на новом месте были полны трудностей, подчеркивалась верность армян новой родине. В 1880 г. был заложен Александровский сад в честь дружбы между Нахичеванью и Ростовом-на-Дону, в 1884 г. в нем была возведена стела в память о реформах царя-освободителя Александра II, представлявшая собой уменьшенную копию Александрийского столпа в Петербурге и подчеркивавшая единство армянской и русской истории. Главным монументом, закрепившим официальную оценку переселения армян на Дон, стал памятник Екатерине II в Нахичевани, установленный в 1894 г. на площади, также получившей имя императрицы. На его пьедестале содержались надпись: «Императрице Екатерине благодарные армяне», даты сооружения монумента, барельеф епископа Аргутинского и герб Нахичевани, а внутри находился большой хачкар, привезенный из Армении.

Революция 1917 г. привела к кардинальным переменам в мемориальной политике. Памятник Екатерине II был снесен, а на его месте установлен памятник Карлу Марксу, в честь которого была переименована и сама площадь. Были закрыты и разрушены многие армянские храмы. Уже в 1920-х гг. на Кубани закрылись церкви в Армавире, Анапе, Майкопе, Новороссийске, с. Тенгинка и других местах. Во время немецкой оккупации региона часть закрытых церквей возобновила службу, но в конце 1950-х гг. началась новая антирелигиозная кампания, приведшая к их окончательному уничтожению. Только в Нахичевани (вошедшей в 1928 г. в состав Ростова-на-Дону) были разрушены кафедральный собор Григория Просветителя, церкви святых Никогоса, Успения, Георгия, Теодороса, Вознесения, Иоанна Предтечи. Закрытый еще в 1920 г. Сурб Хач постепенно пришел в негодность, и в середине 1960-х гг. возникло предложение снести монастырь и возвести на его месте школу. Спасло церковь только создание в ней Музея русско-армянской дружбы как филиала Ростовского областного музея краеведения [2]. В закрепление данной идеологии в 1983 г. на окраине Ростова-на-Дону был разбит парк Армяно-советской дружбы (в настоящее время – парк «Дружба»).

Новый мемориальный ряд составили выдающиеся революционеры, лидеры большевиков и герои Гражданской войны. Так, в честь уроженца Нахичевани-на-Дону, крупного партийного и государственного деятеля А.Ф. Мясникова (Мясникяна) были названы созданный на Дону Армянский национальный район, поселок и улица, а на доме, где он жил, установлена мемориальная доска. С. Елисаветпольское – центр Армянского национального района Северо-Кавказского края – получило свое новое название (с. Шаумян) в честь руководителя большевиков на Кавказе С.Г. Шаумяна.

Важнейшее значение в советской политике памяти приобрела Великая Отечественная война. Победа в войне рассматривалась как оправдание самого существования советского строя, а памятники и монументы закрепляли представления о том, что каждый советский народ внес свой вклад в ее достижение [3]. Нашло отражение в соответствующих мемориальных формах и участие армян юга России в Великой Отечественной войне. Так, в армянском с. Шаумян, ставшем последним рубежом на пути вермахта к Туапсе и Черному морю, был воздвигнут мемориальный комплекс с красноречивым названием «Пядь земли». На мемориале в самом селе выбиты имена 1026 его жителей, не вернувшихся с войны. В с. Крым в 1970 г. воздвигнут Пантеон Славы, на котором приведены имена и портреты 365 не вернувшихся с войны жителей, а также советских военнослужащих, погибших при его освобождении. В с. Чалтыре в 1987 г. воздвигнут Мемориал Славы в честь 700 погибших в годы Великой Отечественной войны земляков, а также воинов, павших при освобождении села. Наряду с общими для советской мемориальной культуры элементами (Вечным огнем, венками Славы, скульптурами скорбящей женщины-матери, склонивших головы солдат, приспущенными знаменами, звездами) в облицовке данных мемориалов применялись плиты туфа, специально привезенного из Армении, использовались надписи на армянском языке, другие национальные символы. В честь армян юга России – участников Великой Отечественной войны, удостоенных звания Героев Советского Союза, были установлены мемориальные доски, барельефы, бюсты, названы улицы в местах, прежде всего связанных с их происхождением или проживанием.

Помимо увековечивания памяти о героях Великой Отечественной войны в послевоенный период массовый характер приобрело установление мемориальных досок в честь жителей, достигших высоких успехов в культуре, спорте, здравоохранении и других сферах. Например, в Ростове-на-Дону появились улица с мемориальной доской и специальный бронзовый памятник (1982) художнику М. Сарьяну, мемориальная доска на доме, где жила писательница М. Шагинян (1986) и др. Массовая застройка советского времени сопровождалась значительным преобразованием архитектурного облика армянских поселений, существенно пострадали они и в военные годы. Однако в исторических центрах Нахичевани, Армавире и других армянских населенных пун-

ктах удалось сохранить кварталам и домам, отражающим особенности их стиля XIX–XX вв.

В 1990-е гг. в политике памяти произошли новые значительные изменения, сопровождавшиеся восстановлением имен многих государственных, общественных и церковных деятелей, незаслуженно забытых в годы советской власти. Активно возрождается религиозная жизнь, восстанавливаются прежние и возводятся новые храмы. В 1999 г. в Ростове-на-Дону был открыт памятник Иосифу Аргутинскому, возглавлявшему астраханскую епархию Армянской Апостольской церкви и являвшегося настоящим покровителем Нахичевани. В честь адмирала Л.М. Серебрякова названа набережная в Новороссийске, его бронзовая фигура заняла место на памятнике основателям города. В 1994 г. были возвращены снесенные в советское время памятные доски и двуглавый орел Александровскому столпу. Долгая борьба за здание Сурб Хач завершилась его передачей в пользование Армянской Апостольской церкви, а Музей русско-армянской дружбы получил другое помещение.

В то же время практически не произошло серьезных перемен в отражении событий Великой Отечественной войны в мемориальной культуре южного макрорегиона. Память о войне остается одной из важнейших идеологических основ для формирования национальной идентичности российского общества. Немало памятников и монументов посвящено участию в Великой Отечественной войне армян юга России, сражавшихся на фронтах и удостоенных высоких государственных наград, а также советским военнослужащим, погибшим при освобождении армянских населенных пунктов. Так, в 2003 г. в станице Сергиевской Кореновского района Краснодарского края установлен памятник в честь 140 военнослужащих 409-й армянской стрелковой дивизии, погибших при ее освобождении в 1943 г., в оформлении которого использовался октябрьский туф и кировоканский базальт. В 2008 г. в станице возведен хачкар Победы, освященный армянским духовенством.

Однако в данных вопросах сохраняется немало лакун. Так, практически не увековечена память об армянских партизанах и подпольщиках, ведших борьбу с противником на оккупированной территории региона. Не получил отражения в мемориальных формах и подвиг выдающегося советского разведчика, уроженца Ростова-на-Дону, Героя Советского Союза Г.А. Вартапяна, предотвратившего покушение на лидеров «большой тройки» на Тегеранской конференции 1943 г. По-прежнему замалчивается трагедия армян, которые сотрудничали с противником. Это свидетельствует об определенных отличиях в практиках мемориализации с Республикой Арменией, где их деятельность в последние годы переоценивается. Например, генерал Д.М. Канаян, приезжавший на Дон и Северный Кавказ в 1942 г. для набора добровольцев в Армянский легион, торжественно перезахоронен в Апаране возле мемориала воинам-героям, его имя носит Институт национальных стратегических исследований

Министерства обороны Армении. Перезахоронен в Армении и Г. Нжде, также участвовавший в формировании армянских частей Третьего рейха.

В целом, формирование мемориальной версии истории армян юга России всегда находилось под воздействием государственной политики памяти. При этом этнический компонент сохранял определенную специфику в самих способах и формах мемориализации по сравнению с ее общероссийскими и региональными практиками, не имея с ними серьезных противоречий. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Одним из немногих мемориальных конфликтов, получившим публичный характер, стало установление памятника А.Т. Озаянчу в мае 2011 г. в поселке Волконка Лазаревского района г. Сочи. А.Т. Озаянч получил широкую известность как активный участник вооруженной борьбы против турецкого правительства в Западной Армении, руководитель добровольческих армянских отрядов, сражавшихся на стороне Болгарии и России во время Первой Балканской и Первой мировой войн. За это он был удостоен ряда высших государственных наград Болгарии, России, Франции, Греции и других стран, а в декабре 1917 г. ему было присвоено звание генерал-майора русской армии и поручено командование западноармянской дивизией на Кавказском фронте. В 1917–1919 гг. он участвовал в кровопролитных боях с турецкими и азербайджанскими войсками, сопровождавшимися массовым насилием по отношению к мирным жителям с обеих сторон, а затем эмигрировал. В Республике Армении Озаянч стал настоящим символом национально-освободительной борьбы, в то время как турецкие и азербайджанские авторы изображают его как жестокого убийцу и насильника. В отрядах А.Т. Озаянча сражалось немало выходцев с юга России, его имя носит армянская община г. Шахты Ростовской области. Однако установление памятника в Сочи вызвало негативную реакцию местных властей, и через несколько дней он был снесен.

Таким образом, отраженная в памятниках и мемориалах история армян юга России, вписанная в «большую» историю России и Армении, сохраняет свою специфику. В условиях новых внешних и внутренних вызовов последних лет, появления новых волн переселенцев, в значительно меньшей степени связанных с Россией, а также общего обостренного восприятия прошлого оказывается труднее сохранять сложный баланс взаимоотношений общего и частного. В этой ситуации повышается роль национально-культурных организаций армян юга России, призванных представлять их интересы и согласовывать их реализацию с государственными органами, органами местного самоуправления и другими общественными силами.

Примечания

1. Армяне Краснодарского края. Сб. информационно-методических материалов. Краснодар, 2008. С. 8.

2. См.: Вартанян В.Г., Казаров С.С. История Армянской Апостольской Церкви на Дону. Ростов н/Д, 2001; Энциклопедия фонда «Хайазг». URL: <http://ru.hayazg.info> (дата обращения: 1.03.2012).

3. См. подробнее: Кринко Е.Ф. Великая Отечественная война: формирование пространства исторической памяти // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 21–27.

С.Н. Ктиторov

ДУХОВНЫЕ ЦЕНТРЫ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ АРМАВИРА (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Одним из главных духовных и культурно-образовательных центров армян на юге России на рубеже XIX и XX вв. стал Армавир, возникший в 1839 г. в качестве аула черкесо-гаев (черкесских армян). В 1876 г. Армавир получил статус села, а в 1914 г. был преобразован в город [1]. К началу XX в. здесь сформировалась крупнейшая армянская община Северного Кавказа. В 1910 г. в Армавире (при общем населении в 44 448 чел.) проживало 7813 армян, среди которых численно доминировали черкесо-гаи [2].

Важной задачей обустройства черкесо-гаев на берегах Кубани стало строительство церкви, которое началось весной 1840 г. на центральной площади аула. Основатель Армавира Г.Х. Засс распорядился, чтобы деревянный храм возводился на каменном фундаменте, был покрыт железной крышей и увенчан позолоченным крестом [3]. По его ходатайству император повелел выделить для этих целей из казны 2000 руб. серебром [4]. К сожалению, в одну из ночей 1842 г. недостроенный храм сгорел [5].

Уже 15 августа 1842 г. Николай I повелел воздвигнуть в Армянском ауле вместо сгоревшей, новую каменную церковь, на что из казны было выделено 10 тыс. руб. серебром [6]. Проект церкви, составленный архитектором Фарафонтьевым, был утвержден Военным министром 16 ноября 1844 г. [7]. В облике храма преобладали черты русской культовой архитектуры. Над квадратным в плане молитвенным залом располагался барабан, увенчанный куполом-луковкой; колокольня завершалась шатровым верхом с небольшой главкой. Кирпич для строительства доставлялся на подводах из Ставрополя. Новую церковь начали возводить на месте сгоревшей старой.

Работы затянулись. Судя по чертежу от 20 октября 1855 г., поднятое до карнизов здание стало разрушаться. Часть потолка у проема апсиды обрушилась, под тяжестью сводов начали расходиться углы храма, в стенах появились

трещины [8]. В 1857 г. был утвержден новый проект. В интерьере главного зала появились четыре колонны, воспринимавшие тяжесть барабана и купола, иные пропорции обрела звонница колокольни. 25 августа 1861 г. армянский храм был освящен Астраханским архиепископом Матевосом, под именем Верапохумн Сурб Астваццни (Успения Святой Богородицы) [9]. Вокруг церкви армавиры соорудили толстую каменную стену с узкими бойницами и мощными полукруглыми оборонительными бастионами. Успенский храм уцелел до наших дней и действует по ул. Кирова, 7.

В конце 1860-х гг. в ауле была сооружена часовня, приписанная к армянской Успенской церкви. Возможно, она располагалась на месте современного сквера у армавирыской гимназии № 1. В городском музее сохранилась массивная металлическая плита с надписью: «Часовня сия устроена усердием жителей селения Армавир Урупского округа Кубанской области в память избавления от опасности, грозившей Государю Императору, от злодейского покушения на его жизнь, в городе Париже 25 мая 1867 года. Заложена 6 июня 1868 года в Армавири Его Высокопреосвященством Кеворком Вегапедианцем архиепископом Астраханским и Кавказским». Повод строительства часовни символичен. Отмечая спасение Александра II от неудачного покушения, армавиры подчеркивали свою преданность России и ее монарху. К сожалению, больше об этой часовне ничего не известно.

Через 25 лет после освящения Успенская армянская церковь обветшала. Капитальный ремонт мог затянуться, и для проведения богослужений коренные жители решают построить новую армянскую церковь. 7 февраля 1885 г. на сельском сходе принимается приговор об ассигновании из общественных сумм 5 тыс. руб. на устройство храма во имя Святого Георгия [10]. Одновременно открывается сбор пожертвований. Святой Георгий Победоносец повсеместно почитался среди христиан Северного Кавказа, черкесо-гаи же считали его своим небесным покровителем.

Вместо предполагавшегося сначала молитвенного дома армавиры возвели небольшую кирпичную церковь. В 1887 г. Астраханский архиепископ Геворг Суренянц (будущий католикос Геворг V) освятил ее под именем Сурб Геворк [11]. Черкесо-гаи, используя адыгские и армянские слова, называли храм «Пысырк Чорэчэ и жам цЫкІу», что означало «Святого Георгия маленькая церковь» [12]. Культовое здание располагалось на краю площади, которая впоследствии получила название Георгиевской (ныне тут сквер между улицами Люксембург, Урицкого, Комсомольской и Халтурина).

Здание старой Георгиевской церкви сохранилось по ул. Люксембург, 170. Ныне это жилой дом, но его облик свидетельствует об исконном культовом назначении. Храм вместе с притворами в плане имеет форму креста и ориентирован на восток. Он покоится на фундаменте из ракушечника. Кирпичные стены оштукатурены. В восточной части расположена трехгранная апсида.

Сегодня здание имеет два притвора – южный и северный. Существовавший ранее западный притвор разобран. Изначально над центральной частью храма на барабане возвышался купол с крестом. С юго-западной стороны к зданию примыкала невысокая двухъярусная колокольня.

Несмотря на скромные размеры, Георгиевская церковь очень почиталась в Армавире. В ее дворе часто устраивался массовый обряд – кормэн, во время которого приносили жертву и просили Святого Георгия о заступничестве. Иллюстрацией этому служит сообщение местной газеты «Отклики Кавказа» от 30 сентября 1912 г.: «Вчера, 29 сентября армянская церковь имени Георгия Победоносца праздновала свой престольный праздник. При громадном стечении публики был совершен традиционный “Кормэн” – жертвоприношение. Тут же, около храма в саду было убито несколько баранов, телят и быков. В 13 больших котлах варилось жертвоприношение, которое потом было подано к длинным столам, с сидящими за ними армавирскими стариками». По сведениям местного старожилы Р.К. Аракелова, скот резали возле Георгиевской церкви, под большим деревом, и поэтому коренные жители называли этот участок «Утыжь кьурмэншьыпІэ», что в переводе с адыгейского означает «Место, где делают пасхальную жертву» [13].

В 1902–1904 гг. в Армавире на новом армянском кладбище (ныне территория между улицами Володарского, Шаумяна и железной дорогой) возводится еще одна кирпичная церковь Сурб Петрос Погос (Святых Петра и Павла). Сумму в 8000 руб. на сооружение кладбищенского храма завещал Погос Асланян. Волю покойного исполнила его жена – Зардар Асланян, причем средств не хватило, и их пополнили пожертвования [14]. Сведений об этом культовом памятнике сохранилось немного. По рассказам старожилов, церковь Петра и Павла имела небольшие размеры и была выдержана в строгом стиле средневековой армянской архитектуры.

В 1931 г. на территории кладбища начал работать лесопильный завод. Армянский храм Святых Петра и Павла в это время, видимо, уже не действовал. В связи с расширением производства дирекция решает разобрать кладбищенскую церковь. Снос храма начался 4 июля 1936 г. Во время разборки неожиданно обрушились леса, и с 8-метровой высоты упали и получили увечья трое рабочих [15]. В итоге для разрушения прочных кирпичных стен церкви была использована взрывчатка. Вскоре на этом месте выросли цеха мебельной фабрики (ныне ул. Шаумяна, 6).

Остатки армянского кладбища уничтожали еще долго. После Великой Отечественной войны для восстановления цехов рабочие использовали камень от могильных памятников. Ветеран мебельной фабрики П.И. Кузеванова о 1950-х гг. вспоминала: «Пол в раскройном цехе был из досок... В дождь вода стекала в склепы, которые находились под полом, а сам пол хлопал по воде. Был случай, когда один из станков завалился в склеп» [16].

В 1907 г. сельский сход постановил возвести в Армавире новую большую армянскую Георгиевскую церковь. Место для нее было отведено возле старого Георгиевского храма, в котором планировалось открыть армянскую школу. Закладка церкви состоялась 23 апреля 1908 г. [17]. К 1911 г. с наружной стороны внушительный кирпичный корпус нового храма, выдержанный в стиле средневековой армянской архитектуры, был готов.

18 и 19 июня 1912 г. Армавир посетил католикос Геворг V. На второй день визита патриарх направился в старую армянскую Георгиевскую церковь, которую он освящал в 1887 г. В газетном репортаже говорилось, что «после молитвы в старой церкви, Его Святейшество осматривал тут же в ограде новую строящуюся церковь» [18].

Весной 1915 г., когда Армавир уже стал городом, отделка и украшение церкви были окончены. Для освящения Георгиевского храма прибыл епископ Астраханской епархии Мхитар. 22 апреля 1915 г. в было совершено «торжественное перенесение святого мира из старой церкви в новую» [19]. Освящение состоялось 23 апреля. В местной газете отмечалось: «нельзя не упомянуть о новоотстроенном Георгиевском храме, как он вышел велик и красив. Поразительно хороша стильная отделка храма внутри и снаружи. Снаружи храм оштукатурен... Внутри храм разделан весь однообразно под мрамор. Расписка совершена окончившим Петроградскую академию художеств армянином художником Аршаком Фетфедяном. Особенно хорош иконостас – колоссальных размеров из чистого мрамора, работы известного итальянского мастера г-на Като» [20]. Новая Георгиевская церковь стала одним из самых фундаментальных и красивейших армянских храмов Северного Кавказа.

После освящения новой церкви в здании старого Георгиевского храма открылась армянская школа, где обучались дети беженцев из Турции, прибывавших в Армавир в годы Первой мировой войны [21].

Здание старой церкви уцелело до наших дней, а большой Георгиевский храм стал жертвой советской антирелигиозной политики. Он был отобран у прихожан и разобран. Постановление Президиума горсовета от 16 июня 1939 г. звучит как приговор: «Ввиду невозможности использовать здание бывш. Георгиевской Армянской церкви на культурно-просветительские цели, санкционировать действия Горфо и ГКО по частичной разработке этого здания и реализации строительного материала от ее разборки (кроме кирпича) ... Договор от 14 мая с.г. заключенный между Горфо и Горремстройконторой о продаже последней здания бывш. Георгиевской армянской церкви для использования оставшегося стройматериала (кирпича), предусматривающий снос кирпичной кладки этой церкви за 12000 рублей утвердить» [22].

После разрушения храма была демонтирована и окружавшая его железная ограда на кирпичном цоколе с изящными входными арками и металлически-

ми воротами. Секции этого забора использовали вторично в разных местах города. И сегодня кованые решетки из ограды Георгиевского храма можно увидеть у здания онкологического диспансера и у корпуса инфекционной лечебницы. Это последние поистине жалкие материальные свидетельства о прекрасном культовом памятнике, некогда украшавшем Армавир.

Религиозной жизни армян Армавира был присущ яркий колорит. В церковной обрядности черкесо-гаев христианство тесно переплеталось с патриархальными и языческими традициями адыгов и даже с элементами ислама. Коренные армавирицы долго не могли расстаться с теми обычаями, которые были восприняты ими от горцев в период совместного проживания в Закубанье. Историк Ф.А. Щербина писал, что однажды один из аульчан, 60-летний Шерен-оглы, пришел к священнику с просьбой исповедовать его и дать благословение перед опасной дорогой в горы, где старик собирался совершить обряд канлы (кровной мести), покарвав убийцу своего сына. Несмотря на все увещевания просителя, священник отказался благословить его на кровомщение [23]. Распространенный в Армавире обычай «вызывания дождя» заключался в том, что во время засухи несколько пожилых черкесских армянок, накинув на себя железные надочажные цепи, трижды обходили церковь, поливая землю водой и обливая собравшихся зрителей [24]. Службы в храмах проводились на армянском языке, совершенно непонятном для подавляющего большинства коренных армавирицев, говоривших по-черкесски. По этой причине священники переводили тексты молитв и проповедей на черкесский, чтобы слова их были услышаны прихожанами [25].

Влияние ислама на религиозную жизнь армавирических армян проявлялось в том, что многие мужчины черкесо-гаи перед молитвой совершали омовение. Старики обычно приносили с собой в церковь намазлык (коврик для намаза), который подкладывали под ноги во время богослужения [26]. Постепенно под влиянием армянского духовенства эти своеобразные старинные традиции исчезали.

История армянских храмов Армавира свидетельствует об интенсивности духовной жизни местной общины, для представителей которой именно приверженность вере предков всегда являлась главной основой сохранения своей этнической идентичности.

Примечания

1. Кгиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). Армавир, 2002. С. 48–50, 100, 127.
2. Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 910–911.
3. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. С. 37.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л. 50б.
5. Шаган-Симон. Памятник армавирическому четырехголосному хору. Тифлис, 1914. С. 67.

6. Погосян Л.А. Указ. соч. С. 37; Иванов Е.М. Армавир – мой город родной. Записки краеведа. Армавир, 1996. С. 18.
7. Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 349. Оп. 3 Д.1 662. Л. 1.
8. Там же. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1663. Л. 1; Халпахчян О.Х. Застройка Армавира XIX в. // Проблемы истории архитектуры народов СССР. Сборник научных трудов. № 3. М., 1976. С. 11.
9. Архивный отдел администрации Армавира (далее – АОАА). Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 160. Док. № 8.
10. АОАА. Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 160. Док. 6.
11. Шаган-Симон. Указ. соч. С.91-92.
12. Аракелов Р.К. Очерки топонимии Армавира и его окрестностей. Армавир, 2004. С. 23.
13. Там же. С. 26.
14. План селения Армавир Куб. обл. Издание – август 1912 г. // Армавирский краеведческий музей. ОФ № 2822; Шаган-Симон. Указ. соч. С. 103–104; Погосян Л.А. Указ. соч. С. 38.
15. Армавирская коммуна. Армавир, 1936. № 153.
16. Зирин И.А. Мебель Армавира. К 60-летию ордена Почета производственного мебельно-деревообрабатывающего объединения «Армавир». 1931–1991 гг. Армавир, 1991. С. 39.
17. Новая заря. Екатеринодар, 1908. № 392; Пятигорское эхо. Пятигорск, 1908. № 257.
18. Кубанский край. Екатеринодар, 1912. № 139.
19. Отклики Кавказа. Армавир, 1915. № 89.
20. Там же. № 91.
21. Там же. 1916. № 229; 1917. № 117.
22. АОАА. Ф.Р-145. Оп. 1. Д. 256. Л. 24.
23. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916. С. 130.
24. Шаган-Симон. Указ. соч. С. 78; Аракелян Г.С. Черкесогаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984. С. 116.
25. Шаган-Симон. Указ. соч. С. 106; Аракелян Г.С. Указ. соч. С. 122.
26. Из архивных материалов коренного армавирского старожила и краеведа Р.К. Аракелова (1912–2001 гг.).

С.А. Раздольский

МЕХАНИЗМЫ АССИМИЛЯЦИОННОГО ПРОЦЕССА АРМЯНСКОЙ И АДЫГСКОЙ КУЛЬТУР

В процессе межкультурных контактов обнаруживается разница между тем, как воспринимаются одни и те же ценности людьми разных культур. Среди громадного числа разнообразных восприятий, тем не менее, можно выделить группу таких ценностей, которые совпадают и по характеру оценок, и по со-

держанию. Такого рода ценности получили название универсальных, или общечеловеческих. Их универсальный характер обуславливается тем, что основные черты таких ценностей базируются на биологической природе человека и на всеобщих свойствах социального взаимодействия. Так, например, нет ни одной культуры в мире, где оценивалось бы положительно убийство, ложь и воровство. В каждой культуре существуют лишь свои границы терпимости этих явлений, но общая их негативная оценка однозначна.

Если рассматривать ядро культуры как ценность и сравнить эти ценности с другой культурой, то можно выделить индикаторы. Проследим общие основания, по которым мы будем сравнивать ядра, например, адыгской и армянской культур. Для этого мы выделим блоки индикаторов, по которым сравним представления, предпочтения, установки в этих культурах. Почему мы выделяем армянскую культуру? Отношения адыгов и армян имеют давнюю историю. В результате длительного пребывания армянского этноса в адыгоязычной среде в составе армянского народа появилась субэтническая группа – черкесо-гаи (черкесские армяне). После переселения во второй четверти XIX в. в «русские пределы» они продолжали называть себя «черкесо-гаи» (армяне) или «черкесские армяне». В настоящее время большая часть потомков черкесо-гаев проживает в Армавире, Краснодаре, Майкопе.

По преданию, первыми переселенцами были армяне-воины, которые появились в горах, где в XI–XII вв. проживали адыги. Они с почётом были приняты местным населением и вскоре заняли высокое положение в их сословной иерархии. Основным занятием их была торговля, благодаря чему они поддерживали постоянную связь с армянской колонией в Крыму. Их группы пополнялись за счет переселенцев из Армении и, главным образом, из Крыма. Интенсивные контакты с черкесами, часто сопровождавшиеся установлением куначеских и атальческих отношений, при дисперсности расселения, высокой доле межэтнических браков, привели к тому, что элементы адыгской культуры не только проникали во все сферы их жизни, но и стали преобладающими, вплоть до языковых диалектов. Армяне-переселенцы, сохранили своё этническое самосознание и христианскую веру – армяно-григорианскую, близкую к русскому православию. В результате взаимопроникновения двух культур сформировалась совершенно новая этническая группа.

Чем дольше армяне пребывали в Черкесии, тем масштабнее действовали механизмы ассимиляционного процесса. И, если первоначально они носили адаптационный характер (освоение местного языка, форм ведения хозяйства, технологии строительства жилья, характерных для Закубанья), то в последующем перешли в фазу «поглощения», в результате чего традиционные элементы национальной культуры (язык, быт, обычаи) были заменены на черкесские. Уже в XVI–XVII вв. горские армяне ничем не отличались от

местного населения: носили черкесскую одежду, жили в саклях, соблюдали обычаи аталычества, куначества, кровомщения. Но полной ассимиляции так и не произошло.

Существенным фактором, препятствующим растворению армян в среде черкесского народа, был их социальный статус. В силу характера своей экономической деятельности черкесо-гаи (значительная их часть) обрели узденские права (в нашей работе под узденами мы понимаем дворян-уорков). Это ставило их в один ряд с привилегированной частью черкесского общества.

Армянская культура		
Основания	Установки	Предпочтения
Земля отцов вокруг горы Арарат. Религия. Язык. Письменность.	Свобода. Почтительность. Духовность. Творчество. Укрепление интернациональных связей.	Богатство. Христианская любовь. Помощь и защита.

Адыгская культура		
Основания	Установки	Предпочтения
Земля отцов вокруг горы Эльбрус. Язык. Религиозный синкретизм.	Свобода. Верность. Вежливость. Мужество. Соперничество. Помощь и защита. Простота в быту. Правдивость. Человечность. Укрепление интернациональных связей.	Человечность. Почтительность. Разум. Мужество. Честь.

Как мы видим, основания для двух культур довольно схожи, за исключением письменности. При аккультурации этнический коллектив армян сохраняет собственную этническую идентичность, этическое самосознание. В процессе аккультурации армянской культуры сформировались бикультурализм и билингвизм. При встрече армянской и адыгской культур выявляются схожие установки, т.е. содержательные представления о том, что может произойти. Установки всякого рода играют чрезвычайно важную роль в теоретической и практической деятельности человека и ярко выступают в процессах общения. Основания для схожести двух культур мы видим в матрице общекавказской культуры, выделяемой в этикетных формах поведения, в нормах морали. Сюда относится отношение к языку, который вбирает исторический опыт народа, он является для двух культур источником передачи национальной духовности и культурных ценностей последующим поколениям. Самобытность представителей различных культур, объединённых при этом в целостную социальную среду, создала без ущерба для национального самосознания и образа жизни универсальное

основание, которое определило длительное существование адыгской культуры в армянской среде.

Исходя из этого, можно сравнить ценности двух культур. В этом плане представляется целесообразным выделить способность ценностей регулировать реальное поведение личности и связывать её с системой социальных значений, т.е. выделить её нормативную функцию. Ценностные ориентации определяют содержание направленности личности, составляют ядро её жизненной концепции и отражают отношение человека к себе, другим людям и окружающему миру. М. Рокич различает два класса ценностей. Первый класс включает ценности, важные для жизни человека в целом, как бы главные, конечные цели индивидуального существования личности. Второй класс составляют ценности, предпочитаемые человеком в любой жизненной ситуации. Это деление соответствует традиционному делению ценности-цели и ценности-средства [1].

Ценности-цели	Ценности-средства
1. Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом). 2. Здоровье (физическое, психическое). 3. Отношение к «земле отцов». 4. Наличие хороших и верных друзей. 5. Общественное признание (уважение окружающих). 6. Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей). 7. Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках). 8. Счастье других. 9. Уверенность в себе.	1. Воспитанность (хорошие манеры). 2. Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания). 3. Исполнительность (дисциплинированность). 4. Независимость (способность действовать самостоятельно). 5. Непримируемость к недостаткам в себе и других. 6. Ответственность (чувство долга, умение держать слово). 7. Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина). 8. Твердая воля (умение настоять на своём, не отступать перед трудностями). 9. Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения). 10. Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки). 11. Честность (правдивость, искренность). 12. Чуткость (заботливость).

Примечания

1. URL: <http://www.fnap.ru/kn3537.shtml>.

С.М. Саядов

ГУМАНИТАРНЫЙ ПРОЕКТ «НАХИЧЕВАНСКОЙ-НА-ДОНУ
АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ» – АРМЯНСКАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ХАЙАЗГ»

Общая характеристика проекта. Армяне, чья история насчитывает несколько тысячелетий, волею судеб разбросаны по всему миру, и где бы они ни проживали, адаптируются к местным условиям, сохраняя свою самобытность, поддерживая духовные связи с исторической Родиной. Ведущую роль в сохранении их национальной идентичности играет бережное отношение к вере, истории и культуре своего народа.

В настоящее время Интернет превратился в гигантскую информационно-справочную систему. В связи с огромным объемом разнообразной информации, размещенной во всемирной паутине, возникла потребность в особых программных или аппаратных средствах, облегчающих поиск, анализ и восприятие этой информации. Речь идет о содержательной составляющей – информационно-тематической модели, способной направить и скоординировать поиск и систематизацию данных.

Армянская энциклопедия «Хайазг» представляет собой определенным образом организованную систему, позволяющую оптимизировать навигацию и поиск нужного материала по истории, культуре, науке, общественной жизни армян в огромном массиве мирового информационного пространства. Можно сказать, что главная задача, стоящая перед редакцией энциклопедии, – это собрать воедино, из всех доступных видов источников информацию об Армении и армянском мире и представить ее в удобном для пользователей виде. В первую очередь собрать и сгруппировать сведения, которые находятся в электронном виде. Одновременно с этим работать над преобразованием и переводом в электронный вид печатной и аудиовизуальной информации.

Сегодняшнее состояние проекта. До сих пор еще не предпринималась попытка собрать и объединить в одном проекте в таком объеме и целенаправленно структурированную информацию об армянском мире. В настоящее время сайт адаптирован к основным поисковым системам (Яндекс, Google, Апорт и др.), что значительно увеличило число посетителей (в месяц более 80 000 посетителей). Армянская энциклопедия «Хайазг» функционирует на русском языке и уже имеет обширную аудиторию. Необходимо отметить, что на сегодняшний день в своем большинстве аудитория энциклопедии – русскоязычные пользователи Интернета. Если запустить дополнительно армянскую, английскую и др. языковые версии данного проекта, то это в разы увеличит аудиторию энциклопедии. Сейчас проект находится на начальной стадии сво-

его развития. Уже сегодня можно с уверенностью сказать, что проект армянской энциклопедии «Хайазг» состоялся в организационном, программном и информационном аспектах.

Энциклопедия «Хайазг» – это пополняемая и развивающаяся модель сбора и хранения данных в электронном виде. Оправдались предположения разработчиков проекта о высокой активности респондентов по дополнению и уточнению информации. В редакцию присылаются редкие фотографии из семейных архивов, дополняется библиография, фильмография и др. данные. Энциклопедия ежедневно пополняется новыми материалами, которые предназначены для всеобщего пользования.

За шесть лет своего существования редакцией было написано более 200 тыс. страниц текста. За это же время было произведено 8,5 млн изменений и дополнений. Благодаря этому и в отличие от печатных изданий, электронная энциклопедия может оставаться более точной и сохранять актуальность, быстро реагируя на изменения. Апробированное и доработанное под конкретные задачи проекта программное обеспечение позволяет развернуть современные сервисы, как то:

- К примеру, в карточке персоны-художника сделать переход на его произведения во всех доступных художественных галереях мира; персоны-музыканта, композитора – связать с источниками, проигрывающими его произведения; режиссера – показать его фильмы; писателя или ученого – с их произведениями в электронном виде и т.п.

- Объем, который может обрабатывать система, обширен и ограничен только аппаратными средствами (сервером).

- Разработан и частично опробован механизм простого и быстрого пополнения материала. Заинтересованные в более точном и полном отображении материала личности и организации уже сейчас присылают разнообразную информацию о себе. В случае поддержки данного сервиса (нужно два-три оператора для редактирования этих писем) за короткое время с минимальными затратами можно очень быстро в 3–5 раз увеличить объем наших знаний об армянском мире, что называется «из первых рук».

- В связи с тенденцией энциклопедии к глобализации и в случае запуска данного проекта на других языках (армянский, английский, французский, турецкий) за короткое время энциклопедия может стать важным средством коммуникации всего армянского мира.

- Проект энциклопедии не имеет географических границ. Его заметили, посещают и присылают ценную информацию со всего мира. За год энциклопедию посетило более 1 млн чел. из более чем 2000 городов мира.

- Современный в техническом плане метод сохранения нашего культурного наследия поможет подключить к этому процессу огромное число людей из армянской диаспоры, проживающих по всему миру.

• В случае поддержки проекта государственными структурами Республики Армения можно смело рассчитывать на информационное центростремительное лидерство в информационном пространстве диаспоры и во всём армянском мире.

Проделанная на сегодняшний день работа показывает возможные пути и направления дальнейшего расширения и углубления сбора сведений об армянском мире: количество баз данных и их объем может расти в зависимости от интересов разработчиков и пользователей. Энциклопедия может развиваться и вглубь и вширь, и без преувеличения можно сказать, способна стать информационной платформой для координации и объединения общеармянской культурно-просветительской деятельности.

Всё это достижимо в случае если будут привлечены дополнительные интеллектуальные и материальные ресурсы или государственная поддержка, способные вывести проект на уровень саморазвивающейся системы.

В начале 2010 г. в средствах массовой информации было опубликовано «Обращение к Президенту Республики Армения Сержу Саргсяну» российских армян с просьбой издать армянскую энциклопедию на русском языке. Письмо было подписано известными армянскими учеными, государственными и общественными деятелями – патриотами своего народа. Основная мысль этого письма заключалась в высказанной ими насущной потребности времени создать современную энциклопедию армянского народа: «Издание должно быть красочным, написано понятным, грамотным энциклопедическим языком и стать серьезным научным подспорьем для исследователей России, Армении, а также настольной книгой для большинства армян, проживающих в России и Армении. Армянская энциклопедия на русском языке должна будет представлять целостную сумму знаний об армянском народе с глубокой древности, отобразить и обосновать историческую роль нашего народа в мировой цивилизации. Энциклопедия должна продемонстрировать роль армян в российской и мировой цивилизации. Авторами энциклопедии должны стать видные общественные, политические деятели и ученые Армении и России» [1].

Выражая полную солидарность авторам письма, которым удалось выразить чаяния огромной армянской диаспоры России, хотелось бы добавить следующее:

• Издание фундаментальной армянской энциклопедии – вопрос, который требует серьезной подготовительной работы, времени и ресурсов.

• Этот процесс мог бы быть предварен значительно меньшими затратами ресурсов и времени по созданию армянской энциклопедии «Хайазг».

• На страницах армянской энциклопедии «Хайазг» можно развернуть сбор, уточнение и апробацию статей и материалов для издания печатной версии армянской энциклопедии.

• Необходимо отметить, что печатное издание имеет свою, скажем, «особенную» аудиторию, которая в своем большинстве не пересекается с электронной энциклопедией. Электронные ресурсы более доступны через Интернет в любой точке мира, и за счёт этого быстрее находят своих читателей, основная масса которых сегодня – молодежь.

Армянская энциклопедия «Хайазг» – это совокупность баз данных условно названных нами:

- Персоны
- Церкви
- Учебные заведения
- Средства массовой информации
- Музеи и галереи
- Библиотеки
- Театры
- Организации
- Мультмедиа

Армянская энциклопедия «Хайазг» **адресована** всем, кто интересуется историей и культурой армянского народа, а также специалистам в области истории, искусствоведения, биобиблиографии и т.д. Развитие такого рода проектов способствует налаживанию деловых и гуманитарных, межличностных и межобщинных связей.

Армянская энциклопедия «Хайазг» **предполагается** как:

• открытая система, обладающая широкими возможностями поиска, сбора, организации, уточнения, добавления информации (пополняемой через Интернет всеми заинтересованными лицами);

• этно-тематический «путеводитель» по армянскому информационному пространству во всемирной сети;

- «энциклопедия» («информационный образ») армянского мира;
- библиографический справочник;

Армянская энциклопедия «Хайазг» **позволяет**:

• хранить большой объем информации (в текстовой, аудиовизуальной форме);

• накапливать, тэгировать и тематически сортировать разнообразную информацию;

• проводить различные виды анализа и поиска: именного, географического, хронологического, тематического и др.;

• решать широкий круг информационно-справочных, культурно-просветительских и учебных задач;

• установить и поддерживать диалог с самой широкой аудиторией людей, интересующихся армянской историей и культурой.

Пути развития и перспективы проекта армянская энциклопедия «Хайазг». В 2007 г. при поддержке Ростовской региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община» была создана и зарегистрирована Региональная общearмянская культурно-просветительская организация фонд «Хайазг». Открыт ее сайт www.hayazg.info. Благодаря спонсорской помощи председателя «Нахичеванской-на-Дону армянской общины» Сурмаляна Арутюна Арменаковича энциклопедия состоялась. И сегодня, только благодаря поддержке общины, она существует и развивается.

Диапазон дальнейших путей развития рассматриваемого информационного продукта зависит от форм и способов его финансирования, которые могут выражаться в виде:

- Пожертвований, благотворительной помощи, энтузиазма разработчиков. Этот способ развития не даст проекту угаснуть, но не позволит развиваться и реализовать потенциал культурно-просветительских возможностей.
- Поддержки проекта государственными структурами Республики Армения. В этом случае проект может органически вписаться в систему решения комплекса просветительских задач стоящих перед государственными структурами Армении.

Способами поддержки проекта могут быть:

- гранд или целевое финансирование (на развитие энциклопедии вглубь и вширь; расширение информационной базы, развитие проекта на других языках);
- поддержка проекта генеральным спонсором (физическим или юридическим лицом);
- государственный заказ на издания – продукт работы редакции энциклопедии (книги, брошюры, аудиокниги и др.);
- пожертвования (физических и юридических лиц);
- комбинация вышеперечисленных способов поддержки.

Такого рода поддержка за короткое время позволила бы реализовать запуск энциклопедии на других языках, подготовить к изданию на бумажном или электронном носителе целого ряда изданий по материалам энциклопедии.

Издания. Направление будет реализовываться в процессе обработки информации и расширении армянской энциклопедии «Хайазг».

Книги

- Предполагается издание серии публикаций по материалам армянской энциклопедии «Хайазг». Серия «Путеводитель по армянскому миру» (издания в форме брошюр, специальной справочной и научно-популярной литературы, рассчитанные на широкую аудиторию). Публикуемая в брошюрах

информация будет лаконична и доступна для восприятия; подразумевается наличие справочно-библиографического аппарата.

- Все книги (брошюры), альманахи (журналы) предполагается издавать с определенным фирменным дизайном и логотипом объемом до 100–120 страниц.

- Тематика изданий должна подразделяться на серии, которые в свою очередь состоят из отдельных выпусков.

- По форме представления информация в изданиях будет унифицирована по стилю, систематизирована в определенном порядке; содержать справочно-библиографические сведения (хронологические таблицы, фото, карты и т.д.).

- Издания предполагаются в виде брошюр или книг в мягком переплете (с ламинированной цветной обложкой), а также в виде альманаха или журнала.

- В издании предполагается выделение места для рекламы армянских товаров или предоставления расширенной PR-информации о спонсорах проекта.

DVD-версия энциклопедии

Следующим этапом предполагается издание DVD-версии энциклопедии, отличающейся от Web-сайта рядом особенностей. Эксклюзивное подарочное издание баз данных с расширенными (и самостоятельно задаваемыми) поисковыми возможностями. Каждый диск будет иметь код от несанкционированного доступа (кодовый номер), который будет разыгрываться через Web-сайт в виде лотереи с установленным призовым фондом (этнические сувениры, армянский коньяк, армянские аудио-, CD-, DVD-диски, туристическая поездка в Армению). Диски могут быть реализованы во многих странах при посредстве армянских организаций. Для розыгрыша призов, можно использовать возможности освещения процесса в печати и Интернете.

Проведенные предварительные расчеты показывают, что это возможно сделать за счет средств от размещения на диске коротких рекламных видео материалов рекламирующих продукцию известных обще армянских брендов.

Армянская энциклопедия «Хайазг» представляется уникальным информационным продуктом и одновременно является инструментом для решения любых культурно-просветительских задач, которые перед ним ставит жизнь.

Примечания

1. Обращение к Президенту Республики Армения Сержу Саргсяну. URL:<http://www.yerkramas.org/2010/01/27/obrashhenie-k-prezidentu-ra-serzhu-sargsyanu/> (дата обращения 02.05.2012).

С.М. Сивков

АРМЯНЕ КУБАНО-ЧЕРНОМОРЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ПОПЫТКА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

С распадом СССР в 1991 г. прекратились исторически сложившиеся взаимоотношения между бывшими республиками этой страны. К сожалению, процесс возвращения к прежним отношениям и взаимопониманию идет достаточно сложно и не всегда однозначно. В ряде случаев, например с Грузией, вопросы решаются силой оружия, с Украиной – экономическими и политическими способами, а в отношениях с Арменией идет традиционный межкультурный и экономический диалог. Сегодня, с точки зрения большинства ученых, в том числе и историков, общими точками соприкосновения должны стать наука, образование и культура. Именно это и определило актуальность данной темы.

Исторически сложилось так, что на Кубани и в Черноморье, еще со времен Боспорского царства, всегда проживала достаточно большая этническая группа армян. Региональная группа кубанских армян формировалась на протяжении нескольких веков и на основе миграционных потоков из различных государств и регионов, что сделало её очень разнородной.

Следует отметить и тот факт, что до падения столицы Византии Константинополя в 1453 г. армяне имели серьезную политическую и религиозную поддержку со стороны этого государства, хотя некоторые специалисты обосновывают его определенные экспансионистские цели в отношении территорий, традиционно заселенных армянским населением. После указанного события в качестве такой политической силы рассматривалась Россия.

В Закубанье большинство армян переселилось в XV в. из Крыма, где к тому времени окончательно сформировалось вассальное Турции Крымское ханство, и условия для проживания преобладавших там некогда христиан (греки-румели, армяне, крымские готы) резко ухудшились. В 1475 г., когда турки окончательно захватили Крым и стали истреблять мирное население, армяне начали активно эмигрировать, при этом часть из них нашла убежище среди адыгов и абхазов, в то время ещё христиан или язычников.

После образования 10 марта 1866 г. Черноморского округа и предписания российского правительства, согласно которому разрешалось иностраннопоподанным христианского вероисповедания обосновываться в новом административно-территориальном образовании, усилился приток турецкопоподанных армян. Первые армяне-переселенцы появились в Сочинском округе в 1882 г. Это были беженцы из Турции. В дальнейшем было ещё несколько потоков беженцев, особенно значительные относятся к 1905 г. и периоду Первой мировой войны. Эта тенденция наблюдалась и в начале XX в. Так, в

Черноморской губернии относительная численность данной этнической группы составляла 10,8 %, а в Кубанской области – 0,73 % [1].

Национальный состав жителей Кубани и Черноморья в 1917 году был представлен в следующем соотношении (%):

	Кубань	Черноморье
- русские	42,56	-
- украинцы	47,36	63,4
- армяне	0,73	10,8
- греки	1,05	10,5
- черкесы	3,01	1,8
- грузины	-	5,0
- поляки	-	1,5
- чехи	-	1,2
- молдаване	-	1,2
- евреи	-	1,1
- эсты	-	1,1
- другие народы	5,29	1,1[2]

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг., в связи со вступлением Турции в союзнические отношения в рамках «четверного союза» и открытия Кавказского фронта, выросли опасения армян в вопросе выживания этноса. Это во многом было связано с так называемым геноцидом армян в Турции. И эти опасения имели под собой все основания. После окончания войны в Закавказье граница с Турцией была установлена русско-турецким договором от 16 марта 1921 г., а также договором между Закавказским и государствами и Турцией от 13 октября 1921 г. В соответствии с этими договорами к Турции отошла территория площадью 17,5 тыс. кв. верст (19,9 тыс. кв. км) с населением 492 тыс. чел. [3]. Армянская диаспора усилила политическую активность после февральского переворота 1917 г. По результатам выборов в городскую Думу г. Екатеринодара 8(21).08.1917 г. армянская партия «Дашнакцутюн» набрала 424 голоса, или 1,9 % [4].

Ситуация значительно усложнилась после принятия большевиками Декрета о мире и подписания сепаратного Брест-Литовского мирного договора с Германией. Данные юридические акты развязали руки Турции, которая повела активное наступление на Кавказском фронте. Уже 13 апреля 1918 г. союзник Германии Турция отдает приказ своим войскам о наступлении и захвате Батума. По сообщению Екатеринодарской газеты «Проблеск», «Город был сдан туркам совершенно неожиданно, в ночь на 1 апреля шли бои. В разговорах турецкие офицеры и солдаты заявляют, что их ведут покорять все Закавказье» [5].

Сложность армяно-турецких национальных отношений привела к обострению ситуации в Кубано-Черноморском регионе. Армянская община,

проживавшая на территории Кубани, была серьезно обеспокоена продвижением турецких войск и приступила к формированию боевых отрядов. В конце апреля в Сухуми состоялся митинг по поводу прибытия сюда из Армавира первого армянского партизанского отряда [6].

Соседняя Грузия, также опасавшаяся усиления позиций Турции, заключила соответствующие договоренности с Германией, которая гарантировала данному государственному образованию определенную независимость. Крах Германии и ее союзников в Первой мировой войне снизил межэтническую напряженность.

Следует отметить, что отношения между руководством советской власти и армянским населением складывались не всегда однозначно, так, например, весной 1918 г. на армянскую буржуазию г. Армавира была наложена весьма значительная денежная контрибуция [7].

Начало армянской государственности в начале XX в. было положено 29 ноября 1920 г., когда была образована Армянская Советская Социалистическая Республика, возникшая в территориальных рамках бывшей Эриванской и части Ганджинской (Елисаветпольской) губерний. Охватывая 34 288 кв. верст (39 091 кв.км), республика делилась на 9 уездов и 175 волостей. Эта территория включала Нахичеванскую область (3939 кв. верст, или 4482 кв. км), которая в 1923 г. выделилась в качестве автономии [8].

Уже в 1922 г. встал вопрос о создании советского государства. Одним из участников переговорного процесса о создании единого государства выступила и Армения, входившая в состав Закавказской Федерации. В ходе полемики встал вопрос о принципах его создания. Если И.В. Сталин стоял на позициях создания автономий, то В.И. Ленин, возможно, вынужденно предлагал принципы федеративного государства. Как известно, ленинская формулировка оказалась наиболее приемлемой для всех участников переговорного процесса. Армения, первоначально в составе Закавказской Федерации, а позже и в качестве самостоятельной республики вошла в состав СССР.

На территории Кубано-Черноморья в большей мере был первоначально реализован сталинский вариант национальных автономий, скорее всего культурных, что выразилось в создании армянского национального района. Первым был организован Армянский район Майкопского округа. Идея о создании района возникла еще до 1925 г. Практическое решение этой проблемы началось весной 1925 г. 6 марта на заседании бюро краевого комитета РКП (б) по докладу Б. Позерна было обсуждено положение армянского населения округа. В результате появилось постановление, в котором фракции крайисполкома предлагалось обстоятельно изучить вопрос о возможности выделения компактно расположенных армянских селений Хадыженского района Майкопского округа в самостоятельный район. 10 марта Президиум крайисполкома, обсудив вопрос «Об образовании самостоятельного

Армянского района в Майкопском округе», поручил орготделу крайисполкома в короткий срок «выяснить вопрос о возможности организации Армянского района» [9].

Армянский национальный район – национальный район в составе Краснодарского края (в 1925–1934 гг. – Северо-Кавказского, в 1934–1937 Азово-Черноморского) края был образован 10 марта 1925 г. на территории, населённой преимущественно армянами. Первоначально Армянский национальный район входил в Майкопский округ. В 1930 г. окружное деление было упразднено.

С конца 1930-х гг. термин «национальный район» перестаёт употребляться, и район называется просто Армянским. В 1953 г. район был упразднён, а его территория разделена между соседними районами. По мнению В.З. Акопяна, национальным районам были присущи черты, свойственные автономным образованиям. На органы власти районов национальных меньшинств возлагались особые функции в деле проведения национальной политики. Они должны были осуществлять:

- «а) наблюдение за неуклонным проведением в жизнь начал национальной политики ... всемерное осуществление интересов национальных меньшинств;
- б) принятие мер к поднятию политического, экономического и культурного уровня национальных меньшинств;
- в) принятие мер к постепенному переводу делопроизводства советских и других организаций и учреждений на местные языки ... » [10].

По оценке Т.П. Хлыниной, «история становления и развития национальной государственности у народов Северного Кавказа – проблема для отечественной историографии не новая и в постановочном отношении далеко не оригинальная», однако источниковая база по вопросам армянской общины требует некоторого уточнения [11].

К сожалению, в большинстве исследований, касающихся армянской диаспоры на территории Северного Кавказа, в том числе и на территории Кубано-Черноморья, например, в работах В.З. Акопяна, использованы источники, находящиеся в фондах Государственного архива Краснодарского края и Государственного архива Ростовской области. Однако для исследователей армянской диаспоры в Кубано-Черноморье значительный интерес представляют малоизученные фонды Центра документации новейшей истории Краснодарского края, в том числе Ф.Р. – 2816 «Майкопский окружной комитет ВКП(б)», имеющий в своем составе 702 дела (1924–1930 гг.). Первоначально окружному подчинялись пять районных комитетов партии: Майкопский, Мостовской, Дондуковский, Белореченский и Хадыженский. В дальнейшем районная сеть претерпела некоторые изменения: в 1925 г. образован Армянский район [12]. Документы фонда «Майкопского окружного ВКП(б)» содержат информацию по разным темам, от проблем партийной

жизни до культурного строительства, однако полнота освещения тех или иных вопросов неодинакова [13]. Интересны отложившиеся в фонде копии писем граждан на имя Сталина и Кагановича о несправедливых раскулачиваниях, например Г. Матосяна из Армянского района [14].

Другим важным тематическим блоком документов фонда являются вопросы национальной политики. Это – постановление бюро окружкома ВКП(б) «О вовлечении нацменьшинств в промышленность округа» [15]; сведения о работе среди нацменьшинств, содержащиеся в отчетах окружкома на партконференциях [16]; справка агитпропотдела окружкома ВКП(б) о нацменьшинствах в г. Майкопе и районах округа с указанием их численности, рода занятий, наличия церквей и школ [17]; сведения о грузинской, еврейской, греческой, армянской секциях в Майкопе [18].

Отдельные документы содержат сообщения о конкретных национальных группах, проживающих в округе, например информацию о работе среди армян; описание хуторов Абазов и Терновый; постановление бюро окружкома ВКП(б) о наделении лесами Армянского района [19].

Как информационный материал в фонде отложились статистические сведения о религиозной ситуации на Северном Кавказе в целом и в разрезе округов: о количестве духовенства (тихоновского, синоидального, лютеранского, армянского, старообрядческого, католического) [20]. Таким образом, в материалах данного фонда находится достаточно обширный материал, касающийся многих вопросов жизни и деятельности армянского населения на территории Армянского района, которые требуют более детального изучения исследователями.

Таким образом, в течение первого десятилетия после окончания Первой мировой войны армяне, проживавшие в России, получили возможность проживания на территории Кубано-Черноморья и в рамках национальных районов. К сожалению, этот опыт не дал желаемого эффекта, так как наряду с положительными имели место и негативные тенденции, которые выражались в сложности изучения родного (армянского) языка для населения национальных районов, трудностей в ведении административной документации, в том числе и при общении с подобными национальными образованиями. Тем не менее подобный опыт был и заслуживает кропотливого его изучения.

Примечания

1. Новороссийский филиал государственного архива Краснодарского края (далее – НФ ГАКК). Ф. 74. Оп. 1. Д. 18. Л. 3; Кубано-Черноморский настольный календарь на 1922 год. Краснодар, 1922. С. 42.

2. Там же.

3. Население России в XX веке: В 3-х т. Т. 1. М., 2000. С. 85.

4. Листок войны. 19 августа 1917; Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 290.

5. Проблеск. 24 (11) мая 1918.
6. Борьба за Советскую власть в Абхазии (1917–1921). Сб. документов и материалов. Сухуми, 1957. С. 68.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф.Р. – 2830. Ол. 1. Д. 693. Л. 35.
8. Население России в XX веке. С. 89.
9. Акопян В.З. Национальные районы и их официальный язык (Армянские районы Северного Кавказа в 20-е гг. URL: <http://www.mashtots.ru> (дата обращения 12.03.2012).
10. Там же.
11. Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003. С. 3.
12. Справочник: Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Выпуск 1. Фонды партийный комитетов и комиссий 1920–1930 гг. Краснодар, 1996. С. 110.
13. Там же. С. 112–113.
14. ЦДНИКК. Ф.Р. – 2816. Оп. 1. Д. 507; Справочник: Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Выпуск 1. Фонды партийный комитетов и комиссий 1920 – 1930 гг. С.119.
15. ЦДНИКК. Ф.Р. – 2816. Оп. 1. Д. 444. Л. 5–6.
16. Там же. Д. 52. Л. 60–61.
17. Там же. Д. 130. Л. 1–2.
18. Там же. Д. 122. Л. 17–28.
19. Там же. Д. 55. Л. 27; Д. 57. Л. 139; Д. 121. Л. 6–7; Д. 237. Л. 14–17.
20. Там же. Д. 134. Л. 54–68.

В.В. Смеюха

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЖУРНАЛЕ «ХАЧКАР»

История армянской периодической печати насчитывает многолетний опыт издания. В 1794 г. вышел первый номер армянского журнала «Аздарар». В России армянские периодические издания стали издаваться во второй половине XIX в., что обуславливалось необходимостью освещения интересов армянского населения, переселяющегося на российские земли. В советский период периодические издания Армении составляли республиканский тип отечественной прессы. В Ереване на русском языке выходил «Коммунист», на армянском языке – «Советакан Айастан» («Советская Армения»). В последнее десятилетие XX в. в России был организован ряд армянских периодических изданий, выполняющих важнейшие функции: информационные, просветительские, организационные. По сведениям Т. Тавадьяна, в конце XX – начале XXI вв. на территории юга России было

организовано более 50 армянских печатных средств массовой информации [1], причина роста численности национальной армянской прессы заключается в изменении социально-политических и культурных факторов развития Российской Федерации, увеличении миграции армян на российскую территорию. Основной задачей национальной армянской периодики является объединение представителей армянской диаспоры, сохранение ее национально-культурного потенциала, как отмечает в своем исследовании Т.В. Асрибекова, «проживая за пределами своей исторической родины, армянское население сталкивается с проблемой «вживания» в иноэтническую среду. Необходимо было, с одной стороны, не позволить замкнуться в своей этнической «скорлупе», суметь адаптироваться к новым условиям, новой среде, но с другой стороны, что еще сложнее – сохранить и обеспечить последующие поколения этническими чертами культуры» [2]. В 2007 г. в г. Краснодаре был открыт ежемесячный культурно-познавательный журнал «Хачкар». Идея выпуска издания принадлежит «Армянскому культурно-образовательному центру “Хачкар”» (основан в 2007 г.), главные направления деятельности организации связаны с сохранением и популяризацией армянского образования и национальной культуры. Таким образом, журнал реализует национально-культурную политику центра «Хачкар» среди представителей армянской национальности, проживающих в России. Несмотря на то что издание выходит на Кубани, оно является общероссийским, журнал распространяется по подписке на всей территории страны.

В условиях глобализации информационно-коммуникативной среды встает вопрос о совершенствовании процесса национальной идентификации. Процесс идентификации – отождествление индивида с субъектом, группой, идеалом – протекает в информационной плоскости, которая обеспечивает функционирование различных типов информационных потоков, оказывающих воздействие на аудиторные компоненты. Национальная идентичность являет собой ассоциирование с определенной национальной общностью на основе ментальных, психологических, логических, культурных, национальных констант, важное значение в обозначенном процессе играют следующие структуры: язык, религия, мировоззрение и др. В связи с глобализацией информационных потоков, функционированием международных массмедиа происходит утверждение массовых культурных концептов, формируются единые ментальные и поведенческие образцы, что ведет к размыванию этнических характеристик национальных групп, утрате ими культурных традиций. В частности, при характеристике национально-культурного уровня армянской диаспоры в России отмечаются следующие негативные аспекты: не все российские армяне знают свой национальный язык (армянским языком, как правило, владеют недавно мигрировавшие армяне, поколение родившихся в России армян постепенно отказывается от его употребления), ослабевают

национальные традиции. Одним из вариантов сохранения армянской национальной культуры является организация национальных средств массовой информации, выпуск исторической литературы, нацеленных на распространение знаний об истории и культуре армян.

Типологическая модель журнала «Хачкар» ориентирована на сохранение, поддержание и популяризацию национальной культуры армянского населения в России. Журнал выходит в печатном и интернет-форматах, что облегчает распространение информации и ведет к формированию коммуникации в рамках сайта издания «Хачкар». Реализация национальной идентичности осуществляется в культурно-символическом пространстве, учитывается специфика национальной культуры, аккумулирующая в себе язык, литературу, искусство, философию, образование, редакция журнала разработала концепцию издания, опирающуюся на обозначенные национально-культурные концепты.

Журнал «Хачкар» представляет несколько тематических направлений. В-первых, авторы издания выступают за сохранение культурно-исторических связей армянской диаспоры, проживающей в России, с Арменией. В журнале действует рубрика «Из Армении с любовью», посвященная культурным и природным достопримечательностям страны, в издании были опубликованы материалы «Армения – страна камней, вина, древних монастырей и гостеприимных людей», «Горы Армении» (2010. № 9; 2011. № 11) и др. В рубрике «Карта Армении» рассказывается о городах исторической родины армян (Е. Шуваева-Петросян «Ереван», М. Лазарян «Вагаршапат», С. Ходжоян «Арташат» (2011. №№ 9, 6, 4)).

Во-вторых, журнал способствует распространению знаний об армянской культуре, в нем утвердился ряд рубрик, материалы которых воссоздают историческую действительность Армении, знакомят с культурно-нравственными идеалами, образцами, духовными и материальными ценностями: «Армянский бренд» (публикации «Ювелирное искусство Армении», «Армянские ковры»), «Из глубины веков» (А. Меружанян «Загадки храма бдящих сил», А. Айрапетян «Сокровища Эчмиадзина», Н. Кананова «Дадиванк, возможно, раскрыл еще не все тайны»), «Символ» («Тигран Мец», «Мать-Армения», «Святой Эчмиадзин») (2009. № 12; 2010. № 2; 2011. №№ 5, 8, 3, 5, 6; 2012. № 2).

В-третьих, в издании публикуются материалы о современной культуре армян и ее выдающихся представителей, действуют рубрики «Концертный зал» (публикации «Армянский джаз – язык международный», «Магия армянского танца», «Роберт Амирханян: “Я хочу всегда быть рекой...”» (2011. №№ 8, 9, 6)), «Личность» («Георгий Гаранян: вторые пятьдесят», «Грант Динк: армянин, убитый за то, что был армянином» (2010. №№ 1, 4)), «Наши» («Дважды астронавт Джеймс Багиян», «Кирк Керкоян – армянин на летающем ковре» (2011. №№ 1, 5)), «Память» («Вагаршак», «Этот день выжжен

слезами» (2010. № 12). Публикации рубрики «Спюрк» посвящены жизни, культуре, быту армян, проживающих в других странах («Лос-армениос и хай-американс», «Армяне Тбилиси» (2010. №№ 10, 5)). В-четвертых, журнал направлен на сохранение национальных традиций, в нем работают рубрики «Армянская кухня», «Праздник».

Необходимо отметить присутствие образовательной функции в издании «Хачкар», в издании действует рубрика «Родная речь», на сайте – интерактивная рубрика «Проверь себя», где происходит обучение читателей армянскому языку. Таким образом, концепция издания полностью соответствует типу журнала культурно-познавательной направленности. Несмотря на то что издание освещает национальные интересы диаспоры в современном и историческом контексте, оно не позиционирует себя в качестве политического. «Политика – не наш профиль», – считает редактор издания Х. Мхитарян, основную идейную направленность издания он выразил в обращении к читателям: «Главное – донести до читателя целостную информацию, в основе которой – жизнь Родины, ее сынов и дочерей, рассеянных по всей земле, прошлое, настоящее и будущее Армении...» [3].

Потенциальная аудиторная группа журнала довольно широкая: в нее входят армяне, проживающие на территории Российской Федерации. Редакция издания акцентирует то, что значительное внимание она уделяет молодежной читательской группе: «Мы должны искать и находить в своей среде молодые силы и таланты, способные не только сохранять, но и пополнять своим творчеством армянский культурный контекст. Вот почему в качестве нашего читателя мы представляем, в первую очередь, молодого человека, который хочет и должен как можно больше узнать о своем народе» [4].

Редакционный коллектив издания «Хачкар», ориентируясь на читательские вкусы массовой читательской аудитории, использует в своей деятельности технологии, позволяющие журналу соответствовать интересам широкой аудиторной среды. Так, в издании публикуются материалы об известных личностях в сфере кино- и телевизионной индустрии, шоу-бизнеса (например, были размещены публикации об актере Дмитриии Харатьяне, режиссере и телеведущем Тигране Кеосаяне, певце Аврааме Руссо, шоумене Гарике Мартиросяне, ведущей и продюсере «Comedy Woman» Наталье Андреевне (Наталье Еприкян)) (2009. № 11; 2010. № 1; 2011. №№ 9, 12).

В структуру сайта издания включены рубрики «Музыка дня» (аудиоролик), «Медiateка» (фотогалереи, аудио- и видеотека), интерактивные опросы «Ваше мнение» (на период марта 2012 г. проводились опросы на тему «В Вашей семье читают детям армянские сказки?» и «Выберите лучшую фотографию свежего номера»).

Журнал «Хачкар» является цветным глянцевым изданием, что также соответствует современным тенденциям в области развития журнальной пери-

одики. Обозначенные типологические и полиграфические факторы способствуют увеличению читательского интереса к журналу, вследствие чего объем издания увеличился с 64 до 100 страниц.

Таким образом, одним из способов реализации национальной идентичности является организация и развитие национальной периодики. На современном этапе в России пресса армянской диаспоры характеризуется разветвленной типологической структурой, однако вследствие экономических факторов развития ее выпуск не всегда является эффективным, что ведет к закрытию некоторых изданий. Пример выпуска журнала «Хачкар» свидетельствует о целесообразности типологической модели издания, ориентированной на культурное и национальное просвещение аудитории. Использование в модели элементов массовой периодики позволяет изданию оставаться популярным в читательской среде.

Примечания

1. Асрибекова Т.В. Сохранение этничности на примере армян юга России // Союз армян России. URL: http://www.sarinfo.org/armw/?c=armenians&a=armrus_south (дата обращения: 11.03.2012).
2. Тавадьян Т. Армянские СМИ юга России и их влияние на вывод армянских общин региона из кризиса // Еркрамас. 28.10.2010. URL: <http://www.yerkramas.org/2010/10/28/armyanskie-smi-yuga-rossii> (дата обращения: 11.03.2012).
3. Мхитарян Х. О журнале // Хачкар. 2011. № 39. URL: <http://www.khachkar.ru/about> (дата обращения: 21.02.2012).
4. Там же.

А.А. Сурмалян

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ НА ДОНУ. АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В ноябре 1988 г. в Ростове-на-Дону было зарегистрировано «Армянское культурно-просветительское общество “Нор-Нахичеван”». Первое собрание общества состоялось 18 ноября 1988 г. Первым председателем был избран основатель общества, заслуженный деятель искусств РФ, профессор Ростовской государственной консерватории Крикор Дзеронович Хурдаян. В 1992 г. общество было переименовано в «Армянскую культурно-просветительскую ассоциацию “Нор-Нахичеван”».

В апреле 1997 г. на общем собрании членов ассоциации было принято знаменательное решение о переименовании «Нор-Нахичеван» в Ростовскую региональную общественную организацию «Ново-Нахичеванская-на-Дону армянская община», а новым председателем единогласно был выбран Эдуард

Вараздатович Вартанян. Он руководил общиной вплоть до марта 2002 г. На этом посту его заменил первый председатель К.Д. Хурдаян.

В ноябре 2005 г. на очередном заседании Совета общины председателем правления был избран Арутюн Арменакович Сурмалян, который руководит организацией по настоящее время. Кроме того, он избран председателем регионального отделения общероссийского общественного движения «Российский конгресс народов Кавказа» (РКНК) и представителей национальных общин и диаспор.

Основными целями община ставит сохранение самобытности и культуры армянского народа, патриотическое воспитание молодежи в духе толерантности и уважения к культуре и традициям других народов, проживающих на Дону. К сожалению, в своей работе она охватить всех соотечественников не может, поскольку по предварительным подсчетам по области проживает более 300 тыс. армян. В населенных пунктах области, где компактно проживают армянские семьи, выявлены и избраны лидеры. Эти люди отвечают за все, что происходит с армянским населением того или иного района, села или города. С ними поддерживается регулярная связь, оказывается всяческая помощь.

Осознавая, что студенческая молодежь – самая прогрессивная и наиболее уязвимая часть нашего общества, община старается охватить ее более масштабно. В частности, при общине действует молодежное крыло. Это полноценная организация со своим советом и председателем. Каждый член совета отвечает за свое направление работы, такие как наука, культура, спорт, изучение языка, литературы, истории, связь с армянскими общинами, волонтерские движение, работа со студентами.

Для того чтобы в полной мере контролировать ситуацию в студенческой среде, в каждом вузе выявлен лидер, который ведет работу с армянскими студентами и держит Правление общины в курсе всех дел, что позволяет своевременно реагировать и принимать необходимые меры. Молодежь активно вовлечена и в другие проекты общины, распределяя их по интересам. Это и футбольный клуб «Урарту», команда КВН «Без прописки», которые достойно представляют общину как на областных, так и на городских соревнованиях. В Ростовской области действуют 18 классов по изучению армянского языка, работает класс по изучению игры на дудуке, студия танцев, исторический клуб, клуб любителей кинематографа, еженедельно священники Армянской Апостольской Церкви ведут духовные чтения. Молодежь привлекается в электронные проекты. В первую очередь, это сайт общины, а также Электронная армянская энциклопедия «Хайазг», которая является самой большой армянской энциклопедией во всем мире. Силами студентов старших курсов юридических факультетов при общине организован бесплатный прием по всем юридическим вопросам.

Печатный орган РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» – газета «Нахичевань-на-Дону», которая распространяется бесплатно по всей области. В 2011 г. она отметила свое 10-летие, в том же году победила на всероссийском конкурсе и была удостоена знака «Золотой фонд прессы России». Газета и сайт – это те площадки, где молодежь высказывается о наиболее болезненных проблемах, обсуждает и предлагает свои пути решения.

За годы существования армянской общины г. Ростова-на-Дону сложились ее собственные традиции:

- на День победы приглашать на торжественный прием ветеранов Великой Отечественной войны;

- участвовать в мероприятиях, посвященных Дню города Ростова-на-Дону: организовывать стол с национальными блюдами и напитками, экспозицию армянских периодических изданий, книг, картин и аудиодисков. Активисты молодежной организации встречают гостей в национальных костюмах под завораживающую музыку дудука;

- участвовать в ежегодных городских спортивных соревнованиях;

- проводить мероприятия, посвященные памяти жертв геноцида в Османской империи и землетрясения в г. Гюмри в 1988 г.;

- отмечать государственные и церковные праздники и т.д.

При поддержке «Нахичеванской-на-Дону армянской общины» регулярно издаются книги, брошюры, журналы, посвященные переселению армян из Крыма на Дон, геноциду армян 1915 г., историческим личностям, сыгравшим важную роль в жизни армян Дона. Кроме того, особое внимание уделяется изданию русско-армянских и армянско-русских словарей.

Наиболее значимыми достижениями общины являются:

- установление в 1999 г. памятника Иосифу Аргутинскому, в юбилейный год 220-летия образования города Нахичевань в сквере на площади Л.Н. Толстого г. Ростова-на-Дону (скульптор – Д.Р. Бегалов, архитектор – С.И. Бегалова);

- открытие мемориального комплекса «Во славу российского казачества! Во славу его боевой доблести!» в г. Ереване героям-казакам, погибшим на территории Армении в ходе русско-турецких, русско-персидских войн конца XIX – начала XX вв.;

- Армянский виртуальный колледж (АВК), который является новейшим учебным заведением Армянского Всеобщего Благотворительного Союза (АВБС) и благодаря своим передовым методам вносит большой вклад в образование. Цель АВК – предоставить возможность всем желающим получить фундаментальное образование по арменоведению в режиме он-лайн;

- воссоздание Музея русско-армянской дружбы, успешно работавшего в городе с 1972 по 2007 г. В фондах музея хранятся уникальные экспонаты, а их более 20 тыс., которые сегодня доступны широкой общественности. Музей

стал очагом армянской культуры, где в теплой атмосфере проходят презентации книг, выставки, вечера памяти.

Силами РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» ведется активная работа по увековечению памяти выдающихся нахичеванцев. К примеру, за 2011 г. были восстановлены пять памятников выдающимся нахичеванцам на армянском кладбище при церкви Сб. Карапет:

- Дурбаху Н.Н. (городской архитектор Нахичевани-на-Дону);
- Чалхушьяну Г.Х. (юрист);
- Готьяну Ф.С. (литератор, педагог, драматург, поэт);
- Чубарову Г.И. (присяжный поверенный, журналист, актёр-любитель, переводчик);
- Ованесову А.К. (художник, Первый председатель Ростовского отделения Союза советских художников).

В Ростове-на-Дону открыты мемориальные доски в память о легендарном военачальнике – бывшем первом заместителе командующего и члене военного совета СКВО, Герое Армении, генерал-лейтенанте Граче Амаяковиче Андресяне. Вторая мемориальная доска, посвященная талантливейшему хирургу Партеху Макаровичу Шорлуяну, была установлена на доме по ул. Пушкинской.

Нахичеванская община трижды организовала визит президента Республики Армения на Дон. При содействии общины на донской земле так же побывал с патриаршим визитом Католикос все армян Гарегин II, который осветил алтарь церкви Сурб Хач.

«Нахичеванская-на-Дону армянская община» взяла шефство над ростовским детским домом №7. Общине небезразличны судьбы ребят, нуждающихся в дополнительном внимании взрослых. Регулярно детскому дому оказывается материальная помощь, выделяются продукты питания, организовываются и проводятся праздники.

С недавнего времени община взяла шефство и над детским садом № 100, расположенным в Нахичевани.

Благодаря поддержке общины одаренные дети имеют возможность выступать как на всероссийских, так и на международных конкурсах. Большое внимание в общине уделяется и преемственности поколений: патриотическое воспитание молодежи без этого невозможно. Регулярные встречи с ветеранами ВОВ, организация национальных праздников, концертов, помощь малоимущим семьям, помощь в трудоустройстве, организация поездок на историческую Родину для активистов молодежной организации, тесная работа с администрацией города и области, со всеми национальными общинами Дона – все это и есть каждодневная работа Нахичеванской-на-Дону армянской общины.

Т.Т. Тарасова

АРМЯНЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШОГО СОЧИ)

В современных условиях глобализации полиэтничность становится неотъемлемой чертой большинства стран, а необходимость жить в поликультурной среде становится все более важной социальной проблемой для современных обществ. Решающее воздействие на возрастание полиэтничности оказывают этнические миграции, результатом которых являются межкультурные контакты, когда мигранты вступают в более или менее длительное межкультурное взаимодействие с представителями доминирующей культуры.

Активизация миграционных процессов и проблемы взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества вышли сегодня в нашей стране на первое место. Особенно актуально исследование обозначенной проблематики в регионах, имеющих давнюю миграционную историю и накопивших немалый положительный опыт интеграции мигрантов в принимающий социум, который может способствовать решению миграционных вызовов, вставших перед Россией. Именно таким регионом является Большой Сочи, ставший объектом данного исследования.

Исторически Сочи сформировался за счет этнических миграций, и полиэтничность, культурное разнообразие и интенсивные межэтнические контакты являются традиционными чертами региона, определяющими этносоциальную ситуацию и межкультурное взаимодействие. Главная особенность современной миграционной ситуации Большого Сочи заключается в том, что по интенсивности миграционного движения он является лидером не только в Краснодарском крае, но и в России в целом. Сравнительный анализ материалов государственной и ведомственной статистики по миграции свидетельствует о том, что показатели чистой миграции в регионе в последние годы существенно превосходят как российские, так и общекраевые. Так, в 2009 г. они были вдвое выше общекраевых и в пять раз выше, среднероссийских, составляя 8,9 промилле против 5 промилле в Краснодарском крае и 1,8 промилле в Российской Федерации.

Миграционные процессы оказали решающее воздействие на формирование и трансформацию современной этнической структуры населения Большого Сочи. Материалы Всесоюзных переписей населения свидетельствуют, что численность практически всех народов сочинского региона в межпереписной период 1959–1989 гг. увеличивалась. Так, абсолютная численность русских в регионе возросла в 3,8 раза, белорусов – в 3,5 раза, украинцев – в 2,4 раза, армян – в 21 раз [1]. Переписи населения 1989 г. и 2002 г. зафиксировали дальнейшие трансформации этнической структуры сочин-

ского региона, анализ материалов которых показал, что основной тенденцией в динамике этнического состава Сочи является рост этнической мозаичности: доля русских в населении города сократилась с 70,4 % до 67,5 %, а удельный вес других национальностей достиг почти трети – 32,5 %.

Наиболее многочисленными этническими группами сочинского региона являются русские, армяне, украинцы, грузины, греки. Однако самыми многочисленными контактирующими группами являются русские и армяне. Как показывают данные переписей населения, с 1970 г. армяне становятся самой многочисленной (после русских) этнической группой региона: если в 1959 г. их численность составляла 2,5 тыс. чел., то в 2002 г. их стало уже более 80 тыс. чел., а доля в населении увеличилась с 2,6 % до 20,2 %. Таким образом, именно эти группы – армяне и русские определяют климат межэтнического взаимодействия в сочинском регионе.

В настоящее время Сочи является одним из самых полиэтничных городов России и самым миграционно аттрактивным регионом, а это значит, что проблема взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества по-прежнему сохраняет свою актуальность и практическую значимость. При этом приток мигрантов-армян происходит наиболее интенсивно. Как и в каких формах происходит взаимодействие армян и доминирующего русского большинства, как происходит их взаимная адаптация, как реагирует принимающий сочинский социум на приток мигрантов? На эти вопросы мы постараемся ответить, опираясь на эмпирические материалы наших социологических экспедиций, а также на результаты отечественных и зарубежных исследований в области кросскультурного взаимодействия.

Многообразие форм взаимодействия мигрантов и принимающего населения в кросскультурных исследованиях принято описывать с помощью стратегий межкультурного взаимодействия или стратегий аккультурации, которые, в самом общем виде, представляют собой комплекс социальных установок по отношению к собственной группе и аутгруппам.

Согласно теории аккультурации, разработанной Д. Берри, процесс вхождения в новую культуру связан с двумя основными проблемами, которые решает иммигрант: поддержанием культуры (в какой степени им признается важность сохранения культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени ему следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»). В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяются четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.

В настоящее время большинство кросскультурных исследований проводятся в рамках теоретических моделей, созданных Дж. Берри, С. Бочнером и Ф. Мохаддамом, на теоретические положения и результаты исследований которых мы будем опираться.

Исследования, проведенные в полиэтничных регионах зарубежными учеными, показали, что открытость принимающего сообщества к культурному разнообразию и межэтническому общению – одно из важнейших условий принятия и адаптации мигрантов. Наши эмпирические исследования (2009 г.) показали высокий уровень толерантности сочинцев к мигрантам – 79,3 % опрошенных оценивают наличие большого количества приезжих как положительное явление для региона и только 9 % – как отрицательное, причем различий в уровне толерантности к мигрантам между русскими и армянами практически нет (табл. 1). На вопрос «Как должны российские власти поступать по отношению к мигрантам?» около двух третей сочинцев ответили, что необходимо разрешить свободный въезд и проживание всем желающим. В то же время по данным исследований Левада-Центра, большинство россиян на вопрос о том, какой политики должно придерживаться правительство в отношении приезжих, отвечает: «Пытаться ограничить приток приезжих» – в 2009 г. такой позиции придерживались 63 % россиян.

Таблица 1

Оценка населением наличия мигрантов в регионе проживания
(в % от количества ответивших)

Как Вы считаете, большое количество приезжих – это положительное для нашего региона явление или отрицательное?	В целом по массиву	Армяне	Русские
скорее положительное	79,3	79,5	79,2
скорее отрицательное	9,2	7,7	10,4
затрудняюсь ответить	11,5	12,8	10,4
Всего	100,0	100,0	100,0

В поликультурных обществах очень важно, какие социальные установки демонстрируют члены принимающего социума, доминирующей культурной группы, ибо именно они определяют контекст и государственную политику межкультурного взаимодействия. В регионе Большого Сочи социальные установки сочинцев на межэтническое взаимодействие изучались, в частности, на основе классической шкалы социальной дистанции Богардуса, адаптированной к современным реалиям исследуемого региона. Использование этого социологического инструментария позволяет судить о степени близости/отчуждения контактирующих этнических групп, их готовности к взаимодействию в различных сферах жизни.

Измерение социальных установок на основе шкалы Богардуса показало, что сочинцы демонстрируют весьма позитивные установки на межэтническое взаимодействие: 99 % из них выразили готовность личной дружбы с человеком другой национальности, 97 % – готовность быть коллегами по работе, 95,4 % – быть соседями по дому, 93 % – быть жителями одного города, 74 % – вступать в брачные отношения. Социальные установки армян демон-

стрируют еще большую открытость и готовность к межэтническому взаимодействию во всех сферах жизни, даже в такой личной и относительно закрытой, как сфера семейно-брачных отношений (табл. 2), что свидетельствует о высокой степени близости социальной дистанции армян и принимающего большинства, об их стремлении к интеграции в местное сообщество.

Важнейшее значение в поликультурных сообществах имеет социальная идентичность (гражданская, этническая). Согласно А. Тэджфелу, социальная идентичность определяет поведение индивидов в межгрупповых отношениях. Гражданская идентичность, являясь компонентом социальной идентичности, несет важнейшую функцию реализации базовых потребностей личности в принадлежности к группе. Этническая идентичность во многом обуславливает стратегии межкультурного взаимодействия. Мы изучали идентичности сочинцев на основе концепции о множественной идентичности, используя методический инструментарий известных российских социологов В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой, которые разработали понятие «мы-идентификаций», а также методические наработки по его модификации и содержательному наполнению, выполненные Л.М. Дробижевой и сотрудниками возглавляемого ее научного коллектива, и апробированные во многих эмпирических исследованиях отечественных социологов и этнопсихологов.

Таблица 2

Социальные установки армян на межэтническое взаимодействие
(в % от числа ответивших)

Какие взаимоотношения с человеком другой национальности для Вас приемлемы?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
1. Брачные отношения (в качестве вашего супруга /супруги, жены Вашего сына или мужа Вашей дочери)	87,2	7,7	5,1
2. Личная дружба	100,0	0	0
3. Быть соседями по дому	97,4	2,6	0
4. Быть коллегами по работе	97,4	2,6	0
5. Быть жителями одного города	97,4	2,6	0

Для того чтобы выяснить значимость различных идентификаций в жизни сочинцев, в инструментарий социологических исследований, проведенных в регионе Большого Сочи, был включен, в частности, такой вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их, иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о Вас, то, как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о каких из перечисленных групп Вы можете сказать «Это – мы»?». Ответы респондентов на этот вопрос представлены в таблице 3:

Таблица 3

Идентификационные выборы жителей Сочи (в %, 2009 г.)

Для меня «мы» это – ...	В значительной степени		В некоторой степени		Не ощущаю близости		Затрудняюсь ответить	
	в це- лом по массиву	армяне	в це- лом по массиву	армяне	в це- лом по массиву	армяне	в це- лом по массиву	армяне
1. Те, кто добился успеха	9,2	5,1	46,0	53,8	42,5	41,0	2,3	0
2. Жители Сочи	74,7	84,6	16,1	10,3	9,2	5,1	0	0
3. Жители Краснодарского края	50,6	53,8	20,7	17,9	28,7	28,2	0	0
4. Граждане России	85,1	87,2	5,8	10,3	8,1	2,6	1,2	0
5. Люди Вашей национальности	68,6	71,8	14,0	12,8	14,0	15,4	3,5	0

Эмпирические материалы показывают, что в наибольшей степени сочинцы ощущают единство и близость с гражданами России (85,1 %), жителями Сочи (74,7 %) и людьми своей национальности (68,6 %), то есть самыми значимыми для них являются 1) российская гражданская идентичность, 2) локальная сочинская и 3) этническая идентичности. Причем самая высокая степень выраженности характерна для российской идентичности, лидирующей в иерархии идентификационных выборов сочинцев, и для локальной общегородской идентичности, что свидетельствует о том, что важнейшей основой взаимной адаптации доминирующей и недоминирующих этнических групп сочинского социума является общность и высокая значимость гражданской и локальной идентичностей.

Для армянской этнической группы характерна та же иерархия идентификационных выборов, что и для всего населения Сочи (российская, локальная, этническая), однако степень выраженности этих идентичностей среди армян выше, чем в целом по массиву исследованных. При сохранении достаточно высокого уровня собственной позитивной этнической идентичности для армян Сочи большую ценность имеет ощущение близости и единства с гражданами России и жителями сочинского региона.

Таким образом, главной стратегией межкультурного взаимодействия в сочинском социуме является интеграция и взаимная адаптация контактирующих групп на базе принятия основных ценностей доминирующей группы (русских) при сохранении своей культурной идентичности. Основными факторами, способствовавшими этому, стали исторические условия освоения территории региона, открытость принимающего сочинского сообщества к культурному разнообразию и межэтническому общению, низкий уровень интрагруппового фаворитизма контактирующих групп, обусловленный общими

гражданской (российской) и локальной (сочинской) идентичностями, значимость которых для сочинцев выше, чем значимость этнической идентичности; близость социальной дистанции, общность религиозной принадлежности. Именно армяне и русские оказывают здесь наибольшее влияние на стратегии межэтнического взаимодействия и общую идеологию взаимоотношений с представителями других культур.

Примечания

1. Миграция населения г. Сочи. Статистический сборник. Сочи, 2001. С. 10–12.

Г.С. Топчиянц

МИГРАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ АРМЯН В СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СЕМЬИ

Появление армян в донском регионе связано с указом Екатерины II о переселении армян из Крымского ханства. Однако перемещение армян на южные территории Российской империи происходило и вследствие естественной миграции населения из Закавказского региона. Если донские армяне, составлявшие к 1914 г. 40 % населения, переселялись по воле монарха, получив для проживания конкретные территории и преференции, то основная масса мигрантов непосредственно из Армении осваивала юг России стихийно на протяжении нескольких веков из-за экономических и политических преобразований в родном регионе. В данном исследовании рассматривается миграционный путь и интеграция в Северо-Кавказский регион рода Топчиянц. Достоверно прослежен период с 1880 г. по настоящее время. Материалом для исследования послужили собранные автором и С.Г. Топчиянцем (1944–2000 гг.) сведения в пределах одной родословной.

Предполагается, что предками семьи Топчиянц были армяне, переселившиеся из г. Хуршумли р-на Трабзон Восточной Византии (нынешняя территория Турции) в 1870-х гг. в г. Александрополь (с 1924 г. Ленинакан, а с 1991 – г. Гюмри, Армения). По историческим данным, до переселения армяне проживали в г. Хуршумли с 1453 г., основав его после падения Константинополя, переселившись из византийского г. Хамшен, где они проживали с VIII в., после того как в VI в. н.э. покинули область Артаз Веспаруканского царства [1]. Антропонимические исследования фамилии Топчиянц выявили наличие тюркского корня «top» («топ»), что означает «пушка» и суффикса «сі» («чи») [2], определяющего род занятий человека; армянского суффикса «ян», обозначающего сына своего родителя; оконча-

ния «ц», которое представляет собой родительный падеж множественного числа от основной фамилии Топчиян, указывающее на принадлежность обладателя фамилии кровно-родственной группе [3].

В 1880 г. в г. Александрополь в семье плотника Георгия Топчиянца рождается Саркис Топчиянц. Его детство проходит в Тифлисе в приемной семье. В г. Сарыкамьш в 1898 г. он создает семью, строит лесопилку и склад. В 1903 г. у него рождается сын Георгий, после еще 5 дочерей (все сменяют фамилии после замужества). В 1908 г. Саркис Топчиянц переселяется в г. Армавир, основывает мыловаренное производство. Он плохо владел русским языком, разговорная речь содержала сильный акцент. С. Топчиянц умер в 1917 г. в возрасте 37 лет.

В 1924 г. Георгий Топчиянц переселяется в Ростов-на-Дону, работает в Краевом финансовом управлении, окончив зубоврачебную школу, преподает и практикует. Его отличали хорошее понимание армянского языка, плохая разговорная речь, родным языком признавал русский. С нахичеванскими армянами не контактировал. Во время Великой Отечественной войны дослужился до капитана, практиковал и преподавал в тылу. В 1933 г. в его семье рождается дочь (после замужества сменит фамилию), а в 1944 г. рождается сын Сергей. С 1942 по 1943 гг. он находился в эвакуации в г. Армавире. Умер в 1976 г. в возрасте 73 лет.

Сергей Топчиянц с 1972 г. работал архивистом в государственном архиве Ростовской области, внештатным корреспондентом в газетах «Звезда» и «Гудок», вынужденно работал товароведом в филателистическом магазине. Почти не понимал армянского языка, родным языком считал русский. С нахичеванскими армянами не контактировал. В 1977 г. у него рождается сын Георгий, а в 1987 г. – дочь Карина. Умер в 2000 г. в возрасте 56 лет.

Георгий Топчиянц с 2009 г. работает преподавателем русского языка и литературы. Армянский язык не знает, родным языком считает русский.

Исследования отдельно взятой семьи выявили устойчивую динамику на ее интеграцию в новый социум (российский) с последующей утратой знаний родного языка, принятием местной культуры и быта и полной адаптацией. Признаки армянской культуры у представителей семьи Топчиянц носят рудиментарный характер, не оказывая серьезного влияния на мировоззрение. Также характерно отсутствие контактов с нахичеванскими армянами. Данная особенность присуща тем армянам, которые переселялись из Закавказья в южные регионы России. Постепенная ассимиляция и утрата родного языка – неизбежный процесс, связанный с миграцией населения в дальние и сопредельные территории. В то же время процесс интеграции облегчен за счет многонационального населения в данном регионе, высокой толерантности в обществе, общехристианским ценностям, широким возможностями для экономической активности.

Примечания

1. Гевонд. История халифов. М, 2010. С. 181.
2. Магазаник Д.А., Турецко-русский словарь. М., 1945. С. 625.
3. Петросян С. Происхождение армянских фамилий URL: <http://www.vestikavkaza.ru/articles/obshestvo/tradiz/1050.html> (дата обращения 20.02.2012).

Г.П. Ференчук

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА И КУЛЬТУРА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Одной из значимых по составу и влиянию диаспор на Дону является армянская. «Феномен диаспоры, давний как само явление этноса и этничности, представляет собой уникальный, автономный национальный организм, обладающий особой жизнеспособностью» [1]. Более 230 лет тому назад состоялось переселение армян из Крыма на берег Дона. С тех пор армяне стали полноправными и активными участниками всего комплекса социально-экономических отношений в регионе, испытали вместе со всеми грандиозные трансформации, радости успехов и горечи потерь. Об этом достаточно убедительно на многих материалах рассказывается в обширном списке исторических исследований В.Б. Бархударьян [2]. В заключение своей монографии он пишет: «... армянская колония прошла плодотворный путь и оставила в армяно-русских отношениях, в истории нового времени армянского народа неизгладимый и неувядающий след» [3].

По данным Всероссийской переписи населения в Ростовской области проживает более 110 тыс. армян. Более 60 % из них – в трудоспособном возрасте. «Армянская диаспора имеет более чем достаточную структуру организаций, которая держится в основном на отдельных известных представителях, но армяне в целом имеют особенность группироваться при большом несчастье, по большим праздникам или вокруг целей, касающихся “национальных вопросов”. Деятельность диаспоры ориентирована и на адаптации и на сохранение национальной идентичности, но больше всего, конечно, упор делается на сохранение национальных ценностей» [4].

Ростовская область по своему социально-экономическому и культурному потенциалу располагает широкими возможностями для динамичного, бесконфликтного развития межнациональных отношений, для формирования единой общероссийской идентичности. В области сложилась многолетняя традиция мирного и взаимообогащающего проживания людей разной национальности, накоплен опыт, выработаны механизмы регулирования межнациональных отношений. Экономика области находится на подъеме. Растут

объемы инвестиций, интенсивно развивается социальная инфраструктура. Увеличиваются доходы населения. Во всех сферах жизни области совместно с представителями других народов армянская диаспора принимает деятельное участие в решении назревших проблем. Повседневные контакты, плодотворное сотрудничество сближает, роднит армян с русскими, с украинцами, белорусами, греками, корейцами, проживающими на Дону, и тем самым содействует формированию общей российской идентичности.

Солидарность и повседневная лояльность, т.е. чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим, составляют основу так называемой национальной идентичности. Без этой основополагающей для современного человека формы идентичности национальная конституция, армии и охраняемые границы мало что значат. Да и сам человек, за исключением мизерного числа «граждан мира», мало что значат без принадлежности к государственному сообществу и к той или иной национальной культуре [5].

Всякая этичность имеет две составляющие: культурную самобытность, специфику и чувство исторической общности, причастности к жизни всех народов. Народы, живущие в многонациональном регионе, заботятся о своей этнокультурной индивидуальности и не хотят смешиваться с другими, растворяться в других народах. Для многих народов понятие «род», «родина» означает происхождение, семью, предков, историческое прошлое, место рождения, ассоциируется с землей, матерью-природой, символизирующей тесные и продолжительные человеческие связи. В то же время с культурологической точки зрения это понятие содержит в себе предписание моделей поведения, традиции, обычаи, определяет права и обязанности. Следовательно, оставаться армянином в российском обществе – значит сохранить чувство национальной принадлежности к армянскому народу, знать и понимать прошлое, традиции, культуру, язык своих предков.

Каждый народ имеет свой язык, менталитет, культуру, обычаи, ритуалы, которые складывались в течение длительного времени и являются внутренним источником его движения, его развития. Самобытность отличает один народ от другого, выражает неповторимость исторических и географических условий проживания народа, несет на себе печать тех событий, которые оказали влияние на формирование социального и культурного облика народа. Одной из характеристик самобытности народа является акт свободного выбора средств для достижения целей своего сохранения и развития, важным условием активности и самореализации народа. В самобытности народ не только проявляется, но и формируется, развивается, выражает меру своей свободы, своего права на собственную жизнь, на выбор своих решений и действий. Только через самобытность народ осуществляет самокорректировку, самотрансформацию, саморегулирование и самопреобразование, определяет свое будущее. Эти процессы протекают более эффективно, если они автоном-

ны, независимы от внешних факторов, если при этом накапливается и используется прошлый опыт. Познание самобытности народов, в том числе и народов России, практически необходимо для взаимопонимания их при контактах, в целях сотрудничества, а также для самопознания народа при постижении того, что есть «Я» в отличие от другого.

Сохранение самобытности армян и интеграция их в общероссийскую общность, формирование единой идентичности понимается как непрерывный, взаимообусловленный процесс освоения духовного наследия, культуры армянского народа и в то же время как расширение и углубление связей, контактов, сотрудничества с другими национальными сообществами, объединение усилий для совместных, созидательных действий в целях повышения уровня и качества жизни человека любой национальности. Российская идентичность формируется в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни из поколения в поколение, а также под влиянием внутренних экономических связей. Становление российской идентичности есть сложный, многосторонний процесс, в котором участвует весь спектр факторов, имеющих место в обществе. На этом пути существует еще много барьеров, непонимания, отклонений от линии на сплоченность, на единение.

Взаимоотношения между народами могут динамично развиваться при условии уважения традиций и культурно-цивилизированного уклада жизни каждого народа. На основе баланса интересов каждый народ вправе определять свою судьбу самостоятельно, не допуская навязывания им готовых рецептов и сценариев. Однако межнациональные отношения не устанавливаются один раз и навсегда. Они каждый раз под влиянием социально-экономических перемен наполняются новым содержанием, требующим постоянного обновления на основе диалога о взаимоприемлемых корректировках для достижения сбалансированного консенсуса. Вместе с тем, инерция прежних отношений порой еще длительное время сохраняется и тем самым служит источником возникновения недоверия, затрудняет взаимоотношения. В такой ситуации важно не терять самообладания, не торопиться, не допускать необдуманных решений и поступков.

Признавая многообразие живущих вместе народов, приходится считаться с общепринятыми правилами. Единая российская идентичность предполагает конструктивное сотрудничество, готовность каждого народа внести свой вклад в социально-экономическое развитие общества, признание равного достоинства всех граждан и их равенства перед законом. Важную роль в этом может оказывать поддержка развития культурных инициатив армянской диаспоры, обмена культурными достижениями, что облегчает взаимопонимание и помогает утверждать уважение, доверие и искоренять предубеждения и предрассудки.

«Мы многонациональное общество, – писал В.В. Путин, – но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Дает колоссальные

возможности для развития во многих областях. Однако если многонациональное общество поражают бациллы национализма, оно теряет силу и прочность. И мы должны понимать, какие далеко идущие последствия может вызвать попустительство попыткам разжечь национальную вражду и ненависть к людям иной культуры и иной веры» [6].

Формирование российской идентичности состоит в том, чтобы, используя весь арсенал правовых, идейно-нравственных, социально-психологических, организационных мер, всемерно стимулировать, содействовать утверждению такой модели межнационального общения, при которой будет складываться атмосфера миролюбия, дружбы, согласия, взаимного сотрудничества и взаимопомощи. Чтобы эти принципы становились неотъемлемой составляющей всего образа жизни и поведения, важно поощрять и пропагандировать опыт и традиции мирного сосуществования, сотрудничества, дружеского общения, совместного решения общих проблем и в то же время, используя силу закона и общественного мнения, подвергать нравственному осуждению проявления национализма, шовинизма, антисемитизма, разжигания национальной розни. Ценный опыт в этом отношении накопила армянская диаспора. Межнациональное общение является сферой тонких, деликатных человеческих отношений, и его регулирование исключает бестактность, неучтивость, невосторженность, грубость, нетерпимость, раздражительность, применение силовых методов.

Сплочение всех народов предполагает осуществление необходимых социально-экономических и культурных задач. К числу таких можно отнести, прежде всего, повышение уровня и качества жизни жителей области, удовлетворение их социальных и духовных потребностей, сокращение бедности, безработицы, бездуховности, жилищной неустроенности, обеспечение прав и свобод граждан, развитие их активности в деле становления институтов гражданского общества, искоренение фактов несправедливости, беззакония, коррупции, преступности, укрепление законности и правопорядка, а также доверия к органам власти.

Развитию межнационального сотрудничества может содействовать решение задач, связанных с совершенствованием механизмов выявления и предотвращения обострения противоречий в сфере межэтнического взаимодействия, с обеспечением координации действия всех властных и общественных структур в сфере этнокультурного сотрудничества, с формированием культуры межнационального общения. Развитие и интеграция армянской диаспоры быть результативными при условии соблюдения основополагающих принципов.

Известно, что межнациональные отношения развиваются под влиянием как непосредственных, так и опосредованных, как внутренних, так и внешних воздействий. Отсюда вытекает важнейший принцип по обеспечению разви-

тия армянской диаспоры, требующий полнее учитывать как природу каждой национальной общности, так и те обстоятельства, в которых взаимодействуют этнокультурные сообщества. Данный принцип исключает вмешательство во внутренние дела армянской диаспоры, мелочную опеку, администрирование и в то же время требует всемерного содействия созданию благоприятных политических, социально-экономических условий интеграции всех национальных обществ в единую общероссийскую идентичность.

Примечания

1. Асвацагурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. Ростов н/Д; Пятигорск. 2000. С. 48.
2. Бархударьян В.Б. История армянской колонии новая Нахичевань. Ереван, 1996; Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов н/Д; М., 2011; Богданян А.М. Из прошлого (о переселении армян из Крыма на Дон). Краткий исторический очерк. Изд. 2-е. Ростов н/Д, 1989; Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону: В 6 т. Ростов н/Д, 1994; Смирнов В.В. Нахичевань-на-Дону. Этюды старой истории: время и люди. Ростов н/Д, 2010.
3. Бархударьян В.Б. Указ. соч. С. 518.
4. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. С. 39.
5. Тишков В.А. Российский народ. М., 2010. С. 17.
6. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат

«АРМЯНЕ ТАГАНРОГА» КАК ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЕКТ И ДОСУГОВАЯ ПРАКТИКА¹

Вопрос о наличии в России гражданского общества, так и не получивший своего внятного разъяснения, в последние годы все чаще рассматривается в плоскости проявлений самоорганизации населения. Гражданские инициативы, сопряженные с акциями политического протеста и самодеятельностью различных социальных групп, становятся опознавательными знаками способности российского общества к решению жизненно важных для него задач.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности». В рамках проводимого исследования, посвященного выявлению роли «фактора прошлого» в деятельности национально-культурных и общественных организаций Ростовской области, было опрошено посредством глубинных интервью и бесед в июне – ноябре 2011 г. 120 респондентов. Среди них – руководители, активисты армянских общин и армяне Ростова-на-Дону, Таганрога и Шахт. По согласованию с респондентами, материалы интервью используются анонимно. В квадратных скобках указываются город, где проводилось интервьюирование, возраст и пол респондентов.

Одной из них является удовлетворение потребностей этнических общностей в сохранении языка, истории и культурного наследия. Существующие на сегодняшний день официальные институции (национально-культурные автономии, общественные организации, культурно-исторические центры, дома национальностей) и каналы (фестивали и дни национальных культур) реализации такого рода потребностей не всегда оказываются способными к работе в «индивидуальном режиме». Позиционируя себя в качестве выразителей интересов той или иной диаспоры, они, как правило, придают им характер некоего глубоко выстраданного и монолитного единства, не допускающего этнически немаркированных отклонений.

Между тем, как свидетельствует опыт многих наших респондентов, их принципиальное неучастие в деятельности национальных объединений по большей своей части связано именно с *«непониманием руководством общин сути нынешних национальных проблем. Вот мы живем в Ростове, здесь помимо нас, армян, кого только нет. Мы хотим, чтобы не было межнациональных конфликтов. Но у себя (в общине. – Авторы) только и говорим о своих корнях, истории и великой культуре... Не правильно это как-то. Вы понимаете, то, что мы народ древний и много чего в истории наделали – не может не радовать, гордиться собою. А как быть с остальными? Этому там не учат. Я туда давно не хожу. Если что узнать надо, иду в библиотеку или к друзьям, они много всего знают»* [Ростов-на-Дону, 54 г., муж.]. Неудовлетворенность деятельностью национальных общин или невозможность реализации личных устремлений в условиях их отсутствия зачастую приводят к появлению интересных гражданских проектов, к которым с полным правом можно отнести молодежную общественную организацию «Армяне Таганрога».

Среди национально-культурных и общественных организаций города «Армяне Таганрога» занимают особое место. Особость эта сказывается как в «плавающей» численности участников и «рыхлой» структуре организации, так и побудительных мотивах возникновения. Ее история началась с появления в социальной сети группы с аналогичным названием, а изначальная цель ограничивалась простым желанием *«собрать своих»*: *«Эта группа уже довольно старая и как-то так была раньше, и опять же девушка знакомая была администратором, я помню, что состояла в этой группе. Потом ее удалили, по каким причинам, я так и не поняла, группа была, а потом исчезла. Когда я создавала эту группу, то не было идеи чтобы как-то спланировать, делать какую-то молодежную организацию, просто собрать своих, так как маленький город, чтобы знать своих, знакомиться, общаться, ходить на какие-то мероприятия, но опять же, каких-то углубленных понятий не было»* [Таганрог, 18 лет, жен.]. Однако по мере расширения активных пользователей, многие из которых практически ничего не знали об армянской культуре и истории, зародилась идея о проведении своими силами какого-нибудь мероприятия: *«Как раз*

это было накануне 24 апреля – Дня геноцида армянского народа... И вот решили и буквально за 2 недели собрались и подготовили, а далее уже задумались... » [Таганрог, 18 лет, жен.]. Причем приняли решение и задумались о возрождения существовавшей в городе с 1997 г. по 2006 г. армянской общины две девушки-единомышленницы, усилиями которых в марте 2011 г. и была создана молодежная организации.

Пытаясь выяснить, насколько успешным оказался этот институциональный проект «национального возрождения», и каково соотношение в нем личных и этнических устремлений его инициаторов, в октябре 2011 г. мы провели серию глубинных интервью и бесед с лидерами молодежной организации «Армяне Таганрога». Уже один из первых вопросов относительно длительности проживания в городе и степени «родства с Россией» показал несхожесть отправных траекторий их движения к общей цели. Обе уроженки Армении, в разном возрасте (12 и 1,5 лет) приехавшие в Таганрог и заставшие тогда еще действовавшую общину, увидели в ней разные, но в принципе не расходящиеся цели: обретения второго дома, новой исторической родины и живой памяти, властно напоминающей о своих истоках. «Да, конечно, есть историческая родина, которую я очень люблю. Есть дом, вторая родина и Россию я также считаю своей второй родиной, все-таки я здесь живу всю свою жизнь... Почему нельзя собираться все вместе? Даже живя вдали от родины, как-то чувствуется тяга к этому и хотя бы вокруг себя создать такую обстановку» [Таганрог, 18 лет, жен.]. «Я родилась в Армении, прожила там 12 лет. В 2001 г. приехала сюда, здесь продолжала учиться в школе, сейчас учусь заочно в университете. Всю сознательную жизнь провела в этом городе. Здесь друзья и школьные, и университетские и работа. Иногда начинаешь забывать, кто ты есть. А надо помнить... » [Таганрог, 22 года, жен.].

По признанию обоих респондентов, мысль о необходимости возрождения общины, с которой связывалось множество теплых воспоминаний, практически постоянно присутствовала в их «взрослой» жизни. Однако личный опыт сопричастности к ее деятельности оказался разным. «У нас существовала община, моя мама даже входила в ее состав. Она называлась “Найри”, там была воскресная школа, мы собирались, молодежь и дети, организовывали различные мероприятия, активно участвовали в этом. Далее она распалась, к сожалению, уехала женщина, которая ее возглавляла, и уже никто не стал этим заниматься. Ну, вот, в социальных сетях и по телевидению видно, что в крупных и малых городах есть свои диаспоры. Наша диаспора в Ростове и в Краснодаре большая. У нас же здесь, в Таганроге, диаспоры других национальностей, их много. Я думала: “Почему у нас распад, почему у нас не могут опять собраться и возродить ее, хотя бы попытаться?” В начале не позволял возраст, т.е. когда я об этом задумалась, но я еще училась в школе, и никто бы не прислушался ко мне, а далее, вот буквально в прошлом году решили... » [Таганрог, 18 лет, жен.]. «Когда мы

приехали, здесь была армянская община. Я тогда еще была маленькая, в школе училась, не очень интересовалась. Мы ходили на концерты, которые они организовывали, посещали ее мы, дети, как-то так. Тогда этим родители должны были заниматься, но они как-то особого интереса не проявляли... Честно сказать, что единственной нашей целью было возобновить общину» [Таганрог, 22 года, жен.].

Весьма показательным мотивом, подведшим респондентов к решению своими силами «объединить молодежь», стало бездействие взрослых и бесконечные разговоры в сети о том, что «надо собраться». По признанию одного из них, в какой-то момент стало «абсолютно ясно, что долгие разговоры ни к чему не приведут. Кому-то надо было за все это браться. Так получилось, что этими людьми оказались мы двое» [Таганрог, 18 лет, жен.]. Совместными силами собирались «представлять свою культуру, сохранять наши традиции и обычаи» и в то же время «вместе быть. Так-то через одного человека все знают друг друга, а так-то общности нет, как таковой, как есть в Ростове, Краснодаре. И мы хотели всех собрать в одном месте» [Таганрог, 22 года, жен.].

Однако принятое решение потребовало не только организационных усилий, но и выбора значимого события из истории и культуры армянского народа. Им по обоюдному признанию инициаторов стало 24 апреля: «В этот день мы отмечаем День геноцида, и мы хотели организовать какое-нибудь мероприятие к этому дню. Потому что в этот день для любого армянина... люди могут забыть про свой день рождения, скажем так, но не могут забыть про геноцид. Это наша боль, испокон веков передается, это у нас в крови» [Таганрог, 22 года, жен.]. По свидетельству наших респондентов, представления о геноциде как «месте памяти» армянского народа формируется в семье, где закладываются основы этнической идентичности человека. Именно там, «из семейных преданий, бережного отношения к своей истории, языку и культуре вырастает понимание того, что нас, армян, объединяет... Сейчас многие семьи это утратили. Поэтому память о нашей трагедии нас консолидирует» [Ростов-на-Дону, 51 год, муж.]. Показательно, что с памятью о геноциде один из респондентов связал и отличие «настоящих» армян от таковых по названию [Таганрог, 22 года, жен.].

Однако проведенное мероприятие, поддержанное городской администрацией, не стало акцией консолидации армянского населения Таганрога. Собрал по оценкам организаторов 60 чел., а по данным проведенной нами независимой экспертизе около 30 чел., оно, тем не менее, «для первого раза было на должном уровне... Зал был рассчитан на 90 человек, мы столько и пригласили. Получилось так, что пришло всего 60, но это не плохо, всем кто пришел, понравилось» [Таганрог, 22 года, жен.]. Среди присутствовавших оказались не только армяне, но и представители других народов. По словам организаторов, многие из них накануне проведения мероприятия говорили, что «хотят

посмотреть, что получится»: «Просто рассказали людям, и выяснилось, что многие из молодежи, которые пришли, они просто не знали об этом. Они об этом как-то, где-то слышали, но поверхностно. И вот, что нас очень приятно удивило. Им было интересно, они говорили спасибо, теперь, по крайней мере, мы хоть что-то знаем. Мы ничего особенного не делали, просто мы рассказали. Краткий исторический обзор был, и показали документальный фильм, ну вот в принципе и все...» [Таганрог, 18 лет, жен.].

В дальнейшем организация, которая так и не получила статуса юридического лица и после возрождения общины в декабре 2011 г. волилась в ее ряды, приняла активное участие в праздновании Дня города, отмечаемого 10–11 сентября: «10 числа у памятника Петру I, основателя города, было шествие с флагами всех диаспор, которые присутствуют в городе. В этом году была такая программа, что Таганрог – это многонациональный город и все вместе дружат. Мы тоже несли свой флаг. Все были в национальных костюмах, на таганрогских сайтах есть фото. Дальше, второй день 11 сентября, в парке проводился большой концерт, накрывали столы... Мы готовили все национальные блюда, которые смогли приготовить, выбирали салфетки и стаканчики под цвет флага. Выступали на сцене с танцевальным номером, с песней, и КВН у нас был. Вот потихонечку, по крупицам мы собрали всю нашу организацию» [Таганрог, 22 года, жен.].

Ко времени проведения интервью «Армяне Таганрога» уже приобрели устойчивую репутацию «дельных ребят». Об их существовании знали не только в сети, но и за ее пределами. При этом численный состав организации не превышал 10–15 чел.: «Самые активные, наверно, мы с девушкой, с которой Вы уже беседовали. Еще с нами моя близкая подруга и еще человек 5. Когда мы решаем важные вопросы, обсуждаем, что и как делать, то включается еще человек 10, которые нам помогают, активно как-то участвуют. Вот, а так у нас в социальных сетях еще несколько групп, есть официальные странички и группа в «Одноклассниках». Подписчиков очень много, которые пишут о том, что, “если будете что-то организовывать, пишите”, т.е. желающих очень много. Организация все больше расширяется и с каждым мероприятием нас все больше и больше» [Таганрог, 18 лет, жен.].

В оценках понимания окружающими их «подвижнической» деятельности наши респонденты несколько разошлись. Одна из них уверила нас в поддержке и сочувствии к начинаниям организации со стороны сверстников, вскользь упомянув о настороженной реакции администрации учреждения, где она учится, к обсуждавшейся возможности проведения на его территории минуты памяти жертв геноцида. Другая сразу же отметила «немножко негативную реакцию родителей», которые «боятся, наверно, немного. Боятся каких-то националистических реакций, националистического ответа какого-то... Я нахожу общий язык, объясняю, что и почему. С одной стороны, боятся, но видя

результаты, очень даже рады, особенно, когда мы выступали на Дне города. Не совсем чтобы категорично, просто есть какая-то опаска. Есть внутри что-то, что заставляет волноваться. Все-таки живем не в своей стране, мало ли какие люди и как отнесутся, как родители просто переживают» [Таганрог, 18 лет, жен.]. Сами собеседницы единодушно признали атмосферу межэтнического взаимодействия в городе бесконфликтной и располагающей к общению. Наглядным подтверждением чему, по их мнению, является существование «Армян Таганрога», деятельность которых вызывает «живой отклик и неподдельный интерес у молодежи разной национальности нашего города» [Таганрог, 22 года, жен.]. Хотя этот интерес не всегда продиктован мотивами этнического свойства и зачастую связан с возможностью «хоть как-то с интересом провести свободное время в городе». На вопрос о том, какое количество людей приходит на мероприятия не для того, чтобы приобщаться к далекой родине, а просто хорошо провести время, наша собеседница с сожалением ответила: «Да многие конечно, я думаю, что такое в любой организации есть, что многие приходят исключительно ради интереса, а многие от нечего делать, просто посмотреть. А это, безусловно, есть, но я Вам скажу, что с каждым разом число тех, кто интересуется, становится все больше» [Таганрог, 18 лет, жен.].

По признанию вдохновителей молодежного объединения с явно выраженной этнической спецификой никто из них (по крайней мере, в ближайшей перспективе) не собирается связывать свою дальнейшую судьбу с исторической родиной – Арменией: «Я вот в следующем году окончу университет, съезжу туда, потом приму решение. Ну, скорее всего, здесь останусь, потому что я со своим дипломом не смогу там работать... Нет, дело не в этом (хороший или плохой диплом. – Авторы), просто для того, что бы адаптироваться в терминологии, с языком проблемы. И там проблема работу найти даже тем, кто там заканчивал ту же специальность, что и у меня, экономическая ситуация не очень хорошая» [Таганрог, 22 года, жен.]. Подавляющее большинство респондентов в данной связи мотивировали свое «нежелание» вернуться или просто уехать на родину не столько «плохой экономической ситуацией», сколько сложившимися жизненными обстоятельствами и неизбежным разрывом культурной общности: «Всю жизнь тут живу, с института. Я уже больше русская, тех армян, из Армении, не понимаю» [Шахты, 46 лет, жен.]. Между тем, стремление к ее обретению и выбранная для реализации поставленной цели стратегия свидетельствуют о том, что наряду с желанием «остаться армянами» у организаторов «Армян Таганрога» присутствовали и ярко выраженные потребности в формировании и упорядочении собственной досуговой деятельности. В ходе беседы, активно обсуждая вопросы о том, что лично каждой из них дает участие в деятельности созданной с таким трудом организации, мы получили предельно искренние ответы: «Вот мне это очень нравится. Это личное удовлетворение, общение со своими земляками, и очень много новых

друзей я приобрела среди них» [Таганрог, 22 года, жен.]. «В деле собрания организации... личное только то, чтобы добиться какого-то взаимопонимания, взаимоуважения, чтобы поколение не забывало, кто они такие, откуда, то есть это как бы главная цель. Ну и, конечно же, когда вокруг себя собираешь людей, проводишь мероприятия, связанные с твоим народом, как-то становится теплее» [Таганрог, 18 лет, жен.]. В то же время, пытаясь выяснить, почему для самореализации был выбран именно такой, этнически окрашенный проект, обе собеседницы признались, что «не читать стихов, ни организовывать тургруппы для поездок за границу просто не умеют». В данном случае личные устремления «быть полезными и что-то сделать» нашли свое органическое воплощение в форме молодежной общественной организации с этническим брендом, позволяющим совместить интерес к своей культурной самобытности с современными досуговыми практиками. «Армяне Таганрога» оказались удачным проектом воплощения, казалось бы, уже недостижимой для нас идеи гражданской нации.

А.Р. Царикаева, А.Т. Царикаев

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НЭПОВСКОГО ВЛАДИКАВКАЗА

Армянская община – самая первая и крупная в этнической структуре Владикавказа. История армянской общины Владикавказа насчитывает столько же десятилетий, сколько и сам город. Первые армяне – купцы и мастеровые – пришли сюда сразу, как только на Тереке в первой половине XIX в. возникла крепость, поставленная на южных рубежах огромной империи для надежной охраны Военно-Грузинской дороги. В новой крепости селились не только русские офицеры, осетины из близлежащих сел, были среди первых жителей Владикавказа и армяне, которых к 1897 г. насчитывалось 2043 чел. [1].

Первое упоминание о желании армянской общины иметь во Владикавказе церковь относится к 1839 г. В 1843 г. была построена и освящена небольшая деревянная армяно-григорианская церковь (Сурб Григор Лусаворич), которая просуществовала более двадцати лет. Численность армянского населения быстро росла в связи с большим наплывом переселенцев из Армении и, частично, из Турции, и маленькая церковь не могла, особенно во время праздничных служб, вместить всех желающих. В архивных документах самые ранние сведения о строительстве армянской церкви во имя св. Георгия во Владикавказе датированы 1862 г. Астраханская армяно-григорианская конси-

стория направила командующему войсками Терской области проект и смету на постройку церкви. Место строительства было осмотрено архитектором Сименсом и принято решение «до возведения новой церкви не снимать деревянную церковь, а строить каменную на углу улицы, сняв для этого ветхий церковный флигель». Армяне посчитали самым удобным для строительства место на старом бульваре, потому «что почти все они вблизи одного имеют жительство, так и потому еще, что помимо его пустопорожного участка на приличном месте в г. Владикавказе нет».

В 1864 г. приступили к строительству нового каменного здания. Оно возводилось под руководством архитектора Симонса на средства прихожан и при деятельном участии начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова. Интерьер храма был расписан итальянскими художниками. 30 июля 1897 г. Астраханская армяно-григорианская епархиальная консистория обратилась к начальнику Терской области генерал-лейтенанту А.М. Смекалову с просьбой утвердить план расширения и перестройки церкви. 2 сентября 1897 г. было принято решение об утверждении приложенного плана и дано разрешение «возвести два новых боковых входа с колокольней». Сведений о перестройке церкви в архивных материалах не сохранились, но в историко-этнологическом исследовании З.В. Кануковой «Старый Владикавказ» сказано, что для осуществления этого плана были приглашены строители из святого Эчмиадзина. Средства на постройку были выделены Астраханской армяно-григорианской епархиальной консисторией по велению Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Мовсеса I, а также местными прихожанами. Часть расходов взял на себя М.Т. Лорис-Меликов – человек, оставивший яркий след в истории города. 18 августа 1902 г. состоялось торжественное освящение церкви. В отличие от других храмов города за все время существования двери церкви не закрывались ни на один день. Вокруг святого места по традиции селились прихожане, в основном армянские купцы и мастера, которые торговали не только на рынках крепости, но и ближайших казачьих станиц и в осетинских селах.

До 1917 г. образование на армянском языке находилось под покровительством церкви. При церкви было два церковно-приходских училища – мужское и женское. Затем было основано одноклассное мужское училище. В результате неоднократных запретов и реорганизаций было образовано начальное училище под руководством Д. Нониянца. Попечителем была церковь, которая имела большие полномочия. В 1920-е гг. на армянском языке велось обучение в школе первой ступени № 20, большая часть учеников которой состояла из детей беженцев. 70 % армянских детей в возрасте от 8 до 13 лет были обучены грамоте – это был самый высокий показатель детской грамотности по городу. В феврале 1926 г. на объединенном заседании школьного совета и комсомола Владикавказской армянской школы было принято постановление о преобразование армянской советской школы первой ступени № 20 в семилетку.

Аналогичное постановление было вынесено общим собранием родителей и местного армянского общества в марте. Эти постановления были направлены в окружной отдел народного образования.

Преобразование армянской школы в семилетку явилось необходимостью из-за того, что:

1. Среди семитысячного армянского населения г. Владикавказа единственная школа обслуживала преимущественно рабочую и беднейшую часть беженцев-армян, большая часть которых составляли сироты. Будучи беженцами из турецкой Армении, они не владели русским языком, следовательно, и русские учебные заведения им были не доступны, куда главным образом шли дети имущих армян [2].

2. Из доклада соцвоса было известно, что в городских школах обучались дети армян числом 650 чел., из которых 300 чел. – в армянской школе, однако главная часть детей школьного возраста оставалась вне стен школы, следовательно, расширение армянской школы являлось одним из главных факторов для привлечения большого кадра учащейся молодежи в школу.

3. С новым направлением в русских школах было ясно, что окончившие первую ступень национальной школы не смогут поступить в соответствующие группы русских школ, так как они не имеют требуемых познаний по русскому языку. Вследствие чего должны остаться за бортом школы, а поступившие в прошлом году встретили затруднения в русском языке, и естественно имеют тяготение к своей национальной школе.

Значительное количество неграмотного населения среди армян говорило о необходимости создания сети школ ликбеза на родном языке, в результате чего было организовано 2 группы [3]. В целях ликвидации неграмотности среди армян была проведена разъяснительная работа по вовлечению населения в школы ликбеза [4]. Существовало 4 школы ликвидации неграмотности, которые охватывали до 120 чел. Работа среди женщин-нацменок проводилась по двум направлениям: по линии работы школы кройки и шитья и делегатских собраний [5]. На армянском языке издавались и выписывались книги и газеты. Так, к примеру, из Армении выписывалась газета «Мурч у Мангах», которая распространялась бесплатно среди беженцев. Но в 1926 г. в результате полного отсутствия средств высылка газеты прекратилась [6].

Вся работа среди нацменьшинств г. Владикавказ проводилась, главным образом, через Бюро нацмен Владикавказского окружного комитета ВКП(б) и низовые нацменорганизации, партсекции. Вся политпросветительная работа была сосредоточена в нацклубах. В клубах проводились на национальных языках собрания, доклады, спектакли, вечера. Недостатками клубной работы являлось отсутствие средств и оборудования, непригодность помещений. Местом, где армянское население проводило определенную часть своего свободного времени, был клуб «Нацмен», который находился

на ул. Кооперации (ныне ул. Куйбышева). Клуб являлся центром культурно-просветительной и политико-воспитательной работы среди нацменьшинств. В клубе проводились громкие читки и беседы по газетному материалу, выставки книг, литературно-художественные вечера читателей, велась работа по изучению психологических и бытовых условий жизни национальных меньшинств. При клубе работали драмкружок, музкружок, естественнонаучный кружок с антирелигиозным уклоном [7]. Работа правления армянского клуба проводилась на воздухе, в виде прогулок, экскурсий на производства, различные учреждения, загородные прогулки. Так, Бюро нацмен в июле-августе 1926 г. организовало ряд экскурсий: в Дом охраны материнства и младенчества, музей, туберкулезный и венерологический диспансеры; автомобильную поездку в горы, прогулку на Редан, на завод Кавцинк, табачную фабрику [8].

Важнейшим показателем культуры населения являлось то, как оно проводило свой досуг. Продолжительный рабочий день оставлял слишком мало времени для получения образования, чтения, культурного отдыха в клубе, посещения театра. Но тем не менее, например, одна из комнат Армянского клуба была предоставлена для занятий с хором армянского композитора Сардаряна, прибывшего во Владикавказ с целью популяризации восточной народной музыки среди широких слоев населения [9].

Армянское население оставалось самой значительной по численности национальной группой города после осетин и русских. Одной из важных задач в работе среди нацменьшинств являлось вовлечение трудящегося населения в советское строительство. В 1920–1930-е гг. представители армянской общины получили значительное число голосов в местном совете. Среди избранных членов горсовета в 1925–1926 гг. их насчитывалось 31 чел. В 1926 г. армян-членов ВКП(б) насчитывалось 8 чел., кандидатов – 12, среди которых мужчин – 19, женщин – 1, рабочих – 8, крестьян – 2, прочих – 10, низшего образования – 19, среднего образования – 1. Членов ВЛКСМ насчитывалось 77 чел., пионеров – 47, членов профсоюзов – 3 [10].

До середины 1920-х гг. существовали и армянские национальные общества: благотворительное, культурно-просветительское, комитет помощи беженцам-армянам. Они занимались проблемами беженцев из Западной Армении и Карабаха, организацией культурно-просветительской работы, выступая за сохранение и сбережение национальной самобытности, культуры, традиций, обычаев и языка армянского народа.

Примечания

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. М., 1904. С. 114.
2. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА ИПД РСО-А) ФР. 2. Оп. 1. Д. 41. Л. 37.

3. ЦГА ИПД РСО – А. ФР. 2. Оп. 1. Д. 41. Л. 101.
4. Там же. Л. 1.
5. Там же. Д. 40. Л. 68.
6. Там же. Д. 41. Л. 14.
7. Там же. Д. 77. Л. 138.
8. Там же. Д. 41. Л. 56.
9. Там же. Л. 106.
10. Там же. Д. 41. Л. 109.

И.В. Юрченко, П.П. Зети

АДАПТАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ

Адаптационная проблематика должна стать одной из ключевых проблем политологической науки, актуализирующей движение от пассивного приспособления к построению системы продуктивного взаимодействия личности со средой. Адаптация лежит в основе качественной стабильности целостного и в то же время противоречивого политического процесса. Региональные интересы формируются под влиянием локальных событий, в сложном взаимодействии внутренних и внешних факторов, под воздействием макро- и микрополитики, в дискурсивном противоборстве различных политических сегментов. С этой точки зрения, эффективная политика, направленная на обеспечение безопасности – это эффективное управление конфликтным взаимодействием в пространстве социального и культурного разнообразия, активных политических и миграционных процессов.

Следует подчеркнуть, что не только политический, но и научный дискурс, оказывает непосредственное влияние на конфликтный и интеграционный потенциал в полиэтничном социуме, поскольку знание определенным образом генерирует власть. В современной политической науке проблемы языка и власти, языка и идеологии, технологий политической коммуникации все более выходят на уровень приоритетов в связи с возрастанием роли информационных факторов политического процесса. Вопросы теоретического осмысления способов моделирования политического адаптивного дискурса, механизмов функционирования политических текстов, всестороннего анализа политической риторики, вербальных стратегий политических субъектов рассматриваются в контексте возникновения новых конфликтов. Манипулятивные технологии, подмена понятий и смыслов ради собственных политических интересов приводят к ослаблению общей приспособляемости как в государственном, так и глобальном масштабе [1].

Сложившаяся на юге России ситуация, связанная с бесконтрольными миграционными потоками в постсоветский период, обусловила тематизацию политического дискурса по отношению к мигрантам. Характерно, что в этом дискурсе был как конфликтный, так и интеграционный потенциалы. И в обществе можно было проследить флуктуации протеста и поддержки формирующейся миграционной политики разными социальными и этническими группами. Параллельно то усиливалось, то ослаблялось конфликтное противоборство акторов этнополитических отношений, таким образом подтверждая идею дискурсивного конструирования реальности. Можно предположить, что сам научный дискурс (а не только политический) оказывает непосредственное влияние на конфликтный и интеграционный потенциал в регионе [2]. Юг России как полиэтничный макрорегион характеризуется исключительной динамикой миграционных процессов, в значительной степени детерминированных его неравномерным социально-экономическим развитием [3], часть регионов характеризуются миграционным оттоком, в некоторых регионах сохраняется высокая миграционная привлекательность, что особо требует обеспечения безопасности. Соответственно, актуализируется дифференциация задач миграционного регулирования на юге России. В регионах миграционного оттока с низким социально-экономическим уровнем развития (республики Северного Кавказа) наиболее эффективной стратегией является ориентация на развитие собственной инфраструктуры, создание привлекательных рабочих мест, сдерживание оттока квалифицированной рабочей силы, преодоление этнократизма. В свою очередь, в регионах высокой миграционной привлекательности со средним или высоким уровнем социально-экономического развития (края и области юга России, Поволжье) оптимальным является создание механизмов селективной миграции, обеспечение баланса законных интересов мигрантов и постоянных жителей, достижение интеграции мигрантов в принимающее сообщество на основе российской гражданской идентичности.

По этнической принадлежности большая часть мигрантов в составе внешней миграции России – представители славянских национальностей, преимущественно русские. Внешняя миграция этносов в Россию питается главным образом выходцами из Украины, Таджикистана, Грузии, Армении и Азербайджана. Однако при обмене с такими странами, как Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан, наблюдается снижение миграционного прироста [4].

В аспекте совершенствования миграционной и национальной политики современной России одним из предложений кандидата на пост Президента РФ В.В. Путина в программной статье «Россия: национальный вопрос» является создание в системе федеральных органов власти специальной структуры, отвечающей за вопросы национального развития, межнационального благопо-

лучия, взаимодействия этносов. Речь идёт о коллегиальном органе, который взаимодействует непосредственно с президентом страны, с руководством правительства и имеет определенные властные полномочия [5]. Повышение качества миграционной политики также предполагает ряд мер, среди которых в вышеуказанной статье В.В. Путин предлагает обратить особое внимание на проблему цивилизованной интеграции и социализации мигрантов, что можно решить посредством высоких стандартов отечественного образования как такового. Данный аспект важен в силу того, что привлекательность образования и его ценность является мощным рычагом, мотиватором социально ответственного поведения для мигрантов в плане интеграции в общество.

Реальной альтернативой неконтролируемым миграционным потокам может стать тесная интеграция на постсоветском пространстве. Ключевым инструментом, благодаря которому можно ввести миграционные потоки в нормальное русло, являются задачи, поставленные внутри страны (создание новой экономики с эффективной занятостью, воссоздание профессиональных сообществ, равномерное развитие производительных сил и социальной инфраструктуры на всей территории страны), и задачи евразийской интеграции. Решение проблем миграционной и национальной политики возможно только в комплексе с решением задач во всех сферах жизни государства и общества – в экономике, социальной политике, образовании, политической системе и внешней политике [6].

В условиях растущей глобализации расширяется спектр угроз, для которых границы государства не являются непреодолимым барьером. Это и информационная, и экологическая, и радиационная безопасность, а также существует проблема устойчивости мировой финансовой системы, угрозы психологического характера и духовно-нравственной безопасности. Глобализация экономики ведет к снижению объема «низких» технологий и развитию «высоких», происходит передача низко квалифицированных или экологически опасных производств в развивающиеся страны. Оценивая положение России как находящейся в ловушке глобализации, некоторые эксперты предлагали, чтобы Россия «оказывала экологические услуги на рынках пространства» [7], что создавало серьезные угрозы суверенитету страны и экологической безопасности. Усиливающаяся регионализация, появление различных концепций регионализма имели особое значение именно на фоне глубинного политико-экономического и мировоззренческого кризиса, проявляющегося в экзистенциальных переживаниях по поводу периферийного положения России в трансформирующейся мировой системе. Как справедливо отмечает Л. Фишман, «нахождение на периферии миросистемы порождает... на индивидуальном уровне... ощущение того, что ты “не хозяин собственной жизни”, а на уровне страны: “мы не определяем собственную историю”» [8]. Эти переживания он называет переживаниями «неполной субъективности», ослабляющие мен-

тальные основы безопасности и устойчивого развития. Но в условиях нестабильности и непредсказуемости социальных изменений для обеспечения необходимого уровня национальной и региональной безопасности в процессе интенсивных трансформаций мирового пространства обществу необходимы серьезные адаптационные ресурсы [9]. Миграционная ситуация на юге России является одним из конфликтогенных факторов, характеризующихся нарушением баланса интересов различных социальных групп. Необходимо учитывать наличие и позитивного опыта межэтнических взаимодействий. Так, например, в Краснодарском крае второй по численности после русских этнической группой являются армяне. Как известно, армянская диаспора Краснодарского края очень неоднородна в связи с длительным периодом ее формирования на протяжении нескольких столетий. При этом в нее входят армяне, приехавшие не только из самой Армении, но и из других регионов мира. Но поскольку значительная часть армянской диаспоры давно проживает на Кубани, распространенный стереотип о том, что среди прибывших в край для постоянного проживания мигрантов большинство – армяне, является ошибочным, создающим дополнительные социально-этнические напряжения. Как отмечают эксперты, состав не очень мощного миграционного потока «примерно соответствует этническому составу населения Краснодарского края», то есть подавляющее большинство среди мигрантов – русские. Довольно активное переселение армян в Краснодарский край происходило в конце XX – начале XXI вв. по причине этнических конфликтов, экономической разрухи и развала Советского Союза. Если в 1989 г. в Краснодарском крае насчитывалось около 174 тыс. армян, то в 2002 г. – на 100 тыс. больше [10]. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Краснодарском крае проживает около 282 тыс. армян [11]. Конечно, многие из них мигрантами не являются, так как родились на Кубани. Но опасность осложнения межэтнических отношений связана и с экономическими и социально-политическими причинами, а также с возможными провокационными действиями в информационном пространстве или на бытовом уровне. Повседневность требует отслеживания неблагоприятных тенденций, опасных для устойчивого регионального развития.

Определение угроз безопасности должно опираться на социоанализ множества фактических данных (политических, демографических, психофизических, экономических и др.), которые рассматриваются как компоненты конфликтного процесса в регионе. Однако важно установить в качестве основных объектов научной интерпретации факты, обладающие существенным для стратегии государства характером, так как региональные конфликты, как правило, происходят не в локальных, изолированных условиях, а в сложном взаимодействии внутренних и внешних факторов, совокупность которых определяет динамику и характер конфликтного взаимодействия в регионе. Так, после распада СССР Краснодарский край превратился в пограничный

регион, близкий к районам этнических конфликтов как в соседних странах ближнего зарубежья (Грузия, Армения, Азербайджан, Украина), так и внутри самой РФ (Карачаево-Черкесия, Чечня, Дагестан, зона осетино-ингушского конфликта). С другой стороны, в пределах Краснодарского края находится единственный геополитический и экономический «коридор» России к Чёрному морю. Инвестиционная привлекательность края резко возросла с прокладкой и началом использования нефтегазопроводов из Северного Казахстана и Азербайджана к портам Чёрного моря.

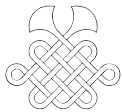
Разработаны и внедряются в жизнь амбициозные программы экономико-социального развития Кубани, в особенности выгодные для приморских районов от Темрюка до Сочи, а также для крупных городов. Неконтролируемая миграция приводит к дополнительной нагрузке на социальную сферу, создает напряженность на рынках труда, заметно меняется этническая карта края. В крае, где проживали представители 124 национальностей, нарушается исторически сложившийся баланс численности этнических групп [12]. Опасность возникновения конфликтов на межэтнической почве резко увеличивается из-за того, что представители многих диаспор имеют склонность к компактному проживанию. Поэтому важно уделять особое внимание адаптационным аспектам региональной безопасности, создавать условия для позитивной миграционной динамики, чтобы миграционные процессы в Российской Федерации стали необходимым фактором, способствующим развитию экономики, улучшению демографической ситуации и обеспечению национальной безопасности. Региональные интересы формируются под влиянием локальных событий, в сложном взаимодействии внешних и внутренних факторов, макро- и микрополитики.

Таким образом, комплексный анализ механизмов обеспечения региональной безопасности включает исследование и латентных процессов, создающих дополнительные угрозы, связанные с деятельностью разнообразных субъектов, имеющих разнонаправленные цели. Неравенство социально-экономического развития, цивилизационное разнообразие и различия в системе ценностей создают все новые и новые угрозы политической стабильности. Процессы регионализации, усиливающиеся в связи с глобализацией, а также локально-региональные аспекты геополитики [13] являются постоянными конфликтогенными факторами, которые требуют систематического отслеживания и теоретического осмысления.

Примечания

1. Юрченко И.В. Адаптационные аспекты социальной безопасности в условиях глобализации // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 189–190.
2. Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтнического социума (на материалах Юга России). Краснодар, 2011. С. 125.

3. Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов н/Д, 2008.
4. Юрченко И.В., Донцова М.В. Региональная безопасность Краснодарского края в контексте политических процессов в Черноморском макрорегионе. Краснодар, 2008. С. 45
5. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. (дата обращения: 24.01.2012).
6. Там же.
7. Мир без границ – война без фронтов? Челябинск, 2002. С. 173.
8. Там же. С. 188.
9. Юрченко И.В. Адаптационные аспекты социальной безопасности в условиях глобализации. С. 192.
10. Армяне Краснодарского края. Сборник информационно-методических материалов. Краснодар, 2008. С. 3.
11. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Приложение 7. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php. (дата обращения: 14.03.2012).
12. Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С. 144.
13. Юрченко В.М., Юрченко И.В. Локально-региональные аспекты геополитики России в Черноморском макрорегионе // Вестник Российской нации. 2010. № 6. С. 202–218.

РАЗДЕЛ III. ВКЛАД АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОСВОЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА

Р.А. Абрамян

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КМВ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.

Представители армянского народа, прибывшие и расселившиеся в свое время и по разным причинам в Ставропольском крае, оставили глубокий след в истории этого многонационального региона. Армянская община Кавказских Минеральных Вод традиционно влияла на общественно-культурную и хозяйственную жизнь городов-курортов. Лидерами армянской диаспоры в Пятигорске в разное время являлись Атабеков, Агаян, Берберов, Ерибеков и другие [1]. Армяне стремились самоутвердиться в регионе и добиться расположения местной власти, наладить добрососедские отношения с представителями других этнических групп. Особо преуспевали армяне КМВ в торговле и строительстве. Армянские купцы содержали на территории КМВ мануфактурные и бакалейные магазины, торговали винами, восточными товарами, являлись владельцами некоторых гостиниц и ресторанов. Будучи превосходными каменщиками, армянские строители всегда были востребованы на курортах КМВ, где в начале XX в. был настоящий строительный бум. Однако среди армян было немало высококвалифицированных специалистов и в других сферах деятельности. Среди членов Русского бальнеологического общества можно встретить имена известных врачей К.С. Агаджаньянца, К.А. Ганжумова.

Одним из признанных мастеров своего дела на КМВ стал архитектор и общественный деятель Эммануил Багдасарович Ходжаев (1861–1939 гг.) – сын армянского купца Багдасара Ходжаева из Нахичевани-на-Дону, внук известного пятигорского купца Никиты Челахова. Э.Б. Ходжаев родился 23 октября 1861 г. в Пятигорске. По окончании Владикавказской военной прогимназии летом 1882 г. стал вольнослушателем, а в 1884 г. – казенным учащимся Санкт-Петербургской Академии художеств, которую окончил в 1891 г. со званием классного художника-архитектора 3-й степени.

В период летней практики 1889 г. участвовал в создании сквера Лермонтова и павильона по продаже минеральной воды в «Цветнике» г. Пятигорска. В 1891 г. по его проекту было построено здание прихода при Пятигорской Армянской церкви. В 1892 г. приступил к обширной архитектурной деятель-

ности на КМВ, много проектировал и строил по частным заказам. С осени 1900 г. до лета 1902 г. стал временным городским архитектором Пятигорска. Летом 1904 г. переехал на постоянное место жительства в г. Кисловодск, где занимал должность первого городского архитектора. К 1917 г., став крупнейшим архитектором на КМВ, Э.Б. Ходжаев привлекался к строительству дач, гостиниц и санаториев в городах-курортах. Он являлся автором 500 проектов зданий, около 300 из которых были реализованы на территории Кавказских Минеральных Вод, в Терской и Кубанской областях. Основная часть построек по его проектам находится в Кисловодске, Пятигорске и Ессентуках. В Пятигорске это здание почтовых учреждений, прогимназия Гурджиевой, гостиница и дом Ганжумовых, доходный дом Ходжаевых на ул. Царской, целый ряд дач в районе Провала и многие другие сооружения. В своих работах известный на Северном Кавказе архитектор преимущественно использовал стиль модерна и мавританский неостиль [2].

В Кисловодске Э.Б. Ходжаев был известен не только благодаря своим профессиональным качествам. По инициативе А.П. Лорча 26 мая 1917 г. 19 членов Кавказского горного общества, проживающих в Кисловодске, решили создать Кисловодский отдел КГО и обратились с соответствующим ходатайством в правление КГО в г. Пятигорске. Среди подписавших ходатайство были заведующий Кисловодской группой С.В. Ясенский, присяжный поверенный А.М. Анциферов, доктор Н.В. Знаменский, член городской управы П.А. Утяков, архитектор Э.Б. Ходжаев [3]. После получения согласия на это ходатайство 17 апреля 1917 г. в Кисловодске под председательством А.П. Лорча состоялось первое общее собрание отделения с выбором правления. Председателем правления Кисловодского отдела КГО был избран профессор А.П. Нечаев, товарищами председателя были назначены И.М. Севастьянов и Э.Б. Ходжаев, секретарём – В.В. Грубинер [4]. Летом 1923 г. в Кисловодске в Нарзанной галерее на общественных началах стал функционировать организованный бывшим членом КГО Георгием Шахназаровым экскурсионно-справочный стол. Экскурсоводами при нем состояли И. Демянцевич, Б. Виноградов, М. Ходжаев [5].

Среди армян Кавказских Минеральных Вод были крупные домовладельцы и дачевладельцы – И.Д. Тер-Погосов, Ацатуров, Ашурбеков и другие. В конце XIX в. на средства бывшего мещанина города Нухи, купца и кондитера Аршака Арутюновича (Александра Александровича) Гукасова (1859–1947) в г. Пятигорске по проекту городского архитектора С.И. Гущина была построена дачная гостиница «Эльза», названная в честь жены предпринимателя Е.В. Гукасовой. Удобное местоположение, новая трамвайная линия, соединяющая город с железнодорожным вокзалом, комфортабельные условия отдыха в меблированных номерах дачи «Эльза», открывшейся к сезону 1905 г., привлекали множество постояльцев, о чем сообщают рекламные проспекты тех лет [6]. Автор «Иллюстрированного практического путеводителя

по Кавказу» Григорий Москвич отмечает: «Дача “Эльза”, на Лермонтовской улице. Имеется 50 комнат с отдельными террасами, верандами и балконами с прекрасными видами. Все необходимые удобства, в комнатах – водопровод и отливывы. Комнаты сдаются посуточно, на неделю и на сезон, от 50 к. в сутки. Ванны и душ. Имеются домашние обеды, чай, кофе, шоколад...» [7].

В сентябре 1905 г. А.А. Гукасов, исполнявший обязанности гласного городской думы, сделал выгодное предложение городским властям об аренде пустующего «пяточка» у входа в «Цветник», напротив новой Казенной гостиницы, для постройки новой кофейни-кондитерской [8]. При этом автор идеи обещал, что построенное им сооружение перейдет в собственность города, а он сам будет числиться только его арендатором. Осенью 1905 г. городской архитектор С.И. Гушин составил проект кофейни с заранее оговоренной сметой в 15 тыс. руб., а городская дума подписала договор с А.А. Гукасовым на предложенных им условиях [9].

Несмотря на некоторые противоречия с Управлением КМВ, в 1907 г. А.А. Гукасов приступил к осуществлению своей давней мечты. Двухэтажное здание кофейни из желтого кирпича, машукского камня и дерева, созданное в стиле модерн, стало украшением парка «Цветник», а впоследствии визитной карточкой города. Г. Москвич писал: «В Пятигорске – кофеен много: лучшая из них Гукасова» [10]. Особенно славились фирменные ванильные булочки Гукасова, которые готовились в большой пекарне, находящейся во дворе гукасовского особняка на Эмирской (ныне – Октябрьской) улице. Эти и другие достойные люди армянского происхождения, проживавшие в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод, отличаясь высокими профессиональными качествами, активной гражданской позицией и добропорядочностью, снискали своей деятельностью почет и уважение среди местного населения.

Трагическая судьба армянского народа способствовала возникновению многочисленной армянской диаспоры на территории других государств, в том числе и России. Будучи людьми инициативными, предприимчивыми, творческими, армяне не могли оставаться в стороне от общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни в местах их расселения. Легко адаптируясь в новых этнополитических условиях, внося весомый вклад в развитие хозяйства и культуры других народов, армянская диаспора, тем не менее, неизменно сохраняла свою этническую самобытность.

Примечания

1. Яновский В.С. Традиции добрососедства. URL: http://www.kmvline.ru/article/a_94.php (дата обращения 17.02.2012).
2. Виноградов Б.С. Лучше гор могут быть только горы. Год 1917. Кисловодский отдел КГО. URL: <http://www.kmvline.ru> (дата обращения 13.02.2012).
3. Энгоф Д. Краткий очерк истории возрождения Кисловодского отдела КГО // Кавказские курорты. 1917. № 14.

4. Зольникова Ю.Ф. Вклад горных обществ в развитие туризма и альпинизма на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв. // Орловский И.И. и современные проблемы краеведения. Смоленск, 2009. С. 125–130.

5. Виноградов Б.С. Лучше гор могут быть только горы. Год 1917. Кисловодский отдел КГО. URL: <http://www.kmvlne.ru> (дата обращения 13.02.2012).

6. Хачиков В.А. Пятигорск во времени и пространстве. Ставрополь, 2009. С. 119–120.

7. Акопян В.З. Страницы из истории армянской общины города Пятигорск // Вестник архивов Армении. Научно-популярный журнал. 2006. № 2. С. 97–111.

8. Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг. Ставрополь, 1985. С. 280–288.

9. Архитектура Пятигорска. Кофейня Гукасова (парк «Цветник»). URL: http://www.kmvlne.ru/arch/b_33.php (дата обращения 14.02.2012).

10. Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. URL: <http://dacha-elzy.narod.ru/kraevedyodache.html> (дата обращения 20.01.2012).

В.Б. Бархударян

РОЛЬ АРМЯНСКИХ ОБЩИН В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЮЖНОЙ РОССИИ

Во второй половине XVIII в., в период правления Екатерины II (1762–1796 гг.) в России стала претворяться начатая еще Петром Великим политика, нацеленная на расширение южных границ Российской империи в сторону восточных рынков. Правительство России осознавало, что осуществление этой политики невозможно без заселения южных степей и их экономического освоения. С этой целью согласно указам Екатерины II (1763–1764 гг.) иноземцам, обосновавшимся в южных районах, предоставлялись широкие экономические и правовые привилегии.

Пользуясь предоставленными правительством возможностями, армяне обосновывались и создавали свои общины в почти незаселенных степях Новороссии: в Кизляре, Моздоке, Сурб Хаче, Дербенте, Астрахани, Новом Нахичеване, Екатеринодаре, Армавире и других местах. Им были предоставлены обширные земельные участки и право на свободное занятие торговлей и ремеслами. Поселенцы стали успешно заниматься всеми основными отраслями экономики.

В сельском хозяйстве они преуспевали как в разведении зерновых культур и в садоводстве, так и в животноводстве. На обширных степных территориях Нового Нахичевана выращивались зерновые культуры, и на рынок поставлялось более 80–85 % урожая. Армяне Северного Кавказа успешно занимались садоводством, особенно виноградарством. В 1785 г. в районе Кизляра у армян насчитывалось более 567 фруктовых садов, в основном виноградников [1]. Армянские общины отличались также развитым шелкопрядством. Только

в районе Кизляра в 30-х гг. 19 в. армяне вырастили 500 тысяч тутовых деревьев и ежегодно производили 75 пудов шелкового сырья [2]. Развивалось крупное и мелкое скотоводство, в том числе и коневодство.

Для армян ремесло было всегда одним из важных отраслей хозяйства. Они успешно развивали кожевенное, ювелирное, медеплавильное, кузнечное, столярное, портняжное и другие виды ремесел. Широким спросом пользовались изделия золотых и серебряных дел мастеров. Армянские ремесленники славились как искусные мастера, в совершенстве владеющие своим делом. В отчете градоначальника Таганрога от 1850 г. внимание правительства обращается на мастерство изделий, изготовленных ремесленниками Нор-Нахичевана, затем градоначальник отмечает, что некоторые образцы этих изделий были направлены в «Южную комиссию» для отправки на всемирную выставку в Лондоне [3].

Географических условия, в которых находились армянские общины, давали им возможность водными и сухопутными путями налаживать торговые связи с восточно-европейскими рынками. Была развита и внутренняя, и внешняя торговля. Во внутренней торговле армяне отличались своей активностью. Согласно статистическим данным 1857 г., в Таганроге насчитывалось 257, в Екатеринославе – 216, а в Новом Нахичеване – 368 торговых ларьков [4]. На Северном Кавказе, особенно у черкесов, широким спросом пользовались изготовленные армянскими мастерами конные уздечки, седла, разнообразные пояса, обувь, золотые и серебряные изделия.

Участие армян во внешней торговле было еще более продуктивным. Они экспортировали не только свою продукцию, но и товары, приобретенные в других областях страны. Наиболее важными объектами внешней торговли были животный жир и коровье масло. В 1818 г. трое армянских купцов приобрели и привезли в Нор-Нахичеван 14900 пудов коровьего масла из разных областей страны для продажи прибывшим из заграницы торговцам [5]. Экспортировались в большом количестве икра, шерсть.

Таким образом, обосновавшиеся в России армяне, пользуясь предоставленными правительством привилегиями и благоприятными местными условиями, внесли определенный вклад в дело освоения и развития экономики южной России, Новороссии.

Примечания

1. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. ВУА. Д. 18570. Л. 85.
2. Հայ գաղթաւիշարերի պատմություն, հ.1, Երևան, 2003, էջ 371–372.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф.1281, Оп.5, Д.60, Л.24.
4. Հայաստանի ազգային արխիվ, ՀԱԱ, գր. 708, թ. 3.
5. Материалы для географии и статистики России, Екатеринославская губерния, составил В. Павлович. СПб., 1862. С. 216.

Н.Н. Великая

О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЯХ АРМЯН ТЕРСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Армянская колонизация Терского левого бережья (от Кизляра до Моздока) в XVIII – первой половине XIX вв. сопровождалась развитием здесь новых отраслей производства. Среди армянских переселенцев следует различать земледельцев, живших на этнической родине или в провинциях других государств, и торговцев, давно утративших связь с этнической территорией и долгое время находившихся среди других народов. Первые и на новом месте ориентировались на земледелие, основывали селения, вторые по-прежнему торговали и проживали в городах.

В целом для притеречных армян был характерен высокий уровень урбанизации, что можно объяснить многовековыми традициями развития собственных городов, а также тем, что из Закавказья мигрировала наиболее активная часть населения, связанная с торговлей. Кроме того, в местах прежнего проживания армяне составляли большинство городских жителей, в частности они доминировали во многих городах Турции, Ирана, Грузии [1]. И в дальнейшем в Терской области, по данным Н.Г. Волковой, более 80 % армян проживало в городах [2].

В конце XVIII в. И.А. Гюльденштедт отмечал, что главный промысел армян Притеречья – торг с Персией. В 1769 г. из Персии было вывезено 2209 пудов 5 фунтов шелку [3]. Роль армянских купцов в торговле с Ираном была достаточно велика: на их долю в XVIII веке приходилось 75–80 % от общей суммы товарооборота [4]. Из Ирана в Кизляр и далее в Центральную Россию кроме шелка поступали хлопчатобумажные изделия и другие товары. Международная торговля и в дальнейшем сохраняла свое значение.

В рассматриваемый период происходила интеграция Восточного Предкавказья в российское экономическое пространство, и роль закавказцев в этом была весьма заметной. Тысячи бочек винно-водочной продукции отправлялись на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, в Москву, Петербург, другие города страны. На всероссийский рынок поставлялись желтинник, марена, рыба и др. К концу первой четверти XIX в. из Кавказской губернии в более северные области ежегодно перегонялось до 40 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота, лошадей [5]. Не только среди кизлярских, но и среди моздокских армян было много купцов, торговавших в крупных городах России. В середине XIX в. оборот торговых предприятий 22 армянских семейств Моздока, в руках которых была сосредоточена почти вся городская торговля, составлял около 200 000 руб. в год [6]. Торговля, которую вели армяне, способствовала складыванию общего северокавказского рынка, укреплению торгово-экономических связей региона с более отдаленными областями. Рост товарно-денежных отношений разрушал натуральное хозяйство горцев, создавал предпосылки для

модернизации производства и общественных отношений. Армянские торговцы вывозили из горских аулов на продажу в Кизляр, Астрахань и другие города марену, сукно, шкуры зверей, орехи, сухофрукты, воск и пр. Взамен горцам поставлялись ткани (холст, бурметь, пестрядь), чугунные котлы, зеркала, замки, иглы, наперстки, сундуки, мыло, бумага [7]. Армянские купцы приобретали у ближайших соседей-караногайцев и казаков сельскохозяйственную продукцию и продавали ее в городах Северного Кавказа, Центральной России, Закавказья. У армянских торговцев в середине XIX в. можно было купить холст, ситцы, шелковую материю, железо, соль, медную посуду и другие товары. Путешественник А. Павлов, побывавший в Притеречье, в этой связи отмечал, что местные армяне ведут деятельный и трудолюбивый образ жизни, оборотливы в торговле [8]. Армянские купцы оперативно реагировали на конъюнктуру рынка, хорошо ее знали и умели приспособливаться к меняющейся социально-экономической и политической ситуации [9].

Армянское население Терского левобережья как в городах, так и в сельской местности активно занималось шелководством. Сарафанниково (Шелкозаводская), Кизляр, Паробочево, где основную массу населения составляли армяне, стали первыми центрами шелководства на юге России. В одном Сарафанниково в 1772 г. было получено 8 пудов шелка-сырца [10]. О вкладе армян в развитие этой отрасли в Моздоке свидетельствуют следующие цифры: в 1834 г. моздокским армянам принадлежало свыше 10 тыс. шелкопрядов (из 14 тыс.). Крупным центром шелководства являлся Кизляр (в 1846 г. кизлярами было получено 120 пудов шелка-сырца – почти половина от произведенного на Северном Кавказе) [11].

И горожане, и селяне активно занимались виноградарством и виноделием. В 1836 г. в Кизляре насчитывалось 1062 частных виноградника. Армянам принадлежали десятки винодельческих и спиртокурительных заводов, появившихся на Тереке во второй половине XVIII в. Винодельческая продукция из Кизляра поступала на всероссийские ярмарки, в частности на Макарьевскую [12]. С армянами связано начало коньячного производства в России, спиртокурение. Кизлярская водка получила известность на всю страну, вина и водка вывозились в Москву и многие губернии России.

С появлением армян в Восточном Предкавказье получило распространение рисоводство (рис на Тереке называли «сорочинским ереванским пшеном»). На орошаемых землях рис давал неплохие урожаи, высока была его цена на рынке [13]. Занятиями армян на левобережье Терека также стали садоводство, овощеводство, выращивание проса и хлопчатника.

Армяне составляли значительную часть городских владельцев и работников ремесленных мастерских и предприятий. То есть с ними было связано развитие нового капиталистического уклада. В 1815 г. в Кизляре числилось 8 кустарных кожевенных и 15 свечных заводов, в начале 1850-х гг. – 36 про-

мышленных предприятий (в том числе 12 спиртокурительных). В 1835 г. считывалось 154 торговых лавки, в 1856 г. – уже 196. Насколько велик был вклад армян в развитие ремесла, промышленности и торговли, можно судить по данным 1815 г., согласно которым лишь 14 армян Кизляра были земледельцами (хлебопашцами) или скотоводами [14]. В Моздоке армяне владели большинством воскобойных предприятий [15].

Развитие отдельных хозяйственных занятий армян на Тереке определялось, с одной стороны, многовековыми традициями. Со времен Урарту в Закавказье было известно виноградарство и виноделие, а с VI–VII вв. – шелководство. С другой стороны, российское правительство поощряло развитие этих отраслей, предоставляя населению многочисленные льготы. Так, указы, касающиеся шелководства, издавались регулярно на протяжении всего XVIII в. – начала XIX в., что не могло не сказаться на хозяйственных занятиях мигрантов.

Кроме того, в условиях Восточного Предкавказья не всегда были применимы земледельческие традиции и опыт закавказцев. Эта земля (в значительной части песчаная, малоплодородная) требовала особого подхода. В ходе многолетних практических поисков земледельческое население Терского левобережья отдало предпочтение виноградарству, виноделию, шелководству как наиболее доходным отраслям экономики. Наличие городов (Кизляр, Моздок) способствовало развитию торговли с соседними регионами, что еще более укрепляло указанную специализацию. В XVIII в. – первой половине XIX в. Кизляр и Моздок являлись не только административными, но и торгово-ремесленными центрами, население которых (в основном армяне) занималось преимущественно товарными отраслями сельского хозяйства и расширением местной промышленности и торговли.

При освоении новой территории происходило не только приспособление, но и трансформация привнесенных навыков, складывался новый комплекс хозяйственно-бытового уклада, соответствующий природной и социально-политической среде. С армянами Восточного Предкавказья можно связать хозяйственно-культурные типы (Б.В. Андрианов их называет зонами [16]) нового времени – товарное земледелие, промышленное и мелкотоварное производство.

Активная торгово-экономическая деятельность армян позволяла им сохранять определенную автономию, иметь структуры самоуправления в городах, открывать свои школы, строить храмы. Она связывала их с другими группами армян. К тому же длительная традиция дисперсного проживания препятствовала ассимиляции.

Армяне Терского левобережья заняли вполне определенную экономическую нишу, чему способствовали природные условия, политика правительства, ориентировавшая переселенцев на развитие определенных отраслей (шелководство, рисоводство, виноградарство и др.), ментальные предпочтения, тесное общение и развитие торговых связей между народами региона,

в ходе которых происходил обмен необходимыми продуктами. На основе взаимодополняемости, взаимопользовности складывались и определенные партнерские отношения этносов, именуемые школой проф. В.Б. Виноградова российскостью. Так, в конце 1850-х – начале 1860-х гг., когда началось переселение ногайцев в Турцию, это вызвало серьезное беспокойство кизлярских и моздокских армян-торговцев, которые выступали посредниками в обмене продукцией, произведенной этническими группами региона. В письме Ставропольскому губернатору они сообщали, что, если «ногайцы переселятся из настоящего места, то решительно нечем заменить их... Неминуемым последствием этого будет гибельный поворот в хозяйстве и благосостоянии жителей края» [17]. Все вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет считать терских армян и этнопрофессиональной общностью [18], внесшей большой вклад в экономическое развитие региона в рассматриваемый период.

Примечания

1. Халмухамедов А.М. Армянская диаспора как этнополитический феномен // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 85; Мамулов С.С. Армяне в Грузии. М., 1995. С. 13.
2. Волкова Н.Г. О расселении армян Северного Кавказа до начала XX века // Историко-филологический журнал. Т. 3 (34). Ереван, 1966. С. 266–267.
3. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809. С. 25.
4. Аганесова Д.В. Армянская диаспора Нижнего Терека (XVIII–XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. С. 14.
5. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981. С. 31–33.
6. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998. С. 284.
7. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С. 177; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док. М., 1988. С. 119–221.
8. Об азиатских народах, обитающих в Южной России, путешествовавшего по России с 1824 по 1835 гг. А. Павлова. СПб., 1841. С. 14, 34.
9. Яхшибекян Д.Д. Роль армянского купечества в торгово-экономических взаимоотношениях Дагестана с Россией в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2010. С. 19.
10. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. С. 25.
11. Тер-Саркисянц А.Е. Указ. соч. С. 284.
12. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 444. Оп. 1. Д. 418. Л.11, 17 об.
13. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века // Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Грозный, 1961. С. 43.
14. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов н/Д, 1984. С. 102–103.
15. Тер-Саркисянц А.Е. Указ. соч. С. 284.

16. Андрианов Б.В. Закономерности географической среды и хозяйственно-культурная дифференциация народов мира // Этническая экология: теория и практика. М., 1991. С. 169.

17. См.: Кульчик Ю.Г., Конькова З.Б. Нижне-терское и гребенское казачество на территории Дагестана. М., 1995. С. 21.

18. Под этническим разделением труда понимается исторически сложившаяся и статистически выраженная система трудовых предпочтений этнических групп, закрепленная в их трудовой этике // Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001. С. 192–193.

Т.Т. Велиханова, И.В. Даниян, К.Ю. Мосесова

РОЛЬ АРМЯНСКОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Как известно, конец XIX в. ознаменовался вступлением России в стадию империализма и вовлечением ее колониальных окраин в водоворот капиталистических производственных отношений. Дагестан не остался в стороне от происходящих в империи экономических процессов. Старые и новые города области устраивались по российскому образцу. Присутствие военных, развитие торговли, промышленности, управленческих органов создавали атмосферу российской жизни. Самым же крупным событием, значительно повлиявшим на дальнейшее развитие экономики региона, было проведение в 90-х гг. XIX в. железной дороги, соединившей его с центром России и такими крупными промышленными центрами Кавказа, как Баку и Грозный. Не менее значительную роль в подъеме экономики сыграла также постройка порта в Петровске, количество грузооборота через который стало расти большими темпами. Эти факторы, безусловно, увеличивали интерес торгово-промышленного сословия к Дагестанской области.

Экономические, политические и культурные связи Дагестана с соседними народами (русскими, грузинами, азербайджанцами, армянами, чеченцами, осетинами и т.д.) имеют богатую многовековую историю. Но именно в конце XIX в. они приобретают качественно новое содержание, обусловленное глубокими сдвигами в экономике. В начале XX в. эти связи между народами, входящими в состав Российской империи, стремительными темпами расширялись, затрагивая прежде всего хозяйственную и культурную сферу.

Но нам хотелось бы подробнее остановиться на той роли, которую сыграли в развитии торгово-промышленной сферы Дагестана представители армянской диаспоры, компактно проживающие на территории области.

Армяне в основном характеризовались как торговое сословие. Безусловно, именно торговля является своеобразным толчком для зарождения про-

мышленного производства. Её великую роль в жизни общества обозначил М.С. Гаджиев, когда писал, что «торговля, возникнув и развившись как жизненная необходимость из простейших форм натурального межплеменного обмена в первобытную эпоху, играла и играет важную роль в экономической, культурной и политической жизни общества» [1]. Как отмечал С. Броневский, «торговля признается за весьма низкое ремесло между Кавказским рыцарством...» [2]. Поэтому занятие ею среди местного народов было не столь популярным. Армянская же торговая буржуазия, наоборот, была очень заинтересована в расширении торговых связей внутри России, что подвигло определённую её часть переселиться в российские пределы и жить здесь. Армянские купцы пользовались привилегиями, которые были им даны ещё в XVIII в., во времена правления Петра I (1711 г.). При Павле I государство продолжало проявлять заинтересованность в колонистах-армянах. Указом от 1799 г. император подписал жалованную грамоту армянам, согласно которой армянские купцы освобождались от приписки к купеческим гильдиям. Данные привилегии значительно повлияли на развитие торговли в армянской среде.

Говоря о расширении Темир-Хан-Шуры в 1834 г. Костемеровский так определил роль «торговцев»: «Армяне – это неутомимые сапёры, пролагающие своими духанами по тущобам Кавказа небывалые пути русской торговли» [3]. Армяне как торговое сословие в основном были сосредоточены в городах. Несмотря на то что их количество в наиболее крупных городах Дагестана колебалось примерно от 6 % до 8 % от общей численности населения, всё же, как отметил П. Березин в своей книге «Путешествие по Дагестану и Закавказью», «сухопутная торговля находилась в руках армян» [4]. Вполне логичным будет предположить, что это касалось и Дагестанской области.

К примеру, в Дербент систематически приезжали армянские купцы. Они вывозили изделия дагестанских горцев в различные города и страны. Разъезжая по аулам, армянские купцы, число которых преобладало среди приезжих скупщиков, большими партиями приобретали сукно и вывозили его не только в города Российской империи, но и в Иран, а также некоторые страны Малой Азии. В свою очередь, армяне завозили в Дагестан товары, в которых остро нуждался регион. Так, кирпичных заводов в Дербенте не было, но готовый кирпич имелся на складе у купца первой гильдии Макара Савельевича Саруханова – одного из самых ярких представителей армянского торгового сословия. Он занимался также торговлей лесом, который из-за дефицита пользовался большим спросом. Лес он возил из Астрахани, арендуя при этом лучшие суда.

Следует отметить, что в торговой сфере Дербент занимал передовые позиции, так как дербентские купцы были хорошо известны как в России, так и за рубежом. Он являлся торговым центром Южного Дагестана. Р.А. Губаханова

отмечала, что «на его территории было сосредоточено такое количество предпринимателей, что хватило бы на всю Дагестанскую область» [5]. С ростом и развитием капиталистических отношений в городе и его окрестностях огромную роль начинает играть армянский капитал. В сферу интересов армянских предпринимателей входит, помимо упомянутого выше, торговля нефтепродуктами, металлическими и скобяными изделиями, галантерейный товар, бакалейные, пивные и винные лавки и магазины, продажа мануфактуры, хлебобулочных изделий и т.д. [6].

Но не только торговля была для представительной армянской диаспоры приоритетной. Накопив немалый капитал, который был довольно значительным даже по меркам того времени, они стали постепенно налаживать и промышленное производство. Одним из излюбленных профилей явилось производство табака. Так, обе табачные фабрики в Темир-Хан-Шуре принадлежали армянам. Также они занимались здесь и производством извести, которая была широко востребована при строительстве саманных домов. Незначительное количество армян занималось ремеслом, имеющим в основном кустарный характер. В Петровске большое их количество было каменщиками. Как известно, они в совершенстве владели данным ремеслом [7].

Город Дербент стал ещё и центром развития винодельческой промышленности, поскольку именно здесь процветало виноградарство. Е.И. Козубский видел причину этого явления в том, что «г. Дербент представляет наилучшие почвенные и климатические условия для процветания этой области хозяйства» [8]. Мусульманское население вследствие своих религиозных убеждений пренебрегало изготовлением вина, поэтому основное его производство находилось в руках армян и евреев, которые владели пахотными землями и занимались выращиванием винограда. Причём вино изготовлялось не примитивным способом, а с помощью усовершенствованных прессов (садовладелец Шахиджанов). Другой садовладелец, И.М. Аствацатуров, имел огневой завод (для утилизации остатков от виноделия). Ныне совхоз им Алиева, некогда имевший название «Сиранушан», находился в руках армянских купцов, которые занимались его усовершенствованием и процветанием. Дербентские вина приобрели известность далеко за пределами области и сбывались в большом количестве по Волге во внутренние губернии империи, в столицу [9].

Развитие виноделия и винокурения вызвало развитие бондарного промысла, где тоже были задействованы армяне. К началу 1890-х гг. в Дербенте было до 30 мелких бондарных кустарных производств.

Совершенно новым делом для Дагестана стала промышленная сушка фруктов и овощей. Так, в 1893 г. департамент земледелия отправил в Дербент оборудование для публичной демонстрации сушения плодов. Окончивший школу садоводства в Тифлисе, Макарьянц в сентябре 1893 г. демонстрировал перед местными жителями разные способы сушки плодов [10].

В 90-е гг. XIX в. началась эксплуатация имевших важное промышленное значение ртутных месторождений в Южном Дагестане на землях с. Хпюк, Гапцах и Рухун. В 1893 г. гапцахские рудники были куплены у государственной казны совместно с другими местными предпринимателями начальником Кюринского округа И.М. Аствацатуровым [11].

В 1908 г. в Петровске был построен гвоздильный завод, ориентированный на рынки Закавказья и Закаспийского края. В 1912 г. этот завод был куплен Пуцеховым, Лекинцевым и др., которые значительно увеличили его производственную мощность. Для сравнения: количество станков с 7 выросло до 18, а тянущих барабанов – с 6 до 14. С этого времени завод работал под названием «Арарат». Объем выпускаемой продукции (гвозди, жжёная проволока) достигал 819 тонн. Количество рабочих выросло до 50 человек [12].

Представителями армянской диаспоры в г. Петровске на основе совместного акционирования был поднят на более высокий и качественный уровень производство гвоздильно-канатного завода. Кроме того, завязывались взаимовыгодные партнёрские отношения с другими предприятиями империи. Так, поставщиками сырья для гвоздильного завода являлись Брянский рельсопрокатный и железоделательный завод, Александровский завод в Екатеринославе. Также сырьё получали и от металлического русско-бельгийского общества [13].

Что немаловажно, акционерами этого предприятия были использованы рычаги, присущие капиталистическому производству. Вся документация этого завода, суммы паёв, внесённые каждым акционером, находились в Петровском филиале Русско-Азиатского банка, возглавляемом купцом 1-й гильдии Х. Исагулянцем. Директор завода, так же как и другие акционеры, имел в банке свой личный счёт. Акционеры были вынуждены взять кредит, что свидетельствует о вовлечении в сферу промышленного производства банковской системы. В Русско-Азиатском банке держали свои расчётные счета все ведущие монополистические объединения России [14]. Так, Петровский филиал банка тесно сотрудничал с грозненской нефтепромышленной фирмой «Ахведов и К», которая построила в г. Петровске нефтеперегонный завод и через своего представителя провела с помощью банка коммерческие операции. Строительство подобного завода в Дагестане было весьма примечательно. Трудно переоценить значение нефтеперерабатывающего завода на территории, где есть нефтяные месторождения. Местный дагестанский капитал был ещё слишком слаб для осуществления подобных проектов, а фирма «Ахведов и К», состоящая из представителей армянской диаспоры г. Грозного, уже имела опыт в строительстве технических объектов, и в частности объектов нефтедобычи [15].

Ещё одной сферой, где особенно активно проявляли себя дагестанские армяне, был рыбопромышленный промысел. Установив тесные связи с купцами Астрахани, Нижнего Новгорода, Москвы и Петербурга, дербентские

рыбопромышленники наладили продажу рыбы и чёрной икры. По всему побережью тянулись морские рыбные промыслы Дагестанской области. Они переходили от одного арендатора к другому. Как обычно происходит при установлении рыночных отношений, мелкие рыбопромышленники, не устояв перед более крупными конкурентами, оставляли начатое дело, которое тут же переходило в руки к другим предпринимателям. К примеру, промыслы Рубаса какое-то время принадлежали братьям Ванецовым, которые не удержали их и передали своим соплеменникам Мирзоеву и Арзуманову [16]. Товариществу «Ванецовы и Маиловы» принадлежали рыбные промыслы, располагавшиеся на реке Рубас, это Рубас I, Рубас II, Рубас III, Рубас IV, Гюргенчай [17]. Рыбные промыслы «Ванецов и Маилов» имели годовой оборот в 1100000 руб. [18]. Ванецову также принадлежал сельдяной промысел Георгенчай. Кроме промыслов Ванецова, на р. Рубас располагались рыбные промыслы, принадлежавшие армянам П. Ахмадову, А. Иерусалимскому, Ходжаеву, братьям Пуцеховым. Огромный доход от арендной платы за рыболовные участки получала городская казна Дербента. Среди арендаторов было немало и этнических армян: М. Саруханов («Серейнг»), Г. Петросянц («Имамим-Кули-Овлаг») и др. [19].

Таким образом, к началу XX в. в Дагестане наблюдается всплеск предпринимательской деятельности, благодатную почву для которого подготовило развитие и укрепление масштабов промышленности во второй половине 90-х гг. XIX в.

Судя по всему, армянские предприниматели задавали тон в процессе активизации роста экономики, поскольку их капитал был на тот момент наиболее внушительным. Архивные материалы свидетельствуют о том, что доходы армянских купцов доходили до самых высоких отметок [20]. Их вложение в промышленное производство явилось весьма весомым. Успешно участвуя во многих отраслях промышленности, сельского хозяйства и торговли, они во многом способствовали подъёму экономического развития Дагестанской области на рубеже XIX–XX вв.

Примечания

1. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в алб. сарм. период. Махачкала, 1997. С. 154.
2. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия на Кавказе. Ч. I. М., 1823. С. 55.
3. Егорова В.П. И.С. Костемеревский (1813–1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000. С. 32.
4. Березин П. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. С. 221.
5. Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860–1917). Торговый капитал, Махачкала, 2006. С. 105.
6. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 100. Л. 47–53 (об).

7. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 18. Л. 189, 191, 192, 193.
8. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892 г. Под ред. Е.И. Козубского, Темир-Хан-Шура. С. 3.
9. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 27. Л. 6–7.
10. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 58.
11. Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX–XX вв. Социально-экономическое развитие в 80-х гг. XIX – 30-х гг. XX вв. Махачкала, 1996. С. 70.
12. Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. С. 69.
13. Губаханова Р.А. Банки и экономика Дагестана во 2-й половине XIX – начале XX века. Махачкала. 2007. С. 150.
14. Там же. С. 149.
15. Там же. С. 132.
16. Надирадзе А.А. развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в до-революционный период. Махачкала, 1969. С. 145–146.
17. ЦГА РД. Ф.79. Оп.3. Д.5. Л. 21, 22.
18. ЦГА РД Ф. 80. Оп. 3. Д. 17. Л. 12.
19. ЦГА РД. Ф.79. Оп. 3. Д. 5. Л. 21, 22.
20. ЦГА РД. Ф. 80. Оп. 1. Д. 30. Л. 23; ЦГА РД. Ф. 80. Оп. 3. Д. 17.

А.Н. Еремеева

АРМЯНЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЮГА РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Одним из социокультурных последствий Первой мировой войны и революции стало изменение географии культуры. Уже в 1915 г. значительная часть населения из зоны военных действий (западных районов, Закавказья) и Османской империи (армяне) оказалась в центральной части страны, в Сибири, на юге. С Запада эвакуировалось не только население, но и учреждения образования и культуры. Например, в Ростов-на-Дону переехал Варшавский университет (до этого в одном из крупных коммерческих центров России не было ни одного вуза), несколько месяцев в этом же городе располагалась эвакуированная Киевская консерватория во главе с Р. Глиэром. В Новочеркасск перебазировалась псковская Художественно-промышленная школа Н. Фан-дер-Флита. И этот список можно продолжить.

Значительный рост населения городов юга России, «интеллектуализация» городского пространства ощущались еще до начала массового бегства из революционных столиц. Музыкальный педагог М. Гнесин, вскоре ставший профессором ростовской консерватории, писал 15 ноября 1917 г. сестрам в

Москву из Ростова-на-Дону: «Количество населения у нас теперь как в каком-нибудь столичном городе, говорят около 700 тысяч. <...> У меня очень хорошие уроки» [1].

Массовый отток населения из столиц последовал в середине 1918 г. Причем одним из популярных центров беженства в то время был Ростов-на-Дону. «Когда-нибудь Ростов будут посещать туристы. Город, в котором жила вся Россия», – писал известный донской журналист В. Севский [2]. Обозреватель харьковской газеты «Новая Россия» отмечал в октябре 1919 г.: «Одним из городов, выигравших во всех отношениях от страшных пертурбаций последних двух лет, является Ростов-на-Дону. Происшедшие передвижения счастливо отразились на его культурной жизни...» [3].

Заметную роль в культурной жизни Ростова-на-Дону в эпоху гражданского противостояния сыграла семья будущего автора «Ленинианы», Героя Социалистического Труда, члена-корреспондента Академии наук Армянской ССР, лауреата Сталинской и Ленинской премий Мариэтты Сергеевны Шагинян. Анализ ростовских периодических изданий 1917–1920 гг., архивных материалов, текста написанной по горячим следам автобиографической повести «Перемена» позволил в общих чертах обозначить роль и место этой семьи (М. Шагинян, ее сестры и мужа) в культурном пространстве города.

Наиболее публичной фигурой среди членов семьи, безусловно, была тридцатилетняя М. Шагинян, к тому времени уже зарекомендовавшая себя в столичном литературном мире как поэтесса. Выпускница историко-философского факультета Высших женских курсов выступала в столичной периодике также со статьями о литературе и театре («Чистое искусство» (1911 г.), «Достоевский и Россия» (1911 г.), «Еще о театральном кризисе» (1913 г.) и др.).

В 1915–1920 гг. Мариэтта Шагинян жила в Ростове-на-Дону. Замужество, беременность и рождение дочери (май 1918 г.) не затормозили ее творческую активность. Она принимала участие в художественной жизни города [4], с завидным постоянством печаталась в прессе. В ростовском «Приазовском крае» М. Шагинян вела рубрику «Литературный дневник». Опубликовала ряд статей о русских писателях: «И.С. Тургенев», «Мережковский и революция». Интересно, что с Д. Мережковским и его женой З. Гиппиус Мариэтта общалась, будучи студенткой. Под их воздействием девушка пережила увлечение, хотя и недолгое, религиозно-философскими концепциями символистов.

М. Шагинян внесла лепту в дискуссию о поэме А. Блока «Двенадцать». Поэма быстро завоевала популярность, причем и в большевистской, и в антибольшевистской России. Она была оперативно опубликована в ряде литературно-художественных изданий юга и даже переведена на украинский язык. Одни критики увидели в ней панегирик революции, другие – «беспристрастную и проникновенную правду о хамах». В том, что «Двенадцать» –

произведение значительное, талантливо написанное, не сомневался практически никто. Однако в критике художественная сторона вопроса, как правило, отходила на второй план, оттесняемая анализом общественного звучания поэмы. В дискуссии на страницах газеты «Приазовский край» между маститым критиком, бежавшим от революции на юг сотрудником «Русского слова» С. Яблоновским и М. Шагинян фактически речь шла о критериях оценки произведения: с точки зрения насущных политических задач (чем в основном ограничился С. Яблоновский) или с точки зрения художественных достоинств (на чем настаивала его оппонент) [5]. Заметим, что дискутировала М. Шагинян со своим другом и наставником. Именно С. Яблоновский в свое время был первым, кто увидел в начинающей поэтессе настоящий литературный дар.

Отдельные статьи М. Шагинян – молодой матери были посвящены проблемам интеллектуального развития детей и молодежи («Детская книга», «Мальчики и девочки»).

Одна из регулярно поднимаемых Мариэттой Сергеевной тем – кризис книгоиздания, сокращение выпуска книг «монументальных», т.е. созданных на долгие времена сочинений литераторов и ученых, и господство «повседневщины» – брошюр на политические и социально-экономические темы, повышение цен на книги. По данным Шагинян, в Ростове-на-Дону в 1917 г. Кнебелевское издание стоило сорок восемь рублей, в то время как раньше шесть рублей, детские книги – более семи рублей (раньше шестьдесят пять копеек) [6]. О сети немецкой книготорговли, развернутой на Дону в период немецкой оккупации 1918 г., писательница отзывалась так: «Три четверти о войне, об армии, о гегемонии над миром, но четверть – и за нее забывались другие три четверти – четверть была о науке, правде, о мысли. Гете, Вагнер, Рихтер...» [7]. В период денкинского правления, когда юг был отрезан от столиц линией фронта, М. Шагинян констатировала: «Теперь общей книги нет. Есть ихние и наши» [8]. «Ихние» доходили на юг только в перечне заглавий.

Реакцией на сложившуюся ситуацию стали попытки расширить издание книг на местах. Одним из книгоиздательских центров, возникших в Ростове-на-Дону в годы Гражданской войны, стало издательство «Аралэзы». Основал издательство Яков Хачатрянц – муж М. Шагинян, впоследствии известный искусствовед, переводчик с армянского языка. Судя по данным энциклопедии «Мифы народов мира», «аралэзы» в армянской мифологии – это духи, происходящие от собаки. Они спускаются с неба, чтобы зализать раны убитых и воскресить их [9]. Вероятно, название символизировало непрерывность, вечное обновление. В фонде градоначальника Ростова-на-Дону сохранилось прошение гражданского инженера А. Оля и кандидата исторических наук Я.С. Хачатрянца о выдаче разрешения на выпуск еженедельной газеты «Литературная Неделя» в книгоиздательстве «Аралэзы», представленном «в лице Хачатрянца» [10].

«Аралэзы» выпускали в основном литературу по искусству, в том числе книги об армянской культуре. Вот некоторые из них: Н. Лансере, А. Оль, Я. Хачатрянц «Нахичевань-на-Дону» (о старой архитектуре города) с иллюстрациями, Я. Хачатрянц «Этюды об армянских художниках». Издательством был опубликован и лекционный курс М. Шагинян «Введение в эстетику», читавшийся ею в ростовской консерватории [11], что было чрезвычайно важно в условиях тотального дефицита учебников в годы Гражданской войны.

Вообще издательскую деятельность в условиях гражданского противостояния можно рассматривать как настоящее подвижничество. В «Перемене» М. Шагинян описала появление одного из ростовских печатных изданий как парадокс весны 1918 г., когда советские войска готовились к отступлению, а им на смену шли немцы: «Ночью спали одетыми, вздрагивали, чуть сосед шевельнется, ждали обысков, а при стуке крестились... А в Ростове неведомым юношей, именовавшим себя “старым литератором”, как ни в чем не бывало, собран, проредактирован, прорекламирован, отпечатан и пущен в продажу журнальчик “Искусство”» [12].

Новые книгоиздательские центры возникали по всему Югу, пытаясь противостоят книжному голоду. Я. Хачатрянц, возвратившись из поездки по Закавказью, положительно отозвался в ростовской прессе об основанном в 1918 г. тифлисском издательстве «Кавказский посредник» [13].

М. Шагинян, ее сестра – художница Магдалина Шагинян и Я. Хачатрянц поддерживали тесные контакты с ростовскими художниками, более всего – с М. Сарьяном. Сарьян иллюстрировал второе издание книги М. Шагинян «Orientalia». Книга, по сообщению газеты «Приазовский край», поступила в продажу в августе 1918 г.

Сестры Шагинян стали инициаторами создания в Ростове-на-Дону художественного училища им. М. Врубеля. Там преподавали М. Сарьян, переехавшие после революции на юг братья Николай и Евгений Лансере [14].

В целом семья М. Шагинян была вовлечена в различные сферы культурной жизни Ростова-на-Дону революционных лет. Инициативы и творческая деятельность членов семьи обогатили и разнообразили культурный ландшафт города.

Примечания

1. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 235. Л. 45.
2. Севский В. Сегодняшний день // Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1919. 5 (19) дек.
3. А.А.С. Литературная и художественная жизнь в Ростове // Новая Россия (Харьков). 1919. 19 окт.
4. О художественной жизни в годы Гражданской войны см: Еремеева А.Н. «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 гг.). СПб., 1998.

5. См.: Шагинян М. Поэма Блока «Двенадцать» // Приазовский край. 1918. 26 сент. (9 окт.); Яблоновский С. «Двенадцать» (открытое письмо М. Шагинян) // Там же. 30 сент. (13 окт.); Шагинян М. Литературный дневник // Там же. 4 (17) окт.

Шагинян М. Маленькие беседы. Ушедший год и книга // Кавказское слово (Тифлис). 1918. 5 янв.

6. Шагинян М.С. Перемена // Избр. произв. в 2-х т. Т. 1. М., 1978. С. 69.

7. Шагинян М. Литературный обзор // Приазовский край. 1919. 1(14) янв. С. 3.

8. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987. С. 97.

9. Государственный архив Ростовской области. Ф. 834. Оп. 1. Д. 8. Л. 377.

10. Шагинян М. Введение в эстетику: пропедевтический курс, прочитанный в 1918 – 1919 гг. в Ростовской-на-Дону консерватории. Ростов н/Д, 1919. 30 с.

11. Шагинян М.С. Перемена. С. 59.

12. Хачатрянц Я. В полосе республик // Приазовский край. 1919. 12 июля (2 авг.)

13. Рудницкая Ю.Л. Художники Дона. Л., 1987. С. 6–7. См. также: Рязанов В.В. От первого приюта до наших дней. Из истории изобразительного искусства Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д, 2011.

А.С. Ильюков

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

Контакты населения Древней Армении с сопредельными культурами на протяжении многих веков были постоянными. Это было обусловлено географическим положением данного региона, расположенного между Черным и Каспийским морями, на северо-востоке Армянского нагорья. Основой возникновения и развития обмена являлось экологическое разнообразие сырьевых источников. Кроме непосредственного обмена между различными племенами, обитавшими в Закавказье, существовал межплеменной обмен на большие расстояния. Например, в результате этих «контактов» из Закавказья изделия из обсидиана попадали далеко на север, в степь. Межплеменной обмен сырьем и товарами на большие расстояния был многоступенчатым. На больших расстояниях использовались караваны вьючных животных. Тем не менее большое значение имели транспортные средства [1]. Однако выявить культурные связи степного населения с жителями гор Закавказья крайне сложно. Скорее всего, они осуществлялись через посредников. Одним из путей проникновения культурных достижений из Закавказья на север являлся Прикаспийский путь [2].

Территория Армении входила в ареал куро-аракской культуры [3; 4]. Эта культура была выделена Б.А. Куфтиным [5]. По мнению ряда исследователей, куро-аракская культура Армении имела двухступенчатую периодизацию. Ее

ранний этап датировался 3500–2900 гг. до н.э., поздний – 2900–2600/2500 гг. до н.э. [6]. К юго-западу памятники этой культуры были распространены от Куры до верховьев Евфрата. Ареал ее распространения – почти всё Закавказье. На севере памятники этой культуры известны в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Северной Осетии. Наиболее плотно были заселены Араратская долина, притоки Куры, Прикаспийская низменность в Дагестане. По мнению Р.М. Мунчаева, по мере увеличения численности куро-аракского населения в Закавказье началось его расселение на север. В результате появились памятники этой культуры на территории Дагестана и Северного Кавказа.

На заре бронзового века культурные инновации с урукскими традициями, несомненно, шли через территорию Армении на север по Дербенскому проходу вдоль Каспийского моря. В южном Дагестане известны памятники куро-аракской культуры [7]. Здесь вырастают многослойные тели с остатками земледельческих поселков. Материальная культура этих поселков находит многочисленные аналогии не только в памятниках куро-аракской культуры. На ряде поселений открыта высококачественная красно-коричневая посуда, по-видимому, урукского типа. Куро-аракские памятники известны на северо-восточной окраине Северного Кавказа [8].

Много памятников с южными традициями с юга проникает на север. Выделить среди них компонент, связанный с памятниками, расположенными на территории Армении, крайне сложно.

Проникновение на территорию Кавказа носителей урукских традиций в IV тысячелетии до н.э. повлек за собой целый шлейф культурных инноваций. Это выразилось в распространении на территории Кавказа целого ряда культурных достижений, ранее неизвестных в этих краях. В памятниках появляются разные типы металлических изделий и высококачественной керамики. Изготовление ее стало возможным благодаря прогрессу в керамическом производстве – появлению примитивного гончарного круга. Успехи в материальной культуре нуждались в реализации их, в расширении рынка для меновой торговли. Но такой меновой рынок нуждался в быстрой и широкой реализации полученных товаров. Транспортировка товаров на колесном транспорте значительно ускорила распространение их на большие расстояния.

Вероятно, появление значительного количества импортных изделий к северу от Северного Кавказа было связано с развитием меновой торговли и использованием колесного транспорта для транспортировки импортных товаров. Это была одна из первых волн инноваций, выплеснувшаяся в евразийские степи. Культурные связи были, скорее всего, опосредованными.

Небольшие купольные круглопланные жилые постройки с узким входом были распространены в шомутепинско-шулверинской культуре в Закавказье в V–IV тыс. до н.э. В них иногда хоронили умерших. Население

этой культуры занималось земледелием и скотоводством [9]. На небольшом поселении Квацхелеби, относящемся к куро-аракской культуре, расположенном в Восточной Грузии, были открыты подквадратные постройки. В нижней части стены находился узкий вход, который с внешней стороны был огорожен [10]. В центре постройки находился глиняный очаг диаметром до 1 м. Также были распространены передвижные подковообразные очаги [11]. В конце IV – начале III тыс. до н.э. в степях Нижнего Подонья в константиновской культуре были известны передвижные глиняные рогатые подставки [12].

На юге Дагестана, в Великентском могильнике, в раннем бронзовом веке появляются катакомбы для коллективных захоронений. Вероятно, это были небольшие «домики мертвых», имевшие купольный свод. Узкий вход в него неоднократно открывали и запирали, внося внутрь камеры останки умершего. Над великентскими катакомбами насыпь не возводилась. Катакомбы – это миниатюрные двухкамерные дома, состоящие из камеры и входного лаза [13].

На рубеже ранней и средней бронзы идеология степных культур Евразии претерпела значительные изменения. Вероятно, согласно ей, мир мертвых от мира живых отделяли дорога или лаз, которые у входа в этот мир мертвых запирались воротами. Изменения этой дороги в потусторонний мир порождали различные формы входа в него. Вероятно, эти представления лежали в основе создания катакомб, которые получили распространение в эпоху средней бронзы. К III тыс. до н.э., по данным радиоуглеродной хронологии, относятся катакомбные культуры из южнорусских степей. Одна из них – яркая донецкая культура [14]. Ряд исследователей истоками ее считают южные культуры. Южный компонент в донецкой культуре был достаточно широко представлен (керамика, металл).

Орнаменты на керамике донецкой культуры А.М. Смирнов сравнивает с куро-аракскими узорами и с узорами на посуде из Сачхере [15]. Он приходит к парадоксальному выводу, что форма и узор одного из типов раннедонецких кубков близка к куро-аракской керамике [16]. Тогда как протопипом второго типа этих кубков является керамика из преддонецких катакомб Нижнего Подонья [17]. Керамика со спиралевидным рельефным орнаментом известна не только на юге Дагестана (Великент), но и в Азербайджане, Грузии и Армении, и даже в Восточной Анатолии [18]. Но эти находки связаны с ранним бронзовым веком.

Несомненно, многие достижения южных культур на территорию Кавказа проникали через Армению. Следы их прослеживались в материалах различных памятников, открытых на ее территории. По мнению В.Г. Чайлда, в евразийские степи по кавказскому мосту вместе с культурными достижениями проник колесный транспорт. В конце IV – начале III тыс. до н.э. появляются первые следы колесного транспорта в южнорусских степях [19].

Несомненно, успехи в развитии культурных связей Древней Армении тоже были обусловлены теми же причинами. Появление колесного транспорта известно уже в памятниках бронзового века [20]. На обширной территории Месопотамии и Закавказья были распространены почти одинаковые виды колесного транспорта [21]. На побережье озера Севан у с. Лчешан под курганами были открыты деревянные повозки с массивными колесами [22]. Аналогичные повозки известны в бронзовом веке южнорусских степей [23].

Обсидиан – вулканическое стекло – широко известен на Кавказе. Одним из мест его происхождения является территория Армении. Изделия из обсидиана известны на территории Нижнего Подонья [24]. Кроме ножевидной пластины из обсидиана, найденной в катакомбном погребении в могильнике Мухин II [25], обсидиановые наконечники стрел известны в руинах Ливенцовской крепости [26] и в позднекатакомбных погребениях на правом берегу Дона. Мухинская обсидиановая пластина сходна с обсидианом из района оз. Вап [27]. В результате межплеменного обмена обсидиановые изделия появляются далеко на севере у скотоводов южнорусских степей. Торговля обсидианом к югу от Армении была хорошо изучена в раннем бронзовом веке [28]. В Прикаспийском Дагестане закавказский обсидиан является отражением связей между этими регионами [29]. В эпоху бронзы в результате контактов появились своеобразные культурные образования на территории Северо-Восточного Кавказа [30]. Вероятно, немаловажную роль в этом процессе играл колесный транспорт [31]. Шлейф этих контактов выходил за пределы Кавказа. Следы его прослеживались даже в культурах степного пояса Восточной Европы.

На территории Северо-Западного Кавказа под сильным влиянием мигрирующих групп племен в урукский период из-за Большого Кавказского хребта сложилась майкопско-новосвободненская общность [32]. Влияние ее коснулось степей Нижнего Дона, где сформировались памятники константиновского круга. Вероятно, в формировании константиновских памятников принимали участие майкопские и куро-аракские традиции [33].

Примечания

1. Массон В.М. Развитие обмена и торговли в древних обществах // КСИА АН СССР. 1973. № 138. С. 5–10.
2. Котович В.Г. Археологические данные к древней истории прикаспийского пути // Проблемы археологии. Вып. II. Ленинград, 1978. С. 54–56.
3. Бадалян Р. К вопросу о периодизации и хронологии Куро-Аракской культуры // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа», 27–30 сентября 2010 г. Тбилиси, 2011. С. 63–65.
4. Чубинишвили Т. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971.
5. Куфтин Б.А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит // Вестник Гос. музея Грузии. Вып. 13–В. Тбилиси, 1944.
6. Бадалян Р. Указ. соч. С. 65.

7. Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ в эпоху ранней бронзы // Кавказ на заре палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987. С. 63.
8. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
9. Там же. С. 85, 89.
10. Там же. Рис. 18а, 18б.
11. Там же. С. 156. Рис. 19.
12. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов, 1994. Рис. 22, 6–8.
13. Гаджиев М.Г. Указ. соч. С. 171.
14. Черных Е.Н. Формирование евразийского «Степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 3 (35). С. 43, 44. Рис. 5; 6.
15. Смирнов А.М. Курганы и катакомбы на Северском Донце. М., 1996. Рис. 44.
16. Там же. С. 53.
17. Там же.
18. Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 183–185. Рис. 22.
19. Ильюков А.С. Глиняные колесики эпохи раннего металла из Нижнего Подонья // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
20. Хачатрян Т.С. Древняя культура Ширака III–I тыс. до н.э. Ереван, 1975. С. 73, 74.
21. Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 95–100.
22. Мнацаканян А.О. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севен // Советская археология. № 2. 1960.
23. Гей А.Н. Новотитаровская культура. М., 2000.
24. Братченко С.Н. Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 6. Луганск, 2006. С. 128.
25. Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. Ростов н/Д, 2002. С. 42.
26. Братченко С.Н. Указ. соч. С. 128. Рис. 63, 20–25.
27. Жеребилов С.Е., Беспалый Е.И. Некоторые особенности обсидианового импорта южной России в эпоху камня – бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы Международной научной конференции, посвященной 1000-летию со дня рождения П.Д. Рау, г. Энгельс, 12–17 мая 1997 г. Саратов, 1997. С. 25.
28. Кушнарева К.Х. Обмен и торговля в Закавказье в древности // КСИА АН СССР. 1973. № 138. С. 28–32.
29. Бадалян Р.С. Обсидиан Кавказа.: источники и распространение сырья в эпоху неолита и раннего железа (по результатам анализов нейтронной активации): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 2002. С. 27.
30. Мунчаев Р.М. Указ. соч. С. 409.
31. Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток, 2007.
32. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004. С. 97.
33. Кияшко В.Я. Энеолит. У истоков донской истории // Донская археология. 2000. № 2.

Н.А. Казарова

Из истории армянской секции Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей (1926–1931 гг.)

Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) была, как известно, самой мощной литературной организацией в 1920-е гг. Она была призвана объединить все творческие силы рабочего класса и повести за собою литературу, воспитывая писателей в духе коммунистического мировоззрения. В 1923 г. после окончания Коммунистического института им. Я.М. Свердлова в административный центр Юго-Восточного края РСФСР Ростов-на-Дону приехал участник Гражданской войны, молодой драматург Владимир Михайлович Киршон. 5 октября 1923 г. по поручению крайкома ВКП(б) он собрал в Ростове группу литераторов и создал Ростовскую ассоциацию пролетарских писателей, став во главе этой первой на Дону писательской организации.

Через год, в ноябре 1924 г., Юго-Восточный край РСФСР был преобразован в Северо-Кавказский с центром в Ростове-на-Дону. В июле 1925 г. состоялся первый пленум писателей Северного Кавказа. Его задачей было объединение вокруг Ростовской ассоциации писателей всего края. Через несколько месяцев завершилось организационное оформление Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей (далее – СКАПП) с центром в Ростове-на-Дону. Первым руководителем СКАПП стал тот же Владимир Киршон. После его отъезда в Москву, где он вошел в правление Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей, Северо-Кавказскую ассоциацию возглавил Александр Фадеев.

В Государственном архиве Ростовской области хранятся документы Северо-Кавказской ассоциаций и пролетарских писателей, в частности документы, проливающие свет на историю армянской секции СКАПП. В их числе личные документы членов ассоциации: анкетные данные, учетные карточки ее членов, протоколы совместных заседаний ассоциации и редакции газеты «Мурч Мангач», тексты стихотворений членов армянской секции, переписка с вышестоящими организациями, отчеты о работе. Эти документы уникальны по многим причинам. Прежде всего они дают представление о настроениях в писательской среде, бытовавших в период «усиления классовой борьбы» во время коллективизации. Но главное, эти документы дают представление о персональном и социальном составе армянской секции Ассоциации пролетарских писателей на Северном Кавказе. Мы ничего не знаем о жизни и творчестве этих людей. Вероятно, многие из них были талантливыми мастерами художественного слова, отражали в своих произведениях жестокую действи-

тельность формирования нового жизненного уклада в Северо-Кавказском регионе, пропагандировали и боролись. Немало было и полуграмотных писателей, не имевших даже среднего образования и пришедших в литературу по набору с заводов и фабрик.

Армянская секция СКАПП оформилась в 1926 г. [1]. Ей предшествовала возникшая в 1924 г. первая группа пролетарских писателей в Краснодаре, в 1925 г. – в Новороссийске и в 1926 г. – в Ростове и Армавире [2]. Секция объединила литературную молодежь, главным образом рабочую, крестьянскую и учащуюся. Учетные карточки и анкеты членов армянской секции дают достаточно полное представление о составе организации. Всего в фонде находится 36 учетных карточек и анкет [3]. В основном члены секции – это молодые люди 19–20 лет, комсомольцы со средним или неполным средним образованием. Только трое из них – Барсегян Егор Иванович, Ахоян Андраник Асатурович и Карашьян Грация Григорьевич – студенты СКГУ и пединститута [4], двое – Варганян Гарик Рометович и Хачикян Хачик Григорьевич – рабфаковцы [5]. Практически все (если судить по анкетным данным) выходцы из крестьян и рабочих, большинство – беженцы из Карса, Шуши, Эрзерума, Вана. Родным языком для большинства из них был армянский, соответственно, на армянском языке издавались и газеты «Мурч Мангач», «Большевик». Высшее образование было только у троих членов секции: Вартапетяна Ш.А. – преподавателя педтехникума [6], Барсегова А.Я. – работника дома национального искусства [7] и Бояджиева Г.Н. – преподавателя литературы и культуротрабника в Ленинских мастерских [8].

Из всех членов секции только Григорий Нерсесович Бояджиев (1909–1974) оставил заметный след в литературе. Уже тогда 20-летний юноша имел ряд публикаций в журнале «На подъеме» за 1930–1931 гг. В отличие от большинства членов ассоциации – выходцев с Кавказа он был из местных армян, писал на русском языке и в анкете члена ассоциации, датированной 1931 г., указал, что к изучению армянского языка только приступил [9]. Позже он поступил в аспирантуру ГИТИСа по истории западноевропейского театра на кафедре А.К. Дживелегова, который привлек талантливого ученика в соавторы «Истории западноевропейского театра от возникновения до 1789 года». Расцвет творческой деятельности Бояджиева пришелся на 1960-е гг. В это время вышли его книги «Поэзия театра» (1960), «Театральный Париж сегодня» (1960), «Шесть рассказов об американском театре» (в соавторстве с А. Аникстом, 1963). В 1965 г. Бояджиев подготовил полное собрание сочинений Мольера со своей вступительной статьей и примечаниями. Его перу принадлежат работы «Вопрос о классицизме XVII века», «От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров» (1967), «Итальянские тетради» (1968), «Вечно прекрасный театр Возрождения. Италия, Испания, Англия» (1973), «Душа театра» (1974). Как критик Бояджиев блестяще писал и о русском теа-

тральном искусстве, любимыми героями его сочинений были А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский.

Одним из создателей секции и ее руководителем был упомянутый выше студент СКГУ, председатель профкома Андраник Асатурович Ахоян (псевдоним Ахо). Он был редактором ростовской армянской газеты «Большевик», где преимущественно и печатались произведения членов ассоциации. В основном это были полные комсомольского задора и готовности к классовым битвам стихи. Другой трибуной для молодых армянских литераторов была газета «Мунч Мангах». В работе армянской секции СКАПП явно превалировало критическое направление деятельности. В учетных карточках большинства членов секции в графе «литературная деятельность» значится либо критик, либо поэт. Только трое литераторов из 36 указали прозу как основной вид их творчества. Даже руководство секции признавало, что «критиков стало больше, чем критикуемых. Пора отказаться от критического азарта и приступить к творческой работе» [10]. Прозой было заниматься не только трудно, но и опасно. Прозаики подвергались критике значительно чаще, и критика была жесткой. Так, например, в протоколе совместного пленарного заседания редакции «Мурч Мангах» и ассоциации СКАПП от 14 января 1930 г. содержатся сведения об обсуждении очерков Айка Аракеляна и решении исключить его из ассоциации [11].

Айк Погосович Аракелян (псевдоним Аракел) родился в 1906 г. в Персии, в Тавризе. Происходил из бедной крестьянской семьи. С 1924 г. работал рабочим, в 1925 г. вступил в комсомол, был редактором газеты «Мурч Мангах», где опубликовал несколько своих очерков и рассказов [12]. Первый раз его исключили из ассоциации в 1928 г. за упаднические настроения в рассказах «Дрнапан Георгий» (сборник «Октябрь», 1925) и «Сиран» (газета «Мурч Мангах», 1928). Признавая их высокую художественную ценность, ассоциация дала отрицательную оценку рассказов, ибо в рассказе «Сиран» Аракел выдвинул чуждую власти теорию непримиримости личной жизни и общественной деятельности, а в рассказе «Дрнапан Георгий» герой заряжен обывательской тоской по поводу того, что ему не суждено жить в социалистическом обществе [13]. Молодой писатель признал ошибки и вновь подал заявление о восстановлении в СКАППе. Он был восстановлен и даже занял руководящий пост ответственного секретаря ассоциации и члена президиума СКАППа. Но в 1929 г. в газете «Мурч Мангах» он поместил очерк «Новая артерия старого города», который был признан идеологически вредным. Член ассоциации Х.А. Абегян (псевдоним Вро) обвинял автора в том, что он «ничего не пишет о пролетариате Тифлиса, о классовой борьбе сегодня, когда в период социалистического строительства она идет на каждом шагу» [14].

Критике подвергся и другой рассказ Аракеляна, написанный им, когда он поехал в деревню работать по коллективизации. Рассказ «не соответствует политике колхозного строя. Кулак не виден, работы бригад совсем не видно»

[15]. Взгляды писателя были расценены как правый уклон, искажение социалистической действительности. Его исключили из руководящих постов и из ассоциации, а его дело передали в комсомольскую ячейку как «правого уклониста» [16]. Аракел возражал, пытался объяснить свою позицию, доказывал, что литература, как фактор жизни, должна ее правдиво изображать, но это не изменило решения собрания. Другого члена ассоциации поэта Достояна обвинили в уклоне в сторону революционной романтики, которой якобы страдала его поэма «Октябрь» [16].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. усилились авторитарные тенденции в руководстве СКАППа. Практически все писатели были вовлечены в работу по идеологическому обеспечению кампаний, проводимых на селе. Анкеты и учетные карточки членов армянской секции СКАПП содержат сведения о том, что многие из них непосредственно занимались хлебозаготовками и ликвидацией безграмотности среди сельской бедноты. Повесть одного из руководителей СКАППа Вл. Ставского «Станица» приобрела большую популярность в партийных кругах. Книгу стали рекомендовать как пособие по раскулачиванию и коллективизации. Российская ассоциация пролетарских писателей наряду с другими литературными организациями (ЛЕФ, «Перевал», «Серрапионовы братья», Союз крестьянских писателей) была ликвидирована в 1932 г. ЦК ВКП(б) 23 апреля 1932 г. постановил: «... Объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нём». Тогда же прекратила своё существование армянская секция СКАПП. В силу разных причин лишь немногие из членов ассоциации оставили след в литературе, другие же исчезли без следа.

Примечания

1. Государственный Архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1475. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.
2. Там же. Л. 81 об.
3. Там же. Д. 1, 2.
4. Там же. Д. 2. Л. 19 об, 6, 11.
5. Там же. Л. 16. Л. 22.
6. Там же. Л. 10.
7. Там же. Л. 36.
8. Там же. Л. 21.
9. Там же.
10. ГАРО. Д. 3. Л. 84–85.
11. Там же. Л. 3–9.
12. Там же. Д. 1. Л. 13.
13. Там же. Л. 84.
14. Там же. Л. 4 об.
15. Там же.
15. Там же. Л. 8–8об.
16. Там же. Л. 84.

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРЕ ЧЕРКЕСО-ГАЕВ

Одной из актуальных проблем современной гуманитарной науки является взаимосвязь этнических ценностей и динамики культуры. Не менее важным остаётся вопрос о том, каким образом этническая культура изменяется в соответствии с трансформациями реальности, не теряя своей самобытности. Глобализационные процессы порождают активное заимствование инокультурных ценностей и одновременно воскрешение исконных ценностей. Считается, что заимствование чужих ценностей подтачивает этническую культуру. Цель нашей статьи – показать, что заимствование инокультурных ценностей не обязательно ведёт к разрушению культуры. Мы попробуем разобраться в данном вопросе на примере культуры черкесо-гаев, армян, которые много веков назад пришли на территорию Черкесии. В статье мы опираемся на идеи А.И. Ракитова [1], который отмечает, что любую развитую социоэтнокультурную систему можно представить как двухкомпонентную структуру – ядро культуры и защитный пояс.

Черкесо-гаи – этническая группа армян, образовавшаяся с конца XV в. на территории северо-западного Кавказа (современный Краснодарский край и Республика Адыгея). Армяне-переселенцы, прожив в горах 300 лет, переняли нравы, обычаи, особенности быта, весь уклад жизни адыгов, среди которых они поселились. Их язык приобрёл черты, сближающие его с адыгскими языками, однако они сохранили своё этническое самосознание и принадлежность к армянской церкви. В результате взаимопроникновения двух культур сформировалась совершенно новая этническая группа горских армян [2].

Несмотря на то что черкесо-гаи стали почти не отличимы от черкесов внешне, полностью переняв чужую культуру, они всё же остались армянами, сохранили свою самобытность. С точки зрения О. Шпенглера, культура, не имеющая центрального ядра, не способна к достаточно длительному существованию. Если данное ядро исчезает, растворяется или изменяется под воздействием исторических и прочих причин, то соответственно исчезает, растворяется или изменяется сама культура. Вот что пишет Ф.А. Щербина: «Горские армяне буквально таки превратились в черкесов. Необходим был очень продолжительный период времени для того, чтобы такая исторически стойкая народность, как армянская, утратила все отличительные черты своей национальности, до мелочей усвоила весь бытовой строй чуждой ей народности, нравы, обычаи, военную сноровку, гражданские взаимоотношения, семейные уклады, совершенно забыла свой родной язык и стала говорить только по черкески, сохранив лишь неприкосновенной одну лишь христианскую религию, которая собственно только и связывала воедино горских армян, как

национальную группу» [3]. По мнению С.А. Раздольского, ядро культуры – это её центральная, непротиворечивая, стабильная часть, влияющая на периферию, определяющая тип культуры и удерживающая культуру от распада [4].

По словам А.И. Ракитова, главная функция ядра культуры – сохранение и передача самоидентичности социума, следовательно, оно обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью. Но при всей своей стабильности оно не может оставаться абсолютно неизменным. Стабильность ядра относительна, и это может оказаться сугубо негативным явлением, которое может привести этническую культуру к саморазрушению. Особенно стабильность ядра может помешать адаптации социума на переломах цивилизационного развития, при глубинных трансформациях, при переходе от одной цивилизации к другой. Говоря о стабильности ядра, А.И. Ракитов подразумевает, что ядро культуры изменяется и трансформируется несопоставимо медленнее, чем защитный пояс, и тем более чем реальная окружающая среда обитания и жизнедеятельности данного социума.

Опираясь на исторические факты, армянам пришлось адаптироваться к местным жизненным условиям. Малочисленность и подчинённость господствующей народности не позволяли не только обойти или видоизменить культурные ценности, они просто не могли жить без них. В силу необходимости они стали подчиняться условиям черкесского быта: жить в таких же саклях, носить такую же одежду, оружие, говорить на черкесском наречии. Но удивительным свойством культуры является то, что при любом приобщении к общечеловеческим ценностям она сохраняет свою национальную самобытность. Таким образом, можно заключить, что этническая культура, обладая сформированным ядром, не теряет своей самобытности, она меняется за счет периферии, играющей роль защитного пояса.

Ю.В. Чернявская выделяет в культуре особые механизмы самосохранения. По её словам, они запечатлены в её центральной зоне и исходят из представлений о сакральном: «Именно с точки зрения священных начал, разрушение которых представляется недопустимым, центральная зона культуры как императивный по отношению к картине мира образец задает параметры “возможного – невозможного”, “желательного – нежелательного”, а значит, и критерии отбора ценностей» [5].

Относительно религиозных установок Ф.А. Щербина пишет, что существенное значение имело сохранение армянами христианской религии, единственного устоя, на котором держалась и удержалась армянская самобытность. Армяне только потому и считались армянами в черкесской среде, что исповедовали особую христианскую религию; во всем же остальном, они были те же черкесы и ничем не отличались от них ни внешностью, ни языком, ни нравами и обычаями. Надо отметить, что христианская церковь в начале своего существования в Армении стала связующим звеном для всех армян.

Армяне видели в ней надёжное укрытие от притязаний соседних народов. Им удалось национализировать христианскую религию, вместе с тем превратив её в институт сохранения народа в условиях отсутствия государственности.

Л. Мелик-Шахназарян отмечает, что важным фактором сохранения армян как единого этноса стала изобретённая в конце IV в. национальная письменность, которая была введена в ранг общенационального достояния. По словам автора, «армяне-христиане сумели воскресить основные черты национального характера античного периода, одновременно переняв многие черты характера истинного христианина. В результате получилась удивительная смесь религиозного вольнодумства и бесконечного, христианского, терпения и терпимости» [6]. Мы можем увидеть в истории черкесо-гаев факты, которые тормозили культурное развитие. Черкесский обычай кровомщения, а также владение рабами считались нарушением основных начал христианской религии. Но несмотря на сакральные ценности армяне широко использовали обычай кровомщения и рабовладения. Последнее приносило немалый доход, что было важно для сословия торговцев. «Приспособление христианства к национальным устоям, синонимизация понятий “армянин” и “христианин” помогли армянскому народу в полной мере задействовать механизм национальной генетической памяти, обрести себя на родной земле, вновь почувствовать себя на родине. И следует отдать ей должное, осознавая, что лишь таким путем можно сохранить национальную самобытность армянского народа» [7].

Мы видим, что для выживания армянам необходимо было адаптироваться к местным условиям. Это естественно повлекло за собой обмен ценностями и изменения периферии культуры. Под периферией культуры мы подразумеваем комплекс, организованный определённым образом в виде институтов, компонентов, элементов культуры, которые подчинены ядру. По мнению А.И. Ракитова, периферия также является особым защитным поясом, который служит для сохранения ядра культуры. Он выполняет функцию фильтрующего механизма, пропускающего директивную информацию, которая может идти от ядра культуры во все структурные узлы социального организма и двигаться по направлению к ядру культуры с целью его изменения.

Черкесские обычаи и устои жизни проникали вглубь культуры армян. В некоторых моментах, например с принятием обычая кровомщения и владения рабами, это шло в разрез с национальными ценностями. Периферийный пояс культуры фильтровал и поглощал информационные импульсы, поступающие в социум от других культур. И если они несли в себе угрозу существования и опасность для ядра культуры, они нейтрализовались или растворялись в защитном поясе. Распространение ислама представляло серьёзную угрозу для основ армянской культуры – христианской религии и внутреннего самоуправления. Эта опасность проявлялась в виде репрессий, гонений, потери

положения в обществе, а самое главное, притеснений сакральных ценностей ядра культуры.

Итак, в культурной структуре этноса выделяется ядро и периферия. Ядро содержит в себе сакральные ценности, некую аксиологическую шкалу. Периферия культуры играет роль фильтра, распознающего поступающие информационные импульсы от других культур. Любая культура сохраняет в своём ядре лишь то, что соответствует её логике, менталитету. Национальная культура всегда стремится трансформировать в собственном котле новации культурных приобретений, придать им национальные черты. Относительно безболезненно обновляя периферийные, второстепенные элементы, культура обладает социальной реакцией отторжения, когда дело касается её ядра. Это можно понять, если представить ядро культуры в виде центральной зоны, в которой важны не столько ценности, сколько их место в аксиологической структуре общества. Если же новые ценности не нарушают приоритетов этноса, защитные механизмы культуры позволяют ей проникнуть через этнокультурные фильтры и войти в состав аксиосферы.

Примечания

1. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
2. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Черкесогаи> (дата обращения: 11.02.2012).
3. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916. С. 214.
4. Раздольский С.А. Адыгская культура: теорико-методологические проблемы научного исследования. М., 2010. С. 342.
5. Чернявская Ю.В. Личность в пространстве этнической культуры: к проблеме заимствования // Язык и социум: в 2 ч. Ч. 2. Минск, 2004. С. 236–241.
6. Мелик-Шахназарян Левон. Характер армянского народа. URL: <http://armenianhouse.org/mshakhnazaryan/nf-ru/character.html#4> (дата обращения: 11.02.2012).
7. Там же.

Е.С. Сапрыкина, Л.Г. Сапрыкина

НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И УЧЕНЫХ XVIII–XIX ВВ.

История армянских поселений Кавказа неизменно привлекает внимание ученых. Богатое историческое прошлое армянского народа, его трудная и трагическая судьба и особая роль армян в истории южных областей России обусловили интерес к нему, который прослеживается на протяжении нескольких веков вплоть до сегодняшних дней. Данное обстоятельство способствовало появлению корпуса литературы, касающейся изучения армянской культуры

региона. Естественно, тематически он не является однородным. Это и обширные историко-географические труды, и этнографические исследования различных областей расселения армянской диаспоры на Кавказе.

Среди всего комплекса источников по истории края особый пласт представляют путевые записки российских и зарубежных путешественников, увидевших многие реалии воочию и зафиксировавших любопытные сведения об увиденном. На наш взгляд, это один из ценнейших комплексов источников для исследования истории развития края. Разумеется, данный вид источников имеет ряд особенностей, которые нельзя игнорировать: субъективность авторов, социально-политическая обусловленность и ориентированность исследования (узкая направленность) [1].

Пристальный интерес к армянским традициям и культуре в России начинает усиливаться во второй половине XVIII в. В это время Академия наук России стала организовывать научные экспедиции в регионы расселения армянских колоний. Появилось большое количество исследований отдельных ученых, которые также внесли немалый вклад в изучение истории данного края. Объектом изучения в исторической литературе XVIII–XIX вв. становится армянская культура. Это во многом объяснялось изменившейся этнографической и политической ситуацией в Российской империи, когда происходил интенсивный процесс переселения армян в ее южные области.

В начале XVIII в. уже существовало армянское население в 3 южных областях России: в Астрахани и восточной части Северного Кавказа; на Северном Причерноморье; на Кубани и Черноморском побережье. Основными центрами становятся города Новый Нахичеван, Святой Крест, в Терской области – Кизляр и Моздок, в Кубанской – Армавир [2].

Сведения об этих городах, их истории, нравах, обычаях можно найти в записках многих европейских путешественников. Например, посетивший Кавказ в начале XIX в. знаменитый академик Генрих Юлиус Клапрот (1783–1835) оставил подробное описание армянского свадебного торжества, на котором ему довелось присутствовать во время посещения Моздока в 1807–1808 гг. В одном из отрывков его книги даже по пунктам приведены «моменты, по которым армяне отличаются в вопросах веры от римских католических христиан» [3].

Другие не менее интересные свидетельства обнаруживаются в записках и мемуарах, а также в научных трудах. В них содержится информация и о городе Нахичевань, основанном в 1779 г. по указу Екатерины II армянами-переселенцами из Крыма. В XVIII в. существовало три города с одним и тем же названием «Нахичеван». В XX в. название города стало произноситься уже в женском роде – Нахичевань.

Армянские переселенцы стали называть основанный ими город Нор-Нахичеван (что означает «Новый Нахичеван»), проведя аналогии с

Нахичеванью в Закавказье и существовавшим когда-то армянским городом в Крыму. В связи с тем что к России были присоединены Нахичевань-на-Араксе, Нор-Нахичеван стал именоваться Нахичеван-на-Дону. Говоря об этимологии названия города, которое при дословном переводе означает «первый привал», можно предположить, что оно было призвано подчеркнуть отводившуюся ему роль – первенствующего (главенствующего) среди окружающих селений населенного пункта армянской колонии на Дону, находившегося на территории России и под ее защитой.

И.А. Тер-Абрамян объясняет появление имени нового города следующим образом: «Название Нахичевань было дано городу, чтобы обозначить, что армяне нашли в нем первое в России пристанище, как доказывает этимологический разбор слова: нах – первый; ичеван – пристанище, точно так, как Ной назвал Нахичеванью (Эриванской губ.) место, на которое он высадился прямо из Ковчега» [4].

В 1778 г. Екатерина II дала разрешение на переселение в низовья Дона 12 598 армянам. Целью этой акции стало помимо ослабления Крымского ханства намерение заселить южно-российские степи людьми, имевшими большой и ценный опыт в земледелии, торговле, ремеслах [5]. Историческое название города было утрачено в декабре 1928 г. в связи с образованием единого крупного промышленного и культурного центра в результате слияния Ростова и Нахичевани. Нахичевань-на-Дону стала тогда составной частью Ростова-на-Дону в качестве Пролетарского района, потеряв статус самостоятельной административной единицы.

Изначально город Нахичевань-на-Дону был призван выполнять важнейшую экономическую и даже стратегическую роль в развитии южного региона России. Этому во многом способствовал и удачный выбор его месторасположения (территория ограничивалась с востока балкой Кизитеринкой, с юга — рекой Дон, а с запада — границей крепости Дмитрия Ростовского), выгодный для обороны рельеф местности, плодородная земля и наличие источников с ключевой водой. Город быстро превратился в один из ведущих промышленных и торговых центров региона. В 1790-х гг. в нем были основаны школы, гимназии, проведен водопровод, а также открыта первая на юге России типография.

В Нахичевани быстрыми темпами развивалось ремесленное производство, продукция которого вывозилась в другие российские города и за рубеж. Новонахичеванские армяне, как отмечали исследователи [6], неизменно оказывали значительную финансовую и материальную помощь российскому правительству в период русско-персидских и русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX вв. Они также содействовали развитию внешних торговых связей России со странами Запада и Востока.

Новый Нахичеван являлся одним из крупных культурных и экономических центров на территории России. Через Дон армяне вывозили свежую и вяле-

ную рыбу. Новонахичеванские торговцы принимали участие в международной торговле России, в частности в регионе Черноморского бассейна. Среди предметов внешнеторговой продажи можно назвать кожу, табак, ткани (ситец) и другие предметы обихода.

М.Г. Нигохосов в своей диссертации [7] подтвердил ключевую роль предпринимательства в развитии Нахичевани. Он приводил статистические данные о состоянии предпринимательства в городе и указал на то, что уже с самого своего основания Нахичевань обеспечила себе бурные темпы развития. Согласно статистическим данным за 1822 г., в городе было 2940 цеховых мастеров, что свидетельствует о расцвете ремесла в городе.

Об успехах армянского предпринимательства много писали в своих воспоминаниях иностранные путешественники, посещавшие Нахичевань в конце XVIII – начале XIX вв., в том числе К. де Барт, Ксавье Оммер де Гелль (1812–1848). Сфера научных интересов К. Оммер де Гелля лежала в области геологии, он много работал в Стамбуле, а затем в России. Оммер де Гелль выполнил нивелировку долины Маньча, составил топографическую картину Кавказского края. В кабинете эстампов Национальной библиотеки Франции сохранились рисунки этого исследователя, на которых изображены события Кавказской войны, этнографические сюжеты о кавказских горцах.

В 40-х гг. XIX в. Оммер де Гелль совершил путешествие по российским землям. В поездке по России его сопровождала супруга Адель. В 1839–1841 гг. он находился в длительной экспедиции на юге России. Оммер де Гелль путешествовал по берегам Каспийского моря, Кавказу и Новороссии. О пребывании в России он в соавторстве со своей супругой издал объемный трехтомный труд (1842–1847), в котором значительное внимание уделено Кавказу. В первом томе этих путевых заметок К. Оммер де Гелль излагал собственные впечатления от посещения Нахичевани, подробному описанию которой посвящена целая глава. Характеризуя нахичеванцев как трудолюбивых, умных людей, он отмечал их блестящее умение и очевидные способности к ведению торговли, замечая, что нет ни одного базара в Новороссии, где бы ни были представлены их товары. Оммер де Гелль восхищался мастерством армян в обработке серебра (их изделия пользовались большим спросом у кавказских князей).

Размышляя о судьбе армян, автор пытался объяснить причины их переселения на территорию России, подчеркивая, что вопреки всем трудностям, выпавшим на их долю, они остались верны традициям своей культуры. Многие путешественники описывали интересную планировочную архитектуру города, отмечали его необычный восточный колорит. О духе города писал и К. Оммер де Гель, у которого иногда возникало ощущение, что он находится в Стамбуле. При этом восточные традиции проявлялись и в организации торговли в городе: как и на стамбульских рынках, для каждого товара пред-

назначался отдельный прилавок, а торговля являлась исключительно сферой деятельности мужчин [8].

Такого рода впечатления и отзывы отнюдь не удивительны: ведь даже в облике Нахичевани слились воедино архитектурные новации и традиции, характерные для градостроительства и в России, и на Востоке. Застраивался армянский город по плану, схожему с тем, по которому велось строительство Васильевского острова в Санкт-Петербурге. Даже улицы, ведущие к Дону, в Нахичевани стали называться линиями [9]. Город со дня своего основания получил четко выраженную планировку в виде сетки из пересекающихся под прямым углом улиц. Такая планировка характерна и для русской градостроительной практики XVIII в., и для древнейших государств Востока, в частности для Армении.

В строительстве и проектировании сооружений Нахичевани принимали участие видные российские архитекторы, по проектам которых возводились многие общественные здания, дома, церкви. Документально точно не установлено, кто является автором генерального плана города. Авторство приписывается известному русскому зодчему И.Е. Старову, по проектам которого на юге России были распланированы города Николаев и Екатеринослав, а также А.И. Ригельману, коменданту и строителю крепости Дмитрия Ростовского [10]. Возникновение города началось с появления торговых построек вокруг соорудившегося одновременно собора Григория Просветителя. Торговые павильоны были возведены А. Абрамяном, Д. Бабасиняном, Д. Каракашьяном. В них располагались продавцы кож, портные, плотники, парикмахеры и т.д. Отдельно тянулись ряды лавок ювелиров, литейщиков, кузнецов, ткачей, каменщиков, жестянщиков, часовых мастеров.

В 1793 г. Нахичеван посетил академик П.С. Паллас. Описывая город, ученый отметил в своих трудах некоторые его архитектурные особенности. Палласа удивил тот факт, что многие горожане жили в благоустроенных каменных домах, крытых черепицей. Рассказывая о городе Нахичевани, он отмечал большие успехи армянских поселенцев в деле развития города.

Не остались без внимания академика и подробности повседневной жизни и быта нахичеванских армян. В трудах Палласа содержатся многочисленные интересные и ценные детали, характеризующие деятельность поселян-армян. Например, сохранились очень занятное описание и чертежи «мельниц армянского изобретения» с горизонтальным жерновом, которые могли «молоть при всяком направлении ветра, силу которого изменяют поворачиванием башни». Рассказывая об армянах, Паллас излагал и метод изготовления так называемой «армянской икры», который отличался от других способов получения этого продукта и применялся только армянами [11].

Таким образом, воспоминания ученых и путешественников XVIII–XIX вв. являются ценным источником о жизни города Нахичеван и его жителях. Они

содержат важные сведения о зарождении и развитии предпринимательства в Нахичевани. Их авторы отмечали особый дух города и своеобразие производимой в нем продукции, уникальность уклада жизни населения, его склонность к торговой деятельности. Оригинальная планировка Нахичевани всегда привлекала к себе особое внимание, поскольку в ней сохраняется атмосфера этого замечательного города, основанного армянами юга России.

Примечания

1. Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 2–10.
2. Гусейн-заде Р., Вердиева Х. «Родословная» армян и история их миграции на Кавказ с Балкан. Баку, 2003; Асрибекова Т. Армянское население в экономическом развитии юга России (XVIII–XIX вв.) // Кавказские научные записки. 2010. № 3(4). С. 193–197.
3. Клапрот Г.Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. Нальчик, 2008. С. 194–197.
4. Тер-Абрамян И.А. Донско-Азовский, Русско-Армянский календарь на 1893 год. Ростов н/Д, 1893.
5. Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейшего времени до начала XX в. М., 2005. С. 389–390.
6. Полиевктов М.А. Указ. соч.; Тер-Саркисянц А.Е. Указ. соч.
7. Нигохосов М.Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России (конец XVII – начало XX вв.): автореф. дис. ... к.и.н. Ростов н/Д, 2007.
8. Hommaire de Hell Ignace Xavier Morand. Les steppes de la Mer Caspienne, Le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale: Voyage pittoresque, historique et scientifique par Xavier Hommaire de Hell, Ingénieur civil des mines, Membre de la Société géologique de France et Chevalier de l'ordre de S.Vladimir de Russie. Strasbourg; Paris. En 3 vols. V. 1. 1843.
9. Халпахчян О.Х. Архитектура Нор-Нахичевана. Ереван, 1988; Шах-Азиз Е.О. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Ростов н/Д, 1998.
10. Богданян А.М. Из прошлого. Ростов н/Д, 1989.
11. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: в 3 ч. В 5 кн. СПб., 2007.

Т.Э. Саргсян

ОБ АРМЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЯХ, ВЫВЕЗЕННЫХ ИЗ КРЫМА

Исследование культурного наследия крымских армян часто требует выяснения и прослеживания основных объективно сложившихся путей передвижения созданных ими или же содержащихся у них культовых ценностей. Вопрос этот крайне мало изучен, и в настоящей работе удалось обозначить и систематизировать лишь основные и наиболее осязаемые его моменты. Задача

осложняется тем, что подобного рода ценности, как правило, изготавливались или приобретались по заказу, поэтому проследить их судьбу в качестве товаров широкого сбыта неактуально. И хотя в международной торговле доля культовых ценностей была незначительна, тем не менее они нередко становились предметом торга и продажи.

Можно констатировать, что в истории крымских армян передвижения культовых ценностей до поры до времени носили эпизодический характер, обусловленный их вывозом за границы полуострова тем или иным человеком или же группой людей. Процесс этот представляется стихийным и сложно прослеживаемым, поскольку и первые, и вторые оставляли Крым как в поисках лучшей жизни, так и с целью паломничества или же странствования. Вывезенные таким путем культовые ценности представляли собой в первую очередь образцы церковных книг – произведения киликийских и во многом подражавших им местных книжных мастеров, завоевавших уважение и высокий авторитет. В качестве дарственных подношений или же выставленных на продажу предметов они оседали в армянских церквях и монастырях, действовавших на территории исторической Армении, в странах Восточной и Западной Европы, а также Ближнего Востока. И даже в ходе стихийной миграции, имевшей место в период кровопролитного завоевания полуострова турками-османами в 1475–1476 гг., перемещение культовых ценностей не было существенным в своих масштабах. Во всяком случае, так можно утверждать по имеющимся на сегодняшний день данным. К числу вывозимых объектов относились церковные атрибуты – те же рукописные книги, обрядовые предметы и иконы. О вывезенных же в тот период культовых ценностях памятного значения, то есть хачкарах, накладных поминальных крестах и надписях, почти ничего не известно.

Намного более существенным был вывоз церковных книг в период восточной миссии французских аббатов Франсуа Севина и Мишеля Фурмона в 1730 г. Целью их экспедиции было обогащение королевской библиотеки ценными образцами редких книг. Тогда во Францию было вывезено около 134 томов армянских манускриптов, в том числе и крымского происхождения. Большая их часть была куплена аббатами, но были и случаи похищения. Так, одна из крымских рукописей за вознаграждение была украдена разбойничьей группой татар из одного армянского монастыря Крыма, настоятель которого отказывался продавать ее. Написанная на армяно-кипчакском – редчайший случай для крымской книжной коллекции, – она повествовала о противоборстве Армянской и Греческой церквей [1].

В 1778 году в связи с принудительным переселением христиан полуострова, организованным российскими властями, перемещение созданных армянами культовых ценностей приобрело системность и массовость. В подавляющем большинстве своем эти ценности были представлены выдающимися

образцами многовекового творчества крымских армян. Но среди них были и уникальные памятники, в древности перевезенные армянами-поселенцами из различных уголков исторической Армении. По давним поверьям, в числе последних были даже предметы, привезенные в Крым из столицы Багратидского царства – Ани.

Согласно сведениям архиепископа российских армян Овсэпа Аргутяна-Долгорукого (Аргутинский), тысячи крымских армян, переселенных в 1778 г. в Екатеринослав (близ современного Новомосковска на Днепре), а затем – в прибрежные степи Подонья, вывезли из Крыма «огромные богатства» [2]. Церковная утварь, древние рукописи и облачения были размещены в большие деревянные ящики, запечатаны и транспортированы поначалу в Екатеринослав, а оттуда – в Подонье. Со временем у берегов Дона, вблизи крепости Святого Дмитрия Ростовского, бывшие крымские армяне основали и выстроили город Нор, или Новый, Нахиджеван (ныне – в черте города Ростова-на-Дону), славящийся несколькими своими церквями, и шесть околележащих селений, также имевших свои духовные центры. Таким образом, вывезенные из Крыма культовые ценности нашли свое место в здешних церквях и монастырях.

Особый интерес вызывает передвижение в Подонье армянских рукописных книг, созданных или же содержащихся в Крыму. Сводная коллекция их состоит в общем из 400 томов, написанных в XIV–XVIII вв. Однако к вывозу в Нор Нахиджеван отношение имеют большей частью те 300 томов, что ныне хранятся в Матенадаране им. Месропа Маштоца в Ереване. Что касается остальных ста томов, разбросанных по различным музеям, библиотекам и частным коллекциям мира, то они были вывезены из Крыма либо до переселения крымских армян в Приазовье, либо после, в XIX в. Причем вывоз рукописных книг в XIX веке во многом связан с именем Минаса Бжишкяна (Минай Медици) – известного католического монаха из числа венецианских мхитаристов. В 20-х гг. XIX в. он служил в Крыму, в Карасубазаре (ныне – город Белогорск), в качестве духовного предстоятеля местных армян-католиков. Приобретенные по инициативе М. Бжишкяна манускрипты, транспортированные в Европу, в основном были включены в коллекции библиотек конгрегации мхитаристов в Венеции и Вене.

Книги же, вывезенные в Подонье в период переселения 1778 г., после многомесячных скитаний и многолетних ожиданий нашли приют в церквях и монастырях города Нор Нахиджевана и окрестных селений, оставаясь здесь более ста лет. Позднее в подавляющем большинстве своем они были перевезены в Первопрестольный Св. Эчмиадзин, а в дальнейшем переданы Матенадарану.

Херувим Кушнерян в 80-х г. XIX в. в хранилище церкви Святого Григора Просветителя в Нор Нахиджеване увидел более 200 рукописных книг, три

четверти из которых были написаны в Кафе и Сурхате (соответственно – города Феодосия и Старый Крым в Крыму). Здесь было также три великолепных пергаментных Евангелия киликийского происхождения. Собрание включало и множество крымских Евангелий, два образца сочинений Саргиса Шнорали, множество роскошных лекционариев, изборников, Четьих Миней, гимнариев и так далее [3]. Причем, Хр. Кушнерян отмечает, что книжная коллекция церкви Святого Григора Просветителя, главной святыни Нор Нахиджевана, была намного богаче, нежели остальных армянских церквей города и его округи. К примеру, в принадлежности церкви Святой Богородицы в селении Большая Сала, вблизи Нор Нахиджевана, были лишь одна книга Четьих Миней и несколько Евангелий. Зато здесь было много привезенных из Крыма ритуальных крестов и других предметов церковной утвари [4].

Интересен принцип распределения ценностей крымских духовных центров в церквях и монастырях Подонья. Архиепископ О. Аргутян-Долгорукий взял на себя обязательство именем каждого армянского духовного очага, действовавшего на полуострове, построить здесь новый и передать ему имущество предыдущего [5]. Естественно, этот замысел был осуществлен лишь частично, поскольку невозможно было на новом месте воссоздать огромное число крымских армянских церквей и монастырей. В результате значительная часть привезенной из Крыма церковной утвари осталась неиспользуемой. Долгое время она хранилась в храме Святого Григория Просветителя в Нор Нахиджеване – в четырех больших, переполненных до отказа и запечатанных ящиках, а в 1867 г. по приказу католика была перевезена в главную святыню Армянской апостольской церкви – в первопрестольный Святой Эчмиадзин [6].

Рафаэл Патканян свидетельствует, что среди ценностей, привезенных из Крыма в Подонье, были и старинные иконы, в свое время вывезенные из столицы Ани. Однако, оставленные «невежественными церковными управляющими» в сырости и бесхозности в хранилищах Нор Нахиджевана, к 70-м гг. XIX в. они пришли в полную непригодность [7]. Видимо, речь идет именно о ценностях, «хранящихся» в упомянутых выше запечатанных ящиках, ответственность за которые несли церковные управляющие.

Рассмотрим историю передвижения одного интереснейшего памятника – каменного креста Сурб Хач, прошлое которого также связывается с Ани.

В числе основанных О. Аргутяном-Долгоруком святынь был и находящийся недалеко от города Нор Нахиджевана монастырь Сурб Хач. Тот, согласно сообщению Ерванда Шахазиза, был воздвигнут в память о крымском монастыре Сурб Хач [8]. В другой своей работе Е. Шахазиз пишет, что величайшей святыней нор-нахиджеванского монастыря Сурб Хач, которая и явилась «основанием для построения и именованья» его, был тамошний большой каменный крест, хранящийся под «позолоченной стеклянной рамой» [9]. Этот

священный крест, именуемый «Сурб Хач», долгие века хранился в крымском монастыре Сурб Хач и был привезен в Подонье в самом конце 1778 г. [10].

Помимо креста Сурб Хач, армянами из Крыма был вывезен еще один схожий большой священный каменный крест, который принадлежал уже монастырю Спасителя близ села Бахчи-эли (ныне село Богатое в Крыму). Этот крест, согласно приведенному М. Бжишкяном преданию, был освящен самим апостолом Тадэосом (Фаддей), проповедовавшим христианство в Армении [11]. Вывезенный из монастыря Спасителя, он поначалу также хранился в нор-нахиджеванском монастыре Сурб Хач. Последний собственно был освящен во имя Сурб Хача и Пркчи, то есть Святого Креста и Спасителя [12], и фактически призван был увековечить память об этих двух армянских духовных центрах Крыма. Поэтому архиепископ О. Аргутян-Долгорукий ново-построенному духовному центру близ Нор Нахиджевана передал не только каменные кресты из двух указанных крымских монастырей, но и все остальное их имущество. Впоследствии крест из монастыря Спасителя был увезен в Императорский музей Санкт-Петербурга [13], а Сурб Хач остался в Подонье. Затем он был вывезен из здешнего монастыря Сурб Хач и установлен в кладбищенской церкви Сурб Карапет (Святого Предтечи) в Нор Нахиджеване. Ныне он экспонируется в центральном музее города Ростова-на-Дону.

При всем сказанном есть один сомнительный момент. Думается, что безмерно почитаемый каменный крест, освящение которого по преданию связывалось с апостолом Тадэосом, вряд ли мог быть отдан армянами в Императорский музей. А посему надо полагать, что предание об освящении апостолом Тадэосом касалось именно креста Сурб Хач. Причем заметим, что во времена М. Бжишкяна, в 20–40-х гг. XIX в., армяне уже давно в подавляющем большинстве своем оставили полуостров и увезли свои культовые ценности. А значит, М. Бжишкян рассказывает о кресте из монастыря Спасителя, основываясь на услышанных рассказах, и очень возможно, что путается в сведениях о двух крестах [14].

Самое интересное то, что двухметровый крест Сурб Хач, хранящийся ныне в центральном музее Ростова-на-Дону, выполнен из вулканического базальта, который действительно не характерен для Крыма. Он представляет собой прямоугольную стелу с полукруглым верхом. На лицевой стороне небрежно высечен продолговатый крест с расширяющимися ветвями. Над этим крестом высечен круг, в котором совмещены резные изображения выступающего равноконечного креста и отступающего цветочного орнамента из четырех лепестков. Яснее говоря, кончики крестовых ветвей внутри круга, расширяясь, приближаются друг к другу, образуя меж собой лепестки-впадинки. Снизу, по обе стороны от круга, изображены простейшие растительные побеги, символизирующие древо жизни. Сложно определить возраст и происхождение креста Сурб Хач, но он, по стилю и композиционному построению

восходящий к истокам возникновения хачкарного искусства, находит аналоги в декоративно-мемориальном искусстве Армении VI–VII вв. [15].

Как можно было заметить, армяне имели особое отношение к раритету Сурб Хач. Несмотря на солидный вес и тяжелейшие условия передвижения, они дважды забирали его с собой и транспортировали на дальние расстояния. Почитался именно верхний взятый в круг крест, мотив которого встречается не только в крымском монастыре Сурб Хач (на замковом камне над входом в трапезную, на подпружной арке в самой трапезной, на деревянных дверях, хранящихся ныне в Краеведческом музее Феодосии и т.д.), но и в других армянских памятниках Восточного Крыма – по обе стороны купели церкви того же монастыря Спасителя и в церкви Святой Пятницы села Тополевка (бывшее Топты, или Топлы). А в южную стену армянской церкви Святого Саргиса в селе Тополевка вставлен хачкар, по размерам, форме и композиции в целом схожий с хачкаром Сурб Хач. Такой же хачкар сохранился и на территории бывшей армянской церкви Святой Богородицы в селе Салы (ныне село Грушевка в Крыму) [16]. Перечисленные факты свидетельствуют, что крымские армяне стремились в своих церквях и монастырях иметь памятники, вторящие крест Сурб Хач, или же старались украсить их декоративными элементами, схожими с его мотивами. Не исключено, что святыня из монастыря Спасителя также была копией священного креста Сурб Хач, но копией почитаемой, поскольку крест был включен в число перевозимых в Подонье ценностей, и копией достойной, поскольку был вывезен в Императорский музей Санкт-Петербурга.

Важно отметить, что в 1778 г. в ходе вынужденного переселения крымских армян именно наиболее интересные в художественном отношении произведения вывозились в Императорский музей Санкт-Петербурга. Помимо упомянутого креста, туда были отправлены и двухстворчатые резные дубовые двери церкви Святых Архангелов Кафы, датирующиеся 1371 г. [17]. По данным М. Бжишкяна, в Санкт-Петербург были увезены и некоторые из хачкаров, находящихся у церкви Святого Воскресения в той же Кафе. Общее число их на месте достигало десяти. Это были возвышающиеся на постаментах большие каменные кресты высотой с человеческий рост [18].

Примечания

1. Kevorkian R.H., Ter-Stépanian A. *Manuscripts arméniens de la Bibliothèque nationale de France*. Paris, 1998. P. XXX–XXXI.

2. Запись церковных сосудов, серебра и облачений, привезенных из Крыма (на арм. яз.) // Архив армянской истории. Т. IX. Тифлис, 1911. Кол. 12.

3. Кушнерян Хр. *История армянских переселенцев Крыма* (на арм. яз.). Венеция, 1895. С. 43–44.

4. Там же.

5. Запись церковных сосудов, серебра и облачений, привезенных из Крыма. Кол.12.

6. Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана (на арм. яз.). Тифлис, 1879. С. 61.
7. Там же.
8. Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач Нор Нахиджевана (на арм. яз.). Тифлис, 1901. С. 7.
9. Шахазиз Е. Нор-Нахиджеван и нор-нахиджеванцы (на арм. яз.). Тифлис, 1903. С. 72.
10. Хачикян С. Хачкар Сурб Хач вновь в Сурб Хаче // Община. һамайнк. Историко-культурный журнал юга России. Пятигорск, 1997. Вып. 6. С. 28.
11. Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани (на арм. яз.). Венеция, 1830. С. 260.
12. Запись церковных сосудов, серебра и облачений, привезенных из Крыма. Кол. 11; Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач Нор Нахиджевана. С.7.
13. Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана. С. 61–62.
14. Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым: монастырь Сурб Хач. Симферополь, 2008. С. 27–29.
15. К примеру, можно сравнить с хачкаром VII в. из села Дитак и с мемориальной стелой V–VI вв. из села Верин Талин.
16. В XIX в. в селе обосновались русские, которые укрепили эту армянскую церковь, расширили ее с севера и юга и стали использовать. Во многом благодаря этому она уцелела и дошла до наших дней. В алтарной части сохранились армянские памятные кресты, остатки фрагментированных в советский период замечательных хачкаров. До восстановления были видны и следы росписей с армянскими надписями.
17. Якобсон А.Л., Таманян Ю.А. Армянская архитектура в Крыму. Ереван, 1992. С. 51.
18. Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. С. 334.

А.В. Сериков, В.В. Черноус

ДОНСКИЕ АРМЯНЕ В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В 2010–2011 г. актуализировались в связи с массовыми выступлениями в крупных городах и конфликтами в сельской местности проблемы национальной политики, регулирования межэтнических отношений в Российской Федерации. На заседании расширенного Госсовета в феврале 2011 г. была поставлена задача усилить процесс формирования российской гражданской нации и разработки новой Концепции национальной политики России. В Ростовской области также создана рабочая группа и началась аналогичная работа. Она наталкивается на неопределенность и дискуссионность концептуализации понятий «нация» (политическая или этнонация), «народ», «этнос» и т.д., различное видение судьбы этносов в условиях глобализации, их места в гражданском обществе, как в научном сообществе, так и среди политиков, общественности. Цель статьи – рассмотреть опыт донских армян по

адаптации к условиям местного сообщества Ростовской области, соотношение у них этнической и российской идентичностей (по итогам социологического исследования, проведенного Южно-российским филиалом Института социологии РАН в 2011 г.) [1].

Российские армяне многие века развиваются вместе с русским и другими народами нашей страны, их лишь условно можно считать диаспорой. К сожалению, с распадом СССР армяноведение в России утратило свою масштабность, сосредоточилось в основном в самой Армении. Важным шагом по возрождению российского армяноведения стала крупная международная конференция «Россия и армяне: история взаимодействия, традиции, современные проблемы и перспективы» (23–24 апреля 2009 г., Ростов-на-Дону), проведенная по инициативе ИППК ЮФУ и Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией. По ее итогам был создан в составе Южно-российского филиала Института социологии РАН сектор социального партнерства и армяноведения, который с 2010 г. возглавил д.с.н. Г.В. Мирзоян. Сектор приступил к системному исследованию российских армян, проблем армяноведения в целом.

Армянская диаспора, традиционная для Ростовской области, структурно изменилась и численно возросла в период кризиса и распада СССР, особенно интенсивно данный процесс проходил в 90-е гг. XX в. Это вызвало определенную нестабильность в отношениях донских армян и армян-мигрантов из Армении и Нагорного Карабаха, а также рост напряженности в отношениях последних с остальными этническими группами принимающего населения. В настоящее время, как свидетельствуют эксперты и социологические опросы, ситуация в целом стабилизировалась, противоречия ослабли и армянская диаспора развивается в общероссийском и региональном политическом, социально-экономическом и культурном процессе.

Оставаясь традиционно приверженцами семейных и родственных ценностей, 73,2 % донских армян на вопрос «Какие события за последний год стали для Вас наиболее значимыми?» ответили, что это события в семье или у родственников (расхождение между горожанами и сельскими жителями находятся в границах социологической погрешности). Это свидетельствует о реальном сохранении у армян значения семейных ценностей, а не только их декларирования на фоне большого числа разводов и низкой рождаемости, как это происходит у других этнических групп Российской Федерации.

В то же время важно подчеркнуть включенность и заинтересованность армян в социально-экономических процессах, идущих в России и Ростовской области, что свидетельствует о высокой степени интегрированности их в региональный и общероссийский социумы. 45,1 % от общего количества опрошенных и 47,6 % горожан-армян наиболее значимыми для себя считают политические события в России, а соответственно 35,4 % и 38,1 % – эконо-

мические изменения. На этом фоне значительно меньше интерес к событиям, связанным с жизнью армянской диаспоры, особенно у горожан – всего 4,8 %, у сельских жителей этническая сплоченность выше – 17,5 %, а также к событиям в Армении.

Донские армяне в целом ощущают себя стабильно в России и Ростовской области. Большинство армян полагает, что положение в России лучше, чем в соседских странах (43 %), или примерно такое же 24,4 %, что делает Россию достаточно привлекательной для мигрантов, в т.ч. армян. Близка к этому оценка ситуации в Ростовской области. Из близлежащих регионов армяне выделяют Краснодарский край, где, по их мнению (68,5 %), ситуация складывается лучше, чем в Ростовской области, еще треть респондентов таким образом оценивает развитие Ставропольского края. Ответы на данные вопросы отражают не только объективную картину, но и особенно влияние на них сферы занятости армянского населения.

В то же время армян волнует состояние межнациональных отношений в России и Ростовской области. На них обратили внимание 14,3 % горожан и 30 % сельских жителей (в среднем – 22 %), что соответствует или даже несколько ниже, чем у россиян в целом. Уточнению данной позиции был посвящен отдельный блок вопросов.

Более 42 % оценили состояние национальных отношений в Ростовской области как напряженное, из них 5 % как очень напряженное. На такую оценку, несомненно, влияют средства массовой информации, не всегда профессионально сообщающие о конфликтах, интерпретируемых как межэтнические. В пользу такого вывода свидетельствуют ответы на 7-й и 9-й вопросы. Так, на вопрос «Как Вы оцениваете отношения между людьми разных национальностей в городе, поселке, районе, где Вы проживаете», 73,3 % респондентов оценили их как доброжелательные или спокойные и 23 % – как несколько напряженные, более того, ни один респондент в городе или селе не охарактеризовал их как очень напряженные или критические. Еще более показательны ответы на вопрос «Чувствовали ли Вы на себе за последний год проявления предубеждений или агрессии из-за Вашей национальности?» Таких ответов оказалось 12,5 %.

Вывод об определенной напряженности в отношениях армян Дона и остальных этнических групп, которая носит в основном фоновый характер, обостряемый СМИ и аналитиками, свидетельствует, что в случае отдельных эксцессов на бытовой почве они могут приводить к локальным конфликтам.

Межэтнические отношения – многовекторный и многосубъектный процесс. В связи с этим заслуживают внимания ответы на блок вопросов об отношении армян к другим этническим группам. Неприязненные отношения к людям других национальностей испытывали 16,5 % армян (18,9 % – се-

лян), что свидетельствует о достаточном уровне этнической толерантности. В основном такая неприязнь возникает на основе личного общения – 63,6 %, но не малую роль играют СМИ – 22,7 % (а среди горожан, более включенных в виртуальное пространство, 40 %).

Как народ диаспоры донские армяне менее подвержены мигрантофобии, чем другие группы населения. Неприязнь к мигрантам испытывает 3,8 % армян, практически только из сельских жителей (среди которых – 7,9 %). Сочувственно относятся к тем, кто вынужден был переселиться из-за угрозы жизни, 41,8 %. Важнейшим пожеланием, как и у других этнических групп, является то, чтобы миграционные потоки не ухудшали социальные условия в регионе (51,9 %). Наиболее лояльное отношение армяне готовы проявлять к переселенцам – гражданам РФ – 31,6 % (но всего 18,9 % селян, которые в отличие от горожан проживают компактно), славянам (22,8 %), армянам – 20,3 % и тем, кто переезжает к близким родственникам (25,3 %). Сельское население в меньшей степени готово принимать мигрантов любой национальности в местах своего проживания (даже армян – 5,4 %), что напрямую затрагивает сложившийся здесь уклад жизни.

Блок вопросов посвящен соотношению российской, региональной и этнической идентичностей донских армян. В системе идентичностей донских армян преобладает семейная (самое важное – 37,8 % и важное – 11 %), значительно превосходя все другие я-идентичности. Это вполне совпадает с ответом на 1 вопрос анкеты о значимости семейных ценностей. Следовательно, процесс разрушения традиционных групповых ценностей и идентичностей, характерных для современного западного общества (что фиксируют многие исследователи – Ф. Фукуяма и др.), российских мегаполисов, в значительной степени не затронули армян.

На втором по значимости месте для армян стоит половая идентичность (мужчина – женщина) – соответственно 15,9 – 23,2 %, что также свидетельствует о том, что модернизация в армянской диаспоре происходит на собственной социокультурной основе, сохраняя в значительной степени характер гендерных ролей. Биосоциальным идентичностям по значимости уступают собственно социальные. Важно отметить, что гражданская идентичность из 9 позиций занимает 3-е место – 19,5 % самая важная и 14,6 % важная. Парадоксально только то, что в сельской местности гражданская идентичность заняла 2-е место (20 и 15 %). В любом случае, у городских и сельских армян Дона гражданская идентичность по важности опережает этническую (6,1 и 11 %), а также профессиональную (2,4 и 7,3 %), региональная, локальная и профессиональная идентичности как неустойчивые не играют в я-идентичности армян в существенной роли (от 0 до менее 8 %).

В контексте широко обсуждаемой проблемы формирования «русской нации» большинство армян Дона считает, что она не может возникнуть

в условиях Российской Федерации – 37,8 % (а в селе 47,5 %) или для этого потребуются десятилетия – 20,7 %. В то же время менее 30 % полагают, что граждане РФ составляют российскую нацию. Более того, 78 % армян (из них 90,5 % в городах) готовы, при условии сохранения армянской идентичности, назвать свою национальность «россиянин». Следовательно, донские армяне в политико-правовом, гражданском смысле интегрированы на уровне самоощущения в российское общество. Что касается региональной (ростовской, южно-российской идентичности), то она актуализирована в меньшей степени как инвариант российской и требует более целенаправленного конструирования.

Этническая идентичность рассматривается армянами как часть сложной полиэтнической российской идентичности. Как же донские армяне самоопределяют свою этническую идентичность? По мнению донских армян, самоидентификация определяется знанием армянских традиций – 67,1 % (76,2 % у горожан) и самоощущением – 57,3 % (62,5 % у сельских). Далее идут позитивные черты национального характера: трудолюбие, целеустремленность – 53,7 %, щедрость и гостеприимство – 48,8 %. Лишь на пятом месте стоит знание армянского языка – 43,9 %, приверженность традициям Армянской апостольской церкви – 28 %. Данная иерархия идентификационных признаков вполне характерна для традиционных диаспор, интегрированных в местные сообщества на протяжении нескольких поколений, когда сфера проявления этничности объективно уменьшается, что не мешает ее воспроизводству и трансформациям.

Так, сфера соблюдения армянских традиций ограничивается в значительной мере пространством семейных (земляческих) праздников и ритуалов и т.п. – 69,5 % и в повседневном общении – 17,1 %. Большинство донских армян используют армянский и русский языки в качестве родного, причем знание русского языка несколько лучше. Так, 34,1 % армян (19 % в городе и 50 % в селе) владеют литературным армянским языком, могут читать и писать. 9,8 % умеют читать и 25,6 % владеют только устной речью, причем местными диалектами. Сфера использований армянского языка ограничена общением с родственниками, друзьями и другими армянами. 13,4 % донских армян читают книги, СМИ, в т.ч. электронные, на армянском языке.

65,9 % армян свободно владеют письменно и устно русским языком, а еще 25,6 % считают себя знатоками русского языка. Большинство донских армян думают на русском языке – 41,5 % (66,7 % в городах), на русском или армянском – 31,7 %, только на армянском – 20,7 % (27,5 % в селах). Таким образом, у донских армян, особенно представителей традиционной диаспоры, сложилась двойная языковая идентичность с приоритетом владения и использования русского языка. Кроме того, нужно иметь в виду, что донские армяне признают особенности в языке у различных по происхождению армян (74,6 %).

Сохраняются также субэтнические различия в особенностях обрядов и традиций (50,7 %), особенностях повседневного поведения (41,8 %). Несмотря на различия между субэтническими группами донских армян (что в той или иной мере признает более 80 % респондентов), внутридигаспорная конфликтность в настоящее время незначительна, противоположную оценку дает лишь 13,4 %.

Донские армяне проявляют большую заинтересованность в сохранении армянской культуры. При этом оценка состояния армянской культуры выглядит разнополюсно. Почти 33 % считает, что она развивается или стабильна – 18,3 %, 34,1 % опасаются, что армянская культура утрачивается, а 11 % сталкивается с определенными проблемами. Основная угроза, как полагают 62,2 % респондентов, исходит для этнической культуры со стороны массовой культуры. Более 64,6 % армян стремятся узнать больше о традициях и культуре армянского народа. В то же время донские армяне связывают проблемы развития армянской культуры на Дону с недостатком своих ресурсов, инициативности, а не с дискриминацией со стороны властей. Большинство армян не видит ни привилегий, ни дискриминации по национальному признаку в Ростовской области (соответственно 67,1 % и 53,8 %), исключая решения чиновников и вообще сферы госслужбы (37,7 %). В последнем случае, вероятно, следует иметь в виду коррупционную составляющую во взаимоотношениях донских армян и бюрократии, силовиков.

Армяне поддерживают разносторонние связи с армянами Армении (17,7 %), соседних регионов РФ (11 %). Это важные каналы воспроизводства и поддержки этнической идентичности и солидарности, но их потенциал используется незначительно.

Таким образом, оптимизация положения армян может предусматривать два магистральных направления. Первое – достижение высокого уровня национально-культурной самоорганизации и этнокультурного комфорта, благополучного этнокультурного самочувствия. Второе – упрочение и укоренение среди других этнических сообществ Дона. Важно учесть соотношение успешных сфер деятельности армян Дона и наиболее привлекательных для них, чтобы проводить сбалансированную политику занятости и поддержки образовательной и культурной сфер. Это важно не только для этнической реабилитации, для формирования благополучного автостереотипа «армяне – россияне», но и для профилактики межэтнических противоречий, национализма и ксенофобии. В настоящее время этническая идентичность армян Дона, как и других этнических и субэтнических групп жителей Ростовской области (при определенных поколенческих различиях), не противоречит, а включена в многокомпонентную российскую идентичность [2]. Также необходимо сознательное самоопределение армян как жителей региона и граждан России, это целевые действия армян по максимальной адаптации и интеграции в крае.

Далее – это национально-культурное внедрение армян в общественные организации и автономии при координации действий этих организаций.

Примечания

1. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов н/Д; М., 2011.
2. Казачество как этнонациональный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона). Ростов н/Д, 2011; Гармонизация межнациональных отношений в ЮФО. Российские корейцы в диалоге народов и культур Дона. Ростов н/Д, 2011 и др.

А.Е. Тер-Саркисянц

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕРКЕСО-ГАЕВ (ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН)

Черкесо-гаи, как называли черкесских, или горских, армян, – одна из наиболее древних (по времени появления на Северном Кавказе) историко-этнографических групп армянского этноса, обитавшая среди западных адыгов. О времени их появления в горах Черкесии в литературе существуют различные версии. По мнению одних ученых, например Ф.А. Щербины, армяне переселились сюда в XIV в., после падения в 1375 г. Киликийского армянского царства. По мнению других, например Л.А. Погосяна, переселение шло в XV в. из Крыма. Г.С. Аракелян, подробно изучив различные источники, пришла к выводу, что первыми переселенцами были армянские воины, которые появились здесь в конце X либо в XI в. Они были с почетом приняты местным населением и вскоре заняли высокое положение в их сословной иерархии, получив равные права с черкесскими дворянами – *узденями*. Основным их занятием была торговля, благодаря чему они поддерживали постоянную связь с армянской колонией в Крыму и тем самым с остальным армянским миром. Это в дальнейшем способствовало численному пополнению этой группы за счет переселенцев из самой Армении и главным образом из Крыма и Малой Азии. Именно этим объясняются разные варианты преданий о переселении армян, поскольку каждая их группа отражала в преданиях свою историю. Примерно того же мнения придерживались В.Б. Виноградов и С.Н. Ктиторов, считавшие, что переход армян в горы Северного Кавказа и, в частности в Черкесию, был не одномоментным процессом, а включал в себя разные потоки, которые шли как из Армении, так и из Крыма и других областей, охватывая при этом довольно длительный период – с X–XI и вплоть до XVII в. [1].

Согласно источникам, армяне, женившись на черкешенках, дисперсно расселились на значительной территории Северо-Западного Кавказа. Их интенсивные контакты с черкесами в различных сферах жизни – экономической,

общественной, семейной, культурно-бытовой, часто сопровождавшиеся установлением куначеских и аталыческих отношений, – с течением времени привели к тому, что элементы черкесской культуры, вплоть до языковых, не только проникли во все сферы их жизни, но и стали преобладающими. Однако существенно то, что своего национального самосознания, идентичности они не утратили, чему в немалой степени способствовало сохранение ими христианской религии, а также высокий социальный статус. Осознавая свое резкое отличие от остальных армян, черкесо-гаи тем не менее называли себя, как и окружающие их народы, *эрмелы* (крымско-татарский термин, означающий «армянин»).

Со второй половины XVIII в. регион Северо-Западного Кавказа становится ареной борьбы за влияние между Россией и Турцией. Стремясь укрепить свои позиции, крымские ханы стали усиленно распространять среди горцев ислам, что приводило к преследованию черкесо-гаев за их христианскую веру. Недовольство вызывали и широкие торговые связи черкесо-гаев с русскими и армянами, жившими на русской стороне Кубани. В целях самозащиты черкесо-гаи начали объединяться в аулы, наиболее известными из которых были Гяур-хабль, Егерухай, Адыгой, Хатукай и др. Одновременно они стали покидать горы и переходить на русскую территорию, где поселялись в Новом Нахичеване, Лысогорске, в ряде станиц, позднее в Новороссийске, Екатеринодаре, Моздоке, Кизляре. Основная часть переселенцев в 1839 г. образовала Армянский аул, который с 1841 г. стал называться Армавиром по названию древней столицы Армении. В 1840 г. здесь насчитывалось 400 семейств черкесо-гаев, включавших более 1,3 тыс. чел. В конце 50-х гг. XIX в. население Армавира, несмотря на эпидемию холеры, унесшей треть его жителей, превысило 3 тыс. чел. Армавир состоял из четырех кварталов, каждый соответствовал прежним местам расселения черкесо-гаев, отличавшихся некоторыми этнокультурными особенностями, включая и языковой диалект. В районе Армавира и одновременно с ним основываются несколько армянских селений, самым большим из которых был аул Карабета Талдустына, включивший 47 дворов с 325 жителями [2].

Если в начальный период основными занятиями армавирицев были скотоводство и торговля, то с 70-х гг. XIX в. интенсивное распространение у них получает земледелие, в том числе и товарное, основанное на зерновых культурах, а доля скотоводства постепенно сокращается, но сохраняется, например, козоводство. Позднее, с 1908 г., 35 армавирицев основали товарищество по разведению кабардинской породы лошадей. В тот период развиваются торговля, обрабатывающая промышленность. Армавирицы торговали с жителями черкесских аулов, казачьих станиц, Нового Нахичевана, Екатеринодара, Ставрополя и даже Тбилиси. С 1842 г. в Армавири проводились весенние и осенние ярмарки. В 1840 г. на средства А. Галаджяна был построен мост через р. Кубань.

В 70-х гг. XIX в. открываются торговые фирмы Кусикиянов, Гаспарянов, Сеферянов, Торосьянов (Тарасовых), мануфактурный, мебельный, ювелирный и другие принадлежавшие армянам магазины. В 1910 г. был основан Торговый банк Кавказа, председателем которого был Аслан Тарасов. Армянином был и председатель правления товарной биржи С. Мхитаров. В начале XX в. создается товарищество мыловаренных заводов «Ахтамар», ведущую роль в котором играли братья Гаспаровы, основывается товарищество маслобойных заводов Аведовых. Владельцами хлопкоочистительных заводов были Б. Гаспаров и Богорсуков-Дангулов. Одним из самых богатых семейств в Армавире и Екатеринодаре были Тарасовы, основавшие «Торговый дом братьев Тарасовых». К концу XIX в. Армавир стал одним из главных промышленных и торговых центров на Северном Кавказе.

В 1847 г. в Армавире была открыта первая армянская школа для мальчиков, а в 1871 г. – еще две школы, для мальчиков и для девочек. В 1861 г. завершилось строительство каменной церкви Пресвятой Богородицы, в конце XIX в. – церкви Св. Геворка; в 1904 г. на армянском кладбище была сооружена церковь Св. Петра и Павла. Хотя Армавир долгое время продолжал считаться селом и не получал статус города, он уже с конца XIX в. застраивался по городскому проекту; здесь раньше, чем во многих других городах Кавказа, появились электричество, телефон, трамвай. Решение о преобразовании его в город было принято только в начале 1914 г., когда численность его жителей составила 44 тыс. чел., из них армян – 8 тыс. [3].

Переселившись в Армавир, черкесские армяне первые десятилетия сохраняли заимствованные у горцев основные элементы их традиционной культуры. Например, посетивший Армавир в 40-х гг. XIX в. священник И. Хозров писал, что «тамошние армяне ничем не отличаются от черкесов – тот же язык, обычаи, нравы, кушанья, домашняя утварь и одежда. Армянского языка не знают»; по словам обследовавшего в 1859 г. Армавир одного из представителей царской администрации, местные армяне «сохранили все обычаи, нравы и понятия, язык, костюм и пищу горцев, среди которых они прежде жили и с которыми они и после находились в постоянных сношениях. Большая часть мужчин, а женщины почти все, вовсе не понимают армянского языка и говорят абадзехским наречием языка адиге... Несмотря на перерождение в черкесов во всем, армавирцы твердо сохранили убеждение, что они армяне...» [4].

Распространенным типом жилища черкесо-гаев был длинный дом из трех комнат, со стенами из плетня, обмазанного глиной, без окон, под двухскатной крышей из камыша и соломы, глинобитным полом, разделенный на мужскую и женскую половины, с открытым очагом в центре средней комнаты. Во дворе размещались постройки для скота, амбары, пекарня, курятник, кухня и небольшая кунацкая. Убранство состояло из нескольких деревянных кроватей, покрытых войлоком, небольшого стола и полок для хранения посуды и посте-

ли. В последней трети XIX в. появляются городские виды построек – просторные кирпичные дома с большими окнами, черепичной крышей, с новой мебелью, покупной фабричной посудой, исчезает деление на мужскую и женскую половины, традиционный очаг заменяется русской или голландской печью.

В этот же период среди мужчин, в первую очередь состоятельных, вместо черкесского костюма стала распространяться европейская одежда, вначале как парадная. Устойчивее сохранялась женская одежда, состоящая из длинной белой рубахи, поверх которой надевали длинную кофту, и узких штанов. Голову повязывали тонким платком. Бытовала традиционная кожаная, часто сафьяновая, обувь. Праздничная одежда по своему покрою почти не отличалась от повседневной, но шилась из более дорогих тканей – шелковых и шерстяных.

Наибольшей устойчивостью отличалась пища, во многом соответствовавшая традициям черкесской кухни. Если в начальный период в пище черкесо-гаев преобладали главным образом мясные и молочные продукты, а вместо хлеба употреблялась обычно *паста* – густая просяная каша, то в последующий период заметно выросла доля земледельческих продуктов: кукурузные и пшеничные лепешки – *маджодж*, круто сваренная крупная лапша – *фабе-халув*, тонкие лепешки с сыром из слоеного теста – *зубыл* и др. Любимыми блюдами оставались куриное мясо с пшеничным и чесночным соусом – *четлыти*, баранина с острым чесночным соусом – *лелети*, сладкое печенье – с сахаром (*шушук-курабье*) или медом (*адыге-курабье*). Позднее в их пищу вошли блюда, заимствованные у других народов: борщ, калмыцкий чай и др. У новонахичеванских армян они научились готовить некоторые супы, *толму*, *гату*, *халву* и другие блюда.

Среди черкесо-гаев была распространена малая семья, состоящая из родителей и их детей. Сыновья после женитьбы, как правило, жили в отдельном, построенном в одном квартале с родительским, доме. В семье были сильны патриархальные традиции, долго сохранялся обычай кровной мести, перенятый у черкесов. Наряду с браком по сватовству черкесо-гаи прибегали к похищению невесты, большей частью с предварительного согласия девушки и ее родителей. Если же такого согласия не было, то юноша должен был уплатить большой *калым*. Свадебное торжество проходило в доме жениха, в присутствии множества гостей, сопровождалось обильным угощением, танцами, песнями. Свадебный наряд невесты состоял из шелкового или шерстяного платья, небольшой круглой шапочки и черкесских украшений. Ее наряжала одна из родственниц жениха.

Первое время после замужества молодая не должна была выходить из дома, даже к своим близким родственникам, избегала посторонних мужчин. После того, как ее родители устраивали в честь своей дочери торжество, одаривая при этом членов ее новой семьи, молодой разрешалось посещать дома своих родителей и близких родственников. Положение невестки в семье мужа становилось более прочным после рождения двух-трех детей, а в случае ее без-

детности – по прошествии 6–7 лет брака. Молодой муж в течение некоторого времени после свадьбы должен был избегать тестя, пока тот не устраивал в честь зятя торжественный обед с приглашением родственников и не одаривал его богатым подарком, в большинстве случаев конем. В ответ зять устраивал угощение для тестя и родственников своей жены. С этого времени обе семьи считались связанными тесными узами.

Похоронно-поминальные обряды у черкесо-гаев имели ряд особенностей. Смерть воспринималась ими как длительный сон, поэтому покойного старались «разбудить», поднимая сильный шум и тряся тело. Только потом началось громкое оплакивание, длившееся от трех до семи дней. Специальные плакальщицы в траурных песнях-плачах воспевали лучшие качества умершего, вспоминали разные эпизоды из его жизни при этом, до крови царапая свое лицо и грудь, они рвали на себе волосы, выражая скорбь. Мужчинам не полагалось плакать, но они тоже в знак скорби наносили себе удары, оставлявшие заметные следы. Веря в загробный мир, черкесо-гаи укладывали в могилу продукты и предметы, принадлежавшие покойному: мужчине – его воинские доспехи и оружие, женщине – части ее одежды, украшения. Нередко убивали любимое покойным животное и лучшие куски его мяса оставляли на могиле. В течение трех дней после похорон ранним утром полагалось ходить на кладбище, взяв с собой заранее испеченные пышки, чтобы угощать прохожих. Поминки были обязательными, их устраивали, как это принято у всех армян, на 7-й, 40-й дни и через год после смерти. Но один обычай у черкесо-гаев был особенный: в дни поминок они развешивали на стене одежду покойного и, прежде чем выпить за упокой души, обливали ее вином [5].

Тесное переплетение христианства и язычества наблюдалось и в народных календарных праздниках черкесо-гаев, некоторые из которых были, по всей видимости, заимствованы у новопахичеванских армян. Эти праздники во многом сходны с общеармянскими, например, обряды во время Великого поста, праздника Св. Саркиса (сопровождаящегося гаданием девушек о будущем женихе), праздника *Псыутж*, связанного с обливанием друг друга водой наподобие *Вардавара*, праздника Св. Акоба, когда полагалось приносить в жертву этому святому и каждому мужчине в семье по петуху; кровью птицы делали кресты на лбу детей, на воротах дома, дверях курятника. Жертвенное мясо варили и ели всей семьей, а также угощали соседей и родных.

По мере увеличения в Армавире русского населения (с 16 чел. в 1859 г. до 888 чел. в 1876 г. и до 32 983 чел. в 1911 г. [6]) на этнокультурное развитие черкесо-гаев стал влиять и русский фактор, в частности, большое распространение среди них получили русские песни, пляски, а также русский язык; частыми стали браки с русскими. В этот период распространяются русифицированные формы их фамилий, например Поповы, Бароновы, Тарасовы, Арсентьевы, Давыдовы и др.

Хотя армавирская община не имела особых привилегий, уже в первоначальный период здесь существовало самоуправление. Во главе общества стоял коллегиальный орган – *тхамада*, избиравшийся на общем собрании из числа уважаемых граждан города; суд вершили 6 судей. Высшим органом управления были общие собрания армавирцев. Эта форма правления сохранялась до конца 60-х гг. XIX в., после чего Армавир был переведен в разряд русских сел с соответствующей системой управления [7].

Ныне большая часть черкесо-гаев живет в Армавире, Майкопе, Краснодаре. Из среды черкесо-гаев вышли французский писатель-академик Анри Труайя (Левон Тарасов), писатели С. Дангулов и Б. Каспаров, главный врач Балтийского флота М. Дангулов, ставший известным в годы перестройки предприниматель Артем Тарасов и другие.

Примечания

1. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916. С. 2, 177; Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. С. 21; Аракелян Г.С. Черкесогаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Ереван, 1984. Вып. 4. С. 29–73; Виноградов В.Б., Ктиторов С.Н. Заметки об изучении актуальных вопросов истории черкесогаев и дореволюционного Армавира // *Studia Pontocausasica*. Вып. 2. Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 129–131.

2. Волкова Н.Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX в. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1966. № 3. С. 259–264; Поркшеян Х.А. Происхождение черкесоармян и основание Армавира // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. Ереван, 1971. № 5. С. 66–75; Аракелян Г.С. Указ. соч. С. 43–91.

3. Ананян Ж.А., Хачатурян В.А. Армянские общины России. Ереван, 1993. С. 61–62.

4. Хозров И. Остатки христианства между закубанскими племенами, прошедшее и нынешнее состояние их нравов и обычаев // Подшивка газеты «Кавказ» за 1846 г. 2-е полугодие. С. 258; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 200–201).

5. Аракелян Г.С. Указ. соч. С. 94–109; Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 119.

6. Аракелян Г.С. Указ. соч. С. 120.

7. Ананян Ж.А., Хачатурян В.А. Указ. соч. С. 63–64.

Р.Г. Тикиджьян

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ДОНСКИХ АРМЯН В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Проблемы периодизации, характеристики основных этапов, вопросы изучения критериев становления, эволюции и трансформации уникального в своём роде, крупнейшего на юге России армянского донского этносоциального и культурного сообщества, были поставлены в современной отечественной

историографии сравнительно недавно [1]. Основным капитальным трудом, подробно и полноценно осветившим процесс истории становления и развития колонии армян Дона со времени её основания в 1779 г. до революционных событий 1917г., остаётся многоплановое исследование В.Б. Бархударяна.

За последние 15 лет в ряде историко-этнографических очерков, научных статьях и публикациях В.З. Акопяна, Т.Н. Абрамовой, М.Г. Багдыкова, В.Г. Вартаняна, С.С. Казарова, Н.В. Курасовой, М.Г. Нигохосова, А.Г. Малхасяна, Б.Т. Ованесова, В.Н. Сидорова, В.В. Смирнова, С.М. Саядова, А.Е. Тер-Саркисянца, Р.Г. Тикиджьяна, Ш.М. Шагиняна, В.Ц. Худавердяна были намечены новые подходы и даны оценки по дальнейшему серьёзному изучению как истории армян юга России в целом, так и непосредственно донской колонии. Большое количество работ и публикаций в последнее время было посвящено изучению роли и значения деятельности Армянской церкви, вкладу армян в развитие торговли и предпринимательства, системе образовательных учреждений, деятельности духовных и культурных лидеров армян, в том числе и И. Аргутинского-Долгорукова [2]. По-прежнему недостаточно изученными остаются вопросы сохранения этнокультурной идентичности, менталитета и культуры, быта и нравов, народного фольклора донских армян, соотношения «анийско-крымского периода» этнокультурного наследия и вновь приобретённых элементов донской субкультуры, взаимоотношения с казачеством, история армянских казачьих родов. Интересны проблемы развития ассимиляционных процессов в среде армянского населения в период модернизаций и урбанизации Приазовья в конце XIX–XX вв., кризис и трагедия армянского населения Приазовья в период мировых войн, революции и Гражданской войны, этносоциальные трансформации в советский и постсоветский период истории. Но они не стали пока предметом специальных исследований историков и этносоциологов. Охватить в постановочной статье все проблемные и малоизученные вопросы невозможно, в этой связи для продолжения научного дискурса предлагается примерный концепт системной периодизации, поэтапного процесса становления, развития и трансформации этносоциального общества донских армян, включая его современное состояние.

Относительно территорий Приазовья и устья Дона есть свидетельства о пребывании армян в татарском Азаке и Тане в XIV–XV вв. Донским историком и краеведом Б.В. Чеботаревым установлены факты проживания армян в середине XVII в. в турецком Азове, где у них была своя церковь Иоанна Предтечи. По подсчетам историка П. Буткова к середине XVII в. при взятии Азова донскими казаками в 1636 г. в нем насчитывалось 63 семьи армянских и греческих купцов. Известны также и факты единичного включения армян в состав сообщества и сословия донских казаков в конце XVI–XIX вв. Следует всё же четко определить, что на предыдущем этапе истории базовое ядро этносоциального и культурного (крымско-анийского) сообщества сложилось

на основе анийских переселенцев, проживавших более 400 лет в городах и селениях татарского Крыма.

Если рассматривать непосредственно историю основания донской армянской колонии, то основным первым периодом формирования особого территориального армянского этносоциального сообщества в Приазовье и на Нижнем Дону можно считать этап переселения и размещения армян из Крыма при Екатерине II в период русско-турецких войн. Несмотря на то, что подготовке и сложному процессу переселения армян на Дон посвящена обширная литература, некоторые проблемы и до сего дня остаются дискуссионными [3]. Анализ различных источников дореволюционной, советской и современной историографии по данной проблеме позволяет, на наш взгляд, определить наличие 4 основных периодов в становления и трансформации территориального, административно-правового и этносоциального сообщества донских армян с конца XVIII до начала XXI вв. Причем каждый из них имеет и свои достаточно четко структурированные этапы. Первый период «новонахичеванской истории» охватывает время становления и укрепления армянской колонии с 1778 по 1865 гг. В ней достаточно четко выделяется ряд значимых этапов. На первом его этапе с 1779 по 1811 гг. в городе была воссоздана этносоциальная модель самоуправления – Магистрат, при нем суд и полиция. Населением избирается Городской голова, сроком на 3 года, а позднее, в соответствии с российским законом от 1785 г. к 1795 г. разработан и принят национальный «Устав» по выборам «городского парламента» – Нахичеванской думы (из 24 попечителей избравшихся на 3 года). Лично императором Александром I утверждается герб и генеральный план города Нахичевани.

Второй этап охватывает примерно с 1811 по 1861–1865 гг. Нахичевань и армянская сельская округа опиралась на национальное самоуправление и религиозные, культурные традиции, используя дарованные права и привилегии, связи с армянами зарубежья. Развивалась экономически и культурно в 20–60-е гг. XIX в. весьма успешно и превратилась в полноценный процветающий город юга России, в тот период явно опережая по всем показателям соседние г. Ростов, Таганрог и Мариуполь. Используя предоставленные Екатериной II льготы и местные условия, купцы Нахичевани организовывали торговлю не только в своем городе, но и в Ростове-на-Дону, Таганроге и Азове, Екатеринодаре, Ставрополе, Ейске и Центральной России. На наш взгляд, именно этот период можно охарактеризовать как базовый для развития и расцвета армянской колонии.

Второй период хронологически достаточно четко определяется с начала 1860 по 1917–1920 гг. и совпадает с либерально-капиталистической модернизацией юга России и Приазовья. Он связан с серьезными изменениями в правовом статусе, экономических и политических правах донской армян-

ской общины, подъемом экономической и культурной активности, начавшимся процессом постепенного слияния, «поглощения» быстро растущим г. Ростовом соседней Нахичевани-на-Дону. Здесь можно выделить 3 этапа развития. Первый этап, с 1861 по 1888 гг., определялся непосредственным проведением либеральных и административно-территориальных реформ, быстрыми темпами развития торговли и промышленности. Он стал критической точкой для перспектив последующего сохранения самобытности этнического и социокультурного статуса армянской общности (в отличие от донских казаков). Так, с 1864 по 1875 гг. жизнь и деятельность колонии была унифицирована по общероссийской схеме реформ: проведена отмена большей части налоговых льгот, особенностей суда и местного самоуправления, полиция переведена в Ростов, отменено освобождение от воинской службы. Неоднократно на уровне высшей бюрократии официально обсуждался и вопрос о возможности слияния в один город Ростова и Нахичевани, периодически инициировавшийся конкурентной ростовской торгово-промышленной элитой. Второй этап, с 1888 по 1914 гг., связан с проведением и последствиями важной административно-территориальной реформы присоединения уездов и городов Приазовья, в том числе г. Нахичевани с сельской округой к Области войска Донского. Завершается этот период получением значимого правового статуса Градоначальства г. Ростовом-на-Дону, в которое были включены и г. Нахичевань с сельской округой. В новых условиях непросто выстраивались отношения с донским Войсковым наказным атаманом и казачьей военной администрацией Новочеркаска в составе вновь созданного Ростовского округа. Постепенно завершался процесс экономической и отчасти культурной интеграции г. Нахичевани и Ростова-на-Дону с первых лет XX в. Однако нахичеванцам пока удавалось сохранять определенную самостоятельность и самобытность, особенно в быту, семейно-брачных отношениях.

Весьма значимым и переломным для судеб армянского донского сообщества являлся и третий этап, с 1914 по 1921 гг. Он связан с активной деятельностью вновь созданного Ростовского градоначальства, участием России в Первой мировой войне и геноцидом армян Западной Армении, роли армянского населения в революции и Гражданской войне на Дону, их последствиями. Начавшийся накануне и продолженный уже в условиях Первой мировой войны кровавый геноцид, осуществляемый официальными турецкими властями, привел к массовому исходу армянского населения с родных земель Западной Армении. В этом контексте имперским, а затем и Временным правительством России рассматривалась идея и планы создания Евфратского казачьего войска (из состава казаков юга России) для защиты приграничных с Турцией территорий, в т.ч. и армянского населения. Одним из направлений исхода беженцев стал юг России и Нахичевань-на-Дону. В январе 1915

г. в Нахичевани было зарегистрировано уже до 150 семей армян-беженцев в числе 495 душ, а в дальнейшем поток беженцев нарастал. События развернувшейся революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. определялись общими тенденциями кризиса и раскола, как в российском, так и в донском армянском сообществе: колебания между двумя лагерями революции и контрреволюции, частичный исход торгово-предпринимательской и культурной этноэлиты в эмиграцию, сокращение армянского населения Дона (по разным подсчетам почти на 1/3). Именно этот этап в истории донских армян остается недостаточно изученным.

Третий период определяется хронологическими рамками истории Советского государства и общества с 1920 по 1991–1993 гг. В это время уже окончательно реализуется тенденция к интеграции и унификации г. Ростова и Нахичевани, начинается сложный и болезненный процесс постепенного «размывания» этносоциальной общности донских армян. Эти тенденции нарастали в рамках развития индустриализации и урбанизации края и общей стратегии Советского государства-партии через коммуникацию межнациональных отношений и новых моделей территориального администрирования на юге России и Северном Кавказе, к постепенной унификации и стандартизации через «советскую» систему образования и культуры.

Этап советского строительства с 1921 по 1941 гг. включал создание Северо-Кавказского края в 1924 г., а затем отдельной Ростовской области в 1937 г. в составе РСФСР. Весьма значимыми для этого периода стали последствия окончательного административного включения бывшего г. Нахичевани в единое городское образование и инфраструктуру г. Ростова-на-Дону в виде его Пролетарского района в 1928 г. Однако после дискуссий всё же была учтена этносоциальная армянская специфика населения. Принято решение о выделении бывших сельских поселений из единого Аксайского района, и создании отдельного (фактически мононационального) Мясниковского сельского района Ростовской области с центром в с. Чалтырь в 1926 г. Разрешены и продолжили работу печатные органы, газеты и вкладыши на армянском языке. Этап с 1941 по 1985 гг. интересен тем, что здесь весьма показательны роль и вклад донских армян в освобождение г. Ростова и области от немецко-фашистских оккупантов, последующее развитие экономики, особенно науки и культуры области и города в 1950–1980-х гг.

Начатый в 1930 г. сбор архивно-музейных материалов проводился Ростовским областным музеем краеведения и Государственным архивом Ростовской области при активной поддержке Республики Армения, известного армянского художника и деятеля культуры М.С. Сарьяна. В 1972 г. создается «Музей Русско-армянской дружбы» в отреставрированном монастыре Сурб-Хач, формируются экспозиции этнографических музеев в с. Чалтырь и Б. Салы. Благодаря усилиям работников культуры и подвижникам-краеведам,

стало возможным сохранить и популяризировать основы уникальной этнической субкультуры и фольклора донских армян.

Третий этап с 1985 по 1991–1993 гг. включает межэтнические процессы, развернувшиеся в период перестройки, распада СССР и формирования структур СНГ. Демократизация и гласность способствовали подъему этнического самосознания, всколыхнули этносоциальные сообщества и их субэлиты. Возникло движение за возрождение российского и донского казачества, практически одновременно заявили о своем национальном и культурном возрождении донские армяне, немцы, евреи, татары. Начался процесс этнической консолидации и создания обновленных, полноценных общественных и этнокультурных организаций, в том числе «Ново-Нахичеванской-на-Дону армянской общины» в 1988–1989 гг. Поднявшаяся «волна» национализма в республиках СССР в период кризиса перестройки привела к Сумгаитской трагедии 1988 г., к страшным бакинским погромам и сложнейшему конфликту вокруг Нагорного Карабаха, а в новой РФ – к чеченскому конфликту на Кавказе, тесно связанному с проблемами Закавказья. Эта ситуация привела к целому ряду очередных волн миграции и переселению армян из республик Закавказья на юг России и Дон.

Современный четвертый период хронологически определяется с 1991–1993 гг. по настоящее время и связан с процессами современной модернизации Российского и Армянского государств и общества. На первом этапе с 1991–1993 гг. по 2000 г. прокатились новые «волны» процесса миграции, что привело к исходу и количественному пополнению армянских общин юга России. Постепенно восстанавливалось стратегическое сотрудничество с Арменией на постсоветском пространстве непосредственно через «народную дипломатию», так и на региональном уровне субъектов федерации. Юг России, в особенности Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края уже традиционно стали для беженцев и переселенцев-армян фактически «вторым родным домом». Большую роль играет и многоплановая деятельность «Ново-Нахичеванской-на-Дону армянской общины» и её актива во главе с А. Сурмаляном. Этносоциальное сообщество армян Дона бережно хранит и приумножает уникальные культурные традиции донских и крымско-ангийских армян. Второй этап обозначился с приходом к власти Президента РФ В.В. Путина и формированием структур Южного, а позднее Северо-Кавказского федеральных округов.

С середины 1990-х гг. в г. Ростове-на-Дону было открыто официальное представительство, а позднее и Генеральное консульство Республики Армения в Ростовской области и Южном Федеральном округе во главе с А. Гомцяном. За последние 10 лет налажены экономические, культурные связи, в том числе научные контакты между руководством РФ, Армении и Ростовской области. В последнее время появились серьёзные проблемные и обобщающие науч-

ные исследования по истории и культуре армянского населения Северного Кавказа и Дона, однако эту большую и комплексную исследовательскую работу необходимо активно продолжать [4].

Примечания

1. Тикиджьян Р.Г. История и культура народов Донского края и казачества. Ростов н/Д, 2010. С. 304–348; Материалы Межрегиональной конференции «Деятельность И. Аргутинского-Долгорукого в контексте геополитики России на Кавказе» // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 16. Ростов н/Д, 2010. С. 3–80.

2. Бархударян В.Б. История Армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917 гг.). Ереван, 1996; Сидоров Н.В. Энциклопедия истории старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д, 1993–1995; Багдыков М.Г. Нахичеванские портреты. Ростов н/Д, 1997; Казаров С.С., Вартамян Э.Г. История Армянской Апостольской церкви на Дону (XVIII–XX вв.). Таганрог, 2001 и др.

3. Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян. Ростов н/Д, 2010. С. 5–48.

4. Тер-Саркисянц А.Е., Худавердян В.Ц. Армянская диаспора Юга России. Положение и перспективы. М., 1993; Ованесов Б.Т. Роль армянского населения Российской империи в развитии Северного Кавказа. Ставрополь, 2008; Казаров С.С. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). Ростов н/Д, 2012; Смирнов В.В. Нахичевань-на-Дону. Этюды старой истории: Время и люди. Ростов н/Д, 2010 и др.

О.Б. Халидова

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ АРМЯН ДАГЕСТАНА В XIX в.

К середине XIX в. армяне проживали в различных районах и городах Дагестана. Так, на территории Южного Дагестана (г. Дербент) к началу XX в. армяне образовали крупную диаспору. В 1782 г. в городе была построена каменная церковь [1], которую, по данным 1851 г., посещали 325 верующих прихожан [2]. К концу XIX в. в Дагестанской области насчитывалось 3 армяно-григорианских церкви [3]. По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., в Дагестанской области проживало 1623 прихожанина армяно-григорианской церкви [4]. Недалеко от Кизляра имеется небольшое армянское с. Карабаглы, основанное карабахскими армянами в конце XVIII в. Они родом с Нагорного Карабаха. Из-за притеснения со стороны Турции десятки тысяч армян уехали на Северный Кавказ. По указу Павла I от 1 мая 1797 г. армян из Карабаха и Дербента заселили в Кизляр, а часть на притоках р. Терек, где было образовано с. Карабаглы [5]. По мнению Д.В. Аганесовой, Кизляр был именно тем городом, где в XIX в. «сложилась крупнейшая община Дагестана» [6].

В 60-е годы XIX в. в г. Темир-Хан-Шуре проживало до 700 армян – выходцев из Грузии, Карабаха, Шемахи, Моздока [7]. По данным Кавказского календаря в 80-х гг. в Порт-Петровске проживало 343 армянина [8]. В XIX в. развитие образования армянской диаспоры в Дагестане, происходившее в рамках всеобщей конфессиональной политики Российской империи на Кавказе, взяла на себя Армянская апостольская (ААЦ) церковь, поставив его на уровень церковно-приходского. Еще в 1836 г. было утверждено положение об армяно-григорианской церкви в Российской империи, при разработке которого Николаем I было велено «по возможности сохранить ее древние правила и обряды» [9].

22 ноября 1873 г. было утверждено постановление об устройстве учебной части на Кавказе и в Закавказье, по которому «заведование всеми казенными, уездными и начальными училищами, а также общественными и частными учебными заведениями, равно наблюдение за церковно-приходскими школами иноверческих исповеданий возложить: в Тифлисской губернии на директора народного училища этой губернии и особого при нем помощника, а в прочих губерниях и областях Кавказского и Закавказского края на инспекторов народных училищ, но инспекторы народных училищ обязаны были наблюдать за преподаванием русского языка, и (там, где преподавалась) русской истории и географии» [10]. Выполнение данного постановления на практике в отношении армянских церковно-приходских школ вызвало некоторое сопротивление со стороны патриарха всех армян, что позволило императору внести некоторые дополнения, а именно 24 июля 1874 г. высочайшим повелением армянские духовные училища были разделены на две категории. Первая категория включала «училища общеобразовательного порядка при церквях и монастырях», вторая – духовные училища для подготовки священников. Последние были полностью оставлены в ведении духовного начальства, первые учреждались и заведовались церковью, но инспекторы народных училищ обязаны были наблюдать за преподаванием русского языка, и русской истории и географии [11].

С отменой наместничества в 1881 г. произошло общее изменение курса политики на Кавказе: «обрусение туземцев было признано первейшей задачей новой кавказской администрации, а школа – лучшим к тому орудием» [12]. Также в 1882 г. с отставкой Н.И. Игнатьева и назначением на пост министра внутренних дел графа Д.А. Толстого меняется политика в отношении образовательных учреждений ААЦ. Особым совещанием под председательством Д.А. Толстого при участии министра народного просвещения и главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукова-Корсакова были разработаны и высочайше утверждены 16 февраля 1884 г. Правила об армяно-григорианских церковных училищах на Кавказе:

1. Армяно-григорианскими училищами могли именоваться все общеобразовательные начальные одно- и двухклассные учебные заведения, состоявшие

при церквях и монастырях ААЦ и содержавшиеся ими исключительно за счет церковных и монастырских сумм, или при «воспособлении» со стороны прихода. Заведование этими училищами предоставлялось епархиальным начальникам ААЦ.

2. Церковные училища могли быть открыты с разрешения духовного начальства, которое обязывалось «об открытии каждого училища сообщать попечителю Кавказского учебного округа с показанием местности, где училище находится, и на какие именно средства оно будет содержаться, а также учебных планов по преподаванию русского языка, русской истории и географии и числа назначенных на эти предметы недельных уроков». Духовное начальство должно было сообщать попечителю о закрытии каждого училища, а также о назначении и увольнении преподавателей и предоставлять данные, необходимые для составления отчетов о состоянии образования в крае.

3. Во всех церковных училищах обязательно должен был преподаваться русский язык, «а в тех училищах, где преподаются всеобщая история и география, должны преподаваться и история, и география России и на русском языке». При преподавании этих предметов могли быть использованы «руководства только из числа одобренных Министерством народного просвещения или попечителем учебного округа».

4. На учебное ведомство возлагалась обязанность наблюдения за преподаванием всех предметов за исключением Закона Божия. Если попечитель учебного округа признавал кого-либо из преподавателей не соответствующим своей должности, то мог обратиться к духовному ведомству для увольнения преподавателя. При неисполнении духовным ведомством этого требования попечитель мог сообщить об этом министру народного просвещения, а в особо важных случаях – главнокомандующему гражданской частью на Кавказе.

5. Училища, «имеющие целью приготовление и поступление в духовенство армяно-григорианского исповедания, т.е. в Эчмиадзинскую духовную академию и епархиальные духовные семинарии, не подлежат наблюдению учебного начальства и остаются по-прежнему в ведомстве министерства внутренних дел [13].

Эчмиадзинский синод отказался принять Правила к исполнению, ссылаясь на то, что «распоряжения об училищах может делать лишь католикос, а престол вакантен» [14]. В ответ МВД начало закрывать армянские школы, которые не соответствовали новым правилам. Так, были закрыты армянские церковно-приходские школы в г. Дербенте, Дагестанской области [15] и в г. Темир-Хан-Шуре [16], в том числе и трехклассная мужская и двухклассная женская школы в Кизляре [17]. 18 июля 1885 г. был утвержден новый католикос Макарий, который принял Правила, но «восстановив закрытые училища, принял правила лишь формально, оставив их без практического исполнения. В частности допуская запрещенное законом преподавание истории и геогра-

фии Армении» [18]. Им было подано ходатайство об изменениях в правилах 16 февраля 1884 г. Царская администрация пошла на уступки и уже в 1886 г. армянские школы вновь открылись.

2 июня 1897 г. и 26 марта 1898 г. последовали акты, по которым открывавшиеся при церквях и монастырях ААЦ школы должны были подчиняться Министерству народного просвещения на общих основаниях с другими начальными школами [19], с тем чтобы «при новом порядке управления сохранено было право армяно-григорианского духовенства наблюдать за религиозным образованием юношества в означенных заведениях» [20]. Кавказскому начальству было поручено принять в свое ведение имущество церковных армянских училищ, монастырей. Так, в апреле 1898 г. Дербентским управлением городской полиции был получен секретный циркуляр, в котором требовалось указать сведения «об имуществах, принадлежащих армяно-григорианским церквям и монастырям в городе Дербенте» [21]. Данное распоряжение исходило из канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе в Тифлисе и было разслано всем губернаторам Кавказского края. Ввиду того, что был расширен штат канцелярии Эчимадинского армяно-григорианского синода, и министр финансов не высказал никаких оснований расходовать средства казны, статс-секретарь Витте высказался о том, что данный расход, «необходимый для упорядочения делопроизводства учреждений армяно-григорианского духовного ведомства, подлежит покрытию из сумм этого же ведомства» [22].

Таким образом, к началу XX в. кавказская администрация, решившая взять под контроль церковно-приходские заведения армян, считало деятельность армянской церкви противогосударственной. Очагом такой деятельности оно полагало духовенство, которое стремилось сохранить свой язык, свою литературу, свою церковь и, следовательно, не сливаться с господствующим народом. Кроме того, администрация наместника Голицына преувеличивала богатства армянской церкви и «надеялась за счет церковных земель увеличить фонд для русской колонизации» [23].

Примечания

1. Козубский Е. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 269.
2. Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис, 1851. С. 269.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 21. Оп. 3. Д. 2. «Обзор о состоянии Дагестанской области за 1897 г.» Л. 1, 1об.
4. ЦГА РД. Ф. 12. Оп. 3. Д. 26. «Итоги Первой Всеобщей переписи населения Дагестанской области за 1897 г.». Л. 74–75.
5. Саркисян Н.Д. Армяне в Дагестане // Народы Дагестана. 2006. № 2. URL: www.odnosselchane.ru (дата обращения: 21 февраля 2011 г.).
6. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала, 2007. С. 78.

7. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Указ. соч. С. 85.
8. Кавказский календарь на 1885 год. Тифлис, 1884. С. 129.
9. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 779.
10. Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗ РИ). Т. 48. Ст. 52808. С. 524–526; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 27 «Циркуляры МВД о воинской повинности». Л. 34–34об.
11. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 27 «Циркуляры МВД о воинской повинности». Л. 36–36об., 37.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 42; Кумпан Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе. 1861–1917 гг. Дис. ... к.и.н. Краснодар, 2005. С. 95.
13. ПСЗ РИ. Т. 4 (1884 г.). Ст. 2056. С. 62–63.
14. ЦГА РД. Ф. 14с/15. Оп. 2. Д. 27. Л. 14.
15. Там же. Л. 9–9об.
16. Там же. Л. 13.
17. Ерканян Е. Борьба за новую армянскую школу в Закавказье (1870–1905 гг.). Ереван, 1970. С. 120; Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Указ. соч. С. 149.
18. Дякин В.С. Указ. соч. С. 715.
19. ЦГА РД. Ф. 14с/15. Оп. 1. Д. 31. Л. 78.
20. Там же. Д. 52. Л. 90.
21. Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 72. Л. 1–1об.
22. Там же. Л. 2–2об.
23. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 44; Кумпан Е.Н. Указ. соч. С. 99.

В.А. Чолахян

ВКЛАД АРМЯН В РАЗВИТИЕ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Сегодня в России проживает около 2 миллионов армян. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Саратовской области их насчитывается более 25 тыс. чел. Они являются полноправными членами российского общества, прочно закрепились в таких областях, как наука, образование, медицина, культура, экономика, строительство и т.д. Среди саратовских армян есть профессора, политики, деятели культуры, владельцы крупных промышленных предприятий и простые успешные люди. Настоящая статья посвящается изучению жизни и деятельности известных в Нижнем Поволжье армян в области медицины.

Большой вклад в развитие здравоохранения Нижнего Поволжья внесла семья Поповьян. Иван Минаевич Поповьян родился 13 мая 1901 г. в г. Баку в семье учителя. В 1926 г. после окончания медицинского факультета 1-го Московского университета он был зачислен в клиническую орди-

натуру под руководством известного хирурга профессора Н.Н. Бурденко. В 1939 г. И.М. Поповьян успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Клиника и хирургия лечения абсцессов легких». Во время Великой Отечественной войны Поповьян И.М. был назначен на должность главного хирурга 5-й армии, которая вела бои под Смоленском и Москвой [1]. После войны он вернулся в клинику факультетской хирургии 1-го Московского медицинского института им. Сеченова, а в 1946 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Хирургическое обеспечение войск при освобождении Крыма и штурме Севастополя». С 1948 по 1953 гг. И.М. Поповьян являлся ректором Саратовского медицинского института. В 1949 г. он был избран заведующим кафедрой факультетской хирургии. Пристальное внимание профессор И.М. Поповьян уделял изучению проблем желудочной хирургии, хирургического лечения язвенной болезни и злокачественных образований, развитию легочной хирургии. В трудные послевоенные годы он отдал много сил и энергии организации научной и лечебной работы клиник, улучшению подготовки кадров специалистов, укреплению материально-технической базы института. Под руководством профессора И.М. Поповьяна разрабатывались вопросы обезболивания и реанимации, готовились первые кадры анестезиологов области, создано урологическое отделение и начато преподавание курса урологии.

Немало сил профессор И.М. Поповьян отдавал педагогической работе, подготовив и воспитав целую плеяду хирургов и научных работников. Его перу принадлежит более 50 научных работ, посвященных различным разделам хирургии. Под руководством И.М. Поповьяна выполнено более 200 научных работ, защищено 14 кандидатских диссертаций. Правительство СССР высоко оценило заслуги И.М. Поповьяна – в его семейном архиве насчитывается 9 правительственных наград [2].

Оганес Смбагович Парсамов родился в Армении, в г. Александрополь (ныне – Гюмри) в 1885 г. После окончания гимназии в Тифлисе в 1904 г., поступил на медицинский факультет Московского университета, который с отличием окончил в 1910 г. со званием «лекаря». С 1910 по 1914 гг. работал в качестве сверхштатного ординарного лаборанта факультета акушерской гинекологии клиники Женского медицинского института в Петербурге. В 1912 г. сдал экзамены на ученую степень доктора медицины при Военно-медицинской академии и начал работать над диссертационной темой в Институте экспериментальной медицины в Петербурге у профессора Е.С. Лондона. Диссертацию он защитить не смог из-за начала военных действий и отправки на фронт, где работал ординатором госпиталя Красного Креста до 1916 г. За работу в военные годы награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

В 1916 г. О.С. Парсамов подал документы на конкурс в молодой Саратовский университет, и с 1917 г. он в Саратове: сначала – ассистент, затем

становится приват-доцентом. В 1925 г. защитил диссертацию «Беременная женщина и ее плод под влиянием пережитых условий жизни во время войны и революции». С 1926 по 1930 гг. О.С. Парсамов, являясь доцентом этой же клиники, заведовал акушерско-гинекологической лечебницей. В 1930 г. он был назначен заведующим кафедрой акушерства и гинекологии.

В 1935 г. О.С. Парсамову была присуждена степень доктора медицинских наук и звание профессора. Им опубликовано более 40 научных работ. За годы его заведывания на кафедре защищено 5 кандидатских диссертаций; 4 ассистента получили степень кандидата без защиты диссертации; один – степень доктора без защиты. На протяжении 15 лет О.С. Парсамов был бессменным председателем акушерско-гинекологического общества, консультантом городского и областного отделов здравоохранения по вопросам организации акушерско-гинекологической службы. С 1945 г. являлся главным акушером-гинекологом Саратова.

В годы Великой Отечественной войны О.С. Парсамов организовал курсы войсковых гинекологов, являясь консультантом эвакогоспиталя. Под руководством О.С. Парсамова в акушерских и гинекологических клиниках города внедрялось массовое обезболивание родов. В клинике проводились уникальные по сложности операции по пересадке мочеточника в кишку, созданию искусственного влагалища из кишки и др.

По предложению профессора О.С. Парсамова акушерско-гинекологическая больница здравотдела на Коммунарной улице была расширена за счет расположенного по соседству с больницей помещения санпроса. В результате выросла новая клиника на 50 акушерских и 50 гинекологических коек с аудиторией, вмещающей до 150–200 слушателей. До 1953 г., до самой смерти от инфаркта, он возглавлял акушерско-гинекологическую клинику на Коммунарной (Соборной) улице, которая в народе называлась «Парсамовским роддомом».

По воспоминаниям его внука, доктора исторических наук, профессора Вадима Суреновича Парсамова, «дед как человек, он, судя по всему, был очень осторожный. Его молодость совпала с эпохой относительной политической свободы и революционной нестабильности, а затем он жил в атмосфере террора и репрессий. Парсамов О.С. был фигурой заметной, принадлежал к тому слою интеллигенции, который активно уничтожался в 1930-е и последующие годы. И если он уцелел, то, конечно, не благодаря своей осторожности, а благодаря своей профессии. Говорят, на зоне врачи неплохо устраиваются, а поскольку Советский Союз был большой зоной, то и дед устроился хорошо. Хорошие гинекологи всегда нужны, и это не только спасло жизнь ему, но и дало возможность моему отцу расти в благополучной, и в материальном плане в том числе, обстановке и получить хорошее образование» [3].

Лев Александрович Варшамов, будучи приват-доцентом, в 1936 г. возглавил кафедру пропедевтики внутренних болезней Саратовского медицин-

ского института. В 1940 г. был утвержден в звании профессора, а с 1944 по 1964 гг. возглавлял кафедру факультетской терапии лечебного факультета Саратовского мединститута, руководил обществом терапевтов. Яркий лектор, блестящий клиницист, он проводил заседания общества на высоком научном уровне. На протяжении ряда лет профессор Л.А. Варшамов являлся членом правления Всесоюзного общества терапевтов, членом редколлегии журнала «Терапевтический архив», членом ученого совета Минздрава РСФСР [4].

Роберт Иванович Капрелов – известный в Саратове ученый-медик, врач-оториноларинголог, родился 23 сентября 1937 г. в шахтерском городке Алчевске Луганской области в армянской семье. Обманчивость фамилии объясняется просто. Дед, Авак Габриелян, при получении паспорта в России по ошибке чиновника был записан под фамилией Капрелов. Так произошла трансформация армянской фамилии в русскую.

Предки Роберта Ивановича по отцовской линии были выходцами из Персии. Во время Русско-персидской войны 1826–1828 гг. они переехали в Зангезур и основали село Азадек. Тяготы жизни подвигли Авака Габриеляна с несколькими родственниками податься на заработки в Донбасс. Здесь у него родились 4 сына и 2 дочери. Один из сыновей – Ованес – и стал впоследствии отцом Р.И. Капрелова. Мать, Тамара Карповна Рогонянц, была истинной хранительницей домашнего очага, полностью отдавая себя детям, воспитанию сына и дочери. Годы фашистской оккупации, голодный послевоенный период были серьезными испытаниями для семьи, которые они выдержали с честью. Через год после окончания средней школы Роберт Иванович приехал в Саратов и поступил в 1956 г. на лечебный факультет Саратовского медицинского института. Учеба в стенах этого учебного заведения окончательно определила будущую специальность студента – хирургия.

В 1962 г. Р.И. Капрелов после окончания медицинского института прошел первичную специализацию по общей хирургии и поехал по распределению работать главным врачом в Красный Яр в районную больницу. В 1967–1970 гг. он обучался в аспирантуре по специальности госпитальная челюстно-лицевая хирургия. Кандидатская диссертация Капрелова Р.И. была посвящена актуальной проблеме челюстно-лицевой травматологии. Ее блестящая защита состоялась в 1971 г. в Перми. Разработанные соискателем оригинальные способы лечения обеспечивали надежную фиксацию костных отломков нижней челюсти.

Следующий этап жизни Р.И. Капрелова связан с кафедрой ухо-горло-носа Саратовского медицинского института, где он прошел путь от ассистента до доцента. С 1980 г. он является ведущим доцентом на кафедре ЛОР-болезней Саратовского медицинского института

Высокая работоспособность и требовательность к себе позволили Роберту Ивановичу зарекомендовать себя одним из лучших профессионалов данной

области. Впервые в Саратове были внедрены новые виды пластических операций на лице и челюсти. Он первым в городе применил при лечении больных с опухолями гортани полный объем специализированной помощи, получив при этом хорошие ближайшие и отдаленные результаты; выполнял уникальные хирургические вмешательства по восстановлению голоса после удаления гортани. С его именем связано внедрение в практику саратовского здравоохранения способа введения антибиотиков в сонную артерию для лечения тяжелых гнойных заболеваний в области головы и шеи. Им разработано около двух десятков различных способов и устройств для лечения больных. Под руководством доцента Р.И. Капрелова прошли первичную специализацию около 400 врачей и более 1600 прошли переподготовку по специальности оториноларингология, а также более 30 ординаторов, работающих в различных городах России и за рубежом.

Капрелов Р.И. чрезвычайно отзывчивый человек. Он всегда готов прийти на помощь нуждающемуся в этом больному. Землетрясение в Армении в 1988 г. он воспринял как собственное горе и добровольно поехал в составе медицинской роты Саратовского полка Гражданской обороны в Ленинакан. Три месяца, изо дня в день, он вместе с несколькими десятками преданных долгу специалистов-медиков оказывал высококвалифицированную врачебную помощь больным и раненым. Ему пришлось проявить принципиальность, чтобы добиться «молчаливого согласия» полкового начальства на оказание медицинской помощи гражданскому населению. Бесспорно и то, что последовательность действий в реализации плана участия медицинской роты в работе городской больницы г. Ленинакана усиливалось и поддерживалось чувством любви к своему народу [5].

Даниил Миронович Пучиньян родился 7 февраля 1948 г. в г. Саратове в семье служащих. Формирование его личности проходило в условиях демократичности семейной среды под влиянием бабушки Февроньи Павловны (Пепрон Погосовны) и родителей Мирона Даниловича и Елизаветы Эммануиловны (Манвеловны). В 1966 г. Даниил Миронович с серебряной медалью окончил 11-й класс 37 средней школы и поступил на лечебный факультет Саратовского медицинского института. Выбору специальности молодой человек был обязан, с одной стороны, популярной медицинской литературе, в которой особое место уделялось вопросам физиологии – единственной научной дисциплине в медицине, и, с другой – тем, что среди выдающихся физиологов, внесших существенный вклад в развитие мировой и российской физиологической науки, были ученые-армяне Л.А. Орбели, Э.А. Асратян, Х.С. Коштоянц. Последний фактор пробуждал национальную гордость.

С отличием окончивший в 1972 г. институт Д.М. Пучиньян работал врачом-хирургом в Дорожной клинической больнице Приволжской железной дороги, а затем, в 1976 г., поступил в аспирантуру к профессору С.А. Георгиевой.

В 1979 г. после завершения учебы в аспирантуре он занимает должность ассистента кафедры нормальной физиологии, а 14 октября 1981 г. успешно защитил в Ленинграде в стенах всемирно известного Института физиологии имени И.П. Павлова АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Влияние инсулина на функциональную активность тромбоцитов и процесс свертывания крови».

С декабря 1983 г. Д.М. Пучиньян работает в Саратовском НИИ травматологии и ортопедии, где проходит его творческий и карьерный рост. Он становится сначала старшим научным сотрудником лаборатории патофизиологии, затем руководителем этой лаборатории, ведущим научным сотрудником группы патофизиологии, а с июня 1995 г. заместителем директора по научной работе. Решением ВАК при Совете Министров СССР от 1 июня 1988 г. Д.М. Пучиньяну было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Физиология человека и животных». В биографии Даниила Мироновича есть и эпизод, продиктованный велением сердца. Землетрясение в Армении в декабре 1988 г. отозвалось болью в его сердце. Добровольцами он вместе со своим другом и соотечественником Капреловым Робертом Ивановичем в составе полка гражданской обороны Саратовской области участвовали в ликвидации последствий стихийного бедствия.

18 июня 1996 г. Д.М. Пучиньян успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Физиологическое обоснование принципов профилактики послеоперационных гемокоагуляционных осложнений» в диссертационном совете Российского университета Дружбы народов (г. Москва). Решением ВАК РФ от 6 декабря 1996 г. ему была присуждена ученая степень доктора медицинских наук, а решением ВАК от 21 октября 2003 г. присвоено учёное звание профессора по специальности «Физиология». Под руководством Д.М. Пучиньяна выполнены 2 докторские и 5 кандидатских диссертаций. Он является автором более 300 печатных работ, в том числе 4 монографий, более 20 методических разработок и 16 изобретений. Он успешно развивает вместе со своим творческим коллективом новое направление в гемостазиологии – адаптивную коагулологию.

В настоящее время в сфере здравоохранения Саратовской области работает более 70 армян – врачей различных специальностей. Среди них – 3 доктора и 7 кандидатов медицинских наук.

Примечания

1. Военные врачи – участники Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Ч. 2. СПб., 1995. С. 245.
2. Хирургия. 2000. С. 17.
3. Общественное мнение. 2011. 24 марта.
4. Терапевтический архив. 1962. № 7. С. 17.
5. Матенадеран. 1998. № 7.

М.Л. Швецов**АРМЯНЕ ДОНБАССА: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОДРУЖЕСТВО**

Традиционно появление армян на землях современного Донбасса связывают с событиями в России, когда в 1780 г. армяне-григориане переселились к Дону, в район крепости святого Дмитрия Ростовского, согласно указу Азовской губернской канцелярии от 28 марта 1780 г. [1]. В.А. Пирко приводит данные первой переписи населения края в 1778 г. и считает, что этот процесс в регионе Донетчины начинается с образования г. Нахичевань и пяти сел, ставших центром переселения армян [2]. Большинство исследователей (Л.О. Бабаян, И.Я. Гаюк, О.А. Габриелян, Дж. Галстян, Я.Р. Дашкевич, М.Г. Миргородская) связывают этот процесс с целевым выделением данных земель и земель юго-востока современной Украины с историей крымских армян и переселением христианского населения Крыма (армян и греков) в Азовскую и Екатеринославскую губернии.

В то же время исторические связи населения степей нынешнего Донбасса и Древней Армении имеют глубокие исторические корни. В качестве примера можно привести материалы исследования Л.Г. Шепко в Донбассе, в которых «на основе анализа одного из элементов сарматского декора выявлены аналогии, которые приводят к образцам древнеармянского орнамента». Элементы данного орнамента можно увидеть также на фасаде усыпальницы и поминального храма князя Буртела в Нораванке, датирующихся началом XIV в. Автор правомерно ставит вопрос: «Где и как пересеклись художественные традиции Древней Армении и сарматских племен Приазовья?» [3]. Необходимо заметить, что материалы раскопок дают возможность говорить также о раннесредневековых памятниках как о торговых факториях на трассах Великого шелкового пути [4].

Имеются ли факторы, дающие возможность говорить о более ранних этапах рассматриваемых миграций? По-видимому, да. Это события, связанные с взаимоотношениями Византии с Киевской Русью (Константинополем, Трапезундом, византийскими городами Причерноморья и населением Поднепровья), которые, несомненно, существовали и о которых все чаще пишут. Существование волн армянской эмиграции связывают также с событиями, приходящимися на вторую половину XI в., когда после падения Ани, столицы Армянского царства, захваченной турками-сельджуками в 1064 г., тысячи беженцев устремились на запад, в христианские страны. Значимость торговых и экономических факторов, связи населения двух стран усиливалась на протяжении столетий и той борьбой, и сложной обстановкой, которую приходилось переживать Армении как в древности, так и в эпоху раннего Средневековья. Анализ собранных историко-географических и демографических данных дает возможность утверждать, что на процесс миграции армян влияют два основных фактора.

Во-первых, это большая подвижность армянских эмигрантов и армянских эмиграционных движений. Во-вторых, их характер. На первых этапах миграции непосредственно обозначилась четко выраженная профессиональная структура населения (преобладание ремесленников и купцов), а в последующем и бытовая. Указанные два фактора имеют большое значение при рассмотрении вопроса о развитии торговли и расселении армян не только в пределах прохождения трасс Великого шелкового пути. Историческая закономерность таких связей, часто циклично, повторяется и сейчас. В качестве примера можно привести небольшой экономико-политический сюжет недавних событий. Так, в Казахстане выразили большую заинтересованность в строительстве железной дороги Иран – Армения, поскольку она является целесообразным продолжением строящейся дороги, и выходе к черноморскому побережью. Уже были проведены переговоры с министерством Армении, рассмотрены перспективы реализации проекта.

Третьим, не менее важным фактором, является религиозная консолидация, а именно – армянская церковь. Значительное место и весомость роли церкви в исторической и культурной жизни армян на основе исторических данных и письменных источников хорошо представлены И.Я. Гаюк [5]. Жизнь вдали от родины вынуждала армян всячески препятствовать процессу ассимиляции, создавая определенные механизмы для сохранения родного языка, религии и культуры. В этом процессе ведущая консолидирующая роль была возложена на общину и религию. Армянские священнослужители постоянно находились в центре религиозной, образовательной, культурной и даже деловой жизни армянских диаспор. Образование колоний фактически началось с переселения армян полуострова в 1778 г. в район современного Ростова-на-Дону. В Юзовке армянская колония, вероятно, была немалой, поскольку здесь функционировал армянский молитвенный дом (согласно записям о браке в паспорте Акопа Мурадова-оглы от 8.02.1911 г.), а позже была построена и церковь.

Если полную характеристику ранних этапов проникновения армянского населения на земли рассматриваемого региона на сегодняшний день представить трудно, то материалы последующих эпох, связанных часто с экономическими всплесками или подъемами в регионе, дают такую возможность. Поэтому изучение расселения и жизнедеятельности армянского населения, их роли в развитии экономики, культуры, искусства на востоке Украины является актуальным.

Новый экономический подъем региона Донецкого бассейна на рубеже XIX–XX вв. привлек на эти земли и армян, покинувших беспокойный Нагорный Карабах. В числе их была и семья Мурадовых (Мурадян), начавшая здесь очень полезное дело – выпечку хлеба. Уже в 1906 г. она имела собственную пекарню, зал которой украшала большая картина, изображавшая

армянина-пекаря. Архивные данные конца XIX – начала XX вв. свидетельствуют о том, что на территории региона в то время уже была значительная община армян. В Луганске к концу 1905 г. насчитывалось более 100 семей. Широко известна в городе торговая сеть магазинов Костаняна, Меликяна. В списке купцов г. Славянска за 1903 г. мы находим фамилию А.К. Азадянц. В г. Бахмуте (Артемовск) среди хозяев городских деревянных лавок находим фамилию Я.С. Маркарьянц. Интересны и другие материалы Бахмутского уезда, в которых отражены данные о распределении армянского населения уезда по сословиям и состояниям. Но наибольшее количество армян в начале XX в. мы находим в г. Юзовке. В основном это были ремесленники: сапожники, столяры, слесари, пекари и торговцы. Известны мастерские: обувная Иосипа Петросяна, плотницкая Георгия Бабаняна, керосиновая лавка Аарона Казаряна. В Юзовке была армяно-григорианская церковь. В 1910 г. священником в ней был Довгьян Карапет Авдеевич. Ближайший армяно-григорианский религиозный центр был в Нахичевани, где находилась армяно-григорианская Свято-Крестовоздвиженская церковь и монастырь.

Следующий этап миграции армянского населения на земли Донбасса связан с событиями начала XX в. Международные перипетии в Европе и геноцид армян, начавшийся в 1914 г. и дошедший до кровавых событий в 1915 г. в Западной Армении, стали одним из поводов для притока новых беженцев-армян из Турции. Не всегда это были случаи прямого переселения на земли юго-востока Украины, а переселение на земли Кавказа, в Ставропольский край и Прикубанье, позднее – на земли юго-востока Украины.

Новая миграционная волна связана не только с постреволюционными событиями, но и с новым экономическим подъемом. Анализируя данные советского периода по материалам Донецкого областного архива, примерно можно проследить, как отразились на армянском населении региона процессы «культурно-национального подъема» и спада в 1920–1935 гг., экономические перестройки НЭПа. Индустриализация и коллективизация вместе с кампанией привлечения национальных меньшинств к работе в промышленности послужили причиной активизации миграции из села в город, повышения уровня урбанизации национальных меньшинств. Появились центры культурного возрождения, которыми стали национальные школы, пресса, культурные учреждения, театры, клубы, издательства. В 1927–1928 гг. в Донецке было 2 армянские школы, в которых было 8 групп, 6 учителей-армян, 236 учеников. И не только в Донецке, но и в Луганске, где были не только школы, но и театр, где ставили «пьесу-спектакль на армянском языке. 1 часть – ария из оперы “Ануш”, а второе отделение – концертное» [6]. Однако в последующие 1930-е годы все было ликвидировано.

Мы не будем подробно рассматривать события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но должны отметить, что войны Армении отдавали свою

жизнь за освобождение Донбасса. Нами собран большой материал с данными о более чем 500 армянах Армении, Азербайджана и Северного Кавказа, отдавших свою жизнь во имя великой Победы, во имя жизни на земле.

Новый послевоенный научный, экономический и культурный потенциал Донбасса связан с миграционными процессами. По мнению Артака Симоняна, священника армянской церкви Сурб Хач в г. Макеевке Донецкой области, наибольшее количество армян появилось здесь в послевоенное время и, в первую очередь, по экономическим причинам. В этот период на работу в Донецк приезжали горные инженеры, врачи, архитекторы, художники, офицеры и др., чтобы поднимать из руин промышленность Донбасса. Среди армян, приехавших в этот период в Донбасс, было много тех, кто стали выдающимися людьми, яркими личностями, отдавшими свой талант, силы и знания делу расцвета Донецкого края. Это выдающийся медик К.Т. Овнатяня, великий ученый, создавший школу хирургов, анестезиологов, урологов. В Луганске и сейчас работает лауреат Государственной премии Украины, член Международной ассоциации хирургов О.В. Вартанян. Большой вклад в развитие промышленности был сделан К.А. Закаряном, генеральным директором «Укротнеупор». В угольной промышленности Донбасса хорошо известны Герои труда С.Г. Арутюнов, генеральный директор треста «Добропольуголь», главный инженер и конструктор угледобывающей техники С.М. Арутюнян, директор института угля С.А. Саратикянц, ученый Б.А. Чилингорян. Известны имена ученых и педагогов, профессоров В.В. Хачванкяна, главного редактора газеты «Армянский вестник-Наири» А.Х. Меликбьяна, академика АНПИ Э.М. Софьянца.

События 1970–1990-х гг. значительно нарушили экономические и этнокультурные традиции в регионе, сложившиеся в предыдущие годы. За период с 1989 г. количество армянского населения в регионе увеличилось почти вдвое. По официальным данным переписи 2001 г., в Донецкой области проживало 15 734 жителя армянского происхождения. В последние годы, согласно данным статистики, количество армян выросло на 5 587 чел., т.е. в 1,6 раза. Только в Донецке их проживает более 4000 чел., в Краматорске – 1386 чел., в Константиновке – 906 чел.

Формирование армянской диаспоры г. Константиновки происходило в период с 1970 по 2005 гг. Причинами миграции в период с 1970 по 1991 гг. стали события в Сумгаите, конфликт в Нагорном Карабахе, землетрясение в Спитаке. Именно тогда приехали в Константиновку армянские семьи из Карабаха, Армавира и Арарата. Массовая миграция армянского населения в город происходит с 1991 по 2005 гг. Причинами этой волны стали распад СССР, экономический кризис в Армении, военные действия в Нагорном Карабахе. Именно с переездом большого числа жителей из Гехаркунинского района Армении и из Еревана, с нехваткой рабочих мест и усугублением экономических проблем связывают формирование армянской диаспоры в горо-

де. Если в 1986 г. армяне среди жителей города занимали 19-е место по численности населения, то согласно переписи 2009 г., в Константиновке проживают 1345 армян, и занимают они 3-е место. С 2005 по 2011 гг. тенденция притока новых мигрантов в город уменьшилась.

Армянская диаспора играет важную роль в политической, экономической и культурной жизни города. Необходимо отметить ее роль в административной структуре. Так, три представителя армянской диаспоры занимают депутатские места в городском совете, есть представители в городском суде, прокуратуре и милиции. Активность позиций, образование, работоспособность помогают адаптироваться в экономической жизни города, где армяне являются бизнесменами, банкирами, предпринимателями, учителями и политиками, артистами и музыкантами. И это не удивительно. Большой потенциал армянского населения в регионе известен не только в бизнесе, науке, культуре, но и в искусстве. Среди местного армянского населения, живущего в городах региона были и есть художники-армяне. Формирование коллекций художественных галерей и музеев региона указывает на это. Знакомясь с архивом и материалами коллекции Донецкого художественного музея, нам удалось выявить около восьмидесяти произведений искусства армянских художников и скульпторов. Не менее интересны материалы, собранные в Мариупольской картинной галерее, в которой много лет работал Вартанов Вартан Григорьевич – художник, историк и краевед. Предварительный общий анализ коллекций дает возможность говорить о наличии в музеях региона более 40 графических работ: линогравюры, офорты, эскизы. Это работы Абеяна Мегер Мануковича, посвященные Великой Отечественной войне. Необходимо указать и работы Айвазяна Владимира Тиграновича, отражающие бытовые и хозяйственные сюжеты эпохи социализма.

Знакомство с материалами других музеев региона позволяет нам привести интересные данные о сложном жизненном пути и некоторых полотнах одного из интереснейших наших современников известного художника-монументалиста Донбасса – Виктора Михайловича Арнаутова, родившегося в 1896 г. в с. Успеневка Токмакского района Запорожской области. Среди современных известных художников необходимо назвать Агабекяна Мелика Хачиковича, родившегося в Сухуми. Не менее яркой и колоритной является живопись представительницы рода Агабекян – Лилии Александровны, родившейся в с. Щеки Азербайджана. Приведенные нами материалы открывают только одну из сторон, освещающих богатство мира культуры и искусства, свойственное армянскому населению Донецкого региона.

Примечания

1. Указ из Азовской губернской канцелярии № 1817 от 28 марта 1780 года в армянское и греческое общества // Донецкий областной краеведческий музей. НВФ. № 19855.

2. Пірко В.О. Заселення і господарське засвоєння Степової України в XVI–XVIII ст. Донецьк, 2004.

3. Шепко Л.Г. След древнеармянского искусства в Донецкой степи. Армяне юго-восточной Украины и Восточной Европы. Донецк, 2009. С. 16–24.

4. Швецов М.Л. Трассы Великого шелкового пути во взаимосвязи Востока и Запада // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и Средневековье. Ташкент, 1990. С.14.

5. Гаюк І. Історія вірменської культури в Україні в духовних та матеріальних пам'ятках (досвід першого комплексного дослідження музейних колекцій України). Вірмено-українські історичні зв'язки // Матеріали міжнародної наукової конференції. Львів 29–31 травня 2008 р. Львів, 2008. С. 65

6. Швецов М.Л. Армяне юго-востока Украины (вопросы и проблемы). Армяне юго-востока Украины и Восточной Европы // Материалы Международного круглого стола. Донецк, 2009.

Д.Ю. Шишкина

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ ДОНСКИХ АРМЯН (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Территория Области войска Донского (ОВД) издавна являлась этноконтактной зоной, где сталкивалось множество этносов и происходило взаимодействие различных хозяйственно-культурных типов и систем природопользования. Сословно-этническая структура населения ОВД определялась преобладанием казаков и крестьян преимущественно русского и украинского происхождения. Именно их модели природопользования являлись доминирующими. В то же время на территории Войска проживали и другие этносы, природопользование которых отличалось от казачьего и крестьянского. Это юртовые калмыки, армяне и немцы-колонисты, различавшиеся социальным статусом, ареалом проживания и характером природопользования.

Армянская диаспора переселилась из Крыма в 1779 г. Рядом с крепостью святого Димитрия Ростовского (ныне г. Ростов-на-Дону) переселенцы основали город Нахичевань и пять сел. Своеобразие хозяйственной деятельности донских армян было обусловлено рядом факторов. Переселившись из Крыма, армяне попали в условия совершенно иного вмещающего ландшафта, что заставило их изменить формы и способы традиционного хозяйства. Длительное время армянский округ, располагаясь внутри земель Войска Донского, в административном плане относился к Екатеринославской губернии, являясь своеобразным ее анклавом. Правительство всячески стимулировало развитие экономики на недавно присоединенных землях Новороссии, способствовало внедрению новых, передовых отраслей сельского хозяйства. На территории ОВД, напротив, экономический рост долго тормозился из-за архаичной

войсковой системы землевладения и землепользования, запрета на приобретение недвижимости лицами невойскового сословия и обширными правами и привилегиями донских казаков в сфере природопользования и торговли. При переселении армяне получили значительные льготы, реализация которых часто ущемляла интересы коренного этноса [1].

Основные формы природопользования. Крымские армяне были известны в России прежде всего как искусные ремесленники и предприимчивые торговцы – «армяне в купечестве и промыслах отличаются» [2]. Сельскохозяйственная деятельность также занимала важное место в их экономической жизни. Направления хозяйства определялись спецификой горно-лесных ландшафтов Крыма и невозможностью использования под растениеводство больших земельных массивов. Поэтому в земледелии основными отраслями были садоводство и виноградарство, причем сады и виноградники закладывались на полянах и вырубках среди леса; хлебопашество имело вспомогательный характер [3].

Аграрное природопользование. Полеводство. Переселившись на плодородную степь, выходцы из Крыма резко изменили направление земледелия. Утратили свое значение виноградарство и садоводство, на первое место вышло возделывание зерновых. Доминирующей культурой стала яровая пшеница, выращивание которой сразу после переселения приобрело настолько широкие масштабы, что уже в 1793 г. академик П.С. Паллас, посетивший окрестности Ростова и Нахичевани, упоминал о вывозе армянской пшеницы через Нахичевань в Таганрогский порт, а оттуда за границу [4]. Примечательно, что по свидетельству того же автора, пшеница была единственной культурой, возделываемой армянами, в то время как другие обитатели Северного Приазовья выращивали ещё и овес, просо, ячмень, а главным хлебом была рожь [5]. По-видимому, сказывалась привычка армян к пшеничному хлебу [6].

Долгое время переселенцы не культивировали озимую пшеницу. Еще в 50-е гг. А.А. Скальковский отмечает, что «армяне нахичеванские озимого хлеба вовсе не знают, хотя уже 70 лет живут рядом с донскими казаками, искони сеющими озимый хлеб» [7]. Спустя 30 лет озимая пшеница прочно вошла в систему земледелия, хотя и имела меньший удельный вес по сравнению с Ростовским уездом в целом. Распространению озимой пшеницы способствовали неурожаи яровой [8]. Ассортимент выращиваемых культур расширился за счет ячменя, овса и ржи, которую армяне долгое время вообще не возделывали. Большая доля ржи в посевах связана, по-видимому, со спросом на нее как на сырье для винокуренных заводов. Полеводство армян по сравнению с другими жителями Приазовья имело более ярко выраженное зерновое направление – зерновые составляют почти 99 % посевной площади.

В армянских селах очень слабо было развито огородничество. На долю овощей, картофеля, бахчевых культур приходилось всего 0,5 % посевной пло-

щади, тогда как в русских селах – 2,1 %, хотя они владели небольшими земельными наделами и не могли отводить под огороды крупные участки. У армянских крестьян пригодной для огородов земли было достаточно, но они ею не пользовались, предпочитая сдавать в аренду. Связано это с национальными обычаями, считающими предосудительным участие женщин в каких-либо полевых работах, кроме молотбы. Мужчины также не занимались огородничеством и бахчеводством. Даже если армяне и заводили бахчи, то, как правило, не на своей земле, а на арендованной близ русского села, где можно было нанять женщин на прополку. Овощи же они получали, выменивая их у арендаторов-огородников на пшеницу и рожь [9].

По технологиям и применяемым в полеводстве орудиям армянские поселяне мало отличались от русских крестьян и донских казаков. Практиковалась залежная система с разделением земли на пахотную и толочную, отсутствие удобрения, вспашка плугом на волах или лошадях, молотба «гармоном» (с помощью запряженных в повозки волов и лошадей). В армянских селах, более многоземельных, а значит и зажиточных, раньше появились и шире применялись усовершенствованные земледельческие орудия: железные плуги, бороны, буккер. В числе других отличий можно отметить также большее распространение посева «наволоком», т.е. по прошлогодней забороненной пашне или прямо под борону. Такой способ отнимал меньше времени, но урожай приносил раз в 10 лет, только благодаря благоприятным погодным условиям [10].

В начале 80-х гг. XIX в. посевная площадь, приходящаяся на 1 человека, в армянских поселениях составляла 2,3 десятины. Это очень высокий показатель, и на территории Донской области в дореволюционный период он так и не был достигнут. Под посев было задействовано около 37 % всей земли, тогда как в казачьих хозяйствах – около 15 %.

Садоводство и виноградарство. На новом месте обитания армяне сразу же развели сады и виноградники. В середине XIX в. их число достигало 180. Современники характеризовали их как «весьма порядочные» [11]. По своим размерам выделялись 5 садов, в которых было до 22 тыс. деревьев, преимущественно вишен, яблонь, слив, абрикосов. Выращенные фрукты реализовывались, в основном, на местном рынке. В Нахичеванском округе в 1828 г. насчитывалось 6 430 виноградных лоз, через 2 года их число увеличилось до 10 500. Виноград перерабатывали на вино и водку. Так, в 1807 г. было произведено 2 500 ведер вина [12]. Однако виноградарство и виноделие в армянской колонии все же не получили большого распространения.

Шелководство. Выращивание тутовых деревьев и производство шелкового сырья (коконов) было знакомо армянам еще по их жизни в Крыму. На новом месте жительства переселенцы разбили плантации тутовых деревьев вдоль рек Мокрый и Сухой Чалтырь и уже в 1800 г. получали шелк. Правительство в конце XVIII – начале XIX вв. всячески содействовало развитию шелководства

с целью сокращения ввоза дорогостоящего шелка из Персии и обеспечения промышленности собственным сырьем. Нахичеванские армяне, немало преуспевшие на этом поприще, поощрялись и награждались. Например, в 1803 г. царским указом им было объявлено «монаршее благоволение» за успехи в шелководстве [13]. В 1810 г. семи шелководам в качестве государственной помощи из государственной казны выплачено по 1000 рублей [14].

О масштабах шелководства можно судить по следующим цифрам. В 1804 г. в Нахичеванской колонии насчитывалось 40 старых шелковичных деревьев, 12 535 вновь посаженных, 32 150 не посаженных сеянцев, 5 700 сеянцев, взшедших из семян. Шелка-сырца было получено 34 фунта. В годовом отчете екатеринославский губернатор отмечал: «На будущее время ожидается прирост гораздо в лучшей степени, что должно приписать особенному тамошнему жителям попечению» [15]. К 1806 г. в пригородных садах Нахичевани число деревьев достигло 57 тыс., к 1815 г. – 129 649. С этого времени наблюдается сокращение тутовых плантаций: в 1824 г. на них насчитывалось 90 535 деревьев, в 1830 г. – 70 тыс. В производстве шелка-сырца пик также приходится на 10–20-е гг. В 1810 г. в Новой Нахичевани его было получено 3 пуда 10 фунтов, в 1815 г. – 3 пуда 30 фунтов, в 1816 г. – 5 пудов 10 фунтов, в 1830 г. – 4 пуда 2 фунта. В дальнейшем эта отрасль хозяйства приходит в упадок. Причина названа в отчете таганрогского градоначальника за 1848 г.: «Плантации, предназначенные для шелководства, не удались по неимению знающих людей и потому, что хлебопашество и скотоводство дают несравненно больше выгоды» [15].

Животноводство. Донские армяне так же, как и казаки, разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец. Поначалу овцы имели большой удельный вес в общей численности скота, составляя около 80 % поголовья. Но уже к 1824 г. их количество резко уменьшается и в дальнейшем неуклонно падает. Число лошадей, достигнув максимума в 40-е гг., также снижается, а количество КРС, напротив, после 1850 г. устойчиво растет. Объясняется это, вероятно, тем, что для обработки земли армяне предпочитали использовать волов [6]. Свиноводство вошло в обиход только с 40-х гг. XIX в.

Уменьшение численности отар сопровождается улучшением их породного состава. Правительство в начале XIX в. было заинтересовано в производстве собственного сырья для суконной промышленности и прилагало немало усилий для развития тонкорунного овцеводства, предоставляя с этой целью помещикам новые земельные угодья и закупая за границей породных овец. Благодаря такой поддержке, разведение испанских мериносов быстро распространилось на юге России. Армяне преуспели в этом более других жителей Таганрогского градоначальства. Породистые овцы составляли половину отар г. Нахичевани в 1830 г., а в 1850 г. – уже во всех армянских поселениях. В Приазовье их доля в 50–60-е гг. не превышала 12 %, а в ОВД – не достигала и 2 %.

Сокращение поголовья овец тесно связано с развитием в Новой Нахичевани салотопления. Во второй половине XIX в. большое распространение получает т.н. отарный промысел. Купленных летом овец выпасали в донских степях и Мариупольском уезде, осенью забивали в Нахичевани и вытапливали жир в т.н. салганах [17]. Топленое сало заливалось в бурдюки и экспортировалось в страны Средиземноморья. На салотопни сдавались огромные отары овец, значительно превосходившие по количеству принадлежавшие самим армянским животноводам. Так, только в октябре 1866 г. на салотопни Нахичевани поступили отдельные отары численностью 4, 5, 10 и даже 80 тыс. голов [18].

Снижение значимости животноводства в армянской колонии наиболее наглядно проявляется в изменении соотношения количества скота и численности населения. Если в 1810 г. в армянском округе на 1 человека приходилось 6,4 голов скота, что сопоставимо с аналогичным показателем по ОВД, то в 1858 г. – лишь 1,5 (по ОВД – 3,9). Даже накануне первой мировой войны, в условиях резкого роста распашки и падения поголовья, этот показатель в Донской области составлял 1,7 гол./чел. [19].

Промысловое природопользование. Рыболовство. Масштабы рыболовства в Новой Нахичевани и ОВД были несопоставимы. Так, в 1855 г. во всей Донской области было выловлено 55 608 тыс. сельди, а в Нахичевани – лишь 350 тыс. Тем не менее в армянском округе на специальных предприятиях – «рыбоспелных заводах» – велась обработка рыбы для последующей продажи: посол, изготовление икры, балыков, клея, вытапливание жира. Наибольшее число заводов (7) насчитывалось в середине XIX в. Два из них располагались на р. Самбек, остальные на Дону. В ОВД в этот период количество рыбоспелных заводов достигало 200–300. К началу XX в. рыбный промысел на Дону пришел в упадок, и в Нахичевани осталось лишь одно небольшое рыбоперерабатывающее предприятие [20].

Изучение эволюции природопользования армянской диаспоры позволяет говорить о быстрой адаптации этноса и смене форм и технологий природопользования в условиях нового вмещающего ландшафта. Приоритетным направлением хозяйства у армян стало зерновое производство, причем гораздо раньше, чем в ОВД. Переселенцы быстро реагировали на новые направления хозяйственной деятельности, что проявляется на примере развития шелководства и тонкорунного овцеводства. Вместе с тем, в природопользовании сохранялись элементы, обусловленные народными обычаями и традициями [21].

Примечания

1. Шишкина Д.Ю. Природопользование армянской диаспоры на Дону в XVIII–XIX веках // Проблемы региональной экологии. 2004. № 2. С. 64.
2. Описание городов и уездов Азовской губернии // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. Одесса, 1852. С. 305.

3. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. II. Одесса, 1853. С. 15.
4. Краснянский М.Б. Заметка академика Палласа 1793 г. о Ростове-на-Дону и его окрестностях // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т. II. Ростов н/Д, 1914. С. 205.
5. Гильденштедт И.А. Дневник путешествия в южную Россию в 1773–1774 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XI. Одесса, 1879. С. 194.
6. Скальковский А.А. Указ. соч. С. 19.
7. Там же. С. 82.
8. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. I. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство. Екатеринослав, 1884. С. 155.
9. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. I. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство. С. 157.
10. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. I. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство. С. 155.
11. Скальковский А.А. Указ. соч. С. 123.
12. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван, 1996. С. 203.
13. Скальковский А.А. Указ. соч. С. 157.
14. Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 217.
15. Агафонов А.И. Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов н/Д, 1986. С. 69.
16. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. I. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство. С. 152.
17. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. I. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство. С. 147.
18. Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 131.
19. Шишкина Д.Ю. Указ. соч. С. 69.
20. Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 197.
21. Шишкина Д.Ю. Указ. соч. С. 72.

В.С. Яновский

АРМЯНЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Города Северного Кавказа практически на протяжении всей своей истории являются многонациональными. Уже в XVIII–XIX вв. в них было представлено множество различных жизненных укладов: русских солдат, дворянства на военной и гражданской службе, русских крестьянских переселенцев и мещан. Наряду с ними существовали уклады терского и кубанского казачества, также присутствовавшего в городах; горских народов, армянских, греческих и грузинских поселенцев, немецких колонистов, ссыльных поляков и многих других. Взаимная интеграция их происходила нелегко, но необходимость жить вместе

на одной территории и вести хозяйственную деятельность заставляла искать пути мирного общежития. В этом отношении интересен опыт курортных городов КМВ, которые являлись многонациональными поселениями и при этом должны были сохранять привлекательность для курортной публики. Это значит быть благоустроенными, красивыми, ухоженными и, главное, безопасными. Одной из самых видных и социально активных диаспор на Северном Кавказе и на Кавказских Минеральных Водах в частности была армянская.

До 1917 г. только два города Кавказских Минеральных Вод имели городской статус. Пятигорск – с 1830-х гг. и Кисловодск – с 1903 г. Уже в 1830-х гг. в Пятигорске, который являлся экономическим центром для достаточно большой округи и достаточно известным курортом, проживали купцы и ремесленники различных национальностей. В то время в городе зафиксирована армянская община, которая, по сути, оказалась не только старейшей из национальных общин, но также оказывала большое влияние на жизнь города в течение рассматриваемого нами периода. Уже в лермонтовские времена армянская община в Пятигорске была достаточно многочисленной для того, чтобы возникла необходимость выстроить церковь. Первый проект армянского храма был создан еще в 1830-х гг. Однако по различным причинам реализовать задуманное удалось только в 1870-х гг. по другому проекту и на другом месте [1].

Армянская община занимала первое место по численности среди диаспор не только в Пятигорске, но и в Кисловодске. По данным 1912 г., в Пятигорске проживало 27,3 тыс. чел., из которых армян было 1733 чел., поляков – 1148, немцев – 736, грузин – 496, евреев – 210, проживали также кумыки, осетины, персы (только мужчины), горские татары, кабардинцы, ингуши. В Кисловодске проживало армян – 760, грузин – 680, поляков – 136, кабардинцев – 111, персов – 64 (мужчин и женщин), а также кумыки, немцы, французы, осетины, евреи, ингуши, татары горские [2]. В 1916 г. численность армян в Кисловодске составляла уже 1168 человек, т.е. около 8 % от общего населения [3].

Представители армянской общины играли большую роль в развитии предпринимательства. Армяне содержали на КМВ мануфактурные, бакалейные магазины, торговали винами, восточными товарами, являлись владельцами некоторых гостиниц, ресторанов, шашлычных [4]. Еще в лермонтовские времена арендатором знаменитой пятигорской Ресторации (упоминается в романе «Герой нашего времени») был нахичеванский армянин, купец Никита Челахов [5].

В Пятигорске и Кисловодске очень широко развернул свою деятельность выходец из Елисаветпольской губернии А. Гукасов. В начале XX в. он задумал выстроить в самом «сердце» Пятигорского курорта – Николаевском Цветнике – кофейню. Управление Кавказских Минеральных Вод высказалось резко против, мотивируя тем, что над месторождениями минеральных источников, да и вообще в тесном и маленьком «Цветнике» строить крупные и ка-

питательные здания недопустимо [6]. После нескольких лет тяжб в августе 1908 г. наместник Кавказский разрешил постройку кофейни, которая, следует заметить, является сейчас одним из украшений города-курорта Пятигорска [7]. В Кисловодске на рубеже XIX–XX столетий владел гостиницей и стал известен как меценат нахичеванский мещанин С.А. Бештау. Он оказывал большую помощь бедным членам армянской общины Кисловодска. Выделил средства на строительство школы [8].

В начале XX в. в Кисловодске выстроил уникальный дом с автономной электростанцией и котельной богатый купец, выходец из священнического сословия И.Д. Тер-Погосов. В этом доме, построенном с целью сдавать комнаты и квартиры обеспеченным постояльцам, останавливались балерина Е. Гельцер, княгини Чавчавадзе, Трубецкая и Голицына [9]. Арендатором кисловодской казенной гостиницы «Красные Камни» с рестораном был армянин В.А. Атаев [10]. Однако среди армян было также немало высококвалифицированных специалистов в медицине и др. сферах. В документах 1910-х гг. неоднократно упоминается практиковавший в Кисловодске врач А.А. Тигранянц. А еще в конце XIX столетия на летний сезон на КМВ приезжал для медицинской практики московский врач С.Д. Шагинян, который приходился отцом знаменитой писательнице М.С. Шагинян.

Армянином по национальности был горный инженер Управления Кавказских Минеральных Вод И.М. Путинов, который в начале XX в. вел технический надзор за розливом нарзана, спроектировал Финкгейзеровский водопровод в Кисловодске, оборудовал водолечебницу при Новых нарзанных ваннах.

Видным специалистом и общественным деятелем был архитектор Э.Б. Ходжаев, которым на территории Терской и Кубанской областей было построено свыше 300 зданий. Ходжаев родился в Пятигорске в 1861 г. в купеческой семье и приходился внуком упомянутому уже Никите Челахову. Почти вся жизнь Эммануила Багдасаровича была связана с Кавказскими Минеральными Водами. Только в 1932 г. пожилой Ходжаев уехал с семьей своей дочери в Москву, где и скончался в 1939 г. Также армяне были превосходными каменщиками, чей труд был очень востребован на курортах в период строительного бума на рубеже столетий.

Армянская община принимала весьма активное участие в социальной жизни. Например, в работе органов городского общественного управления. В августе 1917 г. Кисловодским городским головой избрали армянина П.Е. Ованесяна. Активно участвовала община и в делах благотворительности. Архитектор Э.Б. Ходжаев состоял в Обществе вспомоществования малоимущим учащимся мужской и женской гимназий Кисловодска. В Пятигорске действовало целых два армянских благотворительных общества, одно из которых называлось «дамским», поскольку было создано по инициативе жен обеспе-

ченных армян города [11]. В Кисловодске в 1916 г. скончался известный армянский меценат и князь С.С. Абамелик-Лазарев.

С регионом Кавказских Минеральных Вод была связана судьба нескольких выдающихся деятелей культуры. Именно в Кисловодске в 1908 г. в семье нефтепромышленника, происходившего из города Шуша, родился французский писатель-сюрреалист Артюр Адамов (настоящее имя Арутюн Суренович Адамян) [12]. С Кисловодском также связано детство другого французского писателя и тоже армянина по происхождению – Анри Труайя (Леона Аслановича Тарасова). Тарасовы были богатыми купцами и банкирами, происходившими из Армавира. В Кисловодске у Тарасовых была роскошная дача «Карс», которая после установления советской власти стала домом отдыха ВЦИК. Была в Кисловодске дача и у отца другого крупного деятеля культуры – народного художника Армянской ССР М. А. Арутючяна. Михаил Аветович в юношеские годы приезжал на родительскую дачу в живописном районе «Баязет», который являлся местом компактного проживания кисловодских армян [13].

Подводя итоги сказанного, следует отметить, что армянская община играла видную роль в общественной, экономической и культурной жизни городов региона Кавказских Минеральных Вод. Диаспора старалась как можно активнее участвовать в делах благотворительности и повышения уровня социально-экономического развития городов, ведь мера участия в этих делах создавала определенный социальный престиж и репутацию, которые распространялись на всю общину.

Примечания

1. Коваленко А. Храмы у Машука и Бештау. Вдохновенный Пятигорск. М., 2003. С. 119.
2. Путеводитель по Кавказским Минеральным Водам. Пятигорск, 1912. С. 54, 302.
3. Яновский В. Предки были каменщиками // Кавказская здравница. 2001. 22 июня. С. 3.
4. Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ 1780–1917 гг. Пятигорск, 2003. С. 156, 185–194.
5. Яновский В. Зодчий Эммануил Ходжаев // Волшебный Кисловодск. М., 2003. С. 128–129.
6. Пятигорск в исторических документах (1803–1917): Сб. документов. Ставрополь, 1985. С. 280–288.
7. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 87. Л. 146–148.
8. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2006. С. 256–257, 489.
9. Корнетова С. Дом «Реккордъ» // Волшебный Кисловодск. М., 2003. С. 120.
10. Кисловодск в исторических документах (1803–1917): Сб. документов. С. 151–152, 162–163.
11. Чегодаева Д.Л. Общественные организации Кавказских Минеральных Вод и их вклад в развитие курортов. Пятигорск, 2003. С. 109.
12. Большая Советская энциклопедия: В 30 тт. Т. 1. М., 1970. С. 213.
13. Яновский В.С. Северный Кавказ от Адыгеи до Дагестана. Путеводитель. Пятигорск; Кисловодск, 2011. С. 277–278, 287.

РАЗДЕЛ IV. ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ АРМЯНСКОГО НАРОДА НА ЮГЕ РОССИИ

Н.С. Авдулов

НАХИЧЕВАНЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

О характере, ментальности любого народа можно узнать многое из произведений писателей, художников, публицистов. Подтверждением этому может служить многолетнее многогранное творчество Мариэтты Шагинян. Писатель, ученый, публицист, мыслитель, искусствовед Мариэтта Шагинян родилась в армянской семье, многие годы жила и творила в Нахичевани-на-Дону, впитала яркие впечатления о пребывании в этом городе и воплотила их во многих художественных произведениях и статьях. Как известно, «выяснить и описать национальную особенность чрезвычайно трудно (ибо все дело в тонких оттенках мысли), и от исследователя требуется применение разнообразнейшего инструментария: от статистики и фактографии до философских построений, от рассудочной аналитики до художественных образов, привлечение также личных исповедей ученых и своих самонаблюдений...» [1].

Мариэтта Шагинян владела значительным набором инструментов научно-го и художественного познания реальности. Зоркий глаз и чуткая душа позволяли ей обращать внимание на то важное, значимое, что было в тогдашней жизни. Общение со многими людьми, доверие к ним, умение слушать и слышать помогали ей накапливать, осмысливать колоссальный объем сведений. Читая книги Мариэтты Шагинян – от ее повести «Перемена» до воспоминаний «Человек и время» – можно получить достаточно объемное представление о жизни нахичеванских армян во время круто поворотных событий, связанных с Октябрьской революцией 1917 г. Постоянное общение с родными, друзьями, близкими дало ей возможность впитать в себя культуру, мудрость армянского народа, сохранить их в своей памяти и в течение всей своей творческой жизни в той или иной мере их воспроизводить. Ее интерес к армянской культуре, литературе, искусству был неподдельным и глубоко проникающим. Так, в книге «Об армянской литературе и искусстве» она писала: «Эта маленькая книга писалась сорок с лишним лет. Основные ее статьи – о Хачатуре Абовяне, Микаэле Налбандяне и Александре Ширванидзе – были плодом долгой работы и представляют собой как бы эскизы больших, задуманных мною фотографий. Остальное в книге – ряд непосредственных откликов на яркие события армянской культуры, с которыми пришлось за эти годы соприкоснуться. Таких от-

кликов было, разумеется, гораздо больше, чем помещено в книге, но я отбирала по принципу наибольшей характерности и разносторонности» [2].

С глубокой сердечностью она рассказывает о подвижничестве переводчика армянской литературы на русский язык Якова Семеновича Хачатрянца, который с тончайшим пониманием национальных особенностей армянского языка и с огромным чутьем русского добивался адекватности перевода. В кратком вступлении к сборнику новелл Мариэтта Шагинян выразила искреннюю почтительность к выдающимся представителям армянской культуры, к народному творчеству, высоко оценила переводы Я.С. Хачатрянца. Истоки ее постоянного внимания и служения армянской культуре можно найти в Нахичевани-на-Дону.

Комментируя публикации армянских сказок, она отмечает характерные особенности мифов, принявших национальную армянскую форму. В подтверждение своей мысли она приводит солнечный миф. «Солнце, – пишет она, – источник постоянного мифотворчества у всех народов; стало быть, армяне, мифологизируя его, отдают дань общему культу. Дольше крестьяне араратских деревень клянутся солнцем, чтут его, часто употребляют эпитет “солнечный”, прибавляют его к именам. Уцелели выражения: “призываю в свидетели свое солнце”, “знает про то твое солнце”; подразумевается, что у каждого человека есть свое солнце, подобно представлению об “ангеле каждого человека”. Для армян солнце – символ мужественности, понимаемой не только как сила, но именно как мужская сила» [3].

Мариэтта Шагинян много и с удовольствием читала. Она умела читать. Многие годы вела дневниковые записи. Она откликнулась на все то, что волновало людей, на все заметные события в жизни армян: «Я очутилась в царстве “генов”, разноголосица которых забила мне уши, как морской шум забивает раковину. Я ответвилась от этого народа, поросла его веточкой – и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле» [4]. С присущей ей основательностью и последовательностью с разных сторон и под разным углом зрения рисовала она жизнь донских армян.

В обобщающей книге воспоминаний «Человек и время» Мариэтта Шагинян по памяти от постоянных наездов в Нахичевань-на-Дону многократно обращается к самым разным жизненным эпизодам, характерным для нахичеванских армян: «Жизнь казалась там узкообособленной, монотонной, мелконациональной и, как масло с водой, совсем не сливавшейся с жизнью большого русского мира в Ростове по соседству, а тем более не похожей и на нашу московскую, русскую жизнь» [5]. С нескрываемым восхищением она рассказывает о строительном таланте, о кулинарном искусстве, о трудолюбии армян. Древнейшая способность, живущая как бы в крови армянского народа, подобная строительной способности пчел, муравьев, бобров, делала

армян желанными колонистами в пустынных просторах юга России. Строить, лепить, цементировать, связывать, созидать. Так Мариэтта Шагинян воспринимала армян, живущих в Нахичевани-на-Дону.

С искренним уважением и пониманием она рисует портреты своих родственниц – сестер матери: «Тети – каждая – стоят у меня ярко в памяти, красивые, крепкие, хозяйственные, одаренные здравым смыслом и коренным упорством в поведении. Они верили в незыблемый распорядок жизни, в женские функции жен и матерей, в соблюдение обычаев, неизвестно кем и когда установленных: дни поминовения умерших, когда на кладбище надо нести пироги для раздачи нищим; визиты попа и дьякона в большие праздники, с заготовленными для них конвертами, первому толсто, второму потоньше; “соленья” младенца при его крещении, изготовление “гаты” и “губаты” под рождество и множество всяких соблюдаемых правил и привычек» [6].

Каждый штрих, каждая деталь наблюдаемой жизни в Нахичевани-на-Дону давали ей возможность увидеть глубинный смысл. Так, воспоминания о еде, которая в армянской семье, по ее словам, носила характер праздничный, почти эстетический, когда к ее приготовлению привлекалась вся женская половина дома, в том числе и дети, она связывает с лучшим методом педагогики: «Труд может показаться скучным. Но если кто-то перед вами делает сей труд обаятельно, труд становится заразительным. Дети начинают хотеть: И-я! И-я! Дайте попробовать! И требуют со стиснутым ртом, с затаенным дыханием, с наслаждением в глазах и пальцах – так надо учить!» [7] Эти слова не потеряли своего значения и в наши дни и могут послужить мудрым наставлением для современных педагогов.

Исключительный интерес представляет первое крупное художественное произведение Мариэтты Шагинян – повесть «Перемена», в которой описано пережитое ею на Дону с 1917 по 1921 годы. Бытовые зарисовки, дневниковые записи, философские и психологические размышления передают атмосферу, трагизм тех дней в жизни нахичеванских жителей. Накануне грозных событий на Дону жизнь, по ее словам, протекала уравновешенно: «Из года в год в одноэтажных особнячках предместья Ростова, с лепными карнизами и приспущенными жалюзи на зеркальных окнах, жизнь текла привычным порядком. По вечерам, за полночь, сидели гости и играли в карты. Прислуга на кухне сквозь сон готовила, смотря по сезону, все тот же одинаковый ужин» [8].

От описания бытовых сцен далее в повести автор переходит к рассказу о тех изменениях в жизни нахичеванцев, которые наблюдались с 1917 г.: «За Нахичеванью, в армянской деревне, расположился штаб Сиверса и принимал делегации. Сиверс был вежлив, просил, кто приходит, садиться и каждого слушал. Тихо и празднично в городе. Ходят, постукивая по подмерзшей февральской дорожке, патрули, перекликаются. На базарах стоит запустенье – ни мяса, ни рыбы, ни хлеба. Крестьяне попрятались и не подвозят продуктов» [9].

Не опускает из своего описания автор и дикие сцены лихолетья, кровавые сцены междоусобицы, которые пришлось пережить в Нахичевани и его окрестностях: «Кольцом окружили большевиков под Батайском. С каждым днем, словно от взмаха косы над степною травой, ложатся ряды их. Но теснее сжимаются те, что остались, и теснее зубы сжимают: такие недешево стоят! Душу за душу, смерть за смерть, – обессиленными руками сыпят порох, забивают патроны, наводят могучую пушку. Трах – отстреливаются большевики. В Ростове гранатами уничтожены Парамонова верфь, мореходное училище и пострадали дома. Их измором берут, смыкают железною цепью, но, голодные, истощенные, из-за груды убитых, как за стеной баррикады, отстреливаются большевики. Там, под Батайском, лягут они до последнего» [10].

Читая произведения Шагинян, можно во всей полноте представить жизнь в Нахичевани, боли и радости, достижения и лишения донских армян на разных этапах жизни. Впечатления о жизни в Нахичевани, о встречах со многими жителями Донского края М. Шагинян сохранила до конца своих дней и постоянно это использовала в своем творчестве. «Время, активно прожитое мною, я храню в памяти как великое время, – писала она в 1978 г. в статье “Труд как живой фермент”, – и никогда трагические его страницы, ошибки или жестокости тех лет не перевешивают передо мной его исторического влияния».

Творческая жизнь Мариэтты Шагинян пронизана ищущей мыслью, которая всегда стремилась прикоснуться ко всему тому, что ее окружало, утолить жажду жизненной правды. В этом она видела свое призвание. Возвеличивая человека труда, она с глубоким проникновением и пониманием оснований человеческого бытия размышляла: «Великая тайна природы, тайна земли в том, что природа, мать-земля, отвечает трудом на труд: процесс, совершающийся между ними, обоюден, вершится двумя силами, хотя одна считается живой, а другая неживой. Земля размножает зерно, размножает картошку. Армянский пахарь из села Чалтырь под родным городом моей матери Нахичеванью-на-Дону, когда я как-то воскликнула: “До чего же тяжел ваш крестьянский труд!” – отвечал мне: “Он нам не тяжелый. Потому что, видишь ли, земля отвечает”». И эти простые искренние слова армянского землепашца послужили толчком для обобщающей мысли: «Земля отвечает. Металл отвечает резцу. Глина отвечает пальцам скульптора. Бумага отвечает под пером поэта, писателя. Человек отвечает человеку... Все отвечает за посеянное нами, доброе и злое» [11].

Творчество Мариэтты Шагинян наполнено поучительным опытом поиска света, правды, добра в те непростые времена, сохраняет достоверные эпизоды из жизни нахичеванских армян.

Примечания

1. Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры Ростова-на-Дону. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1942. С. 7.

2. Мариэтта Шагинян. Об армянской литературе и искусстве. М., 1961. С. 7–8.
3. Там же. С. 33–34.
4. Мариэтта Шагинян. Человек и время. М., 1982. С. 9.
5. Там же. С. 18.
6. Там же. С. 17.
7. Там же. С. 15.
8. Мариэтта Шагинян. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 2. М., 1971. С. 7–8.
9. Там же. С. 36.
10. Там же. С. 57–58.
11. Мариэтта Шагинян. Труд, как живой фермент // Коммунист. 1978. № 4. С. 79.

А.В. Батиев

С.Ф. КЕЧЕКЬЯН И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА АРИСТОТЕЛЯ

Степан Федорович Кечекьян – выдающийся философ, теоретик и историк права. Эта краткая характеристика творчества уроженца г. Нахичевани-на-Дону вмещает в себя пятьдесят пять лет активной научно-исследовательской и педагогической деятельности, труды по государственному и международному праву, по общей теории государства и права, всеобщей истории государства и права, истории правовых учений [1].

Перу С.Ф. Кечекьяна принадлежит ряд работ, составивших основу советской историко-правовой науки. История философии права занимает особое место в творчестве С.Ф. Кечекьяна. Достаточно отметить, что первой работой молодого ученого была монография «Этическое мирозерцание Спинозы», опубликованная в 1914 г. И сегодня это, пожалуй, лучшая монография на русском языке, посвященная правовым взглядам великого голландского мыслителя. Докторскую диссертацию С.Ф. Кечекьян защитил в 1939 г. по итогам многолетнего труда «Общественно-политические воззрения Аристотеля». В переработанном виде она вышла в 1947 г. как монография [2].

Право пронизывает всю нашу жизнь, и при этом, несмотря на всю свою внешнюю очевидность, оно с трудом поддавалось формальному определению во все эпохи – от древности и до современности. Особенность философии права в отличие от естественных наук состоит в том, что история философии права и есть собственно философия права, рассматриваемая специфическим образом. Одной из сложных проблем истории философии права является реконструкция античного типа правопонимания. Лучший показатель востребованности тех или иных научных изданий и идей – не хвалебные статьи от юбилея к юбилею в адрес автора, а реальная включенность в актуальный на-

учный процесс, что предполагает возможность их развития, уточнение и/или конкретизацию. В данной статье рассматриваются некоторые оценки правовой теории Аристотеля, представленные в монографии С.Ф. Кечекьяна и не потерявшие своей ценности и сегодня.

Многозначность понятия права. Адекватная интерпретация античных правовых учений затруднительна уже потому, что в Древней Греции не был выработан специальный термин для обозначения права (в отличие от закона). Если же к этому добавить, что и в новейшее время существуют различные подходы к пониманию права и определению соответствующего понятия, то становится понятной сложность стоящей перед историком философии права проблемы. С.Ф. Кечекьян на основе анализа работ Аристотеля («Никомахова этика», «Политика», «Риторика») пишет о праве в нескольких значениях. Во-первых, «право – это политическая справедливость. Это порядок, установленный в политической организации, т.е. в государстве» [3]. Отметим сразу, что понятия «справедливость» и «порядок» вряд ли можно считать тождественными. По существу, речь уже может идти о двух смыслах понятия права. Во-вторых, право – нечто тождественное норме: «к естественному праву Аристотель относит нормы, вытекающие из природы общежития», к положительному – “произвольно установленные законом нормы”» [4]. Кроме этого, С.Ф. Кечекьян отмечает, что Аристотель «один из первых характеризует право как некоторое мерило, которое находит свое применение к соизмеримым, а иногда даже и формально равным субъектам» [5]. В данном случае норма и мерило – понятия если не тождественные, то по крайней мере синонимичные.

Соединение под термином «право» норм и порядка, по всей видимости, не случайно. Широкий подход в юридической науке, рассматривающий право как единство правовой нормы и правоотношения, был сформулирован С.Ф. Кечекьяном и А.А. Пионтковским во второй половине 1950-х гг. Но в конце 1930-х гг. в стране победившего социализма господствовала узконормативная концепция А.Я. Вышинского. Любой другой подход можно было реализовать только на историческом материале. Были ли достаточные основания для такого соединения порядка и нормы (закона)? Аристотелева формула «порядок и есть закон» [6] дает ответ на этот вопрос. Как видно, под законом понимается не только должное, но и сам уже существующий порядок, сама закономерная взаимосвязь вещей.

Право и закон. Чтобы легче было понять, что означает право в античной традиции, следует начать с более простых вещей, лежащих в основании права, то есть с закона. Вслед за Аристотелем С.Ф. Кечекьян указывает на закон как источник права: «политическая справедливость или право определяются законом». Право «создается законом и имеет место лишь среди людей, по своей природе могущих жить в законе» [7].

Приведенная оценка соотношения закона и права лишает основы позднейшие спекуляции на тему о приоритетности права по отношению к закону, делает бессмысленным понятие «правозаконности». По крайней мере философия Аристотеля не дает для этого оснований.

Виды законов и виды права. Но С.Ф. Кечекьян не останавливается на этом. Право, согласно Аристотелю, может быть двух видов в зависимости от его источника, естественное и положительное, или, точнее, право, установленное природой, и право, установленное законом [8]. Они же называются соответственно общими (неписанные) и частными (писанные или неписанные) законами, так как либо распространяются на всех, либо ограничиваются рамками только конкретного полиса. Следует, правда, отметить, что Аристотель в «Никомаховой этике» не использует термин «закон» применительно к «природному».

Естественное право и право положительное. Отсюда ясно, что может быть два вида права – естественное и позитивное (его также называют государственным). Не случайно Аристотель в «Никомаховой этике» специально оговаривает: «Нужно между тем помнить, что исследуется вообще право и государственное право» [9].

Право (правосудность, как общая, так и частная) состоит в следовании закону, оно либо основано на законах государства, либо является естественным. Как указывает Аристотель, государственное право(судие) «основано на законе и бывает у тех, кому по природе присуще иметь закон» [10]. Известна и другая формула Аристотеля: «все законное в известном смысле правосудно. В самом деле, что определено законодательным [искусством], законно, а каждое из этих [определений] мы признаем правосудным, [т.е. правом]» [11].

Соотношение права и закона. Для правильной оценки соотношения естественного и положительного права важен еще один вывод С.Ф. Кечекьяна: «Аристотель вовсе не делает из естественного права критерия для оценки положительного права, у него нет противопоставления естественного как правильного положительному как неправильному...». Поэтому «учение Аристотеля о естественном законе ... весьма отлично от позднейших естественно-правовых учений XVII–XVIII веков, которые в большинстве случаев строили политическое учение на резком противопоставлении естественного и положительного права ...» [12].

Понятие права. В работе С.Ф. Кечекьяна не хватает достаточно ясного пояснения смысла права. На наш взгляд, оно может быть следующим. Есть правосудность – это склад души (добродетель), выражающийся в сознательно избираемом и систематически повторяемом законосообразном поведении, которое к тому же приносит моральное удовлетворение субъекту данного поведения. Есть правосудие – деятельность судьи, основанная на частном (полисном) и, по мере необходимости, на общем (естественном) законе.

«Правосудие бывает двух видов – одно неписаное, а другое по закону» [13]. Есть право, которое обозначает в таком случае соответствие законам, состояние законности. Право выражает правильный, «правый» характер отношений между людьми, правильное соотношение притязаний субъектов отношений. Это качество («правое») достигается либо самими индивидами, либо через суд (лучше третейский). Другими словами, термин «право» выражает некий характер отношений, определяемый на основании полисного и, что очень важно, естественного закона (природы). Эти отношения должны быть справедливыми, то есть основанными на античном идеале равенства.

Соотношение права (закона) и морали. Следующий вопрос, на который отвечает С.Ф. Кечекьян: «совпадает ли естественное право с требованиями этики, с теми ее положениями, которые составляют содержание не специальной политической справедливости, а “общей” справедливости, являющейся частью добродетели?» По мнению С.Ф. Кечекьяна, ответ может быть положительным лишь отчасти: «естественное право в известной мере соответствует требованиям этики». «Но было бы неправильно сказать, что естественное право у Аристотеля полностью исчерпывает собою все требования добра». «Идеальное государство выводит нас за пределы естественной справедливости, давая полную реализацию всех задач “благой” жизни. То, что охватывается правилами естественной справедливости, значительно уже» [14]. Вопрос об идеальном (наилучшем) государстве требует специального рассмотрения и, как показывает С.Ф. Кечекьян, может решаться и иным образом.

Но поскольку право основано на законе, целесообразно проанализировать вслед за Аристотелем соотношение закона и морали. Согласно Аристотелю, общие неписанные законы «бывают двух родов: одни из них имеют в виду крайние проявления добродетели и порока... например, признательность по отношению к благодетелям, воздаяние добром за добро, помощь друзьям и т.п. Другие же из неписанных законов восполняют недостатки частного писаного закона, так как правда, относясь, по-видимому, к области справедливости, есть то, что справедливо вопреки писаному закону». Воздаянием за несоблюдение или соблюдение неписанных законов первого рода (относящихся к сфере морали) служат «порицания и похвалы, бесчестие и почести, изъявление общего уважения» [15].

Из данного положения следует, что Аристотель различает сферу, которую мы сегодня определили бы как сферу морали (здесь действует один род неписанных законов), и сферу юридическую (где действуют другой род неписанных законов и законы полисные). Ответ на вопрос, поставленный С.Ф. Кечекьяном, в таком случае должен быть положительным. Античная философия не проводила строгого разделения этики и права, но в лице Аристотеля понимала специфику отдельных групп норм. Все нормы, и эти-

ческие и правовые (если использовать современное понимание), определялись как законы. Такое же соединение будет наблюдаться и в Средние века и даже в Новое время.

Право и мораль. Аналогично соотношению закона и морали выстраивается и пара понятий «право» и «мораль». Общее право охватывает все стороны этики, включая и собственно юридическую сферу. Государственное право относится к той сфере, которую мы и сегодня относим к собственно юриспруденции.

Разделение справедливости на общую и частную. Следующий тезис С.Ф. Кечекьяна о совпадении естественной справедливости в известной степени с общей справедливостью, а установленной законом справедливости – с частной, особенной справедливостью [16] требует дополнения и уточнения.

Во-первых, если исходить из того, что право и есть справедливость, то все сказанное выше будет ответом и на рассматриваемый вопрос. Но ответ может быть дополнен и конкретизирован. Поскольку в «Риторике» Аристотель дает упрощенную версию своей правовой теории, следует обратиться к «Никомаховой этике». В ней смысл общей правосудности (справедливости) проясняется следующим образом: «правосудный это законопослушный (*nominos*) и справедливый (*isos*). Стало быть, правосудие [или право] – это законное и справедливое» [17]. Речь идет о сознательном и целеустремленном законосообразном поведении добропорядочного гражданина [18]. Эта правосудность определяется Аристотелем как «полная добродетель, [взятая], однако, не безотносительно, но в отношении к другому [лицу] [19].

Но есть и частная правосудность (справедливость), которая относится к законосообразному поведению гражданина в определенной сфере отношений. Она «обращена на почесть, имущество, безопасность или на то, что (будь у нас одно слово) охватывает это все и что [возникает] при удовольствии от наживы» [20]. При этом «один вид частной правосудности и соответствующего права (*to dikaion*) связан с распределением почестей, имущества и всего прочего, что может быть поделено между согражданами... Другой [вид] – неправительное право при взаимном обмене. Оно состоит из двух частей; дело в том, что обмен бывает произвольный и непроизвольный» [21]. Высшим критерием правосудности является не частный закон, а природа, общий закон. Как указывает Аристотель, «законное правосудие и первичное – разные вещи» [22].

Как видим, общая правосудность (справедливость) основана на законе, точно так же как и ее разновидности. Некоторые возможности для иного толкования дает «Большая этика», в которой приведено несколько упрощенное изложение учения о справедливости. В этой работе Аристотель также разли-

чает: а) справедливость как некую совершенную добродетель в целом и состоящую в соответствии закону и б) справедливость по отношению к другому человеку (равенство), также основанную на законе [23]. Аристотеля интересует прежде всего гражданская (государственная) справедливость – та, которая существует между гражданами полиса. Здесь же указано, что «справедливость может быть природная и установленная законом». Но при этом специально оговаривается: «Справедливое от природы выше справедливого по закону, однако исследуем мы гражданское справедливое, а оно существует по закону, не от природы» [24].

Таким образом, описываемая Аристотелем общая справедливость все же не совпадает с естественной. Это вещи разнопорядковые. Понятие общей справедливости призвано оттенить не ее источник и мерило (природу или закон), а сферу ее действия – все отношения. Частная же справедливость относится к отношениям, связанным с распределением и обменом (добровольным или принудительным) благ разного рода.

Примечания

1. Прозорова Н.С. Степан Федорович Кечекьян, 1890–1967 // Правоведение. 1976. № 2. С. 97–103.
2. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о сущности государства и права. М., 1947.
3. Там же. С. 90.
4. Там же. С. 93.
5. Там же. С. 91.
6. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 481.
7. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о сущности государства и права. С. 90–91.
8. Там же. С. 92.
9. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 158–159.
10. Там же. С. 159–160, 169.
11. Там же. С. 147.
12. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о сущности государства и права. С. 95.
13. Аристотель. Никомахова этика. С. 240.
14. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о сущности государства и права. С. 94.
15. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978. С. 61.
16. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о сущности государства и права. С. 93.
17. Аристотель. Никомахова этика. С. 146.
18. Там же. С. 149.
19. Там же. С. 147.
20. Там же. С. 149.
21. Там же. С. 150.
22. Там же. С. 166.
23. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 324.
24. Там же. С. 327–328.

М.В. Братолобова**М.С. АДЖЕМОВ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ «ВТОРОГО ЭШЕЛОНА»
ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

В современной исторической науке все более заметным явлением стало обращение к региональной истории, изучение которой, безусловно, расширяет наши представления об общероссийских тенденциях и событиях. Отметим также оживление интереса к судьбам людей, которые не занимали высоких должностей, но благодаря своему самоотверженному и бескорыстному труду, высокой гражданской позиции со временем снискали признание и благодарность общества. В этом смысле обращение к судьбе М.С. Аджемова является весьма актуальным в контексте региональной истории.

В последние годы в отечественной историографии весьма активно проводились исследования, посвященные созданию научных биографий российских политических звезд первой величины. Однако среди представителей отечественного либерализма не все пользуются одинаковой популярностью у отечественных исследователей. М.С. Аджемов – видный российский либерал, чей жизненный путь еще ждет своего исследователя. Моисей Сергеевич Аджемов... Это имя мало что говорит современному читателю. Между тем еще сто лет назад он получил известность как адвокат, как общественно-политический деятель, депутат II–IV Государственных дум от Области войска Донского.

Моисей Сергеевич Аджемов (1878–1950 гг.) – уроженец Нахичевани, армянин армяно-григорианского вероисповедания. Аджемов получил образование в Лазаревском институте восточных языков и в Московском университете на медицинском факультете. В 1904 г. экстерном сдал экзамены на юридическом факультете Московского университета и получил диплом I степени [1]. Его эрудированность и глубокие познания в различных областях человеческого знания помогли ему в практической деятельности помощника присяжного поверенного при Московской судебной палате. В дальнейшем он стал видным Петербургским адвокатом [2].

М.С. Аджемов – один из старейших членов конституционно-демократической партии. С 1906 г. – член Ростово-Нахичеванского комитета конституционно-демократической партии Области войска Донского. Неоднократно был делегатом от Донского комитета кадетской партии на заседаниях ЦК конституционно-демократической партии с представителями местных групп. П.Н. Милюков в своих воспоминаниях писал, что армяне в политическом отношении были в тот период ближе других к кадетам: «...армянская интеллигенция разделяла тогда в большинстве убеждения к. д.» [3]. Милюков характеризовал Аджемова как видного представителя армянской народности.

Следует отметить, что политические взгляды М.С. Аджемова отличались некоторой противоречивостью. Так, Аджемов наряду с другими донскими кадетами выступал активным защитником прав национальных меньшинств, призывал к защите прав на равенство граждан всех национальностей Российского государства перед законом в рамках культурно-национальных автономий. Учитывая многонациональный состав ростовского городского электората, М.С. Аджемов в своих предвыборных речах официально осуждал еврейские погромы в Ростове в 1905 г., критиковал политику правительства, «нацеленную на натравливание одного народа на другой» [4]. Но одновременно неоднократно говорил о невозможности уравнивания всех в правах, особенно евреев, а также о том, что он далеко «не такой красный», как можно судить по его речам, так как в действительности он осознает, что, «следуя духу времени, поневоле нужно быть в речах более “красным”, чем в действительности» [5].

Моисей Сергеевич Аджемов был избран депутатом во II, III и IV Государственную думу от Области войска Донского [6]. На момент избрания в Думу второго созыва Аджемову едва исполнилось 28 лет. Во II Государственную думу он был избран как особый депутат от Ростова и Нахичевани. В III и IV Государственную думу особое представительство от Ростова и Нахичевани не предусматривалось, и Моисей Сергеевич прошел по кадетскому списку по 2-й городской курии Ростовского округа.

Роспуск II Государственной думы, издание нового избирательного закона в нарушение «Основных законов Российской империи», предусматривавших процедуру его принятия самой Думой, и последовавшая за этим полоса реакции придали пессимистическую окраску настроениям кадетов и посеяли в их рядах сомнения по поводу шансов конституционного развития. М.С. Аджемов в беседе с корреспондентом газеты «Приазовский край» дал следующую, весьма эмоциональную оценку закону 3 июня 1907 г.: «Общественное настроение было ошеломляющее (после роспуска II Думы. – М.Б.), это было настроение людей, которые потеряли все, это настроение страха и ужаса... самая подходящая атмосфера для расцвета реакции» [7]. Критичное настроение кадетов к III Думе не поколебало их конституционных идеалов. Тот же М.С. Аджемов, отмечая укрепление идеи народного представительства на фоне политической реакции и общественной апатии, выражал уверенность в том, что Дума стала необходимой для народа, несмотря на то что «она (III Дума. – М.Б.) никаких больших преобразований в стране не сделала, но, тем не менее, дала России много – Россия политически развилась и выросла...» [8]. «Благодаря кадетам, – утверждал Аджемов, – юный парламент, нежное растение, стал внедряться своими корнями в российскую почву» [9]. Он был убежден в том, что и в дальнейшем необходимо акцент делать на законодательную работу и тем самым «связать себя с миллионами местных интересов и из области высоких стремлений перейти в область взаимоотношений различных групповых

интересов» [10]. Именно умеренность, постепенность способна была, по мнению Аджемова, стать основой консолидации разнородной по программным установкам и целям оппозиции и тем самым обеспечить эффективность реформаторской работы в условиях усиления реакции.

В парламенте М.С. Аджемов принимал участие в работе следующих комиссий: в III Думе – в бюджетной, финансовой, судебной, комиссии по запросам, о неприкосновенности личности; в IV – в комиссии судебных реформ, по наказам избирателей. В Думе Второго созыва Моисей Сергеевич никаких местных дел – ни ростовских, ни донских – не касался, хотя быстро выдвинулся как оратор. Во II Государственной думе он выступал по общим темам и с партийной кадетской платформы. В III и IV Думах выступал от имени кадетской фракции по вопросам бюджета и финансов, особенно деятельно себя проявил при обсуждении сметы Министерства иностранных дел, при обсуждении бюджета Министерства внутренних дел, Министерства финансов. М.С. Аджемов вместе с А.И. Шингаревым был постоянным оппонентом по вопросам государственного бюджета министра финансов В.Н. Коковцева [11]. Также он консультировал фракцию по финансовым вопросам.

В III Государственной думе Аджемов уже не избегал местной проблематики. Он выступил докладчиком от комиссии судебных реформ – по внесенному министром юстиции законопроекту об учреждении окружного суда в Ростове-на-Дону [12]. В IV Думе участвовал в обсуждении вопроса о частном коннозаводстве. При рассмотрении сметы Главного штаба на 1912 г. бюджетная комиссия Думы по требованию Аджемова выразила пожелание, чтобы военное ведомство представило законопроект о ликвидации донского частного коннозаводства [13]. В IV Думе М.С. Аджемов поддержал законодательное предположение об увеличении числа должностных лиц в присутствиях по крестьянским делам. В качестве депутата Государственной думы ходатайствовал о переводе Варшавского императорского университета в Ростов-на-Дону [14].

В 1910 г. Моисей Сергеевич принимал участие в работе совещания «Ростовского биржевого комитета» [15]. Предпринимал поездки на Дон во время думских каникул. Посещая Ростов и Нахичевань, Аджемов выступал с лекциями. Так, в 1909 г. сделал доклад на тему «Международные отношения, русская действительность и Государственная дума», в 1910 г. выступил с докладом «Противоречия жизни: реакция и ее планы; необходимость общественного подъема, стремления русского общества и старый порядок» [16]. М.С. Аджемов активно печатался в «Вестнике Права» и «Московских Ведомостях», в газетах «Речь», «Приазовский край», «Ростовская речь», «Южный телеграф», «Утро Юга», «Донская жизнь».

На VI и VIII съездах партии Моисей Сергеевич был избран в состав ЦК. На IX съезде кадетской партии избран кандидатом в депутаты Учредительного собрания. В годы Первой мировой войны М.С. Аджемов являлся членом

Особого совещания по снабжению армии. После Февральской революции 1917 г. вошел в исполком Государственной думы, формально взявшей власть после отречения Николая II. Аджемов стал комиссаром Временного правительства в Министерстве юстиции, вошел в состав созданных в марте 1917 г. Юридического совещания при Временном правительстве, давшем правовое обеспечение всей законотворческой деятельности демократической России, и Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное Собрание [17]. Моисей Сергеевич был активным участником агитационной компании кадетской партии в Области войска Донского на муниципальных выборах летом 1917 г., в июле 1917 г. его избрали гласным Ростовской городской думы [18].

В мае–июне 1917 г. в ОВД М.С. Аджемов совместно с членами ЦК Л.И. Шингарёвым и Ф.И. Родичевым вёл агитацию на выборах в Учредительное собрание: по Ростову – голосовать за кадетов, по области – за предвыборный блок «кадеты-казаки», успешно заключенный (и сыгравший роковую роль для Каледина – Богаевского, по их собственному позднему анализу, расколовший казачьи верхи и низы) [19]. Моисей Сергеевич доказывал полное соответствие программных целей партии интересам казачества. В июне 1917 г. в Петрограде участвовал в работе общероссийского казачьего съезда. 1 июля 1917 г. на заседании ЦК выступал против отставки правительства.

Выступая на Малом войсковом круге, открывшемся в Новочеркасске 2 августа 1917 г., Аджемов обратился к делегатам со словами: «Помогите спасти революцию, придите на помощь погибающей стране» [20]. Поскольку его кандидатура выдвигалась в Учредительное собрание, он дважды побывал осенью 1917 г. на Дону. В интервью газете «Приазовский край» твердо защищал Донского атамана А.М. Каледина, своего союзника по избирательному блоку. 12 октября 1917 г., выступая в Предпарламенте, сказал о казачестве, что это «последняя надежда страны» [21]. После октября 1917 г. М.С. Аджемов участвовал в работе левой группы кадетской партии (Набокова – Винавера). После провала корниловского мятежа Моисей Сергеевич был назначен адвокатом ген. Л.Г. Корнилова на предполагавшемся суде. Принимал участие в переговорах по поводу создания последнего коалиционного кабинета Временного правительства, явился одним из авторов проекта закона о Предпарламенте, рассматривавшегося в Юридическом совещании [22]. После дальнейшей разработки этот проект послужил основой опубликованного 3 октября 1917 г. положения о Временном совете Российской Республики. Был М.С. Аджемов и членом Предпарламента. Вошел во Временный совет Российской Республики, высшего органа государства, который должен был действовать до созыва Учредительного собрания. В сентябре 1917 г. Моисей Сергеевич Аджемов стал сторонником немедленного мира с Германией. По поручению кадетской партии он участвовал во встречах с лидерами Петроградского Совета с целью

образования блока для «создания атмосферы общественного доверия вокруг Временного правительства и поддержки его в борьбе с большевиками». В начале 1919 г. Аджемов – кадетский эмиссар в Париже. Во Франции он стал связующим звеном между французскими правительственными кругами и белыми армиями.

М.С. Аджемов обладал выдающимися предпринимательскими способностями. Так, в качестве доверенного лица нефтяных магнатов Манташевых ему удалось продать их нефтяные промыслы в Баку англичанам. Эта выгодная операция обеспечила ему безбедное существование [23]. Осенью 1919 г. Моисей Сергеевич принимал участие в переговорах с правительством Финляндии, заверял, что «белая Россия» признает независимость Финляндии при условии ее участия в кампании против большевистского Петрограда. В феврале 1920 г. участвовал в переговорах кадетов с эсерами о «смычке» на антибольшевистской платформе. Результатов эти переговоры не дали. С мая 1920 г. – член комитета Парижской группы кадетов.

Моисей Сергеевич закончил свои дни в США в 1950 г. Анализ биографии М.С. Аджемова свидетельствует, что провинция дала российскому обществу целую плеяду выдающихся деятелей. Моисей Сергеевич Аджемов прошел первые этапы своего формирования как личности именно в уникальной провинциальной среде и начал свой путь к вершинам отечественной политики из провинции.

Примечания

1. Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 9–10.
2. Панкова Т.В. Моисей Сергеевич Аджемов // Община. 1998. Вып. 7. С. 26
3. Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990. С. 120.
4. Таганрогский вестник. 1906. 17–18 июня.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО) Ф. 826. Оп. 2. Д. 47. Л. 3 об.; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 4. Д. 45. Ч. II. Л. 8.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 570. Л. 4; Оп. 9. Д. 2, 3.
7. Приазовский край. 1912. 12 июля.
8. Там же.
9. М.С. Аджемов о III Думе // Приазовский край. 1908. 8 июля.
10. Там же.
11. Государственная дума. Третий созыв. Сессия I. Отчет фракции народной свободы. СПб., 1908. С. 13, 22, 25–29.
12. Государственная дума. Третий созыв. Сессия II. 1908–1909. Стенографический отчет. СПб., 1909. С. 1977–1978.
13. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924. С. 558.
14. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913. СПб., 1913. С. 97, 338.

15. ГАРО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 81, Л. 49–52.
16. ГАРО. Ф. 826. Оп. 2. Д. 67. Л. 1–3; ГАРФ Ф. 102. 4 дел-во. 1910. Д.45. Ч. 11. Д. 1. Л. 8–9.
17. Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. С. 9–10.
18. Там же.
19. Братолобова М.В. Аджемов М.С. // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 14–15.
20. Цит. по: Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. Ростов н/Д, 1994. С. 11.
21. Там же.
22. Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. С. 9–10.
23. Панкова Т.В. Указ. соч. С. 26.

Л.В. Ванян

РОЛЬ СЕМЬИ ЛАЗАРЕВЫХ В РАЗВИТИИ РУССКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Изучению истории русско-армянских связей посвятили свою деятельность многие армянские, российские и зарубежные исследователи, такие как Д. Ананун, С.Б. Броневский, П. Бутков, Э.Р. Гукасян, А.Д. Ерицян. Сегодня большинство этих трудов являются важными теоретическими источниками и основой для понимания развития Востока, в т.ч. армянской культуры.

В социально-экономической жизни России протекали процессы разложения феодально-крепостнических отношений, развития капиталистического уклада, формирования новых общественных сил. В результате переориентации армянского торгового капитала и укрепления его связей с русским государством к середине XVIII в. Москва становится центром притяжения состоятельных и знатных представителей армянских родов. Лазаревы переезжают в Москву, которая к тому времени становится ещё и очагом армянской культуры.

По свидетельствам современников, Лазаревы были «людьми широких взглядов и с чувством общего долга». Как и многие патриоты своего отечества, Лазарь Назарович и его сыновья (Ованес (Иван) и Иоким (Еким)) мечтали о воссоздании армянского национального государства. Они видели свой гражданский долг в сохранении армянской национальной культуры. Иван активно содействовал процессу переселения армян в Россию. Современники отмечали, что «обширное знакомство графа с восточным миром, опытность в делах финансовых и правительственных, блестящие способности и преданность интересам своего нового отечества открыли перед ним широкое поприще деятельности... советы его по делам Востока приобрели вес и значение в правительственной сфере» [1].

Еще со времен Петра I передовые деятели армянского освободительного движения готовили проекты воссоздания армянского национально-государства. Среди участников движения были и представители семьи Лазаревых. Признанными руководителями армянского освободительного движения во второй половине XVIII в. были И. Лазарев и архиепископ И. Аргутинский. Они принимали участие в подготовке проектов о воссоздании армянского государства под покровительством России. Выработанные ими проекты предусматривали создание армянского государства во главе с монархом, который должен был быть представителем либо армянской знати, либо русской. Упоминалось имя князя Потемкина как предполагаемого армянского царя. Для характеристики политических взглядов руководителей армянского освободительного движения следует отметить, что в проектах всех его течений подчеркивалось, что в Армении не должно быть крепостного права [2].

Иван Лазарев был в дружеских отношениях с великим русским полководцем А.В. Суворовым и известным фаворитом Екатерины II князем Г.А. Потемкиным. К советам Лазарева прислушивались при определении политики в отношении Закавказья, Турции и Персии. Известен и тот факт, что Суворов выразил свое благосклонное отношение к вопросу о восстановлении армянского государства и недвусмысленно говорил о том, что Россия намерена сделать серьезные шаги в этом направлении [3]. Исходя из интересов своей внешней политики, царское правительство поддерживало длительное время армянское национально-освободительное движение. Оно охотно прибегало к услугам семьи Лазаревых в реализации своей восточной политики.

Список известных российских меценатов графов Строгановых и Демидовых пополнен армянским родом Лазаревых. Объединяют эти фамилии и основанные ими ставшие известными учебные заведения: Московский институт восточных языков (или Лазаревский институт), Строгановское училище ваения и зодчества и Ярославский Демидовский юридический лицей. Объединяет Лазаревых, Строгановых, Демидовых и источник благотворительности – богатые уральские имения, принадлежавшие им [4].

Семья Лазаревых владела и успешно управляла принадлежавшими им землями на Урале почти 150 лет – с 1771 по 1918 гг. В многовековой истории этого армянского рода красной линией прочерчены рациональная предприимчивость, способность реализовывать сложные задачи, высокая духовность и просветительная деятельность. [5]

Основным направлением энергичной деятельности И.Л. Лазарева была забота об армянском народе. Переселение в Россию десятков тысяч армян, их обустройство, развитие просвещения, духовности и культуры среди переселенцев в значительной мере проводились по его инициативе и под его руководством. Эту благородную деятельность невозможно переоценить.

Она протекала в постоянном сотрудничестве с Иосифом Аргутинским. И. Аргутинский (Овсеп Аргутян), (1743–1801), в 26 лет получивший сан епископа, с 1773 г. был «епархиальным архиепископом обитающих в России армян», а затем католикосом всех армян, являлся крупным дипломатом и советником правительства России по русско-персидским и русско-турецким делам. За оказанные России услуги 22 марта 1800 г. он и его братья с потомством были возведены императором Павлом I в княжеское Российской империи достоинство с правом именоваться князьями Аргутинскими-Долгорукими. И. Аргутинский и И.Л. Лазарев разработали проект заселения армянами земель на Северном Кавказе и в Крыму, незадолго до этого присоединенных к Российской империи. Проект был в большей части одобрен и поддержан правительством [6]. Таким образом на южных границах России возник ряд новых городов. Последние годы жизни И.Л. Лазарева были отмечены его щедрой помощью многим армянским благотворительным заведениям, монастырям и обществам Астрахани, Нахичевани-на-Дону, Григориополя, Моздока, Кизляра, Тифлиса и других городов. Значительна роль И.Л. Лазарева в создании проекта возрождения армянской государственности под покровительством России, в укреплении дружественных отношений между русским и армянским народами. В 1788 г. за свои заслуги Иван Лазаревич Лазарев императором Священной Римской империи германской нации Иосифом II был возведен в графское достоинство [7].

В 1815 г. на средства семьи Лазаревых в Москве открылся Институт восточных языков, который сыграл положительную роль в дальнейшем укреплении и развитии культурных и литературных связей с Россией. Именно в этот период создаются предпосылки для возрождения армянской литературы [8]. Деятельность семьи Лазаревых, в частности Института восточных языков, имела большое общественное и политическое значение. Именно этим объясняется, с точки зрения А.П. Базилянц, глубокое уважение к нему русской и армянской прогрессивной общественности [9].

Влияние прогрессивной, демократической и революционной идеологии и культуры русского народа благотворно сказалось на развитии других народов России. История Института восточных языков подтверждает это положение. Именно представители передовой русской интеллигенции Москвы, Московского университета в значительной степени способствовали становлению Института восточных языков и укреплению его роли в истории развития культуры и науки армянского народа. Несомненно, этот процесс не был односторонним. Институт восточных языков не только популяризировал среди армян культурные богатства России, но одновременно знакомил русскую общественность с лучшими традициями новой армянской литературы, памятниками культуры, историей народа, с его многовековой национально-освободительной борьбой.

Братья Лазаревы вкладывали много средств и сил в дело упрочения института. Под их просвещенным руководством и заботливым уходом росло и крепло молодое учебное заведение, получившее вскоре наименование Армянского Лазаревского Института восточных языков. Институт пользовался репутацией первоклассного учебного заведения. Труды Лазаревых не пропали даром, и институт становился популярным не только среди армян, но и среди представителей русского общества. Это был один из лучших московских пансионов [10]. Правительство со своей стороны всеми способами поддерживало и поощряло семейное учреждение Лазаревых, не требовавшее к тому же от казны ни копейки на свое содержание. В 1827 г. при активном участии графа М.М. Сперанского и академика Френ гимназия была реорганизована в Армянский Лазаревский институт восточных языков [11].

После завершения Русско-иранской войны (1826–1828 гг.) и присоединения Восточной Армении к России перед правительством стояла острая проблема усиления контроля над событиями, происходящими в Закавказье. Необходимо было обеспечить безопасность южных границ и сформировать продуманную политику в отношении кавказских владений. Кавказ по-прежнему оставался ненадежным и враждебным краем. Как и прежде, с точки зрения власти, лучшими проводниками интересов России на Кавказ были армяне.

Армянский Лазаревский институт восточных языков по сути начинает реализовывать задачи государственного масштаба. Деятельность института подвергалась строжайшему контролю со стороны Министерства духовных дел и народного просвещения. Действительно, солидная репутация учебного заведения быстро росла. «Благоустройство, образцовый внутренний порядок и материальное процветание всех частей заведения являются результатом личной энергии и неослабной заботливости новых попечителей, И. Екимовича и его младшего брата Х. Екимовича, принявшего на себя звание директора Института». Педагоги отмечали особый морально-этический климат учреждения: «Нравственное состояние учащихся доставляет руководителям школы полное утешение» [12]. 14 октября 1837 г. учебное заведение посетил Император Николай, после чего институту были предоставлены права и преимущества правительственных заведений второго разряда [13]. В 1848 г. институт получил государственное финансирование на обучение и содержание 24 воспитанников – уроженцев Кавказа и Закавказья [14].

Итак, для достижения цели «тесного духовного и политического соединения» кавказцев с россиянами институт получает право подготовки лиц для службы внутри страны, на Кавказе, «южного края России, Грузии, непокоренных областей». В институте появляется новая категория учеников – «Кавказские стипендиаты». По ходатайству Верховного Патриарха и Эчмиадзинского Синода при институте учреждается духовное отделение [15]. Затем в институте было открыто *торговое отделение*.

Важными направлениями деятельности Лазаревского института являются полиграфическая деятельность (в 1829 г. была запущена типография), а также библиотека Лазаревского института, в которой было собрано более 40 тысяч книг, в т.ч. в библиотеке специальных (высших) классов, предназначенных для изучения Востока, по упоминаниям А.П. Базиянца, «книги свыше 12 тысяч названий» [16].

С братом Миной и с сыновьями Лазарев профинансировал и организовал строительство в Москве третьей армянской – Вознесенской церкви на Ваганьковском поле, которая стала родовой усыпальницей московской ветви Лазаревых. Им же было проведено благоустройство московской Воздвиженской армянской церкви. Об этом упоминается в «Историческом вестнике за 1883 г.» [17].

В 1829 г. было закончено строительство каменного пятикупольного православного храма, большинство икон которого были подарены ему Лазаревыми. Церковь расписывали крепостные художники Н. М. Казаков, П. В. Лодейщиков и П. И. Лобов. Иконы писал местный художник Колмаков. В 1847 г. крепостной мастеровой Е. Епишкин изготовил и подарил сельчанам куранты (на три года раньше появления курантов в Московском кремле) с боем и указателем чисел месяца и фаз луны. Они были установлены у входа в церковь, эти часы показывали точное время более 100 лет.

Сегодня, когда перед Россией стоят государственные задачи сохранения своей территориальной целостности, политического влияния на Кавказе, национальной безопасности, построения зрелого гражданского общества, модернизации экономики, образования, некоторыми силами навязываются стереотипы национального размежевания. В своем ежегодном послании Федеральному собранию Президент РФ Д. А. Медведев подчеркнул, что «...Северный Кавказ – это регион, в котором исторически проживают люди многих национальностей. И сегодня особенно важна планомерная работа в семье и школе, на местном и региональном уровне по формированию добрых межнациональных отношений и зрелого гражданского общества. Это особенно важно для воспитания подрастающего поколения» [18].

Примечания

1. Исторический обзор Лазаревского института восточных языков. М., 1914. С. 11.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1252. Оп. 1–2. Ед.хр. 4925. Личные материалы Абамелек-Лазаревых и их родственников 1816–1915.
3. Базиянец А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.
4. Вартумян А.А. К вопросу о деятельности рода Лазаревых: генеалогические этюды // Роль Института восточных языков (Лазаревского института) в деле упрочения русско-армянских культурных отношений: Материалы круглого стола, 12 октября 2011 г. Ставрополь, 2011. С. 21.

5. Дмитриев А.А. Пермские землевладельцы Лазаревы и их преемники кн. Абамелек // Исторический вестник. 1883. Т. 52. С. 440–441.
6. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. С. 89.
7. Там же.
8. Вартумян А.А. Указ. соч. С. 23.
9. Исторический обзор Лазаревского института восточных языков.
10. Базиянц А.П. Указ. соч. С. 6.
11. К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков // VI приложение к протоколу VIII заседания Отделения исторических наук и филологии Российской академии наук 29 (16) мая 1918 года. Ереван, [б.г.]. С. 127.
12. См.: Собрание высочайших указов и актов, относящихся Московского Армянского Лазаревского Института Восточных языков, с обзором основания, состава и цели Института. СПб., 1839. С. 206.
13. К вопросу о реорганизации Лазаревского Института Восточных языков // VI приложение к протоколу VIII заседания Отделения Исторических наук и филологии Российской Академии Наук 29 (16) мая 1918 года. С. 127.
14. Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки). М., 1982.
15. Собрание актов, к обозрению истории армянского народа. Ч. 3. М., 1833. С. 93.
16. Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (очерки). С. 36; Ованесов Б.Т. Роль армянского населения Российской империи в развитии Северного Кавказа. Ставрополь, 2008. С. 349.
17. Семидесятипятилетие Лазаревского Института Восточных языков. Исторический очерк и приложения. М., 1891. С. 4.
18. Послание Президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: <http://президент.рф/transcripts/5979> (Дата обращения: 12 ноября 2009).

В.Г. Вартанян

АРХИЕПИСКОП Г. АЙВАЗОВСКИЙ И ОСНОВАНИЕ ХАЛИБОВСКОГО УЧИЛИЩА В ФЕОДОСИИ

Несмотря на сравнительно короткий период своего существования – всего 13 лет – армянское Халибовское училище в Феодосии сыграло важную роль в воспитании и образовании армянского юношества. У истоков его основания стоял один из образованнейших людей того времени – архиепископ Гавриил Айвазовский, старший брат известного мариниста И.К. Айвазовского.

Г. Айвазовский родился в 1812 г. в Феодосии в бедной армянской семье. Был крещён в местной армянской церкви св. Георгия, а первоначальное образование получил в армянской приходской школе и Феодосийском уездном училище. Когда ему исполнилось 13 лет, он был отдан на обучение армяно-католическому аббату Минасу Медици, принадлежавшего к братству мхитаристов и пользовавшемуся среди местного армянского населения большим

авторитетом. Заметив в молодом Гаврииле необыкновенные способности и стремление к знаниям, он отправил юношу в 1826 г. в Венецию. Во время обучения в Академии св. Лазаря Гавриил приобрел обширные знания, т.к. состав преподавателей отличался высокой степенью профессионализма. В 1830 г. Г. Айвазовский был пострижен в монахи и причислен к братству мхитаристов, а в 1834 г. возведен в ранг священника.

Во время обучения особый интерес юноша проявил к богословским наукам и различным языкам, обнаружив при этом блестящие лингвистические способности. Находясь в монастыре, он успел основательно изучить греческий, латинский, еврейский, санскрит, арабский, персидский, турецкий и, естественно, древнеармянский языки. Из современных языков он владел итальянским, французским, немецким и английским языками. Русский он тоже знал довольно хорошо, хотя изъяснялся не вполне свободно, тогда как по-итальянски и по-французски он говорил как итальянец или француз [1].

С 1837 г. он начал свою преподавательскую деятельность в венецианском монастыре мхитаристов, которая продолжалась в течение 12 лет. После этого в 1849 г. он был переведён в Париж, где возглавил армянское училище, основанное на средства, завещанные армянином С. Муратом (т.н. Муратовское училище). Здесь в течение шести лет он отдавал свои силы обучению и воспитанию армянского юношества. Глубокая эрудиция, многочисленные научные труды, знание восточных языков способствовали тому, что он удостоился чести быть избранным в члены Парижской академии, Парижского Азиатского общества и других научных обществ Франции и Италии. В Париже он основал журнал «Le Colombe du Mossis» («Голубь Массиса»), который издавался на французском и армянском языках. Уже после переезда в Россию он продолжал издавать этот журнал на русском, французском и армянских языках под названием «Радуга».

В руководимое им училище он стал принимать не только армян-католиков, но и армян, исповедующих григорианскую веру, что вызвало недовольство руководства. Всё это привело к началу гонений и преследований не только со стороны римской курии, но и мхитаристов. В конечном итоге это вынудило Г. Айвазовского не только оставить Муратовское училище, но и отделиться от общины мхитаристов и подчиниться юрисдикции Эчмиадзинского патриаршего престола и, таким образом, возвратиться в лоно Армянской апостольской церкви.

В 1857 г. Г. Айвазовский обратился с предложением перевести свое учебное заведение из Парижа в Россию, предоставив ему училищу особые права и устройство. Сам он обосновал необходимость открытия подобного училища следующим образом: «Необходимо было, главным образом, на Юге России, и, во вторую очередь, в Турции создать для армянских детей такое национальное училище, в котором ученики находились бы днем и ночью,

получали национальное образование и нравственное воспитание хотя бы в течение шести лет, а по окончании этого училища желающие могли бы продолжить учебу в Лазаревском институте, а также в университетах Парижа, Москвы или Петербурга. Другие же, получив среднее образование, могли бы заниматься полезными для нации делами и в других сферах, то есть быть священниками, рабочими, продавцами, ремесленниками или государственными служащими» [2].

Он заручился поддержкой не только ряда высших духовных лиц, но и бывшего посла в Персии графа Киселева, который, в свою очередь, подкрепил своё ходатайство весомыми политическими аргументами: дети зарубежных армян, обучаясь здесь, «... не забудут, кто их учил, их нелегко будет одурманить клеветой и ложью о России» [3]. Мотивы, которыми руководствовались при открытии армянского училища российские власти, с одной стороны, и сам Г. Айвазовский – с другой, хотя и были различными, все же в главном совпадали. Действительно, политическая ситуация в Европе складывалась так, что после тяжёлого поражения в Крымской войне упавший престиж России необходимо было срочно повышать. «Учреждение в России армянских учебных заведений вызывается не настоятельной потребностью армян, а прямыми интересами собственной нашей политики, и что для выполнения этими учебными заведениями своего специального назначения, устройство их должно быть согласовано, прежде всего, с этим самым назначением, и что потому подчинять их правилам, начертанными для прочих учебных заведений одинакового с ними уровня, существующих в России, значило бы добровольно их обессилить...», – говорилось в одном из правительственных документов [4].

Сам же Г. Айвазовский обещал привлечь в училище детей зарубежных армян, в чём правительство увидело свой прямой интерес: молодые люди из армян с помощью одного образования получают высокое положение в обществе и важные посты в турецкой администрации. На основании этого была и сформулирована главная политическая задача, она заключалась не в том, чтобы заграничных армян переделывать в русских людей, а в том, чтобы армяне эти, оставаясь иностранцами, прямо или косвенно служили интересам России. «Пребывание же их в России в продолжение курсового времени послужит им к уяснению себе истины, что интересы эти тождественны их собственным» [5]. Заинтересованность властей в открытии училища в Феодосии была столь велика, что 11 сентября 1857 г. Г. Айвазовского в Царском селе по этому вопросу лично принял сам император Александр II, а 20 ноября министр внутренних дел С. Ланской устроил в честь архимандрита званый ужин, на который были приглашены двадцать высокопоставленных персон [6].

Выбор Феодосии в качестве места расположения будущего училища представлялся наиболее удачным: это была не только родина Г. Айвазовского, но и удобный пункт сношений с Турцией и Персией, откуда армянские юноши

могли пребывать на учёбу. Более того, по указу императора вновь открывающимся училищем должен был управлять глава епархии, и это позволило Г. Айвазовскому перенести центр Нахичевано-Бессарабской епархии из Кишинёва в Феодосию. Но вопрос об открытии училища сразу же столкнулся с главной проблемой существования всех армянских учебных заведений России: проблемой финансирования. В Крыму было очень мало людей, которые имели возможность и желание платить 250 или 300 руб. в год за обучение своих сыновей. Для строительства здания училища и его предварительной подготовки к работе, несомненно, также требовалась очень крупная сумма денег [7]. В этот самый момент Г. Айвазовский, к тому времени получивший назначение главы Нахичевано-Бессарабской епархии и находившийся в Москве, встретился там с городским головой Нахичевани-на-Дону С. Аладжаловым и рядом влиятельных нахичеванцев. От них он узнал об остром конфликте, который разгорелся из-за церковных денег в Нахичевани-на-Дону между бывшим городским головой Артемием Павловичем Халибовым и группой жителей Нахичевани. Не вдаваясь в подробности сути конфликта, отметим лишь то, что нахичеванцы, противники Халибова, требовали от него не только вернуть деньги, собранные с нахичеванских церквей и оставленных ему на хранение покойным Католикосом Нерсесом и проценты с них, но и средства, затраченные Халибовым на ремонт и благоустройство ряда церквей города, хотя у последнего имелись все квитанции о произведённых расходах. Глава епархии лично прибыл в Нахичевань и детально разобрался в сути претензий. Требования нахичеванцев Г. Айвазовский посчитал несправедливыми, и, пригласив к себе обе враждующие стороны, убедил их уладить дело миром.

Конфликт был настолько острым, что известие о примирении сторон вызвало в адрес Г. Айвазовского ряд поздравительных телеграмм от министра внутренних дел, наместника Новороссии и Бессарабии, а также Эчмиадзинского Синода. Сам А.П. Халибов, удовлетворённый исходом дела, торжественно обещал выделить 50 тыс. руб. на строительство нового здания под открываемое в Феодосии училище, хотя при этом и выставил два условия: чтобы училище было названо его именем и чтобы 20 учеников, обучаемых там бесплатно, назывались «халибовскими стипендиатами». Эти предложения с радостью были приняты. Не останавливаясь на достигнутом, Г. Айвазовский убедил А.А. Халибова взять на себя расходы по строительству типографии при училище, на что тоже было получено согласие. Впоследствии в этой типографии печатались не только журналы и учебники, но и источники по истории Армении [8].

4 июля 1858 г. от министра внутренних дел С. Ланского Г. Айвазовским было получено письмо, в котором сообщалось, что императором дано разрешение на создание училища и утверждён его устав. Училище находилось вне контроля со стороны Министерства народного просвещения, всецело в веде-

нии главы епархии, обучение проводилось на армянском и русском языках, принимались в него юноши как армяно-григорианского, так и католического и протестантского исповеданий. Правом приёма учителей наделялся исключительно руководитель училища, само училище было шестиклассным, а обучающиеся в нём дети проживали на территории училища [9]. Столь широкие права свидетельствовали о важности, которую придавали власти этому учебному заведению, и о том, каким высоким было доверие лично к Г. Айвазовскому.

12 октября 1858 г. в торжественной обстановке Халибовское училище было открыто и приняло 50 своих первых воспитанников. На открытии училища присутствовал сам А. Халибов и другие высокопоставленные лица. С самого начала Г. Айвазовский развернул бурную деятельность. Пока строилось новое здание для училища, на один год был арендован дом, в котором смогли разместиться 50 учеников. Была закуплена мебель, учебники, бумага и другие канцелярские принадлежности. Остро встала проблема учительских кадров, которых не только в Феодосии, но и вообще в Крыму был острый дефицит. На должность инспектора училища был приглашён С.А. Тигранян, имевший 20-летний опыт преподавательской работы в школах Крыма. На учительские должности были приглашены ряд молодых выпускников Лазаревского института, и таким образом проблема учительских кадров была решена.

С самого начала расходы на содержание училища оказались достаточно высоки. В первый год подавляющее число учеников обучалось бесплатно. Но руководитель училища надеялся, что после завершения строительства нового здания дальнейшие расходы по его содержанию А.П. Халибов возьмёт на себя. Кроме того, Г. Айвазовский рассчитывал, что после того как училище начнёт процветать, оно будет давать некоторый доход. Однако, как потом он сам признавал, «... предчувствие его подвело и нехватка средств стала главной проблемой» [9]. Более того, начиная с четвёртого года руководства епархией её глава причитающееся ему жалование в сумме 2500 руб. в год отдавал на содержание училища и типографии. Сам он за свою работу в качестве преподавателя училища не получил ни копейки из причитающегося ему содержания.

С 1865 г., после перехода Г. Айвазовского на новое место службы, дела училища начинают год от года ухудшаться. Это было связано как с оскудением материальных ресурсов, так и сокращением притока учащихся. Сохранившиеся документы позволяют предположить, что власти, возлагавшие на это училище определённые надежды, продумывали меры по его спасению. Но первое предложение на этот счёт поступило от Католикоса всех армян Георга, который предложил учредить здесь высшую духовную семинарию и просил у правительства ссуду на эти цели. Власти поддержали эту идею. В дошедшем до нас официальном документе говорилось, что «... нахождение во главе такого рода учреждения, как Халибовское училище, Католикоса всех Армян ... послужит в глазах армян самым красноречивым опровержением распространяемой

клеветы, что Россия стремится к уничтожению их национальности и к поглощению их церкви своею» [10]. Более того, выдвигались широкие проекты по поддержке и улучшению работы училища. По мнению графа Н.П. Игнатьева, училище не могло достичь поставленных перед ним политических целей, когда общее число учеников в самую лучшую пору составляло 140 чел., а детей из зарубежных армян – из Турции, Молдавии, Валахии и Персии – всего 11 чел.

Меры, которые могли бы гораздо шире привлечь учеников из турецких армян в Халибовское училище, предлагались такие: 1) подготавливать учеников к медицинским специальностям; 2) готовить людей духовного звания; 3) готовить кадры учителей. Согласно с планом преобразования его в гимназию или прогимназию предлагалось учреждение подготовительного класса для русских и заграничных армян, в котором русский язык стал бы одним из главенствующих предметов; учреждение армянского пансиона, воспитанники которого изучали бы Закон Божий греческого исповедания, вместе с тем изучали бы армянские язык, литературу, историю. Общее же образование получали бы со всеми другими учениками гимназии и затем могли бы поступать как на один из медицинских факультетов, так и в богословские заведения. В итоге, по мнению автора подобного проекта, «...многие из этих молодых людей, будучи ознакомлены с нашей историей и литературой, возвращались бы к себе на родину, несколько проникнутые сознательным сочувствием к России...» [11].

Однако по разным причинам планам этим не суждено было сбыться. Кроме того, А.П. Халибов, по-видимому, из-за перевода Г. Айвазовского полностью отказался от финансирования своего же детища. В 1871 г. Халибовское училище было закрыто, а всё его имущество было переправлено в Нахичевань-на-Дону для вновь открывающейся духовной семинарии. Тем не менее за 13 лет своего существования оно оставило глубокий след в просвещении и образовании армянского юношества, а многие его выпускники отличались прочными и надёжными знаниями.

Примечания

1. Караулов Г. Архиепископ Гавриил Айвазовский // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XII. Одесса, 1881. С. 436.
2. Айвазовский Г. История Халибовского училища (1858–1871). Тифлис, 1880. С. 16.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821.Оп. 7. Д. 27. Л. 11 об.
4. Там же. Л. 14.
5. Там же. Л. 15 об.
6. Айвазовский Г. Указ. соч. С. 28.
7. Там же. С. 16–17.
8. Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1896. С. 87.

9. Айвазовский Г. Указ. соч. С. 62.
10. Там же. С. 59–60.
11. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 27. Л. 17.
12. Там же. Л. 30.

Г.Г. Геворкян

ОБРАЗ ИОСИФА АРГУТИНСКОГО В РАБОТЕ ЛЕО

Отношения между Арменией и Россией имеют многовековую историю и берут свое начало с X–XI вв. Еще в период Киевской Руси установились торгово-экономические и культурные связи между двумя народами [1]. Эти отношения могли бы послужить примером братской дружбы между народами. Армения была и вплоть до сегодняшнего дня остается надежным союзником России в Закавказье. Изучая историю возникновения и развития русско-армянских отношений, нельзя не упомянуть имя архиепископа Иосифа Аргутинского, впоследствии Католикоса всех армян. Трудно в истории русско-армянских отношений найти такого человека, который бы столь много сделал для спасения своих единоверцев и соотечественников. Однако уже тогда, во второй половине XVIII в., его деятельность получила неоднозначные оценки современников, в том числе и армян, которые обвиняли его в честолюбии, а то и просто в корыстных намерениях. До сих пор в отечественной историографии не создано ни одного исследования, где бы деятельность Иосифа Аргутинского получила бы объективную оценку.

Одной из первых работ, посвященных непосредственно деятельности Иосифа Аргутинского, является труд армянского историка Лео, изданная на армянском языке в Тифлисе в 1902 г. и являющаяся библиографической редкостью. Лео – один из самых усердных и плодовитых тружеников на поприще армянской культуры. Лео, настоящее имя Аракел Бабахаян, родился в бедной семье 14 апреля 1860 г. в г. Шуши провинции Арцах. В тяжелых материальных условиях окончил Шушинскую городскую школу и в очень юном возрасте вступил в жизнь, чтобы содержать семью. На протяжении с 1895 по 1906 гг. работал в Тифлисе в газете «Мшак» секретарем на постоянной основе. В 1906–1907 гг. преподавал в духовной семинарии Геворгяна в Эчмиадзине, после чего перебрался в Тифлис и занялся научной деятельностью. В 1924 г. его пригласили в Ереван в государственный университет. Вступив на литературное поприще, он избрал своим псевдонимом имя героя знаменитого романа Фридриха Шпильгагена [2].

Все его современники подчеркивали необыкновенную работоспособность, энергичность, стремление к самообразованию, в результате чего Лео

стал видным литературным деятелем, одним из самых заметных лиц в духовной жизни армянского общества на Кавказе. «Лео – чрезвычайно интересный пример человека, который достиг столь многого путем самообразования. Вряд ли можно найти еще кого-нибудь среди нас, кто так неутомимо работал бы над собой. Его успехам, несомненно, благоприятствовал также крепкий, здоровый от природы организм», – писал Аветик Исаакян [3].

Литературная деятельность его отличалась большим многообразием. Как публицист он написал великое множество статей. Известность Лео принесли главным образом исторические труды. Лео много лет подряд занимался поисками новых материалов, работал в архивах, книгохранилищах Тифлиса, Баку, Еревана, Эчмиадзина, Шуши. Он просмотрел бесчисленное множество книжных изданий, журналов, газет. И один за другим стали выходить тома его исторических сочинений, которые хотя не лишены серьезных недостатков, до настоящего времени в своем роде уникальны.

Он писал о жизни Месропа Маштоца, о католикосе Иосифе Аргутинском. Издал два тома о Степаносе Назаряне, три тома – о Григоре Арцруни, два – по истории армянской печати, два тома «Истории Армении» и ряд глав к ней, которые остались неопубликованными. Описал историю Ереванского епархиального училища, выпустил в свет документацию «Армянского вопроса». Напечатал в журналах множество исторических монографий. Подготовил работу о Нерсесе Аштаракеци. Изучал историю курдов, с помощью словаря читал французские книги о курдах, собирался написать «Историю курдов», обогащенную армянскими источниками.

Наибольший интерес в деле изучения истории юга России представляет труд Лео, посвященный архиепископу Иосифу Аргутинскому. Эта работа, сохранившая свою актуальность и по сей день, к сожалению, до сих пор остается непереуведённой на русский язык. Автор указывает, что у него под рукой были все опубликованные источники по теме, но этих источников, по мнению Лео, было слишком мало, чтобы в полном объеме осветить деятельность архиепископа. В качестве главного источника своего труда Лео называет три объемистых тома переписки Аргутинского, которые в рукописном виде он нашёл в личной библиотеке покойного археолога Александра Ерицяна.

Свою работу Лео начинает следующими словами: «Католикос Иосиф Аргутинский – один из выдающихся армянских деятелей XIII в., один из тех людей, число которых, к несчастью, у нас было очень мало» [4]. Свою работу Лео начинает с родословной архиепископа. Он ставит под сомнение связь между родом Аргутинских и царя Арташеса Железного, как было подано российскому двору, так как нет никаких доказательств, подтверждающих данное предположение. Более правдивой, на его взгляд, кажется версия, что предки Аргутинских – это прославленные Захарэ и Иванэ, два брата, сыгравшие большую роль в армяно-грузинской истории. Как свидетельствуют историки

Вардан и Киракос, эти могущественные полководцы имели курдские корни. Следовательно, Аргутинские, если они потомки Захарэ или Иванэ, должны отставить в сторону парфян, Арташеса.

Родовые территории Аргутинских простирались на прославленной земле Санаин, ранее – Гугарские земли (ныне Лори). Там же 23 мая 1743 г. родился Иосиф Аргутинский, хотя есть версия, что он родился в Тифлисе, где его отец Шиош-бек служил при грузинском дворе. Мать же его звали Кетеван. У Иосифа были три брата – Мовсес, Парсадан, Бэжан и одна сестра – Мариам. Данных, касающихся детства и юности Иосифа, практически нет. Известно только, что начальное образование он получил в монастыре Санаина, после был отправлен в Эчмиадзин.

Лео большое значение придает тому, что Аргутинский получил образование и развивался под воздействием католика Семена Ереванского и оказался достойным учеником такого добродушного и энергичного деятеля.

Автор отмечает, что современники, видя этого на редкость продвинутого верующего князя, с уверенностью могли сказать, что тот родился под счастливой звездой [5]. Католикос Симеон назначил Иосифа Аргутинского предводителем армян России в очень важный момент, когда по итогам русско-турецкой войны решался вопрос об освобождении христианского населения Турции.

Необходимо было иметь в России знающего человека. Лучшего выбора Симеон не мог сделать. Архиепископ Иосиф именно тот человек, который нужен был на то время в России. Иосиф не был особо подготовлен к подобной деятельности, он даже не знал ни единого слова по-русски. Но природный ум, способность восполнили все недостатки позволили Иосифу стать одним из известных людей России. По данным Лео, когда Иосиф прибыл в Астрахань, русская епархия сама по себе была очень маленькой, там находилось 561 армянская семья. Кроме городов Кизляр и Моздок, маленькие армянские колонии были в Петербурге и Москве.

Трудно переоценить роль архиепископа Иосифа Аргутинского в переселении армян на Дон. Согласно Лео, «армянский народ, более 400 лет обживавший великолепные местности Крыма, не желал покидать свои обустроенные дома и отправляться на чужие земли. Не согласны были и татары, которые не раз обращались к Шахин-Гирею как от своего имени, так и от имени переселенцев противостоять русским замыслам» [6]. По совету Иосифа Лазарева, архиепископ Иосиф Аргутинский обратился с призывом к крымским армянам покинуть Крым. Переселение, добровольное или не добровольное, началось в июле 1778 г. Эту толпу людей разместили на побережье Дона, и каждый из многочисленных переселенцев представлял собой убожество. Это был народ, оторванный от своей земли и воды, попавший в совершенно новую для себя среду, с другими климатическими и географическими условиями. Разместить такое количество людей, наве-

сти порядок, благоустроить каждого – все эти заботы были возложены на Аргутинского.

Лео указывает на то, что во многом переселенцы получили привилегии от императрицы Екатерины благодаря стараниям Иосифа Аргутинского и Иосифа Лазарева, «два года скитаясь у дверей двора». Аргутинский закончил дела, связанные с переселенцами, и в 1781 г. лично едет проследить за их расселением. Публично он благословляет новый город и дает ему название Нор-Нахичевань, где разместились переселенцы, и во вновь образованных пяти селениях: Чалтырь, Большие Салы, Султан-Салы, Топты и Несветай. На новом месте были основаны церкви. Иосиф устраивал пышные церковные торжества, прикладывал все усилия, чтобы люди обосновались на новом месте. В то же время он открывает Нахичеванский суд, для которого пишет свод законов, состоящий из 126 статей, основанных на духовных книгах и гражданском праве.

После провозглашения независимости Крыма Аргутинский приложил все усилия, чтобы не допустить возвращения армян к своим домам. К примеру, народ очень скучал по монастырю Сурб Хач, и Иосиф закладывает монастырь близ Нахичевани и именует его так же Сурб Хач. Однако Иосиф не был просто подражателем, он был самобытным человеком, со своими независимыми идеями. Сурб Хач Крыма был только местом паломничества, а Сурб Хач Нор-Нахичевани стал местным центром развития. В 1789 г. Аргутинский выкупил типографию и перевез в Нор-Нахичевань, после строительства монастыря Сурб Хач там открылась типография и началась довольно активная типографская деятельность. В том же монастыре открылась школа.

Лео искренне восхищается деятельностью архиепископа Иосифа Аргутинского. Этот человек был почетным гостем князя Потемкина-Таврического и жил в его палатке, для которого Таврический князь ничего не жалел. Аргутинский не упускал малейшей возможности достойным образом представить армянский народ. Иосиф находился в русской армии не только для того, чтобы читать проповеди русским солдатам и помогать армянам. Он был нужен Потемкину, так как прекрасно был осведомлен об обстановке в Турции и мог сослужить государственную службу России. В Турции жило множество армян, для которых большую роль должно было сыграть то обстоятельство, что в русской армии находился армянский архиепископ, имевший благосклонность императрицы.

Аргутинский предстает перед нами в качестве спасителя, покровителя обездоленных армян, пострадавших в ходе русско-турецкой войны. Он на церковные средства покупает хлеб и раздает изголодавшимся людям. Особое значение Лео придает помощи, оказанной Аргутинским армянам, пострадавшим при взятии крепости Измаил. Погибли 23 000 турок, русские потеряли 4000, 6000 раненых. После взятия крепости Суворов позволил своим войскам

грабить крепость в течение трех дней. В этой ужасной резне и грабеже немалые потери имели и армяне. Было убито 60 человек и несколько попали в плен к туркам. Через 12 дней после взятия крепости туда приехал Аргутинский. Его присутствие было крайне необходимо. Лео в данной ситуации называет Аргутинского ангелом-хранителем жалкого народа.

В работе Лео Иосиф Аргутинский предстает перед нами как выдающаяся фигура XVIII столетия. Человек, с мнением которого считались первые лица государства, к которому за советом обращались Суворов, Потемкин, да и сама императрица Екатерина прислушивалась к нему.

Будучи церковнослужителем, он оказался искусным дипломатом, служившим во благо своего народа и делу укрепления дружеских взаимоотношений между двумя народами. Благодаря его стараниям воплотилась в жизнь идея переселения крымских армян в Россию, появились многочисленные армянские поселения на юге страны, были основаны армянские церкви и первая типография на юге России. «Благодаря этой отцовской заботе бедные переселенцы сумели подогреть свое новое гнездо и жить в нем своей работой» [7]. При непосредственном участии Аргутинского обсуждались проекты будущего политического устройства Армении. Во время войн, которые вела Россия на Кавказе, именно он способствовал привлечению армян под русские знамена.

Таким образом, под предводительством Иосифа расширилась армянская епархия России. Астрахань продолжала оставаться главенствующим городом, которому подчинялись Нор-Нахичевань, Крым и Бессарабия. Лео восхищается энергичностью Аргутинского, неутомимостью его духа, ведь он постоянно находился в поездках – в Петербург, Астрахань, в Крым. Несмотря на продолжительные поездки, он умело решал все вопросы, касающиеся своей армянской паствы, утверждал закон и порядок, претворял в жизнь новшества. Это умелый оратор, не единожды Лео приводит примеры, как, слушая его проповеди, люди разных сословий плакали. Удивителен его дар убеждения, словом он мог убедить следовать за собой.

Однако Лео указывает и на честолюбие, властолюбие Аргутинского. Он не понимает, зачем Аргутинскому нужен был чин католикоса, ведь в России было огромное поле работы. Аргутинский был обласкан российским двором, получал именные подарки, был в особой милости у императрицы Екатерины, а после сумел сохранить свой авторитет и при Павле I. Лео выразил уверенность, что «со временем Иосиф Аргутинский, когда издадут всю его документацию, превратится в более значимую фигуру, чем он сейчас кажется, не должна зарости тропа к его могиле, ведь он создал новую страницу истории в нашей жизни» [8]. И всё это служит убедительным доказательством необходимости дальнейшей работы над научной биографией Иосифа Аргутинского.

Примечания

1. Нерсисян М.Г. А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780-х годах. Ереван, 1981. С. 5.
2. Саруханян Н.Б. Своеобразная личность армянской историографии. Ереван, 2010. С. 377.
3. Аветик Иаакян. Мемуары. Т. 4. Ереван, 1959. С. 107.
4. Лео. Иосиф Аргутинский. Тифлис, 1902. С. 3.
5. Там же. С. 19.
6. Там же. С. 50.
7. Там же. С. 95.
8. Там же. С. 228.

Ю.Н. Герасимова

«УПРАВЛЯТЬ НАРОДОМ И ИЗ ОПАСЕНИЯ ЗАИСКИВАТЬ У НЕГО НЕВОЗМОЖНО»: О РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Восстановление места и роли России в новом мировом порядке является безотлагательной задачей, стоящей перед Отечеством. И потому, чтобы разрешить ее, ответить на вызов настоящего, нам необходимо обратиться к прошлому, осмыслив исторический опыт дооктябрьского периода истории нашей страны. В качестве положительного примера прогрессивности российской государственности может быть названа национальная политика. В частности, Российская империя не являлась колониальной страной в классической трактовке этого понятия. Многие народы были освобождены Россией, другие добровольно вошли в ее состав и достигли высокого уровня развития, сохранив все разнообразие национальных традиций. Со своей стороны, нерусские подданные Российской империи отличались преданностью российской короне.

Блестящим примером вклада нерусских народов в развитие российской государственности является деятельность армян. Кульминацией же устойчивой традиции служения представителей армянского народа русскому царю стали деяния и труды Михаила Тариеловича Лорис-Меликова (1824–1888). Феномен М.Т. Лорис-Меликова как героя отечественной истории XIX в. справедливо связывается с его участием в осуществлении великих реформ царствования Александра II на завершающем его этапе. Но мы не сможем оценить этот период «диктатуры сердца», если не попытаемся осветить некоторые моменты его служения России на посту начальника Терской области (1863–1875), когда он проявил себя как выдающийся преобразователь.

В отечественной историографии, посвященной проблемам реформаторства 50–70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе, безусловно, рассматривались

труды М.Т. Лорис-Меликова как главного организатора и технолога преобразований в Терской области. Одни исследователи (В.З. Акопян, Г.Г. Даниелян, П.А. Кузьминов, С.В. Пахомов) положительно отзываются о роли начальника области в этом аспекте. Другие же (Г.А. Кокиев, З.Х. Ибрагимова), наоборот, оценивают его реформы как неудачные, акцентируя внимание на «ошибках» и «упущенных возможностях». Однако введение в оборот источников, в которых раскрывается управленческая практика начальника области, его повседневный труд реформатора, освободившего «зависимые сословия от крепостного состояния», позволило с большей подробностью осветить его деятельность в этот период.

Начало пребывания Лорис-Меликова на посту начальника Терской области совпало по времени с окончанием Кавказской войны – в 60-е гг. XIX в. начинается мирный этап освоения Кавказа. «Предстояла, – полагал Лорис-Меликов, – трудная и сложная задача введения в полудиком населении начал гражданственности, установления правильных отношений этого населения к правительству и переработка особенностей быта подвластного населения, не совместных как с общим государственным строем, так и с условиями правильного экономического развития» [1]. И потому одним из конкретных шагов начальника Терской области по осуществлению этой задачи стала разработка «начал и способов» освобождения «зависимых сословий от крепостного состояния». Обнаруженные нами документы свидетельствуют, что уничтожение зависимости должно было состояться на основе выработанных в соответствии с местной спецификой «иных» начал. Главным аргументом в их пользу, как следует из рапорта Лорис-Меликова от 8 сентября 1866 г., стала неравномерность распределения зависимых сословий в Терской области (отметим, что наибольшее число «холопей» находилось в Кабарде – 16 097 чел.). Этот факт глава области связывал с особенностями быта кабардинцев, которые считали приобретение холопа единственным средством для обеспечения своего существования: в результате «... люди низших классов общества и бывшие холопы, выкупившиеся на волю, сделались едва ли не самыми значительными рабовладельцами», – констатировал генерал. Крайне своеобразные виды зависимости, очень высокая продажная цена холопов значительно осложняли процесс освобождения.

Однако, отдавая должное своеобразию условий и менталитета кабардинцев, Лорис-Меликов никогда не рассматривал все это как причину для отказа от преобразований и возврата к *“развитию”* по особому пути. Так, читая докладную записку о князе Алексее Мисистове, который, не имея ни одного холопа, «ночью, украдкой от соседей ходил ... за дровами и водою, а целые дни просиживал, ничего не делая», начальник области пришел к выводу, что этот случай доказывает только малодушие господина Мисистова и «воплощенную его леность», а отнюдь не особенности национального характера, несовместимые с предстоящими преобразованиями в Кабарде. Тезисы о невозмож-

ности и несправедливости предстоящей реформы – «что кажется полезно и применимо к одному или даже нескольким народностям, **вредно** (курсив наш. – Г.Ю.) и неприменимо к нашему туземцу» и что «никакое вознаграждение не может быть равносильно такой потере» – он считал необоснованными. «Непонятно, – недоумевал Лорис-Меликов, – почему может быть вреден вывод народа из мертвенного застоя?» [2]

В ходе освобождения зависимых сословий администратор отводил много места подготовительной работе. Это и освобождение зависимых крестьян «азиатского происхождения» (1864 г.), и запрет продавать холопов в другие области (1865 г.), и поощрение освобождения холопов без выкупа, и сбор и тщательное изучение сведений о численности холопов, их имуществе, видах и размерах повинностей, наконец, учреждение в 1866 г. Комитета для обсуждения «способа» освобождения зависимых сословий горских народов Кавказа. Все это, по его мнению, с одной стороны, окончательно **убедило** кабардинцев в неизбежности освобождения холопов, а с другой – внушило им надежду на «удовлетворительное разрешение» вопросов.

Учет «заявлений» всех заинтересованных делом освобождения зависимых сословий Лорис-Меликов считал важным условием успешного проведения реформы и последовательно отстаивал его как при выработке правил для освобождения, так и при разрешении конфликтов. При этом в своих заключениях на соответствующие проекты он постоянно подчеркивал роль и значение местной администрации как гаранта соблюдения интересов **всего** населения. И конкретной формой реализации этого подхода стали переговоры начальника Терской области с выборными от владельцев Большой и Малой Кабарды. Депутаты изложили «начала» освобождения – «объявление личной свободы, срочное переходное состояние для выкупа обязательным трудом или взносом денег». «Основания» эти получили свое развитие в рапорте М.Т. Лорис-Меликова от 8 сентября 1866 г. и др., согласно которым размер выкупа обрядным крестьянам определялся адатом или добровольным соглашением. Однако все добровольные сделки, подчеркивал Лорис-Меликов, должны были совершаться при посредстве местной администрации, на обязанность которой возлагалось свидетельствовать только те, которые составлены на основании «обоюдных выгод владельцев и холопей». В том случае, если соглашение между «холопьями и владельцами» не достигалось, определение нормы обязательной выкупной платы «со значительным уменьшением сравнительно с той, которая полагается по обычаю» и срок для взноса платы возлагались на местный комитет. Депутатам от горских сословий при участии представителей власти вменялось в обязанность разработать также иные детали освобождения, которые не получили отражения в записке кабардинцев и в представлении начальника области. Были также определены правила освобождения безобрядных (безадатных) крестьян, т.е. крестьян, для которых адат

(обычай) не устанавливал никаких определенных, ограждающих их личность отношений. Условия освобождения унаутов, указанные в докладной записке, Лорис-Меликов считал умеренными и исполнимыми. Срок обязательных отношений унаутов к своим владельцам он назначал от 5 до 6 лет (в Записке от 6 до 8 лет. – Г.Ю.). Размер же выкупной суммы взамен «обязательной службы» должен был установить комитет.

Следующим шагом в процессе взаимодействия всех сторон при выработке правил освобождения холопов стал общий сбор «рабовладельцев и холопей» в Нальчике. Его участники избрали 25 депутатов: они вместе с членами Окружного суда вошли в состав местного комитета, составившего правила для совершения выкупных сделок. Действительно, в письме от 24 сентября к А.П. Карцову Лорис-Меликов осведомил его о создании комитета, снова отмечая при этом, что утверждению правил «неминуемо» должна предшествовать разработка всех вопросов освобождения зависимых сословий в комитете, «составленном из лиц местной администрации и выборных от обеих заинтересованных сторон». По его мнению, одно лишь заявление кабардинских феодалов не могло служить таким основанием, ибо не затрагивало многих сторон вопроса [3].

С одной стороны, как видно, «заявления» депутатов начальник области находил «вполне удобоисполнимыми» – они не противоречили «главным положениям» крестьянской реформы в России и не разрушали главных основ кабардинского быта. С другой стороны, всегда неизменным в общении с владельцами оставалось требование – «знать заявления обеих заинтересованных этим делом сторон»: он настаивал на рассмотрении «всех подробностей» освобождения в комитете, при обязательном участии администрации.

Неотъемлемой составляющей прекращения крестьянской зависимости стало для Лорис-Меликова решение вопроса о наименьшем «обременении государственной казны» при проведении реформы. На участие средств правительства могли рассчитывать только бесправные холопы. Предметом заботы Лорис-Меликова стало «обставить» выкуп в таком виде, чтобы холоп «отходил» от своего не менее бедного владельца с парой быков и коровою. Обычай выйдет новый, но весьма человечный, – рассуждал начальник области и требовал обеспечить контроль за выполнением этого условия. Кроме того, правительство брало на себя расходы по выкупу сирот, стариков и бездомных.

В качестве мер, которые, по убеждению М.Т. Лорис-Меликова, «значительно облегчат задачу предстоящего преобразования в крае», он называл право наложения штрафов на аульные общества и применение административной ссылки. Но удаление из общества – крайняя мера, к которой можно прибегнуть только после определения местным комитетом сумм и порядка обязательного выкупа но отнюдь не с целью насильственного «понуждения холопей к добровольным с владельцами соглашениями» [4]. Отметим, что

принятый в Кабарде порядок освобождения различных категорий зависимых получил распространение и в других округах. Часть проекта кабардинцев, выработанного для освобождения унаутов, была использована «в деле прекращения сословной зависимости» в Кумыкском округе. В Осетии унауты и их дети смогли получить свободу на тех же основаниях, что и в Кабарде. Реформа осуществлялась поэтапно, размер выкупных платежей рассчитывался для каждого округа с учетом местных условий. Например, ввиду бедственного положения холопов-горцев в Осетинском округе, особенно живущих в горах, были установлены необременительные нормы выкупа. Отметим, что владельцы холопов в Кумыкском округе приступили к обсуждению местных условий «освобождения из рабства» без ущерба для интересов обеих сторон, как и советовал Лорис-Меликов. Дигорские феодалы Осетии представили администрации свой проект освобождения, который стал основой для переговоров и затем «приступлено было к освобождению рабов в Осетинском округе путем добровольных соглашений между владельцами и холопами» [5].

Вся реформа совершилась из «местных денежных источников». Часть податных сборов населения была ассигнована для пособия беднейшим владельцам и вознаграждения за бесплатное освобождение малолетних (55 тыс. руб. для Кабардинского и по 12 тыс. руб. для Осетинского и Кумыкского округов). Для пособия беднейшим из освобождаемых в двух последних округах было выделено по 8 тыс. руб. на округ [6].

Для успешного проведения реформы, а также с целью гарантии интересов обеих договаривающихся сторон были учреждены посреднические мировые суды. А посредникам вменялось в обязанность при заключении соглашений принять за норму выкупа освобождаемых выработанные администрацией правила и «даже стараться склонять владельцев к возможно большим уступкам в пользу холопей» [7]. Общим результатом деятельности посреднических судов стало освобождение 23 976 чел. [8]. 829 владельцев безвозмездно освободили 1679 чел. [9]. Быстро и успешно совершилось также освобождение холопов в Чеченском и Ингушском округах.

Деятельность М.Т. Лорис-Меликова «в наименее сложной и крайне удобной развязке холопского дела» дает основание для пересмотра сложившейся в отечественной историографии оценки его деятельности. Утверждение, что начальник Терской области «защищал интересы самых ярых крепостников и занимал наиболее консервативную позицию в отношении крестьянской реформы», теперь представляется по меньшей мере спорным.

Лорис-Меликов хорошо знал обычаи «туземцев», владел их языками, свои отношения с народами он выстраивал с учетом их традиций. Вместе с тем он выступал за «твердое правление» с элементами принуждения непокорных, не раз напоминая им «о силе русского оружия». Надежным ручательством успеха преобразований Лорис-Меликов считал военное присутствие на тер-

ритории области, неоднородной по своему национальному и классовому составу. Присутствие армии диктовалось также и тем, что Персия, Османская Порта, Англия стремились к доминированию в регионе [10].

Отношение Лорис-Меликова к реформе наиболее полно выражено в его выступлении на Народном собрании в Кабарде (январь 1867 г.). Он сказал тогда, что правительство, освободив миллионы крестьян в империи, не может сделать для них (горских феодалов. – Г.Ю.) исключения: «Как Баксан не может обратиться в своем течении назад, в те горы, откуда стремился, так и дело освобождения крестьян, направленное властным словом русского царя, не может быть остановлено. Ваша религия, ваш семейный очаг – вот ваша святая, неприкосновенная собственность, до которой никто никогда не коснется. Но сами вы, ваши земли – все принадлежит русскому Государю...» [11]. Это высказывание – политическое кредо Лорис-Меликова: да, реформы неизбежны, но их цель не в порабощении горских народов и не в заискивании перед ними, а в демонстрации возможностей и выгод мирной жизни под властью России, в превращении горцев в настоящих подданных государя-преобразователя.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 866. Оп. 1. Д. 40. Л. 2.
2. Крестьянская реформа в Кабарде. Нальчик, 1947. С. 241.
3. Там же. С. 115–117.
4. РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 39. Л. 7 об.–8.
5. Там же. Л. 14.
6. Сборник РИО. М., 2000. № 2 (150). С. 204.
7. Крестьянская реформа в Кабарде. С. 155.
8. Кузьминов П.А. Проблемы социального взаимодействия российского и северокавказского социумов в контексте реформ 60-х годов XIX века. URL: http://www.pgту.ru/journal/7_2008.pdf (дата обращения: 20.03.2012).
9. Крестьянская реформа в Кабарде. С. 207–208.
11. РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 40. Л. 3 об. – 5, 6.
12. Цит. по: Ибрагимов З.Х. Чеченская история: Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. М., 2002. С. 138.

В.В. Гришин

АРМЯНЕ-ЛЕТЧИКИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945 гг.)

Главный творец Победы в Великой Отечественной войне – народ, а главным героем войны стал советский солдат. В Москве, у Кремлевской стены, пылает Вечный огонь памяти народной на могиле тех, кто в дни тяжелых испыта-

ний в борьбе со смертельным врагом отдал самое дорогое – жизнь – за самое священное – Родину. Советские воины различных национальностей до конца выполнили свой патриотический долг, проявив на фронтах массовый героизм, мужество и отвагу. В настоящей работе рассматриваются судьбы армян-летчиков, связанных с Югом России и удостоенных звания Героя Советского Союза и других высоких государственных наград [1].

Первым следует назвать Лазаря Сергеевича Чапчахова. Он родился 6 марта 1911 г. в селе Большие Салы Области войска Донского (ныне – Мясниковского района Ростовской области) в семье крестьянина. Позже жил и учился в Ростове. По окончании 9 классов работал на заводе «Ростсельмаш». В рядах РККА с 1933 г., окончил Ворошиловградскую военную школу пилотов и курсы комиссаров при Харьковской военной школе пилотов. Участвовал в советско-финской войне (1939–1940), был награжден орденом Красной Звезды. В Великой Отечественной войне участвовал с июня 1941 г., воевал на Северо-Западном фронте, под Ленинградом. До середины сентября 1941 г. летал на самолете И-153 («Чайка»). Совершил 139 боевых вылетов, участвовал в 20 воздушных боях, лично сбил пять самолетов противника и три – в составе группы. За образцовое выполнение боевых заданий командования был награжден орденом Ленина. Как опытный летчик водил группы на боевые задания и добивался успехов, несмотря на численное превосходство противника. 5 апреля 1942 г. Чапчахов возглавил 416-й истребительный авиационный полк, а через неделю, 13 апреля, погиб на аэродроме Крестцы, при попытке предотвратить аварию самолета неудачно севшего молодого летчика. К тому времени он совершил 268 боевых вылетов, провел 59 воздушных боев, сбил лично 8 самолетов и 19 – в групповых боях. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 г. батальонному комиссару Л.С. Чапчахову посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Это был первый армянин, удостоенный этого высокого звания в годы Великой Отечественной войны. Он был также награжден орденами Ленина (дважды), Красной Звезды, медалями. Имя Чапчахова носят улицы в поселке Крестцы и в селе Большие Салы, ему посвящены мемориальные доски в Ростове-на-Дону и в Больших Салах, барельеф на памятнике в честь работников завода «Ростсельмаш», удостоенных в годы войны звания Героя Советского Союза.

Сурен Амбарцумович Тащиян родился 22 марта 1919 г. в селе Чалтырь, где окончил начальную школу. Продолжил учебу в армянской средней школе им. С. Шаумяна в Нахичевани-на-Дону. С 1938 по 1939 гг. проходил обучение в ремесленно-заводском училище и одновременно в аэроклубе в Ростове-на-Дону. 18 октября 1939 г. Тащиян осуществил свою давнюю мечту и поступил в Военно-морское авиационное училище в Ейске. С первых дней Великой Отечественной войны защищал небо Родины. Летчик-истребитель Тащиян провел более 400 вылетов, участвовал в 187 воздушных боях, лично сбил 11

вражеских самолетов (7 бомбардировщиков и 4 истребителя). Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Самой крупной «добычей» Сурена стал самолет фашистского генерала фон Руппе, руководившего немецкой авиацией в Крыму. Погиб в воздушном бою 25 сентября 1943 г. в небе над Керченским проливом на двадцать пятом году жизни. За доблесть и героизм, проявленные в боях с захватчиками, командование представило Сурена Тацияна к званию Героя Советского Союза. Однако после его гибели представление не получило дальнейшего хода, и боевая слава героя незаслуженно померкла. Полвека потребовалось, чтобы восстановить справедливость. Указом Президента России от 16 февраля 1995 г. за мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны С.А. Тацияну было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Сергей Авдеевич Бурназян родился 28 мая 1918 г. в станице Великокняжеской (ныне – город Пролетарск Ростовской области). По окончании 9 классов стал рабочим Херсонского металлообрабатывающего завода. В РККА – с 1938 г. В 1940 г. окончил Херсонскую авиационную школу ОСОАВИАХИМа, служил в ней летчиком-инструктором. С января 1942 г. в действующей армии, командовал эскадрильей 866-го истребительного авиационного полка 288-й истребительной авиационной дивизии 16-й воздушной армии Юго-Западного фронта. Старший лейтенант Бурназян совершил 224 боевых вылета, сбил лично 22 и в составе группы – 2 самолета противника. Погиб 15 мая 1943 г. в воздушном бою у г. Борисоглебска Воронежской области. Звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно 2 августа 1944 г. Он также был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени. Имя Бурназяна было присвоено пионерской дружине школы в Мясниковском районе Еревана и школе в селе Спандарян Арктического района Армянской ССР.

Летчиками-истребителями стали трое сыновей известного советского государственного и партийного руководителя Анастаса Ивановича Микояна. Старший, Степан Микоян, родился 12 июня 1922 г. После окончания 10 классов поступил в Качинскую военную авиационную школу пилотов. На фронте – с декабря 1941 г., воевал в составе 11-го истребительного авиационного полка, оборонявшего Москву. Но на своем тринадцатом боевом вылете был по ошибке сбит другим советским истребителем. По возвращении из госпиталя воевал в составе 32-го гвардейского истребительного авиационного полка под Сталинградом, на Северо-Западном фронте, 12-го гвардейского истребительного авиационного полка ПВО Москвы.

После войны С.А. Микоян окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н.Е. Жуковского и перешел на летно-испытательную работу. С 1959 г. возглавлял испытательное управление НИИ ВВС, с 1965 г.

являлся первым заместителем начальника НИИ ВВС им. Чкалова. В течение 23 лет испытывал боевые самолеты конструкторских бюро Микояна, Сухого и Яковлева, получил звание заслуженного летчика-испытателя СССР, а в 1975 г. – Героя Советского Союза. Летал вплоть до 1978 г. – в общей сложности на 102 типах и модификациях летательных аппаратов. С 1978 г. генерал авиации С.А. Микоян стал заместителем Генерального директора по летным испытаниям НПО «Молния», принимал участие в создании и испытании космического корабля «Буран», орбитальной летающей модели «Бор-4».

Владимир Микоян родился 26 января 1924 г. в Ростове-на-Дону. В 1925 г. с семьей переехал в Москву, учился в средней школе № 32 им. Лепешинского Ленинского района столицы. С начала Великой Отечественной войны добился досрочного зачисления, после 9-го класса, в Качинскую военную авиационную школу пилотов. В феврале 1942 г. прошел ускоренный курс обучения, первоначально служил под Москвой, где освоил Як-1 и «Харрикейн». В сентябре 1942 г. в составе 434-го авиаполка воевал на Донском фронте. Совершил несколько боевых вылетов и погиб в воздушном бою 18 сентября 1942 г. в ходе Сталинградской битвы на 19-м году жизни. Награжден орденом Красного Знамени. Его имя носила пионерская дружина школы № 32 Москвы.

Алексей Микоян родился 20 декабря 1925 г. в Ростове-на-Дону. Окончил летную школу, Военно-воздушную академию имени Жуковского, Академию Генерального штаба. Участвовал в Великой Отечественной войне с сентября 1943 г. Воевал в составе 12-го гвардейского истребительного авиационного полка ПВО. После войны одним из первых освоил реактивные самолеты и первым из советских летчиков сбил ракету класса «земля – воздух». Командовал дивизией, корпусом, авиацией Туркестанского военного округа. В 1978–1986 гг. являлся заместителем начальника Главного центра Управления воздушным движением ВВС. Заслуженный военный летчик СССР, генерал-лейтенант авиации А.А. Микоян умер 19 декабря 1986 г.

Следует остановиться и на судьбах еще трех летчиков Великой Отечественной войны – уроженцев Юга России. Манук Алексанович Байбичян родился в с. Чалтырь в 1914 г. Учился в Новочеркасском технологическом техникуме. После призыва в РККА оказался в школе авиамехаников, затем в Ленинградском военно-воздушном училище. В декабре 1941 г. его экипаж повторил подвиг Н. Гастелло, направив свой горевший самолет на скопление фашистской техники.

Татеос Хачикович Нор-Аревян родился в Больших Салах в 1913 г. Закончил Батайское училище летчиков. С начала войны командовал звеном, эскадрильей пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Участвовал в освобождении Северного Кавказа, Ростова, Киева, Вены, Будапешта. В 1944 г. был направлен в Читу для выполнения особого задания – переброски оборудования и

техники для золотых приисков, снабжения таежных поселений продовольствием и вывоза золота. Был награжден двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, Трудового Красного Знамени. Почетный гражданин г. Чита Т.Х. Нор-Аревян умер в 1984 г.

Аматуни Петроний Гай родился 12 июля 1916 г. в станице Великокняжеской Области войска Донского. Детство провел в Армении, юность – в Москве, зрелые годы, вплоть до самой кончины, – в Ростове-на-Дону. Работал с 16 лет инструктором по авиамоделизму, инструктором планерного спорта. Войну начал в кавалерийских войсках, но после госпиталя был направлен в училище летчиков-истребителей ВВС. По окончании, с 1944 г., служил летчиком-инструктором. После демобилизации служил летчиком-инструктором ДОСААФ, а с начала 1950-х гг. перешел в гражданскую авиацию. В должности командира корабля Ростовского авиаотряда Аэрофлота налетал за 15 лет 11000 часов на самолетах различных типов. Еще в 1944 г. стал печататься, написал более двух десятков книг. Умер 29 апреля 1982 г.

Воздушный ас Нельсон Георгиевич Степанян родился 28 марта 1913 г. в далекой высокогорной Шуше, но и его судьба оказалась связана с Югом России. В 1935 г. он успешно окончил школу Гражданского флота в Батайске, стал летчиком-инструктором. В преддверии войны Степаняна отправили на курсы высшей летной подготовки Гражданского воздушного флота. Но закончить их ему не удалось, на второй день войны он был призван из запаса и направлен в авиацию Черноморского флота. Буквально в течение нескольких суток освоил штурмовик Ил-2 и включился в боевую работу, нанося удары по врагу в составе 46-го штурмового авиационного полка в районе Николаева и Одессы. На двадцатом вылете во время очередной штурмовки Нельсон был ранен осколком зенитного снаряда, но сумел дотянуть свою поврежденную машину до аэродрома.

В августе 1941 г., не долечившись, уже в составе 57-го штурмового авиаполка Балтийского флота сражался на подступах к Ленинграду. Большой опыт бывшего гражданского летчика, безупречная техника пилотирования и личная отвага способствовали тому, что уже месяц спустя его назначили командиром звена. 23 октября 1942 г. капитану Степаняну было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В ноябре 1942 года он стал командиром эскадрильи того же 57-го штурмового авиаполка, который в марте следующего года, одним из первых на флоте, был переименован в 7-й гвардейский авиаполк. Вскоре Степаняна отозвали с фронта и назначили готовить летные кадры на курсы командиров звеньев ВВС Балтийского флота, а затем и на Высшие офицерские курсы ВВС ВМФ. Но Степанян непрерывно «бомбардировал» начальство рапортами с просьбой отправить его на фронт. Настойчивость воздушного аса возымела действие, и в апреле 1944 г. Н. Степанян назначили командиром 47-го штурмового авиаполка Черноморского флота, который от-

чаянно сражался с врагом в небе Крыма и Кубани. За время Крымской операции полк Степаняна уничтожил 8 транспортов, 12 быстроходных десантных барж, 9 сторожевых катеров, свыше 3 тысяч солдат и офицеров противника. За успешные действия при освобождении Феодосии 47-й штурмовой авиаполк был удостоен почетного звания «Феодосийский».

После освобождения Крыма полк Степаняна был переведен на Балтику. Если борьба за Черное море подходила к победному концу, то здесь она была в самом разгаре. Едва перелетев, штурмовики Степаняна сразу же вступили в бой. Они непрерывно наносили сокрушительные удары по плавсредствам противника в Наварском, Выборгском и Финских заливах, совершали налеты на его базы. За короткое время 47-й штурмовой авиаполк уничтожил три десятка фашистских кораблей и судов. 22 июля 1944 г. командующий флотом адмирал Трибуц торжественно прикрепил к боевому знамени полка орден Красного Знамени. Еще месяц спустя командир полка был представлен к награждению второй медалью «Золотая Звезда». К этому времени на личном счету Н. Степаняна было уже 239 боевых вылетов. Он лично потопил целую эскадру: миноносец, 2 сторожевых корабля, тральщик, 2 торпедных катера и 5 транспортов общим водоизмещением более 80000 т, сбил 2 фашистских бомбардировщика Ю-88, расстрелял и разбомбил на аэродромах еще 25 самолетов разных типов. 14 декабря 1944 г. он повел группу «илов» для нанесения бомбоштурмового удара по Либавскому (Лиепайскому) порту. Уже на самом подходе к целям самолеты Степаняна были внезапно атакованы сразу 30 вражескими «мессершмитами». Завязался ожесточенный и скоротечный воздушный бой. Спустя несколько минут самолет ведущего, который первым храбро бросился в контратаку, прикрывая остальных, был подожжен и упал в море. Так погибли Н.Г. Степанян и штурман 2-й эскадрильи 47-го авиаполка капитан А.Г. Румянцев. 243-й боевой вылет оказался для Н. Степаняна последним. 6 марта 1945 г. был подписан указ о присвоении ему звания дважды Героя Советского Союза (посмертно). В честь Степаняна были воздвигнуты памятники на его родине – в Шуше – и на месте его последнего подвига – в Лиенае, а также бронзовый бюст в Ереване. Имя славного сына армянского народа носил и большой морозильный траулер Рижского тралового флота. Но с уходом российского флота из Латвии местные власти потребовали забрать с собой памятник прославленного летчика, грозя в противном случае его разрушением. В трюме большого десантного корабля памятник Нельсону Степаняну был перевезен на землю Калининграда.

Победа в Великой Отечественной войне была одержана усилиями миллионов советских солдат. Сотни тысяч советских солдат, прошедших по трудным дорогам войны, могут считаться героями, даже если и не были отмечены высокими государственными наградами. Свой вклад в дело Победы внесли и армяне юга России.

Примечания

1. Аббасов М.Г. Герой Советского Союза Н. Степанян. Баку, 1975; Казарьян А.В. Война, люди, судьбы. Ереван, 1977; Петросянц Х.С. Крылатое племя. Ереван, 1980; Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. М., 1988; Амирханян М.Д. Армяне – Герои Советского Союза. Ереван, 2005; Донская Армения. Вып. 1. Ростов н/Д, 2007; Армянская энциклопедия фонда «Хайазг». URL: <http://ru.hayazg.info> (дата обращения: 12.03.2012).

С.С. Мирзоян

О ДВОРЯНСКОМ РОДЕ ЛОМИЗЕ

Среди сведений о прославленных офицерах, ставших на защиту Первой республики Армении и в течение последующих двух с половиной лет служивших Отечеству, в документах Национального архива Армении хранятся сведения о Михаиле Христофоровиче (Хачатуровиче) Ломизе. В июне 1920 г. приказом правительства Республики Армения за особо выдающуюся и полезную службу Родине и.д. главного интендента Михаил Ломизе был переведен из полковников в генерал-майоры [1]. Кто же он, армянский генерал с фамилией, звучащей на грузинский лад?

Впервые фамилия Ломизев в литературе и источниках упоминается в 1756 г. в списке офицеров армяно-грузинского эскадрона, расквартированного в Кизляре [2]. Это – воинское соединение было сформировано в первой четверти XVIII в. и, как показывают документы, по инициативе активных участников армянского национально-освободительного движения Парсаданбека и его сыновей Рафаила и Тага Кузановых. В первые годы своего существования эскадроны содержались в основном на средства армян и состояли в основном из армян и грузин. Петр Первый и его преемники проявляли большой интерес к этим соединениям, входящим в состав регулярных войск вооруженных сил России. Поступающие на службу в подразделения, состоящие из армян, по установленному порядку принимали присягу, введенную в русской армии. Одинаков был порядок назначения и продвижение по службе офицерского состава, присвоения чинов.

27 ноября 1760 г. по представлению Военной коллегии Российской империи среди других офицеров, получивших воинские чины в 1756 г., упоминается Еремей Ломизев, произведенный из поручиков в капитаны.

В марте 1761 г. в «Экстракте» об армянском эскадроне Еремий Ломизев утверждается в звании капитана [3].

В списке дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. включена и семья Ломизевых – Мелкон Зурабович, Артемий, Семен,

Макарий, Давид и их потомки [4]. Как местожителство дворян Ломизевых указан Кизляр.

Однако поиски документов в Национальном архиве Армении привели к интересному заключению. В документах Астраханского армянского суда имеется несколько дел о судебных тяжбах Семена Зурабовича Ломизе за 1799–1814 гг., выступающего истцом и просителем. Во всех документах Семен Зурабович фигурирует как армянин, грузинский дворянин, а также кизлярский купец 1-й гильдии, записавшийся в здешнее (астраханское) купечество [5]. Причем являясь купцом 1-й гильдии в Кизляре, в Астрахани он купец 2-й гильдии.

Надо полагать, что Еремий и Зураб были дворянами из Грузии – один из них значится в эскадроне, каким образом в Кизляре оказался и Зураб, нетрудно предположить. В каких родственных отношениях они находились, неизвестно, но что они не были просто однофамильцами – безусловно.

Братья Ломизе, как видно из документов архива, были достаточно состоятельными, и их деятельность не могла ограничиться Кизляром. Во 2-й половине XVIII и начале XIX вв. Астрахань славилась развитой торговлей, в ней важную роль играли армянские купцы, и Астраханская армянская колония в XVIII в., где сосредоточилось богатое купечество, обладала высоким экономическим потенциалом [6]. Именно в Астрахани была сосредоточена основная торговая деятельность Семена Ломизе.

В 1800 г. Семен Ломизев, имея шхоут (судно), сдавал ее в аренду купцам Астрахани, одновременно вел торговлю сам или через своих доверительных лиц с Персией через Занзели – Баку – Дербент [7]. В другом документе указывается, что он, ссылаясь на занятость и необходимость разъезжать по разным городам Российской империи, не успел заплатить долг тифлисскому жителю Осипу Кетхудову [8]. Как видно, семья Ломизе занималась торговлей как внутри России, так и вне ее пределов. Дворянин Макар Ломизев, живя в Кизляре, значится среди торгующих за границу армян [9]. Он же вместе с братьями занимается производством водки, спирта и имеет право производить закупки за границей шелка и марены и «продавать оные внутри Государства» [10]. В списке кизлярских капиталистов и армян, имеющих капитал, в оборотах от 200 и до 800 тыс. руб. вторым после братьев Калустовых значится Макар Ломизев с братьями [11].

Из вышеописанного видно, что братья Ломизе, являясь купцами, жили и торговали как в Кизляре, так и в Астрахани. Один из братьев, Семен, принимал деятельное участие не только в экономической жизни колонии, но и в общественной. Так, во время Отечественной войны 1812 г., когда армянская колония Астрахани приняла деятельное участие в сборе денежных средств, продуктов и оружия в фонд помощи государству, Семен Ломизе внес 150 рублей в мае и 300 рублей в июне 1812 г. [12]. Братя Макар,

Мелкон, Артемий и Давид жили в Кизляре [13]. Вероятно, торговую деятельность своих родителей продолжали не все наследники братьев. Многие из них выбрали военное дело. В архиве сохранились документы о дальнейшей судьбе наследников. Сын Семена Ломизе в январе 1836 г. обращается в Астраханскую армянскую консисторию с просьбой выдать ему метрическое свидетельство о рождении для поступления на военную службу [14]. Военную деятельность выбрал и Христофор (Хачатур) Каспарович, отец Михаила Христофоровича. В 1892 г. в Санкт-Петербургский армянский совет поступает прошение от сына отставного майора, потомственного дворянина Михаила Хачатуровича Ломизе, в котором он просит снабдить его деньгами для отправки на родину в Тифлис. Из документа видно, что Михаил Ломизе окончил Тифлисское реальное училище, приехал в Петербург для поступления в военное топографическое или артиллерийское училище, ввиду его бедности не мог поступить в гражданское специальное заведение, но из-за неблагоприятных климатических условий, заболел и вынужден был покинуть столицу [15]. Интересно, что автор книги «Кавалер Георгиевского оружия Василий Осипянц», М.И. Артеменко, описывая жизнь своего деда полковника Осипянца и учебу в Тифлисском кадетском корпусе, среди друзей и выпускников кадетского корпуса называет имя Миши Ломизе. События относятся к 1893 г. и 1900 г. – годам окончания кадетского корпуса и первых шагов Михаила в военной карьере, «Михаила переводили в Варшавский военный округ, в интендантское управление» [16], ранее он служил в 15-м Тифлисском полку. В книге Артеменко называет семью грузинской, а отца семейства – подполковником.

К сожалению, сведений о первоначальной военной деятельности Михаила и его отца не удалось обнаружить, вероятно, необходимы дальнейшие поиски.

Надо полагать, что Первая мировая война застала Михаила Ломизе в Варшавском военном округе, и он дослужился на Западном фронте до звания полковника. После большевистского переворота, как известно, офицеры армянской национальности по призыву генерала Ф.И. Назарбекова сформировать Армянский корпус приняли самое деятельное участие и старались всеми возможными способами добраться до Закавказья.

Являясь кадровым офицером, Михаил Ломизе в январе 1918 г. возглавил военную секцию при Армянском комиссариате на Украине.

В ведение военной секции входило: формирование групп из армянских офицеров и солдат с дальнейшей отправкой их в Закавказье, обеспечение обмундированием, продовольствием военнопленных-армян. Одновременно с этим Ломизе ездил по городам Украины – Симферополю, Севастополю, Харькову, Одессе, агитируя армян и мобилизируя их в Армению, где в это время проходили кровавые бои и турки заняли большую часть Армении [17]. Ломизе занимался сбором денег, приемом и размещением чудом выживших беженцев

из Западной Армении и Закавказья. 1 мая 1918 г. полковник Ломизе был назначен председателем Коллегии Комиссариата Армении при Правительстве Украины в Киеве [18]. До конца 1918 г. Михаил Христофорович был занят мобилизацией бывших военнопленных из числа специалистов, особенно врачей, для отправки в Армению [19].

1 января 1919 г., с назначением Дзамоева дипломатическим представителем на Украине, Ломизе был приглашен на должность советника при Миссии с несением обязанностей консула. А в конце месяца в связи со вступлением большевиков в Киев и отъездом Дзамоева в Одессу Ломизе принял на себя обязанности дипломатического представителя.

В мае 1919 г. по требованию большевиков представители всех государств, не признавших большевистских властей, в том числе и представитель Республики Армения Ломизе, должны были выехать в Одессу, перенести туда свою деятельность. В Одессе Ломизе пробыл до сентября 1919 г., руководил деятельностью миссии и являлся единственным защитником интересов многочисленных армян-беженцев.

Но молодой армянской республике нужны были энергичные специалисты-профессионалы, и Ломизе был затребован в Армению. В сентябре 1919 г. последовал приказ по военному ведомству о назначении полковника Ломизе и.д. главного интенданта Военного министерства [20]. Интересно, что именно в этом ведомстве служил и брат Михаила статский советник Каспар Христофорович Ломизе. Находясь в ведомстве, руководимом генерал-интендантом Чумаровым, Каспар Христофорович замещал генерала в его отсутствие. В июне 1919 г. Чумаров был назначен на должность генерал-контролера военного ведомства, и все месяцы до приезда Михаила Каспар Христофорович замещал должность главного интенданта, а затем стал заместителем его [21]. В обязанности главного интенданта входило «исправное и своевременное заготовление и отпуск войскам и военным заведениям и учреждениям вещевого довольствия, продовольственных припасов», а также забота «об исправном и своевременном удовлетворении войск и военных заведений и учреждений денежными отпусками» [22].

В условиях разоренной Армении, зависимой от благожелательности соседей – Грузии и Азербайджана, населенной тысячами голодающих беженцев, исправно снабжать продовольствием и обмундированием армию было непосильным бременем. Полковнику Ломизе в должности главного интенданта было нелегко. Эти трудности усугублялись и незнанием армянского языка. В марте 1920 г. братья Каспар и Михаил записываются на курсы армянского языка [23]. Принятый в августе 1919 г. «Закон о языке» обязывал всех граждан Республики вести делопроизводство на армянском языке. Насколько хорошо усвоили армянский язык братья Ломизе, трудно сказать, но в середине 1920 г. все бумаги в интендантском ведомстве велись на армянском языке,

а сам Михаил Христофорович аккуратно под документами каллиграфически выводил армянскими буквами «Ломизе» [24].

Начавшаяся война с турками в сентябре 1920 г., а затем советизация Армении разбросала армянское офицерство. Часть их была выслана в Рязань, откуда вернулась в Закавказье. Выжившие затем были репрессированы в 1930-е гг.

Судьба Михаила Ломизе оказалась более удачной. В архиве сохранился документ, датированный 1 декабря 1921 г., в котором начальник Генштаба Советской Социалистической Республики Армения предлагает тов. Ломизе отправиться в Эривань для принятия участия в работах по организации военного кооператива [25].

Вероятно, в 1921 г. Михаил Христофорович вернулся в Эривань, поскольку из письма внука Михаила Григорьевича Ломизе можно заключить, что интендант, генерал-майор продолжил свою деятельность вначале помощником начальника снабжения Красной Армии, затем заведующим производственным отделом правления Закавказского союза военных кооперативов до 1923 г. Позже был управляющим военной мукомольней в г. Тифлисе, в 1931 г. вышел на пенсию, но был востребован и продолжал работу в различных ведомствах. Скончался 30 мая 1958 г.

К сожалению, не на все вопросы, связанные с дворянским родом Ломизе, удалось найти ответы. Надеюсь, что в этом вопросе помогут потомки, внуки и правнуки Ломизе, которые не отреклись ни от своей фамилии, ни от армянского происхождения.

Примечания

1. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 199. Оп. 1. Д. 120, Л. 117.
2. Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского военного содружества. Ереван, 1968. С. 344.
3. Там же. С. 358.
4. Ованесов Б.Т. Роль армянского населения Российской империи в развитии Северного Кавказа. Ставрополь, 2008. С. 491.
5. НАА. Ф. 383. Оп. 3. Д. 1184, 1262, 1671, 1688, 1706, 1795.
6. Кугрышева Эвелина. История армян в Астрахани. Астрахань, 2007. С. 57.
7. НАА. Ф. 383. Оп. 3. Д. 1795. Л. 2, 4.
8. Там же. Д. 1184. Л. 2–3.
9. Ованесов Б.Т. Указ. соч. С. 46.
10. НАА. Ф. 383. Оп. 3. Д. 1184. Л. 47.
11. Армяно-русские отношения в I трети XVIII века. Сборник документов. Ереван, 1967. Т. 2. Ч. 2. С. 208–212.
12. НАА. Ф. 383. Оп. 4. Д. 154. Л. 9 об.
13. Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 25. Л. 213.
14. Там же. Д. 370. Л. 2.
15. Там же. Ф. 399. Оп. 1. Д. 544. Л. 1.

16. Артеменко М.И. Кавалер Георгиевского оружия Василий Осипянц. М., 2006. С. 43.
17. НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 73. Л. 240.
18. Там же. Д. 148. Л. 84.
19. Там же. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
20. Там же. Ф. 204. Оп. 1. Д. 131. Л. 68.
21. Там же. Д. 132. Л. 87, 96, 109, 113, 158.
22. Там же. Д. 132. Л. 300.
23. Там же. Ф. 307. Оп. 1. Д. 124, Л. 69.
24. Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 154. Л. 36.
25. Там же. Ф. 114. Оп. 2. Д. 60. Л. 228.

О.М. Морозова

КРАСНЫЙ КАВАЛЕРИСТ ОСИПЯНЦ: ОТЗВУК 1915 Г.

Армянская диаспора в России в событиях Гражданской войны на Северном Кавказе не проявила себя столь же активно, как другие этнические группы. По имеющимся обрывочным сведениям все же можно предположить, что, имея развитое этническое самосознание, армяне стремились дистанцироваться от разворачивавшегося конфликта, не ощущая себя причастными к нему в полной мере. Об этом свидетельствует история некоего Андроника, который в начальный период войны был командиром красногвардейского отряда, а потом не раз в поисках своего места в событиях менял позицию и союзников [1]. Армянские села Сочинского округа в отличие от русских и эстонских сел не желали участвовать в подготовке восстания в тылу белых [2]. Так же воспринимали армян и противоборствующие стороны. Красно-зеленые районы Новороссийска поступили с пленными офицерами в соответствии с установленной национальной принадлежностью: русских расстреляли, а армянина как представителя угнетенной царизмом нации отпустили. На радостях тот станцевал лезгинку.

Если армяне и оказывались втянутыми в этот конфликт, то под влиянием напряженных межнациональных отношений предыдущего или настоящего времени. Причерноморские армяне при очевидном стремлении к нейтралитету под давлением обстоятельств выказывали симпатии к белым в связи с тем, что на повстанческое движение в тылу белых стремилась влиять Грузия – сказывался факт армяно-грузинской войны 1918 г. Дополнительным мотивом была национальная вражда между армянами и греками, которые более активно создавали в своих селах повстанческие отряды, бывшие ответом на мобилизационные усилия белых [3].

Произвольное смешение политических и этнических характеристик было характерно для национальных окраин бывшей империи. Специально спустившиеся в долину с целью грабежа дагестанские горцы ходили безоружными по домам в Темирхан-Шуре с вопросом: «Армяны живут?». Призыв имама Гоцинского бороться с большевиками, дополненный объяснением, что большевики – это армяне, вызвал горячий отклик, подкрепленный желанием пограбить богатый город [4].

Позиция армян в событиях в Закавказье колебалась в зависимости от того, какая политическая сила в данный момент казалась им готовой стать их защитой от мусульманского большинства. Именно поэтому части Бакинского совета, вошедшие в состав отрядов Лазаря Бичерахова и ожидаемые Терским совнаркомом как дружественные, вдруг выступили по мере движения из Дагестана на Терек как явная антисоветская и антибольшевистская сила. После прихода в Баку англичан, проводивших типично колониальную политику опоры на большинство, армяне стали выказывать симпатии в адрес денкинцев и белого лагеря вообще. Примечательно, что большевики уже в 1919 г. рассматривались в этом регионе как реинкарнация российского присутствия, и отношение к ним складывалось под влиянием этого фактора, как отмечал в своих письмах генерал И.Г. Эрдели [5].

Армяне Османской империи, пережившие геноцид 1915 г., оказавшись беженцами на территории России, были весьма горячим человеческим материалом. Даже те, кто оказался на занятой русской армией части Карской области, находились не только под защитой, но и под ее давлением. По отзывам военного врача В.Ф. Соловьева у офицеров и казаков существовало недоброжелательное отношение к армянам. Военнослужащие объясняли это их особой любовью к своему имуществу, но Соловьев имел другое мнение. Он связывал это с тем, что армяне могли за себя постоять, а потому армии невольно приходилось сдерживать свои грубые приемы, кулак, нагайку, которые свободно пускались по отношению к жившим по соседству курдам. Курды были совершенно бедны, но они ткали замечательные паласы. Зайти в курдский дом и забрать там самое ценное – ковер ручной работы – было обычным делом для мародера. Вследствие покровительства армянам наместник на Кавказе Воронцов-Дашков был непопулярен в армии, где с надеждой ожидали его смены [6].

Беженцы из Закавказья принесли с собой целый перечень счетов, которые они готовы были предъявить царской власти, мусульманам вообще и татарам (тюркам) в частности. Революция дала им в руки оружие и возможность требовать отчета за содеянное, хотя бы и не с настоящих виновников, а с назначенных таковыми.

Бывший начальник штаба Таманской армии Г.Н. Батулин в написанных незадолго до самоубийства в 1925 г. воспоминаниях, сочетая характерный

для ветеранских мемуаров брутальный юмор с трагической просветленностью, дал портрет командира кавалерийского полка Осипянца. Это был молодой, с особенной кавказской военной выправкой, зятянутый в черкеску, красивый и подвижный джигит. Он очень плохо говорил по-русски, поэтому приказы командования выполнял так, как понимал. Приказ занять аул в пяти верстах от станицы Курганной и закрепиться в нем он понял так: надо его смести с лица земли, что он и сделал, отрапортовал: «Так точно, занят. Пришлось много рубить и зажигать». Изумленному командованию на вопрос, неужели аул действительно сожжен, ответил: «Так точно сожгли, рубили всех... Один женщина ушел... Татары сволочь один сорт с белыми... [...] Татарин засел крепко аул, стрелял из каждый хат, такой мальчишка стрелял». И Осипянец показал рукой на полтора аршина от пола. После того, как Батурич накричал на него по поводу того, что велено было лишь занять аул, заявил: «Я и занял, тов. начальник, и ушел... Что же мне неделю заниматься... Один час занял и вся татарская сволочь зарубил... вот и шашка мой еще в крови». Судя по всему, речь шла о черкесском ауле Кошехабль в шести верстах от Курганной. Жителей аула, как всех мусульман, Осипянец считал татарами.

Его держали на посту командира полка за особую заботу о бойцах и своеобразный полковой патриотизм. Он десять раз был ранен, но из полка ни разу не уходил. Говорил: оставляю полк – пропал полк. В бою был храбр, сметлив и хитер. Бойцы его любили, потому что он позволял им мародерствовать. Любил всегда находиться в авангарде армии, потому что знал один секрет: сзади идешь – останешься без фуража и провизии. Его кавалеристы брали только питание для себя и лошадей, денег и вещей не трогали: «Честный революционер – не разбойник». Но, как иронично отзывался Батурич, бойцы Осипянца были не менее беспощадны, чем к белым, к стаям гусей во дворах селян и казаков. Перед любым штабным начальством Осипянец был готов обосновывать свои принципы: люди сыты, кони сыты – поход не бояться; голодный на плохой лошади – хуже баба на печке [7].

Его управленческие находки не являются чем-то уникальным в истории этой войны. Самые успешные командиры – русские и нерусские – вели себя примерно одинаково. Колоритная фигура оказавшегося волею судеб на Севере осетина Х.-М. Дзарахохова осталась в памяти воевавших с ним архангелогородцев. Его описывали как яркую харизматичную личность, умного и быстро ориентирующегося в обстановке человека, заботливого командира: «Хаджи-Мурат со своими ребятами очень осторожно обращался, хранил их, показывал места[,] где кому сохраняться» [8]. Он спал на голой лавке, клал голову на толстое полено вместо подушки: так слышно, что происходит вокруг. Один из ветеранов подчеркивал, что он был очень бдителен – всегда выставлялись часовые, дозорные, организовывалось патрулирование [9].

В воспоминаниях о нем много внимания уделено хозяйственной стороне жизни его части. Захваченные трофеи он считал собственностью отряда, но увозить домой бойцам не давал. Хаджи-Мурат продолжал ходить на Севере в кавказской одежде – черкеске, бурке, папахе, с шашкой и кинжалом у пояса с серебряной чернью, но черкеска была дырявой, и не без причины. Союзники ввезли на территорию Северной области большие запасы оружия, продовольствия, промышленных товаров, так что воевать там было одно удовольствие. Редко в каком селе не было склада с теплыми вещами, сгущенкой или ягодным джемом. Командование Северного фронта красных пыталось остановить разграбление этих хранилищ. Хаджи-Мурат как природный абрек не мог понять, почему он не может пользоваться имуществом, добытым в бою. Так что Хаджи-Мурат ходил в рваной как решето черкеске для того, чтобы было основание сказать: «Вы не были на фронте, а в английскую одежду оделись, а мы оборванные» [11].

Типаж популярного командира той войны по обе стороны фронта имеет схожие качества, ценимые солдатами. Всё их многообразие можно свести к двум основным позициям – пониманию законов войны и заботе о подчиненных. Проявления этой заботы могли быть неожиданными на сторонний взгляд. Например, выпороть подчиненного за то, что при трескучем морозе ходит в распахнутом полушубке; или, чувствуя вину за утерянное вследствие ранения жалование подчиненных, накормить их до отвала при возвращении в отряд.

Война и особенно война гражданская рождает новое сочетание востребованных человеческих качеств. Полезными или вредными признают вовсе не те, которые считаются таковыми в мирное время. Эффективный убийца не сидит в тюрьме, а получает награды; убежденный пацифист будет восприниматься как предатель. Нигде специфические качества воина не проявляются так полно, как в личности командира. В одном из белоэмигрантских мемуаров уже состарившийся бывший доброволец размышлял над загадкой, по-видимому, занимавшей его всю жизнь. Он недоумевал, почему высокопрофессиональный достойный генерал не был любим подчиненными, а другого, не менее, но и не более заслуженного, они горячо приняли. Подсказку дает подробное описание манеры поведения любимого генерала: перед боем он непременно делал инструктаж, как вести себя в бою [12]. Видимо, в этом и состоит причина особой привязанности: в том, что о них, уже много лет никому не нужных, кто-то заботился и старался, чтобы они прожили еще один день на земле.

1920-й год стал не только годом окончания фронтовой Гражданской войны, но и этапом, после которого такие командиры, как Осипянц и Дзарахов были уже не нужны. То, что сходило Хаджи-Мурату с рук на Севере, стало жестко преследоваться в 1920 г., когда он был переведен в подчинение 1-й Конной армии. Все закончилось для него большими неприятностями. Его, по

сути, изгнали из армии, а на Севере даже прошел слух, что его расстреляли. На самом деле он вернулся домой в Осетию.

Осипянц тоже был уволен из армии якобы по ранению, а в действительности в рамках продолжавшейся до самого конца войны борьбы с партизанщиной. В 1920 г. на Кубани один, без полка и почти безоружный, он был захвачен повстанцами в качестве заложника и после некоторого пребывания в плену расстрелян как представляющий обузу для отряда, которому важна была мобильность.

Этническое многообразие участников общероссийской гражданской войны придало ей особую остроту. Подлинная гражданская война – это та война, в которой схлестнулись в смертельной схватке представители одного социума, прежде ясно ощущавшие свое единство. Бывший подданный российского императора – это слишком общий и для большинства населения абстрактный соционим. Поморы, кержаки, отдельные группы казаков, тавричане, не говоря уже о горцах, малороссиянах, латышах и т.д., не считали себя представителями единого народа, так как отличались от основного великорусского массива по языку (диалекту), культуре и быту. Горцу выступить против казака или горца другого народа – это еще не настоящая гражданская война, как и крымчаку – против немецкого колониста или украинского хуторянина. Вооруженный конфликт между членами одной территориально-этнической страги, которая раскалывается, потому что ее члены уже ориентируются на конфронтирующие друг с другом авторитеты, – это и есть гражданская война. К этому состоянию общество толкали уже зараженные насилием и ненавистью пришлые элементы, в основном фронтовики и беженцы. Им принадлежит роль провокаторов и сомнительная заслуга пролития первой крови в локальном конфликте, ведь они убивали не «своих».

Так судьба красного конника Осипянца связала вместе два политических феномена новейшего времени – преступления на расовой и этнической почве и социально-классовые эксперименты.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 912. Оп. 1. Д. 11. Л. 108.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 577. Л. 15–16, 18.
3. Там же. Л.26. О том же: Черкасов А.А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. С. 49.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р – 5881. Оп. 2с. Д. 728. Л. 13, 16–18.
5. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 17, 72.
6. Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея. Ф. П-1293. Оп. 1-а. Д. 76. Л. 34–37.

7. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 677. Л. 35–39.
8. Государственный архив Архангельской области. Отдел документации социально-политической истории (далее – ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 619. Л. 20, 41; Д. 620. Л. 78, 95.
9. Коничев К. Хаджи-Мурат Дзарахохов. Л., 1959. С. 31; ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 620. Л. 97.
10. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 620. Л. 9, 10.
11. Там же. Л. 37, 95–97.
12. Волков-Муромцев Н. Юность. От Вязьмы до Феодосии. Paris, 1983. С. 318, 319.

В.А. Невежин

АРМЯНЕ – УРОЖЕНЦЫ ЮГА РОССИИ НА ПРИЕМЕ В КРЕМЛЕ (4 НОЯБРЯ 1939 Г.)

4 ноября 1939 г. в Георгиевском зале и в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца состоялся прием (банкет) участников декады армянского искусства. Она проходила в Москве с 20 по 29 октября 1939 г. В ней приняли участие: артисты Театра оперы и балета им. А.А. Спендиарова, показавшие оперы «Алмаст» Спендиарова, «Ануш» А.Т. Тиграняна, «Лусабадин» А.Л. Степаняна, балет «Счастье» А.И. Хачатуряна; ансамбль песни и танца Армянской ССР; ашугский ансамбль; оркестры; хоры [1].

подавляющее большинство участников декады, естественно, составляли армяне, преимущественно уроженцы юга бывшей Российской империи (России). Они же оказались гостями и на упомянутом банкете. В предлагаемой статье представлены итоги авторских изысканий о наиболее известных участниках этого грандиозного кремлевского застолья.

Для ее написания использованы следующие источники. Во-первых, газетный отчет о приеме в Кремле, состоявшемся 4 ноября 1939 г., а также Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников декады [2]. Во-вторых, введенные нами в научный оборот архивные документы: список приглашенных на этот банкет представителей государственной номенклатуры и проживавших в Москве деятелей советской литературы и искусства [3]; программа сопровождавшего его праздничного концерта [4]. Оба названных документа были составлены руководством Комитета по делам искусств при СНК СССР (КДИ), который курировал декаду армянского искусства и участвовал в организации приема.

Следует отметить, что руководители большевистской партии и Советского государства почтили своим присутствием Большой театр на открытии этой декады, а также побывали на премьере опер «Ануш» и «Лусабадин», балета

«Счастье» и на заключительном концерте, которым завершился этот смотр достижений армянского искусства [5].

Не случайно именно они по сложившейся во второй половине 1930-х гг. традиции и выступали в роли хозяев на кремлевском застолье. В газетном отчете от 5 ноября 1939 г. сообщалось: «Вчера вечером в Кремле руководители партии и правительства принимали участников только что закончившейся декады армянского искусства». Далее перечислялись имена этих руководителей: И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, А.А. Андреев, А.А. Жданов, Н.С. Хрущев, Н.М. Шверник, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, М.Ф. Шкирятов.

Таким образом, документально подтверждено присутствие на приеме одного из ближайших сталинских соратников, армянина по национальности, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Анастаса Ивановича Микояна (1895–1978), который родился в с. Санаин, близ г. Алаверди [6].

Что касается гостей, то в газетном отчете о них говорилось следующее: «Кроме работников искусства Армении в Большом Кремлевском дворце присутствуют товарищи... [далее перечислены фамилии 28 членов правительства СССР, героев-летчиков, писателей. – В.Н.] и другие члены ЦК ВКП(б), депутаты Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, народные комиссары, Герои Советского Союза, находящиеся в Москве депутаты Народного Собрания Западной Украины и Народного Собрания Западной Белоруссии, выдающиеся деятели искусств, литературы, науки и техники.

К сожалению, в распоряжении автора данной статьи нет полного перечня фамилий «работников искусств Армении», приглашенных на упомянутый кремлевский прием 4 ноября 1939 г. Предположительно на нем присутствовали все участники декады. В то же время благодаря упомянутым выше источникам можно попытаться восполнить данный пробел. В списке приглашенных, составленном руководством Комитета по делам искусств при СНК СССР, фигурирует 163 чел., из них 139 чел. – театральные деятели, писатели и литературные критики, музыканты (преимущественно композиторы), художники, архитекторы [7].

В этом списке упомянуты фамилии Г.И. Гояна, А.И. Шавердяна и К.С. Алабяна. В той части этого списка, которая имеет рубрику «Комитет по делам искусств», назван Георг Иосифович Гоян (Тер-Никогосян) (1901–1982), уроженец Тифлиса. С 1936 г. Гоян преподавал в ГИТИСе. В 1938 г. окончил Институт красной профессуры литературы, искусства и языка, а в 1939–1941 гг. работал главным редактором в издательстве «Искусство».

В этом же списке под рубрикой «Музыкальные деятели» упоминается Александр Исаакович Шавердян (1903–1954). Он родился в с. Сигнахи (Кахетия). В 1931 г. окончил Московскую консерваторию. Был музыкальным

критиком (писал под псевдонимами Богданов, Искандер, Мар А.). С 1938 г. работал в редакции газеты «Советское искусство».

Среди других художников и архитекторов на прием в Кремль 4 ноября 1939 г. получил приглашение Каро Симонович Алабян (1897–1959), родиной которого являлся г. Елисаветполь (Гянджа, Азербайджан). В 1929 г. Алабян окончил Московский высший художественно-технический институт. С 1932 г. – ответственный секретарь Союза советских архитекторов (ССА).

Большие кремлевские приемы имели свой установившийся к концу 1930-х гг., церемониал. Применительно к банкетам в честь участников декад республиканского искусства этот церемониал отличался определенной спецификой. После сбора и размещения приглашенных за гостевыми столами, а хозяев (Сталина и его соратников) – за отдельно стоявшим в конце Георгиевского зала столом президиума, слово брал тамада. На приеме 4 ноября 1939 г. в этой роли выступил исполнявший обязанности председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР Б.М. Храпченко. Храпченко, судя по газетному отчету, дал высокую оценку итогам декады армянского искусства, участники которой, по его словам, продемонстрировали в Москве «замечательно многообразное по форме искусство, жизнерадостное, красочное, глубоко эмоциональное».

После вступительной речи тамады на банкетах в честь декад республиканского искусства звучали персональные приветствия в адрес Сталина и его ближайших соратников, провозглашавшиеся кем-либо из именитых участников этих декад. Последовательность подобного рода здравиц, а главное, кандидатуры конкретных выступавших намечались и оговаривались заранее. Как правило, приветственные слова на приемах, устраивавшихся по окончании декад республиканского искусства, были обращены к Сталину, к главе Советского правительства В.М. Молотову, а также к Председателю Президиума Верховного Совета СССР («всесоюзному старосте») М.И. Калинину [8].

Специфика банкета 4 ноября 1939 г. состояла в том, что помимо этих трех представителей сталинского руководства особой здравицы были удостоены член Политбюро ЦК ВКП(б), народный комиссар обороны, маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов и А.И. Микоян. Скорее всего, сам факт оглашения персональной здравицы в честь Ворошилова имел целью лишний раз подчеркнуть его значимость в преддверии неотвратимо надвигавшего вооруженного конфликта с Финляндией. В то же время совершенно понятна мотивация, которой руководствовались организаторы банкета, выбрав М.И. Микояна в качестве персоны, удостоенной здравицы.

Как следует из газетного отчета, первой, обращаясь к Сталину, выступила депутат Верховного Совета Армянской ССР, народная артистка СССР А.Б. Даниэлян. Певица оперетты (лирико-колоратурное сопрано) Айкануш

(Анна) Багдасаровна Даниэлян (1893–1958) родилась в Тифлисе. В 1933–1948 гг. – солистка Ереванского театра оперы и балета им. А.А. Спендиарова.

Вслед за этим народный художник Армянской ССР М.С. Сарьян провозгласил на приеме здравицу в честь В.М. Молотова. Место рождения выдающегося живописца Мартироса Сергеевича (Саркисовича) Сарьяна (1880–1972) – Нахичевань-на-Дону. Из многочисленных произведений мастера большую известность имели монументально-декоративные панно, предназначенные для советского павильона на Всемирной выставке в Париже (1937) и для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве (1939). Ему принадлежала и сценография оперы «Алмаст» А.А. Спендиарова (1938–1939), музыкального произведения, которое было представлено во время декады армянского искусства в Москве. В 1941 г. он удостоен Сталинской премии второй степени за художественное оформление оперы «Алмаст».

Приветствовать К.Е. Ворошилова на банкете 4 ноября 1939 г. было поручено П. Г. Лисициану. Родиной талантливого армянского певца (баритон) Павла Герасимовича (Погоса Карапетовича) Лисициана (1911–2004) был Владикавказ. В 1930–1932 гг. Лисициан обучался в Ленинградской консерватории. С 1937 г. – солист Ереванского театра оперы и балета имени А.А. Спендиарова.

Здравицу в честь М.И. Калинина на приеме в Кремле 4 ноября 1939 г. провозгласила Т.Т. Сазандарян. Талантливая армянская певица (меццо-сопрано) Татевик Тиграновна Сазандарян (1916–1999) родилась в с. Хиндзореск Горисского района Армении. С 1937 г. Сазандарян – солистка Ереванского театра оперы и балета им. А.А. Спендиарова.

Последним с приветственным словом от имени участников декады армянского искусства на банкете выступил Ш.М. Тальян. Оно было обращено к А.И. Микояну. Шара Мкртычевич Тальян (1893–1965) родился в Тифлисе. В 1933–1953 гг. – один из организаторов, солист Ереванского театра оперы и балета имени А.А. Спендиарова. В 1938–1941 гг. руководил созданным по его инициативе Ансамблем армянской гусанской песни.

Каждый кремлевский прием сопровождался большим праздничным концертом. Программы концертов составлялись руководством Комитета по делам искусств при СНК СССР и, как правило, согласовывались с членами Политбюро ЦК ВКП(б). Праздничный концерт на банкете 4 ноября 1939 г. состоял из трех отделений. В первом отделении выступили представители армянского искусства. Во втором отделении продемонстрировали свое мастерство лучшие артисты и музыканты советской столицы, а третье было целиком предоставлено Краснознаменному ансамблю песни и пляски Красной армии под руководством А.В. Александрова.

В первом отделении праздничного концерта, в частности выступили А.Б. Даниэлян, Т.Т. Сазандарян, Ш.М. Тальян и А.Е. Тер-Абрамян, которые

исполнили народные армянские песни. Певец (тенор) Арменак Ефремович Тер-Абрамян (1898–1957) был родом из Тифлиса. В 1937–1941 гг. – солист Армянского театра оперы и балета имени А.А. Спендиарова.

П.Г. Лисициан спел арию Мози из оперы «Ануш». Кремлевский дебют певца оказался настолько удачным, что он был приглашен в Большой театр и стал одним из его ведущих солистов. На концерте в Кремле 4 ноября 1939 г. также выступил оркестр народных инструментов под управлением уроженца Тифлиса Гургена Оганесовича Мирзояна (1892–?). В 1937–1939 гг. Мирзоян являлся дирижером этого оркестра.

Армянские песни и пляски исполнил джаз-оркестр Армянской государственной филармонии под управлением Арутюна (Артема) Сергеевича Айвазяна (1902–1975). Айвазян родился в Баку. В 1938 г. организовал и до 1956 г. являлся художественным руководителем джаз-оркестра Армянской государственной филармонии (Государственного эстрадного оркестра Армении).

В роли аккомпаниатора в первом отделении концерта, которым сопровождался кремлевский прием 4 ноября 1939 г., выступил уроженец Тифлиса Александр Павлович Долуханян (1910–1968), солист Армянской филармонии (1937–1939). Программу этого отделения вел родившийся в столице Грузии мастер художественного слова, солист Московской филармонии (с 1939) Сурен Акимович (Ованесоваич) Кочарян (1904–1979).

Декада армянского искусства готовилась при активном участии Г.А. Арутинова. Григорий Артемович Арутинов (Григор (Григорий) Артемович Арутюнян (Арутюнов) (1910–1957), уроженец Телави (Грузия), в 1937–1953 гг. занимал пост первого секретаря компартии Армении. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1939–1952). Его имя не фигурирует в газетном отчете о кремлевском приеме 4 ноября 1939 г. Однако с полной уверенностью можно утверждать, что он присутствовал на этом застолье. Следует отметить, что накануне банкета, 3 ноября 1939 г., Г.А. Арутинов вместе с Председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР Б.М. Храпченко дважды посетил служебный кабинет Сталина в Кремле (с 16.50 до 17.35 и с 17.45 до 18.00) [9]. Вне всякого сомнения, во время этих посещений обсуждался со Сталиным и был окончательно утвержден предложенный Арутиновым список участников декады армянского искусства для награждения их орденами и медалями. Из 550 ее участников было награждено 134 чел. (4 чел. – орденом Ленина; 26 – Орденом Трудового Красного Знамени; 55 – орденом «Знак Почета»; остальные – медалью «За трудовое отличие»).

Из числа упоминавшихся выше участников банкета 4 ноября 1939 г. орденом Ленина получила А.Б. Даниэлян. Ордена Трудового Красного Знамени были удостоены: П.Г. Лисициан, Т.Т. Сазандарян, Ш.М. Тальян; ордена

«Знак Почета» – А.С. Айвазян, С.А. Кочарян, Г.А. Мирзоян, М.С. Сарьян, Е.А. Тер-Абрамян.

Скорее всего, обязательным оказалось участие в банкете 4 ноября 1939 г. удостоенных за участие в декаде армянского искусства ордена Ленина активных участников декады композиторов Арменака Тиграновича Тиграняна (1879–1950), уроженца г. Гюмри, и родившегося в с. Коджори (под Тифлисом) Арама Ильича Хачатуряна (1903–1978). В данной связи можно назвать и имя дирижера Большого театра Александра Шамильевича Мелик-Пашаева (Александра Шамильевича (Шамиловича) Мелик-Пашаяна) (1905–1964). Он родился в Тифлисе. Мелик-Пашаев был музыкальным консультантом декады армянского искусства и был удостоен за участие в ней ордена «Знак Почета».

В завершение следует отметить, что не все участники банкета 4 ноября 1939 г. являлись уроженцами юга Российской империи или России. Например, художественный руководитель декады армянского искусства (удостоен за это ордена Ленина), знаменитый режиссер Рубен Николаевич Симонов (1899–1968) был москвичом. С 1939 г. он возглавлял театр им. Е. Вахтангова.

Таким образом, выдающиеся представители армянской культуры – уроженцы юга Российской империи и России, активно участвовали в приеме 4 ноября 1939 г., который был устроен по окончании декады искусства Армении в Москве. Они не только внесли свой весомый вклад в успешное проведение этой декады, но и во многом способствовали обеспечению церемониальной части грандиозного банкета, проходившего в парадных помещениях Большого Кремлевского дворца.

Примечания

1. Невежин В.А. Приемы в Кремле участников декад искусства республик Кавказа (1937–1939 гг.) // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научной конференции (13 – 15 сентября, Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 229–230; Он же. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. Большие кремлевские приемы. М., 2011. С. 119–120.

2. Правда. 1939. 5 ноября.

3. Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. С. 405–408.

4. Там же. С. 394–395.

5. Правда. 1939. 20, 21, 23, 25, 26 октября.

6. Здесь и далее биографические сведения об участниках кремлевского приема 4 ноября 1939 г. приводятся по материалам интернет-ресурса: Армянская энциклопедия фонда «Хайазг». URL:<http://yandex.yandexsearch?text.ru> (дата обращения 14.03.2012).

7. Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. С. 214, 405–408.

8. Там же. С. 264.

9. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 278.

Т.В. Панкова-Козочкина

**МОИСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АДЖЕЛОВ:
ГРАНИ СУДЬБЫ ДОНСКОГО АРМЯНИНА НА ФОНЕ ЭПОХИ**

Исследуя биографию того или иного известного человека, в особенности политика, можно проследить не только эволюцию его личности, но и проанализировать основные тенденции исторического процесса на определённом этапе развития страны. Биографический метод исторического исследования и прост и сложен одновременно, ибо надо попытаться избежать выпячивания крайностей, осторожно пройти между Сциллой и Харибдой исторического повествования – кэшированной энциклопедической статьёй и тривиальными личностными предпочтениями. Во многом эта исследовательская задача облегчается, если сама личность, к которой обращается вопрошающий историк, несёт с собой лавину разнообразной информации и выступает вариативно деятельностным субъектом, непременно способным возвыситься над окружающими обстоятельствами. К числу именно таких личностей, на наш взгляд, относится донской армянин Моисей Сергеевич Аджелов.

Он родился 28 сентября 1878 г. в семье купца второй гильдии. Детальных сведений о его детстве и юности почти не сохранилось. Моисей получил церковное образование, когда учился в Ново-Нахичеванской духовной семинарии, а затем дополнил его светскими знаниями при обучении в гимназии города Ростова-на-Дону. У него рано проявилась склонность к языкам. Он стремился приумножить свои познания и прошел полный курс обучения в элитарном Лазаревском институте восточных языков в Москве, где изучал арабский, персидский, турецкий языки, а также историю и культуру народов Закавказья. Одновременно Моисей обучался на медицинском факультете Московского университета. В те времена он был весьма активным студентом и не просто формально выполнял обязанности старосты, но и руководил студенческим движением в 1900–1901 гг. За участие в общественном движении Аджелова трижды отчисляли из университета, но в 1903 г. он всё же смог закончить обучение на медицинском факультете.

Однако и этого ему показалось мало, ибо Моисей постоянно старался повысить свой образовательный уровень. Приобретя желаемую профессию врача в Московском университете, он экстерном за год успешно выдержал ещё и экзамен на юридическом факультете и получил диплом первой степени, что в те времена означало достижение уровня кандидата наук. В 1904 г. Аджелова целенаправленно оставляют при Московском университете на кафедре уголовного права и судопроизводства, и он начинает планомерно готовиться к получению профессорского звания. Его удивительная эрудиция и

углублённые познания в весьма обширных и разных областях человеческого разума, характерная личностная энциклопедичность очень хорошо помогали ему в начатой практической деятельности помощника присяжного поверенного при Московской судебной палате. Однако энергичный темперамент Моисея Сергеевича побуждал его к дальнейшему приращиванию знаний, постоянному расширению своего кругозора и приобретению индивидуального социального опыта.

Причём Аджемов стремился к глубокому постижению не только притягательных для него научных академических постулатов и исследовательских новаций. Движимый вполне искренними чувствами российского патриотизма, он непосредственно участвует в военных событиях Русско-японской войны 1904–1905 гг., попадает тогда на самое дно военной повседневности. Русско-японская война кардинально меняет судьбу Моисея Сергеевича, и он опять возвращается к своей изначально избранной профессии медика. В качестве младшего врача подвижного госпиталя Российского общества Красного Креста молодой человек старательно постигает нелёгкие уроки жизни и суровой военной действительности на Дальнем Востоке.

По окончании русско-японской войны он становится лекарем запаса и вновь начинает карьеру на гражданской службе присяжным поверенным, т.е. адвокатом Московской окружной судебной палаты. Благосостояние Моисея Сергеевича довольно быстро улучшается. В частности, его личный заработок в 1907 г. составлял 7 тыс. руб. Юридическая карьера складывалась вполне благоприятным образом, поскольку Аджемов успешно вёл дела нефтяных магнатов Манташевых. Выступал тогда доверенным лицом нефтепромышленного и торгового общества «А.И. Манташев и К°». Да и сам он достаточно эффективно включился в порой очень рискованные бизнес-проекты, активно занимался предпринимательской деятельностью, как сказали бы у нас сегодня, трудился в венчурных компаниях, например, состоял директором акционерного общества частной Олонецкой железной дороги, организованного в 1912 г. Эта новая дорога представляла собой в те годы железнодорожную линию, пролежавшую от станции Званка (нынешняя сортировочная станция Волховстрой-1, г. Волхов Ленинградской области) на железной дороге из Санкт-Петербурга в Вологду до станции Петрозаводск. Она удачно соединяла столичный Санкт-Петербург с провинциальным Петрозаводском, где уже и начиналась собственно Мурманская железная дорога. Общая длина задуманной Олонецкой железной дороги составляла около 400 км. Если же рассуждать, используя термины современного размежевания и толкования административно-территориальных единиц, то Олонецкая железная дорога соединяла две узловые станции Ленинградской области и Карелии. Основными акционерами задуманного проекта стали Азовско-Донской коммерческий банк и группа французских банков. Примечательно, что устав

акционерного общества Олонецкой железной дороги был утвержден лично императором Николаем II. Ее строительство началось в 1914 г., а после вступления России в Первую мировую войну его темпы резко ускорились, ибо стране был нужен надежный путь сообщения с Европой через Мурманск. Уже к началу 1916 г. после выполнения основных запроектированных работ открылось движение поездов. Окончательно Олонецкую железную дорогу ввели в строй только с 1 (14) февраля 1917 г. Безусловно, со стороны самого М.С. Аджемова ввязаться тогда в такой изначально затратный проект было делом весьма рискованным, ибо Россия только вступала в тяжелый период военного лихолетья.

История с проектом частной Олонецкой железной дороги однозначно свидетельствует, что Аджемов обладал действительно выдающимися предпринимательскими способностями. Вне всякого сомнения, он умел отчетливо видеть экономическую перспективу, целенаправленно добивался того, чтобы все детали раскручиваемого проекта соответствовали друг другу. Моисей Сергеевич обладал даром успешного общения с людьми, а захлестывающая всех окружающих и исходящая от него невероятная личностная энергия всегда помогала ему в коммерческой деятельности. Например, в качестве доверенного лица нефтяных владельцев Манташевых он смог подготовить и организовать очень выгодную сделку: продать нефтяные прииски Манташевых в Баку англичанам. В знак особой благодарности за умело осуществленную операцию они щедро рассчитались с ним. Полученную приличную маржу Аджемов удачно пустил в новый хозяйственный оборот. Прежде всего приобрел растущую тогда в цене недвижимость. Еще до революции он проживал в Нахичевани-на-Дону по адресу ул. Софиевская, 17 (ныне – 1-я Майская). Принадлежавшая ему недвижимость в Нахичевани в 1897 г. оценивалась вполне приличной суммой в 3 тыс. руб., а к 1912 г. она выросла в цене уже до 15 тыс. руб. Кроме того, Аджемов владел еще домом в Москве, где занимался основной профессиональной юридической деятельностью. После революции Моисей Сергеевич смог на свои накопленные капиталы купить богатый дом за границей, в столичном Париже. Он также пользовался там роскошным автомобилем и даже нанял себе учителя танцев.

Особой сферой профессиональных интересов Моисея Сергеевича стала публицистическая и научная деятельность. Его многочисленные статьи охотно принимали газеты «Московские ведомости», «Речь» и журналы «Вестник права», «Право». Это позволило Аджемову систематически излагать свои научные и политические взгляды на страницах периодической печати и поддерживать постоянную связь как с центром России, так и с онскими жителями [1]. Он был в курсе проблем армянского национального движения, но, судя по всему, не являлся сторонником этнического обособления.

Разносторонность интересов М.С. Аджемова не могла не привести его в политику, и здесь он проделал определенный путь, прежде чем в 1906 г. вступить в партию кадетов. Его отличительной чертой можно назвать основательность в подходе к политическим акциям. Так, он оказывал солидную материальную помощь рабочим во время забастовки в Ростове в 1902 г., когда нужны были средства, чтобы выстоять в борьбе с политическим режимом. После опубликования Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» (Октябрьского манифеста) 17 (30) октября 1905 г. и в связи с выборами Государственную думу он весьма деятельно участвовал в разработке предвыборной программы конституционных демократов. Аджемов входил тогда в состав единого Ростово-Нахичеванского комитета партии народной свободы, принимал активное участие в предвыборной кампании кадетов на Дону. Общероссийский лидер партии народной свободы П.Н. Милюков в своих заграничных воспоминаниях писал, что «армяне в политическом отношении были в этот период ближе других к кадетам. Они разделяли взгляды конституционных демократов, а такие ее представители, как Аджемов, непосредственно входили в думскую фракцию». П.Н. Милюков также характеризовал Аджемова как видного представителя народностей России [2].

Убежденность в своей политической правоте помогала Моисею Сергеевичу целенаправленно вести весьма плодотворную политическую деятельность. Твердая уверенность в правильности и несомненной истинности исповедуемых взглядов позволяла ему довольно красноречиво излагать партийную точку зрения в самых различных аудиториях. Его ораторские способности высоко ценили соратники по партии. Во время выборов во II Государственную думу Аджемов был избран депутатом от кадетской фракции, а затем стал членом Центрального комитета Партии народной свободы.

Личностные качества Моисея Сергеевича оказывали очень сильное влияние на его политическую деятельность. Особая нравственная чуткость постоянно побуждала его вместе с другими донскими депутатами выносить на обсуждение сессионных заседаний II Государственной Думы вопросы, казалось бы, весьма частные. Например, депутаты требовали отмены решения об увольнении почтово-телеграфных служащих за их участие в октябрьской стачке, возвращения сосланных в административном порядке крестьян [3].

Вырвавшись на политический олимп Российской империи, не забывал Аджемов и своих соотечественников. Он активно защищал в Государственной думе гражданские права армянского населения Дона. Однако никоим образом нельзя сказать, что он в своей думской деятельности каким-то образом ограничивался решением только узкорегинальных задач. В многочисленных выступлениях Моисей Сергеевич довольно часто поднимал актуальные обще-

российские проблемы, доказывая, например, необходимость проведения новой судебной реформы в Российской империи.

Увлечшись политической деятельностью и попав в уникальную обшину высшего руководства общероссийской партии кадетов, Аджемов не стал неким заскорузлым партийным чиновником. Его многообразные политические связи и отношения с множеством людей непременно дополнялись вполне дружеским общением с коллегами по партии и работе. Например, Н.Н. Берберова впоследствии вдохновенно вспоминала о том, что у них в доме бывал «член Государственной думы и ЦК кадетской партии М.С. Аджемов, товарищ её отца по Лазаревскому институту восточных языков» [4].

Своеобразное чувство неоплаченного долга российской интеллигенции перед народом побуждало многих лидеров конституционно-демократической партии к идеализации левых радикалов. Вместе с другими кадетами Аджемов предпринимал немалые усилия по созданию совместного «блока слева», причем как в 1905–1907 гг., так и в противоречивом 1917 г. Например, в 1917 г. он дважды лично встречался с лидерами Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов – эсером Абрамом Рафаиловичем Гоцем и меньшевиками Федором Ильичем Даном (Гурвичем) и Матвеем Ивановичем Скобелевым, пытаясь их убедить в необходимости политического союза. Моисей Сергеевич искренне рассчитывал реализовать открывавшиеся тогда политические возможности для формирования широкого демократического блока в высших органах власти. Он действительно считал, что именно широкий демократический блок мог бы стать основой для цивилизованного реформирования России. Однако эта достаточно актуальная политическая тенденция так и не развилась в российском обществе, а главное – на высшем уровне политической жизни. Разгоревшаяся острейшая борьба за власть, исключительно за личное политическое лидерство не позволила реализоваться общедемократическим лозунгам в революционной России 1917 г.

Когда в нашей стране началась кровопролитная Гражданская война, кадетская партия стала своеобразным политическим штабом военных сил, выступивших против советской власти, против большевиков. Сразу же после известных октябрьских событий в Петрограде М.С. Аджемов эмигрировал во Францию. Ему довольно быстро удалось проникнуть во французские правительственные сферы. Он держал руку на пульсе политической жизни, был весьма сведущим человеком и знал о почти всех готовящихся правительством Франции конкретных решениях, затрагивающих положение в России. Можно со всей ответственностью утверждать, что Моисей Сергеевич служил очень важным негласным связующим звеном между Парижем и белыми армиями в России. Однажды Аджемов даже совершил довольно дальнюю в те времена поездку к Екатеринодар к самому А.И. Деникину, чтобы уговорить того признать верховным правителем России адмирала А.В. Колчака, поскольку именно так хотели тогда политические монстры из Антанты.

Во время развернувшейся гражданской войны в России и особенно после окончания этого общенационального противостояния во Францию, как и в ряд других европейских государств, хлынул мощный поток эмигрантов из нашей страны. Часто они оказывались за границей в очень тяжелом материально-финансовом положении. Вместе с тем среди российских эмигрантов нередко встречались и те, кому довольно быстро удалось неплохо приспособиться к новым жизненным условиям, своеобразным реалиям заграничного быта. Среди них оказался и донской армянин Моисей Сергеевич Аджемов, энергичный человек невысокого роста, всегда очень модно одетый. Личность Аджемова была соткана из весьма противоречивых качеств. В нём профессиональная финансово-экономическая рационалистичность причудливо сочеталась с исключительным идеализмом и философско-политическим романтизмом. В полном соответствии с начавшимся бурным XX веком в его биографии широко представлена богатая гамма интересов, мотиваций, потребностей и экспектаций. Он отчетливо понимал, что исторически сложившее единство политического, религиозного и культурного развития армянского и русского народов находилось в общем духовном, эмоциональном и ментальном поле. Причем Аджемов не только это прекрасно понимал, но и стремился творить историю нашей страны во благо ее народов.

Оригинальный склад ума и удивительная чистота души, сильные человеческие чувства, ярко выраженная самобытность помогали провинциалу по своему происхождению, донскому армянину М.С. Аджемову быть в самой гуще исторических событий. Ему очень часто в жизни приходилось принимать изначально рискованные и нестандартные решения, тем не менее совершаемые поступки были результатом упорной аналитической работы и довольно тонкого расчёта. Моисей Сергеевич прожил относительно долгую жизнь и окончил свои дни в далеком Париже уже после Второй мировой войны, в 1950 г. Его имя, к нашему сожалению, оказалось надолго забытым на Родине, во благо которой он отдал так много своих жизненных сил. Возвращение из исторического небытия такой неординарной личности, безусловно, пополнит национальную историю России.

Примечания

1. Право. 1905. № 14. С. 1114.
2. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.89.
3. Петровский А.И. Донские депутаты во II Государственной Думе. СПб, 1907; Члены II Государственной думы. Биографии, сравнительная характеристика I и II Государственной думы. СПб., 1907.
4. Берберова Н.Н. Люди и ложи // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 140–141; № 4. С. 161.

С.А. Санеев

Начальник Черноморского округа Б.М. Шелковников

Б.М. Шелковников управлял Черноморским округом чуть более одного года, но оставил очень заметный след в истории Новороссийска, заложив Городской сад, ныне парк культуры и отдыха им. В.И. Ленина. Бебут Мартиросович Шелковников – дворянин, родился в 1837 г. в г. Нуха. Учился в кадетском корпусе в Москве, где стал Борисом Мартыновичем. По окончании корпуса в 1855 г. он добился перевода на Кавказ, в район боевых действий. Командуя артиллерийским взводом, заслужил в боях ордена Святого Станислава и Святой Анны с мечами и направление на учебу в Военную академию Генерального штаба. В академии вместо сдачи выпускных экзаменов поручик Б.М. Шелковников был направлен на подавление Польского восстания 1863 г. За бой под деревней Вир, когда драгуны под его командованием разгромили повстанцев и захватили их знамя и орудие, Борис Мартынович был произведен в штабс-капитаны и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Академия зачла этот подвиг в качестве выпускного экзамена.

Оправившись от ран, полученных в Польше, Б.М. Шелковников три года прослужил в Управлении генерал-квартирмейстера Кавказской армии, после чего стал начальником Закатальского округа, отличавшегося постоянными волнениями. За десять лет Борису Мартыновичу удалось «усмирить» округ – примирить враждующие между собой народности. При нем были построены сельские школы, сохранившиеся за счет сельских обществ, дороги и другие объекты. Деятельность Бебута-бека, как его называли лезгины, была оценена производством в полковники, награждением орденами Святых Владимира 4-й степени, Станислава 2-й степени и Анны на шею [1].

Назначение Б.М. Шелковникова начальником Черноморского округа стало неожиданным для всех. Но наместник на Кавказе считал, что только Борис Мартынович сможет оживить его колонизацию. Надежды на заселение округа казаками не оправдались. Созданный из поселений на побережье в 1864 г. Шапсугский береговой батальон в 1870 г. был расформирован [2].

Полковник Б.М. Шелковников приехал в Новороссийск в марте 1876 г., до официального утверждения его начальником округа, которое состоялось 8 июля. Город был небольшой, располагался между современными улицами Толстого и Кутузовской, не поднимаясь выше улицы Энгельса. Руководство округом Борис Мартынович начал, как бы сказали сейчас, с субботника. Дом начальника округа находился на углу современных улиц Революции 1905 года и Энгельса, выше Николаевской церкви. За церковью, а значит, и перед домом начальника, находилось пустое место. В начале апреля его распланировали и там собрались жители с лопатами. Кто-то принес свои саженцы, остальные

получили саженцы, привезенные из Сочи, а также подаренные городу агрономом Ф.И. Гейдуком из собственного питомника. После того как выкопали ямы под деревья, прошел торжественный молебен, освятивший закладку сада, и Борис Мартынович посадил первое дерево. После завершения посадки он пригласил именитых жителей к себе на торжественный обед. Сад обнесли забором, проложили водостоки от Вербовой балки, и тем же летом горожане начали в нем [3].

Сохранившиеся в Новороссийском городском архиве дела не дают представления о кипучей деятельности нового начальника округа. Они рассказывают о рутинной переписке «об отводе частным лицам плановых мест под строительство домов», о согласовании «справочных цен на продовольствие, фураж», «о причислении иностранных подданных к Новороссийским мещанам» и других подобных мероприятиях [4]. Б.М. Шелковников уделял очень много внимания благоустройству города. По его приказу рыли колодцы на улицах города. Предвидя его дальнейший рост, он закрыл кладбище на горе (ныне Октябрьская площадь) и открыл новое. Приступил к строительству пристани и реорганизации полиции. Для финансирования городских работ он добился отчисления в городской бюджет пятой части сборов Новороссийской таможни [5]. Летом Б.М. Шелковников объехал вверенный ему округ. Дороги, представлявшие собой чуть расширенные черкесские тропы в горах, повергли его в ужас. С военной точки зрения, по ним невозможно было перебрасывать войска с артиллерией и обозами, а достаточного количества кораблей у Черноморского флота, связанного Парижским мирным договором, ещё не появилось. Борис Мартынович добился выделения денег, и с февраля 1877 г. начались работы по прокладке берегового шоссе с двух сторон от Туапсе к Новороссийску и от Сочи к Адлеру [6]. Он поддержал инициативу капитана 2-го ранга Н.П. Обезьянинова, и в 1876 г. в Новороссийске был открыт мореходный класс с годовым бюджетом в 8 тыс. руб. В этом закрытом пансионе обучалось 25 мальчиков мореходству, судостроению и рыболовству. Из-за начавшейся Русско-турецкой войны этот класс пришлось закрыть. После войны занятия в нем так и не возобновились [7].

Единственное, к чему не успел серьезно приступить Б.М. Шелковников, так это к «оживлению колонизации побережья». Этому помешала начавшаяся 12 апреля 1877 г. Русско-турецкая война. На территории Черноморского округа, как и в ряде областей Кавказа, было объявлено военное положение [8]. Перед начальником округа встала проблема защиты побережья от турецкого флота, который имел в своём составе 6 броненосных фрегатов, 9 броненосных корветов, 2 монитора, 5 броненосных канонерских лодок. Еще был неброненосный военный флот и 43 транспортных судна. На всех них было 729 орудий и 16 038 чел. команды [9]. У Черноморского флота в составе 2 круглых броненосцев-«поповок», 4 винтовых корветов, 13 паровых шхун,

5 мобилизованных торговых пароходов и царской яхты «Ливадия», имевшей гребные колеса, не хватало сил для обороны главных портов Чёрного моря – Одессы и Севастополя. Для защиты Николаева, Одессы и Керченского пролива срочно строили деревянные плоты, вооруженные артиллерией [10].

У Б.М. Шелковникова не было ни войск, ни артиллерии, ни флота. Гарнизон Новороссийска состоял из 90 чел. и гребной флотилии. Баркасы с шестью гребцами и рулевым доставляли по побережью различные грузы, в первую очередь, продовольствие и пассажиров. Вооружить баркасы не удалось, и они выполняли все перевозки без какого-либо оружия [11]. Борис Мартынович принял решение минировать Цемесскую бухту. Это выполнили моряки гребной флотилии, сбрасывая мины, оставшиеся от Константиновской морской станции. Он понимал, что заграждение имеет скорее моральное значение, нежели боевое. Поэтому позволил одному из жителей Новороссийска дать информацию в журнал «Русский мир», которую перепечатала газета «Кавказ»: «Теперь наш город обезопасен от нападения неприятеля, бухта заграждена; сегодня или завтра ждем войск и артиллерии...» [12]. Но войска с артиллерией так и не подошли. На стороне защитников Новороссийска был только энтузиазм гребцов флотилии, мечтавших о паровом катере, чтобы пустить «фокус миной» турецкому броненосцу, так как гоняться на весельных шлюпках за броненосцем они не могли. «Реклама» заграждения сыграла свою роль. Турецкий флот, обстреляв Анапу, Сочи и Адлер, в Новороссийскую бухту так и не вошел [13].

Помня Крымскую войну, Б.М. Шелковников перевел из города в станцию Крымскую все государственные учреждения: управление округом, казначейство, таможенную и т.д. Вслед за ними потянулись и жители. «... Более года большинство населения города Новороссийска провело, так сказать, на чужбине – в пределах Кубанской области. Боязнь посещения неприятельскими броненосцами нашей исторической Цемесской бухты, а пожалуй, и бомбардирования города, было так велико, что остались только самые храбрейшие, да и то, оставив при себе из имущества лишь самое необходимое, а всё остальное вывезя в соседние казачьи станицы...», – писала в 1878 году газета «Кавказ» [14].

Много забот у начальника округа вызвала эвакуация конного завода из удельного имения Абрау-Дюрсо в Ставрополе. Железной дороги еще не было, коней перегоняли табунами. Конный завод так и остался на Ставрополе, а в имении развели виноградники и стали делать шампанское «Абрау» [15]. Пока Б.М. Шелковников защищал Новороссийск 10 мая в 9 часов утра два турецких броненосца и один пароход подошли к посту Адлер и после двухчасового обстрела высадили десант в 3000 чел. Находившийся там 3-й пластунский батальон Кубанского казачьего войска отошел с боем к Сочи. Узнав об этом, Борис Мартынович срочно поехал укреплять Сочи с моря, передав

руководство округом полковнику артиллерии Н.Е. Никифораки, фактически перестав им руководить «по необходимости военного времени».

21 мая к посадку Даховскому в Сочи подошли два турецких монитора и «после пятиминутной бомбардировки спустили десант с орудиями на пяти судах. Войска наши, расположенные скрытно в траншеях, согласно заранее сделанных указаний, подпустили гребные суда на двести шагов к берегу и только тогда открыли огонь; немедленно были перебиты все гребцы и рулевые, а затем и находившийся на судах десант. Мониторы, подоспев на помощь, забрали баркасы и ушли к Пицунде. Потеря наша (благодаря траншейным прикрытиям) всего один убитый. Бомбардированием повреждены все здания и церковь», – сообщалось в официальной телеграмме Кавказского наместника [16].

В Сочи турки не вошли, но соседняя Абхазия была ими захвачена. По мнению Б.М. Шелковникова, кроме отряда генерал Алхазова, идущего на Сухум со стороны Ингула, необходимо было еще два: один – через Марухский перевал, а второй – по берегу моря со стороны Сочи. Этот отряд в составе четырех сотен пластунов Екатеринодарского конного полка Кубанского казачьего войска, семи рот пехоты и дивизиона горной артиллерии, всего около двух с половиной тысяч человек, формировал Б.М. Шелковников. 28 июля Сочинский отряд под его командованием двинулся к Сухуму [17].

4 августа отряд подошёл к Гагринскому проходу, который сторожил турецкий броненосец «Ассари-Шевкет». Другого пути через горы не было. Сочинский отряд от уничтожения спас пароход «Великий князь Константин» под командованием капитан-лейтенанта С.О. Макарова. Б.М. Шелковников сообщил об этом командующему Черноморским флотом: «"Константин" поспел в Гагры в самую критическую минуту и увлек за собой броненосец... Приношу сердечную признательность храброму командиру "Константина", помощь которого содействовала одержанию блистательной победы при форсировании неприступных высот проходов Гагринских вверенным мне отрядом» [18].

Победа под Гаграми вызвала панику в турецком войске. 11 августа Сочинский отряд захватывает Гудауты, а с освобождением 20 августа Сухума турки были изгнаны за пределы Российской империи. За этот поход Б.М. Шелковников был удостоен звания генерал-майора, а солдаты сложили бесхитростную песню:

По приказу из Тифлиса
С Сочи двинулись мы в путь,
Чтоб пашей Фазли, Эдриса
Из Сухума всех турнуть.
Турок драться по сухому
Уж не хочет к нам идтить,

Чуду-юду, вишь, морскому
Приказал нас перебить.
Эх ты турок, друг дурашный,
Тут твоя брат не возьмёт:
Броненосец нам не страшен –
Нас Шелковников ведёт.

После этого Б.М. Шелковников повел отряд в Сочи. Вооруженный парход «Веста» под командованием Баранова привез заболевшего Бориса Мартыновича в Новороссийск. Новороссийцы встречали героя войны с радостью, цветами и венками. Теплая встреча ускорила выздоровление Б.М. Шелковникова, назначенного по распоряжению Кавказского наместника начальником Сухумского отдела (освобожденной Абхазии), с сохранением должности начальника Черноморского округа. Но в конце сентября его вызвали телеграммой в действующую армию. За участие в Авлиарской битве, когда руководимый им отряд зашел в тыл противника, он был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени.

Вернуться в Новороссийск ему не удалось. Великий князь Михаил назначил Б.М. Шелковникова военным губернатором Арзерумской области. 5 ноября 1877 г. он прибыл в Гасан-Кале и приступил к исполнению своих обязанностей. Прежде всего ему надо было обеспечить русские войска продовольствием, организовать работу госпиталей и лечение раненых. За такой сложной и тяжелой работой Борис Мартынович не обращал внимания на свое здоровье. 20 января 1878 г., возвратясь из поездки по округу, он почувствовал, что простыл, но не придавал этому значения. Предстояло его участие в переговорах о сдаче Эрзерума. Переговоры шли успешно, но «лёгкая простуда» переросла в тиф, и 10 февраля 1878 г. Борис Мартынович Шелковников скончался. На следующий день, 11 февраля, русские войска вошли в Эрзерум [19].

Б.М. Шелковникова похоронили в Тифлисе, в ограде армянского монастыря Ванк. Последнюю волю покойного выполнил полковник Н.Е. Никифораки. Газета «Кавказ» в конце года об этом сообщила: «Позвольте просить Вас, через помещения в издаваемой газете настоящего письма, известить гг. офицеров бывшего Сочинского отряда, что пожертвованные ими по почину бывшего начальника отряда, покойного генерал-майора Бориса Мартыновича Шелковникова, в количестве 620 рублей деньги на выдачу единовременных пособий семействам или родным нижних чинов, убитых в делах с турками и возмутившимися абхазцами при движении названного отряда в августе месяце прошлого года к г. Сухум, разосланы мною ныне по собранию о местах жительства гг. губернаторам для выдачи по принадлежности. Заведующий Черноморским округом Н.Е. Никифораки» [20].

Новороссийцы сохранили память о генерале Б.М. Шелковникове. Одна из улиц города получила его имя. Прошли годы. Нет дома начальника округа, закрыто вросшее в город «новое» кладбище, Шелковницкая улица стала улицей 9-го января. Но сад, посаженный Борисом Мартыновичем, сохранился до наших дней и служит любимым местом гуляний не одного поколения новороссийцев.

Примечания

1. Потто В. Генерал Бебут Мартиросович Шелковников // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. С. 314, 322.
2. Казачьи войска. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. Спб., 1912. С. 138.
3. Черноморское побережье. 1908. № 311. 20 августа.
4. Муниципальное учреждение «Архив администрации г. Новороссийска». Ф. 4. Оп. 1. Д. 68, 69, 75.
5. Черноморское побережье. 1908. № 311. 20 августа.
6. Кавказ. 1878. № 243. 28 октября.
7. Кавказ. 1877. № 14. 30 января; № 30. 23 февраля.
8. Кавказ. 1877. № 65. 13 апреля; № 66. 14 апреля.
9. Кавказ. 1877. № 65. 13 апреля.
10. Мельников Р.М. Постройка плавучих броненосных батарей на Чёрном море // Судостроение. 1977. № 8. С. 68
11. Кавказ. 1877. № 158. 9 августа.
12. Кавказ. 1877. № 120. 19 июня.
13. Кавказ. 1878. № 6. 7 апреля.
14. Кавказ. 1878. № 206. 25 августа.
15. Архив администрации г. Новороссийска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.
16. Морской сборник. 1877. № 6, № 7.
17. Потто В. Указ. соч. С.324.
18. С.О. Макаров. Документы. Т. 1. М., 1953. С. 195–206.
19. Потто В. Указ. соч. С. 327, 331.
20. Кавказ. 1878. № 264. 23 ноября.

В.В. Смирнов

Публицистика М. Шагинян в «Приазовском крае» (1918–1919 гг.): актуальность культурно- исторической тематики

За долгую творческую жизнь, а она продолжалась свыше 70 лет, Мариэтта Сергеевна Шагинян создала произведения самые разнообразные. Но была в её творчестве «красная нить», пронизывающая созданные ею словесные картины и размышления, – философичность видения и понимания действительности. И эта тенденция начала проявляться с ее первых серьезных литературных шагов.

«Раннее творчество М. Шагинян отразило духовные искания русской интеллигенции, свойственные ей благородные традиции самоотверженного культурного творчества, воспитания читателей в духе передовых идеалов... поиски правильной ориентации в жизни» [1]. Обратим внимание на одну

важную, знаковую деталь этого высказывания. Критик В. Ковалёв, которому принадлежат эти слова, включает творчество М.С. Шагинян в контекст деятельности русской интеллигенции. И это справедливо. В годы Первой мировой и Гражданской войн Мариэтта Сергеевна жила в Нахичевани-на-Дону (1915–1920). М.С. Шагинян активно сотрудничала с либерально-буржуазной газетой «Приазовский край», с которой у нее сложились творческие контакты еще с начала века. Она к этому времени была уже опытным, зрелым журналистом и вела в газете собственную рубрику – «Литературный дневник». Круг тем, которые она поднимала тогда в своих публикациях, довольно разнообразен и широк. В них рассматривались и изучались не только вопросы литературы, искусства, но и проблемы образования, воспитания. Эти публикации представляют для нас и сейчас немалый интерес, так как ширина и глубина кругозора М.С. Шагинян давали ей возможность видеть суть острых социальных и творческих проблем, её размышления не потеряли своей актуальности до наших дней.

Кроме публицистических заметок, очерков, рецензий М.С. Шагинян публиковала на страницах «Приазовского края» и художественные произведения – стихи, рассказы, переводы. В задачу нашей работы не входит их анализ, однако одну очень важную грань стоит выделить. В этих писательских работах М.С. Шагинян проявляется важнейшая составляющая её творчества – жизнеутверждающий гуманизм. Не будем забывать: Гражданская война шла не только на полях сражений. Она перепахала души, умонастроения, отношения людей. Многие представители творческой либеральной интеллигенции впадали в депрессию, теряли нравственные ориентиры, уходили в мистику, эротику. Гуманистические мировоззренческие установки М.С. Шагинян в ее публицистике являлись тем ориентиром, который помогал и ей самой и ее читателям видеть светлые, добрые стороны жизни, верить в Человека. Это, пожалуй, первый урок публицистики М.С. Шагинян того времени для наших дней. Главной опорой человека в годы сложнейших социально-политических перемен, тяжелейших противоречий исторического развития России является культура – такой вывод вытекает из совокупности публицистических текстов М.С. Шагинян.

Ярко выраженная функциональная направленность ее текстов, богатейший арсенал аргументов, языковые ресурсы публицистики являются особенностями литературно-социально-критических работ писательницы. Напомним, в России идет братоубийственная война, в стране разруха, голод, эпидемии страшных болезней, а М.С. Шагинян в одной из своих публикаций размышляет о воспитании детей. А это значит – она смотрит в будущее. Статья «Мальчики и девочки» написана как будто о нашем времени. «Будущее России – это не Европа... Будущее России – это наши дети». И она ставит вопросы: «А какие они сейчас? Что читают? Чему и как учатся?», – и продолжает: Все у них – с

чужого плеча». «Они мало что умеют сами. И виноваты в этом – мы, родители, так как уделяем молодежи мало внимания. У взрослых выскочил какой-то гвоздик из голов в наш “нервный век”». Она говорит о развале школы, приводя убедительные отрицательные примеры работы нахичеванских школ того времени [2].

К этой публикации тематически и проблемно примыкают размышления о детском чтении. И вновь М.С. Шагинян словно не замечает разрушительной войны. Перед ней стоит задача, которая встанет перед страной завтра, её волнуют вопросы нравственного воспитания подростков. Она пишет о значении детской книги в воспитании нового поколения. «Где же детская книга?» – вопрошает она и рассматривает проблемы книгоиздания, в том числе и выпуск дешевой литературы для бедных слоев населения [3].

Вопросы культуры М.С. Шагинян раскрывает в контексте национальных проблем. В статье «Культура и курятник» она идет от общего к частному, затем на новом витке раздумий – вновь к обобщению. И этот путь логики должен убеждать читателя. Мысль, аргументы, доказательства работают в синтезе. М.С. Шагинян говорит о двух уровнях национального сознания: о «культуре в курятнике» (зоологический, природный национализм) и высокой культуре народного духа. «Куриный национализм – это порождение племенного сознания, культурный национализм – порождение самосознания народа». Она пишет о нации не только как единении людей одной народности, а как о порождении истории. «Национальность определяет не фамилия, а душа! Национальный характер “вскармливается” проникнутостью, единством духовного опыта... Есть русский армянин, русский немец. Собирать людей надо не за шиворот, а... за сердце, не ассимиляцией, а единением». Когда в братоубийственной гражданской войне пропаганда в полную силу использовала националистические (антисемитские, проукраинские, великорусские) и шовинистические идеи, эти слова армянской писательницы несли плодотворное зерно взаимоуважения к разным народам. Национальные взгляды М.С. Шагинян строились и провозглашались одновременно на опыте взаимодействия народов, складывавшегося в процессе длительного соседства друг с другом [4]. Таким историческим единением были проникнуты отношения русского и армянского народов, основанные на общественно-социальных, экономических и культурных ценностях.

Она разоблачает довольно широко распространенные настроения среди части русской интеллигенции о том, что нам нужно учиться у западных стран. Разве это не один из самых болезненных, острых вопросов наших дней? Многие тогда призывали учиться у западных союзников. «Чему?» – спрашивает С.М. Шагинян. И отвечает: «Надо учиться у передовых стран Европы не вообще, а беря у народов Европы только то, что послужит развитию и просвещению России».

Мариэтта Сергеевна хорошо понимала место и роль интеллигенции в жизни России, значение ее влияния на просвещенных людей в трудные для страны времена. В своей работе «Русская интеллигенция» [5] она полемизировала с известным ростовским журналистом Лоэнгрином, написавшем статью «Ждущие суда». «Да, – утверждала М.С. Шагинян, – русская интеллигенция скомпрометирована, у нее нет защитников, но я ее защищаю». Лоэнгрин упрекал интеллигентов, которые занимались «разговорами, митингами». М.С. Шагинян же утверждала: «Смысл и назначение интеллигенции – мысль и речь. Цель её – умственная деятельность, но она должна быть направлена на наше объединение, давать направление, “образумлять события”, т.е. объяснять, делать доступными широкой публике, создавая тем самым идею общего пути. И не надо хоронить Россию. Она только переходит из “вчера” в “завтра”. Неужели перемена есть смерть?»

Под этими словами мог бы подписаться любой публицист, любящий свою страну, они знамя и сегодняшнего времени. И это еще раз подтверждает то, что при глубоком изучении проблем нашего отечества они оказываются близкими в переломные, перестроечные времена, так как их основа мало меняется. В этом – второй урок и, можно сказать, завет публицистики М.С. Шагинян: культурно-исторический, культурологический взгляд на крупнейшие процессы не должен быть подчинен «пустым разговорам и митингам», а направлен на единение народов страны. Наша интеллигенция XXI в. занимается своей «внутренней гражданской войной». Причем либеральные публицисты и общественные деятели не хотят обращать внимания, что либеральные ценности должны «произрастать» исторически, естественно, эволюционно, в процессе освоения их на практике, а не навязываться людям. Идея объединения, обретения общего пути – основная гражданская позиция М.С. Шагинян – проявляется в её публицистике особенно ярко, четко, убедительно.

В своем «Литературном дневнике» М.С. Шагинян не просто исследует проблемы творчества современников, в частности Д. Мережковского, В. Розанова, она обращает внимание на самые болевые точки социально-культурной, литературной жизни страны. Так, полемизируя с известным литературным критиком С. Яблоновским по поводу поэмы А. Блока «Двенадцать», она «защищает» великого поэта. Она в частности пишет: «Блок любит Россию больше, чем ее хулителю, хотя и хулит Россию» [6].

И вновь высказана актуальнейшая мысль, которая сегодня может быть направлена в адрес людей, находящихся в оппозиции к власти и видящих только теневые стороны нашего бытия. Критика без любви к стране разрушительна для нее. Любовь к России допускает любую критику ее недостатков, так как она в таком случае будет «работать» на страну, критика становится конструктивно-созидающей. Эти наблюдения М.С. Шагинян подтверждают

и то, как глубоки корни раскола среди российской интеллигенции, раскола, разрушающего Россию.

Следует обратить внимание и на то, что в заметках М.С. Шагинян содержится немало нестандартных оценок, самобытных толкований творчества своих современников – критическое начало её творчества всегда находилось на достойной высоте. Интересна в этой связи статья-некролог, посвященная оригинальнейшему русскому мыслителю В.В. Розанову. Говоря, что Розанов «загадка для России» (можно добавить, что он – загадка собственно и самой России), она улавливает основной нерв его необычного творчества, которое высоко ценили многие выдающиеся современники. Она, зная лично В.В. Розанова, очень точно характеризует стилистику этого удивительного писателя: «особенная теплота слова, влажность слога, “ужимчивость” мысли... Каждая его строка – золотая». Она пытается разгадать тайну В.В. Розанова и высказывает глубокое и оригинальное предположение, что В.В. Розанов постоянно «смертельно боялся страха смерти» [7]. В наше время, когда фигура В.В. Розанова и его философское наследие привлекают широкое внимание исследователей (издано полное 30-томное собрание его сочинений), загадка необычайного воздействия этого мыслителя вдвойне актуальна. Возможно, В.В. Розанов воплотил собой и своим творчеством самобытность, «внутреннюю сущность» своеобразия русского духа, которую никак не хотели замечать «прогрессисты» и либеральные социал-революционеры. А ведь В.В. Розанов многое объясняет в характере русского народа.

Особый интерес представляет для нас и статья-портрет М.С. Шагинян о Мартиросе Сарьяне. В Нахичевани эти два выдающихся представителя армянской культуры не только встречались, но и подружились. Мартирос Сарьян написал яркий колоритный портрет М.С. Шагинян. М.С. Шагинян дала определение сути сложного по своей художественной манере творчества Сарьяна. Размышляя об изобразительном искусстве с присущей ей широтой взгляда на вещи, она подчеркивает, что есть разные направления, течения, индивидуальные манеры, стили в живописи и в основе их лежит все-таки реальный мир, т.е. они в той или иной степени реалистичны, и она просит читателей не путать реализм с натурализмом. Реализм есть общее в искусстве, но он проявляется в разных формах. М.С. Шагинян здесь предвосхищает идеи французского мыслителя Р. Гароди, высказанные им значительно позже в книге «О реализме без берегов».

М.С. Шагинян старается убедить читателей в том, что Мартирос Сарьян – реалист: «Картины Сарьяна реалистичны, потому что дают нам не только тело, но и душу изображаемых предметов, их сущность». Здесь она демонстрирует широкий взгляд на природу современного изобразительного искусства, которая в XX в. сделала громадный «формальный» рывок под воздействием бурного технического прогресса, его скоростей. И М.С. Шагинян

опирается в этой идее на одну из мыслей самого Сарьяна о живописи и графике: «Положить жизнь при помощи штриха – удел мастера» [8].

М.С. Шагинян, прожив долгую жизнь, была не только свидетельницей крупнейших перемен XX столетия, она жила в этих событиях, которые решали и её личную судьбу. Во время пребывания в Нахичевани М.С. Шагинян пережила очень многое. И всё, что происходило в стране, создавало условия, давало ей материал для осмысления крупнейших проблем, поставленных временем.

Острейшие вопросы социального бытия времен гражданской войны М.С. Шагинян ставит в публицистической статье «События и быт» [9]. Говоря о социальности человека, она подчеркивает значение в её формировании «быта», т.е. конкретных условий существования личности. Она вспоминает статью поэтессы З. Гиппиус, где говорилось о том, что перед войной господствовал быт, событий не было. И М.С. Шагинян подхватывает: а теперь – одни события. «Четыре года назад люди крепко сидели в быте, как птицы в гнездах». Война перевернула жизнь людей. Везде – масса беженцев, дороговизна, всем руководит голая выгода. «Дом», формирующий человека, перестал быть «обителью», защитой, духовным гнездом. Он стал «кровлей», проходным местом. Война сдвинула человека с места. Стал теряться «домашний уют», отсюда – обесценивание дома как «семейного гнезда». М.С. Шагинян называет этот процесс, на глазах становящийся массовым, «могучим сдвигом в сознании обывателя». Вместо сущностного обладания приходит внешнее владение, стяжание. Старый быт убивает война, и наступает «междубытие». Эти наблюдения М.С. Шагинян позволяют по-новому взглянуть на эпоху войн и революций, на их влияние на бытие человека.

Долгие годы своей жизни М.С. Шагинян вела дневник, записывала она свои наблюдения и впечатления и во время пребывания в Нахичевани-на-Дону. Они легли потом в основу ее автобиографического романа «Перемена». При сравнении её публицистики и художественного текста романа видно, как использовала писательница особенности своей стилистики и как работа в газете помогла формировать ей художественную ткань романа. И это было не прямое влияние – два близкие, но разные типы творчества предопределяли манеру и подходы автора к документальным фактам. Публицистические жанры давали ей возможность высказать мысль обнаженно, более того, отдавать ей предпочтение. В художественном тексте всё было «упрятано в картинки»: случаи, происшествия, сценки, описания...

В целом публицистика М.С. Шагинян в «Приазовском крае» в контексте Гражданской войны носила яркий социальный характер. Газета позволяла писательнице ставить и обсуждать злободневнейшие вопросы и литературы, и культуры, и социальной жизни с той глубиной и обнаженностью, которые делали ее размышления актуальными – они будили общественную мысль.

Во времена великих перемен они обнажали корневую суть русских проблем, поэтому они созвучны нынешней революционной перестройке России.

Примечания

1. Ковалёв В. Художник-мыслитель, свидетель главных событий века (предисловие) // Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. Человек и время. История человеческого становления. М., 1986. С. 52.
2. Шагинян М. Мальчики и девочки // Приазовский край. 1918. 11 октября. С. 2.
3. Шагинян М. Детская книга // Приазовский край. 1918. 16 декабря. С. 4.
4. Шагинян М. Культура и курятник // Приазовский край. 1918. 20 октября. С. 2.
5. Шагинян М. Чему они нас научат? // Приазовский край. 1918. 18 ноября. С. 4.
6. Шагинян М. Ответ Сергею Яблоновскому. Открытое письмо // Приазовский край. 1918. 4 октября. С. 2.
7. Шагинян М. В.В. Розанов // Приазовский край. 1918. 9 декабря. С. 4.
8. Шагинян М. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1956. С. 501–502.
9. Шагинян М. События и быт // Приазовский край. 1918. 11 ноября. С. 2.

Ю.А. Стецура

ВЫДАЮЩИЕСЯ АРМЯНЕ АРМАВИРА И ИХ ВКЛАД В ИСТОРИЮ И КУЛЬТУРУ ГОРОДА, РЕГИОНА, СТРАНЫ

В 2012 г. исполняется 173 года городу Армавиру. За эти годы армавирские армяне внесли значительный вклад в становление и развитие Армавира, южного региона и страны в целом. 21 апреля 1839 г. на левый берег Кубани, напротив крепости Прочный Окоп, по приказанию генерала российской армии Г.Х. Засса майором Венеровским были приведены горские армяне, ставшие первопоселенцами безымянного аула. Армавир был основан российскими военными властями, которые до мелочей продумали и осуществили все необходимые мероприятия по переселению и обустройству черкесо-гаев (горских армян) на новом месте [1].

В 1875 г. через Армавир прошла железная дорога Ростов-на-Дону – Владикавказ, это стало переломным моментом в истории Армавира и его жителей. Патриархальный аул горских армян получил в 1876 г. статус села, в нем проживало 4603 чел., из которых коренных жителей черкесо-гаев было 3715 чел., или 80,7 %, а иногородних – только 888 чел., или 19,3 %. К 1902 г., через 26 лет, численность населения выросла почти в 5 раз и достигла 22 310 чел., из них коренных жителей черкесо-гаев – 4859, или 21,8 %, иногородних – 17 451, или 78,2 % [2]. 23 марта 1914 г. было утверждено положение Совета министра о преобразовании Армавира в город.

За годы советской власти город Армавир превратился в один из промышленных центров Краснодарского края. По переписи 2002 г. в городе проживает 211 824 человек, из которых армяне составляют 18 262 чел., или 8,6 % всех жителей Армавира [3].

Переселение горских армян на равнину у реки Кубани обуславливалось, как справедливо отмечает С.Н. Ктиторov, несколькими причинами. Во-первых, спасаясь от религиозных преследований, черкесо-гаи хотели сохранить свою христианскую веру, потеря которой грозила окончательной утратой национальной идентичности и привела бы к полной ассимиляции среди горцев. Во-вторых, переселение черкесо-гаев к русским границам способствовало установлению регулярных контактов с армянским духовенством и своими единоплеменниками из Нахичевани-на-Дону, Ставрополя, Кизляра и других городов Северного Кавказа. В-третьих, Россия также была заинтересована в переселении горских армян на Кубань. При посредничестве черкесо-гаев военные власти рассчитывали привлечь население Закубанья к мирной торговле. В-четвертых, спасая черкесо-гаев от религиозных притеснений, Россия обрела в их лице верных союзников-христиан [4].

Большую роль в социокультурной жизни региона сыграл армянский священник и просветитель Карапет Арцивян. Он переехал в аул в 1840 г. Все дальнейшие годы служил священником в армяно-григорианском молитвенном доме, а затем в армянской Успенской церкви Армавира. При его участии по предложению ставропольского армянского священника Петроса Патканяна в 1848 г. безымянный аул чекесо-гаев получил название Армавир в память о первой столице Армянского царства [5]. Становление Армавира проходила в годы Кавказской войны. Орденами России были награждены 53 горских армянина [6].

Из среды армавирских армян в XIX–XXI вв. вышли выдающиеся деятели предпринимательства и культуры, организаторы промышленного производства, участники Великой Отечественной войны, ученые, выдающиеся спортсмены. Видную роль в развитии промышленности Армавира и Юга России сыграли братья Иван и Степан Аведовы, создав собственную фирму «Торговый дом С. и И. Аведовы». В 1913 г. акционерное общество заводов братьев И. и С. Аведовых имело основной капитал 1,5 млн руб. [7].

Известная в Армавире купеческая династия Тарасовых образовала «Торговый дом братьев Тарасовых», который в 1900 г. был преобразован в «Товарищество мануфактур братьев Тарасовых» с основным капиталом в 3 млн руб. В 1912 г. был создан Северо-Кавказский коммерческий банк, который субсидировал строительство Армавиру-туапсинской железной дороги. Братья Тарасовы занимались благотворительностью, жертвовали большие суммы денег на образование, медицину, благоустройство городов Армавира, Екатеринодара.

В 1910 г. Гавриил Гавриилович Тарасов построил в Москве по проекту архитектора И.В. Жолтовского дом в стиле итальянского Возрождения (в настоящее время это здание Института Африки Российской академии наук). Другой представитель Тарасовых – Николай Азаревич – неоднократно помогал крупными денежными пожертвованиями МХАТу, образовал Русский театр миниатюр «Летучая мышь» (1908–1920 гг.).

Из династии Тарасовых вышел всемирно известный французский писатель Анри Труайя (литературный псевдоним). Он создал беллетризованные биографии Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя. Анри Труайя признавался во Франции самым читаемым и самым знаменитым писателем в XX в. Его перу принадлежит более 70 книг. В их числе роман «Пока существует земля», где описана со слов родителей жизнь его семьи в дореволюционной России и в частности в Армавире и Москве [8].

Яркую страницу в историю города и страны вписал представитель первых переселенцев черкесо-гаев Минас Георгиевич Чентемиров. Он был видным советским и российским государственным деятелем. Минас Георгиевич назначался первым заместителем председателя Совнархоза России, заместителем министра нефтеперерабатывающей отрасли, первым заместителем председателя Госстроя СССР. За инновационные методы в строительстве М.Г. Чентемиров в 1958 г. был удостоен звания Героя Социалистического труда. В феврале 1980 г. за активное содействие в социальном, экономическом развитии города Армавира Чентемирову Минасу Георгиевичу присвоено звание «Почетный гражданин города Армавира» [9].

Род Чубаровых хорошо известен на юге России. В Армавире Чубаровы появились с первыми поселенцами. Александр Иосифович Чубаров – первый генеральный директор производственного объединения «Точмашприбор». Под руководством Чубарова уже в 1961 г. вступил в строй первый и единственный в городе информационно-вычислительный центр. В 1971–1975 гг. коллектив завода освоил выпуск 34 наименований новых машин, выполняя уникальные задания для оборонного и космического комплекса страны [10].

Народным директором называют Гургена Сероповича Григорьянца, генерального директора масложиркомбината «Армавирский», почетного гражданина города Армавира, заслуженного работника пищевой индустрии Российской Федерации, почетного профессора Краснодарского технического университета.

Семья Григорьянца прибыла в Армавир в 1922 г., в сложное время для армянского народа, когда многие семьи вынуждены были в 1915–1922 гг. бежать от турок. В России, в Армавире они нашли свою вторую родину. Гурген Серопович Григорьянец отмечает, что «армяне, живущие в России, должны быть благодарны ей не только за то, что она приютила многие семьи, но и дала нам образование, работу. Мы никогда не чувствовали себя людьми “второго со-

рта”, и нам была предоставлена возможность активно участвовать в созидании и развитии страны. Мы, армяне, всегда должны помнить это». Жизненный путь Григорьянца подтверждает его слова. Трудовую деятельность он начал в 18 лет. С 1952 по 1956 гг. проходил срочную военную службу в группе советских войск в Германии.

С 13 февраля 1957 г. по настоящее время Гурген Серопович работает на масложиркомбинате (ныне открытое акционерное общество «Масложиркомбинат “Армавирский”»). За годы работы на МЖК им пройден путь от рабочего цеха до генерального директора одного из крупнейших предприятий масложировой отрасли России. За 18 лет его руководства комбинат стал предприятием современной технологии, соответствующей мировому уровню.

Продолжая традиции предпринимателей начала XX в., Г.С. Григорьянец проявляет заботу о здравоохранении, образовании, инвалидах, ветеранах, малообеспеченных семьях. Благодаря Гургену Сероповичу для многопрофильной городской больницы № 3 были приобретены два аппарата искусственной почки, что спасло жизни многим армавирцам и жителям сельских районов. В 2001 г. на ремонт больницы было затрачено 1,2 млн руб. [11].

Продолжая героические традиции предков, армавирские армяне проявили себя на фронтах Великой Отечественной войны. Среди армавирцев – Героев Советского Союза Манукян Акоп Балабекович. В действующую армию, на Северо-Кавказский фронт он прибыл в марте 1943 г. после двух лет службы на Дальнем Востоке. Шли ожесточенные бои за плацдарм на Малой земле. За время боев на Северном Кавказе Манукяном совершено 30 боевых вылетов, проведено 23 воздушных боя, сбито шесть вражеских самолетов. Ко времени капитуляции фашистской Германии он совершил свыше 300 боевых вылетов. В 60 воздушных боях сбил 26 самолетов противника [12].

Активным участником французского Сопротивления был Бадалов Амбарцум Арсентьевич, награжденный французскими орденами «Крест войны», «Крест атак-44», «Мадам Волантер».

19 февраля 1943 г. А.А. Бадалов был ранен в голову и без сознания взят в плен. Амбарцум Арсентьевич организовывал побег военнопленных на юге Франции. Отряд Бадалова участвовал в военных операциях в районе Лозер-Гар. Он взорвал большой мост недалеко от Ла-Калмета, и тем самым приостановил отступление 18-й фашистской армии. За участие во французском Сопротивлении, героизм и мужество лично генерал Ш. де Голль вручил А.А. Бадалову французский орден Крест войны (1944) [13].

Гражданский и человеческий подвиг в годы Великой Отечественной войны совершил Рубен Казарович Хачатуров – первый директор Армавирской школы-интерната для глухих и слабослышащих детей. Немецкая авиация регулярно осуществляет бомбардировки города. Одна из бомб попала в здание

школы. Летом 1942 г. 57 учащихся во главе с директором пешком вышли из города и двинулись в сторону г. Нальчика. Преодолевая невероятные трудности с больными детьми, Хачатуров преодолел по военным дорогам путь протяженностью около 800 км. Больных детей подобрал санитарный поезд. Так молодой педагог спас детей разных национальностей от неминуемой смерти.

Родители Саввы Артемовича Дангулова – коренные жители Армавира. Важным этапом в жизни и деятельности С.А. Дангулова была его корреспондентская работа в газете «Красная звезда» (1936–1943 гг.). С 1943 по 1946 гг. он находился на дипломатической работе в качестве пресс-атташе в советском посольстве в Румынии. С 1955 г. в течение пятнадцати лет был заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература». В 1969 г. С.А. Дангулов назначается главным редактором журнала «Советская литература» на иностранных языках, пропагандирует художественную литературу во многих странах мира. Основными его произведениями стали романы «Дипломаты» (1966 г.) и «Кузнецкий мост», которые были переведены на многие иностранные языки.

По его инициативе и при материальной поддержке (гонорар за роман «Дипломаты») в г. Армавире в 1983 г. было построено здание Центральной детской библиотеки имени Зои Космодемьянской. Это пятиэтажное бетонное здание в виде раскрытой книги украшает одну из центральных улиц Армавира. Благодаря С.А. Дангулову библиотека стала единственной в стране обладательницей картинной галереи, в которой представлено более 180 произведений живописи, графики, скульптуры известных советских и зарубежных художников [15].

Борис Минаевич Каспаров – член Союза писателей СССР, из горских армян. Б.М. Каспаров с первых дней Великой Отечественной войны вступил в бой с немецкими захватчиками. Спустя много лет писатель рассказал о самых трудных, первых днях Великой Отечественной войны. Во время неудачного контрнаступления наших войск под Харьковом в 1942 г. Каспаров оказывается в окружении, в «котле», попадает в плен. Воспользовавшись ситуацией, Борис Минаевич бежал из плена. Пробившись через линию фронта, он продолжил борьбу с врагом в рядах Красной Армии. До конца 1944 г. Борис Минаевич находился в действующей армии, но после тяжелого ранения был признан инвалидом и вернулся в Армавир. Память о войне, о пережитом и увиденном он поведал в своих рассказах, пьесах, литературных произведениях. Б.М. Каспаров печатался в журналах «Кубань», «Дон», «Вокруг света», в центральных и региональных газетах. Б.М. Каспаров известен не только как писатель, драматург, литературный критик, но и как переводчик. Им сделан авторизованный перевод на русский язык романа Исхака Машбаша «Оплаканных не ждут» [16].

Многие учителя современной России, ближнего и дальнего зарубежья используют книги по развитию математических способностей учащихся

Сергея Григорьевича Манвелова, доктора педагогических наук, профессора, заслуженного учителя Российской Федерации. Он один из немногих ученых Армавира, которые активно печатаются по проблемам содержания и организации математического образования в ведущих российских издательствах. В издательстве «Просвещение» были изданы «Методические рекомендации по курсу алгебры: книга для учителя», «Задания по математике на развитие самоконтроля учащихся», «Конструирование современного урока математики: Книга для учителя». Научные разработки С.Г. Манвелова неоднократно переиздавались. Он регулярно печатается в реферируемых изданиях ВАК, в журналах «Математика в школе», «Квант», «Начальная школа» и др. [17].

В современной России широко известен в спортивных кругах Рудольф Мкртычевич Бабоян, многократный чемпион мира и Европы по борьбе самбо, мастер спорта международного класса, заслуженный тренер России, судья международной категории. В 1992 г. по его инициативе была открыта детско-юношеская краевая спортивная школа олимпийского резерва по борьбе самбо и дзюдо. В школе, которой руководит Рудольф Мкртычевич Бабоян, занимается около 700 человек, работает 17 высококвалифицированных тренеров. В спортивной школе, которой 20 лет руководит Р.М. Бабоян, подготовлены чемпионы мира и Европы, заслуженные мастера спорта России и мастера спорта международного класса. Спортивная школа борьбы самбо и дзюдо Р.М. Бабояна является одной из лучших в Краснодарском крае и России [18].

За 173 года истории Армавира выдающиеся армяне оказывали и оказывают значительный вклад в социокультурную жизнь города, края, страны. Сохранив национальную идентичность черкесо-гаев, предоставив в 20-х гг. XX в. убежище армянам, бежавшим от турок, Россия спасла их не только физически, но и духовно, создав условия для развития творческих, интеллектуальных, организаторских способностей. Выдающиеся армяне Армавира внесли значительный вклад в историю и культуру города, региона России, СССР и Российской Федерации.

Примечания

1. Ктиторov С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир, 2002. С. 35–56.
2. Ктиторov С. Лики старого Армавира. Кубанское селение на почтовой открытке начала XX в. 2010. С. 3.
3. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Краснодарскому краю: в 13 тт. Т. 13. Краснодар, 2006. С. 148–149.
4. Ктиторov С.Н. История Армавира. С. 39–40.
5. Ктиторov С.Н. История Армавира. С.55; Именитые граждане Армавир. Армавир. С. 17–18.
6. Именитые граждане Армавира. С. 48.
7. Там же. С. 16–17.

8. Там же. С. 39–40
9. Там же. С. 213.
10. Там же. С. 193.
11. Петрова В. Народный директор // Армавирский собеседник. 2012. 2 марта; Именитые граждане Армавира. С. 2.
12. Именитые граждане Армавира. С. 62–63.
13. Там же. С. 49–50.
14. Там же. С. 134–135.
15. Добрый след на земле. К 90-летию со дня рождения С.А. Дангулова: Очерк. Армавир, 2002. С.3 – 9; Именитые граждане Армавира. С. 202–203.
16. Именитые граждане Армавира. С. 204–205.
17. Вуз на все времена. История Армавирского педагогического университета. Армавир, 2008. С. 175–177.
18. Именитые граждане Армавира. С. 216–217.

В.О. Халпахчян

ИТАЛЬЯНСКИЙ ХУДОЖНИК – УРОЖЕНЕЦ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ШИЛТЯН (1900–1985): ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Григорий Иванович Шилтян – это известный итальянский художник Gregorio Sciltian. Его произведения есть во многих музеях Италии и других стран Европы (например, в Музее современного искусства в Париже и в Королевском музее в Брюсселе), но подавляющее большинство его творческого наследия хранится в частных собраниях, поскольку на протяжении десятилетий Шилтян был очень востребованным портретистом (в том числе официальным портретистом семьи князя Монако Рене III).

Г.И. Шилтян много работал и по заказу Ватикана, и для церквей Италии. Например, для баптистерия римской Базилики Непорочного сердца Девы Марии (Basilica del Cuore Immacolato di Maria) он выполнил (в 1960–1962 гг.) цикл из девяти полотен на сюжет «Крещение Христа». Кроме того, Шилтян был популярным художником театра (опера С. Прокофьева «Война и мир» до сих пор идет в Италии в его декорациях), а также книжным иллюстратором (например, в 1968 г. он оформил итальянское издание «Анны Карениной» Л.Н. Толстого).

Григорий Иванович Шилтян (или Шилтов, как писал свою фамилию его отец) родился 20 августа 1900 г. в Нахичевани-на-Дону, в семье адвоката и нотариуса, практиковавшего в Ростове. «Мой дед по отцу, – писал художник в своей автобиографии, – прибыл в Нахичевань из Турции в 1820 г. Он прославился тем, что первым в городе стал носить перчатки. Отец рано осиротел,

почему был отправлен на учебу в Москву, в Лазаревский институт, при котором действовал и Институт восточных языков, известный во всем мире. Здесь возвращали дипломатов и ученых. Поскольку мой отец был беден, дипломатическая карьера была не для него. По окончании Лазаревского института он поступил на юридический факультет Московского университета. Окончив полный курс, отец возвратился в родной город, где открыл адвокатскую практику, а впоследствии стал исполнять и обязанности нотариуса» [1].

Мать Григория Ивановича была из семьи крупных нахичеванских промышленников Мелконовых-Езековых. «Семья моей матери, – вспоминает Шилтян в своих мемуарах, – была, наоборот, очень богата. Несколько поколений этой семьи успешно занималось выделкой кож, в их собственности был целый остров посреди донского русла, где работала фабрика, построенная еще моим прадедом, на которой в начале XX в. было занято более трех тысяч работников. По семейной традиции, мальчиков отправляли за границу учиться коммерции и бухгалтерии. Трое моих дядей немало лет прожили один в Лондоне, другой в Бремене, а третий в Вене. Моя же мать и ее сестры обучались в Москве, в известном французском колледже Де Мюшель. Когда я родился, моего деда уже не было в живых, и главой семьи была бабушка. Ее большой дом в тридцать комнат ... считался в Нахичевани самым богатым и самым гостеприимным, там устраивались настоящие пиры. Однажды у бабушки гостил и патриарх всех армян Католикос Измирян, когда возвращался из Петербурга, где представлялся Государю. Он держал речь с нашего балкона перед толпой, заполнившей всю площадь, и я как сейчас помню этого величавого старика с белоснежной бородой, который поднимался на верхний этаж, опираясь на мое плечо. Мне было тогда шесть лет» [2].

В 1907 г. Гриша Шилтов поступил в ростовскую гимназию Степанова, однако учеба не сильно интересовала его, поскольку «отвлекала» от любимых игр и самостоятельных занятий рисованием. В 1913 г. юноша совершает вдвоем с отцом увлекательную поездку по Германии, где он посещает музеи и галереи Берлина, Кельна и Висбадена. В 1914 г. семья отправляет Григория на учебу в Москву. Отказавшись от Лазаревского института с его суровой дисциплиной, он посещает – до 1915 г. включительно – классическую гимназию Адольфа. Однако главным его времяпровождением является осмотр города, его музеев и выставок, собраний коллекционеров Щукина и Морозова, где он впервые видит произведения европейских авангардистов. С началом войны в Россию вернулись из Парижа и русские их последователи М. Шагал, Н. Альтман, П. Кончаловский, где благодаря статьям Якова Тугенхольда сразу оказались в центре внимания публики и критики. «Когда, через несколько лет, – вспоминал Г.И. Шилтян, – я снова увидел результаты авангардизма в Париже, я нашел этот стиль уже не передовым, но весьма обуржуазившимся: в каждом доме, в каждой псевдоинтеллектуальной гостиной висели по стенам кубисты, фови-

сты, Хуан Грис, Брак, считавшиеся художниками для самой утонченной среды. Более всего ценилась, однако, материальная ценность, а не смелость идей, и более ценился тот, кому удавалось подписать контракт с Полем Розенбергом и ему подобными модными дельцами от искусства. Поэтому лучшими, даже гениальными, были там удачно раскрученные Матисс и Пикассо, стоившие дороже других. Сегодня, 50 лет спустя, эти авангардисты кажутся мне скорее биржевыми маклерами, устроенными и самодовольными, но при этом очень агрессивными по отношению ко всякому, кто посмеет усомниться в их “академизме”» [3].

Неожиданная смерть отца в 1915 г. принуждает Григория Шилтова вернуться в родной город. Посещая гимназию Зайцева, он продолжает заниматься тем, что влечет его больше всего: осваивает секреты живописной техники и берет частные уроки у художника Акима Карповича Ованесова, уроки, живое воспоминание о которых включил потом в свою автобиографическую книгу.

В том же году, в 15-летнем возрасте, Шилтян впервые выставляет свои работы, причем на главной художественной площадке своего региона – на сезонной выставке Ростовско-Нахичеванского общества изящных искусств. «У истоков его стояли люди широкого кругозора и образования. Такие, к примеру, как известный в городе в начале прошлого столетия адвокат, гласный городской думы, коллекционер В.Ф. Зеелер, основатель ростовской живописной школы А.С. Чиненов и другие.

Первые выставки проводились в Ростове в клубе приказчиков, здании городской библиотеки и музея, а также в особняке купцов Мелконовых-Езеховых. В выставках принимали участие такие донские мастера, как Крылов, Дубовской, Греков, Сарьян, Арцатбанян, Агаджанян. Приглашались к участию в донских вернисажах и столичные – московские и петербургские – живописцы. Выставлялись работы Коровина, Левитана, Верещагина, Куинджи. Для “привития вкуса и понятия изящных искусств” ростовские ценители живописи выписывали и выставляли затем для общественного просмотра работы одесских, киевских, парижских, варшавских, лондонских, берлинских, итальянских живописцев. Отчеты о ростовских выставках регулярно публиковались в петербургских и московских газетах. Всего их было проведено восемь. Последняя проходила в разгар гражданской войны» [4]. Навеянные (по собственному признанию художника) работами Обри Бердслея, шесть рисунков и акварелей юного Шилтяна, выставленные в 1915 г., были куплены все «по 25 рублей за штуку».

Из Москвы Шилтов привозит и увлечение кубизмом, которому отдает дань в нескольких работах. В эти годы будущий художник – увлеченный Оскаром Уайльдом юный денди («мы с другом были признаны самыми элегантными юношами Ростова»), основатель «Кружка увядших фиалок», члены которо-

го играют в рулетку, но и не пропускают ни одного спектакля донских гастролей итальянской оперы.

В 1918 г., в разгар гражданской войны, Шилтян бежит из России – бесконечные смены власти и постоянные облавы грозили юноше призывного возраста неминуемой гибелью. Он намеревался достичь Италии, стать профессиональным художником и увидеть все музеи мира. Но путь оказался долог и тернист, а его жизнь не раз подвергалась опасности. В Италию Шилтян попал только в середине 1920-х гг. – через Тифлис, Батум, Крым, Константинополь (1919), а потом Вену (1920–1921), Берлин (1922) и Париж (1923–1924).

Несмотря на тяжелейшие условия эмигрантского существования, художник (за границей он начинает подписывать свои работы «Шилтян») упорно шел к своей цели и совершенствовал мастерство. Он быстро получил признание (его творчество ценили такие критики, как Роберто Лонги), его персональные выставки в галереях Италии и Франции имели успех, его участие в выставках русского искусства (в 1928 г. в Брюсселе, где три работы – картина Шилтяна «Обнаженная», мраморная скульптура Гюрджяна «Сиамская кошка» и деревянная скульптура Стеллецкого «Всадник» – были приобретены государством и вошли в собрание Бельгийского национального Королевского музея изящных искусств, и в Копенгагене в 1929 г.), а также в крупных художественных выставках европейских столиц всегда было отмечено особо. Но жизнь его продолжала оставаться нелегкой вплоть до начала 1940-х гг., начиная с которых Шилтян становится признанным в Италии художником, особенно прославленным как портретист.

Тернистость его пути объясняется тем, что он, вне зависимости от общего настроения своего века, всегда отстаивал реализм как главный принцип художественного отражения жизни и считал, что нефигуративное искусство есть порождение кризиса культуры. В 1943 г. Г.И. Шилтян начал писать автобиографическую книгу «Мои приключения»: она вышла в Италии в 1963 г. в престижном издательстве «Риццоли». Автор обмолвился в частной беседе, что текст книги писался по-русски, а потом им же самим переводился на итальянский язык. Об оригинале на русском языке сведений нет.

Думается, что для читающих по-русски эта книга была бы чрезвычайно интересна. Во-первых, в ней содержатся интереснейшие факты о нахичеванском и ростовском быте начала XX в. Заслуживает внимания и описание событий гражданской войны на Дону – в районах самых чудовищных конфронтаций. Богатый исторический материал содержится в главах, посвященных жизни эмигрантской среды Константинополя, и в главах, посвященных культурной жизни (и самым ярким ее представителям) европейских столиц (Берлина, Вены, Парижа, Рима) между двумя мировыми войнами.

Возможно, эта книга была задумана как первая часть автобиографии. Автор заканчивает свои воспоминания 25 февраля 1942 г., днем, в который он, что

называется, «проснулся знаменитым» – в утреннем выпуске центральной миланской газеты «Коррьере делла сера» появилась хвалебная статья престижного критика Уго Ойетти, посвященная творчеству Шилтяна, что положило, как считает сам художник, начало его славе. Я надеюсь, что когда-нибудь автобиографическая книга Григория Шилтяна выйдет на русском языке полным изданием, снабженным подробной биографией автора, комментарием и именным указателем.

Вторая половина долгой жизни Григория Шилтяна (1942–1985) осталась без автобиографии, которая была бы посвящена, конечно, этапам творческого поиска. Художник постоянно отстаивал принципы реализма в изобразительном искусстве. Уже после первой его персональной выставки в Риме, в 1925 г., критика отметила абсолютную обособленность живописи Шилтяна в современной художественной среде: выдающийся историк искусства Роберто Лонги отметил, что творческий метод Шилтяна опирается на лучшие достижения великих мастеров прошлого – художников фламандской школы, караваджистов, барбизонцев, причем реализм Шилтяна превосходит их своей фотографической точностью отображения натуры.

В 1947 г. Г.И. Шилтян активно поддержал инициативу основания группировки «Современные художники-реалисты» и написал для нее манифест. В нем в частности говорилось: «В противовес Парижской школе, появившейся во Франции, но отражающей глобальную тенденцию упадка, наше течение, родившееся в Италии, есть выражение надежды на возрождение подлинного искусства, символ начала борьбы за его спасение... Мы отказываемся от всей современной живописи, появившейся в период от постимпрессионизма до наших дней, потому что считаем ее порождением эпохи фальшивого прогресса и признаком страшной угрозы, нависшей над человечеством» [5].

Основные идеи этого манифеста Шилтян включил в расширенном варианте в свой «Трактат о живописи» (опубликован позже, в 1960-м г., в Милане), в котором продолжал защищать идеи реализма. В трактате анализируются также художественные жанры и иллюстрируются приемы живописной техники [6].

Группа выступала с регулярными выставками (только с 1947 по 1949 г. их было устроено пять), имевшими успех у публики, но художественная среда откликнулась на это явление, как и на «Трактат о живописи» Шилтяна, краткими публикациями, где художников-реалистов называли «фотографами», «устаревшими ремесленниками», «музейными копировщиками» и награждали другими уничижительными эпитетами. Несколько лет спустя «не заметила» итальянская художественная критика и книгу-автобиографию Г.И. Шилтяна – именно потому, что в ней присутствуют не очень лестные «портреты» повсеместно признанных мэтров, произведения которых давно превратились в чисто материальную ценность.

В 1983 г. осуществилась давняя мечта Григория Ивановича: его работы экспонировались в России – в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, причем некоторые из представленных на выставке произведений были оставлены музеем в дар. Через два года художник ушел из жизни. Супруга Г.И. Шилтяна Елена Абрамовна сумела выполнить главные заветы художника: благодаря ей на озере Гарда, недалеко от Милана, был открыт «Музей Грегорио Шилтяна», а в 1987 г. она преподнесла в дар московской Государственной Третьяковской галерее сепии К.П. Брюллова из собрания художника. К сожалению, по ее смерти, в 1992 г., остальные заветы художника так и не были выполнены, а средства, им оставленные, в частности на устройство приюта для бездомных художников при церкви Санта Марья-ин-Трастевере в Риме, были расхищены душеприказчиками супругов Шилтян.

Примечания

1. Sciltian G. *Mia Avventura*, Rizzoli, Milano, 1963. С. 14–15.
2. Там же. С. 15.
3. Там же. С. 42–43.
4. URL: http://www.snor.ru/?m=articles&an=sc_403; http://ru.hayazg.info/Ростовско-Нахичеванское-на-Дону_общество_изящных_искусств.
5. *Pittura della realtà: estetica e tecnica*, «Ноепли», Milano, 1956. С. 5.
6. Gregrio Sciltian. *Trattato sulla pittura: estetica e tecnica*. Milano, 1960.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамян Лариса Павловна** – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социальной работы и социального права филиала Российского государственного социального университета (РГСУ) в г. Пятигорске
- Абрамян Рафаэл Михайлович** – кандидат педагогических наук, председатель Армянского историко-родословного общества
- Абрамян Ростом Анатольевич** – аспирант кафедры социальных и политических дисциплин Северо-Кавказского института, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в г. Пятигорске (СКИФ РАНХиГС)
- Аваков Петр Ашотович** – кандидат исторических наук, заведующий отделом Аксайского военно-исторического музея
- Авдулов Николай Степанович** – кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского научного центра высшей школы Южного федерального университета (СКНЦ ВШ ЮФУ)
- Акопян Виктор Завенович** – кандидат исторических наук, доцент, доцент Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ)
- Арутюнян Грачик Майорович** – преподаватель кафедры истории Университета Месроп Маштоц (Республика Армения, г. Степанакерт)
- Арутюнян Мгер Александрович** – кандидат исторических наук, доцент, руководитель научного центра «Качар», доцент кафедры истории Армянского государственного университета и Университета Месроп Маштоц
- Арутюнян Юрий Варганович** – член-корреспондент РАН, советник РАН
- Архипенко Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории филологии ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Аствацатурова Майя Арташесовна** – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры инноватики, управления и права Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ)
- Афанасенко Владимир Иванович** – научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Багдасарян Нелли Эдуардовна** – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории Университета Месроп Маштоц (Республика Армения, г. Степанакерт)
- Бархударян Владимир Бахшиевич** – академик НАН РА, советник Президиума НАН РА
- Батиев Левон Владимирович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Белоусов Сергей Степанович** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Бондарев Виталий Александрович** – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт)

- Братолобова Мария Викторовна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент ЮФУ
- Ванян Лилит Вячеславовна** – соискатель Ставропольского государственного университета
- Вартанян Вячеслав Грантович** – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Ростовского морского колледжа им. Г.Я. Седова – Института водного транспорта
- Вартумян Арушан Арушанович** – доктор политических наук, профессор, главный редактор журнала «Региональные политические исследования»
- Великая Наталья Николаевна** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии
- Велиханова Тамила Талибовна** – кандидат исторических наук, преподаватель Дагестанского государственного технического университета
- Власкина Татьяна Юрьевна** – научный сотрудник лаборатории филологии ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Гарунова Нина Нурмагомедовна** – доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета
- Геворкян Гаяне Граати** – соискатель Педагогического института Южного федерального университета (ПИ ЮФУ)
- Герасимова Юлия Николаевна** – кандидат исторических наук, заместитель директора Центрального государственного архива Московской области
- Гомцян Арарат Двинович** – Генеральный консул Республики Армения в Южном федеральном округе РФ, доктор экономических наук
- Горюшина Евгения Михайловна** – младший научный сотрудник лаборатории проблем Северного Кавказа ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Гришин Виктор Владимирович** – генерал-майор авиации, заслуженный военный летчик СССР, председатель общественной организации «Союз ветеранов 4-й воздушной армии ВВС – ПВО»
- Гукасян Мариам Айказовна** – Кубанский государственный университет
- Давтян Акоп Самвелович** – аспирант исторического факультета ЮФУ
- Давтян Давид Альбертович** – аспирант Одесского национального университета им. И.И. Мечникова
- Данилян Ирина Владиславовна** – декан экономического факультета Дербентского гуманитарного института
- Еремеева Анна Натановна** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств
- Зети Полина Петровна** – кандидат политических наук, младший научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Иванцов Игорь Григорьевич** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры управления Майкопского государственного технологического университета (филиал в пос. Яблоновский)

- Илюков Леонид Сергеевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии ЮНЦ РАН
- Казаров Саркис Суренович** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Педагогического института Южного федерального университета (ПИ ЮФУ)
- Казарова Нина Акоповна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Педагогического института Южного федерального университета (ПИ ЮФУ)
- Карапетян Лев Александрович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Краснодарского государственного университета культуры и искусств
- Клычников Юрий Юрьевич** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Истории государства и права России и зарубежных стран Пятигорского государственного лингвистического университета
- Кринко Евгений Федорович** – доктор исторических наук, заместитель директора ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Ктиторов Сергей Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии
- Кумпан Вадим Александрович** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
- Кумпан Екатерина Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
- Курбат Татьяна Георгиевна** – младший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Лазарян Сергей Степанович** – кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский государственный лингвистический университет
- Манукян Сурен Альбертович** – кандидат исторических наук, старший инспектор отдела организации службы ГУФСИН России по Ростовской области
- Матвеев Олег Владимирович** – кандидат исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета
- Месропян Каринэ Эдуардовна** – младший научный сотрудник лаборатории социальных и экономических исследований ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Мирзоян Соня Суреновна** – кандидат исторических наук, заместитель директора Национального архива Армении
- Морозова Ольга Михайловна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент ДГГУ
- Мосесова Карина Юрьевна** – кандидат филологических наук, корреспондент республиканской газеты «Ватан», преподаватель кафедры русского языка Дербентского Филиала ДГУ
- Мхитарян Элина Манвеловна** – аспирант, заведующая отделом в Управлении миграции Министерства социального обеспечения Нагорно-Карабахской Республики

- Невежин Владимир Александрович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- Орлов Сергей Сергеевич** – аспирант Адыгейского государственного университета
- Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт)
- Пирумян Юрий Левонович** – старший научный сотрудник НИИ дезинфектологии Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека
- Раздольский Сергей Александрович** – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Санев Сергей Александрович** – секретарь Новороссийского городского исторического общества
- Сапрыкина Екатерина Сергеевна** – соискатель Института российской истории РАН
- Сапрыкина Лидия Григорьевна** – соискатель Института российской истории РАН
- Саргсян Татевик Эдуардовна** – кандидат исторических наук, главный специалист Научно-исследовательского центра памятникоохранных исследований Автономной Республики Крым (г. Симферополь)
- Саядов Сергей Михайлович** – кандидат исторических наук, исполнительный директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»
- Сериков Антон Владимирович** – кандидат социологических наук, заведующий отделением «регионоведение» ИППК ЮФУ
- Сивков Сергей Михайлович** – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии и истории Южного института менеджмента (г. Краснодар)
- Скорик Александр Павлович** – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт)
- Смеюха Виктория Вячеславовна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета филологии и журналистики ЮФУ
- Смирнов Владислав Вячеславович** – доктор филологических наук, заслуженный работник культуры России, профессор кафедры средств массовых коммуникаций факультета филологии и журналистики ЮФУ
- Стецура Юрий Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии
- Сурмалян Арутюн Арменакович** – кандидат экономических наук, председатель правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»
- Тарасова Тамара Тихоновна** – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальных и экономических исследований ИСЭГИ ЮНЦ РАН

- Тер-Саркисянц Алла Ервандовна** – доктор исторических наук, действительный член РАЕН, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН
- Тикиджьян Руслан Геннадьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Ростовского технологического института сервиса и туризма (филиал Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса)
- Топчянц Георгий Сергеевич** – преподаватель русского языка и литературы РГУПС
- Федина Ирина Михайловна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры сервисной деятельности и туризма Кубанского социально-экономического института
- Ференчук Геннадий Петрович** – соискатель Северо-Кавказского научного центра Высшей школы ЮФУ (СКНЦ ВШ ЮФУ)
- Халидова Ольга Борисовна** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
- Халпахчян Вардуи Оганесовна** – доцент, старший научный сотрудник Ermitage Italia (Италия)
- Хамада Карен** – докторант Токийского государственного университета
- Хлынина Татьяна Павловна** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Царикаева Анжела Руслановна** – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
- Царикаев Алан Тахирович** – кандидат исторических наук, доцент, доцент Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова
- Черноус Виктор Владимирович** – кандидат политических наук, заведующий отделом политологии и политической социологии Южно-российского филиала Института социологии РАН
- Чолахян Вачаган Альбертович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской цивилизации и методики преподавания истории Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
- Швецов Михаил Львович** – руководитель Донецкого центра Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины
- Шишкина Диана Юрьевна** – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры геоэкологии и прикладной геохимии географического факультета ЮФУ
- Юрченко Инна Вадимовна** – доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии ИСЭГИ ЮНЦ РАН
- Юрченко Наталья Николаевна** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета
- Яновский Вячеслав Сергеевич** – кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Современный Кавказ»

СОДЕРЖАНИЕ

Академик Г.Г. Матишов. Предисловие 5

РАЗДЕЛ I. АРМЯНЕ И АРМЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА ЮГЕ СТРАНЫ

<i>Гомцян А.Д.</i> Армяно-российские отношения на современном этапе развития	8
<i>Акопян В.З.</i> Национальные сельсоветы на юге России в 20–30-е гг. XX в.	11
<i>Арутюнян Г.М.</i> Роль армян в деле защиты интересов России на Северном Кавказе	17
<i>Арутюнян Ю.В.</i> Армяне-россияне (по материалам этносоциологического исследования)	22
<i>Аствацатурова М.А.</i> Самоорганизация армянских диаспор на фоне упрочения российской идентичности в этнополитическом пространстве СКФО	28
<i>Афанасенко В.И.</i> Рубеж бессмертного подвига (оборона армянских сёл осенью 1941 г.).....	32
<i>Багдасарян Н.Э.</i> Политика царской России по отношению к ханскому режиму в Карабахе в первой четверти XIX в.	38
<i>Гарунова Н.Н.</i> Влияние переселенческой политики России на Северо-Восточном Кавказе на динамику армянского населения Кизляра в XVIII–XIX вв.....	43
<i>Горюшина Е.М.</i> Южный макрорегион России и Армения: неэффективность трансграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента добрососедства и партнерства (ЕИДП)	49
<i>Иванцов И.Г.</i> Малоизвестные факты истории Армянского района в 1920–1930-е гг.	55
<i>Клычников Ю.Ю.</i> «Приучивши горцев с давних времен все произведения земли сбывать посредством их...»: роль армянского купечества в российской политике на Северном Кавказе.....	60
<i>Кумпан В.А., Кумпан Е.Н.</i> Этноконфессиональная политика в отношении армян на Северо-Западном Кавказе в контексте российско-турецких отношений второй половины XIX в.	66

<i>Лазарян С.С.</i> Князь М.С. Воронцов и армяне	71
<i>Матвеев О.В.</i> Армяне в пространстве Западного фронта Кавказской войны	76
<i>Месропян К.Э.</i> Участие Армении и России в программах сотрудничества ЕС и СНГ: экономический аспект.....	81
<i>Мхитарян Э.М.</i> Туркманчайский договор в оценках русской исторической и общественно-политической мысли.....	84
<i>Пирумян Ю.А.</i> Боевые действия 153-го пехотного Бакинского полка на южных рубежах России и на армянских территориях	89
<i>Скорик А.П., Федина И.М.</i> Миграционное перемещение армян в кубанские станицы в 1920-е гг.: опыт создания национального района	94
<i>Хамада К.</i> Отношения между Армянской апостольской и Русской православной церквями в XVIII – начале XIX вв.	100
<i>Юрченко Н.Н., Гукасян М.А.</i> Интеграционный потенциал межэтнической коммуникации в контексте модернизационных процессов на юге России.....	104

РАЗДЕЛ II. ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ ЮГА РОССИИ

<i>Абрамян А.П.</i> Проблемы сохранения национальной идентичности армян степного Предкавказья в конце XVIII – первой половине XIX вв.	110
<i>Абрамян Р.М.</i> Материалы по генеалогии армян юга России в Центральном историческом архиве Москвы	114
<i>Аваков П.А.</i> Армяне на Дону в XVII–XVIII вв. (до 1779 г.)	120
<i>Арутюнян М.А.</i> Влияние агрессии Азербайджана против Нагорного Карабаха на миграционные потоки армян-беженцев на юг России.....	125
<i>Архипенко Н.А.</i> Универсальное и оригинальное в погребально-поминальной обрядности донских армян: к постановке проблемы.....	130
<i>Белоусов С.С.</i> Прошлое и настоящее армянской диаспоры Калмыкии.....	135
<i>Бондарев В.А., Скорик А.П.</i> Донские армяне в условиях советской действительности 1920-х гг.	140
<i>Вартумян А.А.</i> Армяне Краснодарского края: утраченная идентичность или приобретенное гражданство?	146

<i>Власкина Т.Ю.</i> Образ армянина в традиционной картине мира донских казаков.....	151
<i>Давтян А.С., Давтян Д.А.</i> К вопросу о численности армян-беженцев – жертв геноцида на юге Российской империи.....	157
<i>Казаров С.С.</i> Нахичевань-на-Дону в борьбе за сохранение национальной идентичности в начале XX в.	160
<i>Каранетян Л.А.</i> Партия Дашнакцутюн как фактор политико-правовой культуры армянской диаспоры Кубани в начале XX в.	165
<i>Кринко Е.Ф.</i> История армян юга России: мемориальная версия	171
<i>Ктиторов С.Н.</i> Духовные центры армянской общины Армавира (середина XIX – начало XX вв.).....	177
<i>Раздольский С.А.</i> Механизмы ассимиляционного процесса армянской и адыгской культур	182
<i>Саядов С.М.</i> Гуманитарный проект «Нахичеванской-на-Дону армянской общины» – армянская электронная энциклопедия «Хайазг»	186
<i>Сивков С.М.</i> Армяне Кубано-Черноморья в первой половине XX в.: попытка национальной самоидентификации.....	192
<i>Смеюха В.В.</i> Реализация национальной идентичности в журнале «Хачкар».....	197
<i>Сурмалян А.А.</i> Из истории армянской общины на Дону. Аспекты общественно-политической деятельности	201
<i>Тарасова Т.Т.</i> Армяне в межкультурном взаимодействии полиэтничного региона (на примере Большого Сочи).....	205
<i>Топчиянц Г.С.</i> Миграция, интеграция армян в Северо-Кавказский регион на примере отдельно взятой семьи	210
<i>Ференчук Г.П.</i> Армянская диаспора и культура формирования российской идентичности	212
<i>Хлынина Т.П., Курбат Т.Г.</i> «Армяне Таганрога» как гражданский проект и досуговая практика	216
<i>Царикаева А.Р., Царикаев А.Т.</i> Армянская диаспора в социокультурном пространстве нэповского Владикавказа	222
<i>Юрченко И.В., Зети П.П.</i> Адаптационные аспекты региональной безопасности в контексте миграционных процессов на юге России.....	226

**РАЗДЕЛ III. ВКЛАД АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОСВОЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА**

<i>Абрамян Р.А.</i> Вклад представителей армянской общины в экономическое и культурное развитие КМВ в конце XIX – первой трети XX вв.	232
<i>Бархударян В.Б.</i> Роль армянских общин в экономическом развитии южной России.....	235
<i>Великая Н.Н.</i> О хозяйственных занятиях армян Терского левобережья в XVIII – первой половине XIX вв.....	237
<i>Велиханова Т.Т., Данилян И.В., Мосесова К.Ю.</i> Роль армянского капитала в развитии экономики Дагестана в конце XIX – начале XX вв.	241
<i>Еремеева А.Н.</i> Армяне в культурной жизни юга России в годы Гражданской войны	246
<i>Ильюков Л.С.</i> Некоторые аспекты культурных связей населения Древней Армении	250
<i>Казарова Н.А.</i> Из истории армянской секции Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей (1926–1931 гг.).....	255
<i>Орлов С.С.</i> Заимствование ценностей в культуре черкесо-гаев.....	259
<i>Сапрыкина Е.С., Сапрыкина Л.Г.</i> Нахичевань-на-Дону глазами путешественников и ученых XVIII–XIX вв.....	262
<i>Саргсян Т.Э.</i> Об армянских культурных ценностях, вывезенных из Крыма.....	267
<i>Сериков А.В., Черноус В.В.</i> Донские армяне в контексте укрепления российской идентичности	273
<i>Тер-Саркисянц А.Е.</i> Из истории черкесо-гаев (черкесских армян).....	279
<i>Тикиджьян Р.Г.</i> Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII – начале XXI вв.	284
<i>Халидова О.Б.</i> Развитие образования и духовной культуры армян Дагестана в XIX в.	290
<i>Чолахян В.А.</i> Вклад армян в развитие науки, культуры и образования Нижнего Поволжья	294
<i>Швецов М.Л.</i> Армяне Донбасса: история, культура, содружество	300
<i>Шишкина Д.Ю.</i> Природопользование донских армян (конец XVIII – начало XX вв.)	305
<i>Яновский В.С.</i> Армяне в экономической, общественной и культурной жизни городов Кавказских Минеральных Вод в XIX – начале XX вв.....	310

**РАЗДЕЛ IV. ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ АРМЯНСКОГО НАРОДА
НА ЮГЕ РОССИИ**

<i>Авдулов Н.С.</i> Нахичевань в жизни и творчестве Мариэтты Шагинян	314
<i>Батиев Л.В.</i> С.Ф. Кечекьян и философия права Аристотеля.....	318
<i>Братолобова М.В.</i> М.С. Аджемов – представитель «второго эшелона» либерального движения.....	324
<i>Ванян Л.В.</i> Роль семьи Лазаревых в развитии русско-армянских отношений	329
<i>Вартанян В.Г.</i> Архиепископ Г. Айвазовский и основание Халибовского училища в Феодосии	334
<i>Геворкян Г.Г.</i> Образ Иосифа Аргутинского в работе Лео.....	340
<i>Герасимова Ю.Н.</i> «Управлять народом и из опасения заискивать у него невозможно»: о реформаторской деятельности М.Т. Лорис-Меликова в Терской области	345
<i>Гришин В.В.</i> Армяне-летчики в Великой Отечественной войне.....	350
<i>Мирзоян С.С.</i> О дворянском роде Ломизе	356
<i>Морозова О.М.</i> Красный кавалерист Осипянц: отзвук 1915 г.	361
<i>Невежин В.А.</i> Армяне – уроженцы юга России на приеме в Кремле (4 ноября 1939 г.).....	366
<i>Панкова-Козочкина Т.В.</i> Моисей Сергеевич Аджемов: грани судьбы донского армянина на фоне эпохи	372
<i>Санеев С.А.</i> Начальник Черноморского округа Б.М. Шелковников	378
<i>Смирнов В.В.</i> Публицистика М. Шагинян в «Приазовском крае» (1918–1919 гг.): актуальность культурно-исторической тематики	383
<i>Стецура Ю.А.</i> Выдающиеся армяне Армавира и их вклад в историю и культуру города, региона, страны	389
<i>Халпахчян В.О.</i> Итальянский художник – уроженец Нахичевани-на-Дону Григорий Иванович Шилтян (1900–1985): жизнь и творчество	395
Сведения об авторах	401

TABLE OF CONTENTS

Academician RAS Matishov, G.G. Foreword 5

SECTION I. THE ARMENIANS AND ARMENIA IN THE STATE POLICY OF RUSSIA IN THE SOUTH OF THE COUNTRY

Gomtsyan, A.D. Armenian-Russian relationships at the current stage
of development 8

Akopyan, V.Z. Ethnic rural councils of people's deputies (selsoviets)
in the South of RSFSR (the USSR) in the 1920s – 1930s 11

Arutyunyan, G.M. The role of Armenians in the defence of the interests
of Russia in the Northern Caucasus 17

Arutyunyan, Yu.V. Armenians – the citizens of Russia (by the materials
of ethno-sociological study) 22

Asvatsaturova, M.A. Self-organization of the Armenian diasporas against
the background of strengthening of the Russian identity in the ethno-political
space of the Northern Caucasus Federal District of Russia 28

Afanasenko, V.I. The line of immortal heroic deed (the defence
of the Armenian villages in the Rostov Region in autumn 1941) 32

Bagdasaryan, N.E. The policy of the Tsarist Russia toward the Khan
regime in Karabakh in the first quarter of the 19th century 38

Garunova, N.N. The impact of resettlement policy of Russia
in the Northeastern Caucasus on the dynamics of the Armenian
population of Kizlyar in the 18-19th centuries 43

Goryushina, E.M. The southern macro-region of Russia and Armenia: non-
efficiency of transboundary co-operation within the framework of the
European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) 49

Ivantsov, I.G. Little-known facts of the history of Armenian District
in 1920–1930s 55

Klychnikov, Yu.Yu. «Having got the highlanders into the habit
of marketing all products of land through them since
the ancient times...»: the role of the Armenian merchants
in the Russian policy in the Northern Caucasus 60

Kumpan, V.A. and E.N. Kumpan. Ethno-confessional policy toward the
Armenians in the Northwestern Caucasus in the context of the Russian-
Turkish relationships of the second half of the 19th century 66

Lazaryan, S.S. Prince M.S. Vorontsov and the Armenians 71

Matveev, O.V. The Armenians at the Western Front of the Caucasian War 76

<i>Mesropyan, K.E.</i> Participation of Armenia and Russia in the EU-CIS Co-operation Programmes: an economic aspect	81
<i>Mkhitaryan, E.M.</i> The Treaty of Turkmanchai in the assessments of the Russian historical, social-political thoughts	84
<i>Pirumyan, Yu.L.</i> Hostilities of the 153 rd Baku infantry regiment on the southern frontiers of the Russian Empire and in Western Armenia	89
<i>Skorik, A.P. and I.M. Fedina.</i> Migratory resettlement of the Armenians to the Kuban stanitsas (the Cossacks villages) in the 1920s: practice of establishment of an ethnic district	94
<i>Khamada, K.</i> Relationships between the Armenian Apostolic Church and the Russian Orthodox Church in the 18 th – early 19 th centuries	100
<i>Yurchenko, N.N. and M.A. Gukasyan.</i> Integration potential of inter-ethnic communication in the context of modernization processes in the South of Russia	104

SECTION II. FORMATION AND CURRENT STATUS OF THE ARMENIAN COMMUNITY OF THE SOUTH OF RUSSIA

<i>Abramyan, L.P.</i> The problems of cultural identity preservation of the Forecaucasus steppe Armenians in the end of the 18 th – the first half of the 19 th centuries	110
<i>Abramyan, R.M.</i> Materials and data on the genealogy of the Armenians of the South of Russia at the Central Historical Archives of Moscow	114
<i>Avakov, P.A.</i> The Armenians in the Don Region in the 17–18 th centuries (until 1779)	120
<i>Arutyunyan, M.A.</i> The impact of Azerbaijan aggression against Nagorno-Karabakh on migration flows of the Armenians – refugees to the South of Russia	125
<i>Arkhipenko, N.A.</i> Universal and original in the burial-funeral and commemorative feast rituals of the Don Armenians: on the way a problem is stated	130
<i>Belousov, S.S.</i> The past and the present of the Armenian diaspora of Kalmykia	135
<i>Bondarev, V.A. and A.P. Skorik.</i> The Don Armenians under the conditions of the Soviet reality of the 1920s	140
<i>Vartumyan, A.A.</i> The Armenians of the Krasnodar Krai (Russia): the lost identity or obtained citizenship?	146

<i>Vlaskina, T.Yu.</i> The image of an Armenian in the traditional worldview of the Don Cossacks	151
<i>Davtyan, A.S. and D.A. Davtyan.</i> On the abundance of the Armenians-refugees – the victims of the genocide in the South of the Russian Empire	157
<i>Kazarov, S.S.</i> Nakhichevan-on-Don in the struggle for preservation of ethnic identity in the early 20 th century	160
<i>Karapetyan, L.A.</i> The Dashnaksutyun party as a factor of political-legal culture of the Kuban Armenian diaspora in the early 20 th century	165
<i>Krinko, E.F.</i> The history of the Armenians of the South of Russia: memorial version	171
<i>Ktitorov, S.N.</i> Spiritual centres of the Armenian community of Armavir (the middle 19 th – early 20 th centuries)	177
<i>Razdol'skiy, S.A.</i> The mechanisms of assimilation process of the Armenian and Adyghe cultures	182
<i>Sayadov, S.M.</i> The humanitarian project of «Nakhichevan-on-Don's armenian community» – armenian electronic encyclopedia «Hayazg»	186
<i>Sivkov, S.M.</i> The Armenians of the Kuban-Black Sea Region in the first half of the 20 th century: an endeavour of ethnic self-identification	192
<i>Smeyukha, V.V.</i> Implementation of ethnic identity in the Khachkar journal	197
<i>Surmalyan, A.A.</i> From the history of armenian community in the Don: the aspects of social and political activity	201
<i>Tarasova, T.T.</i> The Armenians in the inter-cultural relationships of the poly-ethnic region (the Big Sochi being exemplified)	205
<i>Topchiyants, G.S.</i> Migration, integration of the Armenians into the North-Caucasus Region with one family being exemplified	210
<i>Ferenchuk, G.P.</i> The Armenian diaspora and the culture of the Russian identity formation	212
<i>Khlynina, T.P. and T.G. Kurbat.</i> «The Armenians of Taganrog» as a civil project and leisure practice	216
<i>Tsarikaeva, A.R. and A.T. Tsarikaev.</i> The Armenian diaspora in the socio-cultural space of Vladikavkaz during the New Economic Policy (NEP)	222
<i>Yurchenko, I.V. and P.P. Zeti.</i> Adaptation aspects of the regional security in the context of migration processes in the South of Russia	226

**SECTION III. THE INPUT OF THE ARMENIAN POPULATION
INTO THE EXPLORATION AND DEVELOPMENT
OF THE SOUTHERN MACRO-REGION**

<i>Abramyan, R.A.</i> Input of the representatives of the Armenian community into the economic and cultural development of the Caucasus Mineral Waters Region (CMW) in the late 19 th – first third of the 20 th centuries	232
<i>Barkhudaryan, V.B.</i> The role of Armenian communities in the economic development of Southern Russia	235
<i>Velikaya, N.N.</i> On economic activities of the Armenians of the Terek left bank in the 18 th – first half of the 19 th century	237
<i>Velikhanova, T.T., Danilyan, I.V., Mosesova, C.Yu.</i> The role of the armenian capital in the development of economy Dagestan in late XIX – early XX age	241
<i>Eremeeva, A.N.</i> Armenians in the cultural life of the South of Russia in the years of the Civil War	246
<i>Il'yukov, L.S.</i> Some aspects of cultural links of the population of ancient Armenia	250
<i>Kazarova, N.A.</i> From the history of the Armenian Section of the North-Caucasus Association of Proletarian Writers (1926–1931)	255
<i>Orlov, S.S.</i> Values' borrowing in the culture of the Cherkesogais	259
<i>Saprykina, E.S. and L.G. Saprykina.</i> Nakhichevan-on-Don as seen by the travellers and scientists of the 18 th – 19 th centuries	262
<i>Sargsyan, T.E.</i> On the Armenian cultural values, withdrawn from the Crimea	267
<i>Serikov, A.V. and V.V. Chernous.</i> The Don Armenians in the context of strengthening of the Russian identity	273
<i>Ter-Sarkisyants, A.E.</i> From the history of the Cherkesogais (Cherkess Armenians)	279
<i>Tikidzh'yan, R.G.</i> The main formation and transformation stages of the Don Armenians ethno-social community in the late 18 th – early 21 st centuries: study problems	284
<i>Khalidova, O.B.</i> Development of education and spiritual culture of the Armenians of Dagestan in the 19 th century	290
<i>Cholakhyan, V.A.</i> The input of the Armenians into the development of science, culture, and education of the Lower Volga Region	294
<i>Shvetsov, M.L.</i> The Armenians of Donbass (history, culture, science, socio-economics)	300

<i>Shishkina, D.Yu.</i> The Don Armenians nature exploitation (the late 18 th – early 20 th centuries)	305
<i>Yanovskyi, V.S.</i> The Armenians in the economic, social-political and cultural life of the cities of the Caucasus Mineral Waters Region in the 19 th – early 20 th centuries	310

SECTION IV. OUTSTANDING REPRESENTATIVES OF THE ARMENIANS IN THE SOUTH OF RUSSIA

<i>Avdulov, N.S.</i> Nakhichevan in the life and creative works of Marietta Shaginyan	314
<i>Batiev, L.V.</i> S.F. Keчек'yan and Aristotle's philosophy of law	318
<i>Bratolyubova, M.V.</i> M.S. Adzhemov – a representative of «the second echelon» of the liberal movement	324
<i>Vanyan, L.V.</i> The role of the Lazarevs in the development of the Russian-Armenian relationships	329
<i>Vartanyan, V.G.</i> Archbishop G. Aivazovsky and establishment of the Khalibov School/College in Feodosiya (Theodosia)	334
<i>Gevorkyan, G.G.</i> The image of Josef Arghouthian in the Leo work	340
<i>Gerasimova, Yu.N.</i> «To govern people and fawn upon them of misgiving at the same time is impossible»: about the reforming activities of M.T. Loris-Melikov in the Tersk Region	345
<i>Grishin, V.V.</i> The Armenians – pilots of the Great Patriotic War	350
<i>Mirzoyan, S.S.</i> About the Lomize noble family	356
<i>Morozova, O.M.</i> The Red Cavalryman Osipyants: echo of 1915	361
<i>Nevezhin, V.A.</i> Armenians – the natives of the South of Russia at the reception in the Kremlin (4 November 1939)	366
<i>Pankova-Kozochkina, T.V.</i> Moisei (Moses) Sergeevich Adzhemov: the sides of destiny of a Don Armenian against the epoch	372
<i>Saneev, S.A.</i> The commander of the Black Sea Region B.M. Shelkovnikov	378
<i>Smirnov, V.V.</i> Publicistic of M. Shaginyan in «The Priazovskiy Krai» (1918 – 1919): urgency of the cultural-historical topic	383
<i>Stetsura, Yu.A.</i> Outstanding Armenians of Armavir and their input into the history and culture of the city, region, country	389
<i>Khalpakhch'yan, V.O.</i> Italian painter – a native of Nakhichevan-on-Don Grigory Ivanovich Shiltyan (1900–1985): life and creative work	395
Information about the authors	401

Научное издание

**АРМЯНЕ ЮГА РОССИИ:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ**
Материалы Всероссийской научной конференции
30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону

Корректоры: С.А. Шестак, А.А. Яковлева
Верстка С.А. Шестак
Перевод Р.Г. Михалюк
Обложка Н.З. Джинчарадзе

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arno Pro. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,15. Тираж 300 экз.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21